Left: Original Russian. Right: Machine translation. Editing the right side is a work in progress.
Version 1, 2022.10

Александр Орлов

Тайная история сталинских преступлений

Alexander Orlov

The Secret History of Stalin's Crimes

ОГЛАВЛЕНИЕ

CONTENTS

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я не принадлежу к какой бы то ни было политической партии или группе. В этой книге я не преследую никаких политических или узкопартийных целей. Моя единственная задача - предать гласности тайную историю преступлений, совершённых Сталиным, и таким образом восстановить те недостающие звенья, без которых трагические события, произошедшие в СССР, приобретают характер неразрешимой загадки.

Вплоть до 12 июля 1938 года я был членом Всесоюзной коммунистической партии, и советское правительство последовательно доверяло мне ряд ответственных постов. Я принимал активное участие в гражданской войне, сражался в рядах Красной армии на Юго-восточном фронте, где командовал партизанскими отрядами, действовавшими в тылу врага, и отвечал

PREFACE

I do not belong to any political party or group. I am not pursuing any political or partisan goals in this book. My only task is to publicize the secret history of the crimes committed by Stalin, and thus restore those missing links, without which the tragic events that took place in the USSR acquire the character of an unsolvable riddle.

Until July 12, 1938, I was a member of the All-Union Communist Party, and the Soviet government consistently entrusted me with a number of responsible posts. I took an active part in the civil war, fought in the ranks of the Red Army on the Southeastern Front, where I commanded partisan detachments operating behind enemy lines, and was also responsible for counterintelligence.

также за контрразведку.	
Когда гражданская война кончилась, ЦК партии назначил меня помощником прокурора в Верховный суд. Здесь я принимал участие, между прочим, в разработке первого советского уголовного кодекса.	When the civil war ended, the Central Committee of the Party appointed me assistant prosecutor to the Supreme Court. Here I took part, among other things, in the development of the first Soviet criminal code.
В 1924 году я был назначен заместителем председателя Экономического управления ОГПУ (в дальнейшем получившего наименование НКВД). На меня были возложены государственный надзор за реконструкцией советской промышленности и борьба со взяточничеством. Затем меня перебросили в Закавказье, в погранвойска, и я начал командовать подразделением, которое несло охрану границы с Ираном и Турцией.	In 1924, I was appointed deputy chairman of the Economic Department of the OGPU (later called the NKVD). I was entrusted with state supervision of the reconstruction of Soviet industry and the fight against bribery. Then I was transferred to the Transcaucasus, to the border troops, and I began to command a unit that guarded the border with Iran and Turkey.
В 1926 году меня назначили начальником экономического отдела Иностранного управления ОГПУ. и уполномоченным госконтроля, отвечавшим за внешнюю торговлю.	In 1926, I was appointed head of the economic department of the Foreign Directorate of the OGPU. and authorized state control, responsible for foreign trade.
1936 год ознаменовался началом гражданской войны в Испании. Политбюро направило меня туда - советником республиканского правительства - для организации контрразведки и партизанской войны в тылу противника. В Испанию я прибыл в сентябре 1936 года и оставался гам до 12 июля 1938 года - дня, когда я порвал со сталинским режимом.	1936 marked the start of the Spanish Civil War. The Politburo sent me there - as an adviser to the republican government - to organize counterintelligence and guerrilla warfare behind enemy lines. I arrived in Spain in September 1936 and stayed until July 12, 1938, the day I broke with the Stalinist regime.
На тех должностях, что я занимал в ОГПУ-НКВД, мне удалось собрать, а затем и вывезти из СССР совершенно секретные сведения: о преступлениях Сталина, совершённых им, чтобы удержать в своих руках власть, о процессах, организованных им против вождей Октябрьской революции, и о его отношениях с людьми, чью гибель он подготовил.	In the positions that I held in the OGPU-NKVD, I managed to collect, and then take out of the USSR top secret information: about Stalin's crimes committed by him in order to keep power in his hands, about the processes organized by him against the leaders of the October Revolution, and about his relationship with the people whose death he prepared.
Я записывал указания, устно даваемые Сталиным руководителям НКВД на кремлёвских совещаниях; его указания следователям, как сломить сопротивление сподвижников Ленина и вырвать у них ложные признания; личные переговоры Сталина с некоторыми из его жертв и слова, произнесённые этими обречёнными в стенах Лубянки. Эти тщательно скрываемые секретные материалы я получал от самих следователей НКВД, многие из которых находились у меня в подчинении. Среди них был мой бывший заместитель Миронов (в дальнейшем - начальник Экономического управления НКВД, ставший одним из главных орудий Сталина при подготовке так называемых московских процессов) и Борис Берман, заместитель начальника Иностранного управления НКВД.	I wrote down the instructions verbally given by Stalin to the leaders of the NKVD at the Kremlin meetings; his instructions to investigators on how to break the resistance of Lenin's associates and extort false confessions from them; Stalin's personal negotiations with some of his victims and the words uttered by those doomed within the walls of the Lubyanka. I received these carefully concealed secret materials from the NKVD investigators themselves, many of whom were under my command. Among them was my former deputy Mironov (later head of the Economic Department of the NKVD, who became one of Stalin's main tools in preparing the so-called Moscow trials) and Boris Berman, deputy head of the Foreign Department of the NKVD.

В своих преступлениях Сталин не мог обойтись без надёжных помощников из НКВД. По мере того как рос список его злодеяний, увеличивалось и число соучастников. Опасаясь за свою репутацию в глазах мира, Сталин решил в 1937 году уничтожить всех доверенных лиц, чтобы никто из них не смог выступить в будущем свидетелем обвинения. Весной 1937 года были расстреляны без суда и следствия почти все руководители НКВД и все следователи, которые по его прямому указанию вырывали ложные признания у основателей большевистской партии и вождей Октябрьской революции. За ними последовали в небытиё тысячи энкаведистов - те, что по своему положению в НКВД могли в той или иной степени располагать секретной информацией о сталинских преступлениях.	In his crimes, Stalin could not do without reliable assistants from the NKVD. As the list of his atrocities grew, so did the number of accomplices. Fearing for his reputation in the eyes of the world, Stalin decided in 1937 to destroy all of his confidants so that none of them could testify for the prosecution in the future. In the spring of 1937, almost all the leaders of the NKVD and all the investigators who, on his direct orders, extorted false confessions from the founders of the Bolshevik Party and the leaders of the October Revolution, were shot without trial or investigation. They were followed into non-existence by thousands of NKVDists - those who, due to their position in the NKVD, could, to one degree or another, have secret information about Stalin's crimes.
Будучи в Испании, я узнал об аресте Ягоды, наркома внутренних дел. Там же до меня дошли известия об уничтожении всех моих бывших друзей и коллег, и, казалось, вот-вот наступит моя очередь. Тем не менее, я не мог открыто порвать со сталинским режимом. В Москве у меня оставалась мать, которая; согласно варварским сталинским законам, рассматривалась властями как заложница и которой угрожала смертная казнь в случае моего отказа вернуться в СССР. Точно в таком же положении была и мать моей жены.	While in Spain, I learned about the arrest of Yagoda, People's Commissar of Internal Affairs. In the same place, news reached me of the destruction of all my former friends and colleagues, and it seemed that my turn was about to come. However, I could not openly break with the Stalinist regime. In Moscow, I had a mother who; according to the barbaric Stalinist laws, was considered by the authorities as a hostage and threatened with the death penalty if I refused to return to the USSR. My wife's mother was in exactly the same position.
На фронтах Испании, особенно, когда я выезжал во фронтовую зону при подготовке наступления республиканских войск, я часто оказывался под сильной вражеской бомбежкой. В эти минуты я не раз ловил себя на мысли, что, если меня убьют при исполнении служебных обязанностей, угроза, нависшая над моей семьёй и нашими близкими, оставшимися в Москве, сразу рассеется. Такая судьба казалась мне более привлекательной, чем открытый разрыв с Москвой.	On the fronts of Spain, especially when I traveled to the front zone in preparation for the offensive of the Republican troops, I often found myself under heavy enemy bombing. During these moments, I often caught myself thinking that if I was killed in the line of duty, the threat looming over my family and our loved ones who remained in Moscow would immediately dissipate. Such a fate seemed to me more attractive than an open break with Moscow.
Но это было проявлением малодушия. Я продолжал свою работу среди испанцев, восхищавших меня своим мужеством, и мечтал о том, что, быть может, Сталин падёт от руки одного из своих сообщников или что ужас кошмарных московских "чисток" минует как-нибудь сам собой.	But it was a manifestation of cowardice. I continued my work among the Spaniards, who admired me for their courage, and dreamed that perhaps Stalin would fall at the hands of one of his accomplices, or that the horror of the nightmarish Moscow "purges" would somehow pass by itself.
В августе 1937 года я получил телеграмму от Слуцкого, начальника Иностранного управления НКВД. В ней сообщалось, что секретные службы Франко и гитлеровской Германии разработали планы моего похищения из Испании, чтобы выпытать у меня сведения о размерах помощи, оказываемой испанцам Советским Союзом.	In August 1937, I received a telegram from Slutsky, head of the Foreign Directorate of the NKVD. It reported that the secret services of Franco and Nazi Germany had developed plans for my abduction from Spain in order to extort from me information about the amount of assistance provided to the Spaniards by the Soviet Union.
Слуцкий сообщал также, что НКВД собирается прислать мне	Slutsky also reported that the NKVD was going to send me a

личную охрану из двенадцати, человек, которая отвечала бы за мою безопасность и сопровождала меня во всех поездках. Мне тотчас пришло в голову, что в первую очередь этой "личной охране" будет поручено ликвидировать меня самого. Я телеграфировал Слуцкому, что в личной охране не нуждаюсь, поскольку мой штаб круглосуточно охраняется испанской "гражданской гвардией", а за его пределами во всех поездках меня сопровождают вооружённые агенты испанской тайной полиции. Это, кстати; соответствовало действительности.	bodyguard of twelve, a person who would be responsible for my safety and accompany me on all trips. It immediately occurred to me that the first task of this "personal guard" would be to liquidate myself. I telegraphed Slutsky that I did not need personal protection, since my headquarters was guarded around the clock by the Spanish "civil guard", and outside it, armed agents of the Spanish secret police accompanied me on all trips. This, by the way; corresponded to reality.
Советская личная охрана так и не была прислана, однако этот случай меня насторожил. Я начал подозревать, что Ежов, новый нарком внутренних дел, по-видимому, приказал своим секретным "подвижным группам" убить меня здесь же, в Испании. Предвидя такой оборот, я послал во фронтовую зону одного из своих помощников с заданием отобрать из немецкой интербригады и доставить ко мне десяток преданных коммунистов, накопивших достаточный боевой опыт. Эти люди стали моими постоянными спутниками. Вооружённые автоматами и связками ручных гранат, подвешенными к поясу, они неотлучно сопровождали меня.	The Soviet personal guards were never sent, but this case alerted me. I began to suspect that Yezhov, the new People's Commissar of Internal Affairs, apparently ordered his secret "mobile groups" to kill me here in Spain. Anticipating such a turn, I sent one of my assistants to the front zone with the task of selecting from the German international brigade and delivering to me a dozen devoted communists who had accumulated sufficient combat experience. These people have become my constant companions. Armed with machine guns and bundles of hand grenades suspended from their belts, they accompanied me incessantly.
В октябре 1937 года в Испанию прибыл Шпигельгляс, заместитель Слуцкого. Не кто иной, как он, за три месяца до этого организовал в Швейцарии убийство Игнатия Рейсса - резидента НКВД, отказавшегося вернуться в Москву. Шпигельгляс, у которого жена и дочь оставались в Советском Союзе, фактически в роли заложников, не был уверен в своей собственной участи и, вероятно, сам подумывал, как выйти из игры. Но это отнюдь не делало его менее опасным. У него не было в Испании никаких явных дел, и его приезд только укрепил мои подозрения, особенно когда я узнал, что он встречался в Мадриде с неким Володиным, который, как выяснилось, был прислан в Испанию Ежовым в качестве руководителя террористической "подвижной группы".	In October 1937 Shpigelglas, Slutsky's deputy, arrived in Spain. Three months earlier, none other than he had organized the murder of Ignatius Reiss in Switzerland, an NKVD resident who refused to return to Moscow. Shpigelglas, whose wife and daughter remained in the Soviet Union, in fact, as hostages, was not sure of his own fate and was probably thinking about how to get out of the game. But that didn't make him any less dangerous. He did not have any obvious business in Spain, and his arrival only strengthened my suspicions, especially when I learned that he met in Madrid with a certain Volodin, who, as it turned out, was sent to Spain by Yezhov as the head of a terrorist "mobile group" .
Шпигельглясу и Володину приходилось считаться с тем, что меня защищала моя собственная охрана, так что в случае покушения может возникнуть перестрелка с серьёзными потерями для обеих сторон, к чему ни тот, ни другой не привыкли. Мне пришло в голову, не приказала ли Москва Володину похитить мою четырнадцатилетнюю дочь и затем шантажировать меня, вынуждая вернуться в СССР. Мои мрачные подозрения настолько обострились, что я отправился в загородный дом, где жили жена с	Spiegelglas and Volodin had to reckon with the fact that I was protected by my own guards, so that in the event of an assassination attempt, a shootout could occur with serious losses for both sides, to which neither one nor the other was used to. It occurred to me that Moscow had ordered Volodin to kidnap my fourteen-year-old daughter and then blackmail me into returning to the USSR. My gloomy suspicions became so aggravated that I went to the country house where my wife and daughter lived, put them in a car and drove them to France.

дочерью, посадил их в машину и отвёз во Францию. Там, недалеко от испанской границы, мной была снята для них небольшая вилла. С ними я оставил надёжного телохранителя из испанской тайной полиции, который заодно исполнял и обязанности шофера. Сам я вернулся к своей работе в Барселоне.	There, not far from the Spanish border, I rented a small villa for them. With them I left a reliable bodyguard from the Spanish secret police, who also acted as a chauffeur. I myself returned to my work in Barcelona.
Я выжидал, откладывая свой разрыв с Москвой, поскольку сознавал, что, действуя таким образом, продлеваю жизнь моей матери и тещи.	I waited, postponing my break with Moscow, because I realized that by acting in this way, I was prolonging the life of my mother and mother-in-law.
Меня всё ещё не оставляла наивная надежда, что возможны какие-то перемены, что в Москве случится что-то такое, что положит конец кошмару бесконечного террора.	I still had a naive hope that some changes were possible, that something would happen in Moscow that would put an end to the nightmare of endless terror.
Наконец, Москва сама решила за меня. 9 июля 1938 года я получил телеграмму Ежова - в то время второго человека в стране после Сталина. Мне предписывалось выехать в Бельгию, в Антверпен, и 14 июля подняться на борт стоявшего там советского судна "Свирь" для совещания с "товарищем, известным вам лично". При этом давалось понять, что прибыть туда я должен в машине нашего парижского посольства, в сопровождении Бирюкова, советского генерального консула во Франции, который "может пригодиться в качестве посредника в связи с предстоящим важным заданием".	Finally, Moscow itself decided for me. On July 9, 1938, I received a telegram from Yezhov - at that time the second person in the country after Stalin. I was ordered to leave for Belgium, to Antwerp, and on July 14 to board the Soviet ship Svir, which was stationed there, for a conference with "a comrade known to you personally." At the same time, it was made clear that I should arrive there in the car of our Paris embassy, accompanied by Biryukov, the Soviet consul general in France, who "may come in handy as an intermediary in connection with the important task ahead."
Телеграмма была длинной и мудрёной. Ежов и те, кто перешли вместе с ним из аппарата ЦК в НКВД, были куда менее опытны, чем прежние энкаведистские главари, ныне ликвидированные. Эти люди так старались усыпить мои подозрения и делали это так неуклюже, что, сами того не желая, выдали своё тайное намерение. Было ясно, что "Свирь" станет моей плавучей тюрьмой. Я телеграфировал ответ: "Прибуду в Антверпен в назначенный день".	The telegram was long and tricky. Yezhov and those who moved with him from the apparatus of the Central Committee to the NKVD were much less experienced than the former NKVD leaders, now liquidated. These people tried so hard to lull my suspicions and did it so clumsily that, unwittingly, they betrayed their secret intention. It was clear that the Svir would become my floating prison. I telegraphed the answer: "I will arrive in Antwerp on the appointed day."
12 июля мои коллеги собрались перед нашим особняком в Барселоне, чтобы попрощаться со мной. Я чувствовал: они понимают, что меня ждёт западня, и уверены, что я в неё попадусь.	On July 12, my colleagues gathered in front of our mansion in Barcelona to say goodbye to me. I felt: they understand that a trap awaits me, and they are sure that I will fall into it.
Часа через два я был на французской границе. Попрощался с охраной и с агентом испанской тайной полиции, который привык повсюду сопровождать меня. Отсюда мой водитель - испанец доставил меня в гостиницу в Перпиньяне, где ждали жена и дочь. Мы сели в ночной экспресс и утром 13 июля прибыли в Париж. Я чувствовал себя так, словно сошел с тонущего корабля, - неожиданно, без заранее подготовленного плана, без надежды спастись.	Two hours later I was at the French border. I said goodbye to the guards and to the agent of the Spanish secret police, who was used to accompanying me everywhere. From here, my Spaniard driver took me to a hotel in Perpignan, where my wife and daughter were waiting. We boarded the night express and arrived in Paris on the morning of July 13th. I felt as if I had stepped off a sinking ship, suddenly, without a prearranged plan, without hope of escape.
Я знал, что НКВД располагает во Франции густой агентурной	I knew that the NKVD had a dense network of agents in France, and

сетью, и в течение сорока восьми часов агенты Ежова нападут на мой след. Значит, из Франции следовало выбираться как можно скорее.	within forty-eight hours Yezhov's agents would be on my trail. So, from France it was necessary to get out as soon as possible.
Единственным безопасным пристанищем представлялась мне Америка. Я позвонил в американское посольство и попросил посла, Вильяма Буллита. Был как раз канун французского национального праздника - дня взятия Бастилии, и мне ответили, что посла нет в городе. Тогда, по совету жены, мы направились в представительство Канады. Здесь я предъявил наши дипломатические паспорта и попросил канадские визы под тем предлогом, что хотел бы отправить семью в Квебек - провести там летний отпуск.	America seemed to me the only safe haven. I called the American embassy and asked for the ambassador, William Bullitt. It was just the eve of the French national holiday - Bastille Day, and they answered me that the ambassador was not in the city. Then, on the advice of my wife, we went to the Canadian representation. Here I presented our diplomatic passports and asked for Canadian visas under the pretext that I would like to send my family to Quebec for a summer vacation there.
СССР не имел с Канадой дипломатических отношений, так что можно было опасаться, что представительство откажет в просьбе. Но глава представительства, оказавшийся бывшим комиссаром Канады по делам иммиграции, отнёсся к нам сочувственно. Он любезно вручил мне письмо от своего имени к иммиграционным властям в Квебеке и попросил оказать мне помощь.	The USSR did not have diplomatic relations with Canada, so one could fear that the mission would refuse the request. But the head of the mission, who turned out to be a former Canadian Commissioner of Immigration, treated us sympathetically. He kindly handed me a letter in his name to the immigration authorities in Quebec and asked for help.
Одновременно с нами в здании представительства оказался и канадский пастор, каким-то образом связанный с трансатлантическим судоходством. Он сообщил, что канадский теплоход "Монклэр" как раз сегодня отправляется из Шербура, и ещё осталось несколько свободных кают. Я бросился в билетное агентство, жена побежала в гостиницу, где оставалась дочь. Все трое мы едва успели на вокзал к отходу поезда. Но спустя несколько часов благополучно поднялись на борт теплохода, а ещё через час с небольшим - покинули Европу.	At the same time as we were in the building of the representation was a Canadian pastor, somehow connected with transatlantic shipping. He said that the Canadian motor ship Montclair was leaving Cherbourg just today, and there were still a few free cabins left. I rushed to the ticket agency, my wife ran to the hotel where my daughter was staying. All three of us barely made it to the station before the train left. But a few hours later they safely boarded the ship, and an hour later they left Europe.
Моя дочь пускалась в это путешествие с лёгким сердцем. Она всё ещё оставалась в блаженном неведении относительно того, что произошло. Жена и я не знали, как объяснить ей, что она никогда больше не увидит своих подруг, обеих своих бабушек, родину.	My daughter embarked on this journey with a light heart. She was still blissfully unaware of what had happened. My wife and I did not know how to explain to her that she would never see her friends again, her two grandmothers, her homeland.
Начиная с 1926 года моя работа заставляла меня большую часть времени жить за границей, и любовь моей дочери к России и родному народу ничем не была омрачена. Из-за её болезни - она страдала суставным ревматизмом - у неё было мало возможностей наблюдать реальную жизнь и о страданиях своих соотечественников, не говоря уж о жестокостях сталинского режима, она вовсе ничего не знала. Мы с женой никогда не стремились развеять её иллюзии. Ей были свойственны глубокое отвращение к малейшей жестокости и бесконечное сочувствие	Since 1926, my work has forced me to live abroad most of the time, and my daughter's love for Russia and her native people has not been overshadowed by anything. Due to her illness - she suffered from articular rheumatism - she had few opportunities to observe real life and about the suffering of her compatriots, not to mention the cruelties of the Stalinist regime, she knew nothing at all. My wife and I never sought to dispel her illusions. She had a deep aversion to the slightest cruelty and an infinite sympathy for any human suffering; Realizing that because of her illness, her life might be too short, we tried to hide the

любому человеческому страданию; Понимая, что из-за болезни её жизнь может быть слишком коротка, мы старались утаить от неё правду - это относилось и к сталинской тирании, и вообще к несчастной доле русского народа.	truth from her - this also applied to Stalin's tyranny, and in general to the unfortunate lot of the Russian people.
Трудно было объяснить ей, что произошло с нашей семьёй. Но она поняла. Она слушала нас, обливаясь слезами. Мир, который она знала, оказался выдуманным, её иллюзии - разлетелись в пух и прах. Она знала, что её отец и мать отстаивали дело революции в гражданскую войну. Теперь ей было больно за нас. В один день она выросла и стала взрослой.	It was difficult to explain to her what had happened to our family. But she understood. She listened to us, shedding tears. The world that she knew turned out to be fictional, her illusions - scattered to smithereens. She knew that her father and mother championed the cause of the revolution in the civil war. Now she was hurting for us. One day she grew up and became an adult.
Сразу по прибытии в Канаду я написал большое письмо Сталину и копию его отправил Ежову. В нём я сказал Сталину, который лично знал меня ещё с 1924 года, что я думаю о его режиме. Но главный смысл письма был в другом. Я ставил своей целью спасти жизнь наших матерей. Умолять Сталина сохранить им жизнь, взывать к его милосердию было бесполезно. Я выбрал другой путь, более подходящий, когда речь идёт о Сталине. Со всей доступной мне решительностью я предупредил его, что если он посмеет выместить зло на наших матерях, я опубликую всё, что мне известно о нём .Чтобы показать, что это не пустая угроза, я составил и приложил к письму перечень его преступлений.	As soon as I arrived in Canada, I wrote a long letter to Stalin and sent a copy to Yezhov. In it, I told Stalin, who personally knew me since 1924, what I think of his regime. But the main meaning of the letter was different. I made it my goal to save the lives of our mothers. It was useless to beg Stalin to save their lives, to appeal to his mercy. I chose a different path, more suitable when it comes to Stalin. With all the decisiveness available to me, I warned him that if he dared to take out evil on our mothers, I would publish everything that I knew about him. To show that this was not an empty threat, I compiled and attached to the letter a list of his crimes.
Кроме того, я предостерёг его: если даже я буду убит его агентурой, историю его преступлений немедленно опубликует мой адвокат. Хорошо зная Сталина, я был уверен, что он примет мои предупреждения всерьёз.	In addition, I warned him: even if I was killed by his agents, the history of his crimes would immediately be published by my lawyer. Knowing Stalin well, I was sure that he would take my warnings seriously.
Я вступил в игру, опасную для себя и нашей семьи. Но я был убеждён, что Сталин отложит свою месть до тех пор, пока не достигнет наверняка поставленной им цели: похитить меня и заставить отдать мои тайные записки. Он постарается, конечно, в полной мере удовлетворить свою жажду мести, - но только после того, как убедится, что его преступления останутся нераскрытыми.	I have entered into a game that is dangerous to myself and our family. But I was convinced that Stalin would postpone his vengeance until he had achieved what he had clearly set out to do: kidnap me and force me to hand over my secret notes. He will try, of course, to fully satisfy his thirst for revenge - but only after he is convinced that his crimes will remain unsolved.
13 августа 1938 года, ровно через месяц после исчезновения из Испании, я прибыл в Соединённые Штаты с дипломатической визой, выданной мне главой американского представительства в Оттаве.	On August 13, 1938, exactly one month after my disappearance from Spain, I arrived in the United States with a diplomatic visa issued to me by the head of the American legation in Ottawa.
По прибытии в США мы с моим адвокатом сразу же направились в Вашингтон. Здесь я сделал заявление комиссару по делам иммиграции о том, что порываю с правительством своей страны и прошу политического убежища.	Upon arrival in the United States, my lawyer and I immediately went to Washington. Here I made a statement to the Commissioner of Immigration that I am breaking with the government of my country and asking for political asylum.

Охота за мной началась тотчас же и продолжалась четырнадцать лет. В этом противоборстве на стороне Сталина были колоссальное политическое могущество и полчища тайных агентов. На моей стороне - только моё умение предвидеть и опознавать их уловки, да ещё самоотверженность и храбрость моих близких - жены и дочери.	The hunt for me began immediately and continued for fourteen years. In this confrontation, Stalin had colossal political power and hordes of secret agents on his side. On my side - only my ability to anticipate and recognize their tricks, and even the dedication and courage of my loved ones - my wife and daughter.
Все эти годы мы избегали писать нашим матерям и даже нашим друзьям в СССР, не желая подвергать их жизнь опасности. Никаких известий об их судьбе мы не имели.	All these years we avoided writing to our mothers and even to our friends in the USSR, not wanting to endanger their lives. We had no news of their fate.
В начале 1953 года мы с женой решили, что матерей наших уже нет в живых и можно рискнуть опубликовать эту книгу. В феврале я начал переговоры о публикации некоторых разделов с одним из редакторов журнала "Лайф". Переговоры ещё шли, когда умер Сталин. Я был страшно разочарован, что он не протянул ещё немного, - тогда бы он увидел разошедшуюся по всему миру тайную историю своих преступлений и убедился, что все его старания утаить их оказались тщетными.	At the beginning of 1953, my wife and I decided that our mothers were no longer alive and we could risk publishing this book. In February, I began negotiations on the publication of some sections with one of the editors of Life magazine. Negotiations were still going on when Stalin died. I was terribly disappointed that he did not hold out a little longer - then he would have seen the secret history of his crimes spread throughout the world and be convinced that all his efforts to hide them were in vain.
Смерть Сталина не означала, что я мог больше не опасаться за свою жизнь. Кремль по-прежнему ревниво оберегает свои тайны и сделает всё, что в его власти, чтобы разделаться со мной, - хотя бы в назидание тем, кто испытывает соблазн последовать моему примеру.	Stalin's death did not mean that I could no longer fear for my life. The Kremlin still jealously guards its secrets and will do everything in its power to deal with me - if only as a warning to those who are tempted to follow my example.
Александр Орлов Нью-Йорк, июнь 1953 г.	Alexander Orlov New York, June 1953
ПРОВОКАЦИЯ 1 декабря 1934 года молодой коммунист Леонид Николаев вошёл в здание Смольного и выстрелом из револьвера убил наповал члена Политбюро Сергея Мироновича Кирова, главу ленинградской партийной организации. Убийцу схватили на месте преступления. Из Москвы немедленно выехала в Ленинград специальная комиссия, возглавляемая Сталиным, чтобы расследовать обстоятельства убийства.	PROVOCATION On December 1, 1934, a young communist, Leonid Nikolaev, entered the Smolny building and, with a revolver shot, killed Sergei Mironovich Kirov, a member of the Politburo, the head of the Leningrad party organization, on the spot. The killer was caught at the scene of the crime. A special commission headed by Stalin immediately left Moscow for Leningrad to investigate the circumstances of the murder.
Подробности этого преступления остались неопубликованными. Кто такой был этот Николаев? Как он ухитрился пробраться в строго охраняемый Смольный? Как ему удалось приблизиться вплотную к Кирову? Какие причины толкнули его на этот отчаянный шаг - политические или личные? Все обстоятельства преступления оказались окутаны покровом глубокой тайны.	The details of this crime remained unpublished. Who was this Nikolaev? How did he manage to get into the heavily guarded Smolny? How did he manage to get close to Kirov? What reasons pushed him to this desperate step - political or personal? All the circumstances of the crime were shrouded in deep secrecy.
В первом правительственном заявлении утверждалось, что убийца Кирова - один из белогвардейских террористов, которые якобы проникают в Советский Союз из Финляндии, Латвии и Польши. Несколькими днями позже советские газеты сообщили, что	The first government statement claimed that Kirov's killer was one of the White Guard terrorists allegedly infiltrating the Soviet Union from Finland, Latvia and Poland. A few days later, Soviet newspapers reported that 104 White Guard terrorists had been caught and shot by the NKVD.

органами НКВД поймано и расстреляно 104 террориста-белогвардейца. Газетами была начата бурная кампания против "окопавшихся на Западе" белогвардейских организаций (в первую очередь Российского Общевоинского союза), которые дескать "уже не впервые посылают своих эмиссаров в Советский Союз с целью совершения террористических актов".	The newspapers launched a violent campaign against the White Guard organizations "entrenched in the West" (primarily the Russian All-Military Union), which allegedly "send their emissaries to the Soviet Union for the purpose of committing terrorist acts not for the first time."
Столь определённые заявления, особенно казнь 104 х белогвардейских террористов, заставляли думать, что участие русских эмигрантских организаций в убийстве Кирова полностью установлено следственными органами. Однако на шестнадцатый день после убийства (как по мановению волшебной палочки) картина полностью изменилась. Новая версия, появившаяся в советских газетах, возлагала ответственность за убийство Кирова теперь уже на троцкистско-зиновьевскую оппозицию. В один и тот же день, словно по команде, газеты открыли ожесточённую кампанию против лидеров этой уже отошедшей в прошлое оппозиции. Зиновьев, Каменев и многие другие бывшие оппозиционеры были арестованы. Близкий в те дни к Сталину журналист Карл Радек писал в "Известиях": "Каждый коммунист знает, что теперь партия раздавит железной рукой остатки этой банды... Они будут разгромлены, уничтожены и стёрты с лица земли!" Ненависть Сталина к бывшим лидерам оппозиции была хорошо известна. Поэтому в социалистических кругах за рубежом начали выражать опасение, как бы он не использовал смерть Кирова в качестве предлога для расправы с Зиновьевым и Каменевым. Некоторые иностранные газеты пустили слух, что Зиновьев и Каменев уже тайно казнены. Советские власти сочли необходимым опровергнуть эти слухи, а 22 декабря последовало сообщение ТАСС о том, что "ввиду недостатка улик" дело Зиновьева и Каменева будет рассматриваться не судом, а "Особым совещанием при НКВД СССР".	Such definite statements, especially the execution of 104 White Guard terrorists, made us think that the participation of Russian émigré organizations in the assassination of Kirov was fully established by the investigating authorities. However, on the sixteenth day after the murder (as if by magic), the picture completely changed. The new version, which appeared in the Soviet newspapers, blamed the murder of Kirov now on the Trotskyist-Zinoviev opposition. On the same day, as if on cue, the newspapers launched a fierce campaign against the leaders of this now defunct opposition. Zinoviev, Kamenev and many other former oppositionists were arrested. Journalist Karl Radek, who was close to Stalin in those days, wrote in Izvestia: "Every communist knows that now the party will crush the remnants of this gang with an iron hand ... They will be crushed, destroyed and wiped off the face of the earth!" Stalin's hatred of former opposition leaders was well known. Therefore, fears began to be expressed in socialist circles abroad that he would use Kirov's death as a pretext for reprisals against Zinoviev and Kamenev. Some foreign newspapers started a rumor that Zinoviev and Kamenev had already been secretly executed. The Soviet authorities considered it necessary to refute these rumors, and on December 22, TASS reported that "due to lack of evidence," the case of Zinoviev and Kamenev would not be considered by the court, but by a "Special Meeting of the NKVD of the USSR."
Итак, на протяжении немногим более двух недель советское правительство опубликовало две прямо противоположные версии убийства Кирова, - сначала обвинив в этом белогвардейцев, проникших из-за рубежа, а затем бывших вожаков оппозиции. Естественно, советские граждане с нетерпением ожидали судебного процесса, надеясь услышать, что скажет на суде сам Николаев.	And so, over the course of a little over two weeks, the Soviet government published two diametrically opposed versions of Kirov's assassination - first blaming it on the White Guards who had infiltrated from abroad, and then on the former leaders of the opposition. Naturally, Soviet citizens were looking forward to the trial, hoping to hear what Nikolaev himself would say at the trial.
Однако им не суждено было этого узнать. 28 декабря было официально опубликовано обвинительное заключение, где утверждалось, что Николаев и тринадцать других лиц являлись	However, they were not destined to find out. On December 28, the indictment was officially published, alleging that Nikolaev and thirteen other persons were participants in the conspiracy, and the very next day

участниками заговора, а уже на следующий день газеты сообщили, что все четырнадцать были приговорены к смертной казни на закрытом судебном заседании, и приговор приведён в исполнение. Ни в обвинительном заключении, ни в тексте приговора ни словом не упоминалось о какой-либо причастности Зиновьева и Каменева к убийству Кирова.	the newspapers reported that all fourteen were sentenced to death in a closed court session, and the sentence was carried out. Neither in the indictment nor in the text of the verdict was there any mention of any involvement of Zinoviev and Kamenev in the assassination of Kirov.
То обстоятельство, что Николаева судил тайный трибунал, ещё более усиливало всеобщее недоверие к официальной версии событий, возникшее из-за противоречивых правительственных заявлений. Вставал вопрос: что помешало погасить бродившие в народе слухи, поставив Николаева перед публичным судом? Никто не сомневался, что Кирова убил именно этот человек, схваченный на месте преступления. К чему же вся эта секретность? Что в этом деле было такого, что Сталин не мог вынести на открытый судебный процесс? В эти дни меня не было в Советском Союзе, и я мог судить обо всём этом только по официальным сообщениям, появлявшимся в московских газетах. Но с самого начала я был уверен, что дело нечисто: не заслуживали доверия ни первая ("белогвардейская") версия Кремля, ни версия о виновности Зиновьева и Каменева.	The fact that Nikolaev was tried by a secret tribunal further reinforced the general distrust of the official version of events, which arose due to conflicting government statements. The question arose: what prevented the rumors that were circulating among the people from being extinguished by putting Nikolaev before a public court? No one doubted that it was this man who had been captured at the scene of the crime that killed Kirov. Why all this secrecy? What in this case was such that Stalin could not bring to an open trial? These days I was not in the Soviet Union, and I could judge all this only from the official reports that appeared in the Moscow newspapers. But from the very beginning, I was sure that the matter was not clean: neither the first ("White Guard") version of the Kremlin, nor the version about the guilt of Zinoviev and Kamenev, was credible.
Первую версию я не мог принять всерьёз потому, что она содержала басню о ста четырёх казнённых белогвардейских террористах. Как бывший начальник погранохраны закавказских республик я прекрасно знал, что через строго охраняемые границы СССР террористы просто не могли нагрянуть в таком количестве. Кроме того, в условиях жёсткой советской паспортной системы и всеохватывающего полицейского надзора сто четыре террориста никак не могли одновременно скрываться в Ленинграде. Всё это выглядело тем более подозрительно, что, вопреки обыкновению, газеты, сообщая об их казни, не упомянули даже их имён.	I could not take the first version seriously because it contained a fable about one hundred and four executed White Guard terrorists. As a former head of the border guard of the Transcaucasian republics, I knew perfectly well that terrorists simply could not swoop in in such numbers through the strictly guarded borders of the USSR. In addition, under the conditions of a rigid Soviet passport system and all-encompassing police surveillance, one hundred and four terrorists could not hide in Leningrad at the same time. All this looked all the more suspicious because, contrary to custom, the newspapers, reporting on their execution, did not even mention their names.
Другая версия - об участии Зиновьева и Каменева в убийстве Кирова - была не менее абсурдной. Из истории партии я отлично знал, что большевики всегда были против индивидуального террора и не прибегали к террористическим актам даже в борьбе против царя и его министров. Они считали подобные методы неэффективными и порочащими революционное движение. А кроме того, Зиновьев и Каменев не могли не отдавать себе отчёта в том, что убийство Кирова было бы на руку именно Сталину, который не преминет воспользоваться им для уничтожения бывших вожаков	Another version - about the participation of Zinoviev and Kamenev in the murder of Kirov - was no less absurd. From the history of the party, I knew very well that the Bolsheviks were always against individual terror and did not resort to terrorist acts even in the struggle against the tsar and his ministers. They considered such methods ineffective and discrediting the revolutionary movement. And besides, Zinoviev and Kamenev could not but be aware that the assassination of Kirov would be in the hands of Stalin, who would not fail to use it to destroy the former leaders of the opposition. And so it happened.

оппозиции. Так и случилось.	
23 января 1935 года, почти через месяц после расстрела Николаева, в газетах было объявлено, что начальник ленинградского управления НКВД Филипп Медведь, его заместитель Запорожец и десять других энкаведистов на закрытом заседании Верховного суда приговорены к лишению свободы по обвинению в том, что, "получив сведения о готовящемся покушении на С. М. Кирова... не приняли необходимых мер для предотвращения убийства".	On January 23, 1935, almost a month after the execution of Nikolaev, it was announced in the newspapers that the head of the Leningrad department of the NKVD Philip Medved, his deputy Zaporozhets and ten other NKVD members were sentenced to imprisonment in a closed session of the Supreme Court on the charge that, "having received information about the impending assassination attempt on S. M. Kirov ... did not take the necessary measures to prevent the murder.
Приговор поразил меня своей необычной мягкостью. Только один из подсудимых получил десятилетний срок заключения; все же остальные, включая самого Медведя и его заместителя Запорожца, получили от двух до трёх лет. Всё это выглядело тем более странным, что убийство Кирова должно было рассматриваться Сталиным как угроза не только его политике, но и ему лично: если сегодня НКВД прохлопал Кирова, завтра в такой же опасности может оказаться он сам. Каждый, кто знал Сталина, не сомневался, что он наверняка прикажет расстрелять народного комиссара внутренних дел Ягоду и потребует казни всех, кто нёс ответственность за безопасность Кирова. Он должен был так поступить хотя бы в назидание другим энкаведистам, чтобы не забывали, что за гибель вождей они в прямом смысле слова отвечают головой.	The verdict struck me with its unusual gentleness. Only one of the defendants received a ten-year sentence; all the rest, including Medved himself and his deputy Zaporozhets, received two to three years. All this looked all the more strange because the assassination of Kirov should have been considered by Stalin as a threat not only to his policy, but also to him personally: if today the NKVD slammed Kirov, tomorrow he himself might be in the same danger. Everyone who knew Stalin had no doubt that he would certainly order the execution of the People's Commissar of Internal Affairs Yagoda and demand the execution of all those who were responsible for the security of Kirov. He had to do this, at least as an example to other NKVD members, so that they would not forget that they are literally responsible for the death of leaders with their heads.
Самым же странным мне показалось то, что Сталин, едва получив сообщение об убийстве Кирова, отважился лично выехать в Ленинград. Я прекрасно знал, как относился он к собственной безопасности, и его поездка в Ленинград в такой неспокойной обстановке выглядела как нечто из ряда вон выходящее.	But the strangest thing seemed to me that Stalin, having barely received a message about the murder of Kirov, ventured to personally go to Leningrad. I knew perfectly well how he felt about his own safety, and his trip to Leningrad in such a turbulent environment looked like something out of the ordinary.
Необычайную осторожность Сталина и его постоянный страх за собственную жизнь лучше всего иллюстрируют такие примеры.	Stalin's extraordinary caution and his constant fear for his own life are best illustrated by such examples.
Известно, что во время официальных торжеств на Красной площади Сталин появлялся на мавзолее, охраняемый отборными воинскими частями и массой телохранителей из НКВД. Тем не менее под кителем он всегда носил массивный пуленепробиваемый жилет, специально изготовленный для него в Германии.	It is known that during official celebrations on Red Square, Stalin appeared on the mausoleum, guarded by selected military units and a mass of bodyguards from the NKVD. Nevertheless, under his tunic he always wore a massive bulletproof vest, specially made for him in Germany.
Чтобы быть уверенным в собственной безопасности во время частых поездок в загородную резиденцию, Сталин потребовал от НКВД выселить три четверти жителей улиц, по которым он проезжал, и предоставить освободившиеся комнаты сотрудникам	In order to be sure of his own safety during his frequent trips to the country residence, Stalin demanded that the NKVD evict three-quarters of the inhabitants of the streets along which he passed, and provide the vacant rooms to the NKVD officers. The 35-kilometer Stalinist route

НКВД. 35-километровый сталинский маршрут от Кремля до загородной дачи днём и ночью охранялся сотрудниками "органов", дежурившими здесь в три смены, каждая из которых насчитывала тысячу двести человек.	from the Kremlin to the suburban dacha was guarded day and night by employees of the "organs" who were on duty here in three shifts, each of which numbered one thousand two hundred people.
Сталин не рисковал свободно передвигаться даже по территории Кремля. Когда он покидал свои апартаменты и переходил, например, в Большой кремлёвский дворец, охранники усердно разгоняли прохожих с его пути, невзирая на их чины и должности.	Stalin did not dare to move freely even within the territory of the Kremlin. When he left his apartment and moved, for example, to the Grand Kremlin Palace, the guards diligently dispersed passers-by from his path, regardless of their ranks and positions.
Ежегодно, отправляясь на отдых в Сочи, Сталин распоряжался подготовить одновременно его персональный поезд в Москве и соответствующий теплоход - в Горьком. Иногда он предпочитал уезжать непосредственно из Москвы - в таком случае использовался поезд, в других случаях - спускался по Волге до Сталинграда, а уже оттуда поезд, тоже специальный, доставлял его в Сочи. Никто не знал заранее ни того, какой вариант выберет Сталин на этот раз, ни дня, когда он пустится в путь. Его специальный поезд и специальный теплоход по нескольку дней стояли в полной готовности, но только в последние часы перед выездом он наконец сообщал доверенным лицам, какой вариант избирает на сей раз. Перед его бронированным поездом и следом за ним двигались два других поезда, заполненные охраной. Сталинский поезд был так оборудован, что мог выдержать двухнедельную осаду. В случае тревоги его окна автоматически закрывались броневыми ставнями.	Every year, going on vacation to Sochi, Stalin ordered that his personal train be prepared in Moscow and the corresponding motor ship in Gorky at the same time. Sometimes he preferred to leave directly from Moscow - in this case a train was used, in other cases he went down the Volga to Stalingrad, and from there a train, also a special one, delivered him to Sochi. No one knew in advance which option Stalin would choose this time, nor the day when he would set off. For several days his special train and special motor ship were in full readiness, but only in the last hours before departure did he finally inform his confidants which option he was choosing this time. In front of his armored train and behind him were two other trains filled with guards. The Stalinist train was so equipped that it could withstand a two-week siege. In the event of an alarm, its windows were automatically closed with armored shutters.
Объявив себя вождем рабочего класса, Сталин никогда не бывал в рабочее время ни на одном из заводов, боясь встречаться лицом к лицу с рабочими.	Having declared himself the leader of the working class, Stalin never visited any of the factories during working hours, being afraid to meet the workers face to face.
Можно было привести множество других примеров сталинской, мягко выражаясь, осторожности. Вот почему я с трудом поверил сообщению, что Сталин рискнул отправиться в Ленинград, где только что действовала опасная террористическая организация и где органам НКВД не удалось уберечь Кирова. Уже сам факт сталинской поездки заставлял думать, что убийство Кирова было делом рук одиночки и что вся эта версия о раскрытой террористической организации является выдумкой.	Many other examples of Stalin's, to put it mildly, caution could be cited. That is why I found it hard to believe the report that Stalin had ventured to Leningrad, where a dangerous terrorist organization had just been operating and where the NKVD had failed to save Kirov. The very fact of Stalin's trip made me think that the assassination of Kirov was the work of a single person and that this whole version of a disclosed terrorist organization was a fabrication.
Тайна убийства Кирова прояснилась для меня по возвращении в Советский Союз, в конце 1935 года. Прибыв в Ленинград через Финляндию, я зашёл в здание НКВД, чтобы связаться по специальному телефону с Москвой и заказать спальное место в ночном экспрессе, отправляющемся в Москву. Тут я встретил одного	The mystery of Kirov's murder became clear to me upon my return to the Soviet Union, at the end of 1935. Arriving in Leningrad through Finland, I went to the NKVD building to contact Moscow by a special phone and order a bed on the night express train leaving for Moscow. Here I met one of the newly appointed leaders of the Leningrad

из вновь назначенных руководителей ленинградского управления НКВД, с которым мы вместе служили в Красной армии в гражданскую войну. В разговоре мы, естественно, коснулись тех перемен, которые произошли в Ленинграде после убийства Кирова. Выяснилось, что бывший начальник ленинградского управления НКВД Медведь и его заместитель Запорожец, приговорённые по "кировскому делу" к тюремному заключению, вовсе и не сидели в тюрьме. По распоряжению Сталина, их назначили на руководящие посты в тресте "Лензолото", занимавшемся разработкой богатейших золотых приисков в Сибири. "Им там живётся совсем не плохо, хотя, конечно, похуже, чем в Ленинграде, - сообщил мой старый приятель. - Медведю даже позволили захватить с собой его новый кадиллак". Он добавил, что капризная жена Медведя уже трижды побывала у него в Сибири, каждый раз намереваясь остаться там с мужем, однако всякий раз возвращалась обратно в Ленинград. При этом, как и прежде, ей выделяли в поезде отдельное купе первого класса и полный штат обслуги.	department of the NKVD, with whom we served together in the Red Army during the civil war. In our conversation, naturally, we touched upon the changes that had taken place in Leningrad after Kirov's assassination. It turned out that the former head of the Leningrad department of the NKVD, Medved, and his deputy Zaporozhets, who were sentenced to imprisonment in the "Kirov case", were not in prison at all. By order of Stalin, they were appointed to senior positions in the Lenzoloto trust, which was engaged in the development of the richest gold mines in Siberia. “They don’t live badly there, although, of course, worse than in Leningrad,” my old friend said. “The bear was even allowed to take his new Cadillac with them.” He added that the capricious wife of the Bear had already visited him in Siberia three times, each time intending to stay there with her husband, but each time she returned to Leningrad. At the same time, as before, she was allocated a separate first-class compartment on the train and a full staff of servants.
Мой приятель рассказал мне о панике, охватившей Ленинград в связи с убийством Кирова и сталинским визитом. В следствии по этому делу он помогал начальнику Экономического управления НКВД Миронову и заместителю народного комиссара внутренних дел Агранову.	My friend told me about the panic that seized Leningrad in connection with the assassination of Kirov and Stalin's visit. In the investigation of this case, he helped the head of the Economic Department of the NKVD Mironov and the Deputy People's Commissar of Internal Affairs Agranov.
Перед тем как возвратиться в Москву, Сталин назначил Миронова временно, на ближайшие месяцы, исполняющим обязанности начальника ленинградского управления НКВД и фактически ленинградским диктатором. Когда я спросил, как это Николаеву удалось проникнуть в строго, охраняемый Смольный, мой приятель ответил: "Именно поэтому и были уволены Медведь и Запорожец. Хуже того: за несколько дней до убийства Николаев уже делал попытку пробраться в Смольный, его задержали, и если б тогда были приняты меры, Киров и по сей день оставался бы жив". Мне показалось, что разговор наш носит какой-то поверхностный характер: мой приятель явно не хочет рассказать об убийстве ничего конкретного. Я поднялся, чтобы уйти; тогда он в замешательстве пробормотал: "Дело настолько опасное, что для собственной безопасности полезнее меньше знать обо всём этом".	Before returning to Moscow, Stalin appointed Mironov temporarily, for the next few months, acting head of the Leningrad department of the NKVD and, in fact, Leningrad dictator. When I asked how Nikolaev managed to get into the heavily guarded Smolny, my friend replied: “That is why Medved and Zaporozhets were fired. if measures had been taken, Kirov would have remained alive to this day." It seemed to me that our conversation was of a superficial nature: my friend clearly does not want to tell anything specific about the murder. I got up to leave; then he muttered in confusion: "The matter is so dangerous that it is better for your own safety to know less about all this."
Намёк моего приятеля был гораздо более ценен для меня, чем остальная, весьма скудная информация, полученная тогда от него. Этот намёк не только укрепил мои подозрения насчёт того, что обе	My friend's hint was much more valuable to me than the rest of the very meager information received at that time from him. This hint not only reinforced my suspicions that both official versions were false, but

официальные версии фальшивы, но и показал мне, куда, по-видимому, ведут нити заговора. К тому времени вне критики поставил себя один-единственный человек в СССР, и ни к кому другому не могли быть отнесены эти слова: "для собственной безопасности полезнее меньше знать обо всём этом".	also showed me where the conspiracy seems to be leading. By that time, only one person in the USSR had put himself outside of criticism, and these words could not be applied to anyone else: "for your own safety, it is more useful to know less about all this."
У меня не было сомнений, что в Москве мне удастся узнать правду о "кировском деле". Я рассчитывал на нескольких старых товарищей, которые занимали в НКВД столь высокие посты, что должны были представлять себе закулисную сторону этого убийства. Среди них был начальник Экономического управления НКВД Миронов, которого Сталин брал с собой в Ленинград для расследования убийства и который затем был оставлен в Ленинграде в качестве руководителя ленинградского управления НКВД, с полномочиями диктатора.	I had no doubt that in Moscow I would be able to find out the truth about the "Kirov affair". I counted on a few old comrades who held such high positions in the NKVD that they should have had an idea of the behind-the-scenes side of this murder. Among them was Mironov, the head of the Economic Department of the NKVD, whom Stalin took with him to Leningrad to investigate the assassination and who was then left in Leningrad as head of the Leningrad department of the NKVD, with the powers of a dictator.
Миронов поступил на службу в органы государственной безопасности по моей рекомендации. В 1924 году, будучи заместителем начальника Экономического управления ОГПУ, я смог, правда, с немалым трудом, убедить Дзержинского назначить Миронова начальником одного из отделов этого управления. Дзержинский по понятным причинам противился назначению на ответственную должность человека совершённо нового для "органов". В дальнейшем, когда я был назначен командующим погранвойсками Закавказья, я договорился, что Миронов будет исполнять мои обязанности заместителя начальника Экономического управления ОГПУ. Благодаря своим способностям, несколько лет спустя Миронов возглавил это управление и сделался одним из ближайших помощников Ягоды - народного комиссара внутренних дел. Я был уверен, что от Миронова узнаю наконец всю правду о "деле Кирова".	Mironov joined the state security agencies on my recommendation. In 1924, as deputy head of the Economic Department of the OGPU, I was able, although with considerable difficulty, to convince Dzerzhinsky to appoint Mironov as head of one of the departments of this department. Dzerzhinsky, for obvious reasons, opposed the appointment of a person completely new to the "organs" to a responsible position. Later, when I was appointed Commander of the Transcaucasian Border Troops, I agreed that Mironov would perform my duties as Deputy Head of the Economic Directorate of the OGPU. Thanks to his abilities, a few years later, Mironov headed this department and became one of Yagoda's closest assistants, the people's commissar of internal affairs. I was sure that from Mironov I would finally learn the whole truth about the "Kirov case".
Вскоре после приезда в Москву меня пригласил в гости начальник Транспортного управления НКВД Александр Шанин, близкий друг Ягоды и один из помощников члена Политбюро Кагановича, занимавшийся вместе с ним реорганизацией советских железных дорог. После обеда хозяин дома предложил послушать пластинки. Шанин был большим любителем старинных русских песен, а тут ещё несколько рюмок ликера сделали его особенно сентиментальным. Показав на два альбома пластинок, Шанин сказал, что специально отложил их, чтобы послать Ване Запорожцу в его Лензолото "Ох, Ваня, Ваня, - вздохнул он, - что за человек был!	Shortly after my arrival in Moscow, I was invited to visit by Alexander Shanin, head of the NKVD Transport Department, a close friend of Yagoda and one of the assistants to Politburo member Kaganovich, who worked with him on the reorganization of Soviet railways. After dinner, the owner of the house offered to listen to records. Shanin was a great lover of old Russian songs, and then a few more glasses of liquor made him especially sentimental. Pointing to two albums of records, Shanin said that he had deliberately set them aside in order to send them to Vanya Zaporozhets in his Lenzoloto. “Oh, Vanya, Vanya,” he sighed, “what a man he was! Pauker, head of Stalin's bodyguard, had just sent

Пострадал ни за что..." Шанин добавил, что Паукер, начальник личной охраны Сталина, только что послал Запорожцу в подарок импортный радиоприёмник.	Zaporozhets an imported radio as a gift.
Тот факт, что Шанин и Паукер посылают Запорожцу подарки, показался мне весьма знаменательным. Оба знали, что любое проявление симпатии к осуждённому ЦК считает демонстрацией враждебных настроений. По неписаному правилу, установившемуся при Сталине, советские сановники немедленно порывали все отношения даже со своими ближайшими друзьями, как только те попадали в немилость (я уж не говорю - в тюрьму). Такие осведомлённые сталинские приближённые, как Шанин и Паукер, конечно, усвоили это элементарное правило: следует одаривать и ублажать тех, кто успешно делает карьеру, и, наоборот, поскорее рвать с теми, чья карьера лопнула. Напрашивался единственно возможный вывод: Шанин и Паукер знали, что Запорожец вовсе не впал в немилость и посылка ему подарков отнюдь не компрометирует их.	The fact that Shanin and Pauker are sending gifts to Zaporozhets seemed to me very significant. Both knew that any manifestation of sympathy for the condemned Central Committee considers a demonstration of hostility. According to an unwritten rule established under Stalin, Soviet dignitaries immediately broke off all relations even with their closest friends as soon as they fell out of favor (I don’t even say - in prison). Such knowledgeable Stalinist associates as Shanin and Pauker, of course, learned this elementary rule: one should bestow and please those who make a successful career, and, conversely, quickly break with those whose careers have burst. The only possible conclusion suggested itself: Shanin and Pauker knew that the Zaporozhets had not fallen out of favor at all and that sending him gifts would not compromise them at all.
Будучи в Москве, я действительно узнал подоплеку кировского дела, - притом быстрее, чем мог ожидать.	While in Moscow, I really got to know the background of the Kirov affair, and moreover, faster than I could have expected.
Это случилось так. Весной и летом 1934 года у Кирова начались конфликты с другими членами Политбюро. Киров, прямота которого была всем известна, на заседаниях Политбюро несколько раз принимался критиковать своего бывшего патрона Орджоникидзе за противоречивые указания, которые тот давал относительно промышленного строительства в Ленинградской области. Кандидата в члены Политбюро Микояна Киров обвинял в дезорганизации снабжения Ленинграда продовольствием. Одно из таких столкновений с Микояном, ставшее мне известным во всех подробностях, было вызвано следующим. Киров без разрешения Москвы реквизировал часть продовольствия из неприкосновенных запасов Ленинградского военного округа. Ворошилов, в то время народный комиссар обороны, выразил недовольство действиями Кирова, считая, что тот превышает свои полномочия, позволяя себе вмешиваться в дела военного ведомства.	It happened like this. In the spring and summer of 1934, Kirov began to have conflicts with other members of the Politburo. Kirov, whose frankness was known to all, at meetings of the Politburo several times began to criticize his former patron Ordzhonikidze for the contradictory instructions that he gave regarding industrial construction in the Leningrad region. Kirov accused Mikoyan, a candidate member of the Politburo, of disorganizing the food supply to Leningrad. One such clash with Mikoyan, which became known to me in all its details, was caused by the following. Kirov, without the permission of Moscow, requisitioned part of the food from the untouchable stocks of the Leningrad Military District. Voroshilov, then People's Commissar of Defense, expressed dissatisfaction with Kirov's actions, believing that he exceeded his authority by allowing himself to interfere in the affairs of the military department.
Киров объяснил на заседании Политбюро, что он пошёл на такой шаг, потому что запасы, предназначавшиеся для рабочих, были исчерпаны. К тому же он взял продовольствие у военных только взаймы, собираясь вернуть его, как только прибудут новые поставки. Однако Ворошилов, явно чувствуя поддержку Сталина, не	Kirov explained at a meeting of the Politburo that he took such a step because the supplies intended for the workers were exhausted. In addition, he only borrowed food from the military, intending to return it as soon as new supplies arrived. However, Voroshilov, clearly feeling Stalin's support, was not satisfied with this explanation and angrily

удовлетворился этим объяснением и раздражённо заявил, что, перебрасывая продовольствие с воинских складов в фабричные лавки, Киров "ищет дешёвой популярности среди рабочих". Киров вспыхнул от негодования и со свойственной ему горячностью ответил: "Если Политбюро хочет, чтобы рабочие давали продукцию, их прежде всего необходимо кормить! Каждому мужику известно, - продолжал он, срываясь на крик, - не накормишь лошадь, - она воз и с места не сдвинет!" Микоян возразил, что, по его сведениям, ленинградские рабочие питаются лучше, чем в среднем по стране. Киров не мог отрицать этого. Но он привёл цифры роста продукции ленинградских предприятий и заметил, что этими достижениями с избытком окупаются добавочные пайки рабочих.	stated that, by transferring food from military warehouses to factory shops, Kirov was "looking for cheap popularity among the workers." Kirov flushed with indignation and, with his usual vehemence, replied: “If the Politburo wants the workers to give products, they must first of all be fed! won't move!" Mikoyan objected that, according to his information, Leningrad workers were eating better than the national average. Kirov could not deny this. But he cited figures for the growth in the output of Leningrad enterprises and noted that these achievements more than compensate for the additional rations of the workers.
"А почему, собственно, ленинградские рабочие должны питаться лучше всех остальных?" - вмешался Сталин. Киров снова вышел из себя и закричал: "Я думаю, давно пора отменить карточную систему и начать кормить всех наших рабочих как следует!" Эта кировская вспышка была расценена как проявление нелояльности по отношению к самому Сталину. С тех пор как Сталин сосредоточил в своих руках неограниченную власть, установилось неписаное правило: никто из членов Политбюро не должен выносить на обсуждение какой бы то ни было вопрос, не получив благословения Сталина.	"And why, in fact, should the Leningrad workers eat better than everyone else?" Stalin intervened. Kirov lost his temper again and shouted: "I think it's high time to abolish the rationing system and start feeding all our workers properly!" This outbreak of Kirov was regarded as a manifestation of disloyalty towards Stalin himself. Since Stalin concentrated unlimited power in his hands, an unwritten rule has been established: no member of the Politburo should bring up any issue for discussion without receiving Stalin's blessing.
Члены Политбюро ополчились против Кирова. Мелкие недоразумения искусственно раздувались и изображались как тяжёлые прегрешения. Летом 1934 года Орджоникидзе, народный комиссар тяжёлой промышленности и влиятельный член Политбюро, вызвал к себе на совещание председателя Ленинградского исполкома и нескольких руководителей ленинградской промышленности. Они захватили с собой всевозможные отчёты и сметы и отправились в Москву, где провели два дня в приёмной наркомата тяжёлой промышленности. Орджоникидзе всё было недосуг принять их, и совещание откладывалось со дня на день. На третьи сутки председатель Ленгорисполкома позвонил Кирову и сообщил ему о создавшемся положении. Решение Кирова не заставило себя ждать: "Если Орджоникидзе тебя и сегодня не примет, садись на поезд и езжай домой!" Председатель Ленгорисполкома так и сделал. Этот эпизод Орджоникидзе изложил на ближайшем заседании Политбюро. Распоряжение Кирова было расценено как "воспитывающее	Members of the Politburo took up arms against Kirov. Minor misunderstandings were artificially inflated and portrayed as grave sins. In the summer of 1934, Ordzhonikidze, the people's commissar of heavy industry and an influential member of the Politburo, summoned the chairman of the Leningrad executive committee and several leaders of the Leningrad industry to a meeting. They took with them all kinds of reports and estimates and went to Moscow, where they spent two days in the reception room of the People's Commissariat of Heavy Industry. Ordzhonikidze still had no time to receive them, and the meeting was postponed from day to day. On the third day, the chairman of the Leningrad City Executive Committee called Kirov and informed him of the situation. Kirov's decision was not long in coming: "If Ordzhonikidze doesn't accept you today, take the train and go home!" The Chairman of the Leningrad City Executive Committee did just that. This episode Ordzhonikidze outlined at the next meeting of the Politburo. Kirov's order was regarded as "educating Leningrad cadres in the spirit of partisanism and disobedience to the center." His attempts to explain the

ленинградские кадры в духе партизанщины и неподчинения центру". Его попытки объяснить ситуацию ни к чему не привели. Не в состоянии более сдерживаться, он заявил: "Я и впредь всегда буду так поступать. Мои люди нужны мне в Ленинграде, нечего им прохлаждаться у Орджоникидзе в приёмной!" Постепенно отношения Кирова с Политбюро обострились до предела, и он старался реже бывать в Москве. Членов Политбюро и самого Сталина особенно злила всё растущая популярность Кирова в народе. Никто из них, не исключая и Сталина, не был умелым оратором. Их публичные выступления были вялыми и нудными. А Киров, напротив, славился своими блестящими речами, зная, как подойти к массам. Он был единственным членом Политбюро, не боящимся ездить по заводам и выступать перед рабочими. Сам когда-то рабочий, он внимательно выслушивал их жалобы и, насколько мог, старался помочь. Многие партийные и промышленные деятели высокого ранга, работавшие в разных городах, пытались добиться перевода в Ленинград: шёл слух, что Киров поощряет инициативу своих подчинённых и выдвигает тех, кто хочет и умеет работать. Его авторитет в Ленинграде был непререкаем. Наркомы в Москве меньше значили для директоров ленинградских предприятий своей отрасли чем Киров.	situation came to nothing. Unable to restrain himself any longer, he declared: "I will always continue to do this. I need my people in Leningrad, there is nothing for them to cool off in Ordzhonikidze's waiting room!" Gradually, Kirov's relations with the Politburo escalated to the limit, and he tried to visit Moscow less often. Members of the Politburo, and Stalin himself, were especially angered by Kirov's growing popularity among the people. None of them, not excluding Stalin, was a skilled orator. Their public performances were sluggish and tedious. And Kirov, on the contrary, was famous for his brilliant speeches, knowing how to approach the masses. He was the only member of the Politburo who was not afraid to travel to the factories and speak to the workers. Once a worker himself, he listened attentively to their complaints and tried to help as much as he could. Many party and industrial leaders of high rank, who worked in different cities, tried to achieve a transfer to Leningrad: there was a rumor that Kirov encouraged the initiative of his subordinates and put forward those who wanted and knew how to work. His authority in Leningrad was indisputable. People's commissars in Moscow meant less to the directors of Leningrad enterprises in their industry than Kirov.
Огромная популярность Кирова ещё больше возросла после семнадцатого съезда партии, который состоялся в самом начале 1934 года. К съезду всё было намечено и расписано заранее, - даже энтузиазм, с которым делегаты должны были приветствовать вождей. Каждому члену Политбюро, появляющемуся на трибуне, было положено две минуты аплодисментов. Сталину следовало аплодировать целых десять минут. Однако появление Кирова в президиуме съезда вызвало бурю оваций. Ленинградская делегация приветствовала его с таким восторгом, что увлекла своим примером весь съезд. Киров был встречен овацией такой продолжительности, о какой другие члены Политбюро не могли и мечтать. В кулуарах съезда шептались, что на долю Кирова выпал почёт, который предназначался только одному человеку: Сталину.	Kirov's enormous popularity increased even more after the seventeenth party congress, which took place at the very beginning of 1934. For the congress everything was planned and scheduled in advance - even the enthusiasm with which the delegates were supposed to greet the leaders. Each member of the Politburo appearing on the podium was given two minutes of applause. Stalin should have applauded for ten whole minutes. However, the appearance of Kirov in the presidium of the congress caused a storm of applause. The Leningrad delegation greeted him with such enthusiasm that they captivated the entire congress with their example. Kirov was greeted with an ovation of a duration that other members of the Politburo could not even dream of. It was whispered on the sidelines of the congress that Kirov had received an honor that was meant for only one person: Stalin.
Раздражённый чрезмерной независимостью Кирова, Сталин решил отозвать его из Ленинграда. Ему было объявлено, что его ждёт назначение на ответственную должность в Москве, в Оргбюро ЦК.	Irritated by Kirov's excessive independence, Stalin decided to recall him from Leningrad. It was announced to him that he was waiting for an appointment to a responsible position in Moscow, in the Organizing Bureau of the Central Committee.
Однако Киров не спешил в Москву. Он выгадывал месяц за	However, Kirov was in no hurry to go to Moscow. He profited month

месяцем, ссылаясь на то, что необходимо довести до конца ряд важных дел в Ленинграде, начатых при нём. Более того, он всё реже и реже появлялся на заседаниях Политбюро, что выглядело уже вызывающе.	after month, referring to the fact that it was necessary to complete a number of important things in Leningrad that had been started under him. Moreover, he appeared less and less often at meetings of the Politburo, which already looked defiant.
Сталин мог, конечно, задержать Кирова в Москве во время любого из его приездов и воспрепятствовать его возвращению в Ленинград. Но это означало бы открытую ссору, после которой было бы крайне затруднительно назначить Кирова на какую-либо должность в ЦК. Больше того, удержать Кирова в Москве против его воли было не так легко, - разве что арестовать его? Однако тогда, в 1934 году, по отношению к члену Политбюро подобные действия были крайне нежелательны. Отстранение члена Политбюро всё ещё требовало сложной формальной процедуры. Задавшись такой целью, пришлось бы для начала сфабриковать против Кирова обвинение в какой-нибудь антиленинской ереси или в отклонении от генеральной линии партии и развязать против него кампанию критики, которая должна охватить все партийные организации. В данном случае такой путь был для Сталина неприемлем. Подавив троцкистскую и зиновьевскую оппозиции, Сталин много раз писал и заявлял устно, что, очистившись от ереси, партия окрепла и сделалась "сплочённой и монолитной как никогда". Но кампания, направленная против Кирова, наверняка вызовет слухи о новом расколе в партии и о разногласиях в Политбюро. При этом Сталин понимал, что и за рубежом опять появятся сомнения в прочности его режима, чего он никак не хотел.	Stalin could, of course, detain Kirov in Moscow during any of his visits and prevent his return to Leningrad. But this would mean an open quarrel, after which it would be extremely difficult to appoint Kirov to any position in the Central Committee. Moreover, it was not so easy to keep Kirov in Moscow against his will, except to arrest him? However, then, in 1934, in relation to a member of the Politburo, such actions were extremely undesirable. The removal of a member of the Politburo still required a complicated formal procedure. Having set such a goal, one would first have to fabricate an accusation against Kirov of some kind of anti-Leninist heresy or deviation from the general line of the party and unleash a campaign of criticism against him, which should embrace all party organizations. In this case, such a path was unacceptable for Stalin. Having suppressed the Trotskyist and Zinovievist oppositions, Stalin wrote many times and stated orally that, having cleansed himself of heresy, the party has grown stronger and has become "solid and monolithic as never before." But a campaign against Kirov is sure to spark rumors of a new split in the party and divisions in the Politburo. At the same time, Stalin understood that doubts about the strength of his regime would again appear abroad, which he did not want at all.
Он пришёл к выводу, что сложная проблема, вставшая перед ним, может быть разрешена лишь одним путём. Киров должен быть устранён, а вина за его убийство возложена на бывших вождей оппозиции. Таким образом, одним ударом он убьёт двух зайцев. Вместе с ликвидацией Кирова будет покончено с ближайшими сподвижниками Ленина, которые, как бы ни чернил их Сталин, продолжали оставаться в глазах рядовых партийцев символом большевизма. Сталин решил, что, если ему удастся доказать, что Зиновьев, Каменев и другие руководители оппозиции пролили кровь Кирова, "верного сына нашей партии", члена Политбюро, - он вправе будет потребовать: кровь за кровь.	He came to the conclusion that the complex problem that confronted him could be resolved in only one way. Kirov must be eliminated, and the blame for his murder placed on the former leaders of the opposition. Thus, with one blow, he will kill two birds with one stone. Together with the liquidation of Kirov, Lenin's closest associates will be finished off, who, no matter how Stalin denigrated them, continued to be a symbol of Bolshevism in the eyes of ordinary party members. Stalin decided that if he succeeded in proving that Zinoviev, Kamenev and other leaders of the opposition had shed the blood of Kirov, "the faithful son of our party," a member of the Politburo, he would have the right to demand: blood for blood.
Единственной частью государственного аппарата, которая могла помочь Сталину в подготовке этого убийства, являлось ленинградское управление НКВД, отвечавшее за безопасность	The only part of the state apparatus that could help Stalin in the preparation of this assassination was the Leningrad department of the NKVD, which was responsible for the security of Kirov. But the head of

Кирова. Но начальником этого управления был Филипп Медведь, связанный с Кировым тесной дружбой. Медведя следовало убрать и заменить другим человеком, "более надёжным". У Сталина был на примете такой человек: Евдокимов, давний сотрудник "органов". Несколько лет подряд Сталин брал его с собой в отпуск - не только в качестве телохранителя, но и как приятеля и собутыльника. Евдокимов получил от Сталина больше наград, чем любой другой энкаведист. Это была странная личность с застывшим, точно окаменевшим лицом, сторонившаяся своих коллег. В прошлом заурядный уголовник, Евдокимов вышел из тюрьмы благодаря революции, примкнул к большевистской партии и отличился в гражданской войне. Когда война закончилась, Евдокимов был назначен начальником областного управления ОГПУ на Украине. Там он лично возглавлял карательные операции против антисоветских повстанческих банд.	this department was Philip Medved, who had a close friendship with Kirov. The bear should have been removed and replaced by another person, "more reliable". Stalin had such a person in mind: Evdokimov, a longtime employee of the "organs". For several years in a row, Stalin took him on vacation with him - not only as a bodyguard, but also as a friend and drinking companion. Evdokimov received more awards from Stalin than any other NKVD. It was a strange person with a frozen, as if petrified face, shunned by his colleagues. In the past, an ordinary criminal, Evdokimov got out of prison thanks to the revolution, joined the Bolshevik party and distinguished himself in the civil war. When the war ended, Evdokimov was appointed head of the regional department of the OGPU in Ukraine. There he personally led punitive operations against anti-Soviet rebel bands.
По распоряжению Сталина Ягода издал приказ о переводе Медведя из Ленинграда в Минск и назначении Евдокимова на его место. Узнав об этом, Киров пришёл в негодование. В присутствии Медведя он позвонил Ягоде и без обиняков начал допытываться, кто дал ему право перемещать ответственных ленинградских работников без разрешения ленинградского обкома. Затем Киров позвонил Сталину и опротестовал недопустимый образ действий Ягоды. Приказ о переводе Медведя из Ленинграда пришлось отменить.	By order of Stalin, Yagoda issued an order to transfer Medved from Leningrad to Minsk and appoint Yevdokimov in his place. Upon learning of this, Kirov became indignant. In the presence of the Bear, he called Yagoda and began to inquire in no uncertain terms who had given him the right to move senior Leningrad workers without the permission of the Leningrad regional committee. Kirov then telephoned Stalin and protested Yagoda's unacceptable course of action. The order to transfer the Bear from Leningrad had to be canceled.
Поскольку с назначением Евдокимова в Ленинград ничего не получилось, у Сталина не было иного выбора, как обратиться за помощью к Ягоде и посвятить его в свои тайные планы, касавшиеся Кирова. Ягода сразу же вызвал из Ленинграда своего протеже и фаворита Ивана Запорожца, который в то время был заместителем Медведя. Они посетили Сталина вдвоём. Избежать личного разговора Сталина с Запорожцем было нельзя: последний никогда не взялся бы за такое чрезвычайное задание, касающееся члена Политбюро, если б оно исходило всего лишь от Ягоды и не было санкционировано самим Сталиным. Получив сталинский наказ, Запорожец вернулся в Ленинград.	Since the appointment of Yevdokimov to Leningrad failed, Stalin had no choice but to turn to Yagoda for help and let him in on his secret plans regarding Kirov. Yagoda immediately summoned from Leningrad his protégé and favorite, Ivan Zaporozhets, who at that time was Medved's deputy. They visited Stalin together. It was impossible to avoid a personal conversation between Stalin and Zaporozhets: the latter would never have taken on such an extraordinary task concerning a member of the Politburo if it had come only from Yagoda and had not been sanctioned by Stalin himself. Having received Stalin's order, Zaporozhets returned to Leningrad.
Как раз в это время среди бумаг, поступающих в ленинградское отделение НКВД, оказалось секретное донесение, касавшееся молодого коммуниста по имени Леонид Николаев. Этот Николаев был так обозлён тем, что его исключили из партии и связанной с	Just at this time, among the papers arriving at the Leningrad branch of the NKVD, there was a secret report concerning a young communist named Leonid Nikolaev. This Nikolaev was so angry that he was expelled from the party and the impossibility of getting a job connected with this,

этим невозможностью устроиться на работу, что у него появилась мысль об убийстве председателя комиссии партийного контроля. Этим актом доведённый до отчаяния Николаев намеревался выразить свой протест против партийной бюрократии, чьей жертвой он себя считал.	that he had the idea of murdering the chairman of the party control commission. By this act, driven to despair, Nikolaev intended to express his protest against the party bureaucracy, of which he considered himself a victim.
Донос на Николаева поступил в "органы" от его друга, которому он имел неосторожность рассказать о своих намерениях. В этом, конечно, не было ничего удивительного. Закономерным было и то, что Запорожец, озабоченный полученным в Москве заданием, заинтересовался личностью Николаева. Встретившись с его "другом" и поговорив с ним, он пришёл к выводу, что слова Николаева не приходится считать пустой болтовней. Дело приняло ещё более серьёзный оборот, когда "друг" выкрал и принёс Запорожцу дневник Николаева.	The denunciation of Nikolaev was received by the "authorities" from his friend, to whom he had the imprudence to tell about his intentions. This, of course, was not surprising. It was also natural that the Zaporozhets, preoccupied with the assignment received in Moscow, became interested in the personality of Nikolaev. After meeting with his "friend" and talking with him, he came to the conclusion that Nikolaev's words should not be considered idle chatter. The matter took an even more serious turn when a "friend" stole and brought Nikolaev's diary to Zaporozhets.
Дневник был сфотографирован и снова подброшен туда, откуда был украден. На его страницах Николаев подробно описывал свои злоключения: как он был беспричинно "вычищен" из партии, какое бездушное отношение встречал со стороны партийных чинов, когда пытался добиться справедливости, как его уволили с работы и до какой жуткой нищеты докатилась его семья - двое детей, жена и мать. Записи дневника были полны клокочущей ненависти к бюрократической касте, воцарившейся в партии и государственном аппарате.	The diary was photographed and planted again where it was stolen from. On its pages, Nikolaev described in detail his misadventures: how he was unreasonably "cleansed" from the party, what a soulless attitude he met from party officials when he tried to achieve justice, how he was fired from his job, and to what terrible poverty his family had sunk - two children, wife and mother. The diary entries were full of bubbling hatred for the bureaucratic caste that reigned in the party and the state apparatus.
Чтобы получить возможно более полное представление о личности Николаева, Запорожец решил лично встретиться с ним. Всё тот же "друг" организовал ему якобы случайную встречу с Николаевым, представив Запорожца под вымышленным именем, как своего бывшего сослуживца. Поболтав о том, о сём, они расстались. Николаев произвёл на Запорожца благоприятное впечатление. Теперь "другу" была поставлена новая задача: попытаться ещё более сблизиться с Николаевым, время от времени передавать ему небольшие суммы денег, прикинуться разделяющим его взгляды - и, конечно, сообщать НКВД о каждом его шаге. Сам Запорожец поспешил в Москву поделиться соображениями о том, как лучше использовать подвернувшийся случай. Там он ещё раз был принят Сталиным.	In order to get the fullest possible picture of Nikolaev's personality, Zaporozhets decided to meet him personally. All the same "friend" organized for him an allegedly accidental meeting with Nikolaev, presenting Zaporozhets under an assumed name as his former colleague. After chatting about this and that, they parted ways. Nikolaev made a favorable impression on Zaporozhets. Now the “friend” was given a new task: to try to get even closer to Nikolaev, from time to time to transfer small amounts of money to him, to pretend to share his views - and, of course, to inform the NKVD about his every step. Zaporozhets himself hurried to Moscow to share his thoughts on how best to use the opportunity that turned up. There he was again received by Stalin.
В Москве было решено, что Николаев подходит для реализации намеченного плана. Главное преимущество этого варианта заключалось в том, что Николаев напал на мысль о	In Moscow, it was decided that Nikolaev was suitable for the implementation of the planned plan. The main advantage of this option was that Nikolaev attacked the idea of a terrorist act on his own and,

террористическом акте самостоятельно и вдобавок не подозревает, что с какого-то момента его действия косвенно направляются аппаратом НКВД.	moreover, did not suspect that from some moment his actions were indirectly directed by the NKVD apparatus.
Инструкции, полученные Запорожцем, сводились к одному: постараться перевести террористические замыслы Николаева с некоего члена партийной контрольной комиссии, исключавшей его из партии, на Кирова. За время, пока Запорожец отсутствовал, николаевский замысел превратился в неотвязную манию: его поступок станет сигналом к восстанию против ненавистной партийной бюрократии. "Друг" Николаева предупредил Запорожца, что их подопечный делает попытки раздобыть огнестрельное оружие.	The instructions received by Zaporozhets boiled down to one thing: to try to transfer the terrorist plans of Nikolaev from a certain member of the party control commission, which had expelled him from the party, to Kirov. During the time that Zaporozhets was absent, the Nikolaev plan turned into an obsessive mania: his act would be the signal for an uprising against the hated party bureaucracy. A "friend" of Nikolaev warned Zaporozhets that their ward was making attempts to get firearms.
Услышав об этом, Запорожец выразил "другу" опасение, что Николаев, чего доброго, действительно застрелит какого-то работника партконтроля, не имеющего, разумеется, личной охраны. Между тем НКВД намерено взять террориста с поличным, непосредственно перед тем, как он попытается совершить террористический акт. Это удастся сделать, не допуская кровопролития, только в том случае, если Николаев откажется от покушения на какую-то незначительную персону и попытается убить, ну, допустим, Кирова, что заведомо обречено на провал, так как того охраняют денно и нощно. Как только Николаев с револьвером в кармане проникнет, в здание Смольного, его тут же схватят сотрудники НКВД, которые специально будут его поджидать. А от "друга" требуется теперь только одно: внушить Николаеву, что убийство какого-то незначительного чиновника из партконтроля не даст заметного политического эффекта. Зато выстрел, направленный в члена Политбюро, отзовется эхом по всей стране.	Hearing about this, Zaporozhets expressed to his "friend" the fear that Nikolaev, what good, would really shoot some worker of the party control, who, of course, did not have personal bodyguards. Meanwhile, the NKVD intends to catch the terrorist red-handed, just before he tries to commit a terrorist act. This can be done without allowing bloodshed, only if Nikolaev refuses to attempt on some insignificant person and tries to kill, well, let's say, Kirov, which is obviously doomed to failure, since he is guarded day and night. As soon as Nikolaev, with a revolver in his pocket, penetrates into the Smolny building, he will be immediately seized by the NKVD officers, who will specially be waiting for him. And now only one thing is required from the "friend": to convince Nikolaev that the murder of some insignificant official from the party control will not give a noticeable political effect. But a shot aimed at a member of the Politburo will echo throughout the country.
Леонид Николаев, как и следовало ожидать, ухватился за идею совершить террористический акт против Кирова. Теперь единственным препятствием к исполнению намеченного было отсутствие револьвера. Николаев рассчитывал украсть револьвер у кого-то из знакомых партийцев. Выяснилось, что в этом нет необходимости: "друг", последнее время так часто приходивший Николаеву на помощь, ссужавший его деньгами, выручил и тут. Ему удалось "добыть" револьвер... В основном все необходимые приготовления были позади. С помощью "друга" Николаев придумал предлог, чтобы получить пропуск в Смольный. Друзья	Leonid Nikolaev, as one would expect, seized on the idea of committing a terrorist act against Kirov. Now the only obstacle to the execution of the plan was the lack of a revolver. Nikolaev hoped to steal a revolver from one of the party members he knew. It turned out that there was no need for this: the “friend”, who had recently come to Nikolaev so often to help, lending him money, helped out here too. He managed to "get" a revolver ... Basically, all the necessary preparations were behind. With the help of a "friend" Nikolaev came up with an excuse to get a pass to Smolny. Friends went out of town - to check the weapons in action.

отправились за город - проверить оружие в действии.	
Наконец настал решающий день: Николаев, с портфелем в руках, явился в Смольный и получил пропуск в комендатуре НКВД, ведавшей охраной здания. У входа в главный коридор Смольного охранники заглянули в пропуск и разрешили Николаеву войти. Но не успел он сделать и двух шагов, как один из них вернул его и потребовал показать, что в портфеле. Там лежал револьвер и записная книжка. Николаева, тут же задержали и препроводили в комендатуру. Уже за одно хранение огнестрельного оружия без специального на то разрешения полагалось три года тюрьмы. А если б ещё работники смольнинской комендатуры заглянули в его записную книжку - сразу выяснилась бы истинная цель Николаева, приведшая его в Смольный...	Finally, the decisive day came: Nikolaev, with a portfolio in his hands, appeared at Smolny and received a pass from the NKVD commandant's office, which was in charge of guarding the building. At the entrance to the main corridor of Smolny, the guards looked into the pass and allowed Nikolaev to enter. But before he could take two steps, one of them returned him and demanded to show what was in the briefcase. There was a revolver and a notebook. Nikolaev, was immediately detained and escorted to the commandant's office. Already for one storage of firearms without a special permit, three years in prison were supposed to. And if the employees of the Smolninsk commandant's office looked into his notebook, Nikolaev's true goal, which led him to Smolny, would immediately become clear ...
Но прошёл час или два - и всё чудодейственно переменилось: злоумышленнику вернули револьвер и записную книжку и предложили покинуть здание Смольного.	But an hour or two passed - and everything miraculously changed: the attacker was returned a revolver and a notebook and offered to leave the Smolny building.
Поражённый происшедшим, Николаев прибежал к своему "другу" и всё ему рассказал. Тот не мог прийти в себя от изумления, видя перед собой Николаева после всего, что случилось, живым и невредимым.	Struck by what had happened, Nikolaev ran to his "friend" and told him everything. He could not recover from amazement, seeing Nikolaev in front of him after everything that had happened, alive and unharmed.
Происшествие в Смольном было для Запорожца малоприятной неожиданностью. Выходит, он не сделал всё от него зависящее, чтобы обеспечить Николаеву свободный доступ к Кирову. А Москва уже рассчитывала, что именно в этот день получит информацию о результате покушения. Теперь всю ответственность за неудачу возложат, конечно, на Запорожца.	The incident in Smolny was an unpleasant surprise for Zaporozhets. It turns out that he did not do everything in his power to provide Nikolaev with free access to Kirov. And Moscow already expected that on this day it would receive information about the result of the assassination attempt. Now, of course, all responsibility for the failure will be placed on Zaporozhets.
Когда ему сообщили о происшествии, он приказал коменданту Смольного освободить задержанного и вернуть ему портфель, револьвер и записную книжку. Ещё оставалась надежда, что Николаева удастся направить в Смольный вторично, на этот раз избежав промаха. Всё зависело от дальнейшего поведения Николаева.	When he was informed of the incident, he ordered the commandant of Smolny to release the detainee and return the briefcase, revolver and notebook to him. There was still hope that Nikolaev could be sent to Smolny a second time, this time avoiding a miss. Everything depended on the further behavior of Nikolaev.
А тот был крайне угнетён своей неудачей. В подавленном состоянии он выслушивал рассуждения "друга" о том, что надо бы сделать ещё одну попытку... Однако это продолжалось недолго. Дней через десять Николаев уже сам стал поговаривать о повторении попытки покушения. К нему вернулось прежнее чувство уверенности. "Друг", следуя инструкциям Запорожца, советовал на этот раз проникнуть в Смольный в вечернее время.	And he was extremely depressed by his failure. In a depressed state, he listened to the reasoning of the "friend" that one more attempt should be made ... However, this did not last long. Ten days later, Nikolaev himself began to talk about repeating the assassination attempt. He regained his former sense of confidence. "Friend", following the instructions of the Zaporozhets, advised this time to penetrate the Smolny in the evening.

Вечером 1 декабря 1934 года Николаев вторично появился в Смольном - с тем же самым портфелем, где вновь лежали записная книжка и револьвер. На этот раз Запорожец всё предусмотрел. Получив пропуск, Николаев благополучно миновал охранников у входа и без помех вошёл в коридор. Там никого не было, кроме человека средних лет, по фамилии Борисов, который числился личным помощником Кирова. В перечне работников Смольного он фигурировал как сотрудник специальной охраны НКВД, однако не имел ничего общего с охранной службой.	On the evening of December 1, 1934, Nikolaev reappeared in Smolny - with the same briefcase, where again there was a notebook and a revolver. This time the Zaporozhets foresaw everything. Having received a pass, Nikolaev safely passed the guards at the entrance and entered the corridor without interference. There was no one there except a middle-aged man named Borisov, who was listed as Kirov's personal assistant. In the list of Smolny employees, he appeared as an employee of the special guards of the NKVD, but had nothing to do with the security service.
Борисов только что приготовил поднос с бутербродами и стаканами чая, чтобы нести его в зал заседаний, где как раз собралось бюро обкома. Заседание бюро шло под председательством Кирова, и Николаев терпеливо ждал. Войдя в зал, Борисов сказал Кирову, что его зовут к прямому кремлёвскому телефону. Спустя минуту Киров поднялся со стула и вышел из зала заседаний, прикрыв за собой дверь.	Borisov had just prepared a tray with sandwiches and glasses of tea to carry to the meeting room, where the bureau of the regional committee had just gathered. The meeting of the bureau was chaired by Kirov, and Nikolaev waited patiently. Entering the hall, Borisov told Kirov that he was called to the direct Kremlin telephone. A minute later, Kirov got up from his chair and left the meeting room, closing the door behind him.
В тот же момент грянул выстрел. Участники заседания бросились к двери, но открыть её удалось не сразу: мешали ноги Кирова, распластанного на полу в луже крови. Киров был убит наповал. Тут же распростёрлось тело другого человека, не известного членам бюро. Это был потерявший сознание Николаев. Рядом с ним валялись револьвер и портфель. Кроме убитого и убийцы, в коридоре не было ни души. Члены бюро были немало удивлены тем обстоятельством, что отсутствовал даже кировский охранник. Прошло немного времени, и в коридоре появились сотрудники НКВД, прибывшие арестовать Николаева.	At the same moment, a shot rang out. The meeting participants rushed to the door, but it was not possible to open it immediately: Kirov's legs, sprawled on the floor in a pool of blood, interfered. Kirov was killed on the spot. Immediately, the body of another person, unknown to the members of the bureau, sprawled out. It was Nikolaev, who lost consciousness. A revolver and a briefcase were lying next to him. Apart from the dead man and the murderer, there was not a soul in the corridor. The members of the bureau were not a little surprised by the fact that even the Kirov guard was absent. A little time passed, and NKVD officers appeared in the corridor, who arrived to arrest Nikolaev.
Сталин и Ягода были извещены об убийстве Кирова немедленно. Спустя некоторое время Ягода позвонил начальнику Ленинградского управления НКВД Медведю и сообщил ему, что выезжает в Ленинград, сопровождая Сталина.	Stalin and Yagoda were immediately notified of Kirov's assassination. Some time later, Yagoda called the head of the Leningrad NKVD department, Medved, and told him that he was leaving for Leningrad, accompanying Stalin.
Запорожец выполнил порученное ему задание. Но его роль на этом не кончилась. В ленинградском управлении НКВД никто, кроме него, не имел понятия, что, по замыслу "хозяина", террористический акт против Кирова должен был в конечном счёте привести к осуждению Зиновьева и Каменева. Запорожец знал, что Сталин, появившись здесь, наверняка захочет повидать Николаева, чтобы определить, годится ли тот для открытого судебного процесса. Необходимо было срочно получить от Николаева соответствующее "признание". В этом случае, как только Сталин	Zaporozhets completed the task entrusted to him. But his role didn't end there. In the Leningrad department of the NKVD, no one except him had any idea that, according to the plan of the "owner", the terrorist act against Kirov should ultimately lead to the condemnation of Zinoviev and Kamenev. The Zaporozhets knew that Stalin, when he arrived here, would certainly want to see Nikolaev to determine whether he was fit for a public trial. It was urgent to get an appropriate "confession" from Nikolaev. In this case, as soon as Stalin arrives, it will be possible to put before him a testimony in which Nikolaev frankly declares that he killed

прибудет, можно будет положить перед ним показания, в которых Николаев чистосердечно заявляет, что убил Кирова по прямому указанию Зиновьева и Каменева.	Kirov on the direct orders of Zinoviev and Kamenev.
Запорожец мобилизовал всю свою энергию, чтобы вырвать у Николаева такое признание, пока Сталин находится ещё в пути. Впрочем, он не предвидел особого сопротивления со стороны убийцы. По опыту работы в НКВД он знал, что даже ни в чём не повинный человек, ошеломлённый арестом и деморализованный неуверенностью в судьбе близких, остающихся на свободе, становится в руках следователей крайне податливым и склонен подписать всё, в чём его обвиняют. Ну а Николаев только что совершил чудовищное преступление - убил члена Политбюро. Теперь он был близок к беспамятству. В своей тюремной камере, обращаясь к надзирателям, он кричал, что ничего не имеет лично против Кирова и совершил террористический акт в минуту отчаяния. От своего "друга" Запорожец узнал, что Николаев очень привязан к жене и детям. На случай, если он станет отказываться от нужных показаний, Запорожец собирался пригрозить ему, что его близкие тоже пострадают. Этого было достаточно, чтобы Николаев подписал любое признание.	Zaporozhets mobilized all his energy to wrest such recognition from Nikolaev while Stalin was still on his way. However, he did not foresee much resistance from the killer. From his experience in the NKVD, he knew that even an innocent person, stunned by arrest and demoralized by uncertainty about the fate of loved ones who remain at large, becomes extremely malleable in the hands of investigators and is inclined to sign everything that he is accused of. Well, Nikolaev just committed a monstrous crime - he killed a member of the Politburo. Now he was close to unconsciousness. In his prison cell, addressing the guards, he shouted that he had nothing personally against Kirov and committed a terrorist act in a moment of despair. From his "friend" Zaporozhets learned that Nikolaev was very attached to his wife and children. In case he began to refuse the necessary testimony, Zaporozhets was going to threaten him that his loved ones would also suffer. This was enough for Nikolaev to sign any confession.
Мешала, правда, небольшая неувязка. Месяца за два до покушения "друг" познакомил Николаева с Запорожцем, представив последнего так: "Мой приятель, тоже рабочий человек". Теперь, если Николаев опознает этого "приятеля-рабочего" в заместителе начальника ленинградского НКВД» ему станет ясно, что "друг" - энкаведистский провокатор. Он сможет сопоставить ряд фактов - звеньев обдуманного заговора, выстраивающих цепь, - как бы это не завело слишком далеко! Здравый смысл должен был подсказать Запорожцу, что лучше передать Николаева кому-нибудь из коллег, который и выжмет из арестованного требуемое признание. Но Запорожец не был склонен уступать заслуженные им лавры кому бы то ни было. Он жаждал во что бы то ни стало сам добиться от Николаева показаний, направленных против Зиновьева и Каменева, и доложить о них Сталину. Приходилось игнорировать то неприятное обстоятельство, что они с Николаевым уже однажды встречались. Встреча была вроде случайной, и оставалось надеяться, что Николаев, подавленный дальнейшими событиями, просто не узнает Запорожца, тем более что тот будет в форме НКВД.	There was, however, a slight inconsistency. About two months before the assassination attempt, a "friend" introduced Nikolaev to Zaporozhets, introducing the latter as follows: "My friend, also a working man." Now, if Nikolaev recognizes this "friend-worker" as the deputy head of the Leningrad NKVD, it will become clear to him that the "friend" is an NKVD provocateur. He will be able to put together a series of facts - the links of a deliberate conspiracy building a chain - no matter how far it goes too far! Common sense should have told Zaporozhets that it would be better to transfer Nikolaev to one of his colleagues, who would squeeze the required confession out of the arrested person. But Zaporozhets was not inclined to cede the laurels he deserved to anyone. He was eager to obtain from Nikolaev evidence directed against Zinoviev and Kamenev at all costs and to report them to Stalin. I had to ignore the unpleasant fact that he and Nikolaev had already met once. The meeting seemed to be accidental, and it remained to be hoped that Nikolaev, depressed by further events, simply would not recognize Zaporozhets, especially since he would be in the form of the NKVD.
Рассчитывая на полную деморализацию Николаева, Запорожец	Counting on the complete demoralization of Nikolaev, Zaporozhets

решил действовать без промедления и распорядился доставить арестованного к нему.	decided to act without delay and ordered to deliver the arrested person to him.
Едва войдя в его кабинет, Николаев узнал в высоком энкаведистском начальстве своего случайного знакомого и понял, что стал жертвой политической провокации. Запорожец обманулся в своих расчётах. Перед ним предстал не жалкий неврастеник, согнувшийся под тяжестью страшного преступления и ареста, а упрямый и бесстрашный фанатик. Николаев прямо заявил Запорожцу, что, ничего не имея против Кирова лично, он всё же доволен, что ему удался этот террористический акт, открывающий эру борьбы с привилегированной кастой партийных бюрократов.	As soon as he entered his office, Nikolaev recognized his casual acquaintance in the high NKVD authorities and realized that he had become a victim of a political provocation. The Zaporozhian was deceived in his calculations. Before him appeared not a miserable neurasthenic, bent under the weight of a terrible crime and arrest, but a stubborn and fearless fanatic. Nikolaev directly told Zaporozhets that, having nothing against Kirov personally, he was nevertheless pleased that he had succeeded in this terrorist act, which opened an era of struggle against the privileged caste of party bureaucrats.
Этот разговор закончился трагикомической сценой. Из кабинета Запорожца послышался крик, дверь кабинета рывком распахнулась, и Запорожец выскочил в приёмную, преследуемый Николаевым с поднятым над головой стулом. Николаева тут же схватили и отправили обратно в тюрьму.	This conversation ended with a tragicomic scene. A shout was heard from Zaporozhets's office, the door of the office flung open with a jerk, and Zaporozhets jumped out into the waiting room, pursued by Nikolaev with a chair raised above his head. Nikolaev was immediately seized and sent back to prison.
Спустя некоторое время надзиратели услышали странный звук, доносившийся из николаевской одиночки. Николаев вновь и вновь бросался на стену, ударяясь в неё головой. В его положении не было другой возможности поскорее покончить счёты с жизнью. Вероятно, он полагал, что заодно он избавляет и свою семью от перспективы следствия с применением пыток. Его пришлось связать и перевести в другую камеру, стены которой были обложены тюфяками. Отныне дежурство в камере нёс особо доверенный сотрудник НКВД. На рассвете следующего дня Запорожец снова пытался завязать разговор с Николаевым, но из этого опять ничего не вышло: Николаев прямо-таки пылал к нему ненавистью, - какие уж тут разговоры! Появление Сталина в Ленинграде было большим событием. Ему был отведён в Смольном целый этаж и сверх того с десяток комнат выделен во внушительном здании НКВД. Эти помещения были полностью изолированы от всех остальных.	After some time, the guards heard a strange sound coming from the Nikolaev loner. Nikolaev threw himself at the wall again and again, hitting it with his head. In his position, there was no other way to quickly end the score with his life. He probably believed that at the same time he was saving his family from the prospect of an investigation with the use of torture. He had to be tied up and transferred to another cell, the walls of which were lined with mattresses. From now on, a specially trusted NKVD officer was on duty in the cell. At dawn the next day, Zaporozhets again tried to strike up a conversation with Nikolaev, but again nothing came of it: Nikolaev was downright blazing with hatred for him - what kind of talk! The appearance of Stalin in Leningrad was a great event. He was assigned a whole floor in Smolny and, in addition, a dozen rooms were allocated in the impressive building of the NKVD. These rooms were completely isolated from all the others.
Сталин немедля принялся за дело. Первым, кого он вызвал к себе, был Филипп Медведь, начальник Ленинградского управления НКВД. Разумеется, этот вызов был чистой формальностью, - Сталин прекрасно знал, что тому ничего не известно об убийстве Кирова, кроме чисто внешних фактов. Медведь был быстро отпущен, и сразу же последовал вызов Запорожца. Сталин говорил с ним с глазу на глаз больше часу, после чего распорядился доставить Николаева.	Stalin immediately set to work. The first person he summoned to him was Philip Medved, the head of the Leningrad department of the NKVD. Of course, this challenge was a pure formality - Stalin knew perfectly well that he knew nothing about the murder of Kirov, except for purely external facts. The bear was quickly released, and the summons of Zaporozhets immediately followed. Stalin spoke to him face to face for more than an hour, after which he ordered Nikolaev to be delivered.
Его разговор с Николаевым происходил в присутствии Ягоды -	His conversation with Nikolaev took place in the presence of Yagoda,

народного комиссара внутренних дел, Миронова - начальника Экономического управления НКВД, и оперативника, доставившего Николаева из камеры. Николаев, войдя в комнату, остановился у порога. Голова его была забинтована. Сталин сделал ему знак подойти ближе и, всматриваясь в него, задал вопрос, прозвучавший почти ласково: - Зачем вы убили такого хорошего человека? Если б не свидетельство Миронова, присутствовавшего при этой сцене, я никогда бы не поверил, что Сталин спросил именно так, - настолько это было непохоже на его обычную манеру разговора.	the people's commissar of internal affairs, Mironov, the head of the Economic Department of the NKVD, and the operative who delivered Nikolaev from the cell. Nikolaev, entering the room, stopped at the threshold. His head was bandaged. Stalin made him a sign to come closer and, peering at him, asked a question that sounded almost affectionately: - Why did you kill such a good man? If it were not for the testimony of Mironov, who was present at this scene, I would never have believed that Stalin asked in this way - it was so unlike his usual manner of speaking.
- Я стрелял не в него, я стрелял в партию! - упрямо отвечал Николаев. В его голосе не чувствовалось ни малейшего трепета перед Сталиным.	- I didn't shoot at him, I shot at the party! - stubbornly answered Nikolaev. There was not the slightest trepidation of Stalin in his voice.
- А где вы взяли револьвер? - продолжал Сталин.	- Where did you get the revolver? Stalin continued.
- Почему вы спрашиваете у меня? Спросите у Запорожца! - последовал дерзкий ответ.	- Why are you asking me? Ask Zaporozhets! came the bold reply.
Лицо Сталина позеленело от злобы. "Заберите его!" - буркнул он.	Stalin's face turned green with anger. "Take him away!" he muttered.
Уже в дверях Николаев попытался задержаться, обернулся к Сталину и хотел что-то добавить, но его тут же вытолкнули за дверь.	Already at the door, Nikolaev tried to linger, turned to Stalin and wanted to add something, but he was immediately pushed out the door.
Как только дверь закрылась, Сталин, покосившись на Миронова, бросил Ягоде: "Мудак!" Не заставляя себя специально просить, Миронов направился к выходу. Несколько минут спустя Ягода слегка приоткрыл дверь, чтобы вызвать Запорожца. Тот оставался наедине со Сталиным не более четверти часа. Выскочив из этой зловещей комнаты, он зашагал по коридору, даже не взглянув на Миронова, продолжавшего сидеть в приёмной.	As soon as the door closed, Stalin, glancing sideways at Mironov, threw to Yagoda: "Asshole!" Without forcing himself to specifically ask, Mironov headed for the exit. A few minutes later, Yagoda slightly opened the door to call Zaporozhets. He remained alone with Stalin for no more than a quarter of an hour. Jumping out of this ominous room, he walked down the corridor, not even looking at Mironov, who continued to sit in the waiting room.
Дело Николаева окончилось полным провалом.	The Nikolaev case ended in complete failure.
"Друг", оказавшийся агентом Запорожца, подбивал его проникнуть в Смольный, тот же "друг" достал ему револьвер - и Николаева уже не оставляло подозрение, что НКВД сам подстрекал его убить Кирова.	A "friend", who turned out to be an agent of Zaporozhets, urged him to get into Smolny, the same "friend" got him a revolver - and Nikolaev no longer left the suspicion that the NKVD itself had incited him to kill Kirov.
Значит, нечего было и думать об открытом суде по "делу об убийстве Кирова". Если б даже и удалось заручиться обещанием Николаева давать показания против Зиновьева и Каменева, на это обещание нельзя было положиться. Кто мог дать гарантию, что то же чувство фанатичного протеста, которое толкнуло Николаева на террористический акт, не овладеет им снова? У него мог вырваться крик, что это не Зиновьев и Каменев, а сам НКВД подстрекал его к убийству. Сталин не мог пойти на столь явный риск. Ему оставалось поторопить НКВД с организацией закрытого процесса, где	So, there was nothing to think about an open trial in the "case of the murder of Kirov." Even if it were possible to obtain Nikolaev's promise to testify against Zinoviev and Kamenev, this promise could not be relied upon. Who could guarantee that the same feeling of fanatical protest that pushed Nikolaev to commit a terrorist act would not take possession of him again? A cry could escape from him that it was not Zinoviev and Kamenev, but the NKVD itself, who instigated him to murder. Stalin could not take such a clear risk. He had to hurry the NKVD with the organization of a closed process, where Nikolaev would

Николаев предстал бы перед тайным трибуналом.	appear before a secret tribunal.
В то же время следовало что-то объяснить народу относительно убийцы Кирова. Безусловно, Сталин не мог объявить, что молодой коммунист действовал в одиночку и по собственной инициативе, протестуя против засилья бюрократического режима, установленного партией. Выгоднее было представить его ставленником русских белогвардейцев. Так появился на свет миф о белоэмигрантах, которые якобы пробрались в СССР из Польши, Литвы и Финляндии для организации террористических актов.	At the same time, something should have been explained to the people about the murderer of Kirov. Of course, Stalin could not announce that the young communist acted alone and on his own initiative, protesting against the dominance of the bureaucratic regime established by the party. It was more profitable to present him as a protege of the Russian White Guards. This is how the myth about white emigrants who allegedly made their way to the USSR from Poland, Lithuania and Finland to organize terrorist acts was born.
Сталин, конечно, постарался замести следы топорной работы Запорожца. Прежде всего он распорядился ликвидировать "друга", не потрудившись даже допросить его. Затем были вызваны заместители Кирова, у которых следовало выведать, не слишком ли многое им известно об этом деле. Но они оказались людьми искушёнными и сообразили, что выказывать свою осведомлённость или проницательность в данном случае просто опасно. В их рассказах Сталина насторожила только одна деталь: услышав выстрел и выскочив из зала заседаний в коридор, они обнаружили, что постоянного кировского охранника поблизости почему-то нет, да и Борисов, только что вызвавший Кирова из зала, куда-то бесследно исчез. Они его никогда больше не встречали...	Stalin, of course, tried to cover up the traces of the clumsy work of the Zaporozhets. First of all, he ordered the liquidation of the "friend" without even bothering to interrogate him. Then Kirov's deputies were called in, who were to be asked if they knew too much about this case. But they turned out to be sophisticated people and realized that it was simply dangerous to show their knowledge or insight in this case. In their stories, Stalin was alarmed by only one detail: when they heard a shot and jumped out of the meeting room into the corridor, they discovered that for some reason there was no permanent Kirov guard nearby, and Borisov, who had just called Kirov out of the hall, disappeared somewhere without a trace. They never saw him again...
В общем-то в таинственном исчезновении Борисова не было ничего сверхъестественного. Он был арестован Запорожцем как знавший кое-что о роли НКВД в организации убийства. Не могу судить, что именно было известно Борисову, но сам этот факт неприятно поразил меня. Дело в том, что Борисов был известен своей абсолютной преданностью Кирову и, казалось бы, не должен был сознательно подыгрывать Запорожцу в ущерб своему "хозяину".	In general, there was nothing supernatural in the mysterious disappearance of Borisov. He was arrested by Zaporozhets as having known something about the role of the NKVD in organizing the assassination. I cannot judge what exactly Borisov knew, but this very fact struck me unpleasantly. The fact is that Borisov was known for his absolute devotion to Kirov and, it would seem, should not have deliberately played along with the Zaporozhets to the detriment of his "master".
Сталин знал, что Борисов арестован и находится в Большом доме . Поговорив с заместителями Кирова, он прибыл в это здание и потребовал привести Борисова. Их разговор был очень кратким, и очень скоро Борисов по распоряжению Сталина был в полной тайне ликвидирован. Итак, Сталин сразу же избавился от двух свидетелей.	Stalin knew that Borisov had been arrested and was in the Big House. After talking with Kirov's deputies, he arrived at this building and demanded that Borisov be brought. Their conversation was very brief, and very soon Borisov, by order of Stalin, was liquidated in complete secrecy. So, Stalin immediately got rid of two witnesses.
Сталинский поезд увёз тело Кирова в Москву. Гроб для прощания с убитым установили, как было принято, в Колонном зале Дома Союзов. Газеты сообщали, что Сталин, стоя в почётном карауле, испытал такой приступ горя и любви к погибшему другу и соратнику, что приблизился к гробу и поцеловал мёртвого. Как	Stalin's train took Kirov's body to Moscow. The coffin for parting with the dead was installed, as was customary, in the Hall of Columns of the House of the Unions. The newspapers reported that Stalin, standing in the guard of honor, experienced such an attack of grief and love for the deceased friend and comrade-in-arms that he approached the coffin and

бывший ученик духовной семинарии он в этот момент не мог не сознавать, что напрашивалась параллель между этим его поцелуем и поцелуем Иуды Искариота, запечатленным на лице Христа.	kissed the dead. As a former student of the theological seminary, at that moment he could not help but realize that a parallel was suggested between this kiss of his and the kiss of Judas Iscariot, imprinted on the face of Christ.
То обстоятельство, что Запорожец так неуклюже выполнил порученное ему тайное задание и что НКВД оставил следы своего участия в убийстве Кирова, заставило Сталина сначала отказаться от идеи обвинить в этом убийстве бывших вождей оппозиции. Но Сталин всегда отступал лишь на время. Поспешно расстреляв непосредственного убийцу и тайно уничтожив опасных свидетелей - посторонних, знавших или подозревавших о роли НКВД в этом преступлении, - Сталин вновь обрел спокойствие и принял решение вернуться к первоначальному замыслу. О том, что это произошло очень скоро, можно судить хотя бы по тому, что официальная пресса, вначале объявившая, что убийство Кирова - дело рук белогвардейских террористов, вдруг изменила тон. Ещё бы - в связи с этим убийством Сталин прямо распорядился привлечь к ответственности Зиновьева, Каменева и других бывших лидеров оппозиции.	The fact that the Zaporozhets so clumsily carried out the secret task entrusted to him and that the NKVD left traces of its participation in the murder of Kirov made Stalin at first abandon the idea of blaming the former leaders of the opposition for this murder. But Stalin always retreated only for a while. Having hastily shot the direct killer and secretly destroyed dangerous witnesses - outsiders who knew or suspected the role of the NKVD in this crime - Stalin regained his calmness and decided to return to the original plan. The fact that this happened very soon can be judged at least by the fact that the official press, which initially announced that the assassination of Kirov was the work of the White Guard terrorists, suddenly changed its tone. Still - in connection with this murder, Stalin directly ordered that Zinoviev, Kamenev and other former leaders of the opposition be held accountable.
На закрытом судебном процессе, состоявшемся 15 января 1935 года, не удалось выдвинуть никаких доказательств соучастия Зиновьева и Каменева в этом преступлении. Тем не менее, под давлением членов военного трибунала и в результате неотступных домогательств Ягоды, на которого в свою очередь давил Сталин, Зиновьев и Каменев согласились признать, что они несут "политическую и моральную ответственность" за убийство, в то же время отрицая какую-либо причастность к. нему. На этом шатком основании им вынесли обвинительный приговор и осудили обоих на пять лет лагерей.	At a closed trial, held on January 15, 1935, it was not possible to put forward any evidence of the complicity of Zinoviev and Kamenev in this crime. Nevertheless, under pressure from the members of the military tribunal and as a result of the relentless harassment of Yagoda, who in turn was pressed by Stalin, Zinoviev and Kamenev agreed to admit that they bear "political and moral responsibility" for the murder, while at the same time denying any involvement in. him. On this shaky basis, they were convicted and both were sentenced to five years in the camps.
ПОСТОЯННЫЕ КОЗЫРИ СТАЛИНА Этот процесс был первым в целой серии громких судебных процессов, направленных на уничтожение почти всех основателей большевистской партии и вождей Октября. Отныне убийство Кирова фигурировало на каждом крупном политическом процессе и каждый раз вменялось в вину всё новым группам обвиняемых.	STALIN'S PERMANENT trump cards This trial was the first in a series of high-profile trials aimed at destroying almost all the founders of the Bolshevik Party and the leaders of October. From now on, the murder of Kirov figured in every major political trial and each time it was imputed to new groups of accused.
Многие критики этих, так называемых московских, процессов считали, что сталинское решение истребить старых большевиков объясняется его неутолимой жаждой мести этим людям. Мести за то, что они не соглашались с его политикой. За то, что настаивали	Many critics of these so-called Moscow trials believed that Stalin's decision to exterminate the old Bolsheviks was due to his unquenchable thirst for revenge on these people. Revenge for the fact that they did not agree with his policies. For insisting on the fulfillment of Lenin's will,

на выполнении ленинского завещания, где предлагалось сместить Сталина с поста генерального секретаря ЦК партии. Невольно приходила на ум сталинская концепция "сладости мщения", - он высказал её как будто в дружеской беседе с Каменевым и Дзержинским. Дело было летним вечером 1923 года, задолго до всех этих процессов. "Выискать врага, - будто бы откровенничал Сталин, - отработать каждую деталь удара, насладиться неотвратимостью мщения - и затем пойти отдыхать... Что может быть слаще этого?.." Конечно, нет ничего удивительного в том, что Сталиным владели подобные изуверские мысли. Ведь он родился и вырос на Кавказе, где кровная месть существовала на протяжении столетий и встречается даже теперь. Так что не приходится сомневаться, что жажда мести играла немалую роль при уничтожении Сталиным большевистской "старой гвардии". Тем не менее, не в одной мести тут дело. Сталин был прежде всего реалистом в политике и руководствовался трезвым расчётом. Известно много случаев, когда он подчинял этому расчёту свои чувства и эмоции. На пути к власти он неоднократно поступался своим самолюбием, высказываясь в пользу собственных врагов, притом наиболее ненавидимых. И, напротив, не считался даже с самыми близкими друзьями, когда это казалось ему выгодным. Так, несмотря на застарелую ненависть к Троцкому, он счёл целесообразным в первую годовщину революции воздать ему должное - притом не где-нибудь, а в газете "Правда", - как главному руководителю Октябрьского восстания, которому партия обязана тем, что петроградский гарнизон практически без сопротивления перешёл на сторону большевиков. Как видим, Сталин сумел тогда глубоко затаить жгучую ненависть к своему опасному сопернику. С тем большей силой она проявилась потом - и в конечном счёте погубила Троцкого.	which proposed to remove Stalin from the post of General Secretary of the Central Committee of the Party. The Stalinist concept of "the sweetness of revenge" involuntarily came to mind - he expressed it as if in a friendly conversation with Kamenev and Dzerzhinsky. It was a summer evening in 1923, long before all these trials. "Find out the enemy," Stalin seemed to be frank, "work out every detail of the blow, enjoy the inevitability of revenge - and then go to rest ... What could be sweeter than this? .." Of course, there is nothing surprising in the fact that Stalin was possessed by such savage thoughts . After all, he was born and raised in the Caucasus, where blood feud has existed for centuries and occurs even now. So there is no doubt that the thirst for revenge played a significant role in the destruction of the Bolshevik "old guard" by Stalin. However, this is not about revenge. Stalin was above all a realist in politics and was guided by a sober calculation. Many cases are known when he subordinated his feelings and emotions to this calculation. On the way to power, he repeatedly sacrificed his pride, speaking out in favor of his own enemies, moreover, the most hated ones. And, on the contrary, he did not even consider his closest friends when it seemed to him advantageous. So, despite his long-standing hatred of Trotsky, he considered it expedient on the first anniversary of the revolution to pay tribute to him - and not just anywhere, but in the newspaper Pravda - as the main leader of the October uprising, to whom the party owes the fact that the Petrograd garrison is practically without resistance went over to the side of the Bolsheviks. As you can see, Stalin was then able to deeply harbor a burning hatred for his dangerous rival. With all the greater force, it manifested itself later - and ultimately ruined Trotsky.
С другой стороны, узы многолетней дружбы не помешали Сталину уничтожить Буду Мдивани и Сергея Кавтарадзе, оказавшихся в оппозиции к его политическому курсу.	On the other hand, the bonds of long-term friendship did not prevent Stalin from destroying Buda Mdivani and Sergei Kavtaradze, who found themselves in opposition to his political course.
Бухарин, лучше чем кто-либо другой знавший Сталина-политика, тоже подчёркивал его чрезвычайно мстительный характер. Впрочем, главной сталинской чертой он считал неутолимую жажду власти. В 1928 году, когда Бухарин ещё оставался членом Политбюро и главой Коминтерна, он как-то втихомолку, ночью, зашёл повидаться с Каменевым, чтобы выразить тому свою поддержку в обстановке коварных сталинских интриг. Говоря с Каменевым,	Bukharin, who knew Stalin the politician better than anyone else, also emphasized his extremely vengeful character. However, he considered the unquenchable thirst for power to be the main Stalinist feature. In 1928, when Bukharin was still a member of the Politburo and head of the Comintern, he somehow secretly, at night, went to see Kamenev in order to express his support to him in an atmosphere of insidious Stalinist intrigues. Speaking to Kamenev, Bukharin described Stalin in the

Бухарин охарактеризовал Сталина такими словами: "Он беспринципный интриган, всё на свете подчиняющий своей жажде власти... Он всегда готов сменить свои взгляды, если считает, что это поможет ему избавиться от кого-либо из нас... Его интересует только власть. Пока что он, чтобы остаться у власти, делает нам уступки, но потом передушит нас всех... Сталин умеет только мстить, вечно держит кинжал за пазухой. Нам бы следовало помнить его мысль насчёт "сладости мщения"!" Свидетельство Бухарина тем более примечательно, что оно не предназначалось для митинга или собрания, не преследовало цели произвести впечатление, а было высказано с глазу на глаз человеку, который и сам достаточно хорошо знал Сталина.	following words: “He is an unprincipled intriguer, subordinating everything in the world to his lust for power ... He is always ready to change his views if he believes that this will help him get rid of any of us ... His he is only interested in power. So far, in order to stay in power, he makes concessions to us, but then he will strangle us all ... Stalin knows only how to take revenge, he always keeps a dagger in his bosom. We should remember his idea about the "sweetness of revenge"!" Bukharin's testimony is all the more remarkable because it was not intended for a rally or meeting, did not pursue the goal of impressing, but was expressed face to face to a person who himself knew Stalin quite well.
Сталинское решение уничтожить большевистскую "старую гвардию" логически вытекало из всей истории его борьбы за власть. Он довольствовался ссылкой предводителей оппозиции в Сибирь и заключением их в лагерь лишь на то время, пока был занят укреплением режима собственной диктатуры. Как только эта цель оказалась достигнутой, и он счёл своё положение достаточно прочным, чтобы безнаказанно сжить со свету потенциальных соперников, - они были уничтожены, покинув политическую арену окончательно и навсегда.	Stalin's decision to destroy the Bolshevik "old guard" followed logically from the entire history of his struggle for power. He was content with exiling the leaders of the opposition to Siberia and imprisoning them in a camp only while he was busy strengthening the regime of his own dictatorship. As soon as this goal was achieved, and he considered his position strong enough to kill potential rivals with impunity, they were destroyed, leaving the political arena completely and forever.
Убийство Кирова, которое Сталину было необходимо для обвинения и ликвидации старых большевиков, не случайно было запланировано им на 1934 год. В этом году страна как раз начала выкарабкиваться из глубокого кризиса, в который она была ввергнута авантюристическими сталинскими методами индустриализации и коллективизации. Кстати, мало кто знает сейчас, что идея такой коренной перестройки экономики первоначально принадлежала Троцкому. Тогда Сталин решительно выступал против неё. Дошло до того, что на заседании ЦК он заявил, что для советской России строить Днепрогэс - то же самое, как если бы русский деревенский мужик вознамерился купить граммофон вместо коровы. Однако в дальнейшем, объявив оппозиционеров вне закона, он изменил своё отношение к их идеям и, более того, начал выдавать их за свои. Притом, если Троцкий настаивал на постепенной коллективизации сельского хозяйства по мере того, как промышленность сможет поставлять машины, необходимые для эффективной работы крупных колхозов, - Сталин решился провозгласить "сплошную коллективизацию". В этой	The assassination of Kirov, which Stalin needed to accuse and liquidate the old Bolsheviks, was not accidentally planned by him for 1934. This year, the country has just begun to get out of the deep crisis into which it was plunged by Stalin's adventurous methods of industrialization and collectivization. By the way, few people now know that the idea of such a radical restructuring of the economy originally belonged to Trotsky. Then Stalin resolutely opposed it. It got to the point that at a meeting of the Central Committee he declared that for Soviet Russia building the Dneproges was the same as if a Russian village peasant had set out to buy a gramophone instead of a cow. However, later, having declared the opposition outside the law, he changed his attitude towards their ideas and, moreover, began to pass them off as his own. Moreover, if Trotsky insisted on the gradual collectivization of agriculture as industry could supply the machines necessary for the efficient operation of large collective farms, Stalin decided to proclaim "complete collectivization." In this area, as in many others, Stalin strove to show himself to be an even more consistent and uncompromising revolutionary than even Trotsky! Acting here, too, with the usual

области, как и во многих других, Сталин стремился выказать себя ещё более последовательным и бескомпромиссным революционером, чем даже Троцкий! Действуя и здесь привычными методами террора и принуждения, Сталин отказывался признать ту простую истину, что кнут не заменит тракторов и комбайнов. Сопротивление крестьянства коллективизации поставило страну на грань экономической катастрофы; Сталин ответил массовыми репрессиями, которые в свою очередь вызвали в ряде областей настоящие восстания сельского населения. На Северном Кавказе и в некоторых областях Украины в их подавлении участвовали вооружённые силы, вплоть до военной авиации.	methods of terror and coercion, Stalin refused to recognize the simple truth that the whip will not replace tractors and combines. The resistance of the peasantry to collectivization brought the country to the brink of an economic disaster; Stalin responded with mass repressions, which in turn caused real uprisings of the rural population in a number of areas. In the North Caucasus and in some regions of Ukraine, the armed forces, up to military aviation, participated in their suppression.
Впрочем, Красная армия сама в значительной мере состояла из сыновей крестьян, которые понимали: в то время, как они подавляют восстание в одной части страны, в другой её части армейские подразделения точно так же брошены против их отцов и братьев. Неудивительно, что было много случаев перехода мелких подразделений армии на сторону восставших крестьян. На том же Северном Кавказе одна из авиационных эскадрилий отказалась вылететь на подавление восставших казачьих станиц. Она была немедленно расформирована, а половина её личного состава расстреляна. Один из сталинских приспешников, Акулов, назначенный заместителем начальника ОГПУ, был вскоре снят как не обеспечивший своевременной помощи со стороны ОГПУ одному из полков, попавшему в окружение: восставшее казацкое население расправилось с этим полком, не оставив в живых ни одного человека. Фриновский, начальник погранвойск ОГПУ, отвечавший за подавление восстаний и проведение карательных операций, докладывал на заседании Политбюро, что в реках северного Кавказа плывут по течению сотни трупов - так велики были потери воинских подразделений. Соответственно этому и восстания были подавлены с невероятной жестокостью. Десятки тысяч крестьян были расстреляны без суда, сотни тысяч - отправлены в ссылку, в сибирские и казахстанские концлагеря, где их ждала медленная смерть.	However, the Red Army itself to a large extent consisted of the sons of peasants, who understood that while they were suppressing the uprising in one part of the country, in another part of it, army units were thrown against their fathers and brothers in the same way. It is not surprising that there were many cases of small units of the army going over to the side of the insurgent peasants. In the same North Caucasus, one of the aviation squadrons refused to fly out to suppress the rebellious Cossack villages. It was immediately disbanded, and half of its personnel were shot. One of Stalin's henchmen, Akulov, appointed deputy head of the OGPU, was soon dismissed as having failed to provide timely assistance from the OGPU to one of the regiments that was surrounded: the insurgent Cossack population dealt with this regiment, leaving not a single person alive. Frinovsky, head of the OGPU border troops, who was responsible for suppressing uprisings and carrying out punitive operations, reported at a meeting of the Politburo that hundreds of corpses were floating in the rivers of the North Caucasus - so great were the losses of military units. Accordingly, the uprisings were suppressed with incredible cruelty. Tens of thousands of peasants were shot without trial, hundreds of thousands were sent into exile, to Siberian and Kazakh concentration camps, where a slow death awaited them.
Ещё одним следствием массовой коллективизации был голод, охвативший былую житницу Европы - Украину, а также Кубань, Поволжье и другие районы страны. Даже те иностранные журналисты, что обычно одобряли сталинскую политику, оценивали количество жертв голода в пять-семь миллионов	Another consequence of mass collectivization was the famine that engulfed the former breadbasket of Europe - Ukraine, as well as the Kuban, the Volga region and other regions of the country. Even those foreign journalists who usually approved of Stalin's policy estimated the number of victims of starvation at five to seven million people ...

человек... Согласно подсчётам ОГПУ в докладе, предназначенном для Сталина, число умерших голодной смертью составляло 3,3-3,5 миллиона. Причиной этого страшного мора были не какие-то природные стихии, неподвластные человеку, а безумие и произвол диктатора, неспособного предвидеть последствия своих действий и равнодушного к страданиям народа. Пресса Запада справедливо окрестила это бедствие "организованным голодом".	According to the calculations of the OGPU in a report intended for Stalin, the number of deaths from starvation was 3.3-3.5 million. The reason for this terrible plague was not some natural elements beyond the control of man, but the madness and arbitrariness of the dictator, unable to foresee the consequences of his actions and indifferent to the suffering of the people. The Western press rightly dubbed this disaster an "organized famine."
По стране бродили сотни тысяч бездомных детей и подростков, чьи родители умерли с голоду, были расстреляны или сосланы. Уделом детей стали попрошайничество и воровство. Для контроля за перемещениями взрослого населения была срочно введена паспортная система. Возникла сеть так называемых закрытых распределителей, снабжавших сталинскую бюрократию продовольствием и другими товарами в условиях всеобщего разорения и голода. Эти распределители ещё больше увеличили ненависть народа к правящей клике и поддерживавшему её слою. Привилегированные лица могли купить здесь, за тот же самый советский рубль в 20-30 раз больше, чем рядовой гражданин в обычном магазине.	Hundreds of thousands of homeless children and teenagers roamed the country, whose parents starved to death, were shot or exiled. Begging and stealing became the lot of children. The passport system was urgently introduced to control the movements of the adult population. A network of so-called closed distributors arose, supplying the Stalinist bureaucracy with food and other goods in conditions of general ruin and famine. These distributors further increased the hatred of the people for the ruling clique and the stratum that supported it. Privileged persons could buy here, for the same Soviet ruble, 20-30 times more than an ordinary citizen in an ordinary store.
Советские газеты не отозвались на страшный голод, поразивший страну, ни единой строкой. Они были заполнены крикливыми сообщениями об успехах индустриализации и восхвалениями "мудрого и любимого" Сталина. Цензура ужесточилась до предела. Корреспондентам иностранной прессы было запрещено выезжать за пределы Москвы и её окрестностей.	Soviet newspapers did not respond to the terrible famine that struck the country with a single line. They were filled with loud reports of the successes of industrialization and praises of the "wise and beloved" Stalin. Censorship has been tightened to the limit. Foreign press correspondents were forbidden to travel outside of Moscow and its environs.
Сталинское руководство предприняло отчаянные усилия, чтобы создать впечатление некоего благосостояния хотя бы в столице - напоказ иностранным дипломатам и журналистам поезда с продовольствием, предназначенным для тех или иных, областей страны, нередко "конфисковывались" по дороге: их заворачивали на Москву. Милиция выбивалась из сил, вылавливая бездомных детей, хватая их на улицах и отправляя в тюремные камеры. А в театрах, как ни в чём не бывало, ставились помпезные спектакли, и знаменитые балетные коллективы выступали с прежним блеском. Пир во время чумы! В стране нарастало всеобщее озлобление против режима, захватившее уже и партийных активистов. Даже аппарат ОГПУ был деморализован сомнениями и страхом за будущее. Бывали дни, когда и Сталин не мог не чувствовать, как почва уходит у него из-под ног. С тревогой выслушивал он	The Stalinist leadership made desperate efforts to create an impression of some kind of prosperity, at least in the capital - for show to foreign diplomats and journalists, trains with food destined for certain regions of the country were often "confiscated" along the way: they were turned to Moscow. The police were exhausted, catching homeless children, grabbing them on the streets and sending them to prison cells. And in theaters, as if nothing had happened, pompous performances were staged, and famous ballet groups performed with their former brilliance. Feast in Time of Plague! General anger against the regime was growing in the country, which had already captured party activists. Even the OGPU apparatus was demoralized by doubts and fear for the future. There were days when even Stalin could not help but feel the ground slipping from under his feet. He listened with anxiety to the daily reports of the OGPU, which noted the scale of unrest in the country and the

ежедневные доклады ОГПУ, где отмечался масштаб волнений в стране и оживление оппозиционных настроений среди партийной массы. В Высшей партийной школе ходили по рукам листки с изложением платформы троцкистов. В Горьковской школе политпросвещения и Московском пединституте распространялись копии ленинского "завещания", находившегося под запретом. На стенах заводских корпусов там и сям появились гневные надписи, направленные против Сталина.	revival of opposition sentiments among the masses of the party. At the Higher Party School, leaflets outlining the platform of the Trotskyites went from hand to hand. In the Gorky School of Political Education and the Moscow Pedagogical Institute, copies of Lenin's "testament" were distributed, which were under a ban. Angry inscriptions directed against Stalin appeared here and there on the walls of the factory buildings.
Именно в эти критические дни, когда сталинская власть зашаталась, он, вероятно, и принял решение: если ему суждено пережить этот кризис и сохранить свою личную власть - в будущем следует избавиться от всех потенциальных соперников, которые сейчас злорадно ждут его падения.	It was during these critical days, when Stalin's power was tottering, that he probably made a decision: if he was destined to survive this crisis and maintain his personal power, in the future he should get rid of all potential rivals who are now gloatingly waiting for his fall.
Ещё задолго, до убийства Кирова Сталин с помощью разнообразных политических махинаций и "силовых приёмов" освободил себя от какого бы то ни было контроля со стороны партийных масс. В 1924 году, после смерти Ленина, он при поддержке Зиновьева и Каменева, напуганных огромной популярностью Троцкого, объявил так называемый "ленинский призыв в партию". В результате масса рабочих и служащих, которые в первый, самый тяжкий период революции держались в стороне от борьбы, хлынули теперь в партию, и партийцы, преданные революционным идеям, оказались разобщёнными в пассивной среде новичков. В дальнейшем, на протяжении 1924-1936 годов, Сталин организовал одну за другой чистки партии, в ходе которых многие мыслящие и получившие боевую закалку коммунисты в условиях сталинского курса объявлялись ненадёжными и лишались партбилетов. Вместо них в партию вовлекались советские служащие-бюрократы. В обмен на материальные блага и возможность карьеры они платили полным подчинением и готовы были выполнять любой приказ, исходивший сверху.	Long before the assassination of Kirov, Stalin, with the help of various political machinations and "powerful methods", freed himself from any kind of control by the party masses. In 1924, after the death of Lenin, he, with the support of Zinoviev and Kamenev, frightened by the enormous popularity of Trotsky, announced the so-called "Lenin call to the party." As a result, a mass of workers and office workers, who in the first, most difficult period of the revolution, kept aloof from the struggle, now poured into the party, and the party members, devoted to revolutionary ideas, found themselves divided in the passive milieu of newcomers. Later, during 1924-1936, Stalin organized one after another purge of the party, during which many thinking and combat-hardened communists under the conditions of the Stalinist course were declared unreliable and deprived of party cards. Instead of them, Soviet bureaucrats were involved in the party. In exchange for material goods and a career opportunity, they paid with complete obedience and were ready to carry out any order that came from above.
Особенно обескровили партию чистки, последовавшие за разгромом оппозиции. Внутрипартийные разногласия уже не разрешались путём дискуссий и голосования, как при Ленине, а пресекались карательными мерами ОГПУ. Малейшее проявление независимости со стороны члена партии оказывалось достаточным, чтобы лишить его партбилета и уволить с работы. Основным положительным качеством партийца стало слепое повиновение парткому, а не преданность программе партии, как прежде. В этих	The purges that followed the crushing of the opposition especially bled the party dry. Internal party disagreements were no longer resolved through discussions and voting, as under Lenin, but were suppressed by the punitive measures of the OGPU. The slightest display of independence on the part of a party member was enough to deprive him of his membership card and dismiss him from his job. The main positive quality of the party member was blind obedience to the party committee, and not devotion to the party program, as before. Under

условиях большевистская партия, представлявшая собой при Ленине живой и мыслящий организм, постепенно деградировала до состояния бездушной машины, лишённой какого бы то ни было влияния на политическую жизнь страны.	these conditions, the Bolshevik Party, which under Lenin was a living and thinking organism, gradually degraded to the state of a soulless machine, devoid of any influence on the political life of the country.
Правда, несмотря на чистки, к 1934 году в партии всё ещё насчитывалось небольшое число старых большевиков, приспособившихся в той или иной степени к сталинскому режиму. Отстранённые от участия в политике, они со свойственной им энергией отдались участию в индустриализации страны и укреплению её обороноспособности. Теперь пришло время убрать с дороги и этих людей, хорошо помнивших, что представляла собой партия при Ленине и Троцком, и понимавших, куда гнёт Сталин в своей политике.	True, despite the purges, by 1934 there were still a small number of old Bolsheviks in the party who had adapted to one degree or another to the Stalinist regime. Dismissed from participation in politics, they devoted themselves with their characteristic energy to participation in the industrialization of the country and strengthening its defense capability. Now it's time to get out of the way and these people, who remembered well what the party was like under Lenin and Trotsky, and who understood where Stalin was oppressing in his politics.
Чтобы от них избавиться, Сталин организовал в 1935 году, под предлогом проверки и обмена партийных билетов, новую чистку, которая с циничной откровенностью была направлена против старых членов партии. Парткомы возглавлялись теперь молодыми людьми, вступившими в партию лишь недавно. Многие из них только что пришли из аппарата ЦК, где занимали разные мелкие должности. Даже партком всего огромного ОГПУ возглавлялся в 1934 году совсем молодым, двадцатипятилетним человеком, неким Балаяном, вступившим в партию всего за год до этого. Именно Балаян организовал комиссию по чистке партии в Дзержинском районе Москвы, которая занималась исключением из партии старых большевиков с солидным дореволюционным тюремным и каторжным стажем.	To get rid of them, Stalin organized in 1935, under the pretext of checking and exchanging party cards, a new purge, which, with cynical frankness, was directed against the old members of the party. The party committees were now led by young people who had only recently joined the party. Many of them had just come from the apparatus of the Central Committee, where they occupied various minor positions. Even the party committee of the entire huge OGPU was headed in 1934 by a very young, twenty-five-year-old man, a certain Balayan, who had joined the party just a year before. It was Balayan who organized the commission for the purge of the party in the Dzerzhinsky district of Moscow, which dealt with the exclusion from the party of old Bolsheviks with a solid pre-revolutionary prison and hard labor experience.
Следующим шагом Сталина был роспуск Общества старых большевиков, последовавший в мае 1935 года. Это общество состояло из старых членов партии, активно занимавшихся подпольной революционной деятельностью при царском режиме и готовивших рабочий класс к революции. Ленин называл этих ветеранов "золотым фондом"; партийные массы относились к ним с любовью и уважением, считая их "совестью партии".	Stalin's next step was the dissolution of the Society of Old Bolsheviks, which followed in May 1935. This society consisted of old party members who were actively engaged in underground revolutionary activities under the tsarist regime and prepared the working class for the revolution. Lenin called these veterans the "golden fund"; the party masses treated them with love and respect, considering them the "conscience of the party."
Обществу старых большевиков принадлежало издательство с типографией, где печатались различные марксистские труды и воспоминания членов Общества, воспроизводящие картины прошлого и участие старых большевиков в создании партии. Разумеется, в этих работах, которые были изданы по большей части ещё при Ленине, имя Сталина почти не упоминалось. В то же время	The Society of Old Bolsheviks owned a publishing house with a printing house, which printed various Marxist works and memoirs of members of the Society, reproducing pictures of the past and the participation of the Old Bolsheviks in the creation of the party. Of course, in these works, which were published for the most part even under Lenin, the name of Stalin was hardly mentioned. At the same

целые главы посвящались деятельности других выдающихся большевиков. Одного этого было достаточно, чтобы Сталин возненавидел ветеранов большевизма. Их труды являлись бы вечным опровержением тех выдуманных сталинских биографий, которые он счёл необходимым заказать, дорвавшись до единоличной власти.	time, entire chapters were devoted to the activities of other prominent Bolsheviks. This alone was enough to make Stalin hate the veterans of Bolshevism. Their works would be an eternal refutation of those fictional Stalinist biographies that he considered it necessary to order, seizing upon the sole power.
Члены Общества старых большевиков с негодованием следили за тем, с какой бесцеремонностью сталинские придворные "теоретики" искажают исторические события, выдумывают басни и не брезгуют даже прямой фальсификацией, чтобы состряпать для Сталина более впечатляющую биографию, представив его ближайшим, сотрудником Ленина. Старые члены партии стали свидетелями запрета, наложенного на труды по истории партии, изданные при Ленине. Эти книги были заменены новыми, заполненными хвалой Сталину и клевещущими на других деятелей революций, которые на самом деле являлись неоспоримыми лидерами партии. Шло время. Сталинская жажда славы становилась всё более неутолимой, так что приходилось изымать из обращения даже эти новые книги по истории партии. На смену им появлялись совершенно уж фантастические писания, где роль Сталина выпячивалась настолько, что оставляла в тени самого Ленина. Старые большевики не могли вычеркнуть из памяти того, что видели в своё время собственными глазами. Не желали они и зазубривать, как школьники, новые легенды, прославлявшие нынешнего диктатора. Этих стариков, проведших лучшие годы своей жизни в царских тюрьмах или в ссылке, Сталин не мог надеяться подкупить. Правда, немногие из них, сломленные житейскими невзгодами и опасающиеся за судьбу своих детей и внуков, скрепя сердце, примкнули к сталинскому лагерю. Но остальные - подавляющее большинство - продолжали считать, что Сталин изменил делу революции. С горечью следили эти люди за торжествующей реакцией, уничтожавшей одно завоевание революции за другим.	Members of the Society of Old Bolsheviks indignantly watched the unceremoniousness with which Stalin's court "theorists" distort historical events, invent fables and do not disdain even outright falsification in order to concoct a more impressive biography for Stalin, presenting him as Lenin's closest collaborator. The old members of the party witnessed the ban imposed on the works on the history of the party, published under Lenin. These books were replaced by new ones filled with praise for Stalin and slandering other revolutionaries who were in fact the undisputed leaders of the party. Time passed. Stalin's thirst for glory became more and more insatiable, so that even these new books on the history of the party had to be withdrawn from circulation. They were replaced by absolutely fantastic writings, where the role of Stalin was emphasized so much that it left Lenin himself in the shadow. The old Bolsheviks could not erase from their memory what they saw in their time with their own eyes. They did not want to memorize, like schoolchildren, new legends that glorified the current dictator. These old men, who had spent the best years of their lives in tsarist prisons or in exile, Stalin could not hope to bribe. True, few of them, broken by everyday hardships and fearing for the fate of their children and grandchildren, reluctantly joined the Stalinist camp. But the rest - the overwhelming majority - continued to believe that Stalin had betrayed the cause of the revolution. These people watched with bitterness the triumphant reaction that destroyed one gain of the revolution after another.
После ареста и ссылки многих членов Общества старых большевиков, репрессированных за участие в оппозиции, оставшиеся на свободе замкнулись в себе. Они были бессильны противостоять сталинской тирании. Богатый политический опыт подсказывал им, что революции свойственны приливы и отливы. Теперь они втайне надеялись, что сталинскую реакцию смоет новая революционная волна. Пока что они помалкивали об этом. Но в	After the arrest and exile of many members of the Society of Old Bolsheviks, who were repressed for participating in the opposition, those who remained at large withdrew into themselves. They were powerless to resist Stalin's tyranny. Rich political experience told them that revolutions ebb and flow. Now they secretly hoped that a new revolutionary wave would wash away the Stalinist reaction. So far they have kept quiet about it. But in the context of the Stalinist dictatorship,

обстановке сталинской диктатуры, делавшей восхваление вождя и его действий обязательным для всех, молчание рассматривалось как признак протеста. Кроме того, пока эти люди имели возможность встречаться в стенах своего Общества и обмениваться мнениями по поводу происходящего Сталин не мог инсценировать судебные процессы и истреблять прежних руководителей большевистской партии.	which made praising the leader and his actions obligatory for everyone, silence was seen as a sign of protest. In addition, while these people had the opportunity to meet within the walls of their Society and exchange views on what was happening, Stalin could not stage trials and exterminate the former leaders of the Bolshevik Party.
После ликвидации Общества старых большевиков ветераны партии начали исчезать один за другим. Они переводились на разные должности в другие города, но лишь единицы достигли места назначения. Большинство были отправлены в Сибирь и бесследно исчезли.	After the liquidation of the Society of Old Bolsheviks, party veterans began to disappear one by one. They were transferred to various positions in other cities, but only a few reached their destination. Most were sent to Siberia and disappeared without a trace.
Месяц спустя Сталин ликвидировал Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Царская каторга, через которую прошли члены этого общества, означала приблизительно то же, что во Франции тех времён - ссылка на Чёртов остров. Сталин, как известно, не удостоился чести побывать в шкуре политкаторжанина.	A month later, Stalin liquidated the Society of Political Prisoners and Exiles. The royal penal servitude, through which the members of this society went, meant approximately the same as in France of those times - a link to the Devil's Island. Stalin, as you know, was not honored to be in the shoes of a political prisoner.
Общество политкаторжан с 1921 года издавало журнал "Каторга и ссылка", посвящённый истории царской тюрьмы, каторги и ссылки, а также истории революционного движения в России до 1917 года. Даже беглый просмотр вышедших номеров этого журнала позволяет установить знаменательный факт: все легендарные герои российского революционного движения, упоминаемые здесь и дожившие до сталинской тирании, были репрессированы. Заговорщиков, угрожавших царскому трону, Сталин счёл теперь опасными для режима его собственной личной власти.	Since 1921, the Society of Political Prisoners has been publishing the journal Katorga and Exile, dedicated to the history of the tsarist prison, hard labor and exile, as well as the history of the revolutionary movement in Russia until 1917. Even a cursory look at the published issues of this magazine allows us to establish a significant fact: all the legendary heroes of the Russian revolutionary movement, mentioned here and who lived to see Stalin's tyranny, were repressed. The conspirators who threatened the tsarist throne, Stalin now considered dangerous to the regime of his own personal power.
Ликвидация обоих обществ состоялась в тот период, когда множество других организаций продолжало существовать, широко субсидировалось и поощрялось свыше. Именно в эти годы по всей стране открылось большое количество клубов для привилегированной бюрократии: директоров промышленных предприятий, директорских жён, владельцев автомашин - и даже "Клуб западных танцев".	The liquidation of both societies took place at a time when many other organizations continued to exist, were widely subsidized and encouraged from above. It was during these years that a large number of clubs were opened throughout the country for privileged bureaucracy: directors of industrial enterprises, directors' wives, car owners - and even the Western Dance Club.
Угрозу своей власти Сталин усматривал не только со стороны ветеранов большевизма. Он опасался также молодого поколения, которое росло в затхлой атмосфере диктаторского режима. Ему было хорошо известно, что в царское время революционные партии вербовали в свои подпольные организации главным образом молодёжь, всегда отличавшуюся повышенным чувством	Stalin saw a threat to his power not only from veterans of Bolshevism. He was also afraid of the younger generation, who grew up in the musty atmosphere of a dictatorial regime. He was well aware that in tsarist times the revolutionary parties recruited into their underground organizations mainly young people, who were always distinguished by a heightened sense of justice and intolerance of any oppression.

справедливости и нетерпимостью к любому гнёту.	
Сталин опасался молодёжи в некотором смысле даже больше, чем старых членов партии. Этих он почти всех знал лично, знал их образ мыслей и их намерения. Каждый из них был занесен в "чёрный список" ЦК и находился под неусыпным надзором ОГПУ. Напротив, в подрастающей молодёжи нелегко было разобраться, рассортировать её и исключить революционизирующие элементы. А между тем в критический момент они могли превратиться в реальную угрозу для сталинской тирании. Поэтому Сталин вновь и вновь требовал от ОГПУ расширения сети осведомителей среди молодёжи, особенно на промышленных предприятиях и в вузах.	Stalin feared the youth, in a sense, even more than the old members of the party. He knew almost all of them personally, knew their way of thinking and their intentions. Each of them was included in the "black list" of the Central Committee and was under the vigilant supervision of the OGPU. On the contrary, it was not easy to make sense of the rising youth, sort it out and exclude revolutionary elements. Meanwhile, at a critical moment, they could turn into a real threat to Stalin's tyranny. Therefore, Stalin again and again demanded that the OGPU expand the network of informers among young people, especially at industrial enterprises and universities.
Все его попытки контролировать молодёжь с помощью комсомола и других массовых организаций потерпели неудачу. По всей стране стихийно возникали молодёжные кружки, участники которых пытались найти ответ на политические вопросы, которые не полагалось задавать вслух. Не имея опыта какой бы то ни было нелегальной деятельности, их участники часто попадали в лапы НКВД.	All his attempts to control the youth with the help of the Komsomol and other mass organizations failed. Youth circles spontaneously sprang up all over the country, whose members tried to find answers to political questions that were not supposed to be asked aloud. Having no experience of any kind of illegal activity, their participants often fell into the clutches of the NKVD.
Недовольство населения отражалось, конечно, и на комсомольцах, особенно происходящих из рабочей среды. Эту молодёжь горько обижало явное неравенство, царящее кругом - полуголодное существование большинства и роскошная жизнь привилегированной бюрократической касты. Сыновья и дочери простых рабочих видели, как их сверстники, дети высоких чинов, назначаются на заманчивые должности в государственном аппарате, в то время как их самих эксплуатируют на тяжёлых работах, где требуется ручной труд. Комсомольцам, завербованным на строительство московского метро, приходилось работать по десять часов в день, нередко по пояс в ледяной воде, а их сверстники из верхов в то же самое время раскатывали по Москве в лимузинах, принадлежащих их папашам. Безжалостная эксплуатация комсомольцев на строительстве метро привела к тому, что сразу восемьсот человек, бросив работу, направились как-то к зданию ЦК комсомола и швырнули там на пол комсомольские билеты, выкрикивая ругательства в адрес правительства. Это происшествие произвело большое впечатление на партийную верхушку. Сталин немедленно собрал на заседание членов Политбюро и потребовал созыва пленума московского комитета партии для обсуждения этой первой в истории комсомола стачки.	The dissatisfaction of the population was reflected, of course, in the Komsomol members, especially those coming from the working environment. These young people were bitterly offended by the obvious inequality that prevailed all around - the half-starved existence of the majority and the luxurious life of a privileged bureaucratic caste. The sons and daughters of ordinary workers have seen their peers, the children of high ranks, be appointed to tempting positions in the state apparatus, while they themselves are exploited in hard work that requires manual labor. Komsomol members recruited to build the Moscow metro had to work ten hours a day, often waist-deep in icy water, while their peers from the top at the same time rolled around Moscow in limousines belonging to their fathers. The ruthless exploitation of Komsomol members on the construction of the subway led to the fact that eight hundred people at once, quitting their jobs, somehow went to the building of the Central Committee of the Komsomol and threw Komsomol tickets on the floor, shouting curses at the government. This incident made a great impression on the party leadership. Stalin immediately called the members of the Politburo to a meeting and demanded that a plenum of the Moscow party committee be convened to discuss this first strike in the history of the Komsomol.

Отсутствие свободы слова и суровое подавление любой критической мысли заставили комсомольцев организовывать нелегальные кружки для обсуждения волнующих вопросов. Реакция властей последовала без промедления: в 1935-1936 годах тысячи комсомольцев были арестованы и отправлены в лагеря Сибири и Казахстана. Одновременно десятки тысяч юношей и девушек, в чьей лояльности власти не были уверены, отправились туда же, будто по собственной воле, - "строить новые города".	The lack of freedom of speech and the severe suppression of any critical thought forced Komsomol members to organize illegal circles to discuss issues of concern. The reaction of the authorities followed without delay: in 1935-1936, thousands of Komsomol members were arrested and sent to camps in Siberia and Kazakhstan. At the same time, tens of thousands of young men and women, in whose loyalty to the authorities they were not sure, went there, as if of their own free will, "to build new cities."
Не рассчитывая на рабочий класс и другие слои населения, Сталин начал поиски иной социальной опоры, которая в случае чего, могла бы поддержать режим его личной власти. Самым смелым шагом в этом направлении следует считать восстановление казачьих войск, упразднённых революцией.	Not counting on the working class and other sections of the population, Stalin began looking for another social support, which, if anything, could support the regime of his personal power. The most daring step in this direction should be considered the restoration of the Cossack troops, abolished by the revolution.
В царское время казаки являлись оплотом трона и орудием подавления революционного движения в России. Казачьи войска составляли самостоятельную часть российской армии, пользовались особыми привилегиями и правом самоуправления. Их шефом был лично царь, а главнокомандующим считался наследник престола. В течение жизни многих поколений казаки с детства обучались военному делу, воспитывались в строго монархическом духе и были убеждёнными врагами революции. Реакционность казаков укоренилась в них столь глубоко, словно они принадлежали к какой-то особой расе, карательные экспедиции, поручавшиеся казакам, топили в крови любую революционную вспышку.	In tsarist times, the Cossacks were the stronghold of the throne and the instrument of suppression of the revolutionary movement in Russia. The Cossack troops were an independent part of the Russian army, enjoyed special privileges and the right to self-government. Their boss was personally the king, and the commander-in-chief was considered the heir to the throne. During the life of many generations, the Cossacks were trained in military affairs from childhood, brought up in a strictly monarchical spirit and were staunch enemies of the revolution. The reactionary nature of the Cossacks was so deeply rooted in them, as if they belonged to some special race, the punitive expeditions entrusted to the Cossacks drowned in blood any revolutionary outbreak.
После Октябрьской революции казачество, разумеется, примкнуло к контрреволюции. Из казаков состояли белые армии-генералов Каледина и Краснова. Добровольческая армия белых на Дону, возглавляемая генералами Алексеевым и Корниловым, тоже была казаческой. Донские и кубанские казаки считались главной силой генерала Деникина. Оренбургские и уральские казаки образовали армию Дутова, сражавшуюся против красных. На протяжении трёх лет гражданской войны казачество ожесточённо сражалось с Красной армией, беспощадно убивало красноармейцев, попавших в плен, а также всех, кто мог быть заподозрен в симпатиях к советской власти.	After the October Revolution, the Cossacks, of course, joined the counter-revolution. The white armies of generals Kaledin and Krasnov consisted of the Cossacks. The White Volunteer Army on the Don, led by Generals Alekseev and Kornilov, was also Cossack. Don and Kuban Cossacks were considered the main force of General Denikin. The Orenburg and Ural Cossacks formed Dutov's army, which fought against the Reds. During the three years of the civil war, the Cossacks fought fiercely with the Red Army, mercilessly killed the Red Army soldiers who were taken prisoner, as well as anyone who could be suspected of sympathy for the Soviet regime.
Теперь Сталин воскресил казачьи войска со всеми их привилегиями, включая казачью военную форму царского времени. Тот факт, что эта акция совпала по времени с разгоном обществ старых большевиков и политкаторжан как нельзя более ярко	Now Stalin resurrected the Cossack troops with all their privileges, including the Cossack military uniform of the tsarist era. The fact that this action coincided with the dispersal of the societies of the old Bolsheviks and political prisoners was the most vivid evidence of the

свидетельствовал о характере сталинских перемен.	nature of Stalin's changes.
На праздновании годовщины ОГПУ, которое состоялось в декабре 1935 года в Большом театре, всех приглашенных поразило присутствие неподалеку от Сталина, в третьей от него ложе, группы казачьих старшин в вызывающей форме царского образца, с золотыми и серебряными аксельбантами. В их честь московский танцевальный ансамбль исполнил казачью пляску. Сталин и Орджоникидзе весело аплодировали. Взгляды присутствующих чаще устремлялись в сторону воскрешённых атаманов, чем на сцену. Бывший начальник ОГПУ, отбывавший когда-то каторгу, прошептал, обращаясь к сидевшим рядом коллегам: "Когда я на них смотрю, во мне вся кровь закипает! Ведь это их работа!" - и наклонил голову, чтобы те могли видеть шрам, оставшийся от удара казацкой шашкой.	At the celebration of the anniversary of the OGPU, which took place in December 1935 at the Bolshoi Theater, all those invited were struck by the presence, not far from Stalin, in the third box from him, of a group of Cossack foremen in a defiant royal uniform, with gold and silver aiguillettes. In their honor, the Moscow dance ensemble performed a Cossack dance. Stalin and Ordzhonikidze applauded cheerfully. The eyes of those present were more often directed towards the resurrected atamans than at the stage. The former head of the OGPU, who had once served hard labor, whispered to his colleagues sitting next to him: "When I look at them, all my blood boils in me! After all, this is their job!" - and tilted his head so that they could see the scar left from the blow of the Cossack saber.
Сталину казаки были нужны, как и царю, для подавления вспышек недовольства: более надёжных исполнителей по этой части найти было трудно.	Stalin, like the tsar, needed the Cossacks to suppress outbreaks of discontent: it was difficult to find more reliable performers in this area.
В сентябре 1935 года советские граждане с удивлением прочли в газетах правительственное постановление, которым в Красной армии взводились звания, упразднённые Октябрьской революцией. До этого дня командиры Красной армии различались по занимаемым должностям: "комроты", "комбат", "комполка" и т.д. Новое постановление восстанавливало почти полную иерархию прежних титулов. Командирские оклады были удвоены, огромные средства отпущены на строительство клубов, домов отдыха и жилых домов, предназначенных исключительно для командного состава. И это было только начало. В дальнейшем Сталин восстановил генеральские звания (хотя ранее народу прививалась - притом успешно - ненависть уже к самому слову "генерал") и военную форму, близкую к дореволюционной, вплоть до золотых и серебряных аксельбантов.	In September 1935, Soviet citizens were surprised to read in the newspapers a government decree by which the ranks abolished by the October Revolution were raised in the Red Army. Until that day, the commanders of the Red Army differed in their positions: "komroty", "battalion commander", "regiment commander", etc. The new decree restored an almost complete hierarchy of the former titles. Commanders' salaries were doubled, huge funds were allocated for the construction of clubs, rest houses and residential buildings intended exclusively for command personnel. And that was just the beginning. In the future, Stalin restored the ranks of generals (although earlier the people were instilled - moreover, successfully - hatred for the very word "general") and a military uniform close to pre-revolutionary, up to gold and silver aiguillettes.
Введение особых воинских званий вкупе с новыми привилегиями для командиров ликвидировало последние остатки товарищеских отношений, сохранявшихся в армии ещё со времён гражданской войны. Всё это преследовало две цели: во-первых, дать командному составу Красной армии реальные стимулы, которые заставили бы их защищать советскую власть, а во-вторых, показать народу, что революция со всеми её обещаниями кончилась и сталинский режим достиг полной стабильности.	The introduction of special military ranks, coupled with new privileges for commanders, eliminated the last remnants of comradely relations that had been preserved in the army since the Civil War. All this pursued two goals: firstly, to give the command staff of the Red Army real incentives that would force them to defend Soviet power, and secondly, to show the people that the revolution with all its promises was over and the Stalinist regime had achieved complete stability.

7 апреля 1935 года советское правительство опубликовало закон, небывалый в истории цивилизованного мира. Этим законом провозглашалась равная со взрослыми ответственность, вплоть до смертной казни, для детей от двенадцати лет и старше за различные преступления, начиная с воровства.	On April 7, 1935, the Soviet government published a law unprecedented in the history of the civilized world. This law proclaimed equal responsibility with adults, up to the death penalty, for children from twelve years of age and older for various crimes, starting with theft.
Народ был поражён этим чудовищным актом. Хорошо зная, что в сталинских судах царят равнодушие и беззаконие, люди испытывали тревогу за детей, которые легко могли стать жертвами ложного обвинения, а то и просто недоразумения. Это нововведение поразило даже тех, кто занимал видное положение среди сталинистской бюрократии.	The people were amazed by this monstrous act. Knowing full well that indifference and lawlessness reigned in Stalin's courts, people were worried about children, who could easily become victims of a false accusation, or even just a misunderstanding. This innovation surprised even those who held prominent positions among the Stalinist bureaucracy.
Желая смягчить жуткое впечатление, произведённое этим законом, правительство прибегло к смехотворной уловке: оно распустило слух, что новый закон направлен главным образом против... беспризорных, которые расхищают продовольствие из колхозных амбаров и железнодорожных вагонов.	Wishing to soften the terrible impression made by this law, the government resorted to a ridiculous trick: it spread the rumor that the new law was directed mainly against ... homeless people who plunder food from collective farm barns and railway cars.
Согласно марксистской теории, преступление является порождением социальной среды, которая сформировала преступника. Если эта точка зрения верна, то она - безжалостный приговор всему сталинскому строю, который даже детей превратил в преступников, притом в столь небывалом количестве, что правительство не придумало ничего лучшего, как распространить на них законодательство, рассчитанное на преступников взрослых. Тот факт, что на восемнадцатом году существования советского государства Сталин решился на введение смертной казни для детей, более ярко, чем другие, говорит о его истинном нравственном облике.	According to Marxist theory, crime is a product of the social environment that shaped the criminal. If this point of view is correct, then it is a ruthless verdict on the entire Stalinist system, which turned even children into criminals, and in such an unprecedented number that the government did not come up with anything better than to extend legislation designed for adult criminals to them. The fact that, in the eighteenth year of the existence of the Soviet state, Stalin decided to introduce the death penalty for children speaks more clearly than others about his true moral character.
Опубликование нового закона застало меня за пределами Советского Союза. Советские дипломаты, находившиеся за рубежом, выражали возмущение этим чудовищным актом сталинского произвола. К тому же Сталин ещё раз показал: на мировое общественное мнение ему наплевать. Один советский посол сказал мне, что он предложил своим подчинённым отменить пресс-конференцию для иностранных корреспондентов и сам избегает встреч с дипломатами других стран из боязни вопросов, касающихся этого позорного закона.	The publication of the new law caught me outside the Soviet Union. Soviet diplomats who were abroad expressed indignation at this monstrous act of Stalin's arbitrariness. In addition, Stalin once again showed that he does not care about world public opinion. One Soviet ambassador told me that he suggested to his subordinates that they cancel the press conference for foreign correspondents and that he himself avoids meetings with diplomats from other countries for fear of questions regarding this shameful law.
В подобной же щекотливой ситуации оказались и лидеры зарубежных коммунистических партий. В августе 1935 года на съезде Объединения французских учителей делегатам-коммунистам был	The leaders of foreign communist parties found themselves in a similar delicate situation. In August 1935, at the congress of the Association of French Teachers, the communist delegates were asked

задан вопрос относительно этого закона. Сначала они не нашли ничего лучшего, как вообще отрицать, что подобный закон принят в Советском Союзе. Когда же на следующий день им показали газету "Известия" с его текстом, они заявили буквально следующее: "При коммунизме дети настолько сознательны и хорошо образованы, что вполне в состоянии отвечать за свои поступки".	about this law. At first they did not find anything better than to deny that such a law had been adopted in the Soviet Union. When the next day they were shown the Izvestiya newspaper with its text, they literally stated the following: "Under communism, children are so conscious and well educated that they are quite capable of answering for their actions."
То обстоятельство, что столь постыдный закон был оглашён без всякого стеснения, ещё труднее поддаётся объяснению, если принять во внимание, что Сталин всегда старался утаить от мира теневые стороны своего режима. Мы знаем, что он постоянно отрицал даже существование в СССР концентрационных лагерей, хотя это ни для кого в мире не являлось тайной. Миллионы заключённых, томившихся при нём в сибирских лагерях, сплошь и рядом попадали за колючую проволоку без какого бы то ни было суда, и о них никогда не упоминалось в советских газетах. Что касается смертных приговоров в СССР, то на каждый такой приговор, вынесенный судом и преданный гласности, приходилось не менее сотни казней, совершённых в полной тайне.	The fact that such a shameful law was promulgated without any embarrassment is even more difficult to explain if we take into account that Stalin always tried to hide the shadowy sides of his regime from the world. We know that he constantly denied even the existence of concentration camps in the USSR, although this was no secret to anyone in the world. Millions of prisoners who languished with him in the Siberian camps, all too often fell behind barbed wire without any trial, and they were never mentioned in Soviet newspapers. As for the death sentences in the USSR, for every such sentence handed down by the court and made public, there were at least a hundred executions committed in complete secrecy.
Обстоятельства, породившие варварский закон, стали мне известны только по возвращении в Москву.	The circumstances that gave rise to the barbaric law became known to me only upon my return to Moscow.
Я узнал, что ещё в 1932 году, когда сотни тысяч беспризорных детей, гонимых голодом, забили железнодорожные станции и крупные юрода, Сталин негласно издал приказ: те из них, кто был схвачен при разграблении продовольственных складов или краже из железнодорожных вагонов, а также те, кто подхватил венерическое заболевание, подлежали расстрелу. Экзекуция должна была производиться в тайне. В результате этих массовых расстрелов и других "административных мероприятий" к лету 1934 года проблема беспризорных детей была разрешена в чисто сталинском духе.	I learned that back in 1932, when hundreds of thousands of homeless children driven by hunger filled railway stations and large towns, Stalin secretly issued an order: those of them who were captured while looting food warehouses or stealing from railway cars, as well as those who caught a venereal disease were to be shot. The execution was to be carried out in secret. As a result of these mass executions and other "administrative measures" by the summer of 1934, the problem of street children was resolved in a purely Stalinist spirit.
Теперешний закон, таким образом, вовсе не был направлен против беспризорников - в этом уже не было необходимости. Его цель была совершенно иной, и выяснилось это, когда Сталин своими инквизиторскими методами начал готовить старых "соратников" к первому московскому процессу 1936 года.	The current law, therefore, was not at all directed against homeless children - this was no longer necessary. His goal was completely different, and this became clear when Stalin, with his inquisitorial methods, began to prepare old "comrades-in-arms" for the first Moscow trial in 1936.
Как я уже упоминал, Зиновьев, и Каменев на какое-то время утолили сталинскую жажду мести, согласившись на тайном судилище 1935 года признать свою "морально-политическую ответственность" за убийство Кирова. Но ненадолго: для ликвидации их обоих, а заодно и других заслуженных членов	As I already mentioned, Zinoviev and Kamenev quenched Stalin's thirst for revenge for a while by agreeing at a secret trial in 1935 to recognize their "moral and political responsibility" for the assassination of Kirov. But not for long: in order to eliminate both of them, and at the same time other honored members of the party, Stalin needed Zinoviev

партии Сталин нуждался в недвусмысленном "признании" Зиновьева и Каменева в том, что именно они организовали покушение на Кирова и вдобавок намеревались убить его самого. Чтобы заставить Зиновьева и Каменева показывать такое на самих себя, и притом в открытом судебном заседании, требовались новые, особо утончённые и эффективные инквизиторские методы. Надлежало найти в душе этих сталинских заложников самую уязвимую, самую чувствительную точку и использовать соответствующий приём пытки.	and Kamenev's unequivocal "confession" that it was they who organized the assassination attempt on Kirov and, in addition, intended to kill him. To force Zinoviev and Kamenev to show this to themselves, and moreover in an open court session, new, especially refined and effective inquisitorial methods were required. It was necessary to find the most vulnerable, most sensitive point in the soul of these Stalinist hostages and use the appropriate method of torture.
Такая болевая точка была найдена: привязанность старых большевиков к своим детям и внукам. Лидерам оппозиции уже однажды угрожали карой, которая может постигнуть их детей. Это произошло в ходе подготовки тайного судилища 1935 года. Тогда они не поверили этим угрозам, полагая, что даже Сталин не пойдёт на такое чудовищное преступление. А теперь бывшим оппозиционерам, находящимся в заключении, просто показали копию газетного листа, где был опубликован правительственный указ, обязывающий суд применять к детям все статьи уголовного кодекса, а стало быть, и любую кару, включая и смертную казнь. Стало ясно, что Сталина они недооценили и что их дети и внуки оказались в смертельной опасности. Так новый закон вошёл в арсенал средств сталинской инквизиции в качестве одного из наиболее действенных орудий моральной пытки и психического давления. Секретарь ЦК Николай Ежов лично распорядился, чтобы текст этого закона лежал перед следователями на всех допросах.	Such a sore point was found: the attachment of the old Bolsheviks to their children and grandchildren. Opposition leaders have already been threatened once with punishment that could befall their children. This happened during the preparation of the secret court of 1935. Then they did not believe these threats, believing that even Stalin would not commit such a monstrous crime. And now the imprisoned former oppositionists were simply shown a copy of a newspaper page where a government decree was published obliging the court to apply all articles of the criminal code to children, and therefore any punishment, including the death penalty. It became clear that they underestimated Stalin and that their children and grandchildren were in mortal danger. So the new law entered the arsenal of the Stalinist inquisition as one of the most effective instruments of moral torture and mental pressure. The Secretary of the Central Committee, Nikolai Yezhov, personally ordered that the text of this law lay before the investigators at all interrogations.
МИСТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ Чудовищные обвинения, выдвинутые Сталиным против старых партийцев, ошеломили весь мир. Обвиняемые, представшие перед судами в Москве, пользовались известностью далеко за рубежами страны. Это были люди, вместе с Лениным и Троцким поднявшие массы российских трудящихся на величайшую социальную революцию и основавшие государство, подобного которому не знала история.	MYSTICAL PROCESSES The monstrous accusations leveled by Stalin against the old party members stunned the whole world. The accused, who appeared before the courts in Moscow, enjoyed fame far beyond the borders of the country. These were the people who, together with Lenin and Trotsky, raised the masses of Russian working people to the greatest social revolution and founded a state the like of which history has never known.
Что могло заставить этих выдающихся деятелей вдруг изменить своим идеалам, своей партии, рабочему классу и совершить ряд гнуснейших преступлений - таких, как шпионаж, предательство, подрыв советской промышленности, вплоть до массового убийства рабочих - и всё это ради единственной цели - восстановить в СССР капитализм? Московские процессы поставили мир перед дилеммой: либо все товарищи и ближайшие помощники Ленина	What could make these outstanding figures suddenly change their ideals, their party, the working class and commit a number of heinous crimes - such as espionage, treason, undermining Soviet industry, up to the massacre of workers - and all this for the sole purpose of restoring capitalism in the USSR ? The Moscow trials put the world in front of a dilemma: either all of Lenin's comrades and closest assistants really turned into traitors and fascist spies, or Stalin is an unprecedented

действительно превратились в изменников и фашистских шпионов, либо Сталин является небывалым фальсификатором и убийцей.	falsifier and murderer.
Замешательство, вызванное чудовищностью обвинений, ещё более возросло, когда все обвиняемые признали свою вину в ходе публичного процесса. Ещё более усилилось недоверие к подобному суду. Странное поведение обвиняемых на суде породило самые разнообразные предположения и догадки: будто бы они давали свои показания под действием гипноза или показания были вырваны пытками, или же подсудимых пичкали специальными снадобьями, парализующими их волю. Только одно никому не "приходило в голову: что Сталин прав и что старые товарищи Ленина сознавались в кошмарных преступлениях потому, что действительно совершили их.	The confusion caused by the enormity of the accusations was further increased when all the accused pleaded guilty in the course of a public trial. Even more intensified distrust of such a court. The strange behavior of the accused at the trial gave rise to a wide variety of assumptions and conjectures: that they gave their testimony under the influence of hypnosis, or that the testimony was torn out by torture, or that the defendants were stuffed with special drugs that paralyze their will. Only one thing did not "occur" to anyone: that Stalin was right and that Lenin's old comrades confessed to nightmarish crimes because they actually committed them.
Сталин, безусловно, понимал, что мир не поверит голословным заявлениям прокуратуры, будто основатели большевистской партии продались Гитлеру или японскому императору и старались восстановить в СССР капиталистические порядки. Поэтому естественно было бы ожидать, что он сделает всё, что в его силах, чтобы только подкрепить обвинения хоть какими-нибудь объективными доказательствами. Тем не менее, ни на одном из трёх московских процессов государственный обвинитель не смог предъявить ни одного документа, доказывающего вину обвиняемых: ни конспиративного письма, ни шпионского донесения, ни хотя бы политической прокламации либо листовки.	Stalin, of course, understood that the world would not believe the allegations of the prosecutor's office that the founders of the Bolshevik Party had sold out to Hitler or the Japanese emperor and were trying to restore the capitalist order in the USSR. Therefore, it would be natural to expect that he would do everything in his power to just support the accusations with at least some objective evidence. Nevertheless, at none of the three Moscow trials, the public prosecutor was able to produce a single document proving the guilt of the accused: neither a secret letter, nor a spy report, nor even a political proclamation or a leaflet.
Эта особенность московских процессов представлялась ещё более странной, если вспомнить, что, согласно обвинительному заключению, масштаб заговора, инкриминированного подсудимым, был гигантским: он охватывал всю территорию Советского Союза, а его участники подозревались в нелегальных поездках в Германию, Францию, Данию, Норвегию, где якобы совещались относительно убийства руководителей советского правительства и расчленения СССР. По всему Советскому Союзу были раскиданы десятки активно действующих террористических и диверсионных групп, которые будто бы совершали покушения на жизнь вождей, взрывали мины и выводили из строя целые промышленные предприятия. В общем, сотни человек в течение целых четырёх лет подготавливали распад государства. Чем же объяснялся тот факт, что НКВД не сумел обнаружить ни единой бумажки или иного вещественного доказательства? В беседе с несколькими иностранными писателями	This feature of the Moscow trials seemed even stranger if we recall that, according to the indictment, the scale of the conspiracy incriminated by the defendants was gigantic: it covered the entire territory of the Soviet Union, and its participants were suspected of illegal trips to Germany, France, Denmark, Norway, where they allegedly deliberated on the assassination of the leaders of the Soviet government and the dismemberment of the USSR. Dozens of active terrorist and sabotage groups were scattered throughout the Soviet Union, which allegedly made attempts on the lives of leaders, detonated mines and disabled entire industrial enterprises. In general, hundreds of people for four whole years were preparing the collapse of the state. What explained the fact that the NKVD was unable to find a single piece of paper or other material evidence? In a conversation with several foreign writers, Stalin explained it this way: the defendants, old and experienced conspirators, destroyed in advance all documents that could harm them.

Сталин объяснил это так: обвиняемые, старые и опытные конспираторы, заранее уничтожили все документы, которые могли бы им повредить. Считая себя знатоком сыскной практики охранного отделения и современного НКВД, Сталин, вероятно, про себя посмеивался над наивностью собственного разъяснения, которое не выдерживало никакой критики.	Considering himself an expert in the detective practice of the security department and the modern NKVD, Stalin probably chuckled to himself at the naivety of his own explanation, which did not stand up to scrutiny.
Партийцы-подпольщики в царской России были не менее опытными конспираторами, чем обвиняемые на московских процессах. Вернее, на скамье подсудимых и до революции, и теперь, при Сталине, сидели одни и те же люди. Тем не менее, полиция постоянно находила на их конспиративных квартирах массу документов, которые затем предъявлялись суду как вещественные доказательства их революционной деятельности. После Февральской революции в архивах охранного отделения были обнаружены сотни секретных партийных документов, включая письма самого Ленина.	Underground party members in tsarist Russia were no less experienced conspirators than those accused in the Moscow trials. Or rather, the same people sat in the dock both before the revolution and now, under Stalin. Nevertheless, the police constantly found a lot of documents in their safe houses, which were then presented to the court as material evidence of their revolutionary activities. After the February Revolution, hundreds of secret party documents were discovered in the archives of the security department, including letters from Lenin himself.
НКВД, подобно дореволюционному охранному отделению, получал в своё распоряжение разного рода "зацепки" и документальные свидетельства с помощью агентов-провокаторов. Замечу, что в распоряжении НКВД было гораздо больше возможностей для вербовки секретных сотрудников, то есть осведомителей, чем у охранного отделения. Последнее, стремясь принудить революционера стать агентом-провокатором, не могло угрожать ему смертью в случае отказа. НКВД не только угрожал, но имел действительную возможность убивать строптивых, так как не нуждался в судебном приговоре. Дореволюционный департамент полиции мог отправить в ссылку самого революционера, однако не имел права сослать или подвергнуть преследованиям членов его семьи. НКВД такими правами обладал.	The NKVD, like the pre-revolutionary security department, received at its disposal all sorts of "hooks" and documentary evidence with the help of agent provocateurs. I note that at the disposal of the NKVD there were much more opportunities for recruiting secret employees, that is, informants, than the security department. The latter, seeking to force the revolutionary to become an agent provocateur, could not threaten him with death if he refused. The NKVD not only threatened, but had a real opportunity to kill the obstinate, since it did not need a court verdict. The pre-revolutionary police department could send the revolutionary himself into exile, but did not have the right to exile or persecute members of his family. The NKVD had such rights.
Когда советское правительство опубликовало отчёт о судебных заседаниях по первому процессу, западная пресса, с самого начала подозревавшая, что Сталин просто сводит счёты с бывшими лидерами оппозиции, подчеркнула тот факт, что суду не было представлено никаких объективных доказательств вины подсудимых. Реакция Запада встревожила Сталина, и он потребовал от государственного обвинителя Вышинского дать на следующем процессе публичное объяснение. И вот в своей речи на втором московском процессе, состоявшемся в январе 1937 года, Вышинский заявил: - Приписываемые обвиняемым деяния ими совершены... Но	When the Soviet government released the trial report of the first trial, the Western press, suspecting from the outset that Stalin was simply settling scores with former opposition leaders, emphasized the fact that no objective evidence of the defendants' guilt had been presented to the court. The reaction of the West alarmed Stalin, and he demanded that the public prosecutor Vyshinsky give a public explanation at the next trial. And so, in his speech at the second Moscow trial, held in January 1937, Vyshinsky declared: “The acts attributed to the accused were committed by them ... But what evidence does our arsenal have in terms of legal requirements? you say, but where do you have documents? ..

какие существуют в нашем арсенале доказательства с точки зрения юридических требований?.. Можно поставить вопрос так: заговор, вы говорите, но где же у вас имеются документы?..	
Я беру на себя смелость утверждать, в согласии с основными требованиями науки уголовного процесса, что в делах о заговорах таких требований предъявлять нельзя.	I take the liberty of asserting, in accordance with the basic requirements of the science of criminal procedure, that such requirements cannot be made in conspiracy cases.
Таким образом, сам государственный обвинитель с циничной откровенностью признал, что обвинение не располагало какими бы то ни было вещественными доказательствами вины подсудимых. У любого думающего человека не мог не возникнуть вопрос: если следователи не смогли предъявить арестованным никаких улик, что же заставило старых большевиков сознаться в преступлениях, которые по советским законам караются смертью? Люди, севшие ныне на скамью подсудимых, не раз представали перед царскими судами и прекрасно ориентировались в основах уголовного законодательства. Они знали, что не обязаны доказывать свою невиновность, что, напротив, бремя доказательства возлагается на государственного обвинителя. Казалось бы, самым разумным для них было хранить молчание и ждать, пока расследование их "дела" не потерпит фиаско. Вместо этого подсудимые, к изумлению всего мира, единодушно сознавались во всех преступлениях, какие только им ни приписывались. Этот необъяснимый феномен повторялся на всех трёх московских процессах. Зная, что следственные органы не располагают ни малейшими уликами против них, арестованные партийцы из каких-то таинственных побуждений согласились обеспечить своих обвинителей единственным компрометирующим материалом, на котором вообще строились процессы - своими собственными признаниями! Вдобавок они делали это с такой готовностью, что юристам и психологам всего мира оставалось только ломать голову: что же происходит? На каждом из процессов подсудимые без малейшего колебания сознавались в самых чудовищных преступлениях. Они называли себя предателями социализма и пособниками фашистов. Они помогали прокурору подыскивать самые ядовитые и уничижительные эпитеты, нужные тому для характеристики их личностей и деятельности... Они старались превзойти друг друга в самобичевании, объявляя себя самыми активными участниками заговора, главными виновниками. С необъяснимым усердием обвиняемые играли роль собственных обвинителей.	Thus, the public prosecutor himself, with cynical frankness, admitted that the prosecution did not have any kind of material evidence of the guilt of the defendants. Any thinking person could not help but wonder: if the investigators could not show any evidence to the arrested, what made the old Bolsheviks confess to crimes that, according to Soviet law, are punishable by death? The people who have now sat in the dock have been brought before the tsarist courts more than once and have an excellent grasp of the fundamentals of criminal law. They knew that they were not required to prove their innocence, that, on the contrary, the burden of proof rested with the public prosecutor. It would seem that the most reasonable thing for them was to remain silent and wait until the investigation of their "case" fails. Instead, the defendants, to the amazement of the whole world, unanimously confessed to all the crimes that were attributed to them. This inexplicable phenomenon was repeated at all three Moscow trials. Knowing that the investigating authorities did not have the slightest evidence against them, the arrested party members, out of some mysterious motives, agreed to provide their accusers with the only compromising material on which the trials were built at all - their own confessions! In addition, they did it with such readiness that lawyers and psychologists around the world could only rack their brains: what is happening? At each of the trials, the defendants, without the slightest hesitation, confessed to the most heinous crimes. They called themselves traitors to socialism and accomplices of the Nazis. They helped the prosecutor find the most venomous and derogatory epithets that he needed to characterize their personalities and activities ... They tried to outdo each other in self-flagellation, declaring themselves the most active participants in the conspiracy, the main culprits. With inexplicable zeal, the accused played the role of their own accusers.

Итак, подсудимые во всём соглашались с тем, что говорил обвинитель, и даже не протестовали, когда он грубо искажал факты их биографий. Так, уступая давлению Вышинского, Зиновьев признал, что он, в сущности, никогда не был настоящим большевиком. Ещё более характерным оказался диалог Вышинского с Христианом Раковским. Раковский был участником революционного движения с 1899 года, после революции Ленин назначил его на пост руководителя советской Украины.	So, the defendants in everything agreed with what the prosecutor said, and did not even protest when he grossly distorted the facts of their biographies. Thus, yielding to Vyshinsky's pressure, Zinoviev admitted that, in essence, he had never been a real Bolshevik. Even more characteristic was Vyshinsky's dialogue with Christian Rakovsky. Rakovsky was a member of the revolutionary movement since 1899, after the revolution, Lenin appointed him to the post of leader of Soviet Ukraine.
Вышинский. Чем вы занимались в Румынии официально? Какие у вас были средства к существованию? Раковский. Я был сыном состоятельного человека. Мой отец был помещиком.	Vyshinsky. What did you do officially in Romania? What kind of livelihood did you have? Rakovsky. I was the son of a wealthy man. My father was a landowner.
Вышинский. Значит, вы жили на доходы в качестве рантье? Раковский. В качестве сельского хозяина.	Vyshinsky. So you lived off the income as a rentier? Rakovsky. as a farmer.
Вышинский. То есть помещика? Раковский. Да.	Vyshinsky. That is, the landowner? Rakovsky. Yes.
Вышинский. Значит, не только ваш отец был помещиком, но и вы были помещиком, эксплуататором? Раковский. Ну конечно, я эксплуатировал. Получал же я доходы, а доходы, как известно, получаются от прибавочной стоимости.	Vyshinsky. So, not only was your father a landowner, but you were a landowner, an exploiter? Rakovsky. Well, of course, I exploited. I received income, and income, as you know, is obtained from surplus value.
Вышинский. Ну ладно. Для меня важно было установить источник ваших доходов.	Vyshinsky. OK. It was important for me to establish the source of your income.
Раковский. А для меня важно сказать, на что я их тратил! Вышинский. Это другой разговор. А сейчас вы поддерживаете отношения с различными помещичьими кругами? Обвинитель так и не дал возможности Раковскому сказать, что он делал с наследством, полученным от отца. Почему же? Только потому, что Вышинский отлично знал - да и многие в партии знали, - что Раковский отдал всё унаследованное им состояние в фонд революционного движения. На его деньги существовала Румынская социалистическая партия, которую он же сам и основал, и ежедневная социалистическая газета, - он же её и редактировал. Наряду с этим Раковский субсидировал несколько революционных организаций в разных странах и оказывал материальную поддержку революционному движению в России, А здесь ему не позволили даже сказать, что всё полученное им наследство было отдано партии! Вышинскому было важнее всячески выпячивать "помещичье прошлое" Раковского.	Rakovsky. And for me it is important to say what I spent them on! Vyshinsky. This is a different conversation. And now you maintain relations with various landlord circles? The prosecutor did not give Rakovsky the opportunity to say what he did with the inheritance received from his father. Why? Only because Vyshinsky knew perfectly well - and many in the party knew - that Rakovsky had given away all the fortune he had inherited to the fund of the revolutionary movement. With his money, the Romanian Socialist Party existed, which he himself founded, and the socialist daily newspaper, which he edited. Along with this, Rakovsky subsidized several revolutionary organizations in different countries and provided material support to the revolutionary movement in Russia. And here he was not even allowed to say that all the inheritance he received was given to the party! It was more important for Vyshinsky to stick out Rakovsky's "landlord past" in every possible way.
Даже в томе "Малой советской энциклопедии", вышедшем уже после исключения Раковского из ВКП(б) за участие в антисталинской оппозиции, пришлось указать, что этот человек	Even in the volume of the Little Soviet Encyclopedia, which came out after Rakovsky was expelled from the CPSU (b) for participating in the anti-Stalinist opposition, it was necessary to indicate that this man

стал профессиональным революционером с шестнадцати лет, принимал активное участие в рабочем движении многих стран, неоднократно подвергался за это аресту. Более того, энциклопедия сообщает, что в мае 1917 года он в связи с революционными событиями в России был освобождён русскими солдатами из румынской тюрьмы в Яссах.	became a professional revolutionary from the age of sixteen, took an active part in the labor movement of many countries, was repeatedly subjected to it's an arrest. Moreover, the encyclopedia reports that in May 1917, in connection with the revolutionary events in Russia, he was released by Russian soldiers from the Romanian prison in Iasi.
Нежелание старых большевиков даже пальцем пошевельнуть в свою защиту само по себе уже настораживало. Но ещё более показателен такой факт: проявляя столь странное равнодушие к собственной защите, обвиняемые в то же время постоянно отстаивали правоту Сталина и его политику, оправдывая даже московские процессы, которые он затеял против них.	The unwillingness of the old Bolsheviks to even lift a finger in their defense was alarming in itself. But even more indicative is this fact: showing such a strange indifference to their own defense, the accused at the same time constantly defended the correctness of Stalin and his policy, justifying even the Moscow trials that he started against them.
- Партия, - говорил Зиновьев в своём последнем слове, - видела, куда мы идём, и предостерегала нас. В одном из своих выступлений Сталин подчеркнул, что эти тенденции среди оппозиции могут привести к тому, что она захочет силой навязать партии свою волю… Но мы не внимали этим предупреждениям.	“The Party,” said Zinoviev in his last speech, “saw where we were going and warned us. In one of his speeches, Stalin emphasized that these tendencies among the opposition could lead to the fact that it would want to impose its will on the party by force ... But we did not heed these warnings.
Подсудимый Каменев в последнем слове сказал: - В третий раз я предстал перед пролетарским судом… Дважды мне сохранили жизнь. Но есть предел великодушию пролетариата, и мы дошли до этого предела.	Defendant Kamenev said in his last speech: - For the third time I appeared before the proletarian court ... Twice they saved my life. But there is a limit to the generosity of the proletariat, and we have reached this limit.
Вот уж, действительно, необычайное явление! Очутившись на краю пропасти, под гнётом обвинения, старые большевики рвутся на помощь Сталину, вместо того чтобы спасать себя, - будто не им грозит смертная казнь. А ведь из простого чувства самосохранения они должны были хотя бы в последнем слове сделать отчаянную попытку защитить себя и спастись, а вместо этого они тратят последние минуты жизни на восхваление своего палача. Они заверяют окружающих, что он всегда был слишком терпелив и слишком великодушен по отношению к ним, так что теперь имеет право их уничтожить…	This is truly an extraordinary phenomenon! Finding themselves on the edge of the abyss, under the yoke of accusation, the old Bolsheviks are eager to help Stalin, instead of saving themselves, as if they were not threatened with the death penalty. But out of a simple sense of self-preservation, they should have made a desperate attempt to protect themselves and save themselves at least in the last word, and instead they spend the last minutes of their lives praising their executioner. They assure those around him that he has always been too patient and too generous towards them, so now he has the right to destroy them...
Оценивая их поведение, можно подумать, что каждым из них владело единственное непреодолимое желание: поскорее умереть. Но это не так. Они отчаянно боролись за жизнь, - но не доказывая свою невиновность, как поступают обвиняемые перед настоящим, беспристрастным, справедливым судом, а лишь стремясь возможно более точно соблюсти уговор со Сталиным: оклеветать себя, восславить его.	Assessing their behavior, one might think that each of them had a single irresistible desire: to die as soon as possible. But it is not. They fought desperately for their lives, but not proving their innocence, as the accused do before a real, impartial, fair court, but only trying to keep their agreement with Stalin as accurately as possible: to slander themselves, to glorify him.
Сталин знал, что уже первый из московских процессов был	Stalin knew that even the first of the Moscow trials was met with

встречен на Западе с недоверием. Было трудно поверить, что недавние вожди советского народа вдруг превратились в предателей и убийц. Естественно, возникли предположения, что эти люди оклеветали себя, будучи подвергнуты пыткам, и что Сталин просто прикрывает судебной процедурой убийство ни в чём не повинных людей. Сталину было чрезвычайно важно рассеять такое впечатление. Но как? Если он попытается уверять, что старых партийцев не пытали, это лишь укрепит подозрение в том, что пытки всё-таки были. И вот на двух последующих московских процессах не кто иной, как сами обвиняемые, встают и опровергают упорные слухи о том, будто к ним применялись пытки.	distrust in the West. It was hard to believe that the recent leaders of the Soviet people suddenly turned into traitors and murderers. Naturally, there were suggestions that these people slandered themselves by being tortured, and that Stalin was simply covering up the murder of innocent people with a judicial procedure. It was extremely important for Stalin to dispel this impression. But how? If he tries to assure that the old party members were not tortured, this will only strengthen the suspicion that torture did take place. And at the next two Moscow trials, none other than the defendants themselves stand up and refute persistent rumors that they were tortured.
Например, Бухарин, выступая на третьем московском процессе, назвал "заграничными выдумками", будто он и другие подсудимые подвергались пыткам, воздействию гипноза и наркотических средств, "сказками и безусловно контрреволюционными баснями".	For example, Bukharin, speaking at the third Moscow trial, called "foreign inventions" that he and other defendants were subjected to torture, hypnosis and drugs, "fairy tales and unconditionally counter-revolutionary fables."
Интересно, кстати, было бы узнать, какими путями Бухарин проведал, что пишет о нём зарубежная пресса. Как известно, в Советском Союзе никто, даже и те граждане, что находились на свободе, не имели доступа к иностранным газетам, - что же тут говорить о заключённых! Обвиняемый на втором процессе Радек, славившийся остроумием, кажется, даже слегка переусердствовал в стремлении обелить сталинское следствие. Он сказал, выступая в зале суда: - Два с половиной месяца я мучил следователя. Здесь поднимался вопрос, не мучили ли нас в ходе следствия. Я должен сказать, что со мной дело обстояло как раз наоборот: это я мучил следователя, а не он меня! Что за парадокс: старые большевики были ужасно удручены тем, что мир сомневался в их виновности! Их прямо-таки выводил из себя тот факт, что в других странах их продолжали считать порядочными людьми и жертвами сталинской инквизиции, а вовсе не шпионами, предателями и убийцами. Накануне того дня, когда по приказу своего заклятого врага им предстояло получить пулю в затылок, они беспокоились о том, как бы в мире не подумали, что Сталин - бесчестный обманщик, заставивший их клеветать на себя и друг на друга.	It would be interesting, by the way, to find out in what ways Bukharin found out what the foreign press writes about him. As you know, in the Soviet Union, no one, even those citizens who were at large, had access to foreign newspapers - what can we say about prisoners! Accused at the second trial, Radek, who was famous for his wit, seems to have even slightly overzealous in his desire to whitewash the Stalinist investigation. He said, speaking in the courtroom: - For two and a half months I tortured the investigator. Here the question was raised whether we were tortured during the investigation. I must say that it was just the opposite with me: it was I who tormented the investigator, and not he me! What a paradox: the old Bolsheviks were terribly dejected that the world doubted their guilt! They were downright outraged by the fact that in other countries they continued to be considered decent people and victims of the Stalinist inquisition, and not at all spies, traitors and murderers. On the eve of the day when, on the orders of their sworn enemy, they were to receive a bullet in the back of the head, they were worried that the world would not think that Stalin was a dishonest deceiver who had forced them to slander themselves and each other.
Одной из особенностей московских процессов явилось поразительное единомыслие, связывавшее обвиняемых, обвинителя и защиту. Все они стремились доказать, что подсудимые несут ответственность за любые бедствия, обрушившиеся на советский народ - за голод, за частые железнодорожные катастрофы, за аварии	One of the features of the Moscow trials was the striking unanimity that connected the accused, the accuser, and the defense. All of them sought to prove that the defendants were responsible for any disaster that befell the Soviet people - for famine, for frequent railway accidents, for accidents at factories and mines, accompanied by the death of

на заводах и шахтах, сопровождавшиеся гибелью рабочих, за крестьянские восстания и даже за непомерный падёж скота, - в то время как Сталин, и никто кроме, является спасителем народа и "надеждой мира". Заявления подсудимых не отличались от деклараций прокурора. Речи защитников содержали ещё более резкие выпады по адресу обвиняемых, чем позволял себе государственный обвинитель.	workers, for peasant uprisings, and even for the exorbitant loss of livestock - while while Stalin, and no one else, is the savior of the people and "the hope of the world." The statements of the defendants did not differ from the declarations of the prosecutor. The defense lawyers' speeches contained even sharper attacks on the accused than the public prosecutor allowed himself.
Хотя сам Вышинский отметил, что следственные органы не смогли обнаружить документальных свидетельств и, таким образом, обвинение основывается лишь на признаниях обвиняемых, защитник Брауде заявил на суде: - В настоящем деле, товарищи судьи, не может быть спора о фактах. Товарищ прокурор был совершенно прав, когда заявил, что со всех точек зрения - с точки зрения документов, собранных по делу, с точки зрения допроса вызванных в суд свидетелей... все факты подтверждены, и в этой части защита не имеет намерения входить в какое-либо противоречие с обвинением.	Although Vyshinsky himself noted that the investigating authorities could not find documentary evidence and, therefore, the prosecution was based only on the confessions of the accused, Braude's defense lawyer stated at the trial: - In the present case, comrades of the judge, there can be no dispute about the facts. The comrade prosecutor was absolutely right when he said that from all points of view - from the point of view of the documents collected in the case, from the point of view of the interrogation of witnesses summoned to the court ... all the facts are confirmed, and in this part the defense has no intention of entering into any or conflict with the accusation.
Другой защитник, Казначеев, в своей речи на втором из московских процессов сказал: - Факты дела основаны не только на показаниях обвиняемых, но и отягощены весом свидетельств, имеющихся в нашем распоряжении. Тяжесть вины подсудимых не поддаётся измерению! Кто-нибудь может подумать, что так называемые защитники произносили подобные речи, утратив всякое чувство стыда и стараясь не встречаться глазами со своими подзащитными, а те, напротив, метали в их сторону гневные взгляды, поскольку их доверие к защите оказалось так подло обмануто. Ничего подобного! Защитники не могли испытывать угрызений совести, да и подсудимые вовсе не были охвачены негодованием. Все участники сталинских процессов знали, что каждый из них, будь то обвиняемый или защитник, прокурор или судья, действует не по своей воле, а вынужден играть роль, назначенную ему в строгом соответствии с заранее подготовленным сценарием. Перед каждым маячит роковая дилемма. Для обвиняемого она выглядит так: играть роль уголовного преступника - или погубить не только себя, но и свою семью. Для обвинителя и председателя трибунала - провести судебный спектакль, назначенный Сталиным, без сучка и задоринки или погибнуть ни за что, за малейшую ошибку, которая даст повод заподозрить, что всё дело шито белыми нитками. Для защитника - в точности исполнить	Another defender, Kaznacheev, in his speech at the second of the Moscow trials, said: - The facts of the case are based not only on the testimony of the accused, but are also weighed down by the weight of the evidence at our disposal. The gravity of the defendants' guilt is incalculable! One might think that the so-called defenders made such speeches, having lost all sense of shame and trying not to meet the eyes of their clients, and that, on the contrary, they threw angry glances in their direction, since their trust in the defense had been so vilely deceived. Nothing like this! The defenders could not feel remorse, and the defendants were not at all indignant. All the participants in the Stalinist trials knew that each of them, be it the accused or the defender, the prosecutor or the judge, did not act of his own free will, but was forced to play the role assigned to him in strict accordance with a pre-prepared scenario. Everyone faces a fatal dilemma. For the accused, it looks like this: to play the role of a criminal - or to destroy not only himself, but also his family. For the prosecutor and the chairman of the tribunal - to conduct a court performance, appointed by Stalin, without a hitch or to die for nothing, for the slightest mistake, which will give reason to suspect that the whole thing is sewn with white thread. For the defender - to exactly fulfill the secret instructions received from the prosecutor, or to share the fate of his clients ...

тайную инструкцию, полученную от прокурора, или разделить судьбу своих подзащитных...	
Одна из целей Сталина состояла в том, чтобы запугать недовольные массы рабочих и тех членов партии, кто всё ещё сочувствовал оппозиционерам. Требовалось показать им, какая судьба ждёт любого, кто осмелится поднять голос против сталинской диктатуры. В соответствии с этой целью обвиняемые со своей стороны обратились к членам партии с недвусмысленными предостережениями.	One of Stalin's goals was to intimidate the discontented masses of workers and those party members who still sympathized with the opposition. It was necessary to show them what fate awaits anyone who dares to raise their voice against the Stalinist dictatorship. In accordance with this purpose, the defendants, for their part, addressed the members of the party with unambiguous warnings.
Подсудимый Богуславский сказал: "Я начал с пустяка, который, на первый взгляд, может показаться невинным... В один прекрасный день вы сворачиваете с дороги, совершаете ошибку, вы настаиваете на своих ошибках и, как правильно сказал вчера государственный обвинитель, это может привести и приводит, как в нашем случае, к фашистскому контрреволюционному болоту".	Defendant Boguslavsky said: "I started with a trifle, which, at first glance, may seem innocent ... One fine day you turn off the road, make a mistake, you insist on your mistakes and, as the public prosecutor rightly said yesterday, this can lead and leads, as in our case, to the fascist counter-revolutionary swamp.
Подсудимый Розенгольц выразил ту же сталинскую угрозу такими словами: "Жалкой и несчастной будет судьба того, кто допустит хоть малейшее отклонение от генеральной линии партии!" Намечая сценарии судебных спектаклей, Сталин не смог сдержать своей страсти к самовосхвалению. Естественно, что ход этих процессов отразил симпатии и антипатии, чувства и мысли сценариста.	The defendant Rosengolts expressed the same Stalinist threat in these words: "Miserable and unfortunate will be the fate of the one who allows even the slightest deviation from the general line of the party!" Outlining scenarios for court performances, Stalin could not restrain his passion for self-praise. Naturally, the course of these processes reflected the likes and dislikes, feelings and thoughts of the screenwriter.
Вышинский, соответственно, уснащал свои обвинительные речи обильными дифирамбами "великому, гениальному, мудрому, любимому и дорогому Сталину", а одно из выступлений закончил так: - Мы, наш народ будем по-прежнему шагать по очищенной от последней нечисти и мерзости прошлого дороге во главе с нашим любимым вождем и учителем - великим Сталиным - вперёд и вперёд, к коммунизму! Бухарин на суде восклицал: "Он (Сталин, разумеется, - А. О.) - надежда человечества! Он - зиждитель!" Другой подсудимый, Розенгольц, провозглашал: "Да здравствует партия большевиков с её традициями энтузиазма, героизма, самопожертвования, которых нет нигде в мире, кроме как в нашей стране, идущей к светлому будущему под руководством Сталина!" От прокурора и подсудимых не отставали и защитники: "Что же касается сталинского руководства, против которого была направлена эта борьба, - рассуждал защитник Коммодов, - ...170 миллионов заслонили своего вождя стеною любви, уважения и преданности, которую не сломить никому! Никому и никогда!" И	Vyshinsky, accordingly, filled his accusatory speeches with plentiful praises to "the great, brilliant, wise, beloved and dear Stalin," and ended one of his speeches as follows: - We, our people, will continue to walk along the road cleansed of the last evil spirits and abominations of the past. led by our beloved leader and teacher - the great Stalin - forward and forward, towards communism! Bukharin exclaimed at the trial: "He (Stalin, of course - A.O.) is the hope of mankind! He is the builder!" Another defendant, Rozengolts, proclaimed: "Long live the Bolshevik Party with its traditions of enthusiasm, heroism, self-sacrifice, which are not found anywhere else in the world, except in our country, moving towards a brighter future under the leadership of Stalin!" The defenders did not lag behind the prosecutor and the defendants: "As for the Stalinist leadership, against whom this struggle was directed," Kommodov's defender reasoned, "...170 million shielded their leader with a wall of love, respect and devotion that no one can break! No one and never!" And such and such a hodgepodge of all sorts of falsifications, propaganda and self-promotion Stalin tried to pass off as an objective

такую-то мешанину из всякого рода фальсификаций, пропаганды и саморекламы Сталин пытался выдать за объективный суд! Каждый, кому привелось читать или хотя бы просматривать официальные стенограммы московских процессов, наверняка заметил, что все они направлены в первую очередь против Троцкого. Он был особенно ненавистен Сталину, и ненависть только усиливалась оттого, что с 1929 года Троцкий находился за границей, в изгнании, и был вне пределов досягаемости.	court! Anyone who happened to read or even look at the official transcripts of the Moscow trials will surely notice that they are all directed primarily against Trotsky. He was especially hated by Stalin, and the hatred was only intensified by the fact that since 1929 Trotsky was abroad, in exile, and out of reach.
Не имея возможности казнить этого выдающегося руководителя двух русских революций - 1905 и 1917 года - вместе с остальными сподвижниками Ленина, Сталин временно удовлетворил свою жажду мести, заставив всех участников московских процессов - подсудимых, прокурора и защитников - поносить Троцкого и изображать его главным преступником и моральным выродком.	Unable to execute this outstanding leader of two Russian revolutions - 1905 and 1917 - along with the rest of Lenin's associates, Stalin temporarily satisfied his thirst for revenge by forcing all participants in the Moscow trials - the defendants, the prosecutor and the defenders - to vilify Trotsky and portray him as the main criminal and moral geek.
Задавшись целью представить Троцкого в качестве организатора и руководителя всего "контрреволюционного подполья", Сталин выдумал "нити заговора", тянущиеся в СССР из тех стран, где в разное время жил Троцкий - Дании, Франции, Норвегии.	Having set out to present Trotsky as the organizer and leader of the entire "counter-revolutionary underground", Stalin invented "threads of conspiracy" stretching to the USSR from those countries where Trotsky lived at different times - Denmark, France, Norway.
Сталин наметил два вида этих связей Троцкого с "контрреволюционным подпольем". Во-первых, Троцкий якобы ведёт тайную переписку с руководителями этого подполья, находящимися в СССР, Во-вторых, они специально приезжают к нему из Советского Союза, чтобы отчитаться перед ним и получить новые директивы.	Stalin outlined two types of these connections between Trotsky and the "counter-revolutionary underground". Firstly, Trotsky allegedly conducts secret correspondence with the leaders of this underground who are in the USSR. Secondly, they specially come to him from the Soviet Union to report to him and receive new directives.
Мы уже знаем, что на московских процессах государственный обвинитель не смог предъявить ни одной строчки из этой "тайной переписки", хотя она шла якобы в течение нескольких лет. Тем более важно было доказать, что, по крайней мере, тайные свидания "заговорщиков" с Троцким действительно происходили, и не раз. Ради подкрепления этой версии руководство НКВД внушило троим обвиняемым - Гольцману, Пятакову и Ромму, - что им надлежит признать на суде, будто бы каждый из них в разное время встречался с Троцким за границей и получал от него директивы для подпольной организации. Показания этих обвиняемых сделались главным козырем обвинения и, как рассчитывал Сталин, должны были принести немалый эффект. Однако неожиданно для него выяснилось, что существенные детали этих встреч с Троцким не выдерживают критики. Это обстоятельство лишило всякого юридического смысла "признания" обвиняемых об их свиданиях с	We already know that at the Moscow trials the public prosecutor was unable to produce a single line from this "secret correspondence", although it allegedly went on for several years. It was all the more important to prove that, at the very least, secret meetings between the "conspirators" and Trotsky actually took place, and more than once. In order to reinforce this version, the leadership of the NKVD inspired the three defendants - Goltsman, Pyatakov and Romm - that they should admit in court that each of them had met with Trotsky abroad at different times and received directives from him for an underground organization. The testimonies of these defendants became the main trump card of the prosecution and, as Stalin hoped, should have had a considerable effect. However, unexpectedly for him, it turned out that the essential details of these meetings with Trotsky did not withstand criticism. This circumstance deprived the defendants of any legal sense of the "confession" of their meetings with Trotsky.

Троцким.	
Промах, допущенный в этом вопросе Сталиным, объясняется просто. Дело в том, что Троцкий жил за границей с 1929 года, когда его выслали из СССР. Естественно, только там он и мог встречаться с "заговорщиками". Идея таких встреч казалась Сталину настолько соблазнительной, что он упустил из виду весьма немаловажное обстоятельство: власть НКВД на заграницу не распространялась, следовательно, там нельзя было пресечь проверку фактов и установление истины. В этих условиях юридический спектакль, основанный на мнимых свиданиях "заговорщиков" с Троцким, был сопряжён с большим риском.	The mistake made by Stalin in this matter can be easily explained. The fact is that Trotsky had lived abroad since 1929, when he was expelled from the USSR. Naturally, only there he could meet with the "conspirators". The idea of such meetings seemed so tempting to Stalin that he lost sight of a very important circumstance: the power of the NKVD did not extend to foreign countries, therefore, it was impossible to stop checking the facts and establishing the truth there. Under these conditions, the legal spectacle, based on the alleged meetings of the "conspirators" with Trotsky, was fraught with great risk.
Разоблачение сталинской выдумки в данном случае произошло так.	The exposure of Stalin's fiction in this case happened like this.
На первом из московских процессов подсудимый Гольцман признался, что, будучи послан со служебным поручением в Берлин в ноябре 1932 года, он тайно встретился там со Львом Седовым, сыном Троцкого, и, по поручению одного из руководителей заговора (И. Н. Смирнова), передал ему для Троцкого некие отчёт и шифр для дальнейшей связи. В ходе одной из следующих встреч Седов якобы предложил Гольцману съездить вместе с ним к Троцкому, жившему тогда в Копенгагене.	At the first of the Moscow trials, the defendant Goltsman admitted that, having been sent on an official assignment to Berlin in November 1932, he secretly met there with Lev Sedov, the son of Trotsky, and, on behalf of one of the leaders of the conspiracy (I. N. Smirnov), gave him some report and code for Trotsky for further communication. During one of the following meetings, Sedov allegedly invited Holtzman to go with him to Trotsky, who was then living in Copenhagen.
"Я согласился, - показывал Гольцман на суде, - но предупредил его, что по соображениям конспирации мы не должны ехать туда вдвоём. Я договорился с Седовым, что буду в Копенгагене через два или три дня, остановлюсь в гостинице "Бристоль" и там встречусь с ним. Я направился в гостиницу прямо с вокзала и в вестибюле встретил Седова. Около 10 часов утра мы отправились к Троцкому".	“I agreed,” Holtzman testified at the trial, “but I warned him that, for reasons of conspiracy, we should not go there together. I agreed with Sedov that I would be in Copenhagen in two or three days, I would stay at the Bristol Hotel and meet there with him. I went straight to the hotel from the station and met Sedov in the lobby. At about 10 o'clock in the morning we went to see Trotsky."
Гольцман признал, что Троцкий сказал ему: "...необходимо убрать Сталина... необходимо подобрать людей, пригодных для выполнения этого дела".	Holtzman admitted that Trotsky told him: "... it is necessary to remove Stalin ... it is necessary to select people suitable for this task."
Когда признания Гольцмана были опубликованы в газетах, Троцкий объявил их ложными и тут же, через иностранную прессу, обратился к советскому трибуналу и государственному обвинителю Вышинскому с требованием пусть они спросят Гольцмана, с каким паспортом и под каким именем он приезжал в Данию.	When Holtzman's confessions were published in the newspapers, Trotsky declared them false and immediately, through the foreign press, turned to the Soviet tribunal and the state prosecutor Vyshinsky, demanding that they ask Holtzman with what passport and under what name he came to Denmark.
Вышинский, конечно, не задал Гольцману таких вопросов Зная, что датские власти регистрируют имена и паспортные данные всех въезжающих в страну иностранцев, он боялся, что западные журналисты начнут наводить в Дании справки и вся эта история	Vyshinsky, of course, did not ask Holtzman such questions. Knowing that the Danish authorities register the names and passport details of all foreigners entering the country, he was afraid that Western journalists would start making inquiries in Denmark and the whole story would be

будет публично разоблачена как чистейшая выдумка. Между тем показания Гольцмана были существенно важны для процесса в целом: на них базировались обвинения, выдвинутые против остальных подсудимых. В обвинительном заключении было сказано (и в дальнейшем подтверждено ещё раз в тексте приговора), что подсудимые были намечены как исполнители террористических актов согласно директивам, полученным в Копенгагене от Троцкого именно Гольцманом.	publicly exposed as pure fiction. Meanwhile, Goltsman's testimony was essential for the trial as a whole: the accusations brought against the rest of the defendants were based on them. In the indictment it was said (and later confirmed again in the text of the verdict) that the defendants were designated as perpetrators of terrorist acts in accordance with the directives received in Copenhagen from Trotsky by Holtzman.
Трибунал приговорил всех подсудимых, в том числе и Гольцмана, к расстрелу. 25 августа 1936 года, на следующий день после вынесения приговора, он был приведён в исполнение. "Мёртвый не скажет", - гласит известная пословица. Сталин и Вышинский полагали, что их судебный спектакль теперь уж никогда не будет разоблачён. Однако они просчитались.	The tribunal sentenced all the defendants, including Holtzman, to death. On August 25, 1936, the day after the sentence was passed, he was executed. "The dead will not tell," says the well-known proverb. Stalin and Vyshinsky believed that their court performance would now never be exposed. However, they miscalculated.
1 сентября (не, прошло и недели после расстрела "заговорщиков"!) газета "Содиалдемократен", официальный орган датского правительства, опубликовала сенсационное сообщение; гостиница "Бристоль", где якобы в 1932 году происходила встреча Седова с Гольцманом и откуда оба они, по свидетельству Гольцмана, направились на квартиру Троцкого, была в действительности закрыта в связи со сносом здания ещё в 1917 году.	On September 1 (no, not even a week had passed since the execution of the "conspirators"!) The Sodialdemocratic newspaper, the official organ of the Danish government, published a sensational report; the Bristol Hotel, where Sedov and Holtzman allegedly met in 1932 and from where both of them, according to Holtzman, went to Trotsky's apartment, was in fact closed due to the demolition of the building back in 1917.
Мировая пресса немедленно подхватила сенсацию. Со всех сторон, от врагов и недоумевающих друзей, в Москву потекли запросы: как же так? Сталин хранил молчание.	The world press immediately picked up the sensation. From all sides, from enemies and perplexed friends, requests flowed to Moscow: how is it? Stalin kept silent.
В США под председательством известного философа Джона Дьюи была образована комиссия по расследованию обвинений, выдвинутых Москвой против Троцкого. Тщательно изучив факты, касающиеся "копенгагенского эпизода", она пришла к таким выводам: "Общеизвестно и доказано, что в Копенгагене в 1932 году гостиницы "Бристоль" не существовало. Очевидно, таким образом, что Гольцман не мог встретиться с Седовым в этой гостинице. Тем не менее, он ясно заявил: он уговорился с Седовым, что "остановится" в этой гостинице и встретится с ним именно здесь, и такая встреча действительно состоялась в вестибюле этой гостиницы...	In the United States, under the chairmanship of the famous philosopher John Dewey, a commission was formed to investigate the accusations brought by Moscow against Trotsky. Having carefully studied the facts concerning the "Copenhagen episode", she came to the following conclusions: "It is well known and proven that the Bristol Hotel did not exist in Copenhagen in 1932. It is obvious that Holtzman could not meet Sedov at this hotel. Nevertheless, he clearly stated that he had arranged with Sedov that he would "stop" at this hotel and meet him exactly here, and such a meeting actually took place in the lobby of this hotel...
Таким образом, мы вправе считать установленным: ...что Гольцман не встретился здесь с Седовым и не направился с ним к Троцкому; что Гольцман не виделся с Троцким в Копенгагене" .	Thus, we have the right to consider it established: ... that Holtzman did not meet Sedov here and did not go with him to Trotsky; that Holtzman did not see Trotsky in Copenhagen.
Помимо разоблачения "показаний" Гольцмана, комиссия	In addition to exposing the "testimony" of Holtzman, the commission

абсолютно точно установила, что Седова вообще не было и не могло быть в Копенгагене в период с 23 ноября по 2 декабря 1932 года, то есть в дни, когда здесь находился Троцкий. Редко случается, чтобы частная комиссия, не облечённая государственной властью, не имея доступа к правительственным источникам информации и не нанимая специальных агентов, оказалась в состоянии собрать такое количество бесспорных доказательств - свидетельских показаний и документов, - как это удалось сделать комиссии Дьюи, в частности по вопросу о встрече Седов-Гольцман. Я приведу всего два примера таких свидетельств.	established with absolute certainty that Sedov did not and could not be in Copenhagen during the period from November 23 to December 2, 1932, that is, during the days when Trotsky was here. It rarely happens that a private commission, not invested with public authority, without access to government sources of information and without employing special agents, has been able to collect such an amount of indisputable evidence - testimonies and documents - as the Dewey commission was able to do, in particular on the question of the Sedov-Goltzman meeting. I will give just two examples of such evidence.
Во-первых, это зачётная книжка Седова, бывшего в то время студентом Высшей технической школы в Берлине, экзаменационные листы с подписями и печатями этой школы и подписями преподавателей, журнал посещаемости занятий с датами и подписями, - все эти документы однозначно свидетельствуют, что в те дни, когда Троцкий находился в Копенгагене, его сын сдавал экзамены в Берлине.	Firstly, this is the record book of Sedov, who at that time was a student at the Higher Technical School in Berlin, examination sheets with signatures and seals of this school and the signatures of teachers, a class attendance log with dates and signatures - all these documents clearly indicate that in those days when Trotsky was in Copenhagen, his son took exams in Berlin.
Во-вторых, личная переписка Седова с родителями, не оставляющая сомнений в том, что с 23 ноября по 3 декабря 1932 года он находился именно в Берлине. Так, в одном из писем, адресованном родителям накануне их отъезда из Дании, он пишет: "Дорогие мои, ещё около полутора суток вы будете всего в нескольких часах езды от Берлина, но я не смогу приехать повидать вас! Немцы не дали мне разрешения продлить моё пребывание здесь, а без него я не получу датской визы, да если б и получил - не смог бы вернуться в Берлин" .	Secondly, Sedov's personal correspondence with his parents, which leaves no doubt that from November 23 to December 3, 1932, he was in Berlin. So, in one of the letters addressed to his parents on the eve of their departure from Denmark, he writes: “My dears, for about a day and a half you will be only a few hours away from Berlin, but I won’t be able to come to see you! The Germans did not give me permission to extend my stay here, and without it I will not receive a Danish visa, and even if I did, I could not return to Berlin.
Ещё более выразительным свидетельством является открытка, посланная Седовой-Троцкой сыну из датского порта Эльсберг в день отъезда из Дании. В этой открытке с почтовым штампом "Эльсберг, 3 дек. 32" Седова-Троцкая с огорчением пишет, что им не удалось повидаться перед отъездом и кончает такими словами: "Я всё ещё надеюсь, что произойдет чудо - и мы увидимся с тобой здесь" .	Even more expressive evidence is a postcard sent by Sedova-Trotskaya to her son from the Danish port of Elsberg on the day of departure from Denmark. In this postcard with a postage stamp "Elsberg, 3 Dec. 32" Sedova-Trotskaya writes with chagrin that they did not manage to see each other before leaving and ends with these words: "I still hope that a miracle will happen - and we will see you here" .
Узнав о сообщениях датских газет об отсутствии в Копенгагене гостиницы "Бристоль", Сталин пришёл в бешенство: "На кой черт вам сдалась эта гостиница! Сказали бы, что они встретились на вокзале. Вокзалы всегда стоят на месте!" Сталин приказал Ягоде произвести детальное расследование и доложить ему фамилии сотрудников НКВД, виновных в такой дискредитации всего	Upon learning of reports from Danish newspapers about the absence of the Bristol Hotel in Copenhagen, Stalin became furious: "Why the hell did you give up this hotel! They would say that they met at the station. Stations always stand still!" Stalin ordered Yagoda to conduct a detailed investigation and report to him the names of the NKVD officers responsible for such discrediting of the entire trial. In the hope of

судебного процесса. В надежде как-то выправить положение Ягода сразу же отрядил в Копенгаген опытного сотрудника Иностранного управления НКВД, чтобы тот посмотрел на месте, что можно сделать для ликвидации промаха или хотя бы смягчения столь скандального эпизода. Сотрудник вернулся ни с чем. Множество людей, причастных к этому делу, недоумевало: как вообще могло случиться, что НКВД выбрало для столь серьёзного дела несуществующий "Бристоль". Ведь в Копенгагене имеется бесчисленное множество реально существующих гостиниц, - казалось бы, есть из чего выбирать! Специальное расследование, проведённое по требованию Сталина, выявило следующее.	somehow rectifying the situation, Yagoda immediately sent an experienced officer of the Foreign Directorate of the NKVD to Copenhagen to see on the spot what could be done to eliminate the mistake or at least mitigate such a scandalous episode. The employee returned with nothing. Many people involved in this case were perplexed: how could it happen at all that the NKVD chose the non-existent Bristol for such a serious matter. Indeed, in Copenhagen there are countless real-life hotels - it would seem that there is plenty to choose from! A special investigation, conducted at the request of Stalin, revealed the following.
Когда Гольцман, не выдержав инквизиторского нажима следователей, согласился наконец подписывать всё, что ему будет предъявлено, организаторам процесса потребовалось выбрать место мнимых встреч Гольцмана с Седовым, притом такое место, чтобы оттуда легко было попасть на квартиру Троцкого.	When Holtzman, unable to withstand the inquisitorial pressure of the investigators, finally agreed to sign everything that was presented to him, the organizers of the process needed to choose a place for the imaginary meetings between Holtzman and Sedov, moreover, such a place that it was easy to get to Trotsky's apartment from there.
Ежов решил, что наиболее подходящим местом является гостиница. Название соответствующей копенгагенской гостиницы следовало получить от так называемого Первого управления Наркоминдела, собиравшего информацию обо всех зарубежных странах. Однако начальник Секретного политического управления НКВД Молчанов, обеспечивавший "техническую сторону" подготовки судебного процесса, счёл неосторожным прямо обращаться в Наркоминдел за названием гостиницы в Копенгагене. Он знал, что это название вскоре будет фигурировать на открытом процессе и сотрудники Наркоминдела смогут сообразить, что к чему. Но Молчанов перемудрил. Он приказал своему секретарю позвонить в Первое управление Наркоминдела и попросить рекомендовать несколько гостиниц в Осло и Копенгагене - якобы для размещения группы видных сотрудников НКВД, направляемых в скандинавские страны.	Yezhov decided that the most suitable place was a hotel. The name of the corresponding Copenhagen hotel should have been obtained from the so-called First Directorate of the People's Commissariat of Foreign Affairs, which collected information about all foreign countries. However, the head of the Secret Political Directorate of the NKVD, Molchanov, who provided the "technical side" of the preparation of the trial, considered it imprudent to directly apply to the People's Commissariat of Foreign Affairs for the name of the hotel in Copenhagen. He knew that this name would soon appear in an open trial and the employees of the People's Commissariat of Foreign Affairs would be able to figure out what was what. But Molchanov was too clever. He ordered his secretary to call the First Directorate of the People's Commissariat of Foreign Affairs and ask them to recommend several hotels in Oslo and Copenhagen - ostensibly to accommodate a group of prominent NKVD officers sent to the Scandinavian countries.
Молчановский, секретарь, так и сделал. Но, перепечатывая полученный список гостиниц для своего шефа, он перепутал, какие из названных гостиниц находятся в Осло, а какие в Копенгагене. Так возникла ошибка, сыгравшая столь роковую роль на судебном процессе. Молчанов, как на грех, остановился на названии "Бристоль", действительном для Осло, но не существующем в Копенгагене.	Molchanovsky, the secretary, did just that. But, while retyping the list of hotels he received for his boss, he confused which of the named hotels were in Oslo and which were in Copenhagen. Thus a mistake arose that played such a fatal role in the trial. Molchanov, as a sin, settled on the name "Bristol", valid for Oslo, but not existing in Copenhagen.
Откуда же было знать об этом Гольцману, подписавшему своё	How could Holtzman, who had signed his confession of ties with

признание о связях с Троцким? МАШИНА ИНКВИЗИЦИИ До сих пор я ограничивался кратким изложением официальных судебно-следственных материалов, уделяя внимание тем обстоятельствам, которые позволяют прояснить сущность московских процессов. Теперь следует ввести читателя за кулисы этих судебных заседаний и показать ему шаг за шагом, как был организован этот многоактный, величайший в человеческой истории обман, и какими средствами Сталину и его подручным удалось превратить выдающихся борцов и вождей революции в послушных марионеток, разыгрывающих что-то вроде кукольного спектакля.	Trotsky, know about this? THE MACHINE OF THE INQUISITION Until now, I have limited myself to a brief summary of the official judicial and investigative materials, paying attention to those circumstances that make it possible to clarify the essence of the Moscow trials. Now we should take the reader behind the scenes of these court hearings and show him step by step how this multi-act, greatest deception in human history was organized, and by what means Stalin and his henchmen managed to turn outstanding fighters and leaders of the revolution into obedient puppets playing something like a puppet show.
В начале 1936 года Молчанов собрал около сорока видных сотрудников "органов" на специальное совещание. Среди собравшихся были начальники наиболее важных управлений НКВД и их заместители.	At the beginning of 1936, Molchanov gathered about forty prominent employees of the "organs" for a special meeting. Among those assembled were the chiefs of the most important departments of the NKVD and their deputies.
Молчанов сообщил им о раскрытии гигантского заговора, во главе которого стояли Троцкий, Зиновьев, Каменев и другие бывшие руководители оппозиции. Организация заговорщиков, тайно действовавшая в течение нескольких лет, создала террористические группы почти во всех крупных городах. Она поставила целью убить Сталина и вообще членов Политбюро и захватить власть в стране. Кратко обрисовав особенности и масштабы раскрытого заговора, Молчанов информировал присутствующих, что по приказу народного комиссара внутренних дел Ягоды все они, кроме начальников управлений и их заместителей, освобождаются от текущих обязанностей и поступают в распоряжение Секретного политического управления НКВД для проведения следствия. Он подчеркнул, что Сталин лично будет наблюдать за ходом расследования, а помогать ему в этом будет секретарь ЦК Ежов. Итак, партия доверила органам НКВД исключительно ответственное задание, и по ходу работы следователи должны будут проявить себя не только как чекисты, но и как члены партии.	Molchanov informed them of the discovery of a gigantic conspiracy led by Trotsky, Zinoviev, Kamenev and other former leaders of the opposition. An organization of conspirators, operating in secret for several years, created terrorist groups in almost all major cities. She set a goal to kill Stalin and the members of the Politburo in general and seize power in the country. Briefly outlining the features and extent of the revealed conspiracy, Molchanov informed those present that, by order of the People's Commissar of Internal Affairs, Yagoda, all of them, except for the heads of departments and their deputies, were relieved of their current duties and placed at the disposal of the Secret Political Directorate of the NKVD for investigation. He stressed that Stalin would personally oversee the progress of the investigation, and Yezhov, the secretary of the Central Committee, would help him in this. So, the party entrusted the NKVD with an extremely responsible task, and in the course of work the investigators will have to prove themselves not only as security officers, but also as members of the party.
Молчанов недвусмысленно дал понять собравшимся, что Сталин и Политбюро считают обвинения, выдвинутые против руководителей заговора, абсолютно достоверными и, таким образом, задачей каждого из следователей является получение от обвиняемых полного признания. Возможным попыткам заговорщиков настаивать на своём алиби не стоит придавать значения: известны случаи, когда некоторые из них пытались давать	Molchanov made it clear to the audience that Stalin and the Politburo considered the charges leveled against the leaders of the conspiracy to be absolutely reliable and, therefore, it was the task of each of the investigators to obtain a full confession from the accused. Possible attempts by the conspirators to insist on their alibis should not be given any importance: there are cases when some of them tried to give instructions to terrorist groups while already in prison.

указания террористическим группам, уже находясь в тюрьме.	
Молчанов сформировал из присутствующих несколько следственных групп, выяснил с ними технические детали предстоящего следствия и порядок координации всей работы. В заключение он процитировал им секретный циркуляр за подписью народного комиссара внутренних дел Ягоды, в котором Ягода предупреждал следственные органы о недопустимости применения к обвиняемым любых незаконных методов следствия - таких, как угрозы, обещания или запугивание.	Molchanov formed several investigation teams from those present, clarified with them the technical details of the upcoming investigation and the procedure for coordinating all the work. In conclusion, he quoted them a secret circular signed by People's Commissar of Internal Affairs Yagoda, in which Yagoda warned the investigating authorities about the inadmissibility of using any illegal methods of investigation against the accused - such as threats, promises or intimidation.
Всё услышанное поразило участников совещания. Посыпались вопросы: как же могло случиться, что такой гигантский заговор был раскрыт без их непосредственного участия? Ведь вся оперативная деятельность НКВД и вся сеть тайных информаторов, доносивших о каждом шаге участников оппозиции, были сосредоточены в их руках. А их даже не укоряют за то, что они проглядели гигантскую организацию заговорщиков, - как же так? Разве не их прямым делом является раскрытие заговоров, - а тут выясняется, что этот заговор существует уже несколько лет...	All heard amazed the participants of the meeting. Questions poured in: how could it happen that such a gigantic conspiracy was uncovered without their direct participation? After all, the entire operational activities of the NKVD and the entire network of secret informers who reported on every step of the opposition members were concentrated in their hands. And they are not even reproached for overlooking the gigantic organization of conspirators - how is that? Is it not their direct business to uncover conspiracies - and then it turns out that this conspiracy has existed for several years ...
Схема предстоящего судебного процесса и его подготовки были детально разработаны Сталиным и Ежовым. Практическое исполнение операции, запланированное ими, было возложено на народного комиссара внутренних дел Ягоду.	The scheme of the forthcoming trial and its preparation were worked out in detail by Stalin and Yezhov. The practical execution of the operation, planned by them, was entrusted to the People's Commissar of Internal Affairs Yagoda.
Согласно сталинскому плану, следовало доставить в Москву из ссылки и различных тюрем около трёхсот бывших участников оппозиции, имена которых были широко известны, подвергнуть их "обработке", в результате которой примерно пятая часть узников окажется сломленной, и набрать таким образом группу из пятидесяти или шестидесяти человек, сознавшихся, что они участвовали в заговоре, возглавляемом Зиновьевым, Каменевым и Троцким. Затем, используя эти показания, организаторы судебного процесса смогут направить его острие против Зиновьева и Каменева и методами угроз, обещаний и прочих приёмов из арсенала следствия, заставить самих этих деятелей признать, что они возглавляли заговор против Сталина и советского правительства.	According to Stalin's plan, about three hundred former members of the opposition, whose names were widely known, were to be brought to Moscow from exile and various prisons, subjected to "processing", as a result of which about a fifth of the prisoners would be broken, and in this way to recruit a group of fifty or sixty people who confessed that they participated in a conspiracy led by Zinoviev, Kamenev and Trotsky. Then, using these testimonies, the organizers of the trial will be able to direct its edge against Zinoviev and Kamenev and, using threats, promises and other methods from the arsenal of the investigation, force these figures themselves to admit that they led a conspiracy against Stalin and the Soviet government.
Чтобы ускорить осуществление сталинского плана, было решено подсадить в камеры к обвиняемым несколько тайных агентов НКВД, которые и на предварительном следствии, и перед судом изображали бы участников заговора и выдавали Зиновьева и Каменева за своих предводителей.	In order to speed up the implementation of the Stalinist plan, it was decided to put several secret agents of the NKVD in the cells of the accused, who, both during the preliminary investigation and before the court, would portray participants in the conspiracy and pass off Zinoviev and Kamenev as their leaders.

У руководителей следствия уже имелся некоторый "задел" в лице Валентина Ольберга - тайного агента НКВД, Исаака Рейнгольда, крупного советского чиновника, лично знакомого с Каменевым, и Рихарда Пикеля, в прошлом возглавлявшего секретариат Зиновьева. Все трое сыграли решающую роль в следственной подготовке первого московского процесса.	The leaders of the investigation already had some "backlog" in the person of Valentin Olberg, a secret agent of the NKVD, Isaac Reingold, a prominent Soviet official who was personally acquainted with Kamenev, and Richard Pikel, who in the past headed Zinoviev's secretariat. All three played a decisive role in the investigative preparation of the first Moscow trial.
Ольберг был давним агентом Иностранного управления НКВД и когда-то работал в Берлине тайным информатором в среде немецких троцкистов. В 1930 году, по поручению немецкого резидента ОГПУ, он пытался попасть в секретари к Троцкому, жившему тогда в Турции, но этот номер не прошёл: он был явно неспособен завоевать доверие Троцкого. Когда к власти в Германии пришёл Гитлер, ОГПУ отозвало Ольберга в СССР и направило его на временную работу учителем в Таджикистан. Там, в Сталинабаде, Ольберг прозябал недолго: вскоре он снова понадобился Иностранному управлению для выполнения зарубежных поручений. Оно послало его в Прагу - следить за деятельностью левых германских партий, обосновавшихся в Чехословакии.	Olberg was a long-time agent of the Foreign Directorate of the NKVD and once worked in Berlin as a secret informant among the German Trotskyists. In 1930, on behalf of the German resident of the OGPU, he tried to get into secretary to Trotsky, who was then living in Turkey, but this number did not work: he was clearly unable to win Trotsky's trust. When Hitler came to power in Germany, the OGPU recalled Olberg to the USSR and sent him to temporary work as a teacher in Tajikistan. There, in Stalinabad, Olberg did not vegetate for long: soon the Foreign Administration again needed him to carry out foreign assignments. It sent him to Prague to monitor the activities of the leftist German parties that settled in Czechoslovakia.
Вторично отозванный в СССР в 1935 году, Ольберг вскоре переводится в Секретное политическое управление НКВД, возглавляемое Молчановым. В этот период ЦК партии и "органы" усиленно занимаются проблемой роста троцкистских настроений в Высшей партийной школе. Студентам ВПШ, изучавшим Маркса и Ленина "по первоисточникам", понемногу становилось ясно, что "троцкизм", заклеймённый Сталиным как ересь, в действительности представляет собой подлинный марксизм-ленинизм.	Recalled to the USSR for the second time in 1935, Olberg was soon transferred to the Secret Political Directorate of the NKVD, headed by Molchanov. During this period, the Central Committee of the party and the "organs" were intensively dealing with the problem of the growth of Trotskyist sentiments in the Higher Party School. It gradually became clear to the students of the Higher School of Education who studied Marx and Lenin "from primary sources" that "Trotskyism", branded by Stalin as a heresy, was in fact genuine Marxism-Leninism.
Наиболее серьёзное положение создалось в Горьковском пединституте, студенты которого образовали даже нелегальные кружки по изучению трудов Ленина и Троцкого. Здесь ходили по рукам запрещённые партийные документы, в том числе знаменитое "ленинское завещание". Ольберг считался одним из наиболее опытных агентов, поэтому НКВД решил направить его на работу в этот пединститут.	The most serious situation was created at the Gorky Pedagogical Institute, whose students even formed illegal circles to study the works of Lenin and Trotsky. Prohibited party documents, including the famous "Lenin's testament", were circulated here. Olberg was considered one of the most experienced agents, so the NKVD decided to send him to work at this pedagogical institute.
Отбор преподавателей в высшие партийные школы производится в СССР с особой тщательностью. Сюда подходили только особо надёжные партийцы, никогда не принадлежавшие к какой бы то ни было оппозиции, вдобавок имеющие высшее партийное образование и большой педагогический опыт. Прошлое каждого лица, намечаемого на такую преподавательскую работу, и его	The selection of teachers for higher Party schools is carried out in the USSR with particular care. Only particularly reliable party members who had never belonged to any kind of opposition, in addition to having a higher party education and extensive pedagogical experience, came here. The past of each person scheduled for such teaching work and his autobiography were rechecked in all party cells and personnel

автобиография перепроверялись во всех партячейках и отделах кадров, где он когда-либо работал, после чего собранные данные направлялись на утверждение в специальную комиссию, куда входили представители НКВД и ЦК партии.	departments where he had ever worked, after which the collected data was sent for approval to a special commission, which included representatives of the NKVD and the Central Committee of the party.
Естественно, Валентин Ольберг никогда не смог бы удовлетворить этим строгим требованиям, если б не протекция. Ольберг не был членом ВКП (б) и даже гражданином Советского Союза. Из официальной стенограммы первого московского процесса явствует, что он гражданин Латвии, вдобавок прибывший в СССР как турист по паспорту Республики Гондурас, купленному в Чехословакии. К тому же Ольберг не имел высшего образования, что уж никак не позволяло ему рассчитывать на должность преподавателя кафедры общественных наук. Несмотря на всё это, Молчанову удалось настоять перед Отделом высшей школы ЦК партии, что его секретный сотрудник может и должен быть назначен в Горький. В ЦК снабдили Ольберга копией приказа о назначении его преподавателем истории революционного движения.	Naturally, Valentin Olberg would never have been able to meet these strict requirements if it were not for patronage. Olberg was not a member of the CPSU (b) and even a citizen of the Soviet Union. From the official transcript of the first Moscow trial, it is clear that he is a citizen of Latvia, who, in addition, arrived in the USSR as a tourist on a passport of the Republic of Honduras, bought in Czechoslovakia. In addition, Olberg did not have a higher education, which by no means allowed him to count on the position of teacher in the department of social sciences. Despite all this, Molchanov managed to insist before the Department of Higher Education of the Central Committee of the Party that his secret collaborator could and should be appointed to Gorky. The Central Committee supplied Olberg with a copy of the order appointing him teacher of the history of the revolutionary movement.
Впрочем, назначение Ольберга всё же не обошлось без осложнений. Прибыв в Горький, он представился члену бюро обкома партии, некоему Елину, имевшему партийное поручение знакомиться с новоназначенными преподавателями и инструктировать их по политическим вопросам. Разговаривая с Елиным, Ольберг запутался в ответах, противоречиво осветил своё прошлое и кончил признанием, что он вообще не историк, не член ВКП (б) и даже не советский гражданин. Подозревая, что Ольберг подделал документы, Елин немедленно доложил о своих сомнениях Горьковскому областному управлению НКВД и в ЦК партии. Молчанов, узнав об этом, начал лихорадочно названивать в ЦК. Ежов вызвал Елина и распорядился оставить Ольберга в покое: "Пусть преподает в институте!" Этот эпизод, как мы увидим позже, сыграет роковую роль в связи с первым московским процессом и приведёт к гибели Елина.	However, Olberg's appointment was not without complications. Arriving in Gorky, he introduced himself to a member of the bureau of the regional party committee, a certain Yelin, who had a party assignment to get acquainted with the newly appointed teachers and instruct them on political issues. Talking with Yelin, Olberg got confused in the answers, contradictoryly covered his past and ended up admitting that he was not a historian at all, not a member of the CPSU (b), and not even a Soviet citizen. Suspecting that Olberg had forged documents, Yelin immediately reported his doubts to the Gorky Regional Directorate of the NKVD and to the Party Central Committee. Molchanov, learning about this, began to feverishly call the Central Committee. Yezhov summoned Yelin and ordered Olberg to be left alone: "Let him teach at the institute!" This episode, as we will see later, will play a fatal role in connection with the first Moscow trial and lead to the death of Yelin.
Когда в начале 1936 года развернулась подготовка к этому процессу, Молчанов использовал Ольберга в качестве провокатора: фигурируя в роли подследственного, Ольберг должен был дать ложные показания, порочащие Льва Троцкого и тех уже арестованных старых большевиков, которых Сталин решил предать суду.	When preparations for this trial began in early 1936, Molchanov used Olberg as a provocateur: appearing in the role of a defendant, Olberg was supposed to give false testimony discrediting Leon Trotsky and those already arrested old Bolsheviks whom Stalin decided to bring to trial.

Ольберга не пришлось вынуждать к этому. Ему просто объяснили, что поскольку он отличился в борьбе с троцкистами, теперь его выбрали для выполнения почётного задания: он должен помочь партии и НКВД ликвидировать троцкизм и разоблачить Троцкого на предстоящем судебном процессе как организатора заговора против советского правительства. Ему было сказано, что, независимо от того, какой приговор суд вынесет ему лично, его освободят и направят на ответственную должность на Дальнем Востоке.	Olberg did not have to be forced to do so. It was simply explained to him that because he distinguished himself in the fight against the Trotskyists, he was now chosen for an honorable task: he must help the party and the NKVD eliminate Trotskyism and expose Trotsky in the upcoming trial as the organizer of a conspiracy against the Soviet government. He was told that, no matter what sentence the court pronounced on him personally, he would be released and sent to a responsible position in the Far East.
Ольберг подписывал все "протоколы допросов", какие только НКВД считал нужным составить. Подписал, в частности, признание, что он, Ольберг, был послан Седовым в СССР, по указанию Троцкого, с заданием организовать террористический акт против Сталина. По прибытии в Советский Союз он поступил работать преподавателем в город Горький, где установил контакт с другими троцкистами; они совместно разработали план убийства Сталина. Этот план, по Ольбергу, заключался в том, чтобы послать в Москву для участия в первомайской демонстрации студенческую делегацию, состоящую из убеждённых троцкистов, и руками этих студентов убить Сталина, когда он будет стоять, как обычно, на мавзолее. Ольберг показал также, что он является агентом гестапо, причём Троцкому это, разумеется, было известно.	Olberg signed all the "interrogation protocols" that the NKVD considered necessary to draw up. He signed, in particular, a confession that he, Olberg, had been sent by Sedov to the USSR, at the direction of Trotsky, with the task of organizing a terrorist act against Stalin. Upon arrival in the Soviet Union, he went to work as a teacher in the city of Gorky, where he established contact with other Trotskyists; they jointly developed a plan to assassinate Stalin. This plan, according to Olberg, was to send a student delegation consisting of staunch Trotskyists to Moscow to participate in the May Day demonstration, and to kill Stalin with the hands of these students when he stood, as usual, on the mausoleum. Olberg also testified that he was a Gestapo agent, and Trotsky, of course, knew this.
Чтобы придать "троцкистскому заговору" больший размах, Молчанов приказал Ольбергу обрисовать в качестве террористов также его ближайших друзей по Латвии и Германии, бежавших в 1933 году в СССР от гитлеровских преследований. Необходимость в предательстве такого рода застала Ольберга врасплох. Он понимал, из каких соображений Сталин ополчился против Зиновьева, Каменева и Троцкого, но не мог понять, зачем всемогущему НКВД накапливать ложные свидетельства против этой маленькой кучки беглецов, которым посчастливилось найти в СССР убежище. Ольберг умолял Молчанова не заставлять его клеветать на своих личных друзей, но тот напомнил ему, что приказы следует исполнять, а не критиковать.	In order to give the "Trotskyist conspiracy" a greater scope, Molchanov ordered Olberg to describe as terrorists also his closest friends in Latvia and Germany, who fled to the USSR in 1933 from Nazi persecution. The need for this kind of betrayal took Olberg by surprise. He understood why Stalin had taken up arms against Zinoviev, Kamenev and Trotsky, but he could not understand why the almighty NKVD should accumulate false evidence against this small group of fugitives who were lucky enough to find refuge in the USSR. Olberg begged Molchanov not to force him to slander his personal friends, but he reminded him that orders should be followed, not criticized.
Ольберг не отличался ни смелостью, ни сильной волей. Хотя он знал, что является лишь мнимым обвиняемым, как в дальнейшем станет мнимым подсудимым, тем не менее суровая тюремная обстановка и безнадёжность положения прочих обвиняемых по этому делу сделали его робким и боязливым. Он опасался, что	Olberg was neither courageous nor strong-willed. Although he knew that he was only a sham defendant, how he would later become a sham defendant, nevertheless, the harsh prison situation and the hopelessness of the position of the other accused in this case made him timid and fearful. He was afraid that resistance to Molchanov's harassment would

сопротивление домогательствам Молчанова обернется немедленным переводом его из мнимых обвиняемых в категорию "настоящих", и подписал в конечном счёте всё, что ему предлагалось засвидетельствовать.	result in his immediate transfer from imaginary accused to the category of "real", and ultimately signed everything that he was asked to testify.
В официальном отчёте о судебном процессе - первом из московских процессов тех лет - из всех друзей Ольберга был упомянут лишь один: молодой человек, по имени Зорох Фридман (Ольберг именовал его "агентом гестапо"). Однако в неопубликованных протоколах допросов, подписанных Ольбергом в НКВД, я в своё время видел и другие имена. Всё это были его друзья, которых ему было приказано оклеветать. Хорошо помню, что среди них были братья Быховские, по профессии химики, нужные Молчанову в качестве "изготовителей бомб" для террористов. Встречалось там также имя некоего Хацкеля Гуревича, готовившего якобы убийство Жданова, который сменил Кирова на посту первого секретаря Ленинградского обкома.	In the official report on the trial - the first of the Moscow trials of those years - of all Olberg's friends, only one was mentioned: a young man named Zorokh Fridman (Olberg called him a "Gestapo agent"). However, in the unpublished protocols of interrogations signed by Olberg in the NKVD, I once saw other names. All these were his friends, whom he was ordered to slander. I well remember that among them were the brothers Bykhovsky, chemists by profession, which Molchanov needed as "bomb makers" for the terrorists. There was also the name of a certain Khatskel Gurevich, who allegedly prepared the murder of Zhdanov, who replaced Kirov as first secretary of the Leningrad Regional Committee.
Другим эффективным орудием в руках НКВД стал Исаак Рейнгольд. Я знал его ещё с 1926 года. Это был крупный тридцативосьмилетний мужчина с привлекательным, энергичным лицом. Он элегантно одевался и внешне походил скорее на дореволюционного аристократа, нежели на советского партийца.	Another effective tool in the hands of the NKVD was Isaac Reingold. I have known him since 1926. He was a large thirty-eight-year-old man with an attractive, energetic face. He dressed elegantly and outwardly looked more like a pre-revolutionary aristocrat than a Soviet party member.
Не будучи старым членом партии, Рейнгольд благодаря своим незаурядным способностям и родству с народным комиссаром финансов Григорием Сокольниковым, быстро выдвинулся на ответственные должности в правительстве. Двадцати девяти лет он вошёл в состав советской экономической делегации, которая вела переговоры с французским правительством, и был назначен членом коллегии народного комиссариата финансов. На даче Сокольникова Рейнгольд встречал многих видных большевиков, в том числе Каменева. Подобно тысячам молодых партийцев, Рейнгольд примкнул было вначале к оппозиции, однако вскоре отошёл от неё, перестал активно участвовать в партийной работе и отдавал все свои силы административной деятельности. К моменту ареста он был председателем Главхлопкопрома.	Not being an old member of the party, Reingold, thanks to his outstanding abilities and kinship with the People's Commissar of Finance Grigory Sokolnikov, quickly advanced to responsible positions in the government. At the age of twenty-nine, he joined the Soviet economic delegation that negotiated with the French government, and was appointed a member of the collegium of the People's Commissariat of Finance. At Sokolnikov's dacha, Reingold met many prominent Bolsheviks, including Kamenev. Like thousands of young party members, Reingold initially joined the opposition, but soon withdrew from it, ceased to actively participate in party work and devoted all his energies to administrative activities. By the time of his arrest, he was the chairman of Glavkhlopkoprom.
Когда в начале 1936 года руководство НКВД и Ежов отбирали кандидатов для предстоящего процесса, их выбор пал на Рейнгольда по той простой причине, что его личное знакомство с Каменевым и Сокольниковым давало шанс использовать его как свидетеля против них обоих. С другой стороны, принадлежность Рейнгольда, пусть	When the leadership of the NKVD and Yezhov selected candidates for the upcoming trial in early 1936, their choice fell on Reinhold for the simple reason that his personal acquaintance with Kamenev and Sokolnikov offered a chance to use him as a witness against both of them. On the other hand, Reinhold's affiliation, however brief, with the

кратковременная, к оппозиции позволяла его шантажировать.	opposition allowed him to be blackmailed.
Итак, Рейнгольда арестовали. Следователи заявили ему: НКВД располагает информацией, что Каменев вовлёк его в террористическую организацию, и потребовали, чтобы он помог разоблачить Каменева и Зиновьева как руководителей заговора, направленного против советского правительства. Молчанов всячески убеждал Рейнгольда, что только показания, разоблачающие этих людей, могут спасти его, Рейнгольда, жизнь. Тем не менее, Рейнгольд неистово отрицал своё участие в каком бы то ни было заговоре и уверял Молчанова, что до 1929 года в глаза не видел Каменева.	So Reinhold was arrested. The investigators told him that the NKVD had information that Kamenev had involved him in a terrorist organization and demanded that he help expose Kamenev and Zinoviev as the leaders of a conspiracy against the Soviet government. Molchanov convinced Reinhold in every possible way that only testimonies exposing these people could save his life. Nevertheless, Reingold vehemently denied his participation in any conspiracy and assured Molchanov that until 1929 he had never seen Kamenev.
Так ничего и не добившись, Молчанов передал Рейнгольда следственной группе, возглавляемой заместителем начальника Оперативного управления НКВД Чертоком, отъявленным негодяем и садистом. Черток и его люди бились с Рейнгольдом чуть ли не три недели. Они подвергали его непрекращающимся допросам, длившимся иногда по сорок восемь часов без перерыва на еду и сон; играли на его семейных чувствах, подписывая в его присутствии ордер на арест всей его семьи. Однако трёх недель оказалось недостаточно, чтобы сломить волю и железное здоровье Рейнгольда.	Having achieved nothing, Molchanov handed Reingold over to an investigation team led by Chertok, deputy head of the NKVD Operational Directorate, a notorious scoundrel and sadist. Chertok and his men fought Reingold for almost three weeks. They subjected him to incessant interrogations, sometimes lasting forty-eight hours without a break for food and sleep; played on his family feelings, signing in his presence a warrant for the arrest of his entire family. However, three weeks was not enough to break the will and iron health of Reinhold.
Когда обычные инквизиторские приёмы были исчерпаны, Молчанов, по совету Ежова, прибег к такому трюку. Рейнгольда на несколько дней оставили в покое. Затем неожиданно подняли среди ночи, доставили из камеры к следователю и предъявили ему фальшивое постановление Особого совещания при НКВД. В этой бумаге, заверенной официальной печатью, говорилось, что Исаак Рейнгольд приговорён к расстрелу за участие в троцкистско-зиновьевском заговоре, а члены его семьи подлежат ссылке в Сибирь.	When the usual inquisitorial methods were exhausted, Molchanov, on the advice of Yezhov, resorted to such a trick. Reinhold was left alone for a few days. Then they unexpectedly woke me up in the middle of the night, took him from the cell to the investigator, and showed him a false resolution of the Special Conference of the NKVD. This paper, certified by an official seal, said that Isaac Reingold was sentenced to death for participating in the Trotskyist-Zinoviev conspiracy, and his family members were to be exiled to Siberia.
Молчанов на правах старого знакомого Рейнгольда посоветовал ему написать прошение о помиловании непосредственно на имя секретаря ЦК партии Ежова. Пусть, дескать, тот распорядится отсрочить исполнение смертного приговора и пересмотреть дело. Рейнгольд последовал совету и тут же написал длинное заявление, адресованное Ежову.	Molchanov, as an old acquaintance of Reingold, advised him to write a petition for pardon directly addressed to the secretary of the Central Committee of the party, Yezhov. Let, they say, he will order to postpone the execution of the death sentence and reconsider the case. Reingold followed the advice and immediately wrote a long statement addressed to Yezhov.
Следующей ночью Рейнгольда опять привели к Молчанову. Молчанов сообщил ему, что Ежов прочитал заявление и распорядился, чтобы постановление Особого совещания было	The next night, Reingold was again brought to Molchanov. Molchanov told him that Yezhov had read the statement and ordered that the resolution of the Special Conference be canceled, but only on the

отменено, однако лишь при условии, что Рейнгольд согласится помочь следствию "вскрыть преступления троцкистско-зиновьевской банды". Получалось, что судьба Рейнгольда отныне в его собственных руках. Его отказ от показаний, направленных против Зиновьева и Каменева, автоматически приведёт смертный приговор в исполнение, и, напротив, согласие признать то, что требует следствие, означает спасение, Молчанов не сомневался, что Рейнгольд, проведший последние сутки под угрозой нависшей над ним гибели, жадно ухватится за ежовский вариант. Но Рейнгольд оказался более мужественным человеком, чем ожидал Молчанов. Он выдвинул встречное условие: он согласен подписать любые показания, направленные как против него самого, так и против других людей, но только в том случае, если представитель ЦК партии заявит ему, что партия считает его ни в чём не повинным, однако интересы партии требуют именно таких признаний, каких домогаются от него. Молчанов предупредил Рейнгольда, что попытки диктовать какие-то встречные условия могут расценить как отказ принять требование Ежова Это может плохо кончиться. Однако Рейнгольд стоял на своём.	condition that Reingold agree to help the investigation "reveal the crimes of the Trotskyist-Zinoviev gang." It turned out that the fate of Reingold was now in his own hands. His refusal to testify against Zinoviev and Kamenev will automatically carry out the death sentence, and, on the contrary, agreeing to admit what the investigation requires means salvation, Molchanov had no doubt that Reingold, who had spent the last day under the threat of death looming over him, greedily seizes on Yezhov's version. But Reingold turned out to be a more courageous person than Molchanov expected. He put forward a counter condition: he agrees to sign any testimony directed both against himself and against other people, but only if the representative of the Central Committee of the party tells him that the party considers him innocent, but the interests of the party require precisely such confessions as are coveted from him. Molchanov warned Reinhold that attempts to dictate some kind of counter-conditions could be regarded as a refusal to accept Yezhov's demand. This could end badly. However, Reingold stood his ground.
На следующий день Молчанов доложил Ягоде, как обстоят дела с Рейнгольдом. Стремясь получить наконец хоть какие-то свидетельства вины Каменева и Зиновьева, Молчанов, был склонен принять условие, выдвинутое Рейнгольдом. Но Ягода был решительно против. Он запретил Молчанову "торговаться с такой мелкой сошкой, как Рейнгольд", будучи уверен, что Рейнгольд и без того сдастся, если его ещё некоторое время подержать на грани жизни и смерти.	The next day, Molchanov reported to Yagoda how things were going with Reinhold. In an effort to finally obtain at least some evidence of the guilt of Kamenev and Zinoviev, Molchanov was inclined to accept the condition put forward by Reinhold. But Yagoda was resolutely against it. He forbade Molchanov to "bargain with such a small fry as Reingold", being sure that Reingold would give up already if he was kept on the verge of life and death for some more time.
Между тем время шло. Сталин с нетерпением ожидал результатов следствия, а в активе НКВД было пока лишь одно свидетельское показание, направленное против обвиняемых троцкистов, да и то было подписано Ольбергом, тайным энкаведистским агентом. Вдобавок в нём не содержалось никакой компрометирующей информации о Зиновьеве и Каменеве. Требовалось что-то срочно предпринять, дабы следствие сдвинулось с мёртвой точки.	Meanwhile, time passed. Stalin eagerly awaited the results of the investigation, and the NKVD had so far only one testimony directed against the accused Trotskyists, and even that was signed by Olberg, a secret NKVD agent. In addition, it did not contain any compromising information about Zinoviev and Kamenev. Something urgently needed to be done to get the investigation moving forward.
Наконец Ежов вмешался лично. Он выразил удивление, почему это НКВД пытается "ломиться в открытую дверь" Ежов вызвал, Рейнгольда из тюрьмы и от имени ЦК заявил ему, что свою невиновность и преданность партии Рейнгольд может доказать, только помогая НКВД в изобличении Зиновьева и Каменева. После	Finally Yezhov intervened personally. He expressed surprise why the NKVD was trying to "break through the open door." Yezhov summoned Reingold from prison and, on behalf of the Central Committee, told him that Reingold could prove his innocence and loyalty to the party only by helping the NKVD in exposing Zinoviev and Kamenev. After this

этого разговора поведение Рейнгольда полностью изменилось. Из непримиримого противника следователя Чертока он превратился в его ревностного помощника. Он подписывал всё, что требовалось следствию, и даже помогал следователям редактировать собственные показания.	conversation, Reingold's behavior completely changed. From an implacable opponent of investigator Chertok, he turned into his zealous assistant. He signed everything that was required by the investigation, and even helped the investigators edit their own testimony.
В противоположность Ольбергу Рейнгольд ни разу не поинтересовался, какой приговор могут ему вынести. Он полагался на порядочность и совестливость Сталина и Ежова. Со временем мы увидим, какую огромную помощь Рейнгольд оказал НКВД в подготовке фальсифицированного процесса. На суде он оказался не только главным орудием НКВД, но неосновным помощником прокурора Вышинского. Рейнгольда использовали несравненно шире, чем Ольберга. Являясь иностранцем и постоянно живя за границей, Ольберг не мог стать непосредственным свидетелем "враждебной деятельности" Зиновьева, Каменева и других бывших партийных вожаков. Напротив, Рейнгольд, крупный советский работник, вполне мог сойти за участника тайных встреч и совещаний с бывшими вождями оппозиции.	In contrast to Olberg, Reingold never asked what sentence he might be given. He relied on the decency and conscientiousness of Stalin and Yezhov. In time we shall see what a tremendous help Reingold rendered to the NKVD in the preparation of the falsified trial. At the trial, he turned out to be not only the main tool of the NKVD, but a minor assistant to the prosecutor Vyshinsky. Reingold was used incomparably more widely than Olberg. Being a foreigner and constantly living abroad, Olberg could not become a direct witness to the "hostile activities" of Zinoviev, Kamenev and other former party leaders. On the contrary, Reingold, a major Soviet worker, could well pass for a participant in secret meetings and conferences with the former leaders of the opposition.
Рейнгольдом было подписано, в частности, показание, где говорилось, что, являясь членом троцкистско-зиновьевской организации, он подготавливал убийство Сталина, вообще же развивал свою преступную деятельность под личным руководством Зиновьева, Каменева и Бакаева. Кроме того, Рейнгольд засвидетельствовал, что убийство Кирова было организовано Зиновьевым и Каменевым и что террористические акты планировались не только против Сталина, но и против Молотова, Ворошилова, Кагановича и прочих вождей.	Reingold signed, in particular, a testimony stating that, being a member of the Trotskyist-Zinoviev organization, he prepared the assassination of Stalin, and in general developed his criminal activities under the personal guidance of Zinoviev, Kamenev and Bakaev. In addition, Reingold testified that the assassination of Kirov was organized by Zinoviev and Kamenev and that terrorist acts were planned not only against Stalin, but also against Molotov, Voroshilov, Kaganovich and other leaders.
Он оказался настолько полезным "свидетелем" что организаторы судебного процесса решили не ограничиваться его показаниями против Каменева и Зиновьева, как было задумано вначале. Теперь он подписывал показания чуть ли не против всех бывших партийных деятелей, которые должны были пригодиться на последующих процессах. По требованию Ежова, он оклеветал в своих показаниях бывшего главу советского правительства - Рыкова, бывших членов Политбюро - Бухарина и Томского, оклеветал также Ивана Смирнова, Мрачковского и Тер-Ваганяна.	He turned out to be such a useful "witness" that the organizers of the trial decided not to limit themselves to his testimony against Kamenev and Zinoviev, as was originally intended. Now he signed testimonies against almost all former party leaders, who were to come in handy in subsequent trials. At the request of Yezhov, he slandered in his testimony the former head of the Soviet government - Rykov, former members of the Politburo - Bukharin and Tomsky, also slandered Ivan Smirnov, Mrachkovsky and Ter-Vaganyan.
Сотрудничество Рейнгольда с руководителями следствия зашло так далеко, что временами они просто забывали, что он является обвиняемым. Отсюда и такая странность в "свидетельских	Reingold's collaboration with the investigators went so far that at times they simply forgot that he was the defendant. Hence the strangeness in Reingold's "witness testimony": they seem to belong not

показаниях" Рейнгольда: они принадлежат словно бы не раскаивающемуся террористу, только накануне замышлявшему убийство Сталина, а негодующему обвинителю. Он гневно характеризует организацию, к которой якобы принадлежал, как "контрреволюционную террористическую банду убийц, пытавшуюся подорвать могущество страны всеми доступными ей средствами".	to a repentant terrorist, who only the day before was plotting the murder of Stalin, but to an indignant accuser. He angrily characterizes the organization to which he allegedly belonged as "a counter-revolutionary terrorist gang of murderers who tried to undermine the power of the country by all means available to it."
Показания Рейнгольда, тщательно выверенные Мироновым, начальником Экономического управления НКВД, и Аграновым, Ягода передал Сталину. На следующий день Сталин вернул эти бумаги с поправками, вызвавшими невероятный переполох среди руководства наркомата внутренних дел: из показаний, где Рейнгольд свидетельствует, что Зиновьев настаивал на убийстве Сталина, Молотова, Кагановича и Кирова, Сталин собственноручно вычеркнул фамилию Молотова.	Reingold's testimony, carefully verified by Mironov, the head of the Economic Department of the NKVD, and Agranov, Yagoda handed over to Stalin. The next day, Stalin returned these papers with amendments that caused an incredible stir among the leadership of the People's Commissariat of Internal Affairs: from the testimony, where Reingold testifies that Zinoviev insisted on the murder of Stalin, Molotov, Kaganovich and Kirov, Stalin himself crossed out the name of Molotov.
Ягоде ничего не оставалось, как распорядиться, чтобы руководители следственных групп не упоминали эту фамилию в показаниях обвиняемых, касающихся покушений на вождей партии и государственных деятелей. Было очевидно, что между Сталиным и Молотовым возникло какое-то разногласие и Молотов может в любой момент бесследно исчезнуть с политического горизонта страны, как это ранее произошло с главой правительства РСФСР Сырцовым, прежним сталинским фаворитом. Работники НКВД знали, что от Сталина можно ожидать всего: сегодня он вычёркивает Молотова из списка жертв, намеченных заговорщиками, а назавтра потребует включить его уже в списки участников этого заговора, замышлявших убийство "вождей".	Yagoda had no choice but to order that the leaders of the investigation groups not mention this name in the testimony of the accused concerning attempts on the lives of party leaders and statesmen. It was obvious that some kind of disagreement arose between Stalin and Molotov, and Molotov could at any moment disappear without a trace from the political horizon of the country, as had previously happened with the head of the government of the RSFSR, Syrtsov, Stalin's former favorite. The NKVD knew that everything could be expected from Stalin: today he strikes Molotov off the list of victims targeted by the conspirators, and the next day he will demand that he be included in the lists of participants in this conspiracy who plotted to kill the "leaders".
Ввиду того что этот эпизод интересен с точки зрения трактовки московских процессов как орудия сталинских политических интриг, я вернусь к нему в одной из последующих глав.	In view of the fact that this episode is interesting from the point of view of interpreting the Moscow trials as an instrument of Stalinist political intrigues, I will return to it in one of the following chapters.
В показания Рейнгольда Сталин внёс и другие исправления. Иногда они носили деловой характер, однако нередко были такого сорта, что руководители НКВД, перечитывая их, едва могли сдержать ироническую усмешку, а то и начинали, втихомолку хихикать. Например, прочитав в показаниях Рейнгольда, что Зиновьев настаивал на необходимости убить не только Сталина, но также и Кирова, Сталин сделал такую приписку: "Зиновьев заявил: недостаточно свалить дуб, все молодые дубки, поднявшиеся вокруг, тоже должны быть вырваны".	Stalin also made other corrections to Reinhold's testimony. Sometimes they were of a business nature, but often they were of such a kind that the leaders of the NKVD, rereading them, could hardly restrain an ironic grin, or even began to giggle in secret. For example, having read in Reingold's testimony that Zinoviev insisted on the need to kill not only Stalin, but also Kirov, Stalin made the following addition: "Zinoviev declared: it is not enough to fell the oak tree, all the young oak trees that have risen around must also be uprooted."
К удовольствию Сталина, государственный обвинитель	To Stalin's pleasure, the public prosecutor Vyshinsky repeated this

Вышинский дважды повторил на суде это цветистое сравнение, В другом абзаце тех же показаний, где Рейнгольд рассказывает, как Каменев пытался обосновать необходимость террористических методов, Сталин вставил такую фразу, будто бы произнесённую Каменевым: "Сталинское руководство сделалось прочным, как гранит, и глупо было бы надеяться, что этот гранит сам даст трещину. Значит, надо его расколоть" Ещё одним орудием организаторов процесса сделался Рихард Пикель. Он не был старым членом партии и понадобился следствию только потому, что когда-то заведовал зиновьевским секретариатом. Ежов и Ягода полагали, что это обстоятельство придаст показаниям Пикеля против Зиновьева необходимую убедительность.	flowery comparison twice at the trial. like granite, and it would be foolish to hope that this granite itself will give a crack. So, it is necessary to split it "Richard Pikel became another tool of the organizers of the process. He was not an old member of the party and was needed by the investigation only because he had once been in charge of the Zinoviev secretariat. Yezhov and Yagoda believed that this circumstance would give Pikel's testimony against Zinoviev the necessary persuasiveness.
Я довольно хорошо знал Пикеля. Он был добродушным, обходительным человеком, сентиментальным от природы. В юности писал лирические стихи, потом перешёл на прозу и стал членом Союза советских писателей.	I knew Pickel pretty well. He was a good-natured, courteous person, sentimental by nature. In his youth he wrote lyric poetry, then switched to prose and became a member of the Union of Soviet Writers.
В своё время Пикель принимал активное участие в гражданской войне, был руководителем политотдела 16-й армии. Как и Рейнгольд, он примкнул к оппозиции, но ненадолго. Порвав с ней, он не занимал сколь-нибудь значительных постов, а непосредственно перед арестом был директором и одновременно политическим руководителем московского Камерного театра. Пикель любил театр и был вполне удовлетворён своей должностью. От политической деятельности он ушёл и посвящал свой досуг литературной работе и романтическим похождениям, в которых участвовали молодые актрисы его театра. Кроме того, он увлекался игрой в покер, по большей части в обществе видных сотрудников НКВД. В эту среду он охотно был принят как искусный карточный игрок и "компанейский парень". Вдобавок его весьма жаловали жёны этих деятелей.	At one time, Pikel took an active part in the civil war, was the head of the political department of the 16th army. Like Reingold, he joined the opposition, but not for long. Having broken with her, he did not hold any significant posts, and immediately before his arrest he was the director and at the same time the political head of the Moscow Chamber Theater. Pikel loved the theater and was quite satisfied with his position. He left political activity and devoted his leisure time to literary work and romantic adventures, in which young actresses of his theater participated. In addition, he was fond of playing poker, mostly in the company of prominent members of the NKVD. On this Wednesday, he was readily accepted as a skilled card player and "sociable guy." In addition, the wives of these figures greatly favored him.
Выходные Пикель проводил чаще всего на загородных дачах высокопоставленных чекистов, свободно пользуясь их персональными машинами и прочими жизненными благами. В 1931 году он всё лето провёл на даче начальника московского областного управления НКВД, невдалеке от сталинской резиденции. Благодаря покровительству своих друзей из НКВД он совершил два приятных заграничных путешествия - одно по Европе, другое в Южную Америку.	Pikel spent most of his weekends at the country dachas of high-ranking Chekists, freely using their personal cars and other blessings of life. In 1931, he spent the whole summer at the dacha of the head of the Moscow regional department of the NKVD, not far from the Stalinist residence. Thanks to the patronage of his friends from the NKVD, he made two pleasant trips abroad - one in Europe, the other in South America.
Друзья Пикеля были искренне огорчены, узнав, что Ежов и Ягода	Pikel's friends were sincerely upset when they learned that Yezhov

решили ввести его в новый судебный спектакль в качестве подсудимого. Они пытались заступиться за него, но тщетно. Впрочем, они смирились с необходимостью его ареста, когда Ягода сказал им, что Пикель не будет отбывать назначенного наказания в лагере. Его поставят прорабом на одну из крупных строек, находящихся в ведении НКВД.	and Yagoda had decided to introduce him into the new court play as a defendant. They tried to intercede for him, but in vain. However, they resigned themselves to the need for his arrest when Yagoda told them that Pikel would not serve his sentence in the camp. He will be appointed as a foreman at one of the major construction sites run by the NKVD.
Пикель был прямо-таки сражён внезапным арестом. Тем не менее, несмотря на свою природную деликатность, он довольно долго оказывал сопротивление следователям и отказывался наговаривать на себя и на своего бывшего шефа Зиновьева. Ягода решил прибегнуть к помощи своих подчинённых из числа друзей Пикеля. Это были начальники различных отделов НКВД - Гай, Шанин и Островский. Отныне следствие приняло в глазах Пикеля характер почти семейного дела. Ему уже не задавали формальных вопросов: "Назовите вашу фамилию! Назовите ваше имя! Сколько времени вы принадлежали к оппозиции?" От Пикеля не требовали больше, чтобы он называл сидящих перед ним энкаведистов "гражданин следователь", он мог запросто обращаться к ним по имени: "Марк", "Шура", "Иося". Если б сюда на стол ещё колоду карт, - всё выглядело бы, как раньше, на свободе - за игрой в добрый старый покер. Однако напротив "Марка", "Шуры" и "Иоси" Пикель сидел теперь в качестве заключённого. Они откровенно сказали ему, что не смогли спасти его от ареста, - "этого потребовали сверху", но если он согласится помочь НКВД своими показаниями против Зиновьева и Каменева, - они обещают ему, что, каким бы ни был приговор суда, Пикель отбудет свой срок не в лагере, а "на воле", в качестве одного из руководителей затеваемой крупной стройки на Волге, Пикель сдался. Он просил только, чтобы ему устроили встречу с самим Ягодой, который должен подтвердить все эти обещания. Ягода согласился побеседовать с Пикелем и всё великодушно подтвердил, после чего Пикеля передали в распоряжение Миронова, который составил ему текст требуемых от него показаний. В мироновском кабинете состоялась встреча Пикеля с его давним приятелем Рейнгольдом - тот был в ведении Миронова. Так Пикель занял предназначенное ему место в сценарии будущего судебного процесса.	Pikel was downright smitten by the sudden arrest. Nevertheless, despite his natural delicacy, he resisted the investigators for quite a long time and refused to slander himself and his former boss Zinoviev. Yagoda decided to resort to the help of his subordinates from among Pikel's friends. These were the heads of various departments of the NKVD - Guy, Shanin and Ostrovsky. From now on, the investigation took on the character of almost a family affair in Pikel's eyes. He was no longer asked formal questions: "Give me your last name! Say your name! How long have you belonged to the opposition?" Pikel was no longer required to call the NKVD members sitting in front of him "citizen investigator", he could easily address them by their first names: "Mark", "Shura", "Josya". If only there were a deck of cards on the table, everything would look like it used to be in freedom - playing good old poker. However, opposite "Mark", "Shura" and "Yosi" Pikel was now sitting as a prisoner. They frankly told him that they could not save him from arrest - "this was demanded from above", but if he agrees to help the NKVD with his testimony against Zinoviev and Kamenev - they promise him that, whatever the verdict of the court, Pikel will serve his term not in the camp, but "in the wild", as one of the leaders of the major construction project being started on the Volga, Pikel surrendered. He only asked to be arranged for a meeting with Yagoda himself, who must confirm all these promises. Yagoda agreed to talk with Pikel and magnanimously confirmed everything, after which Pikel was placed at the disposal of Mironov, who compiled for him the text of the testimony required of him. In Mironov's office, Pikel met with his old friend Reingold - he was under the supervision of Mironov. So Pickel took his place in the scenario of the future trial.
В своих показаниях, подготовленных Мироновым, Пикель признал, что по настоянию Зиновьева он совместно с Бакаевым и Рейнгольдом готовил покушение на Сталина. Он подтвердил также	In his testimony, prepared by Mironov, Pikel admitted that, at the insistence of Zinoviev, he, together with Bakaev and Reingold, was preparing an assassination attempt on Stalin. He also confirmed

свидетельство Рейнгольда, что бывший троцкист Дрейцер пытался организовать покушение на жизнь Ворошилова. Но основная часть показаний Пикеля была направлена против Зиновьева.	Reinhold's testimony that the former Trotskyite Dreitzer had tried to organize an attempt on Voroshilov's life. But the bulk of Pikel's testimony was directed against Zinoviev.
В противоположность Рейнгольду, который уже с готовностью подписывал всё, что от него требовали, и притом верил, что выполняет задание партии, Пикель, как правило, воздерживался от ложных показаний против других обвиняемых. Исключение он делал только для Зиновьева, ибо считал себя связанным обещанием, данным Ягоде. От него требовали, чтобы он свидетельствовал и против остальных обвиняемых, однако Пикель выработал для себя такое правило: если арестованный "сознался" или был оговорен другими обвиняемыми, - тогда и Пикель соглашался подтвердить эти показания. В то же время он категорически отказывался клеветать на людей, в отношении которых НКВД не располагал ещё компрометирующими данными. Рейнгольдь, со свойственной ему энергией, самозабвенно бросился на помощь следователям; Пикель, напротив, был воплощением апатии и инертности. Постепенно он утрачивал свойственную ему общительность, сделался вовсе некоммуникабельным и оказался в состоянии глубокой депрессии.	In contrast to Reingold, who already readily signed everything that was demanded of him, and, moreover, believed that he was fulfilling the task of the party, Pikel, as a rule, refrained from giving false testimony against other accused. He made an exception only for Zinoviev, for he considered himself bound by the promise given to Yagoda. He was required to testify against the rest of the accused, but Pikel worked out the following rule for himself: if the arrested person "confessed" or was slandered by other accused, then Pikel agreed to confirm this testimony. At the same time, he categorically refused to slander people about whom the NKVD did not yet have incriminating data. Reingold, with his characteristic energy, selflessly rushed to the aid of the investigators; Pikel, on the contrary, was the epitome of apathy and inertia. Gradually, he lost his sociability, became completely uncommunicative and found himself in a state of deep depression.
Между тем, как мы знаем, Пикелю была отведена исключительно важная роль свидетеля, выступающего персонально против Зиновьева. Поэтому руководителей следствия начало беспокоить его душевное состояние. Они опасались за его рассудок. Тогда Ягода приказал его бывшим друзьям навестить Пикеля в тюрьме и проявить к нему внимание и сочувствие. Пикеля перевели в лучшую камеру, где Шанин, Гай и Островский стали навещать его довольно часто. Захватив с собой колоду карт, бутерброды, кое-какие напитки, они порой засиживались в его обществе до глубокой ночи. Эти посещения приободрили Пикеля. Он воспрял духом, острил, как в доброе старое время, и, кажется, иногда даже забывал, где находится. Но вдруг, как бы спохватившись, становился серьёзным, и у него вырывалось: "Ох, ребята, боюсь, вы меня впутали в грязное дело. Смотрите, как бы вам не лишится классного партнера!" Показания Валентина Ольберга, Исаака Рейнгольда и Рихарда Пикеля дали руководству НКВД необходимый материал для обвинения Зиновьева, Каменева, Смирнова, Бакаева, Тер-Ваганяна и Мрачковского. Таким образом, создалась основа для открытого судебного процесса. Теперь его организаторам предстояло использовать ложные показания для шантажа бывших деятелей	Meanwhile, as we know, Pikel was assigned the exceptionally important role of a witness who spoke personally against Zinoviev. Therefore, the leaders of the investigation began to worry about his state of mind. They feared for his sanity. Then Yagoda ordered his former friends to visit Pikel in prison and show him attention and sympathy. Pikel was transferred to a better cell, where Shanin, Guy and Ostrovsky began to visit him quite often. Taking with them a deck of cards, sandwiches, some drinks, they sometimes stayed in his company until late at night. These visits encouraged Pikel. He perked up, made jokes like in the good old days, and seemed to sometimes even forget where he was. But suddenly, as if recollecting himself, he became serious, and he burst out: "Oh, guys, I'm afraid you got me involved in a dirty business. See that you don't lose a great partner!" Testimony of Valentin Olberg, Isaak Reingold and Richard Pikel provided the leadership of the NKVD with the necessary material to accuse Zinoviev, Kamenev, Smirnov, Bakaev, Ter-Vaganyan and Mrachkovsky. Thus, the basis for an open trial was created. Now its organizers had to use false testimony to blackmail former opposition figures and squeeze "confessions" out of them about their participation in an anti-government conspiracy.

оппозиции и выжать из них "признания" об их участии в антиправительственном заговоре.	
Правда, свидетельств Ольберга, Рейнгольда и Пикеля было далеко не достаточно. Чтобы ликвидировать не только вожаков оппозиции, но и её рядовых участников, Сталину требовалось продемонстрировать на процессе, что в сферу её действий входила вся страна, её террористические группы орудовали почти во всех областях Советского Союза.	True, the evidence of Olberg, Reingold and Pikel was far from sufficient. In order to eliminate not only the leaders of the opposition, but also its ordinary participants, Stalin needed to demonstrate at the trial that the entire country was within its scope of action, its terrorist groups were operating in almost all regions of the Soviet Union.
Из дальних тюрем и лагерей в Москву ежедневно доставлялись всё новые участники оппозиции. По сталинскому замыслу, они должны были изображать членов террористических групп. Из этого "сырья" следователи НКВД отбирали, а затем и "обрабатывали" рядовых участников предстоящего судебного спектакля.	From distant prisons and camps, more and more opposition members were delivered to Moscow every day. According to Stalin's plan, they were supposed to portray members of terrorist groups. From this "raw material" the NKVD investigators selected and then "processed" ordinary participants in the upcoming court performance.
Но если руководству НКВД сравнительно легко дались "признания" таких людей, как Рейнгольд и Пикель, следователи среднего звена, действовавшие параллельно, никак не могли добиться нужного результата. Заключённые, с которыми они имели дело, упорно отказывались признать, что они готовили террористические акты. К тому же у большинства из них было железное алиби - ведь уже несколько лет они находились в тюрьмах, лагерях или в ссылке, в отдалённых частях страны. Молчанов поторапливал следователей; их самолюбие страдало оттого, что нужных начальству результатов не получалось, и они падали с ног от усталости. Наконец, осознав безнадёжность ситуации, на очередном совещании у Молчанова они высказали свои претензии: они не располагают надёжными средствами, чтобы "загнать подследственных в угол" и выжать из них признания. Циркуляр Ягоды, запрещающий применять угрозы и посулы, фактически разоружает их в борьбе с подследственными.	But if the leadership of the NKVD was given the "confessions" of such people as Reingold and Pikel relatively easily, middle-level investigators acting in parallel could not achieve the desired result. The prisoners they dealt with stubbornly refused to admit that they were plotting terrorist attacks. In addition, most of them had an ironclad alibi - after all, for several years they had been in prisons, camps or in exile in remote parts of the country. Molchanov hurried the investigators; their self-esteem suffered from the fact that the results needed by the authorities did not work out, and they fell down from fatigue. Finally, realizing the hopelessness of the situation, at the next meeting with Molchanov they expressed their claims: they did not have reliable means to "drive the defendants into a corner" and squeeze confessions out of them. Yagoda's circular, which forbids the use of threats and promises, actually disarms them in the fight against those under investigation.
Молчанов разыграл крайнее изумление. Он просто не может поверить, чтоб они, опытные чекисты, с таким многолетним стажем работы в "органах", так уж буквально понимали циркуляр народного комиссара! - Чекист должен быть не только хорошим следователем, но и грамотным политиком, - многозначительно заявил Молчанов. - Он должен уметь рассудить, что имеет к нему отношение, а что не имеет, что написано для него, а что - просто из соображений высшей политики.	Molchanov feigned extreme astonishment. He simply cannot believe that they, experienced Chekists, with such many years of experience in the "bodies", so literally understood the circular of the people's commissar! “The Chekist must be not only a good investigator, but also a competent politician,” Molchanov stated pointedly. - He must be able to judge what has to do with him and what does not, what is written for him, and what is simply for considerations of higher politics.
- Но как же это различить? - спросил один из следователей. - Циркуляр подписан самим наркомом и предназначен именно для	- But how can you tell? one of the investigators asked. - The circular is signed by the people's commissar himself and is intended just for us! -

нас! - Теперь вы знаете, как! - отрезал Молчанов. - Я вам говорю это официально, от имени наркома: идите к своим подследственным и задайте им жару! Навалитесь на них и не слезайте с них до тех пор, пока они не станут сознаваться! Каждый из присутствующих знал, кому принадлежит эта циничная фраза. Её ещё в 1931 году употребил Сталин, когда тогдашний начальник Экономического управления НКВД Прокофьев докладывал ему о деле арестованных меньшевиков Суханова, Громана, Шера и других. Недовольный тем, что Прокофьеву не удаётся заставить их сознаться, будто они вели переговоры с генеральными штабами иностранных государств, Сталин заявил ему: "Навалитесь на них и не слезайте, пока они не начнут сознаваться" Отныне следователи всеми силами старались наверстать упущенное. Тем не менее, на первых порах всё оставалось по-прежнему. За две недели, прошедшие после совещания у Молчанова, целая армия следователей сумела вырвать "признание" только у одного из обвиняемых. Между тем Сталин ежедневно справлялся о ходе следствия. Чтобы как-то ускорить дело, Молчанов с согласия Ягоды собрал ещё одно совещание следователей, пригласив на него секретаря ЦК партии Ежова.	Now you know how! - cut off Molchanov. - I'm telling you this officially, on behalf of the people's commissar: go to your suspects and give them the heat! Pounce on them and don't get off them until they confess! Everyone present knew to whom this cynical phrase belonged. It was used by Stalin back in 1931, when the then head of the Economic Department of the NKVD, Prokofiev, reported to him about the case of the arrested Mensheviks Sukhanov, Groman, Sher and others. Dissatisfied with the fact that Prokofiev was unable to make them confess that they were negotiating with the general staffs of foreign states, Stalin told him: "Push on them and do not get off until they begin to confess." From now on, the investigators tried their best to catch up. However, at first everything remained the same. In the two weeks that have passed since the meeting with Molchanov, a whole army of investigators managed to extract a "confession" from only one of the accused. Meanwhile, Stalin inquired daily about the progress of the investigation. In order to somehow speed up the matter, Molchanov, with the consent of Yagoda, gathered another meeting of investigators, inviting the secretary of the Central Committee of the party Yezhov to it.
На совещании тот произнёс речь, подчеркнув исключительную важность предстоящего процесса для всей партии, и призвал следователей быть более твёрдыми и беспощадными с врагами партии. Ежов пересыпал своё выступление избитыми лозунгами вроде: "Нет таких крепостей, которые большевики не сумели бы взять!", обращался к самолюбию следователей. Однако наибольшее впечатление на собравшихся произвело одно место в его речи, где зазвучала новая нога, обращённая непосредственно к ним: "Если, - сказал Ежов, - кто-то из вас испытывает сомнения и колебания, если кто-нибудь по той или иной причине чувствует, что он не в силах справиться с троцкистско-зиновьевскими бандами, - пусть скажет, и мы освободим его от следовательской работы". Все прекрасно понимали, что за этим последует: отказ вести дело "троцкистско-зиновьевских бандитов" будет расценен как протест против организации самого "дела", и отказавшегося ждёт немедленный арест. Каждый теперь осознал, что, не сумев добиться признания подследственного, он рискует быть заподозренным в сочувствии ему, Ближайшая же неделя дала неожиданно большое число "признаний". Одна из следственных групп, возглавляемая начальником отдела Специального политического управления	At the meeting, he made a speech, emphasizing the exceptional importance of the upcoming trial for the entire party, and called on the investigators to be more firm and merciless with the enemies of the party. Yezhov sprinkled his speech with hackneyed slogans like: "There are no such fortresses that the Bolsheviks could not take!", He appealed to the pride of the investigators. However, the greatest impression on the audience was made by one place in his speech, where a new foot sounded, addressed directly to them: "If," said Yezhov, "one of you experiences doubts and hesitations, if anyone for one reason or another feels that he is unable to cope with the Trotskyist-Zinoviev gangs - let him say, and we will release him from investigative work. Everyone perfectly understood what would follow: the refusal to conduct the case of the "Trotskyist-Zinoviev bandits" would be regarded as a protest against the organization of the "case" itself, and the one who refused would face immediate arrest. Everyone now realized that, failing to obtain a confession from the person under investigation, he risks being suspected of sympathizing with him. The next week, however, gave an unexpectedly large number of "confessions". One of the investigation groups, headed by the head of the department of the Special Political Directorate of the NKVD Yuzhny - a man through and through immoral

НКВД Южным - человеком насквозь аморальным и бесчестным - добилась признаний сразу от пяти заключённых, показания которых затронули к тому же Зиновьева и Каменева. Это были преподаватели марксизма-ленинизма из Ленинграда и Сталинграда, только недавно попавшие в тюрьму и никогда не принадлежавшие ни к какой оппозиции. Им предъявлялось обвинение только в том, что в их учебных заведениях действовали нелегальные троцкистские кружки. Секрет успеха Южного был прост: узнав, как большое начальство поступило с Рейнгольдом и Пикелем, он применил к бедным преподавателям тот же нехитрый приём.	and dishonest - obtained confessions from five prisoners at once, whose testimony also affected Zinoviev and Kamenev. They were teachers of Marxism-Leninism from Leningrad and Stalingrad, who had only recently been imprisoned and had never belonged to any opposition. They were charged only with the fact that illegal Trotskyist circles were operating in their educational institutions. The secret of Yuzhny's success was simple: having learned what the big bosses did with Reingold and Pikel, he applied the same simple trick to the poor teachers.
Молчанов, дознавшись об этом, собрал специальное совещание, на котором сурово критиковал поведение Южного и его помощников. В данном случае нельзя было, оказывается, уговаривать подследственных дать показания против Зиновьева и Каменева "в интересах партии", необходимо было заставить их осознать тяжесть своих преступлений и раскаяться. "Такая работа, - негодовал Молчанов, - не имеет ничего общего с подлинным следствием!" "Я мог бы, - продолжал он, - хоть сейчас выйти на Лубянскую площадь, созвать сотню партийцев и сказать им, что партийная дисциплина требует от них дать показания против Зиновьева и Каменева в интересах партии. За какой-нибудь час я соберу сотню таких заявлений за их подписями! Никто не давал вам права обращаться к арестованным от имени партии! Методы такого рода, - поучал Молчанов, - могут применяться только в виде исключения по отношению к особо важным обвиняемым, да и то лишь по специальному разрешению товарища Ежова. А вам необходимо вести следствие так, чтобы арестованный ни на секунду не усомнился, что вы действительно считаете его виновным. Можете играть на его любви к семье, на специальном постановлении, касающемся детей, в общем, на чём хотите, но соглашаться с арестованным, что он лично не виновен, и такой ценой получать его признание - абсолютно недопустимо!" Сделав троицу Ольберг-Рейнгольд-Пикель своим послушным орудием, организаторы процесса начали расширять масштабы дела.	Molchanov, having found out about this, called a special meeting at which he severely criticized the behavior of Yuzhny and his assistants. In this case, it turns out, it was impossible to persuade the defendants to testify against Zinoviev and Kamenev "in the interests of the Party", it was necessary to make them realize the gravity of their crimes and repent. "Such work," Molchanov was indignant, "has nothing to do with a genuine investigation!" “I could,” he continued, “even now go out to Lubyanka Square, call a hundred party members and tell them that party discipline requires them to testify against Zinoviev and Kamenev in the interests of the party. In an hour I will collect a hundred such statements behind their signatures! No one gave you the right to address the arrested on behalf of the Party! Methods of this kind," Molchanov instructed, "can be used only as an exception in relation to especially important accused, and even then only with the special permission of Comrade Yezhov. And you it is necessary to conduct an investigation in such a way that the arrested person does not doubt for a second that you really consider him guilty.You can play on his love for the family, on a special decree concerning children, in general, on whatever you want, not guilty, and at such a price to receive his confession is absolutely unacceptable!" Having made the Olberg-Rheingold-Pickel trinity their obedient tool, the organizers of the process began to expand the scope of the case.
Для начала НКВД арестовал тех, на кого наговорил его же тайный агент Ольберг, да к тому же по указке Молчанова. Многочисленные аресты были произведены в Минске, где Ольберг, направляясь из Германии в Москву, останавливался у своих родственников, и в Горьком, где он работал преподавателем. Среди арестованных в	To begin with, the NKVD arrested those who were told by his secret agent Olberg, and besides, at the behest of Molchanov. Numerous arrests were made in Minsk, where Olberg, on his way from Germany to Moscow, stayed with his relatives, and in Gorky, where he worked as a teacher. Among those arrested in Gorky, I recall Yelin, a member of the

Горьком я припоминаю Елина - члена бюро Горьковского обкома, Федотова - директора пединститута, Соколова, Кантора и Нелидова - преподавателей того же института.	bureau of the Gorky Regional Committee, Fedotov, director of the Pedagogical Institute, Sokolov, Kantor and Nelidov, teachers of the same institute.
Это был тот самый Елин, сигнализировавший в НКВД и в ЦК партии о своих подозрениях насчёт Ольберга и получивший по телефону от Ежова приказ не чинить Ольбергу препятствий. Таким образом, Елин понял, что Ольберг - вовсе не эмиссар Троцкого, каким организаторы процесса рассчитывали представить его стране, а тайный агент НКВД. В общем, Елин знал слишком много, почему и был расстрелян без всякого судебного приговора. Его имя, однако, было упомянуто Ольбергом на суде, когда тот перечислял террористов, якобы готовивших убийство Сталина.	This was the same Yelin, who had signaled to the NKVD and the Central Committee of the party about his suspicions about Olberg and received an order from Yezhov by telephone not to obstruct Olberg. Thus, Yelin realized that Olberg was not at all an emissary of Trotsky, as the organizers of the process expected to present him to the country, but a secret agent of the NKVD. In general, Yelin knew too much, which is why he was shot without any court verdict. His name, however, was mentioned by Olberg at the trial, when he listed the terrorists who allegedly prepared the assassination of Stalin.
Директор пединститута Федотов, тоже "выданный" Ольбергом, находился под следствием сначала в Горьком, в областном управлении НКВД, а в дальнейшем - в Москве, где его допрашивали под присмотром Молчанова и Когана. Мне довелось читать федотовские показания, и я полагал, что этот человек, представленный в них активным пособником Ольберга в подготовке покушения на Сталина, займёт видное место на скамье подсудимых. Однако на суде он не появился. Возможно, организаторы процесса не вполне ему доверяли и опасались, как бы он не переменил своих показаний, данных на следствии в НКВД.	Director of the Pedagogical Institute Fedotov, also "issued" by Olberg, was under investigation first in Gorky, in the regional department of the NKVD, and later in Moscow, where he was interrogated under the supervision of Molchanov and Kogan. I happened to read Fedotov's testimony, and I believed that this man, presented in them as an active accomplice of Olberg in the preparation of the assassination attempt on Stalin, would take a prominent place in the dock. However, he did not appear in court. Perhaps the organizers of the process did not fully trust him and feared that he would not change his testimony given during the investigation in the NKVD.
Среди тех, кто был замешан в дело самим Федотовым, правда, по требованию Молчанова, оказался известный физик академик Иоффе, работавший в Ленинграде. Но когда на совещании в Кремле Молчанов докладывал о показаниях Федотова Сталину, тот сказал: "Вычеркните Иоффе. Он ещё может нам понадобиться!" Эта реплика была полной неожиданностью для Молчанова - не кто иной, как Сталин, двумя неделями ранее распорядился, чтобы Иоффе фигурировал в показаниях Федотова как один из его сообщников...	Among those who were implicated in the case by Fedotov himself, however, at the request of Molchanov, was the famous physicist Academician Ioffe, who worked in Leningrad. But when, at a meeting in the Kremlin, Molchanov reported on Fedotov's testimony to Stalin, he said: "Delete Joffe. We may still need him!" This remark was a complete surprise for Molchanov - none other than Stalin, two weeks earlier, ordered that Ioffe appear in Fedotov's testimony as one of his accomplices ...
Следствие по делам Соколова и Нелидова, преподавателей Горьковского пединститута, упоминавшихся в показаниях Ольберга, было поручено Кедрову. Кедров был сотрудником иностранного управления НКВД и входил в группу следователей, возглавляемую Борисом Берманом, заместителем начальника этого управления. В данном случае речь идёт о так называемом Кедрове-младшем, которому было тогда года тридцать два. Он принадлежал к семье старых революционеров: его отец, по образованию физик, жил в своё время в Швейцарии вместе с Лениным. После Октябрьской	The investigation into the cases of Sokolov and Nelidov, teachers of the Gorky Pedagogical Institute, mentioned in Olberg's testimony, was entrusted to Kedrov. Kedrov was an employee of the foreign department of the NKVD and was part of a group of investigators headed by Boris Berman, deputy head of this department. In this case, we are talking about the so-called Kedrov Jr., who was then thirty-two years old. He belonged to a family of old revolutionaries: his father, a physicist by education, lived at one time in Switzerland with Lenin. After the October Revolution, Kedrov Sr. was appointed a member of the

революции Кедров-старший был назначен членом коллегии ВЧК и прославился чрезвычайно жестокой расправой над бывшими царскими офицерами в Архангельске, учинённой, как только Красная армия заняла этот город. Двумя годами позже Кедров был признан душевнобольным. Он прошёл курс лечения и постепенно выздоровел, однако врачи признали, что он больше не может занимать руководящие должности, и ЦК назначил ему персональную пенсию.	collegium of the Cheka and became famous for the extremely cruel massacre of former tsarist officers in Arkhangelsk, carried out as soon as the Red Army occupied this city. Two years later, Kedrov was declared mentally ill. He underwent treatment and gradually recovered, but the doctors recognized that he could no longer hold leadership positions, and the Central Committee granted him a personal pension.
Внешность Кедрова-старшего была весьма примечательной. Высокий, всегда держащийся прямо, с красивым, смуглым лицом и большими чёрными, горящими, как угли, глазами, он казался мне воплощением мятежного, бунтарского духа. Его чёрные как вороново крыло волосы, всегда были взлохмачены. Необыкновенно выразительные глаза Кедрова постоянно как бы искрились. Возможно, это были искры безумия.	The appearance of Kedrov Sr. was very remarkable. Tall, always standing straight, with a handsome, swarthy face and large black eyes burning like coals, he seemed to me the embodiment of a rebellious, rebellious spirit. His raven-black hair was always tousled. Kedrov's extraordinarily expressive eyes were constantly sparkling, as it were. Perhaps they were sparks of madness.
Кедров-младший походил на отца, но не унаследовал его яркую и оригинальную внешность. Он был осторожен, замкнут, вечно поглощён своей работой. Не одарённый способностью к критическому мышлению, он воспринимал всё исходящее от партии и от начальства как непреложную истину.	Kedrov Jr. looked like his father, but did not inherit his bright and original appearance. He was cautious, withdrawn, always absorbed in his work. Not gifted with the ability for critical thinking, he perceived everything coming from the party and from the authorities as an indisputable truth.
Соколов был быстро сломлен Кедровым. Он согласился подтвердить показание Ольберга насчёт студенческой делегации, которая будто бы намеревалась совершить покушение на Сталина во время первомайской демонстрации на Красной площади.	Sokolov was quickly broken by Kedrov. He agreed to confirm Olberg's testimony about the student delegation, which allegedly intended to assassinate Stalin during the May Day demonstration on Red Square.
Кедров воспользовался привязанностью Соколова к своей семье, которую он стремился оградить от преследований, и его глубокой приверженностью партийной дисциплине. Преподаватель истории, обязанный ежедневно внушать студентам ненависть к вождям оппозиции, Соколов в принципе не возражал против того, чтобы подписать ложные показания, необходимые ЦК партии для дискредитации Троцкого, Зиновьева и Каменева. Фактически Соколова интересовал лишь один вопрос: что его вернее спасёт - подписание требуемых от него "признаний" или, напротив, отказ от самооговора.	Kedrov took advantage of Sokolov's attachment to his family, whom he sought to protect from persecution, and his deep commitment to party discipline. A history teacher who was obliged on a daily basis to inspire students with hatred for the leaders of the opposition, Sokolov, in principle, did not object to signing the false testimony necessary for the Central Committee of the party to discredit Trotsky, Zinoviev and Kamenev. In fact, Sokolov was interested in only one question: what would rather save him - signing the "confessions" required of him or, on the contrary, refusing to incriminate himself.
Если бы Соколов мог рассчитывать на то, что суд беспристрастно рассмотрит выдвинутые против него обвинения и защитит его от домогательств НКВД, он, несомненно, держался бы твёрдо. Но такой надежды у него не было. Как опытный партийный пропагандист, он понимал: коль скоро дело идёт о дискредитации	If Sokolov could count on the fact that the court would impartially consider the charges against him and protect him from the harassment of the NKVD, he would undoubtedly hold firm. But he had no such hope. As an experienced party propagandist, he understood that as soon as it was a matter of discrediting Trotsky, Zinoviev and other political

Троцкого, Зиновьева и других политических противников Сталина, суд будет всего лишь играть роль вспомогательного средства, подчинённого ЦК. И в данном случае как суд, так и НКВД руководствуются директивами, получаемыми из одного и того же источника. Ясно, что Соколову не оставалось ничего другого, как подчиниться нажиму следователя и сдаться на милость НКВД.	opponents of Stalin, the court would only play the role of an auxiliary tool subordinate to the Central Committee. And in this case, both the court and the NKVD are guided by directives received from the same source. It is clear that Sokolov had no choice but to submit to the pressure of the investigator and surrender to the mercy of the NKVD.
Кедров добился "признания" ещё пяти арестованных. Никто доподлинно не знал, в чём секрет его воздействия на подследственных. Молчанов был так доволен его работой, что упомянул его как умелого следователя на очередном совещании.	Kedrov obtained "confessions" from five more detainees. No one knew for sure what the secret of his influence on those under investigation was. Molchanov was so pleased with his work that he mentioned him as a skilled investigator at the next meeting.
Однажды вечером мы с Борисом Берманом шли по одному из коридоров НКВД, направляясь к начальнику Иностранного управления Слуцкому. Вдруг нас остановили душераздирающие вопли, доносящиеся из кедровского кабинета. Мы распахнули дверь и увидели сидящего на стуле Нелидова, преподавателя химии Горьковского пединститута, который, между прочим, был внуком царского посла во Франции. Лицо Нелидова было искажено страхом. Следователь Кедров находился в состоянии истерического бешенства. Увидев Бермана, который был его начальником, Кедров возбуждённо принялся объяснять, что только что Нелидов сознался, что хотел убить Сталина, а затем вдруг отказался от своих же слов. "Вот, вот! - истерически выкрикивал Кедров. - Вот, смотрите, он написал: "Я признаю, что был участником..." и вдруг остановился и не пожелал продолжать. Это ему так не пройдёт... я задушу его собственными руками!" Столь невыдержанное поведение Кедрова в присутствии начальства поразило меня. Я с удивлением смотрел на него - и внезапно увидел в его глазах то же фосфорическое свечение и те же перебегающие искорки, какими сверкали глаза его безумного отца.	One evening, Boris Berman and I were walking along one of the corridors of the NKVD, heading to the head of the Foreign Directorate, Slutsky. Suddenly, we were stopped by heart-rending cries coming from the Kedrovka office. We opened the door and saw sitting on a chair Nelidov, a teacher of chemistry at the Gorky Pedagogical Institute, who, by the way, was the grandson of the tsarist ambassador to France. Nelidov's face was contorted with fear. Investigator Kedrov was in a state of hysterical fury. Seeing Berman, who was his boss, Kedrov excitedly began to explain that Nelidov had just confessed that he wanted to kill Stalin, and then suddenly retracted his own words. “Here, here!” Kedrov shouted hysterically. “Look, he wrote: “I admit that I was a participant ...” and suddenly stopped and did not want to continue. !" Such unrestrained behavior of Kedrov in the presence of his superiors struck me. I looked at him in surprise - and suddenly I saw in his eyes the same phosphorescent glow and the same running sparks that sparkled the eyes of his crazy father.
"Глядите! - продолжал кричать Кедров. - Он сам это написал!.." Кедров вёл себя так, словно по вине Нелидова лишился чего-то самого ценного в жизни, точно он был жертвой Нелидова, а не наоборот. Я внимательно посмотрел на Нелидова. Это был молодой человек лет тридцати, с тонким лицом типичного русского интеллигента. Кедров совершенно очевидно внушал ему ужас. Он обратился к нему с виноватой улыбкой: "Я не знаю, как это могло случиться со мной... Рука отказывается писать".	“Look!” Kedrov continued to shout. “He wrote it himself!..” Kedrov behaved as if through Nelidov's fault he had lost something most valuable in life, as if he had been Nelidov's victim, and not vice versa. I looked at Nelidov carefully. He was a young man of about thirty, with the thin face of a typical Russian intellectual. Kedrov obviously terrified him. He turned to him with a guilty smile: "I don't know how this could happen to me... The hand refuses to write."
Берман приказал Кедрову прекратить допрос и отослать арестованного обратно в камеру.	Berman ordered Kedrov to stop the interrogation and send the arrested person back to the cell.

Войдя к Слуцкому, мы сообщили ему об этом эпизоде. Тут я узнал, что такие сцены наблюдаются не впервые. Берман рассказал Слуцкому и мне, что несколько дней назад он и другие сотрудники бросились к кабинету Кедрова, услышав дикие крики, доносившиеся оттуда. Они застали Кедрова вне себя: разъярённый, он обвинял заключённого - это был Фридлянд, профессор ленинградского института марксизма-ленинизма - в попытке проглотить чернильницу, стоящую у него на столе. "Я остолбенел, - рассказывал Берман, - увидев эту самую чернильницу - массивную, из гранёного стекла, размером в два мужских кулака... "Как вы можете, товарищ Кедров! Что вы такое говорите!" - бормотал Фридлянд, явно запуганный следователем. Тут мне пришло в голову, - продолжал Берман, - что Кедров помешался. Если б вы послушали, как он допрашивает своих арестованных, без всякой логики и смысла, - вы бы решили, что его надо гнать из следователей... Но некоторых он раскалывает быстрее, чем самые лучшие следователи. Странно, - похоже, он имеет какую-то власть над ними..." Берман добавил, что после эпизода с чернильницей он пошёл к Молчанову и просил его отстранить Кедрова от следственной работы, но Молчанов на это не согласился и ответил, что пока Кедрову удаётся выжимать признания из арестованных, он его не уводит.	Entering Slutsky's, we told him about this episode. Then I learned that such scenes are observed not for the first time. Berman told Slutsky and me that a few days ago he and other employees rushed to Kedrov's office after hearing wild screams coming from there. They found Kedrov beside himself: enraged, he accused the prisoner - it was Friedland, a professor at the Leningrad Institute of Marxism-Leninism - of trying to swallow the inkwell that was on his desk. "I was dumbfounded," Berman said, "seeing this very inkwell - massive, made of faceted glass, the size of two male fists ... "How can you, Comrade Kedrov! What are you talking about!" Friedland muttered, clearly intimidated by the investigator. Then it occurred to me," Berman continued, "that Kedrov was crazy. If you had listened to how he interrogates his detainees, without any logic or sense, you would have decided that he should be driven out of the investigators ... But he splits some of them faster than the best investigators. Strange - it seems that he has some kind of power over them ... "Berman added that after the episode with the inkwell, he went to Molchanov and asked him to remove Kedrov from investigative work, but Molchanov did not agree to this and replied that as long as Kedrov managed to squeeze confessions from those arrested, he would not take him away.
Многие зарубежные критики московских процессов высказывали предположение, что признания обвиняемых объясняются действием гипоноза или же специальных лекарств. Но мне никогда не приходилось слышать от следователей об использовании подобных средств, по крайней мере на первом из судебных процессов. Если такие методы и применялись, мне о них ничего не известно. Но я не сомневаюсь, что Кедров обладал способностью гипнотического внушения, хотя, может быть, и сам того не сознавал. Думается, что случай с Нелидовым был явным примером такого воздействия.	Many foreign critics of the Moscow trials suggested that the confessions of the accused were explained by the action of hyponosis or special drugs. But I never heard from the investigators about the use of such means, at least in the first of the trials. If such methods were used, I know nothing about them. But I have no doubt that Kedrov possessed the ability of hypnotic suggestion, although perhaps he himself did not realize it. It seems that the case of Nelidov was a clear example of such an impact.
И всё же Кедрову не удалось сломить Нелидова. Тот обладал одним серьёзным преимуществом перед остальными обвиняемыми: он принадлежал к аристократической семье, разорённой революцией, не состоял в партии и потому не испытывал абсолютно никакого чувства "партийного долга". Никакой казуистикой его нельзя было убедить, что он обязан стать на колени перед партией и оговорить себя, сознавшись в попытке подрыва её "монолитного единства". Так сорвалось намерение организаторов процесса	And yet Kedrov failed to break Nelidov. He had one serious advantage over the rest of the defendants: he belonged to an aristocratic family ruined by the revolution, was not a member of the party and therefore had absolutely no sense of "party duty". No amount of casuistry could convince him that he was obliged to kneel before the party and slander himself by confessing to an attempt to undermine its "monolithic unity." Thus, the intention of the organizers of the process to demonstrate the cooperation of the Trotskyists with the grandson of the tsarist

продемонстрировать сотрудничество троцкистов с внуком царского посла на общей для них "террористической платформе".	ambassador on a common "terrorist platform" was frustrated.
Как-то вечером, возвращаясь домой со службы, я услышал позади торопливые шаги. Оглянувшись, я увидел Кедрова, который спешил, пытаясь меня догнать. Я вспомнил, что в этот день он дважды звонил мне, пытаясь договориться о встрече, но я был занят и не смог поговорить с ним. Теперь, поравнявшись со мной, Кедров объяснил, что он хотел посоветоваться по личному и очень деликатному вопросу, который он не может обсудить с кем бы то ни было другим.	One evening, returning home from work, I heard hurried footsteps behind me. Looking back, I saw Kedrov, who was in a hurry, trying to catch up with me. I remembered that he called me twice that day, trying to arrange a meeting, but I was busy and could not talk to him. Now, coming abreast of me, Kedrov explained that he wanted to consult on a personal and very delicate matter, which he could not discuss with anyone else.
Дело заключалось в следующем. У его родителей есть друг, по фамилии Ильин, безупречный партиец, с которым они подружились ещё до революции, в сибирской ссылке. Ильин с женой до сих пор частенько заглядывали к Кедровым попить чайку и поболтать о том, о сём. "Они были у нас позавчера, в воскресенье, - тревожно произнёс Кедров, - а вчера их арестовали..." Он смотрел на меня с явным беспокойством, точно мнительный пациент, ожидающий врачебного диагноза.	The matter was as follows. His parents have a friend, by the name of Ilyin, an impeccable party member, with whom they became friends even before the revolution, in Siberian exile. Until now, Ilyin and his wife often dropped in on the Kedrovs to drink tea and chat about this and that. "They were with us the day before yesterday, on Sunday," Kedrov said anxiously, "and yesterday they were arrested..." He looked at me with obvious anxiety, like a suspicious patient awaiting a medical diagnosis.
"Как вы думаете, - продолжал он, - должен ли мой отец направить в ЦК партии такое письменное заявление: он мол считает своей обязанностью сообщить, что, будучи нашими старыми знакомыми, ещё со времён сибирской ссылки, Ильины время от времени заглядывали к нам и пили с нами чай?" Такой вопрос меня не удивил. В те дни стало правилом, что каждый член партии, узнав об аресте своего знакомого, должен, не ожидая запроса со стороны властей, бежать в комиссию партийного контроля и там сообщить, какие отношения связывали его с арестованным. Это означало, что приятелю арестованного нечего скрывать от партии и он лоялен по отношению к ней.	“What do you think,” he continued, “should my father send such a written statement to the Central Committee of the party: he supposedly considers it his duty to inform that, being our old acquaintances, since the time of the Siberian exile, the Ilins from time to time dropped in on us and Did you drink tea with us? This question did not surprise me. In those days, it became the rule that every member of the party, having learned about the arrest of his acquaintance, should, without waiting for a request from the authorities, run to the party control commission and there report what kind of relationship he had with the arrested person. This meant that the friend of the arrested person had nothing to hide from the party and he was loyal to it.
Такого рода исповедь была сродни так называемым "неделям милосердия", введённым средневековой инквизицией. В эти недели каждый христианин мог добровольно явиться в инквизицию и безнаказанно сознаться в ереси и связях с другими еретиками. Ясно, что новейшие, сталинские инквизиторы, как, впрочем, и их средневековые предшественники, нередко извлекали выгоду из этого обычая, получая порочащие сведения о лицах, которые уже подверглись преследованиям, и вскрывая всё новые очаги ереси.	This kind of confession was akin to the so-called "weeks of mercy" introduced by the medieval Inquisition. During these weeks, every Christian could voluntarily appear before the Inquisition and, with impunity, confess to heresy and ties with other heretics. It is clear that the newest, Stalinist inquisitors, as well as their medieval predecessors, often profited from this custom, receiving defamatory information about persons who had already been persecuted, and uncovering ever new centers of heresy.
Кедров с беспокойством ожидал, что я отвечу.	Kedrov anxiously expected my answer.
- Но ваш отец не вёл никаких антипартийных разговоров с	- But your father did not have any anti-Party conversations with the

Ильиными, не правда ли? - спросил я на всякий случай.	Ilyins, did he? I asked just in case.
- Нет, что вы, никогда! - заверил Кедров.	- No, never! - assured Kedrov.
- Тогда я не думаю, что ему надо писать какое-то заявление, - сказал я. - Ильины же не были исключены из партии, значит, партия им доверяла. Почему же ваши родители не должны были им доверять? Не так ли? - Я очень рад, что вы так считаете! - воскликнул Кедров с деланным восторгом. - В самом деле: они распивали чаи не только с нами, но и с Дмитрием Ильичём, братом Ленина, и даже с самим Лениным, пока он был жив! НИ ГРОША-ТО НАША ЖИЗНЬ НЕ СТОИТ! Следствие по делу продвигалось гораздо медленнее, чем хотелось бы Сталину. Руководители НКВД знали, что даже инквизиторские методы не гарантируют немедленных результатов. Сломить волю арестованных обычно удавалось только после того, как они были измотаны физически и морально, а это требовало времени.	“Then I don’t think he needs to write any statement,” I said. - The Ilyins were not expelled from the party, which means that the party trusted them. Why shouldn't your parents have trusted them? Is not it? - I'm glad you think so! exclaimed Kedrov with mock delight. - Indeed: they drank tea not only with us, but also with Dmitry Ilyich, Lenin's brother, and even with Lenin himself, while he was alive! OUR LIFE IS NOT WORTH A PENNY! The investigation into the case progressed much more slowly than Stalin would have liked. The leaders of the NKVD knew that even inquisitorial methods did not guarantee immediate results. It was usually possible to break the will of the arrested only after they were exhausted physically and morally, and this took time.
Сталин, однако, проявлял нетерпение. Чтобы ускорить ход следствия, Ежов и Ягода начали практиковать ночные обходы следственных кабинетов. Они взяли за правило появляться внезапно, между часом ночи и пятью часами утра. В каждом из кабинетов они задерживались минут на десять-пятнадцать, молча наблюдая, как следователь "работает" Эти ночные визиты держали следователей в состоянии непрерывного нервного возбуждения и заставили их с удвоенной энергией обрабатывать арестованных целые ночи напролёт.	Stalin, however, was impatient. To speed up the course of the investigation, Yezhov and Yagoda began to practice night rounds of the investigation rooms. They made it a rule to appear suddenly, between one in the morning and five in the morning. In each of the offices they lingered for ten or fifteen minutes, silently watching how the investigator "works." These nightly visits kept the investigators in a state of constant nervous excitement and forced them to work with the arrested with redoubled energy all night long.
Первый более или менее значительный сдвиг произошел в мае 1936 года. В течение этого месяца "признания" были получены от пятнадцати обвиняемых. Из них около десяти находились в ведении сотрудников Секретного политического управления НКВД, возглавляемого Молчановым. Это дало ему основание обрушиться на следователей, переданных в его подчинение из других управлений: они дескать "просиживают ночи напролёт со своими подследственными, не проявляя энергии и решительности". На том же совещании Молчанов привёл такой пример: следователя Д. из Особого управления он застал во время ночного обхода спящим за столом. Дело было в три часа ночи; подследственный, сидя напротив Д., тоже задремал. Это было грубым нарушением дисциплинарных правил и могло бы иметь для Д. серьёзные последствия, если бы, например, арестованный, воспользовавшись случаем, выбросился из окна. Молчанов сурово осудил "таких	The first more or less significant shift occurred in May 1936. During that month, "confessions" were obtained from fifteen defendants. Of these, about ten were under the jurisdiction of employees of the Secret Political Directorate of the NKVD, headed by Molchanov. This gave him reason to attack the investigators transferred to his subordination from other departments: they say "sit out all night with their defendants, without showing energy and determination." At the same meeting, Molchanov gave the following example: he found investigator D. from the Special Directorate sleeping at the table during a night round. It was at three o'clock in the morning; the defendant, sitting opposite D., also dozed off. This was a gross violation of disciplinary rules and could have had serious consequences for D. if, for example, the arrested person, taking advantage of the opportunity, jumped out of the window. Molchanov severely condemned "such investigators as D.", while tirelessly praising the employees of his own department.

следователей, как Д.", неустанно при этом восхваляя работников собственного управления.	
Между тем всё объяснялось просто.	Meanwhile, everything was explained simply.
Д., способный и опытный специалист в области следственной работы, был мало искушён в приёмах шантажа и моральных истязаний. Некоторое время он слушал Молчанова, не реагируя на его слова, но затем, не выдержав, встал и заявил, что в Особом отделе он успешно вёл не менее важные следственные дела, чем те, которые поручаются следователям Молчанова. К тому же действительная подоплека их успехов хорошо известна всем присутствующим.	D., a capable and experienced specialist in the field of investigative work, was little versed in the methods of blackmail and moral torture. For some time he listened to Molchanov, not reacting to his words, but then, unable to stand it, he got up and declared that in the Special Department he successfully conducted no less important investigative cases than those assigned to Molchanov's investigators. In addition, the real underlying reason for their success is well known to all present.
Задетый за живое Молчанов спросил Д., на что он намекает. "Да всё очень просто, - отвечал тот. - И нечего удивляться, что признания получены именно вашими следователями. Ведь общее руководство следствием находится в руках вашего управления, вот ваши сотрудники и выбирают себе арестованных, у кого есть дети... А нам достаются те, у кого детей нет. Кроме того, ваши сотрудники вначале пробуют расколоть арестованного. Если он сдается, они оставляют его себе, а если выказывают упорство, передают нам".	Molchanov, hurt to the core, asked D. what he was hinting at. “Yes, everything is very simple,” he answered. “And there is nothing to be surprised that it was your investigators who obtained confessions. "those who don't have children. In addition, your employees first try to split the arrested person. If he surrenders, they keep him, and if they show stubbornness, they hand him over to us."
Это была правда, хотя для Молчанова и малоприятная. Стремясь выслужиться перед высоким начальством и блеснуть своими кадрами, он распределял арестованных именно так, как обрисовал Д. Но слова его содержали и куда более глубокий подтекст: действительно, дети старых партийцев использовались следствием как заложники, и именно это способно было сломить даже самых стойких. Многие старые большевики, готовые умереть за свои идеалы, не могли переступить через трупы собственных детей - и уступали насилию.	It was true, although unpleasant for Molchanov. In an effort to curry favor with the high authorities and show off his cadres, he distributed the arrested exactly as D. described. But his words also contained a much deeper subtext: indeed, the children of old party members were used as hostages by the investigation, and this was what could break even the most persistent. Many old Bolsheviks, ready to die for their ideals, could not step over the corpses of their own children - and succumbed to violence.
Взбешённый Молчанов обвинил Д. в том, что тот пытается оправдать свою неспособность клеветой на других сотрудников. Он отстранил Д. от работы и направил наркому Ягоде рапорт, предлагая заключить Д. в Соловецкий концлагерь за то, что тот безответственно заснул при исполнении служебных обязанностей.	Enraged, Molchanov accused D. of trying to justify his inability by slandering other employees. He removed D. from work and sent a report to People's Commissar Yagoda, offering to imprison D. in the Solovetsky concentration camp because he irresponsibly fell asleep while on duty.
Марк Гай, непосредственный начальник Д., заступился за него перед Ягодой и отвёл угрозу концлагеря. Д. отделался сравнительно легко: его перевели с понижением из Москвы на периферию.	Mark Guy, D.'s immediate superior, stood up for him before Yagoda and averted the threat of a concentration camp. D. got off relatively lightly: he was transferred with a demotion from Moscow to the periphery.
Тем временем следователей всё более изматывали эта лихорадочная работа, нервное напряжение и недосыпание. Их	Meanwhile, the investigators were increasingly exhausted by this hectic work, nervous tension and lack of sleep. Their waning energy was

ослабевающая энергия поддерживалась только нажимом сверху, особенно ночными обходами начальства. Эти ночные визиты, впрочем, не обходились и без курьёзов.	supported only by pressure from above, especially by night rounds of the authorities. These nightly visits, however, were not without curiosities.
Один из следователей, бывший рабочий, падая с ног от круглосуточных допросов, украдкой прихватил с собой бутылку водки. Будучи не в состоянии бороться со сном, он доставал из стола бутылку и делал глоток. Первые ночи это как-то выручало. Но однажды он, что называется, перебрал... На его беду, обход этой ночью делал сам Ягода со своим заместителем Аграновым. Они открыли дверь очередной камеры - и их глазам предстала такая картина. Следователь сидел на столе, жалобно восклицая: "Сегодня я тебя допрашиваю, завтра ты меня. Ни гроша-то наша жизнь не стоит!" Арестованный стоял рядом и отечески похлопывал его по плечу, пытаясь утешить.	One of the investigators, a former worker, falling off his feet from round-the-clock interrogations, stealthily took a bottle of vodka with him. Unable to fight sleep, he took a bottle from the table and took a sip. The first night it somehow helped out. But one day he, as they say, went overboard ... To his misfortune, Yagoda himself made the rounds that night with his deputy Agranov. They opened the door of another cell - and such a picture appeared before their eyes. The investigator sat on the table, exclaiming plaintively: "Today I interrogate you, tomorrow you interrogate me. Our life is not worth a penny!" The arrested man stood nearby and paternally patted him on the shoulder, trying to console him.
Студенты-террористы Горьковского désinститута, которых Ольбёрг. "выдал" под диктовку Молчанова, собирались убить Сталина во время первомайской демонстрации, стреляя в него из пистолета. Конечно, постановщики этого спектакля чувствовали, что всё это выглядит не слишком убедительно. Те, кто понимал что-то в огнестрельном оружии, сознавали, что у реальных террористов не было бы никакого шанса на успех такого покушения. Ведь студентам пришлось бы шагать в колонне демонстрантов на значительном расстоянии от мавзолея, где наверху во время демонстрации стоят члены Политбюро. Попасть из пистолета в Сталина - издалека, на ходу - нечего было и надеяться. Несравненно солиднее в такой ситуации выглядело бы намерение террористов воспользоваться бомбой. К тому же бомбы были традиционным оружием российских "цареубийц" ещё со времён "Народной воли". Арест преподавателя химии Нелидова навел следствие на мысль приписать ему изготовление бомб для террористов в химической лаборатории Горьковского пединститута.	Terrorist students of the Gorky Pedagogical Institute, whom Olberg. "issued" under the dictation of Molchanov, they were going to kill Stalin during the May Day demonstration, shooting him with a pistol. Of course, the directors of this performance felt that all this did not look very convincing. Those who understood something about firearms realized that real terrorists would have no chance of success in such an assassination attempt. After all, students would have to walk in a column of demonstrators at a considerable distance from the mausoleum, where members of the Politburo are standing upstairs during the demonstration. To get from a pistol to Stalin - from afar, on the go - there was nothing to hope for. In such a situation, the intention of the terrorists to use the bomb would have looked incomparably more solid. In addition, bombs have been the traditional weapon of Russian "regicides" since the time of "Narodnaya Volya". The arrest of Nelidov, a chemistry teacher, led the investigators to the idea of ascribing to him the manufacture of bombs for terrorists in the chemical laboratory of the Gorky Pedagogical Institute.
Эта идея понравилась Ягоде с Ежовым, и они отрядили в Горький опергруппу под руководством Воловича, заместителя начальника Оперативного управления НКВД. В задачи группы входил обыск химической и физической лабораторий пединститута для получения вещественных доказательств, подкрепляющих версию. Ягода рассчитывал, что в институтских лабораториях наверняка найдутся какие-нибудь взрывчатые вещества, применяемые при научных исследованиях. Как только они будут обнаружены,	Yagoda and Yezhov liked this idea, and they sent a task force to Gorky under the leadership of Volovich, the deputy head of the Operational Directorate of the NKVD. The task of the group was to search the chemical and physical laboratories of the Pedagogical Institute to obtain material evidence supporting the version. Yagoda hoped that in the institute's laboratories there would certainly be some kind of explosives used in scientific research. As soon as they are discovered, the investigators will force Nelidov and his other colleagues to testify during

следователи заставят Нелидова и других его сослуживцев показать на допросах, что взрывчатка принадлежала троцкистам и предназначалась для изготовления бомб.	interrogations that the explosives belonged to the Trotskyites and were intended for making bombs.
Группа Воловича провела в Горьком дней шесть или семь. По возвращении любивший порисоваться Волович пригласил всех начальников управлений и их заместителей в кабинет Молчанова, где должен был состояться его доклад о сенсационных результатах поездки.	Volovich's group spent six or seven days in Gorky. Upon his return, Volovich, who liked to show off, invited all the heads of departments and their deputies to Molchanov's office, where he was to report on the sensational results of the trip.
Начал Волович с демонстрации бомб, изъятых при обыске лабораторий Горьковского пединститута. Он выложил на стол с полдюжины полых металлических шаров, диаметром около трёх дюймов. Шары были ржавыми и выглядели очень непрезентабельно.	Volovich began with a demonstration of bombs seized during a search of the laboratories of the Gorky Pedagogical Institute. He laid out on the table half a dozen hollow metal balls, about three inches in diameter. The balls were rusty and looked very unpresentable.
С лукавой усмешкой Волович объявил, что это - оболочки для троцкистских бомб. Затем он во всеуслышанье зачитал несколько официальных документов, состряпанных им в Горьком. Один из документов удостоверял, что корпуса для бомб были обнаружены во время обыска зарытыми в песок в физической лаборатории пединститута, однако в списке оборудования лаборатории не значатся. Цель Воловича была ясна: показать, что шары принадлежали не лаборатории, а террористам, которые принесли их в институт и спрятали, чтобы в дальнейшем начинить взрывчатыми веществами.	With a sly grin, Volovich announced that these were casings for Trotskyist bombs. Then he read aloud several official documents he had concocted in Gorky. One of the documents certifies that the bomb cases were found buried in the sand in the physics laboratory of the Pedagogical Institute during a search, but the list of laboratory equipment does not appear. Volovich's goal was clear: to show that the balls did not belong to the laboratory, but to the terrorists who brought them to the institute and hid them in order to stuff them with explosives in the future.
- Когда один из лаборантов, - цинично повествовал Волович, - заметил, что эти корпуса дескать принадлежат лаборатории и когда-то применялись для физических исследований, я тут же его поймал: "Ага! Вам что-то о них известно? Присмотритесь-ка к ним получше и скажите мне, точно ли это те же самые!" Парень задрожал и сказал, что ошибся и видит их впервые.	- When one of the laboratory assistants, - Volovich cynically narrated, - noticed that these buildings supposedly belong to the laboratory and were once used for physical research, I immediately caught him: "Aha! Do you know something about them? Take a closer look at them better and tell me if they are exactly the same!" The guy trembled and said that he was mistaken and saw them for the first time.
Волович прочел также официальное заключение, составленное специалистом местного военного гарнизона. В заключении утверждалось, что эти металлические шары представляют собой корпуса для бомб и в случае заполнения взрывчатым веществом будут обладать "огромной разрушительной силой". Молчанов и его помощники не могли скрыть удовольствия от того, с какой ловкостью Волович сумел превратить безобидные металлические шары, совершенно очевидно относящиеся к оборудованию физической лаборатории, в зловещие "корпуса для бомб". Волович чувствовал себя героем. Документы, которые он прочел	Volovich also read the official conclusion drawn up by a specialist from the local military garrison. The conclusion stated that these metal balls were bomb casings and, if filled with explosives, would have "tremendous destructive power." Molchanov and his assistants could not hide their pleasure at the deftness with which Volovich managed to turn harmless metal balls, obviously related to the equipment of a physics laboratory, into sinister "bomb cases". Volovich felt like a hero. The documents which he read to the assembly did indeed make some impression. As for the balls, it was worth looking at them - and it became clear that Volovich was simply cheating.

собравшимся, действительно производили некоторое впечатление. Что же касается шаров, то стоило взглянуть на них - и становилось ясно, что Волович попросту смошенничал.	
Начальник погранвойск Фриновский взял со стола один из шаров и, поглядывая на него с презрительной усмешкой, обратился к Воловичу: - Если вам требуются корпуса для бомб, можете зайти ко мне, я вам дам настоящие. У меня найдутся любые гранаты, какие только пожелаете: немецкие, английские, японские. А те, что вы сюда привезли, для бомб не годятся. Любой, хоть мало-мальски разбирающийся в этом деле, скажет вам то же самое! После такой сцены энтузиазм сторонников "бомбовой" версии угас. Тем более что и Нелидов, предназначавшийся на роль конструктора бомб, по-прежнему отказывался подписывать ложные признания. Впрочем, организаторы процесса не смогли окончательно отвергнуть эту версию. Протокол обыска, произведённого в Горьковском пединституте, и другие бумаги, приведённые Воловичем, были присоединены к материалам дела. Но, насколько я помню государственный обвинитель не демонстрировал на суде эти металлические шары и не стремился обратить внимание судей на легенду насчёт бомб.	Frinovsky, the head of the border troops, took one of the balloons from the table and, looking at it with a contemptuous grin, turned to Volovich: - If you need cases for bombs, you can come to me, I will give you real ones. I have any grenades you want: German, English, Japanese. And the ones you brought here aren't good for bombs. Anyone with even the slightest knowledge of this matter will tell you the same thing! After such a scene, the enthusiasm of the supporters of the "bomb" version faded. Moreover, Nelidov, who was intended to be a bomb designer, still refused to sign false confessions. However, the organizers of the process could not completely reject this version. The protocol of the search carried out at the Gorky Pedagogical Institute, and other papers cited by Volovich, were attached to the case file. But, as far as I remember, the public prosecutor did not demonstrate these metal balls in court and did not seek to draw the attention of the judges to the legend about the bombs.
ЗОРОХ ФРИДМАН - ГЕРОЙ, ОСТАВШИЙСЯ НЕИЗВЕСТНЫМ Среди оклеветанных Валентином Ольбергом был его старый, ещё по Латвии, друг - некто Зорох Фридман. Его не выволокли на скамью подсудимых в числе других обвиняемых. Не выступал он на суде и в роли свидетеля. В официальной стенограмме первого из московских процессов ему уделено всего несколько строк.	ZOROKH FRIEDMAN - A HERO THAT REMAINED UNKNOWN Among those slandered by Valentin Olberg was his old friend, still in Latvia, a certain Zorokh Fridman. He was not dragged to the dock among the other defendants. He did not appear in court and as a witness. In the official transcript of the first of the Moscow trials, only a few lines are devoted to him.
Вышинский. Что вам известно о Фридмане? Ольберг. Фридман - это член берлинской троцкистской организации, засланный в Советский Союз.	Vyshinsky. What do you know about Friedman? Olberg. Friedman is a member of the Berlin Trotskyist organization sent to the Soviet Union.
Вышинский. А вы знаете, что он был связан с германской полицией? Ольберг. Я слышал об этом.	Vyshinsky. Do you know that he was connected with the German police? Olberg. I heard about it.
За этими беглыми, как бы вскользь произнесёнными фразами никто, конечно, не мог разглядеть трагедию смелого и честного человека, который под невероятным давлением следственной машины не утратил человеческого достоинства и отказался спасать свою жизнь ценой сделки со своими мучителями.	Behind these fluent, as if casually uttered phrases, no one, of course, could discern the tragedy of a brave and honest man who, under the incredible pressure of the investigative machine, did not lose his human dignity and refused to save his life at the cost of a deal with his tormentors.
В 1936 году Зороху Фридману было всего двадцать девять лет. Он был высок ростом, рыжий, голубоглазый. Типичный местечковый еврейский юноша. Всей душой восприняв учение Маркса и Ленина,	In 1936, Zorokh Friedman was only twenty-nine years old. He was tall, red-haired, blue-eyed. A typical small-town Jewish youth. Having wholeheartedly accepted the teachings of Marx and Lenin, he joined the

он с ранней юности включился в революционное движение, вступил в коммунистическую партию Латвии, но вскоре вынужден был бежать в Германию, спасаясь от полицейских преследований. Здесь он стал членом германской компартии. Когда Гитлер захватил власть, Фридману и отсюда пришлось уносить ноги. Подобно многим другим зарубежным коммунистам, ему "посчастливилось" найти убежище в СССР. В Москву он приехал в марте 1933 года, тем же поездом, что и Ольберг.	revolutionary movement from early youth, joined the Communist Party of Latvia, but was soon forced to flee to Germany, fleeing police persecution. Here he became a member of the German Communist Party. When Hitler seized power, Friedman had to get out of here too. Like many other foreign communists, he was "lucky" to find refuge in the USSR. He arrived in Moscow in March 1933, on the same train as Olberg.
В 1935 году Зороха Фридмана неожиданно арестовали. Его обвинили в том, что он в частном разговоре высказал мнение, будто советское правительство эксплуатирует рабочих ещё сильнее, чем капиталисты. Очень похоже, что донёс на него Ольберг. Особое совещание вынесло Фридману заочный приговор: десять лет Соловецкого концлагеря за контрреволюционную пропаганду.	In 1935 Zorokh Fridman was unexpectedly arrested. He was accused of stating in a private conversation that the Soviet government was exploiting the workers even more than the capitalists. It is very likely that Olberg denounced him. A special meeting passed Fridman a sentence in absentia: ten years in the Solovetsky concentration camp for counter-revolutionary propaganda.
Наступил год 1936-й. Отбирая кандидатов на предстоящий судебный процесс "троцкистско-зиновьевского террористического центра", руководители НКВД обратили внимание на то, что Фридман был приятелем Ольберга и прибыл в Советский Союз вместе с ним. Напрашивалась мысль попытаться представить Фридмана террористом, засланным в СССР самим Троцким. Приобщение Фридмана к "террористическому центру" имело тем больший смысл, что, уже находясь в заключении и имея десятилетний срок, он был полностью во власти "органов". Предполагалось, что, желая облегчить своё положение, Фридман окажется сговорчивым и согласится сыграть роль, предназначаемую ему на открытом судебном процессе. Фридмана доставили с Соловков в Москву и передали для "обработки" заместителю начальника Иностранного управления НКВД Борису Берману.	The year 1936 came. Selecting candidates for the upcoming trial of the "Trotsky-Zinoviev terrorist center," the leaders of the NKVD drew attention to the fact that Fridman was a friend of Olberg and arrived in the Soviet Union with him. The idea arose to try to present Friedman as a terrorist sent to the USSR by Trotsky himself. Friedman's involvement with the "terrorist center" made all the more sense because, already in prison and having a ten-year term, he was completely at the mercy of the "organs." It was assumed that, wanting to alleviate his position, Friedman would be accommodating and agree to play the role assigned to him in a public trial. Friedman was taken from Solovki to Moscow and handed over for "processing" to the deputy head of the Foreign Directorate of the NKVD, Boris Berman.
Вопреки ожиданиям, пребывание в Соловецких, лагерях не только не сломило Фридмана, но, напротив, закалило его. Он наотрез отказался играть роль контрреволюционера и террориста. Угрозы не производили на него никакого впечатления; обещаниям он не верил. Фридман сказал Берману, что однажды он уже имел глупость поверить обещаниям энкаведистского следователя и теперь расплачивается за это десятилетним сроком заключения.	Contrary to expectations, the stay in the Solovetsky camps not only did not break Friedman, but, on the contrary, tempered him. He flatly refused to play the role of a counter-revolutionary and a terrorist. Threats made no impression on him; he did not believe in promises. Friedman told Berman that he had once been foolish enough to believe the promises of an NKVD investigator and was now paying for it with a ten-year prison term.
По словам Фридмана, дело было так. Когда в 1935 году его арестовали, следователь НКВД Болеслав Рутковский объяснил ему, что если он откажется признать свою вину, его отправят в концентрационный лагерь; если же сознается и проявит искреннее	According to Friedman, it was like this. When he was arrested in 1935, the NKVD investigator Boleslav Rutkovsky explained to him that if he refused to admit his guilt, he would be sent to a concentration camp; if he confesses and shows sincere repentance, he will be expelled from the

раскаяние, то его вышлют из СССР как нежелательного иностранца. Рутковский прикинулся сочувствующим Фридману и посоветовал ему, "как коммунист коммунисту", подписать признание и отправиться в качестве принудительно высланного в свою Латвию. Фридман последовал "дружескому совету", подписал все документы - и в результате очутился на Соловках с десятилетним сроком.	USSR as an unwanted foreigner. Rutkovsky pretended to sympathize with Fridman and advised him, "like a communist to a communist," to sign a confession and go as a forcibly deported person to his own Latvia. Friedman followed "friendly advice", signed all the documents - and as a result found himself in Solovki with a ten-year term.
В Соловецких лагерях Фридман повстречался с массой заключённых, которые попали сюда без малейшей вины, как и он сам. От них он успел ещё кое-что узнать о методах и приёмах следователей НКВД.	In the Solovetsky camps, Friedman met with a mass of prisoners who ended up here without the slightest fault, like himself. From them, he managed to learn something else about the methods and techniques of the NKVD investigators.
Так что теперь он предстал перед Берманом не наивным новичком, а закалённым противником, умудрённым собственным горьким опытом и опытом своих товарищей по Соловецким лагерям. Он держался вызывающе и отвечал резкостью на резкость.	So now he appeared before Berman not as a naive beginner, but as a seasoned opponent, wiser by his own bitter experience and the experience of his comrades in the Solovetsky camps. He behaved defiantly and responded with harshness for harshness.
Чтобы сломить его волю, Берман передал его группе следователей, которые подвергли его многосуточному непрерывному допросу. Тут всё пошло в ход - посулы, угрозы, психическое давление, моральные пытки. Однако Фридман был возвращён Берману таким же непримиримым, как раньше. Берман попытался сыграть на жажде любого человека выжить, но не добился успеха. Временами казалось, что их отношения до того накалились, что они вот-вот сцепятся в драке. В одну из таких минут Фридман бросил в лицо Берману: - Вы хватаете ни в чём не повинных людей и заставляете их сознаваться, что они агенты гестапо. Что ж вы не ловите настоящих гестаповских шпионов? Вам не под силу? Вы не знаете, как их поймать! Фридман проскандировал эти слова: "Вы не знаете, как их поймать!", - издевательски ведя указательным пальцем прямо перед физиономией Бермана, Тот решил, что Фридман специально вызывает его на драку, и после этого случая вообще избегал оставаться с ним наедине.	To break his will, Berman handed him over to a group of investigators who subjected him to many days of continuous interrogation. Here everything went into action - promises, threats, mental pressure, moral torture. However, Friedman was returned to Berman as implacable as before. Berman tried to play on the thirst of any person to survive, but was not successful. At times it seemed that their relationship was so tense that they were about to grapple in a fight. At one of these moments, Friedman threw in Berman's face: - You grab innocent people and force them to confess that they are Gestapo agents. Why don't you catch real Gestapo spies? Are you unable to? You don't know how to catch them! Friedman chanted these words: "You don't know how to catch them!" - mockingly waving his index finger right in front of Berman's face, Berman decided that Friedman was specifically challenging him to a fight, and after this incident he generally avoided being alone with him.
Как-то в моём присутствии Берман рассказал ещё об одной стычке с Фридманом. Берман, как правило, не ругался, но однажды дошёл до такого состояния, что стал осыпать своего подследственного всеми ругательствами, какие только мог припомнить. Фридман презрительно смерил его взглядом с ног до головы и процедил: "Жалкий интеллигент, даже ругаться не умеешь! Учись!" - и разразился потоком мата, такого сочного и свирепого, какого в Москве не услышишь. В таком мате топили своё горе и	Once, in my presence, Berman told me about another skirmish with Friedman. Berman, as a rule, did not swear, but once he got to such a state that he began to shower his prisoner with all the curses that he could remember. Friedman gave him a contemptuous look from head to toe and muttered: "You pathetic intellectual, you don't even know how to swear! Learn!" - and burst into a stream of obscenities, so juicy and ferocious, which you will not hear in Moscow. In such a mat, the Solovetsky prisoners drowned their grief and despair - there he had

отчаяние соловецкие узники - там он его и наслушался.	heard enough of it.
Слух о смелости Фридмана распространился среди следователей и энкаведистского начальства. Эта публика повадилась ходить к Берману, чтобы просто взглянуть на его подследственного. Сотрудники Иностранного управления, которым, как правило, никого не доводилось арестовывать, зато приходилось постоянно опасаться собственного ареста за границей, проявляли к Фридману особый интерес. Они пользовались теми минутами, пока Фридман, приведённый на допрос к Берману, сидел в комнате его секретаря, и вступали с ним в разговор, угощая заграничными папиросами. Фридман беседовал с ними вполне мирно, чуть ли не дружески.	The rumor about Friedman's courage spread among the investigators and the NKVD authorities. This public got into the habit of going to Berman just to look at his defendant. Employees of the Foreign Office, who, as a rule, did not have to arrest anyone, but had to constantly fear their own arrest abroad, showed a special interest in Fridman. They took advantage of those moments while Friedman, brought in for interrogation by Berman, sat in his secretary's room and entered into conversation with him, treating him to foreign cigarettes. Friedman talked to them quite peacefully, almost friendly.
Несмотря на частые стычки и взаимные оскорбления, отношения между Берманом и Фридманом начали неожиданно налаживаться. Смелость Фридмана, его безупречная честность и сила характера вызывали у Бермана чувство уважения, близкое к восхищению. Когда другие высокопоставленные сотрудники заводили разговор об особо неподатливых обвиняемых, Берман высокомерно бросал: "Это что! Мой Зорох им всем нос утрёт!" - и тут же приводил в пример какой-нибудь эпизод.	Despite frequent skirmishes and mutual insults, relations between Berman and Friedman began to improve unexpectedly. Friedman's courage, his impeccable honesty and strength of character evoked in Berman a sense of respect close to admiration. When other high-ranking officials started talking about especially unyielding defendants, Berman arrogantly threw: "What's that! My Zorokh will wipe their noses with all of them!" - and immediately cited some episode as an example.
Берман вовсе не был бездушным инквизитором. Годы службы в НКВД не притупили в нём чувства справедливости и сострадания. Но, прикованный, как раб, к сталинской колеснице, он послушно исполнял приказы, идущие сверху. Откажись он участвовать в "допросах" Фридмана, попытайся заикнуться о смысле предстоящего процесса, - и его самого, несомненно, арестовали бы и уничтожили как троцкиста.	Berman was by no means a soulless inquisitor. Years of service in the NKVD did not dull his sense of justice and compassion. But, chained like a slave to Stalin's chariot, he obediently carried out orders coming from above. If he had refused to participate in the "interrogations" of Friedman, if he had tried to hint at the meaning of the upcoming trial, he himself would have undoubtedly been arrested and destroyed as a Trotskyist.
Он продолжал регулярно вызывать Фридмана из тюрьмы на допросы. Однако они уже не носили прежнего бурного характера и нередко протекали в форме мирной беседы на самые различные темы. Прошло несколько месяцев, и Берман доложил Молчанову, что считает Фридмана абсолютно безнадёжным и предлагает вернуть его в Соловецкий концлагерь для отбывания срока. Молчанов отверг это предложение. Он заявил, что для чекистов не существует "безнадёжных" и что он передаст Фридмана Когану, сотруднику Секретного политического управления: тот "наверняка сумеет его расколоть". Затем он велел Берману договориться с Коганом об очной ставке, которую надлежит устроить Фридману с Ольбергом.	He continued to regularly summon Friedman from prison for interrogations. However, they no longer had the former stormy character and often took the form of peaceful conversations on a variety of topics. Several months passed, and Berman reported to Molchanov that he considered Friedman absolutely hopeless and offered to return him to the Solovetsky concentration camp to serve his sentence. Molchanov rejected this proposal. He declared that there were no “hopeless” for the Chekists and that he would hand over Fridman to Kogan, an employee of the Secret Political Directorate: he would “surely be able to split him.” Then he ordered Berman to agree with Kogan on a confrontation, which should be arranged between Friedman and Olberg.
Через несколько дней после разговора с Молчановым Берман	A few days after the conversation with Molchanov, Berman told me

рассказал мне, что произошло на очной ставке.	what happened at the confrontation.
Для начала Коган предупредил обоих, что им строжайше запрещается разговаривать друг с другом: они имеют право отвечать только на вопросы, задаваемые следователем.	To begin with, Kogan warned both that they were strictly forbidden to talk to each other: they had the right to answer only questions asked by the investigator.
Первый свой вопрос Коган адресовал Ольбергу: "Известно ли вам, что Зорох Фридман являлся членом троцкистской организации в Берлине?" Ольберг ответил утвердительно. Фридман немедленно отреагировал: "Подлая и наглая ложь!" Коган записал в протоколе: "Это неправда".	Kogan addressed his first question to Olberg: "Do you know that Zorokh Fridman was a member of the Trotskyist organization in Berlin?" Olberg answered in the affirmative. Friedman immediately reacted: "Vile and impudent lie!" Kogan wrote in the protocol: "This is not true."
Фридман тут же запротестовал: он требует, чтобы его слова были записаны точно.	Friedman immediately protested: he demands that his words be recorded accurately.
Коган исправил: "Это ложь".	Kogan corrected: "That's a lie."
- Нет, не точно, - сказал Фридман, - запишите: "подлая и наглая ложь!" - И заявил, что если его требование не выполнят, он не подпишет протокол очной ставки.	- No, not exactly, - said Friedman, - write down: "a vile and impudent lie!" - And he said that if his demand is not fulfilled, he will not sign the protocol of the confrontation.
Очная ставка продолжалась. Коган задал Ольбергу ещё один вопрос: известно ли ему, что Фридман являлся агентом гестапо? Ёрзая на стуле и пряча глаза, Ольберг промямлил: "Да, мне говорили, что это так..." - Ты безмозглый осел! - закричал Фридман. - Они заставляют тебя лгать, а ты веришь их обещаниям. Ты соображай хоть немножко, идиот несчастный, пока они тебе вовсе мозги не вышибли! Коган тоже повысил голос, стремясь если не перекричать, Фридмана, то хоть заставить его замолчать, чтобы он не смог воздействовать на Ольберга.	The confrontation continued. Kogan asked Olberg one more question: did he know that Friedman was a Gestapo agent? Fiddling in his chair and hiding his eyes, Olberg mumbled: "Yes, I was told that this is so ..." - You brainless donkey! Friedman shouted. - They make you lie, and you believe their promises. Think at least a little bit, you wretched idiot, before they completely blow your brains out! Kogan also raised his voice, trying, if not to shout down Fridman, then at least to silence him so that he could not influence Olberg.
Терпение Фридмана лопнуло, когда Ольберг в ответ на вопрос следователя заявил, что Фридман был направлен в СССР Троцким и гестапо с заданием убить Сталина. Взбешённый Фридман двинулся на Ольберга, сжав кулаки. Пришлось применить силу, чтобы удержать его на месте. Выждав, Коган принялся составлять окончательный вариант протокола.	Friedman's patience snapped when Olberg, in response to a question from the investigator, stated that Friedman had been sent to the USSR by Trotsky and the Gestapo with the task of killing Stalin. Enraged, Friedman moved towards Olberg, clenching his fists. I had to use force to keep him in place. After waiting, Kogan began to draw up the final version of the protocol.
И снова ему пришлось туго: Фридман настаивал, чтобы любая его реплика была записана дословно: "подлая клевета", "наглая фальшивка"... Когану приходилось торговаться с Фридманом за каждое слово, и всё же он был вынужден в большинстве случаев «уступать, чтобы получить хоть один документ, пускай пестрящий фридмановскими опровержениями, но всё же свидетельствующий против него. После многочасовой перебранки протокол был готов, и Коган дал его Фридману на подпись. Фридман колебался: ставить подпись или нет? Видя это, Коган напомнил, что он принял почти	And again he had a hard time: Friedman insisted that any of his remarks be written down verbatim: "vile slander", "brazen fake" ... Kogan had to bargain with Fridman for every word, and yet he was forced in most cases "to yield, to get at least one document, albeit full of Friedman's rebuttals, but still testifying against him. After many hours of squabbling, the protocol was ready, and Kogan gave it to Fridman to sign. Friedman hesitated: to sign or not? Seeing this, Kogan recalled that he accepted almost all Friedman's amendments. "It's not about the amendments," Friedman grumbled. "I don't want to sign this just

все фридмановские поправки. "Дело не в поправках, - проворчал Фридман. - Я не хочу это подписывать только по той причине, что вам, вижу, очень этого хочется!" Берман втихомолку восхищался поведением Фридмана. Когда о том, что происходило на очной ставке, доложили Молчанову, тот потребовал, чтобы Фридмана привели к нему. Эта встреча была обставлена так.	because you, I see, really want it!" Berman secretly admired Friedman's behavior. When Molchanov was informed about what happened at the confrontation, he demanded that Fridman be brought to him. This meeting went like this.
Фридману сказали, что его ведут к комиссару госбезопасности Молчанову. Сами размеры молчановской приёмной с большим числом секретарей должны были показать подследственному, какой властью обладает Молчанов, и внушить мысль, что от Молчанова зависит его судьба.	Friedman was told that he was being taken to the State Security Commissioner Molchanov. The very size of the Molchanov reception room with a large number of secretaries should have shown the person under investigation what power Molchanov had, and instill the idea that his fate depended on Molchanov.
Чтобы произвести на Фридмана впечатление, Молчанов сбросил лёгкую шелковую рубашку и облачился в китель, украшенный четырьмя комиссарскими звездами и двумя орденами.	To impress Friedman, Molchanov threw off his light silk shirt and donned a tunic adorned with four commissar stars and two orders.
Ввели Фридмана. Он был очень бледен, руки дрожали. Молчанов сердито взглянул на него и задал вопрос: - Зачем вы доставляете нам неприятности, чего вы скандалите? - Они требуют от меня, - отвечал Фридман прерывающимся от возмущения голосом, - чтобы я подписал ложные показания против себя самого и других заключённых.	Friedman was brought in. He was very pale, his hands were trembling. Molchanov looked angrily at him and asked a question: - Why are you giving us trouble, why are you making a fuss? “They demand from me,” Friedman answered in a voice broken by indignation, “that I sign false testimony against myself and other prisoners.
- Советской власти не требуются ничьи ложные свидетельства! - недовольно прервал его Молчанов.	- The Soviet government does not need anyone's false evidence! Molchanov interrupted him displeasedly.
- Скажите это кому-нибудь другому, с меня хватит! - заявил Фридман. - Я незаконно получил десять лет концлагеря, - спросите следователя Рутковского, ему известно, как это вышло.	"Tell that to someone else, I've had enough!" Friedman said. - I illegally received ten years in a concentration camp - ask the investigator Rutkovsky, he knows how it happened.
- Послушайте, Фридман, - в голосе Молчанова зазвучали угрожающие ноты, - до сих пор мы говорили с вами по-дружески, но я вас предупреждаю: если вы не образумитесь, мы поговорим с вами по-иному. Мы вышибем из вас это упрямство заодно со всеми вашими потрохами! Фридман придвинулся ближе к молчановскому столу и уставился ему в лицо.	“Listen, Friedman,” threatening notes sounded in Molchanov’s voice, “until now we have spoken with you in a friendly way, but I warn you: if you don’t come to your senses, we will talk to you in a different way. We will beat that stubbornness out of you along with all your giblets! Friedman moved closer to Molchonov's table and stared into his face.
- Не думайте, что раз мои руки дрожат, значит я вас боюсь. Это у меня ещё с лагеря... Я вас не боюсь. Можете делать со мной что хотите, но я никогда не стану клеветать ни на себя самого, ни на кого другого, как бы вам того ни хотелось! Конечно, Фридману было легче, нежели многим: его жена и близкие ему люди всё ещё находились в Латвии, которая в 1936 году была вне досягаемости НКВД.	- Do not think that since my hands are trembling, it means that I am afraid of you. I have this from the camp... I'm not afraid of you. You can do whatever you want with me, but I will never slander myself or anyone else, no matter how much you want to! Of course, it was easier for Friedman than for many: his wife and people close to him were still in Latvia, which in 1936 was beyond the reach of the NKVD.
ИВАН СМИРНОВ И СЕРГЕЙ МРАЧКОВСКИЙ: ДРУЖБА ВРОЗЬ	IVAN SMIRNOV AND SERGEY MRACHKOVSKY: FRIENDSHIP

Исследуя обвинения, предъявленные подсудимым на первом из московских процессов, мы обнаружим в его стенограммах массу противоречий, подтасовок и явных фальсификаций. Когда же дело доходит до главных обвиняемых - Зиновьева, Каменева и Ивана Никитича Смирнова, - нагромождение нелепостей доходит до такой степени, что, кажется, эта зловещая конструкция должна была рассыпаться сама собой. Такая странность становится до некоторой степени объяснимой, если принять во внимание, что все обвинения, направленные против этих лиц, фабриковал - притом вплоть до мельчайших деталей - не кто иной, как сам Сталин, К тому же он лично проверял и поправлял полученные от них "признания".	SEPARATED Examining the charges brought against the defendants at the first of the Moscow trials, we will find in his transcripts a lot of contradictions, juggling and obvious falsifications. When it comes to the main defendants - Zinoviev, Kamenev and Ivan Nikitich Smirnov - the heap of absurdities reaches such an extent that it seems that this sinister construction should have crumbled by itself. Such strangeness becomes to some extent understandable if we take into account that all the accusations directed against these persons were fabricated - moreover, down to the smallest details - by none other than Stalin himself. In addition, he personally checked and corrected those received from them " recognition."
В своём "завещании" Ленин не без оснований подчёркивал, что наряду с другими отрицательными чертами Сталину прежде всего была присуща грубость. Действительно, грубость была его внутренним органическим свойством. Он был груб не только с людьми: эта черта сказывалась во всех его действиях. Даже меры, которые с политической точки зрения были разумны и необходимы для страны, осуществлялись им с такой бессердечностью, что вреда от них было больше, чем пользы. В качестве примера можно указать хотя бы на коллективизацию сельского хозяйства.	In his "testament" Lenin, not without reason, emphasized that, along with other negative traits, Stalin was primarily characterized by rudeness. Indeed, rudeness was his internal organic property. He was rude not only with people: this trait was reflected in all his actions. Even measures that, from a political point of view, were reasonable and necessary for the country, were carried out by him with such callousness that they did more harm than good. As an example, one can point at least to the collectivization of agriculture.
Грубой сталинской хваткой был отмечен и весь ход московских процессов, начиная с создания легенды о заговоре и кончая распределением ролей в этих юридических спектаклях. Когда же дело касалось Зиновьева, Каменева, Смирнова и Троцкого, сталинская грубость ещё более усугублялась его нечеловеческой ненавистью к этим людям. Тут ему изменяла даже его обычная осторожность. Переставали существовать границы, диктуемые здравым смыслом, и вообще стиралась грань между реальностью и абсурдом.	The entire course of the Moscow trials was also marked by a rough Stalinist grip, from the creation of the legend of the conspiracy to the distribution of roles in these legal performances. When it came to Zinoviev, Kamenev, Smirnov and Trotsky, Stalin's rudeness was further aggravated by his inhuman hatred for these people. Here even his usual caution betrayed him. The boundaries dictated by common sense ceased to exist, and the line between reality and absurdity was generally erased.
Руководство НКВД нередко сознавало всю нелепость того или иного сталинского указания, но не смело перечить. Между тем Сталин далеко не всегда пренебрегал мнениями - своих советников. В партийных кругах было хорошо известно, что он с огромным вниманием относился к советам маршала Тухачевского в области военного дела, или Пятакова - в области промышленного строительства, или Литвинова - в области внешней политики. Но в сфере внутрипартийных интриг и политических подтасовок Сталин считал себя настолько большим специалистом, что не терпел тут ничьих советов и даже мнений, расходящихся с его собственным.	The leadership of the NKVD was often aware of the absurdity of this or that Stalinist instruction, but did not dare to contradict. Meanwhile, Stalin far from always neglected the opinions of his advisers. It was well known in party circles that he paid great attention to the advice of Marshal Tukhachevsky in the field of military affairs, or Pyatakov in the field of industrial construction, or Litvinov in the field of foreign policy. But in the sphere of intra-Party intrigues and political fraud, Stalin considered himself such a great specialist that he did not tolerate anyone's advice and even opinions that diverged from his own.

Насколько я знаю, на совещании в Кремле Сталин отобрал семерых обвиняемых, которые, по его мнению, должны были фигурировать на процессе как члены руководящего "троцкистско-зиновьевского центра". Замнаркома Агранов позволил себе усомниться в целесообразности включения Ивана Никитича Смирнова в состав этого "центра".	As far as I know, at a conference in the Kremlin, Stalin selected seven defendants who, in his opinion, were to appear at the trial as members of the leading "Trotsky-Zinoviev center." Deputy People's Commissar Agranov allowed himself to doubt the expediency of including Ivan Nikitich Smirnov in this "center".
- Боюсь, - заметил Агранов, - что мы не сможем обвинить Смирнова, - ведь он уже несколько лет сидит в тюрьме.	“I'm afraid,” Agranov remarked, “that we won't be able to accuse Smirnov, because he's been in prison for several years now.
- А вы не бойтесь, - сказал на это Сталин, зло оглядев Агранова. - Не бойтесь, только и всего.	“And don’t be afraid,” Stalin said to this, looking angrily at Agranov. - Don't be afraid, that's all.
Благоразумнее было бы посчитаться с мнением Агранова. Действительно, Смирнов неотлучно пребывал в тюрьме с 1 января 1933 года и продолжал находиться в заключении вплоть до августа 1936 года, когда начался процесс. У него просто не было физической возможности участвовать в каком-либо заговоре.	It would have been more prudent to reckon with the opinion of Agranov. Indeed, Smirnov was permanently in prison from January 1, 1933 and continued to be imprisoned until August 1936, when the process began. He simply did not have the physical ability to participate in any conspiracy.
Однако Смирнов в своё время одним из первых потребовал выполнить ленинское "завещание" и сместить Сталина с поста генерального секретаря ЦК партии. Сталину была известна популярность Смирнова среди партийцев; знал он также, что к мнению Смирнова прислушиваются старые большевики. Теперь, укрепив свои позиции, он не мог отказать себе в столь долгожданном удовольствии - отомстить Смирнову, протащив его через мучительные допросы и комедию суда и бросив наконец в камеру смертников.	However, Smirnov at one time was one of the first to demand that Lenin's "testament" be fulfilled and Stalin be removed from the post of General Secretary of the Party Central Committee. Stalin was aware of Smirnov's popularity among party members; he also knew that the old Bolsheviks were heeding Smirnov's opinion. Now, having strengthened his positions, he could not deny himself such a long-awaited pleasure - to take revenge on Smirnov, dragging him through painful interrogations and the comedy of the court and finally throwing him into the death row.
Упрямство Сталина и его желание во что бы то ни стало обвинить Смирнова, невзирая на его абсолютное алиби, поставило Вышинского на суде в очень трудное положение. Чтобы придать сталинской фальсификации хоть минимальную убедительность, в своей судебной речи Вышинский заявил: - Смирнов может сказать: я ничего не делал. Я был в тюрьме. Наивная отговорка! Смирнов действительно находился в тюрьме начиная с 1 января 1933 года, но мы знаем, что, находясь в тюрьме, он организовал контакты с троцкистами, и был обнаружен шифр, с помощью которого Смирнов, сидя в тюрьме, переписывался со своими друзьями на воле.	Stalin's stubbornness and his desire to accuse Smirnov at all costs, regardless of his absolute alibi, put Vyshinsky at trial in a very difficult position. In order to give the Stalinist falsification at least a minimum of credibility, Vyshinsky declared in his court speech: - Smirnov can say: I did nothing. I was in prison. Naive answer! Smirnov was indeed in prison starting on January 1, 1933, but we know that while in prison he organized contacts with the Trotskyists, and a cipher was discovered with which Smirnov, while in prison, corresponded with his friends in the wild.
Однако Вышинский, разумеется, не смог продемонстрировать суду этот шифр. Не было представлено ни единого письма из тех, что Смирнов будто бы писал в тюрьме, не названо ни одного лица, с которым он якобы вёл тайную переписку. Вышинский не смог даже	However, Vyshinsky, of course, was unable to demonstrate this cipher to the court. Not a single letter was presented from those that Smirnov allegedly wrote in prison, not a single person was named with whom he allegedly kept secret correspondence. Vyshinsky could not even say

сказать, кто из тюремной охраны помогал Смирнову, передавая на волю его шифрованные послания. Наконец, ни один из подсудимых не сознался в получении каких бы то ни было писем от Смирнова.	which of the prison guards helped Smirnov, transmitting his coded messages to the will. Finally, none of the defendants confessed to having received any letters from Smirnov.
Разве что за границей могли найтись люди, способные поверить, будто политические заключённые, находящиеся в сталинских тюрьмах, могли переписываться со своими товарищами на свободе. Советские граждане знали, что это совершенно невозможно. Им было известно, что семьи политзаключённых годами не могли даже узнать, в какой из тюрем содержатся их близкие, и вообще, живы ли они.	Unless there could be people abroad who could believe that political prisoners in Stalin's prisons could correspond with their comrades in freedom. Soviet citizens knew that this was completely impossible. They knew that for years the families of political prisoners could not even find out in which prison their loved ones were being held, and in general, whether they were alive.
Да и какие, собственно, советы мог слать из тюрьмы Смирнов, отрезанный от мира, Мрачковскому или Зиновьеву? Быть может, он должен был писать им: "Цельтесь Сталину не в живот, а в голову"? Да и кому неясно, что настоящие заговорщики никогда не стали бы вести переписку о своих террористических планах с человеком, сидящим в тюрьме под надзором энкаведистских охранников.	And what kind of advice, in fact, could Smirnov, cut off from the world, send from prison to Mrachkovsky or Zinoviev? Perhaps he should have written to them: "Aim at Stalin's head, not at the stomach"? And it is not clear to anyone that real conspirators would never correspond about their terrorist plans with a person who is in prison under the supervision of NKVD guards.
Несмотря на всё это, Сталин не постеснялся отдать Ягоде приказание "подготовить" Смирнова к судебному процессу и выставить его одним из главных руководителей заговора.	Despite all this, Stalin did not hesitate to give Yagoda the order to "prepare" Smirnov for the trial and make him one of the main leaders of the conspiracy.
Даже у Гитлера, организовавшего судебный спектакль, на котором Димитров обвинялся в поджоге рейхстага, хватило соображения прекратить эту комедию, когда он увидел, что юридическая подтасовка провалилась. Но Сталин оказался упрямее. Привыкший к тому, что любой его каприз автоматически приобретал силу закона, он знал, что суд вынесет Смирнову смертный приговор и этот приговор будет приведён в исполнение.	Even Hitler, who staged a court spectacle in which Dimitrov was accused of setting fire to the Reichstag, was wise enough to stop this comedy when he saw that the legal rigging had failed. But Stalin was more stubborn. Accustomed to the fact that any of his whims automatically acquired the force of law, he knew that the court would pass a death sentence on Smirnov and this sentence would be carried out.
В рядах "старой гвардии" было немного таких, чьи заслуги перед революцией могли бы сравниться с заслугами Смирнова. Бывший заводской рабочий, активный революционер с семнадцатилетнего возраста, член партии большевиков со дня её основания, он до Октября неутомимо создавал новые большевистские подпольные организации, а после революции стал одним из выдающихся руководителей Красной армии.	There were few in the ranks of the "old guard" whose services to the revolution could be compared with those of Smirnov. A former factory worker, an active revolutionary from the age of seventeen, a member of the Bolshevik Party from the day it was founded, he tirelessly created new Bolshevik underground organizations until October, and after the revolution he became one of the outstanding leaders of the Red Army.
В 1905 году Смирнов принимал активное участие в московском вооружённом восстании. Он провёл много лет в царских тюрьмах и ссылке и отбыл два срока ссылки за Полярным кругом.	In 1905, Smirnov took an active part in the Moscow armed uprising. He spent many years in tsarist prisons and exile, and served two terms of exile beyond the Arctic Circle.
В гражданскую войну он возглавлял вооружённую борьбу большевиков в Сибири и обеспечил победу Пятой армии красных над силами Колчака. Его телеграмма Ленину 4 декабря 1919 года	During the civil war, he led the armed struggle of the Bolsheviks in Siberia and ensured the victory of the Red Fifth Army over the forces of Kolchak. His telegram to Lenin on December 4, 1919 recalls one of the

напоминает об одной из решающих побед в гражданской войне: "Колчак лишился своей армии... Темпы преследования врага таковы, что к 20-му декабря Барнаул и Новониколаевск будут в наших руках".	decisive victories in the civil war: "Kolchak lost his army ... The pace of persecution of the enemy is such that by December 20 Barnaul and Novonikolaevsk will be in our hands."
После победы над Колчаком Смирнов был назначен председателем Сибирского ревкома. С 1923 по 1927 год он работал наркомом связи. После смерти Ленина Смирнов примкнул к антисталинской оппозиции, за что его исключили из партии. Хотя в 1929 году он был восстановлен в партии, однако вскоре его арестовали и отправили в ссылку, а в первый день 1933 года, как мы уже знаем, по сталинскому распоряжению он был заключён в тюрьму.	After the victory over Kolchak, Smirnov was appointed chairman of the Siberian Revolutionary Committee. From 1923 to 1927 he worked as Commissar for Communications. After Lenin's death, Smirnov joined the anti-Stalinist opposition, for which he was expelled from the party. Although he was reinstated in the party in 1929, he was soon arrested and sent into exile, and on the first day of 1933, as we already know, by Stalin's order he was imprisoned.
Подготовить Смирнова к судебному процессу было поручено Абраму Слуцкому. Он нёс ответственность и за подготовку другого обвиняемого Сергея Мрачковского, с которым Смирнов дружил ещё с гражданской войны. Слуцкий, как я уже упоминал, был начальником Иностранного управления НКВД. Его характерными чертами были лень, страсть к показухе и пресмыкательство перед вышестоящим начальством. Слабохарактерный, трусливый, двуличный Слуцкий в то же время был неплохим психологом и обладал тем, что называется "подход к людям". Одарённый богатой фантазией, он умел притворяться и артистически разыгрывать роль, которую в данный момент считал выгодной для себя. Его выразительные глаза, лучащиеся добротой и теплом, внушали впечатление такой искренности, что на эту приманку нередко клевали даже те, кто хорошо знал Слуцкого. Зная за собой все эти качества, Слуцкий умело пользовался ими для "обработки" подследственных.	Abram Slutsky was entrusted with preparing Smirnov for the trial. He was also responsible for the preparation of another defendant, Sergei Mrachkovsky, with whom Smirnov had been friends since the Civil War. Slutsky, as I have already mentioned, was the head of the Foreign Directorate of the NKVD. His characteristic features were laziness, a passion for show and groveling before higher authorities. Weak-minded, cowardly, two-faced Slutsky at the same time was a good psychologist and had what is called an "approach to people." Gifted with a rich imagination, he knew how to pretend and artistically play the role that at the moment he considered beneficial for himself. His expressive eyes, radiant with kindness and warmth, inspired the impression of such sincerity that even those who knew Slutsky well often pecked at this bait. Knowing all these qualities behind him, Slutsky skillfully used them to "process" those under investigation.
Располагая богатым арсеналом высочайше дозволенных методов следствия, сотрудники НКВД вносили в этот процесс и свой индивидуальный подход. Одни действовали нагло и грубо, как разбойники с большой дороги, приставляющие нож к горлу жертвы. Другие прибегали к разного рода уловкам, обману, многословно распространяясь о "выгодах чистосердечного признания". К следователям этого рода, как нетрудно понять, относился и Абрам Слуцкий.	Having a rich arsenal of the highest permissible methods of investigation, the NKVD officers brought their own individual approach to this process. Some acted boldly and rudely, like robbers from the highway, putting a knife to the victim's throat. Others resorted to all sorts of tricks, deception, verbosely spreading about the "benefits of sincere confession." It is not difficult to understand that Abram Slutsky also belonged to the investigators of this kind.
С самого начала он занял по отношению к Смирнову позицию не злобного инквизитора, а как бы посредника между Политбюро и Смирновым, причём посредника, симпатизирующего обвиняемому.	From the very beginning, in relation to Smirnov, he took the position not of an evil inquisitor, but, as it were, of an intermediary between the Politburo and Smirnov, moreover, an intermediary who sympathized

	with the accused.
Узнав, что Политбюро обвиняет его и других руководителей оппозиции в убийстве Кирова и подготовке покушения на Сталина, Смирнов назвал это обвинение "новым сталинским фокусом".	Upon learning that the Politburo was accusing him and other opposition leaders of assassinating Kirov and plotting an assassination attempt on Stalin, Smirnov called the accusation "a new Stalinist trick."
- Хотел бы я знать, - сказал он, - как вам удастся доказать суду, что я организовывал покушение на Кирова и террористический акт против Сталина, если всем известно, что с января 1933 года я сидел в тюрьме! - Нам не придется это доказывать, - цинично ответил Слуцкий. - Политбюро надеется, что вы сами во всём сознаетесь. Ну а если откажетесь сознаваться, - вас просто не выведут на суд.	“I would like to know,” he said, “how will you be able to prove to the court that I organized the assassination attempt on Kirov and the terrorist act against Stalin, if everyone knows that since January 1933 I have been in prison!” "We don't have to prove it," Slutsky answered cynically. - The Politburo hopes that you yourself will confess everything. Well, if you refuse to confess, you simply will not be taken to court.
Слуцкий передал Смирнову сталинское обещание: сохранить жизнь всем, кто согласится признаться на суде в своих преступлениях. Тех же, кто отказывается выполнить требование Политбюро, расстреляют без суда, по приговору Особого совещания НКВД.	Slutsky conveyed to Smirnov Stalin's promise: to save the lives of all those who agree to confess their crimes in court. Those who refuse to comply with the requirement of the Politburo will be shot without trial, according to the verdict of the Special Meeting of the NKVD.
Слуцкий не применял к Смирнову такие "жёсткие" приёмы следствия, какими пользовались другие следователи. Он считал, и не без основания, что эти приёмы всё равно не сломят такого человека, как Смирнов. Он больше напирал на логические доводы, внушая Смирнову, что его спасение - в принятии условий Политбюро и ни в чём другом, а если он будет сопротивляться, то может и проиграть. Но подследственный оставался глух к этим увещаниям. Он с каменным лицом сидел перед Слуцким, спокойно наблюдая, как тот вновь и вновь повторяет свои старые аргументы и из кожи вон лезет, чтобы придумать новые.	Slutsky did not apply to Smirnov such "harsh" methods of investigation as other investigators used. He believed, and not without reason, that these methods would still not break a man like Smirnov. He pressed more on logical arguments, suggesting to Smirnov that his salvation was in accepting the conditions of the Politburo and nothing else, and if he resisted, he might lose. But the defendant remained deaf to these exhortations. He sat stone-faced in front of Slutsky, calmly watching how he repeated his old arguments again and again and climbed out of his skin to come up with new ones.
Убедившись, что из Смирнова ничего не выжать, Слуцкий решил на время оставить его в покое и усиленно занялся Мрачковским. Он полагал, что признание, добытое от Мрачковского, поможет ему сломить и Смирнова.	Convinced that nothing could be squeezed out of Smirnov, Slutsky decided to leave him alone for the time being and intensively turned his attention to Mrachkovsky. He believed that the confession obtained from Mrachkovsky would help him break Smirnov as well.
Сергей Мрачковский, как и Смирнов, был в юности рабочим. В партию большевиков он вступил в 1905 году, в 1917 успешно руководил восстанием уральских рабочих, а в годы гражданской войны воевал с Колчаком, находясь в подчинении у Смирнова. С того времени их и связывала тесная дружба.	Sergei Mrachkovsky, like Smirnov, was a worker in his youth. He joined the Bolshevik Party in 1905, in 1917 he successfully led the uprising of the Ural workers, and during the civil war he fought with Kolchak, being subordinate to Smirnov. Since then, they have been a close friend.
Но Смирнов, щедро одарённый природой, достиг незаурядного интеллектуального развития, стал выдающимся государственным деятелем, в то время как Мрачковский оставался недалёким, малообразованным человеком, плохо разбиравшимся в сложных	But Smirnov, generously endowed by nature, achieved an outstanding intellectual development, became an outstanding statesman, while Mrachkovsky remained a narrow-minded, poorly educated person, poorly versed in the complex problems of state and party politics.

проблемах государственной и партийной политики.	
Когда после смерти Ленина Сталин начал подбирать в свой аппарат лично преданных ему людей, с помощью которых он рассчитывал вытеснить соратников Ленина, его внимание среди других привлёк и Мрачковский, революционное прошлое которого было бы очень кстати.	When, after the death of Lenin, Stalin began to recruit people personally devoted to him into his apparatus, with the help of whom he hoped to oust Lenin's associates, Mrachkovsky, among others, attracted his attention, whose revolutionary past would be very useful.
В самом деле, вся биография его была необычной. Даже родился он в царской тюрьме, куда его мать была заключена за революционную деятельность. Его отец также был большевиком, а к тому же рабочим. К рабочему классу принадлежал и дед, один из основателей Южно-русского рабочего союза. Активное участие Сергея Мрачковского в Октябрьской революции и гражданской войне было, таким образом, как бы продолжением семейной традиции.	In fact, his entire biography was unusual. He was even born in the tsarist prison, where his mother was imprisoned for revolutionary activities. His father was also a Bolshevik, and also a worker. My grandfather, one of the founders of the South Russian Workers' Union, also belonged to the working class. The active participation of Sergei Mrachkovsky in the October Revolution and the Civil War was thus, as it were, a continuation of the family tradition.
Увы, Сталину не удалось привлечь Мрачковского на свою сторону. Следуя за своими друзьями по гражданской войне, в первую очередь за Смирновым, Мрачковский оказался в лагере оппозиции.	Alas, Stalin failed to win Mrachkovsky over to his side. Following his friends in the civil war, primarily Smirnov, Mrachkovsky ended up in the opposition camp.
Сталин пытался делать ему авансы и после разгрома оппозиции, соблазняя его высокими военными должностями, но безуспешно.	Stalin tried to make advances to him even after the defeat of the opposition, tempting him with high military posts, but to no avail.
Гражданская война не прошла бесследно для здоровья Мрачковского, Будучи контужен и неоднократно ранен, он сделался с годами крайне раздражительным и невыдержанным. Вдобавок у него появилась такая странность: он вообразил себя выдающимся военным стратегом и с пренебрежением относился ко всем, кому за годы гражданской войны не пришлось повоевать на командных должностях.	The civil war did not pass without a trace on Mrachkovsky's health. Being shell-shocked and repeatedly wounded, over the years he became extremely irritable and unrestrained. In addition, he had such an oddity: he imagined himself to be an outstanding military strategist and treated with disdain everyone who had not had to fight in command positions during the years of the civil war.
Слуцкий, зная всё это, решил воспользоваться этим крайним эгоцентризмом Мрачковского. Он искусно эксплуатировал его тщеславие и не упускал случая пустить в ход тонко продуманную лесть.	Slutsky, knowing all this, decided to take advantage of Mrachkovsky's extreme egocentrism. He skillfully exploited his vanity and did not miss the opportunity to use finely crafted flattery.
К изумлению Слуцкого, Мрачковский дал себя уговорить без большого труда. Он согласился дать на суде нужные показания и помочь Слуцкому убедить Смирнова. В разговорах со Слуцким Мрачковский неоднократно высказывал сожаление по поводу того, что в своё время, в 1932 году, не последовал сталинскому совету: - Сталин говорил мне: "Порви с ними, что тебя, прославленного рабочего человека, связывает с этим еврейским синедрионом?" Он обещал назначить меня командующим крупным военным округом, но я отказался...	To Slutsky's amazement, Mrachkovsky allowed himself to be persuaded without much difficulty. He agreed to give the necessary evidence at the trial and help Slutsky convince Smirnov. In conversations with Slutsky, Mrachkovsky repeatedly expressed regret that at one time, in 1932, he did not follow Stalin's advice: - Stalin told me: "Break off with them, what is it that connects you, a glorified working man, with this Jewish Sanhedrin?" He promised to appoint me commander of a large military district, but I refused...

Сталин, надо полагать, был невысокого мнения об интеллигентности и культурном уровне Мрачковского, если рассчитывал, что на него, подействуют столь примитивные антисемитские доводы. С другой стороны, томясь в ссылке, вдали от высокого армейского начальства и военных парадов, Мрачковский, должно быть, не раз возвращался к мысли, что, прими он предложение Сталина, - и всё бы обернулось иначе.	Stalin, presumably, had a low opinion of the intelligence and cultural level of Mrachkovsky, if he expected that such primitive anti-Semitic arguments would affect him. On the other hand, languishing in exile, away from the high army authorities and military parades, Mrachkovsky must have returned to the idea more than once that if he had accepted Stalin's offer, everything would have turned out differently.
Составив протокол допроса, в ходе которого Мрачковский оговорил себя и Смирнова, Слуцкий тотчас понес его Ягоде. У него не было сомнений, что этот документ будет срочно препровождён к Сталину и тот, дойдя до подписи Мрачковского, прочтёт под нею: "Допрос вёл комиссар государственной безопасности 2-го ранга А. Слуцкий".	Having drawn up a protocol of interrogation, during which Mrachkovsky slandered himself and Smirnov, Slutsky immediately carried it to Yagoda. He had no doubts that this document would be urgently forwarded to Stalin and that, having reached Mrachkovsky's signature, he would read under it: "The interrogation was conducted by the Commissar of State Security of the 2nd rank A. Slutsky."
Заключённый в энкаведистскую тюрьму и чувствуя, что его жизнь на волоске, Мрачковский ухватился за последний остававшийся у него шанс: умилостивить Сталина и таким путём спастись, Он полностью предоставил себя в распоряжение НКВД и готов был помочь следователям сломить сопротивление своих товарищей по давней оппозиции.	Imprisoned in an NKVD prison and feeling that his life was in the balance, Mrachkovsky seized on the last chance he had left: to appease Stalin and save himself in this way. He completely placed himself at the disposal of the NKVD and was ready to help the investigators break the resistance of his comrades in the long-standing opposition.
Не сомневаясь в поддержке Мрачковского, Слуцкий вновь сконцентрировал усилия на Смирнове. На очной ставке со Смирновым Мрачковский пытался убедить его "поддаться" Политбюро и дать на суде необходимые показания. Один из его главных доводов был таким: "Зиновьев и Каменев уже согласились давать показания. Уж если они на это пошли, значит, иного выхода нет".	Without doubting the support of Mrachkovsky, Slutsky again concentrated his efforts on Smirnov. At a confrontation with Smirnov, Mrachkovsky tried to convince him to "succumb" to the Politburo and give the necessary evidence at the trial. One of his main arguments was this: "Zinoviev and Kamenev have already agreed to testify. If they agreed to this, then there is no other way out."
Смирнов был поражён поведением Мрачковского. Он заявил, что не станет наговаривать на себя в угоду Сталину. Тогда Мрачковский пустил в ход свой последний довод: "Я тебе напомню, Иван Никитич, что я предоставил себя в распоряжение партии. Значит, я обязан буду выступить против тебя на суде!" На что Смирнов отрезал: "Я всегда знал, что ты трус!" Эта фраза очень уязвила Мрачковского. Вообразивший себя героем гражданской войны, он не мог стерпеть такой оценки, да к тому же из уст своего бывшего командира. Вне себя от бешенства, он бросил в лицо Смирнову: - Ты, видно, рассчитываешь выбраться из этой грязной истории, не замарав беленькой рубашки? В кабинете Слуцкого Смирнов и Мрачковский встретились как старые друзья. По камерам их развели непримиримыми врагами.	Smirnov was struck by the behavior of Mrachkovsky. He declared that he would not slander himself to please Stalin. Then Mrachkovsky launched his last argument: "I'll remind you, Ivan Nikitich, that I put myself at the disposal of the party. So, I will be obliged to speak out against you in court!" To which Smirnov snapped: "I always knew you were a coward!" This phrase hurt Mrachkovsky very much. Having imagined himself a hero of the civil war, he could not stand such an assessment, and besides, from the lips of his former commander. Beside himself with rage, he threw in Smirnov's face: - You, apparently, expect to get out of this dirty story without soiling your little white shirt? In Slutsky's office, Smirnov and Mrachkovsky met like old friends. They were divided into cells by irreconcilable enemies.

Стремясь использовать ситуацию, Слуцкий тут же состряпал протокол очной ставки, содержание которого имело мало общего с тем, что произошло. От лица Мрачковского значилось, что он, Мрачковский, присутствовал в 1932 году на тайном совещании, где Смирнов предлагал объединиться с Зиновьевцами для создания организации, целью которой явится подготовка террористических актов. В этом контексте и были использованы слова Мрачковского о том, что Смирнову не удастся выйти "из этой грязной истории", не замарав беленькой рубашки, Собственно, ради этой многозначительной фразы Слуцкий и спешил поскорее набросать протокол очной ставки.	In an effort to take advantage of the situation, Slutsky immediately concocted a confrontation report, the content of which had little to do with what had happened. On behalf of Mrachkovsky, it was said that he, Mrachkovsky, was present in 1932 at a secret meeting where Smirnov proposed to unite with the Zinovievites to create an organization whose goal would be to prepare terrorist acts. In this context, Mrachkovsky's words were used that Smirnov would not be able to get out "of this dirty story" without soiling his white shirt. Actually, for the sake of this meaningful phrase, Slutsky was in a hurry to quickly sketch out the protocol of the confrontation.
Ягода был вполне удовлетворён протоколом. Он знал, с каким удовольствием Сталин станет читать о ссоре Мрачковского со Смирновым, и решил сделать этот документ ещё более впечатляющим. При перепечатке на машинке он распорядился добавить в злополучную фразу словцо "кровавый". Теперь она звучала так: "А ты считаешь себя святым? Ты, видно, рассчитываешь, что тебе удастся выбраться из этой грязной и кровавой истории, не замарав беленькой рубашки!" Очная ставка с Мрачковским произвела на Смирнова удручающее впечатление. У него вызывал отвращение прежде всего Слуцкий, так усердно натравливавший Мрачковского на бывшего командира и давнего друга, Смирнов припоминал, как Слуцкий в начале следствия прикидывался сочувствующим ему, Смирнову, и давал понять, что не намерен быть просто исполнителем распоряжений начальства. Теперь, после всего происшедшего, Смирнов отказался отвечать на какие бы то ни было вопросы Слуцкого. Узнав об этом, Ягода распорядился "забрать Смирнова от Слуцкого" и передать его для дальнейшей "обработки" Марку Гаю. Надежда на крушение Смирнова, казавшееся Слуцкому близким, теперь ускользала из его рук, а вместе с ней и те лавры, которые оно должно было принести ему.	Yagoda was quite satisfied with the protocol. He knew with what pleasure Stalin would read about Mrachkovsky's quarrel with Smirnov, and decided to make this document even more impressive. When reprinted on a typewriter, he ordered the word "bloody" to be added to the ill-fated phrase. Now it sounded like this: "Do you consider yourself a saint? You apparently expect that you will be able to get out of this dirty and bloody story without getting your little white shirt dirty!" The confrontation with Mrachkovsky made a depressing impression on Smirnov. First of all, he was disgusted by Slutsky, who so zealously set Mrachkovsky on the former commander and long-time friend, Smirnov recalled how Slutsky at the beginning of the investigation pretended to be sympathetic to him, Smirnov, and made it clear that he did not intend to be simply an executor of the orders of his superiors. Now, after all that had happened, Smirnov refused to answer any of Slutsky's questions. Upon learning of this, Yagoda ordered "to take Smirnov away from Slutsky" and hand him over for further "processing" to Mark Guy. The hope of Smirnov's downfall, which seemed close to Slutsky, now slipped from his hands, and with it the laurels that it was supposed to bring him.
Между тем кольцо вокруг Смирнова начало стягиваться. Первые показания против него дали Ольберг и Рейнгольд, давно уже согласившиеся помогать НКВД в подготовке фальсифицированного процесса. Руководители следствия рассчитывали получить свидетельства также от Гольцмана и от некоего Гавена, который по каким-то таинственным причинам так и не появился на скамье подсудимых.	Meanwhile, the ring around Smirnov began to tighten. The first testimony against him was given by Olberg and Reingold, who had long agreed to help the NKVD in preparing the falsified trial. The leaders of the investigation hoped to obtain evidence also from Holtsman and from a certain Gaven, who, for some mysterious reason, never appeared in the dock.

Теперь в качестве важного звена этой цепочки добавились показания Мрачковского. Если "свидетельства" таких, как Ольберг, Рейнгольд или Гавен, могли вызвать у Смирнова только омерзение, - признание Мрачковского было для него первым чувствительным ударом. Соответственно оно явилось немаловажным козырем и для НКВД.	Now Mrachkovsky's testimony has been added as an important link in this chain. If the "evidence" of such as Olberg, Reingold or Gaven could only cause disgust in Smirnov, then Mrachkovsky's confession was the first sensitive blow for him. Accordingly, it was an important trump card for the NKVD.
За этим ударом последовали другие. Прошло немного времени и Смирнову стало известно, что Зиновьев и Каменев только что согласились принять сталинские условия и что, оклеветав самих себя, они дали показания против него. А показания таких значительных персон, пусть даже лживые, весили немало и представляли мощный рычаг для дальнейшего нажима на Смирнова. Положение его с каждым днём ухудшалось. Его козырями были правда и непримиримость к всеобъемлющей лжи и цинизму фальсификаторов. Но позиции Сталина были несравненно сильнее. Он располагал следственными и судебными органами, состоящими из раболепных чиновников, и мощным аппаратом пропаганды, который уже готов был разнести клевету по миру. Смирнову, видимо, не оставалось ничего иного, как осознать, что в этой неравной борьбе дальнейшее сопротивление бессмысленно.	This blow was followed by others. A little time passed and Smirnov became aware that Zinoviev and Kamenev had just agreed to accept Stalin's conditions and that, having slandered themselves, they had testified against him. And the testimony of such significant people, even if false, weighed a lot and represented a powerful lever for further pressure on Smirnov. His situation worsened every day. His trump cards were truth and intransigence against the all-encompassing lies and cynicism of falsifiers. But Stalin's position was incomparably stronger. He had at his disposal investigative and judicial organs, consisting of servile officials, and a powerful propaganda apparatus, which was already ready to spread slander throughout the world. Smirnov, apparently, had no choice but to realize that in this unequal struggle, further resistance is pointless.
Оказавшись в руках Гая, Смирнов испытал ещё один тяжкий удар, потрясший его даже сильнее, чем предательство Мрачковского. Гай положил перед Смирновым заявление его бывшей жены Сафоновой, где говорилось, что в конце 1932 года он, Смирнов получил от Троцкого "террористические директивы". Как выяснилось позже, Сафонова написала это заявление под нажимом НКВД и вдобавок поверив заверениям, что, поступая таким образом, она не только сохранит собственную жизнь, но спасёт и Смирнова.	Once in the hands of Guy, Smirnov experienced another heavy blow, which shook him even more than Mrachkovsky's betrayal. Guy placed before Smirnov a statement from his ex-wife Safonova, which stated that at the end of 1932 he, Smirnov, had received "terrorist directives" from Trotsky. As it turned out later, Safonova wrote this statement under pressure from the NKVD and, in addition, believing assurances that by doing so, she would not only save her own life, but also save Smirnov.
Дабы окончательно его сломить, Гай устроил ему очную ставку с Сафоновой. Как я только что заметил, сначала Сафоновой было сказано, что, подписывая показания против Смирнова, она спасает свою жизнь. Но когда она выполнила это условие, цена её жизни, как оказалось, возросла: теперь, чтобы уцелеть, она должна помочь НКВД "убедить" Смирнова.	In order to finally break him, Guy arranged a confrontation with Safonova for him. As I just noticed, at first Safonova was told that by signing the testimony against Smirnov, she was saving her life. But when she fulfilled this condition, the price of her life, as it turned out, increased: now, in order to survive, she must help the NKVD "convince" Smirnov.
Встреча Сафоновой со Смирновым в кабинете Гая была драматической. Рыдая, Сафонова умоляла Смирнова спасти жизнь им обоим и подчиниться требованиям Политбюро. Она откровенно убеждала его в присутствии Гая, что никто не примет его признания за чистую монету, что все поймут: судебный процесс организован по	Safonova's meeting with Smirnov in Guy's office was dramatic. Sobbing, Safonova begged Smirnov to save their lives and obey the demands of the Politburo. She frankly assured him in Guy's presence that no one would take his confession at face value, that everyone would understand that the trial was organized for purely political reasons. She

чисто политическим соображениям. Она уговаривала его "помириться с Зиновьевым и Каменевым" и вместе с ними принять участие в этом процессе. "Тогда, - объясняла Сафонова, - на вас будет смотреть весь мир, и они не посмеют вас расстрелять".	persuaded him to "make peace with Zinoviev and Kamenev" and take part in this process together with them. "Then," Safonova explained, "the whole world will be looking at you, and they won't dare to shoot you."
В конце концов Смирнов подчинился требованиям Гая, но не без оговорок. Он согласился признать только часть выдвинутых против него обвинений. Никакой другой обвиняемый при таких условиях не был бы допущен до суда. Но Сталин хотел, чтобы Смирнов фигурировал на судебном процессе, даже при условии "частичного признания". Лишь бы давал показания против Троцкого. Это было для Сталина некой утончённой формой мести - Смирнова знали как одного из самых преданных и искренних друзей Троцкого.	In the end, Smirnov obeyed Guy's demands, but not without reservations. He agreed to admit only part of the charges against him. No other accused under such conditions would have been admitted to trial. But Stalin wanted Smirnov to figure in the trial, even with a "partial confession." If only he would testify against Trotsky. It was for Stalin some subtle form of revenge - Smirnov was known as one of Trotsky's most devoted and sincere friends.
Своё участие в процессе Смирнов оговорил обязательным условием: не вовлекать в него Сафонову. Это условие было принято, и Сафонова не фигурировала в числе обвиняемых: её вызывали на суд только как свидетельницу, и так был отведён от неё смертный приговор.	Smirnov stipulated his participation in the process with a prerequisite: not to involve Safonova in it. This condition was accepted, and Safonova did not appear among the defendants: she was summoned to court only as a witness, and so the death sentence was averted from her.
Я не раз задавал себе вопрос: что было тем решающим фактором, который заставил Смирнова согласиться участвовать в судебном процессе? Пример Зиновьева и Каменева? Доводы Сафоновой, которая была его верной спутницей на протяжении многих лет? Вероятно, самым убедительным оказался довод Сафоновой: "Помирись с Зиновьевым и Каменевым и предстань с ними перед судом. На глазах у всего света тебя не посмеют расстрелять". Но думаю, что ни этот довод, ни вся сумма средств воздействия не могли бы заставить Смирнова участвовать в позорном спектакле сталинского суда. Если б он знал, что ценой собственной жизни сможет опровергнуть сталинскую клевету против него и его доброго имени, - тогда бы он, без сомнения, отказался от судебной комедии и предпочел смерть. Но такой выбор ничего бы не изменил. Его убили бы втайне, а прочие обвиняемые, не исключая Зиновьева и Каменева, послушно порочили бы в зале суда его имя.	I repeatedly asked myself the question: what was the decisive factor that made Smirnov agree to participate in the trial? An example of Zinoviev and Kamenev? The arguments of Safonova, who was his faithful companion for many years? Probably the most convincing was Safonova's argument: "Make peace with Zinoviev and Kamenev and stand trial with them. They won't dare to shoot you in front of the eyes of the whole world." But I think that neither this argument, nor the entire amount of means of influence could force Smirnov to participate in the shameful spectacle of the Stalinist court. If he had known that at the cost of his own life he would be able to refute the Stalinist slander against him and his good name, then he would, no doubt, have abandoned the judicial comedy and preferred death. But such a choice would not change anything. He would have been killed in secret, and the other defendants, not excluding Zinoviev and Kamenev, would have obediently denigrated his name in the courtroom.
Поэтому Смирнову, вероятно, показалось более правильным всё же использовать тот единственный шанс, который у него оставался. Допустим, Сталин не сдержит своё обещание и не сохранит ему жизнь. Но даже в этом случае его присутствие на суде сможет хоть до некоторой степени сдержать поток злобных инсинуаций и не позволит другим подсудимым и обвинителю беспардонно лгать, как если бы он был уже мёртв.	Therefore, it probably seemed more correct for Smirnov to use the only chance that he had left. Suppose Stalin does not keep his promise and does not save his life. But even so, his presence at the trial will at least to some extent contain the flow of malicious insinuations and will not allow other defendants and the accuser to shamelessly lie, as if he were already dead.

ДОЛГ ПАРТИЙЦА В середине мая 1936 года в Кремле состоялось важное совещание, в котором приняли участие Сталин, Ежов, Ягода, а также помощники последнего Агранов, Молчанов и Миронов, На совещании обсуждался единственный вопрос: обвинения, сфабрикованные в адрес Троцкого. Зная, какое исключительное значение Сталин придает всему, что касается Троцкого, Молчанов подготовил специальную карту, наглядно представляющую, когда и через кого Троцкий участвовал в "террористическом заговоре". Паутина разноцветных линий, на этой карте изображала связи Троцкого с главарями заговора, находившимися в СССР. Было показано также, кто из старых членов партии уже дал требуемые показания против Троцкого, а кому это ещё предстоит. Карта выглядела внушительно, прочно связывая между собой Троцкого и главарей заговора в СССР.	The Duty of a Party Member In mid-May 1936, an important meeting was held in the Kremlin, in which Stalin, Yezhov, Yagoda, as well as the latter's assistants Agranov, Molchanov and Mironov, took part. The meeting discussed the only issue: the accusations fabricated against Trotsky. Knowing what exceptional importance Stalin attaches to everything related to Trotsky, Molchanov prepared a special map that clearly shows when and through whom Trotsky participated in the "terrorist plot." A web of multi-colored lines on this map depicted Trotsky's connections with the leaders of the conspiracy who were in the USSR. It was also shown which of the old members of the party had already given the required testimony against Trotsky, and who had yet to do so. The map looked impressive, firmly linking Trotsky and the leaders of the conspiracy in the USSR.
Выслушав сообщения руководителей следствия, Сталин привлёк их внимание к тому факту, что не хватает подследственного, который мог бы показать, что он был направлен Троцким в Советский Союз для того, чтобы совершить террористический акт. Молчанов напомнил Сталину, что такое признание уже подписано Ольбергом. Однако Сталин, не без оснований гордящийся своей отличной памятью, возразил, что согласно показаниям Ольберга он получил своё задание не от самого Троцкого, а от его сына - Седова. Тут Ягода заметил, что ничего не стоит переписать показания Ольберга. Пусть там будет сказано, что перед отъездом в Советский Союз он имел свидание с Троцким и получил инструкции относительно террористического акта лично от него. Предложение Ягоды не удовлетворило Сталина, Он сказал, что переписка показаний Ольберга "не решает проблемы" и что было бы полезно добавить двоих или троих надёжных людей типа. Ольберга, которые могли бы засвидетельствовать, что именно они были посланы в Советский Союз Троцким и тот лично дал им указания о проведении террористического акта.	After listening to the reports of the leaders of the investigation, Stalin drew their attention to the fact that there was not enough person under investigation who could show that he was sent by Trotsky to the Soviet Union in order to commit a terrorist act. Molchanov reminded Stalin that such a recognition had already been signed by Olberg. However, Stalin, not without reason proud of his excellent memory, objected that, according to Olberg's testimony, he received his task not from Trotsky himself, but from his son, Sedov. Here Yagoda noticed that it would not cost anything to rewrite Olberg's testimony. Let it be said there that before leaving for the Soviet Union, he had a meeting with Trotsky and received instructions regarding the terrorist act personally from him. Yagoda's proposal did not satisfy Stalin, He said that the correspondence of Olberg's testimony "does not solve the problem" and that it would be useful to add two or three reliable people of the type. Olberg, who could testify that it was they who were sent to the Soviet Union by Trotsky and he personally gave them instructions to carry out a terrorist act.
Желая угодить Сталину, Молчанов заявил, что у него есть два тайных агента, гораздо более квалифицированных, чем Ольберг, которые могли бы прекрасно сыграть эту роль на суде, однако это не простые агенты, а бывшие нелегальные представители секретного политического управления НКВД в германской компартии. В настоящее время они заняты сбором информации о центральном аппарате Коминтерна. Это - некие Фриц Давид и	Wanting to please Stalin, Molchanov said that he had two secret agents, much more qualified than Olberg, who could perfectly play this role in court, but these are not ordinary agents, but former illegal representatives of the secret political department of the NKVD in the German Communist Party. At the present time they are busy gathering information about the central apparatus of the Comintern. These are some Fritz David and Berman-Yurin, Molchanov described both as

Берман-Юрин, Молчанов охарактеризовал обоих как преданных и дисциплинированных членов партии. Сталин сразу же согласился с включением их в состав обвиняемых.	devoted and disciplined members of the party. Stalin immediately agreed with their inclusion among the defendants.
Ягоде предложение Молчанова не понравилось. Как это он решился назвать Фрица Давида и Бермана-Юрина, не согласовав этот вопрос с ним, Ягодой? Инициатива Молчанова была тем более неумной, что эти двое сумели организовать НКВД секретную службу внутри Коминтерна так ловко, что Ягода знает всё, что там происходит. Благодаря им Ягода постоянно имел возможность обращать внимание Сталина на опасные фракционные группы в зарубежных компартиях и разные нежелательные поползновения иностранных представителей Коминтерна, тем самым демонстрируя Сталину и Политбюро, как хорошо НКВД информирован. Сразу же найти замену Фрицу Давиду и Берману-Юрину невозможно. Эти двое досконально знают коминтерновскую кухню, у них масса друзей в руководстве зарубежных компартий и сверх того большой опыт секретной работы на НКВД.	Yagoda did not like Molchanov's proposal. How did he decide to name Fritz David and Berman-Yurin, without agreeing this issue with him, Yagoda? Molchanov's initiative was all the more stupid because these two managed to organize the NKVD secret service inside the Comintern so cleverly that Yagoda knows everything that happens there. Thanks to them, Yagoda constantly had the opportunity to draw Stalin's attention to dangerous factional groups in foreign Communist Parties and various undesirable encroachments of foreign representatives of the Comintern, thereby demonstrating to Stalin and the Politburo how well the NKVD was informed. It is impossible to immediately find a replacement for Fritz David and Berman-Yurin. These two thoroughly know the Comintern cuisine, they have a lot of friends in the leadership of foreign communist parties and, moreover, they have extensive experience in secret work for the NKVD.
Включение Фрица Давида и Бермана-Юрина в предстоящий процесс имело ещё одну неприятную сторону. Такие серьёзные фигуры не могли быть введены в игру в любой произвольный момент, точно пешки, - и уж тем более в уголовный процесс, притом в качестве подсудимых! Оба они состоят в ВКП(б) и, хотя их работа на "органы" носит неофициальный характер, они считаются ответственными сотрудниками НКВД. Принося их в жертву, Молчанов нарушил элементарную товарищескую этику: это был первый случай, когда оперативник НКВД предложил собственных коллег на роль обвиняемых по уголовному делу.	The inclusion of Fritz David and Berman-Yurin in the upcoming process had another unpleasant side. Such serious figures could not be brought into play at any arbitrary moment, like pawns - and even more so in a criminal trial, moreover, as defendants! Both of them are members of the CPSU(b) and, although their work for the "organs" is unofficial, they are considered responsible employees of the NKVD. By sacrificing them, Molchanov violated elementary comradely ethics: this was the first time that an NKVD operative offered his own colleagues to be defendants in a criminal case.
Впрочем, недовольство Ягоды носило чисто платонический характер и ничего уже не могло изменить. Предложение Молчанова было одобрено Сталиным, и ход событий принял необратимый характер. Не прошло и месяца, как Фриц Давид и Берман-Юрин были арестованы. Обоим объявили, что Центральный комитет оказал им большое доверие, избрав их на роль фиктивных обвиняемых, которым на предстоящем процессе предстоит исполнить волю партии. Тому и другому ничего не оставалось, как с энтузиазмом принять на себя это поручение своей партии и НКВД. Неизвестно, был ли энтузиазм искренним, но не выказать его было нельзя.	However, Yagoda's dissatisfaction was purely platonic in nature and could no longer change anything. Molchanov's proposal was approved by Stalin, and the course of events assumed an irreversible character. Less than a month later, Fritz David and Berman-Yurin were arrested. Both were announced that the Central Committee had placed great confidence in them by electing them for the role of fictitious defendants who, in the upcoming trial, would have to fulfill the will of the party. Both of them had no choice but to enthusiastically accept this assignment from their party and the NKVD. It is not known whether the enthusiasm was sincere, but it was impossible not to show it.
Под диктовку Молчанова, своего начальника, оба дали показания,	Under the dictation of Molchanov, their superior, both testified that

что в конце ноября 1932 года каждый из них независимо от другого посетил Троцкого в Копенгагене и получил от него задание отправиться в Советский Союз и совершить террористический акт против Сталина.	at the end of November 1932, each of them, independently of the other, visited Trotsky in Copenhagen and received from him the task of going to the Soviet Union and committing a terrorist act against Stalin.
На судебном процессе Фриц Давид и Берман-Юрин всеми силами старались помочь обвинению разыграть заранее подготовленный спектакль. Однако, хоть сами они были направлены сюда в качестве мнимых обвиняемых, это не помешало суду приговорить их к смертной казни, а "органам" - расстрелять вместе с другими, настоящими обвиняемыми.	At the trial, Fritz David and Berman-Yurin tried with all their might to help the prosecution play out a pre-prepared performance. However, although they themselves were sent here as imaginary defendants, this did not prevent the court from sentencing them to death, and the "authorities" from shooting them along with other, real defendants.
ЗИНОВЬЕВ И КАМЕНЕВ: КРЕМЛЁВСКАЯ СДЕЛКА Из всех арестованных членов партии, отобранных Сталиным для открытого процесса, наибольшее значение он придавал Зиновьеву и Каменеву. С этими двумя ближайшими соратниками Ленина, способными объединить вокруг себя партийные массы, Сталин вновь сводил свои старые счёты - и на сей раз уже окончательно.	ZINOVIEV AND KAMENEV: A KREMLIN DEAL Of all the arrested members of the party selected by Stalin for an open trial, he attached the greatest importance to Zinoviev and Kamenev. With these two closest associates of Lenin, capable of uniting the party masses around him, Stalin again settled his old scores - and this time for good.
"Обработка" Зиновьева и Каменева была поручена тем сотрудникам НКВД, которых он знал лично: Агранову, Молчанову и Миронову.	The "processing" of Zinoviev and Kamenev was entrusted to those NKVD officers whom he knew personally: Agranov, Molchanov and Mironov.
Я уже представил Миронова читателю в связи с делом Кирова. Теперь настало время рассказать о нём подробнее. Миронов отвечал за многие важнейшие дела, проходившие через Экономическое управление НКВД, и Ягода, выезжая в Кремль для доклада Сталину, нередко брал с собой и Миронова. Среди следственных дел, которые Миронов вёл под личным руководством Сталина, было знаменитое "дело Промпартии" и дело английских инженеров из фирмы "Метро Виккерс" - оба эти дела относились к самому началу 30-х годов и произвели немалую сенсацию.	I have already introduced Mironov to the reader in connection with the Kirov case. Now it's time to talk about it in more detail. Mironov was responsible for many of the most important matters that passed through the Economic Directorate of the NKVD, and Yagoda, leaving for the Kremlin to report to Stalin, often took Mironov with him. Among the investigative cases that Mironov conducted under the personal supervision of Stalin was the famous "Industrial Party case" and the case of English engineers from the Metro Vickers company - both of these cases dated back to the very beginning of the 30s and made a considerable sensation.
Сталин быстро оценил выдающиеся способности Миронова и начал поручать ему специальные задания, о выполнении которых Миронов отчитывался лично перед ним. На этом он быстро сделал карьеру. В 1934 году по предложению Сталина его назначили начальником Экономического управления НКВД, а ещё через год - заместителем Ягоды. Отныне он возглавлял Главное управление государственной безопасности (ГУГБ). В его ведении была вся оперативная работа НКВД. Одно время среди сотрудников НКВД циркулировал слух, будто Сталин предполагает сместить Ягоду и назначить Миронова на его место, но люди, достаточно хорошо	Stalin quickly appreciated the outstanding abilities of Mironov and began to entrust him with special tasks, on the implementation of which Mironov personally reported to him. On this he quickly made a career. In 1934, at Stalin's suggestion, he was appointed head of the Economic Directorate of the NKVD, and a year later, Yagoda's deputy. From now on, he headed the Main Directorate of State Security (GUGB). He was in charge of all the operational work of the NKVD. At one time, a rumor circulated among the NKVD that Stalin intended to remove Yagoda and appoint Mironov in his place, but people who were fairly well informed did not believe this. They knew that as head of the NKVD, Stalin needed

информированные, этому не верили. Они знали, что в качестве руководителя НКВД Сталин нуждается в человеке с макиавеллиевым складом ума, который был бы в первую очередь специалистом по части политических интриг. Именно таким был Ягода, в отличие от дельного экономиста и контрразведчика Миронова.	a Machiavellian-minded man who was primarily an expert in political intrigue. That was exactly what Yagoda was, in contrast to the efficient economist and counterintelligence officer Mironov.
Одним из достоинств Миронова была его феноменальная память, - в этом отношении Ягоде было до него далеко. Именно поэтому Ягода привык брать Миронова с собой к Сталину даже в тех случаях, когда доклад не относился непосредственно к компетенции Миронова. Важно было запоминать, не пропуская ничего, мельчайшие детали сталинских инструкций и наставлений. После возвращения из Кремля Миронов, как правило, сразу же усаживался за стол и во всех подробностях записывал для Ягоды каждое из сталинских замечаний, притом теми же словами, какими оперировал Сталин. Это было особенно важно для Ягоды в тех случаях, когда Сталин наставлял его, какую псевдомарксистскую терминологию он должен использовать, обращаясь в Политбюро с тем, чтобы оно вынесло именно те решения, которые тайно отвечали намерениям Сталина. Подобные наставления Ягода получал всякий раз, когда Сталин начинал подкапываться под того или иного члена Политбюро либо ЦК для того, чтобы избавиться от него.	One of Mironov's virtues was his phenomenal memory - in this respect, Yagoda was far from him. That is why Yagoda was accustomed to taking Mironov with him to see Stalin, even in cases where the report was not directly related to Mironov's competence. It was important to memorize, without missing anything, the smallest details of Stalin's instructions and instructions. After returning from the Kremlin, Mironov, as a rule, immediately sat down at the table and wrote down in every detail for Yagoda each of Stalin's remarks, moreover, in the same words that Stalin used. This was especially important for Yagoda in those cases when Stalin instructed him what pseudo-Marxist terminology he should use when addressing the Politburo so that it would make precisely those decisions that secretly corresponded to Stalin's intentions. Yagoda received similar instructions whenever Stalin began to undermine this or that member of the Politburo or the Central Committee in order to get rid of him.
Миронов достиг высокого положения. Он обладал властью и пользовался немалым авторитетом. Но это не принесло ему счастья. Дело в том, что от природы он был очень деликатным и совестливым человеком. Его угнетала та роль, какую он вынужден был играть в гонениях на старых большевиков. Чтобы устраниться от этих неприятных обязанностей, Миронов одно время пытался получить назначение на разведывательную работу за рубежом. Позже он сделал попытку перевестись в народный комиссариат внешней торговли, на должность заместителя наркома, но когда дело дошло до утверждения этого перевода в ЦК, Сталин запретил Миронову даже думать об этом.	Mironov reached a high position. He had power and enjoyed considerable prestige. But this did not bring him happiness. The fact is that by nature he was a very delicate and conscientious person. He was oppressed by the role he was forced to play in the persecution of the old Bolsheviks. To get rid of these unpleasant duties, Mironov at one time tried to get an appointment for intelligence work abroad. Later, he made an attempt to transfer to the People's Commissariat for Foreign Trade, to the post of Deputy People's Commissar, but when it came to approving this transfer to the Central Committee, Stalin forbade Mironov to even think about it.
Пессимизм и разочарование в жизни, отличавшие теперь Миронова, всё более сказывались на его семейной жизни. Его очень хорошенькая жена Надя, которую он любил без памяти, вечно пребывала в состоянии восторженного увлечения кем-то на стороне; его семейная жизнь рушилась.	Pessimism and disappointment in life, which now distinguished Mironov, increasingly affected his family life. His very pretty wife Nadia, whom he loved without memory, was always in a state of enthusiastic infatuation with someone on the side; his family life was falling apart.

Однажды ночью - дело было весной 1936 года - Миронов позвонил мне и спросил, не могу ли я зайти в его кабинет. Он собирался сообщить мне нечто "чрезвычайно интересное". Я пошёл.	One night - it was in the spring of 1936 - Mironov called me and asked if I could come into his office. He was going to tell me something "extremely interesting." I went.
"У меня только что состоялся разговор с Каменевым, - без всяких предисловий начал Миронов. Он был бледен и выглядел возбуждённым. - Вызывая Каменева из внутренней тюрьмы, я составил в уме определённый план: как я познакомлю его с обвинениями, выдвигаемыми против него и что я ему вообще должен говорить. Но когда я услышал топот сапог охранника и шум в приёмной, я так разнервничался, что думал только об одном: как бы не выдать своего волнения.	"I just had a conversation with Kamenev," Mironov began without any preamble. He was pale and looked excited. I should tell him in general, but when I heard the clatter of the guard's boots and the noise in the waiting room, I got so nervous that I thought of only one thing: how not to betray my excitement.
Дверь открылась и вошёл Каменев в сопровождении охранника. Не глядя на него, я расписался на сопроводительной бумажке и отпустил охранника. Каменев стоял здесь, посредине кабинета и выглядел совсем старым и измождённым. Я указал ему на стул, он сел и вопросительно взглянул на меня. Честно сказать, я был смущен. Как-никак всё же это Каменев! Его речи я слушал когда-то с таким благоговением! Залы, где он выступал, дрожали от аплодисментов. Ленин сидел в президиуме и тоже аплодировал. Мне было так странно, что этот сидящий тут заключённый - тот же самый Каменев, и я имел полную власть над ним...	The door opened and Kamenev entered, accompanied by a guard. Without looking at him, I signed the accompanying paper and dismissed the guard. Kamenev stood there, in the middle of the study, and looked quite old and haggard. I pointed him to a chair, he sat down and looked at me inquiringly. To be honest, I was embarrassed. After all, this is Kamenev! I once listened to his speeches with such reverence! The halls where he spoke trembled with applause. Lenin sat in the presidium and also applauded. It was so strange to me that this prisoner sitting here is the same Kamenev, and I had complete power over him ...
- Ну что там опять? - внезапно спросил Каменев.	- Well, what is there again? Kamenev suddenly asked.
- Против вас, товарищ Каменев... гражданин Каменев, - поправился я, - имеются показания, сделанные рядом арестованных оппозиционеров. Они показывают, что начиная с 1932 года вы совместно с ними готовили террористические акты в отношении товарища Сталина и других членов Политбюро и что вы и Зиновьев подослали убийцу к Кирову.	"Against you, Comrade Kamenev... Citizen Kamenev," I amended, "there are testimonies made by a number of arrested oppositionists. They show that, beginning in 1932, together with them, you prepared terrorist acts against Comrade Stalin and other members of the Politburo, and that you and Zinoviev sent an assassin to Kirov.
- Это ложь, и вам известно, что это ложь! - резко возразил Каменев.	- It's a lie, and you know it's a lie! Kamenev sharply objected.
Я открыл папку и прочел ему некоторые из показаний Рейнгольда и ещё нескольких арестованных.	I opened the folder and read to him some of the testimony of Reinhold and several others who had been arrested.
- Скажите мне, Миронов, вы, несомненно, учили историю партии и знаете отношение большевиков к индивидуальному террору. Вы действительно верите этой чепухе? Я ответил, что в моём распоряжении имеются свидетельские показания и моё дело - выяснить, правду ли показывают свидетели.	- Tell me, Mironov, you undoubtedly studied the history of the party and know the attitude of the Bolsheviks to individual terror. Do you really believe this nonsense? I replied that I had evidence at my disposal and that it was my business to find out whether the witnesses were telling the truth.
- Прошу вас только об одном, - сказал Каменев. - Я требую, чтобы меня свели лицом к лицу с Рейнгольдом и со всеми теми, кто меня	"I ask you only one thing," said Kamenev. "I demand to be brought face to face with Reinhold and all those who have slandered me.

оклеветал.	
Каменев объяснил, что с осени 1932 года он и Зиновьев почти всё время находились в тюрьме или ссылке, а в те недолгие промежутки, что они провели на свободе, за ними постоянно следили агенты НКВД. Секретное политическое управление НКВД даже поселило своего сотрудника в каменевской квартире - под видом телохранителя, и этот сотрудник рылся в его письменном столе и следил, кто его навещает.	Kamenev explained that since the autumn of 1932, he and Zinoviev had been in prison or exile almost all the time, and during those short periods that they spent at large, they were constantly monitored by NKVD agents. The secret political department of the NKVD even settled its employee in Kamenev's apartment - under the guise of a bodyguard, and this employee rummaged through his desk and watched who was visiting him.
- Я спрашиваю вас, - повторил Каменев, - как при таких условиях я мог готовить террористические акты? Насчёт утверждений Рейнгольда, будто он несколько раз присутствовал в квартире Каменева на тайных совещаниях, Каменев предложил мне посмотреть дневник наружных наблюдений НКВД, куда, несомненно, заносились результаты надзора за его квартирой, и лично убедиться, что Рейнгольд никогда не переступал её порога".	“I ask you,” repeated Kamenev, “how could I prepare terrorist acts under such conditions? As for Reingold's statements that he was present several times in Kamenev's apartment at secret meetings, Kamenev suggested that I look at the diary of external observations of the NKVD, where, undoubtedly, the results of surveillance of his apartment were entered, and personally make sure that Reinhold never crossed its threshold.
- А вы что скажете на всё это? - спросил я Миронова, выслушав его рассказ.	- And what do you say to all this? - I asked Mironov, after listening to his story.
- Что я могу сказать! - ответил Миронов, пожимая плечами. - Я прямо заявил ему, что мои функции как следователя в данном частном случае ограничены, потому что Политбюро полностью уверено в правдивости показаний, направленных против него. Каменев рассердился и заявил мне: - Можете передать Ягоде, что я никогда больше не приму участия в судебном фарсе, какой он устроил надо мной и Зиновьевым в прошлом году. Передайте Ягоде, что на этот раз ему придется доказывать мою виновность и что ни в какие сделки с ним я больше не вступаю. Я потребую, чтобы на суд вызвали Медведя и других сотрудников ленинградского НКВД, и сам задам им вопросы насчёт убийства Кирова! На этом первый разговор Миронова с Каменевым закончился.	- What can I say! - answered Mironov, shrugging his shoulders. - I told him directly that my functions as an investigator in this particular case are limited, because the Politburo is completely confident in the veracity of the testimony directed against him. Kamenev got angry and told me: “You can tell Yagoda that I will never again take part in the judicial farce that he arranged for me and Zinoviev last year. Tell Yagoda that this time he will have to prove my guilt and that I will no longer enter into any deals with him. I will demand that Medved and other employees of the Leningrad NKVD be summoned to court, and I myself will ask them questions about the murder of Kirov! This was the end of Mironov's first conversation with Kamenev.
- Я чувствую, что дело Каменева мне не по плечу, - сказал Миронов. - Лучше было поручить переговоры с Каменевым какому отбудь видному члену ЦК, с которым он лично знаком и может разговаривать на равных. Представитель ЦК мог бы изложить это дело Каменеву таким образом: "Вы боролись с ЦК партии и проиграли. Теперь ЦК требует от вас, в интересах партии, дать такие-то показания. Если вы откажетесь, вас ждёт то-то и то-то". Но мне-то никто не позволит так с ним разговаривать. Мне приказано получить признание Каменева чисто следовательским методом, главным образом на основании фальшивых показаний Рейнгольда.	“I feel that the Kamenev case is not up to me,” said Mironov. - It would be better to entrust negotiations with Kamenev to some prominent member of the Central Committee, with whom he is personally acquainted and can talk on an equal footing. The representative of the Central Committee could have presented this case to Kamenev in this way: "You fought the Central Committee of the party and lost. Now the Central Committee requires you, in the interests of the party, to give such and such evidence. If you refuse, you will face such and such" . But no one will let me talk to him like that. I have been ordered to obtain Kamenev's confession by a purely investigative

Чувствую, что зря я взялся за это дело...	method, mainly on the basis of Reingold's false testimony. I feel like I'm doing this wrong...
Миронов уступил требованию Каменева и дал ему возможность встретиться с Рейнгольдом. Вспомним, что тот почти с самого начала следствия предоставил себя в распоряжение Ягоды. На очной ставке с Каменевым он держался вызывающе: да, он неоднократно бывал в его квартире, когда Каменев доказывал необходимость убить Сталина и его ближайших помощников и сотрудников.	Mironov yielded to Kamenev's demand and gave him the opportunity to meet with Reinhold. Let us recall that almost from the very beginning of the investigation he placed himself at Yagoda's disposal. At the confrontation with Kamenev, he behaved defiantly: yes, he repeatedly visited his apartment when Kamenev proved the need to kill Stalin and his closest assistants and collaborators.
- Зачем вы лжёте? - спросил Каменев.	- Why are you lying? Kamenev asked.
- НКВД установит, кто лжёт: я или вы! - отвечал Рейнгольд.	- The NKVD will establish who is lying: me or you! Reingold answered.
- Вы утверждаете, что были в моей квартире несколько раз, - продолжал Каменев. - Не можете ли сказать точнее, когда это происходило? Рейнгольд перечислил: в 1932, 1933 и 1934 годах.	"You claim that you have been to my apartment several times," continued Kamenev. Can you tell exactly when this happened? Reingold listed: in 1932, 1933 and 1934.
- Раз вы бывали у меня так часто, вы наверняка сможете припомнить хоть некоторые особенности моей квартиры, - и Каменев задал Рейнгольду несколько вопросов, касающихся расположения квартиры и дома.	“Since you have visited me so often, you will certainly be able to recall at least some of the features of my apartment,” and Kamenev asked Reinhold several questions concerning the location of the apartment and the house.
Но Рейнгольд не рискнул отвечать на эти вопросы. Он заявил Каменеву, что тот не следователь и не имеет права его допрашивать.	But Reingold did not dare to answer these questions. He told Kamenev that he was not an investigator and had no right to interrogate him.
Тогда Каменев попросил Миронова задать Рейнгольду те же вопросы. Однако Миронов уклонился, не смея помочь Каменеву отмести ложные обвинения, придуманные Сталиным. Каменеву оставалось только просить Миронова, чтобы тот хотя бы отразил в протоколе очной ставки тот факт, что Рейнгольд отказался отвечать на вопросы, связанные с каменевской квартирой.	Then Kamenev asked Mironov to ask Reingold the same questions. However, Mironov shied away, not daring to help Kamenev dismiss the false accusations invented by Stalin. Kamenev could only ask Mironov to at least reflect in the protocol of the confrontation the fact that Reingold refused to answer questions connected with Kamenev's apartment.
Очная ставка закончилась. Чтобы не выполнять просьбу Каменева, Миронов решил вовсе не составлять протокола. Подследственный даже не спросил, почему очная ставка не протоколируется. Он прекрасно понимал, что так называемое следствие - всего лишь прелюдия к решающему этапу, когда Ягода окончательно сбросит маску законности и цинично потребует, чтобы Каменев сознался во всём, в чём его обвиняют. Миронов доложил Ягоде, что следствие по делу Каменева зашло в тупик, и предложил, чтобы кто-либо из членов ЦК вступил в переговоры с Каменевым от имени Политбюро. Ягода воспротивился этому. Ещё не время, заявил он: сначала надо "как следует вымотать Каменева изломить его дух".	The bet is over. In order not to comply with Kamenev's request, Mironov decided not to draw up a protocol at all. The person under investigation did not even ask why the confrontation was not recorded. He was well aware that the so-called investigation was just a prelude to the decisive stage, when Yagoda would finally throw off the mask of legality and cynically demand that Kamenev confess to everything he was accused of. Mironov reported to Yagoda that the investigation into the Kamenev case had reached a dead end and suggested that one of the members of the Central Committee enter into negotiations with Kamenev on behalf of the Politburo. Yagoda opposed this. It was not yet the time, he declared: first it was necessary "to exhaust Kamenev properly, to break his spirit."

- Я пришлю к вам в помощь Чертока, - обещал Ягода. - Он ему живо рога обломает!..	“I will send Chertok to help you,” Yagoda promised. - He will quickly break off his horns! ..
Черток, молодой человек лет тридцати, представлял собой типичный продукт сталинского воспитания. Невежественный, самодовольный, бессовестный, он начал свою службу в "органах" в те годы, когда сталинисты уже одержали ряд побед над старыми партийцами и слепое повиновение диктатору сделалось главной доблестью члена партии. Благодаря близкому знакомству с семьёй Ягоды он достиг видного положения и был назначен заместителем начальника Оперативного управления НКВД, отвечавшего за охрану Кремля. Мне никогда не приходилось видеть таких наглых глаз, какие были у Чертока. На нижестоящих они глядели с невыразимым презрением. Среди следователей Черток слыл садистом; говорили, что он пользуется любой возможностью унизить заключённого. В именах Зиновьева и Каменева, Бухарина и Троцкого для Чертока не заключалось никакой магической силы. Каменева он считал важной персоной только потому, что его делом интересовался Сталин. Во всём остальном Каменев был для Чертока заурядным беззащитным заключённым, на ком он был волен проявлять свою власть с обычной для него садистской изощрённостью.	Chertok, a young man in his thirties, was a typical product of Stalin's upbringing. Ignorant, self-satisfied, unscrupulous, he began his service in the "bodies" in those years when the Stalinists had already won a number of victories over the old party members and blind obedience to the dictator had become the main virtue of a party member. Thanks to his close acquaintance with the Yagoda family, he reached a prominent position and was appointed deputy head of the Operational Directorate of the NKVD, responsible for guarding the Kremlin. I have never seen such insolent eyes as Chertok had. They looked down on their inferiors with unspeakable contempt. Among the investigators, Chertok was known as a sadist; he was said to take every opportunity to humiliate a prisoner. For Chertok, the names of Zinoviev and Kamenev, Bukharin and Trotsky contained no magical power. He considered Kamenev an important person only because Stalin was interested in his case. In all other respects, Kamenev was for Chertok an ordinary defenseless prisoner, on whom he was free to exercise his power with his usual sadistic sophistication.
Черток форменным образом мучил Каменева.	Chertok tormented Kamenev in a formal way.
- Я весь содрогался, - рассказывал мне Миронов, - слыша, что происходит в соседнем кабинете, у Чертока. Он кричал на Каменева; "Да какой из вас большевик! Вы трус, сам Ленин это сказал! В дни Октября вы были штрейкбрехером! После революции метались от одной оппозиции к другой. Что полезного вы сделали для партии? Ничего! Когда настоящие большевики боролись в подполье, вы шлялись по заграничным кафе. Вы просто прихлебатель у партийной кассы, и больше никто!" Как-то поздним вечером я зашёл к Миронову узнать, что слышно нового. Когда я вошёл в его слабо освещённый кабинет, Миронов сделал мне знак помолчать и указал на приоткрытую дверь, ведущую в соседнее помещение. Оттуда как раз донёсся голос Чертока.	“I shuddered all over,” Mironov told me, “hearing what was happening in the next room, near Chertok. He shouted at Kamenev; “What a Bolshevik of you! You are a coward, Lenin himself said it! In the days of October you were a strikebreaker! After the revolution, you rushed from one opposition to another. What good did you do for the party? Nothing! foreign cafes. You are just a hanger-on at the party cash desk, and no one else!" One late evening I went to Mironov's to find out what was new. When I entered his dimly lit office, Mironov made me a sign to be silent and pointed to the ajar door leading to the next room. That's where Chertok's voice came from.
- Вы должны быть нам благодарны, - кричал Черток, - что вас держат в тюрьме! Если мы вас выпустим, первый встречный комсомолец ухлопает вас на месте! После убийства Кирова на комсомольских собраниях то и дело спрашивают: почему Зиновьев и Каменев до сих пор не расстреляны? Вы живёте своим прошлым и воображаете, что вы для нас всё ещё иконы. Но спросите любого	“You should be grateful to us,” shouted Chertok, “that you are being kept in prison!” If we let you out, the first Komsomol member you meet will slap you on the spot! After Kirov's assassination, Komsomol meetings keep asking: why haven't Zinoviev and Kamenev been shot yet? You live in your past and imagine that you are still icons to us. But ask any pioneer who Zinoviev and Kamenev are - and he will answer:

пионера, кто такие Зиновьев и Каменев - и он ответит: враги народа и убийцы Кирова! Вот так, по мнению Ягоды, и следовало "изматывать" Каменева и "обламывать ему рога". Хотя Черток был подчинён Миронову, тот не решался обуздать пыл своего подчинённого. Это было бы слишком опасно. Черток был мастером инсинуаций и интриганом. Как один из заместителей начальника охраны Кремля, он часто сопровождал Сталина, и если б он сказал ему хоть одно слово, что Миронов заступается за Каменева, песенка Миронова была бы спета.	enemies of the people and murderers of Kirov! This is how, in Yagoda's opinion, Kamenev should have been "exhausted" and his horns should have been broken off. Although Chertok was subordinate to Mironov, he did not dare to curb the ardor of his subordinate. It would be too dangerous. Chertok was a master of innuendo and an intriguer. As one of the deputy chiefs of the Kremlin guard, he often accompanied Stalin, and if he had said even one word to him that Mironov stood up for Kamenev, Mironov's song would have been sung.
Наглые разглагольствования Чертока, разумеется, не продвинули следствие ни на шаг.	Chertok's impudent rhetoric, of course, did not advance the investigation a single step.
Даже верхушка НКВД, знавшая коварство и безжалостность Сталина, была поражена той звериной ненавистью, какую он проявлял в отношении старых большевиков, особенно Каменева, Зиновьева и Смирнова. Его гнев не знал границ, когда он слышал, что тот или иной заключённый "держится твёрдо" и отказывается подписать требуемые показания. В такие минуты Сталин зеленел от злости и выкрикивал хриплым голосом, в котором прорезался неожиданно сильный грузинский акцент: "Скажите им, - это относилось к Зиновьеву и Каменеву, - что бы они ни делали, они не остановят ход истории. Единственное, что они могут сделать, - это умереть или спасти свою шкуру. Поработайте над ними, пока они не приползут к вам на брюхе с признаниями в зубах!" На одном из кремлёвских совещаний Миронов в присутствии Ягоды, Гая и Слуцкого докладывал Сталину о ходе следствия по делу Рейнгольда, Пикеля и Каменева. Миронов доложил, что Каменев оказывает упорное сопротивление; мало надежды, что удастся его сломить.	Even the leaders of the NKVD, who knew Stalin's cunning and ruthlessness, were struck by the bestial hatred he showed towards the old Bolsheviks, especially Kamenev, Zinoviev and Smirnov. His anger knew no bounds when he heard that this or that prisoner "holds his ground" and refuses to sign the required testimony. At such moments, Stalin turned green with anger and shouted in a hoarse voice, in which an unexpectedly strong Georgian accent cut through: “Tell them,” this referred to Zinoviev and Kamenev, “no matter what they do, they will not stop the course of history. The only thing they can to do is to die or save your own skin. Work on them until they crawl back to you on their belly with confessions in their mouths!" At one of the Kremlin meetings, Mironov, in the presence of Yagoda, Guy and Slutsky, reported to Stalin on the progress of the investigation in the case of Reingold, Pikel and Kamenev. Mironov reported that Kamenev was putting up stubborn resistance; there is little hope that he will be able to break it.
- Так вы думаете, Каменев не сознается? - спросил Сталин, хитро прищурившись.	"So you think Kamenev won't confess?" Stalin asked, narrowing his eyes cunningly.
- Не знаю, - ответил Миронов. - Он не поддаётся уговорам.	“I don’t know,” Mironov answered. - He's not coerced.
- Не знаете? - спросил Сталин с подчёркнутым удивлением, пристально глядя на Миронова. - А вы знаете, сколько весит наше государство, со всеми его заводами, машинами, армией, со всем вооружением и флотом? Миронов и все присутствующие с удивлением смотрели на Сталина, не понимая, куда он клонит.	- Do not know? - Stalin asked with accentuated surprise, looking intently at Mironov. - Do you know how much our state weighs, with all its factories, machines, army, with all weapons and navy? Mironov and all those present looked at Stalin with surprise, not understanding where he was driving.
- Подумайте и ответьте мне, - настаивал Сталин.	“Think and answer me,” Stalin insisted.
Миронов улыбнулся, полагая, что Сталин готовит какую-то шутку. Но Сталин, похоже, шутить не собирался. Он смотрел на Миронова вполне серьёзно.	Mironov smiled, believing that Stalin was preparing some kind of joke. But Stalin, it seems, was not going to joke. He looked at Mironov quite seriously.

- Я вас спрашиваю, сколько всё это весит, - настаивал он.	"I'm asking you how much it all weighs," he insisted.
Миронов смешался. Он ждал, по-прежнему надеясь, что Сталин сейчас обратит всё в шутку, но Сталин продолжал смотреть на него в упор, ожидая ответа. Миронов пожал плечами и, подобно школьнику на экзамене, сказал неуверенно: - Никто не может этого знать, Иосиф Виссарионович. Это из области астрономических величин.	Mironov was confused. He waited, still hoping that Stalin would now turn everything into a joke, but Stalin continued to stare at him, waiting for an answer. Mironov shrugged his shoulders and, like a schoolboy in an exam, said uncertainly: - No one can know this, Iosif Vissarionovich. This is from the realm of astronomical quantities.
- Ну а может один человек противостоять давлению такого астрономического веса? - строго спросил Сталин.	- Well, can one person withstand the pressure of such an astronomical weight? Stalin asked sternly.
- Нет, - ответил Миронов.	- No, - answered Mironov.
- Ну так и не говорите мне больше, что Каменев или кто-то другой из арестованных способен выдержать это давление. Не являйтесь ко мне с докладом, - заключил Сталин, - пока у вас в портфеле не будет признания Каменева! После этого Слуцкий доложил, как продвигается дело со Смирновым. Слуцкий тоже получил соответствующее внушение. Сталин в этот день был определённо не в духе.	- Well, don't tell me anymore that Kamenev or any of the other prisoners are capable of withstanding this pressure. Do not come to me with a report, - Stalin concluded, - until you have Kamenev's confession in your portfolio! After that, Slutsky reported on how things were progressing with Smirnov. Slutsky also received a corresponding suggestion. Stalin was definitely out of sorts that day.
Когда совещание уже близилось к концу, Сталин сделал знак Миронову подойти поближе.	When the meeting was already drawing to a close, Stalin made a sign to Mironov to come closer.
- Скажите ему (Каменеву), что если он откажется явиться на суд, мы, найдём ему подходящую замену - его собственного сына, который признается суду, что по заданию своего папаши готовил террористический акт против, руководителей партии… Скажите ему: мы имеем сообщение, что его сын вместе с Рейнгольдом выслеживал автомобили Ворошилова и Сталина на Можайском шоссе. Это сразу на него подействует…	- Tell him (Kamenev) that if he refuses to appear in court, we will find a suitable replacement for him - his own son, who confesses to the court that, on the instructions of his dad, he was preparing a terrorist act against the leaders of the party ... Tell him: we have the message that his son, together with Reingold, tracked down the cars of Voroshilov and Stalin on the Mozhaisk highway. It will immediately affect him…
Когда Каменев уже был в тисках инквизиции, Зиновьев лежал больным в своей одиночной камере. Допросы Зиновьева были отложены до его выздоровления. Желая наверстать упущенное, Ежов решил не пропускать Зиновьева через ту обработку, которой подвергался Каменев, а открыто потребовать от него, именем Политбюро, необходимых для дела "признаний".	When Kamenev was already in the grip of the Inquisition, Zinoviev lay ill in his solitary cell. Zinoviev's interrogations were postponed until he recovered. Wanting to make up for lost time, Yezhov decided not to let Zinoviev go through the treatment that Kamenev was subjected to, but openly demand from him, in the name of the Politburo, the "confessions" necessary for the cause.
При разговоре Ежова с Зиновьевым присутствовали Агранов, Молчанов и Миронов. Ежов попросил Миронова вести подробный протокол.	Agranov, Molchanov and Mironov were present during Yezhov's conversation with Zinoviev. Yezhov asked Mironov to keep a detailed protocol.
Поздней ночью Зиновьева ввели в кабинет Агранова, где должен был состояться разговор. Он выглядел совершенно больным и едва держался на ногах. Беседуя с ним, Ежов то и дело заглядывал в блокнот, где у него были записаны указания, полученные от	Late at night, Zinoviev was led into Agranov's office, where the conversation was to take place. He looked completely ill and could hardly stand on his feet. Talking with him, Yezhov kept looking into the notebook, where he had written down the instructions received from

Сталина. Разговор занял более двух часов.	Stalin. The conversation took over two hours.
На следующий день Ежов прочитал протокол и внёс в него несколько поправок. Затем он приказал Миронову сделать только одну машинописную копию и принести ему вместе с первоначальной записью: протокол требовалось доставить Сталину. Миронов позволил себе ослушаться Ежова и заказал ещё одну копию для Ягоды. Тот очень болезненно воспринимал вмешательство Ежова в дела НКВД и следил за каждым его шагом, надеясь его на чём-нибудь подловить и, дискредитировав в глазах Сталина, избавиться от его опеки.	The next day, Yezhov read the protocol and made several amendments to it. He then ordered Mironov to make only one typewritten copy and bring it to him along with the original note: the protocol was to be delivered to Stalin. Mironov allowed himself to disobey Yezhov and ordered another copy for Yagoda. He very painfully perceived Yezhov's interference in the affairs of the NKVD and followed his every step, hoping to catch him on something and, having discredited him in the eyes of Stalin, get rid of his guardianship.
С самого начала Ежов заявил Зиновьеву, что советская контрразведка перехватила какие-то документы германского генштаба, которые показывают, что Германия и Япония ближайшей весной готовят военное нападение на Советский Союз. В этой обстановке партия не может больше допускать ведения антисоветской пропаганды, которой занимается за границей Троцкий. Больше чем когда бы то ни было наша страна нуждается в мобилизации международного пролетариата на защиту "отечества трудящихся", От имени Политбюро Ежов объявил Зиновьеву, что он должен помочь партии "нанести по Троцкому и его банде сокрушительный удар, чтобы отогнать рабочих за границей от его контрреволюционной организации на пушечный выстрел".	From the very beginning, Yezhov told Zinoviev that Soviet counterintelligence had intercepted some documents from the German General Staff, which showed that Germany and Japan were preparing a military attack on the Soviet Union next spring. In this situation, the Party can no longer tolerate the anti-Soviet propaganda that Trotsky is doing abroad. More than ever, our country needs the mobilization of the international proletariat to defend the "fatherland of the working people." On behalf of the Politburo, Yezhov announced to Zinoviev that he must help the party "deal a crushing blow to Trotsky and his gang in order to drive the workers abroad from his counter-revolutionary organization to a cannon shot."
- Что вам от меня требуется? - осторожно спросил Зиновьев.	- What do you want from me? asked Zinoviev cautiously.
Ежов, не давая прямого ответа, заглянул в свою шпаргалку и начал перечислять зиновьевские грехи по отношению к руководству партии и упрекать его и Каменева в том, что они до сего времени полностью не разоружились.	Yezhov, without giving a direct answer, looked into his crib and began listing Zinoviev's sins against the leadership of the party and reproaching him and Kamenev for not completely disarming until now.
- Политбюро, - продолжал Ежов, - в последний раз требует от вас разоружиться до такой степени, чтобы для вас была исключена малейшая возможность когда-нибудь снова подняться против партии.	"The Politburo," continued Yezhov, "is demanding for the last time that you disarm to such an extent that the slightest possibility of ever again rising up against the Party is ruled out for you.
В конце концов Ежов сказал Зиновьеву, в чём суть этого требования, исходящего от Политбюро: он, Зиновьев, должен подтвердить на открытом судебном процессе показания других бывших оппозиционеров, что по уговору с Троцким он готовил убийство Сталина и других членов Политбюро.	In the end, Yezhov told Zinoviev what the essence of this demand coming from the Politburo was: he, Zinoviev, must confirm in an open trial the testimony of other former oppositionists that, by agreement with Trotsky, he was preparing the assassination of Stalin and other members of the Politburo.
Зиновьев с негодованием отверг такое требование. Тогда Ежов передал ему слова Сталина: "Если Зиновьев добровольно согласится предстать перед открытым судом и во всём сознается, ему будет	Zinoviev indignantly rejected such a demand. Then Yezhov gave him Stalin's words: "If Zinoviev voluntarily agrees to appear before an open court and confesses everything, his life will be saved. If he refuses, he

сохранена жизнь. Если же он откажется, его будет, судить военный трибунал - за закрытыми дверьми. В этом случае он и все участники оппозиции будут ликвидированы".	will be tried by a military tribunal - behind closed doors. In this case, he and all members of the opposition will be eliminated."
- Я вижу, - сказал Зиновьев, - настало время, когда Сталину понадобилась моя голова. Ладно, берите её! - Не рискуйте своей головой понапрасну, - заметил Ежов. - Вы должны понять обстановку: хотите вы или нет, партия доведет до сведения трудящихся масс в СССР и во всём мире показания остальных обвиняемых, что они готовили террористические акты против Сталина и других вождей по указаниям, исходившим от Троцкого и от вас.	- I see, - said Zinoviev, - the time has come when Stalin needed my head. Okay, take it! "Don't risk your head in vain," Yezhov remarked. - You must understand the situation: whether you like it or not, the Party will bring to the attention of the working masses in the USSR and all over the world the testimony of the other defendants that they were preparing terrorist acts against Stalin and other leaders on instructions coming from Trotsky and from you.
- Я вижу, что вы всё предусмотрели и не нуждаетесь в том, чтобы я клеветал на самого себя, - сказал Зиновьев. - Почему же тогда вы так настойчиво меня уговариваете? Не потому ли, что для большего успеха вашего суда важно, чтобы Зиновьев сам заклеймил себя как преступник? Как раз этого-то я никогда и не сделаю! Ежов возразил ему: - Вы ошибаетесь, если думаете, что мы не сможем обойтись без вашего признания. Если на то пошло, кто может помешать нам вставить всё, что требуется, в стенограмму судебного процесса и объявить в печати, что Григорий Евсеевич Зиновьев, разоблачённый на суде всеми прочими обвиняемыми, полностью сознался в своих преступлениях? - Значит, выдадите фальшивку за судебный протокол? - негодующе воскликнул Зиновьев.	“I see that you have foreseen everything and do not need me to slander myself,” said Zinoviev. "Then why are you so insistent on persuading me?" Is it not because it is important for the greater success of your trial that Zinoviev brand himself as a criminal? This is exactly what I will never do! Yezhov objected to him: - You are mistaken if you think that we cannot do without your confession. For that matter, who can prevent us from inserting everything that is required into the transcript of the trial and declaring in the press that Grigory Evseevich Zinoviev, exposed in court by all the other defendants, has fully confessed to his crimes? - So, you will give out a fake for a court protocol? exclaimed Zinoviev indignantly.
Ежов посоветовал Зиновьеву не горячиться и всё спокойно обдумать.	Yezhov advised Zinoviev not to get excited and think things over calmly.
- Если вам безразлична ваша собственная судьба, - продолжал он, - вы не можете оставаться равнодушным к судьбе тысяч оппозиционеров, которых вы завели в болото. Жизнь этих людей, как и ваша собственная, - в ваших руках.	“If you are indifferent to your own fate,” he continued, “you cannot remain indifferent to the fate of the thousands of oppositionists whom you have led into the swamp. The lives of these people, like your own, are in your hands.
- Вы уже не впервые накидываете мне петлю на шею, - сказал Зиновьев. - А теперь вы её ещё и затянули. Вы взяли курс на ликвидацию ленинской гвардии и вообще всех, кто боролся за революцию. За это вы ответите перед историей! Он остановился, чтобы перевести дыхание, и слабым голосом добавил: - Скажите Сталину, что я отказываюсь...	"It's not the first time you've thrown a noose around my neck," said Zinoviev. - And now you tightened it even more. You have set a course for the liquidation of the Leninist guards and, in general, of all those who fought for the revolution. For this you will answer before history! He stopped to catch his breath and added in a weak voice: "Tell Stalin that I refuse...
Чтобы нажать на Зиновьева и показать ему, что у НКВД есть против него достаточно показаний, Ежов распорядился устроить Зиновьеву очную ставку с несколькими обвиняемыми, давшими эти показания.	In order to put pressure on Zinoviev and show him that the NKVD had enough evidence against him, Yezhov ordered that Zinoviev be confronted with several defendants who had testified.

Первая из этих встреч, в которой участвовал бывший секретарь Зиновьева Пикель, кончилась полным провалом. Пикель потерял самообладание и никак не мог осмелиться в присутствии Зиновьева повторить те ложные обвинения, которые незадолго до того согласился подписать. Чтобы помочь ему, следователь вслух прочел письменные показания Пикеля и спросил, подтверждает ли он их. Но Пикель не смог выдавить из себя ни слова, он только кивал головой. Зиновьев, взывая к его совести, умолял его говорить только правду.	The first of these meetings, in which Zinoviev's former secretary Pikel participated, ended in complete failure. Pikel lost his self-control and could not dare to repeat in the presence of Zinoviev those false accusations which he had agreed to sign shortly before. To help him, the investigator read Pikel's affidavit aloud and asked if he corroborated it. But Pikel could not squeeze out a word, he only nodded his head. Zinoviev, appealing to his conscience, begged him to tell only the truth.
Опасаясь, что Пикель вообще откажется от своих показаний, следователь поспешил прервать очную ставку. После этого эпизода Ягода распорядился не устраивать впредь никаких свиданий Зиновьева или Каменева с другими арестованными. Ягода опасался, что Зиновьев и Каменев могут "испортить" этих людей, уже уступивших давлению НКВД.	Fearing that Pikel would renounce his testimony altogether, the investigator hurried to interrupt the confrontation. After this episode, Yagoda ordered that no further meetings of Zinoviev or Kamenev with other arrested persons be arranged. Yagoda feared that Zinoviev and Kamenev might "spoil" these people, who had already succumbed to the pressure of the NKVD.
Обжёгшись на Зиновьеве, Ежов попытался воздействовать на Каменева. Его разговор с Каменевым мало отличался от беседы с Зиновьевым. Правда, на этот раз Ежов попытался сыграть на привязанности Каменева к сыновьям, используя на все лады сталинскую угрозу: в случае необходимости "органы" не преминут заменить Каменева на процессе его сыном. Каменеву дали прочесть свежее показание Рейнгольда: тот признавался, что вместе с сыном Каменева выслеживал автомобили Сталина и Ворошилова возле Одинцово, на Можайском шоссе.	Having burned himself on Zinoviev, Yezhov tried to influence Kamenev. His conversation with Kamenev differed little from his conversation with Zinoviev. True, this time Yezhov tried to play on Kamenev's affection for his sons, using Stalin's threat in every way: if necessary, the "authorities" would not fail to replace Kamenev at the trial with his son. Kamenev was given a fresh testimony from Reingold to read: he confessed that, together with Kamenev's son, he had tracked down the cars of Stalin and Voroshilov near Odintsovo, on the Mozhaisk Highway.
Каменев был как громом поражён. Он поднялся со стула и крикнул в лицо Ежову, что тот - карьерист, пролезший в партию, могильщик революции... Задыхаясь от волнения, обессиленный, он рухнул на стул. Ежов тут же, со злобной гримасой на лице, вышел из кабинета, оставив Каменева наедине с Мироновым.	Kamenev was struck like a thunderbolt. He got up from his chair and shouted in Yezhov's face that he was a careerist who had slipped into the party, a gravedigger of the revolution ... Gasping with excitement, exhausted, he collapsed into a chair. Yezhov immediately left the office with an evil grimace on his face, leaving Kamenev alone with Mironov.
Каменев прижал руки к груди. Он с трудом переводил дыхание, но на предложение Миронова вызвать врача ответил отказом. "Вот, - сказал он, отдышавшись, - вы наблюдаете сейчас термидор в чистом виде. Французская революция преподала нам хороший урок, но мы не сумели воспользоваться им. Мы не знали, как уберечь нашу революцию от термидора. Именно в этом - наша главная ошибка, за которую история нас осудит" .	Kamenev pressed his hands to his chest. He could hardly catch his breath, but Mironov's proposal to call a doctor refused. “Here,” he said, catching his breath, “you are now observing Thermidor in its purest form. The French Revolution taught us a good lesson, but we failed to use it. We did not know how to save our revolution from Thermidor. This is our main mistake for which history will judge us."
Организаторы процесса, которым удалось припереть Зиновьева и Каменева к стене, сделали всё необходимое, чтобы не дать им покончить жизнь самоубийством. В одиночные камеры, где они	The organizers of the trial, who succeeded in pinning Zinoviev and Kamenev to the wall, did everything necessary to prevent them from committing suicide. In solitary confinement, where they were kept,

содержались, под видом арестованных оппозиционеров были подсажены агенты НКВД, неусыпно следившие за обоими и информировавшие руководителей следствия об их настроении и о каждом произнесённом ими слове.	under the guise of arrested oppositionists, NKVD agents were planted, vigilantly watching both and informing the leaders of the investigation about their mood and every word they uttered.
Чтобы их сильнее вымотать, Ягода распорядился включать в их камерах центральное отопление, хотя стояло лето и в камерах без того было нечем дышать. Время от времени подсаженные агенты вызывались якобы на допрос, а в действительности для того, чтобы доложить начальству результаты своих наблюдений, отдохнуть от невыносимой жары и подкрепиться. Едва переступив порог следовательского кабинета, они спешили сбросить мокрые от пота рубахи и набрасывались на приготовленные для них прохладительные напитки.	In order to exhaust them more, Yagoda ordered that the central heating be turned on in their cells, although it was summer and there was nothing to breathe in the cells without it. From time to time, planted agents were called in ostensibly for interrogation, but in reality in order to report to the authorities the results of their observations, to take a break from the unbearable heat and refresh themselves. As soon as they crossed the threshold of the investigator's office, they hurried to throw off their sweat-drenched shirts and pounced on the soft drinks prepared for them.
Один из этих агентов, человек малообразованный и простоватый на вид, позже охотно рассказывал, как он играл роль заключённого - сначала в камере Каменева, а затем - Зиновьева.	One of these agents, a man of little education and a rustic appearance, later willingly told how he played the role of a prisoner - first in Kamenev's cell, and then - Zinoviev.
- Чего они хотят от меня, - жаловался он, едва за ним захлопывалась дверь камеры. - Следователи говорят мне, что я троцкист, но я никогда не был в оппозиции! Я неграмотный рабочий и ничего не понимаю в политике. У меня остались дома жена и дети. Что со мной сделают? Что со мной будет? Зиновьев ничего не отвечал, продолжал рассказывать агент, и вообще за всё время не сказал ни слова. Только однажды я случайно заметил, как он по-волчьи, исподтишка косится на меня. А Каменев вёл себя иначе. Он мне сочувствовал, говорил, что НКВД не интересуется такими, как я, что меня продержат недолго и скоро выпустят. Каменев вообще человек компанейский. Он расспрашивал о моих детях, делился со мной сахаром и, когда я отказывался, он настаивал, чтобы я его всё же взял.	“What do they want from me,” he complained, as soon as the cell door slammed shut behind him. - The investigators tell me that I am a Trotskyist, but I have never been in opposition! I am an illiterate worker and understand nothing about politics. I have a wife and children at home. What will they do to me? What will happen to me? Zinoviev did not answer anything, the agent continued to tell, and in general did not say a word all the time. Only once I accidentally noticed how he was wolf-like, surreptitiously looking at me. But Kamenev behaved differently. He sympathized with me, saying that the NKVD was not interested in people like me, that they would not keep me for long and would soon release me. Kamenev is generally a sociable person. He asked about my children, shared sugar with me, and when I refused, he insisted that I still take it.
Зиновьев страдал астмой и мучился от жары. Вскоре его страдания усугубились: его начали изводить приступы колик в печени. Он катался по полу и умолял, чтобы пришёл Кушнер - врач, который мог бы сделать инъекцию и перевести его в тюремную больницу. Но Кушнер неизменно отвечал, что не имеет права сделать ни то, ни другое без специального разрешения Ягоды. Его функции ограничивались тем, что он выписывал Зиновьеву какое-то лекарство, от которого тому становилось ещё хуже. Было сделано всё, чтобы полностью измотать Зиновьева и довести его до такого состояния, когда бы он был готов на всё. Конечно, при этом Кушнер	Zinoviev suffered from asthma and suffered from the heat. Soon his suffering worsened: he began to suffer from attacks of colic in the liver. He rolled on the floor and begged for Kushner to come, a doctor who could give him an injection and transfer him to the prison hospital. But Kushner invariably replied that he had no right to do either without Yagoda's special permission. His functions were limited to the fact that he prescribed Zinoviev some kind of medicine, from which he became even worse. Everything was done to completely exhaust Zinoviev and bring him to a state where he would be ready for anything. Of course, at the same time, Kushner was obliged to ensure that Zinoviev, which is

был обязан следить, чтобы Зиновьев, чего доброго, не умер.	good, did not die.
Даже смерть не должна была избавить Зиновьева от той, ещё более горькой судьбы, какую уготовил ему Сталин.	Even death should not have saved Zinoviev from the even more bitter fate that Stalin had prepared for him.
Тем временем Миронов продолжал допрашивать Каменева. Он вслух, в его присутствии, анализировал положение дел и пытался убедить его, что у него нет иного выбора, кроме как принять условия Сталина и тем самым спасти себя и свою семью. Я совершенно уверен, что Миронов был искренен: подобно большинству руководителей НКВД, он поверил, что Сталин не посмеет расстрелять таких людей, как Зиновьев и Каменев, и был убеждён, что ему необходимо только публично опозорить бывших лидеров оппозиции.	Meanwhile, Mironov continued to interrogate Kamenev. He aloud, in his presence, analyzed the state of affairs and tried to convince him that he had no choice but to accept Stalin's conditions and thereby save himself and his family. I am quite sure that Mironov was sincere: like most of the leaders of the NKVD, he believed that Stalin would not dare to shoot people like Zinoviev and Kamenev, and was convinced that he only needed to publicly disgrace the former leaders of the opposition.
Однажды вечером, когда у Миронова в кабинете был Каменев, туда зашёл Ежов. Он ещё раз завёл мучительно длинный разговор с Каменевым, стараясь внушить ему, что как бы он ни сопротивлялся, отвертеться от суда ему не удастся и что только подчинение воле Политбюро может спасти его самого и его сына. Каменев молчал. Тогда Ежов снял телефонную трубку и в его присутствии приказал Молчанову доставить во внутреннюю тюрьму сына Каменева и готовить его к суду вместе с другими обвиняемыми по делу "троцкистско-зиновьевского террористического центра".	One evening, when Kamenev was in Mironov's office, Yezhov came in. Once again he started a painfully long conversation with Kamenev, trying to convince him that no matter how he resisted, he would not be able to get away from the court and that only submission to the will of the Politburo could save him and his son. Kamenev was silent. Then Yezhov picked up the phone and, in his presence, ordered Molchanov to deliver Kamenev's son to the inner prison and prepare him for trial along with other defendants in the case of the "Trotsky-Zinoviev terrorist center."

Всё это время Ягода внимательно следил за состоянием Зиновьева и Каменева, но не спускал также глаз с Ежова. Как я уже упоминал, Ягоду уязвило до глубины души то, что Сталин поручил Ежову контролировать подготовку судебного процесса. Он тщательно проанализировал протокол разговора Ежова с Зиновьевым и понял, что Ежов задумал обработать Зиновьева по всем правилам инквизиторского искусства, так что рано или поздно Зиновьев и Каменев придут к выводу о бесполезности сопротивления. Ягода не мог допустить, чтобы слава победителя досталась Ежову. В глазах Сталина он, Ягода, должен был оставаться незаменимым наркомом внутренних дел. Для этого ему лично надлежало принудить Зиновьева и Каменева к капитуляции и обеспечить успешную постановку самого грандиозного в истории судебного процесса.	All this time, Yagoda closely followed the state of Zinoviev and Kamenev, but also did not take his eyes off Yezhov. As I have already mentioned, Yagoda was hurt to the core by the fact that Stalin instructed Yezhov to supervise the preparation of the trial. He carefully analyzed the protocol of Yezhov's conversation with Zinoviev and realized that Yezhov planned to treat Zinoviev according to all the rules of inquisitorial art, so that sooner or later Zinoviev and Kamenev would come to the conclusion that resistance was useless. Yagoda could not allow the glory of the winner to go to Yezhov. In Stalin's eyes, he, Yagoda, was to remain an indispensable people's commissar of internal affairs. To do this, he personally had to force Zinoviev and Kamenev to surrender and ensure the successful staging of the most grandiose trial in history.
По существу на карту была поставлена вся карьера Ягоды. Он знал, что члены Политбюро ненавидят и боятся его. Это под их влиянием в 1931 году Сталин направил в "органы" члена ЦК Акулова, который должен был стать во главе ОГПУ. Правда, Ягоде вскоре удалось	Essentially, Yagoda's entire career was at stake. He knew that the members of the Politburo hated and feared him. It was under their influence that in 1931 Stalin sent a member of the Central Committee Akulov to the "bodies", who was to become the head of the OGPU. True,

добиться дискредитации Акулова и убедить Сталина убрать его из "органов". Но Ежов-то был действительно сталинским фаворитом и поэтому представлял несравненно большую опасность.	Yagoda soon managed to discredit Akulov and convince Stalin to remove him from the "organs". But Yezhov was really Stalin's favorite and therefore represented an incomparably greater danger.
Тщательно следя за подготовкой судебного процесса, Ягода приказал своим помощникам немедленно поставить его в известность, как только будут замечены хоть малейшие признаки колебаний Зиновьева и Каменева.	Carefully following the preparations for the trial, Yagoda ordered his assistants to inform him immediately as soon as even the slightest sign of Zinoviev and Kamenev's hesitation was noticed.
Такой момент наступил в июле 1936 года. Как-то после чрезвычайно бурного объяснения с Ежовым и Молчановым, растянувшегося на целую ночь, Зиновьев, уже вернувшись в камеру, попросил вызвать начальника тюрьмы и сказал тому, что просит доставить его к Молчанову снова. Там он стал настаивать, чтобы ему разрешили поговорить с Каменевым наедине. С такой просьбой он обращался к следствию впервые. По тону Зиновьева и по некоторым другим признакам в его поведении Молчанов сообразил, что Зиновьев намерен капитулировать и хочет обсудить своё решение с Каменевым.	That moment came in July 1936. Somehow, after an extremely stormy explanation with Yezhov and Molchanov, which stretched out for a whole night, Zinoviev, having already returned to the cell, asked to call the head of the prison and told him that he was asking to be delivered to Molchanov again. There he began to insist that he be allowed to speak with Kamenev in private. It was the first time he had made such a request to the investigation. From Zinoviev's tone and some other signs in his behavior, Molchanov realized that Zinoviev intended to capitulate and wanted to discuss his decision with Kamenev.
Дали знать Ягоде, который тут же распорядился привести Зиновьева в свой кабинет. Он сказал Зиновьеву, что его просьба предоставить свидание с Каменевым будет удовлетворена. На этот раз Ягода был слащав до приторности. Он обращался к заключённому, как в прежние времена, по имени-отчеству - Григорий Евсеевич - и выразил надежду, что, обсудив положение, оба обвиняемых придут к единственно разумному выводу: нельзя не подчиниться воле Политбюро. Пока Ягода беседовал с Зиновьевым, помощник начальника Оперативного управления НКВД занимался установкой микрофона в камере, где должна была состояться встреча Зиновьева и Каменева.	They let Yagoda know, who immediately ordered Zinoviev to be brought to his office. He told Zinoviev that his request for a meeting with Kamenev would be granted. This time Yagoda was sweet to the point of cloying. He addressed the prisoner, as in the old days, by name and patronymic - Grigory Evseevich - and expressed the hope that, after discussing the situation, both defendants would come to the only reasonable conclusion: one cannot disobey the will of the Politburo. While Yagoda was talking with Zinoviev, the assistant chief of the Operational Directorate of the NKVD was setting up a microphone in the cell where the meeting between Zinoviev and Kamenev was to take place.
Их разговор занял около часа. Руководство НКВД не было заинтересовано в ограничении времени их встречи. Располагая микрофоном, оно полагало, что, чем дольше они будут, беседовать, тем больше удастся разузнать об их действительных намерениях.	Their conversation took about an hour. The leadership of the NKVD was not interested in limiting the time of their meeting. Having a microphone, it believed that the longer they talked, the more it would be possible to find out about their real intentions.
Зиновьев высказал мнение, что необходимо явиться на суд, но при условии, что Сталин лично подтвердит обещания, которые от его имени давал Ежов. Несмотря на некоторые колебания и возражения, Каменев в конце концов согласился с ним, выдвинув условие для переговоров: Сталин должен подтвердить свои обещания в присутствии всех членов Политбюро.	Zinoviev expressed the opinion that it was necessary to appear in court, but on the condition that Stalin personally confirmed the promises that Yezhov made on his behalf. Despite some hesitation and objections, Kamenev finally agreed with him, putting forward a condition for negotiations: Stalin must confirm his promises in the presence of all members of the Politburo.

После такого разговора "наедине" Зиновьев и Каменев были доставлены в кабинет Ягоды. Каменев объявил, что они согласны дать на суде показания, но при условии, что Сталин подтвердит им свои обещания в присутствии Политбюро в полном составе.	After such a conversation "in private" Zinoviev and Kamenev were taken to Yagoda's office. Kamenev announced that they agreed to testify at the trial, but on the condition that Stalin would confirm his promises to them in the presence of the Politburo in full force.
Сталин воспринял известие о капитуляции Зиновьева и Каменева с нескрываемой радостью. Пока Ягода, Мол чанов и Миронов подробно докладывали ему, как это произошло, он, не скрывая удовлетворения, самодовольно поглаживал усы. Выслушав доклад, он встал со стула и, возбуждённо потирая руки, выразил своё одобрение: "Браво, друзья! Хорошо сработано!" На следующий день, поздно вечером, проходя мимо здания НКВД, я натолкнулся на Миронова, стоявшего возле подъезда №1, предназначенного для Ягоды и его ближайших помощников. "Я тут жду Ягоду, - сказал Миронов. - Он сейчас в Кремле, но должен появиться с минуты на минуту. Мы с Молчановым только что оттуда, возили к Сталину Зиновьева и Каменева. Ох, что там было! Загляни ко мне через часок".	Stalin received the news of the surrender of Zinoviev and Kamenev with undisguised joy. While Yagoda, Molchanov, and Mironov were reporting to him in detail how this had happened, he, without hiding his satisfaction, smugly stroked his moustache. After listening to the report, he got up from his chair and, rubbing his hands excitedly, expressed his approval: "Bravo, friends! Well done!" The next day, late in the evening, passing by the building of the NKVD, I ran into Mironov, who was standing near entrance No. 1, intended for Yagoda and his closest assistants. "I'm waiting for Yagoda here," Mironov said. "He's in the Kremlin now, but he should appear any minute. Molchanov and I have just taken Zinoviev and Kamenev to Stalin. Oh, what was there! Look at me in an hour." .
Когда я вошёл к нему в кабинет, он ликующе объявил: "Никакого расстрела не будет! Сегодня это окончательно выяснилось!" Поскольку Миронов рассказал мне об очень важных вещах, я постараюсь передать всё, что услышал от него, как можно более точно.	When I entered his office, he jubilantly announced: "There will be no execution! Today it finally became clear!" Since Mironov told me about very important things, I will try to convey everything that I heard from him as accurately as possible.
"Сегодня, отбыв в Кремль, - рассказывал Миронов, - Ягода велел, чтобы Молчанов и я не отлучались из своих кабинетов и были готовы доставить в Кремль Зиновьева и Каменева для разговора со Сталиным. Как только Ягода позвонил оттуда, мы забрали их и поехали.	“Today, having left for the Kremlin,” Mironov said, “Yagoda ordered that Molchanov and I should not leave our offices and be ready to deliver Zinoviev and Kamenev to the Kremlin for a talk with Stalin. As soon as Yagoda called from there, we picked them up and drove off.
Ягода встретил нас в приёмной и проводил в кабинет Сталина. Из членов Политбюро, кроме Сталина, там был только Ворошилов. Он сидел справа от Сталина. Слева сидел Ежов, Зиновьев и Каменев вошли молча и остановились посередине кабинета. Они ни с кем не поздоровались. Сталин показал рукой на ряд стульев. Мы все сели - я рядом с Каменевым, а Молчанов - с Зиновьевым.	Yagoda met us in the reception room and escorted us to Stalin's office. Of the members of the Politburo, besides Stalin, only Voroshilov was there. He sat to the right of Stalin. Yezhov sat to the left, Zinoviev and Kamenev entered in silence and stopped in the middle of the office. They didn't greet anyone. Stalin pointed to a row of chairs. We all sat down - I next to Kamenev, and Molchanov - with Zinoviev.
- Ну, что скажете? - спросил Сталин, внезапно посмотрев на Зиновьева и Каменева, Те обменялись взглядами.	- Well, what do you say? Stalin asked, suddenly looking at Zinoviev and Kamenev. They exchanged glances.
- Нам сказали, что наше дело будет рассматриваться на заседании Политбюро, - сказал Каменев.	"We were told that our case would be considered at a meeting of the Politburo," said Kamenev.
- Перед вами как раз комиссия Политбюро, уполномоченная выслушать всё, что вы скажете, - ответил Сталин. Каменев пожал	- Before you is just a commission of the Politburo, authorized to listen to everything you say, - Stalin replied. Kamenev shrugged his shoulders

плечами и окинул Зиновьева вопросительным взглядом. Зиновьев встал и заговорил.	and cast an inquiring glance at Zinoviev. Zinoviev got up and spoke.
Он начал с того, что за последние несколько лет ему и Каменеву давалось немало обещаний, из которых ни одно не выполнено, и спрашивал, как же после всего этого они могут полагаться на новые обещания. Ведь, когда после смерти Кирова их заставили признать, что они несут моральную ответственность за это убийство, Ягода передал им личное обещание Сталина, что это - последняя их жертва. Тем не менее, теперь против них готовится позорнейшее судилище, которое покроет грязью не только их, но и всю партию.	He began by saying that in the past few years he and Kamenev had been given many promises, of which not a single one had been kept, and asked how, after all this, they could rely on new promises. After all, when, after Kirov's death, they were forced to admit that they were morally responsible for this murder, Yagoda conveyed to them Stalin's personal promise that this was their last victim. Nevertheless, now a most shameful trial is being prepared against them, which will cover with mud not only them, but the whole party.
Зиновьев взывал к благоразумию Сталина, заклиная его отменить судебный процесс и доказывая, что он бросит на Советский Союз пятно небывалого позора. "Подумайте только, - умолял Зиновьев со слезами в голосе, - вы хотите изобразить членов ленинского Политбюро и личных друзей Ленина беспринципными бандитами, а нашу большевистскую партию, партию пролетарской революции, представить змеиным гнездом интриг, предательства и убийств... Если бы Владимир Ильич был жив, если б он видел всё это! - воскликнул Зиновьев и разразился рыданиями.	Zinoviev appealed to the prudence of Stalin, imploring him to cancel the trial and arguing that he would cast a stain of unprecedented shame on the Soviet Union. “Just think,” Zinoviev pleaded with tears in his voice, “you want to portray the members of the Leninist Politburo and personal friends of Lenin as unprincipled bandits, and present our Bolshevik Party, the party of the proletarian revolution, as a snake nest of intrigues, betrayal and murder ... If only Vladimir Ilyich he would be alive if he saw all this!” exclaimed Zinoviev, and burst into sobs.
Ему налили воды. Сталин выждал, пока Зиновьев успокоится, и негромко сказал: "Теперь поздно плакать. О чём вы думали, когда вступали на путь борьбы с ЦК? ЦК не раз предупреждал вас, что ваша фракционная борьба кончится плачевно. Вы не послушали, - а она действительно кончилась плачевно. Даже теперь вам говорят: подчинитесь воле партии - и вам и всем тем, кого вы завели в болото, будет сохранена жизнь. Но вы опять не хотите слушать. Так что вам останется благодарить только самих себя, если дело закончится ещё более плачевно, так скверно, что хуже не бывает".	He was poured water. Stalin waited until Zinoviev calmed down and said quietly: “Now it’s too late to cry. What were you thinking when you embarked on the path of fighting the Central Committee? ended badly. Even now you are told: obey the will of the party - and you and all those whom you have led into the swamp will be saved life. But again you do not want to listen. So you will only have to thank yourself if the matter ends even more deplorably so bad it can't get any worse."
- А где гарантия, что вы нас не расстреляете? - наивно спросил Каменев.	- And where is the guarantee that you will not shoot us? Kamenev asked naively.
- Гарантия? - переспросил Сталин. - Какая, собственно, тут может быть гарантия? Это просто смешно! Может быть, вы хотите официального соглашения, заверенного Лигой Наций? - Сталин иронически усмехнулся. - Зиновьев и Каменев, очевидно, забывают, что они не на базаре, где идёт торг насчёт украденной лошади, а на Политбюро коммунистической партии большевиков. Если заверения, данные Политбюро, для них недостаточны, - тогда, товарищи, я не знаю, есть ли смысл продолжать с ними разговор.	- Guarantee? Stalin asked. - What, actually, here can be a guarantee? This is ridiculous! Perhaps you want a formal agreement certified by the League of Nations? Stalin chuckled ironically. - Zinoviev and Kamenev apparently forget that they are not in the bazaar, where there is a bargain about the stolen horse, but in the Politburo of the Bolshevik Communist Party. If the assurances given by the Politburo are not enough for them, then, comrades, I don't know if there is any point in continuing the conversation with them.

- Каменев и Зиновьев ведут себя так, - вмешался Ворошилов, - словно они имеют право диктовать Политбюро свои условия. Это возмутительно! Если у них осталась хоть капля здравого смысла, они должны стать на колени перед товарищем Сталиным за то, что он сохраняет им жизнь. Если они не желают спасать свою шкуру, пусть подыхают. Чёрт с ними! Сталин поднялся со стула и, заложив руки за спину, начал прохаживаться по кабинету.	- Kamenev and Zinoviev behave so - intervened Voroshilov - as if they have the right to dictate their conditions to the Politburo. It's outrageous! If they have even a shred of common sense left, they should kneel before Comrade Stalin for keeping them alive. If they don't want to save their own skin, let them die. To hell with them! Stalin got up from his chair and, with his hands behind his back, began to walk around the office.
- Было время, - заговорил он, - когда Каменев и Зиновьев отличались ясностью мышления и способностью подходить к вопросам диалектически. Сейчас они рассуждают, как обыватели. Да, товарищи, как самые отсталые обыватели. Они себе внушили, что мы организуем судебный процесс специально для того, чтобы их расстрелять. Это просто неумно! Как будто мы не можем расстрелять их без всякого суда, если сочтём нужным. Они забывают три вещи: первое - судебный процесс направлен не против них, а против Троцкого, заклятого врага нашей партии; второе - если мы их не расстреляли, когда они активно боролись против ЦК, то почему мы должны расстрелять их после того, как они помогут ЦК в его борьбе против Троцкого? третье - товарищи также забывают (Миронов особо подчеркнул то обстоятельство, что Сталин назвал Зиновьева и Каменева товарищами), что мы, большевики, являемся учениками и последователями Ленина и что мы не хотим проливать кровь старых партийцев, какие бы тяжкие грехи по отношению к партии за ними ни числились.	“There was a time,” he began, “when Kamenev and Zinoviev were distinguished by clarity of thought and the ability to approach questions dialectically. Now they talk like ordinary people. Yes, comrades, like the most backward inhabitants. They convinced themselves that we were organizing a trial specifically to shoot them. It's just stupid! Like we can't shoot them without any trial if we see fit. They forget three things: first, the lawsuit is directed not against them, but against Trotsky, the sworn enemy of our party; secondly, if we did not shoot them when they actively fought against the Central Committee, then why should we shoot them after they help the Central Committee in its struggle against Trotsky? thirdly, the comrades also forget (Mironov emphasized the fact that Stalin called Zinoviev and Kamenev comrades) that we Bolsheviks are the disciples and followers of Lenin and that we do not want to shed the blood of old party members, no matter how grave sins in relation to the party for they were not listed.
Последние слова, добавил Миронов, были произнесены Сталиным с глубоким чувством и прозвучали искренне и убедительно.	The last words, Mironov added, were spoken by Stalin with deep feeling and sounded sincere and convincing.
"Зиновьев и Каменев, - продолжал Миронов свой рассказ, - обменялись многозначительными взглядами. Затем Каменев встал и от имени их обоих заявил, что они согласны предстать перед судом, если им обещают, что никого из старых большевиков не ждёт расстрел, что их семьи не будут подвергаться преследованиям и что впредь за прошлое участие в оппозиции не будут выноситься смертные приговоры. - Это само собой понятно, - отозвался Сталин.	“Zinoviev and Kamenev,” Mironov continued his story, “exchanged meaningful glances. Then Kamenev got up and, on behalf of both of them, declared that they agreed to stand trial if they were promised that none of the old Bolsheviks would be shot, that their families would not will be subjected to persecution and that henceforth no death sentences will be passed for past participation in the opposition.” “That goes without saying,” Stalin replied.
Физические страдания Зиновьева и Каменева закончились. Их немедленно перевели в большие и прохладные камеры, дали возможность пользоваться душем, выдали чистое бельё, разрешили книги (но, однако же, не газеты). Врач, выделенный специально для Зиновьева, всерьёз принялся за его лечение. Ягода распорядился	The physical suffering of Zinoviev and Kamenev ended. They were immediately transferred to large and cool cells, they were given the opportunity to use the shower, they were given clean linen, they were allowed books (but, however, no newspapers). The doctor assigned specifically for Zinoviev seriously set about his treatment. Yagoda ordered

перевести обоих на полноценную диету и вообще сделать всё возможное, чтобы они на суде выглядели не слишком изнурёнными. Тюремные охранники получили указание обращаться с обоими вежливо и предупредительно. Суровая тюрьма обернулась для Зиновьева и Каменева чем-то вроде санатория.	both to be transferred to a full-fledged diet and, in general, to do everything possible so that they did not look too exhausted in court. The prison guards were instructed to treat both of them with courtesy and consideration. The harsh prison turned out to be something like a sanatorium for Zinoviev and Kamenev.
После того как они побывали в Кремле, Ежов потребовал, чтобы они собственноручно написали конспиративные указания своим приспешникам, пометив их задним числом: прокурору на суде понадобятся вещественные доказательства существования заговора. Но Зиновьев и Каменев категорически отказались изготавливать эти вещественные доказательства, в которых так нуждались сталинские фальсификаторы. Они заявили, что ограничатся исполнением тех обязательств, какие приняли на себя в Кремле.	After they visited the Kremlin, Yezhov demanded that they write secret instructions to their henchmen in their own hand, marking them with hindsight: the prosecutor at the trial would need material evidence of the existence of a conspiracy. But Zinoviev and Kamenev categorically refused to produce this material evidence, which the Stalinist falsifiers so badly needed. They declared that they would limit themselves to the fulfillment of the obligations that they had assumed in the Kremlin.
Между тем не только обвиняемые, но и Ягода и его помощники с облегчением восприняли слова Сталина, из которых можно было понять, что никто из старых большевиков не будет расстрелян. В начале подготовки процесса руководство НКВД не могло себе представить, что Сталин способен физически уничтожить ближайших соратников Ленина. Все думали, что его единственная цель - разбить их в политическом смысле и принудить к ложным показаниям, направленным против Троцкого. Однако по мере того как шло следствие, появились серьёзные сомнения насчёт истинных намерений Сталина.	Meanwhile, not only the defendants, but also Yagoda and his assistants were relieved to hear Stalin's words, from which one could understand that none of the old Bolsheviks would be shot. At the beginning of the preparations for the process, the leadership of the NKVD could not imagine that Stalin was capable of physically destroying Lenin's closest associates. Everyone thought that his only goal was to crush them politically and force them into false testimony against Trotsky. However, as the investigation progressed, serious doubts arose about Stalin's true intentions.
Когда руководители НКВД видели, с какой злобой Сталин воспринимает доклады о том, что те или иные старые партийцы отказываются капитулировать, с какой нескрываемой ненавистью он говорит о Зиновьеве, Каменеве и Смирнове, - напрашивался вывод, что про себя Сталин уже решил уничтожить старую ленинскую гвардию. Хотя верхушка НКВД связала свою судьбу со Сталиным и его политикой, имена Зиновьева, Каменева, Смирнова и в особенности Троцкого по-прежнему обладали для них магической силой. Одно дело было угрожать старым большевикам по приказу Сталина смертной казнью, зная, что это всего лишь угроза, и не более; но совсем другое дело - реально опасаться того, что Сталин, движимый неутолимой жаждой мести, действительно убьёт бывших партийных вождей.	When the leaders of the NKVD saw with what malice Stalin perceives reports that certain old party members refuse to capitulate, with what undisguised hatred he speaks of Zinoviev, Kamenev and Smirnov, the conclusion was that Stalin himself had already decided to destroy the old Leninist guard . Although the leadership of the NKVD cast their lot in with Stalin and his policies, the names of Zinoviev, Kamenev, Smirnov, and especially Trotsky, still held magical power for them. It was one thing to threaten the old Bolsheviks on Stalin's orders with the death penalty, knowing that it was only a threat and nothing more; but it is quite another thing to really fear that Stalin, driven by an insatiable thirst for revenge, will actually kill the former party leaders.
Обещание Сталина сохранить им жизнь положило этим опасениям конец.	Stalin's promise to spare their lives put an end to these fears.

ТЕР-ВАГАНЯН: Я БОЛЬШЕ НЕ ХОЧУ БЫТЬ ЧЛЕНОМ ПАРТИИ…	TER-VAGANYAN: I DON'T WANT TO BE A PARTY MEMBER ANY MORE…
Мы познакомились с разными категориями сталинских следователей: с садистами вроде Чертока, с беспринципными карьеристами типа Молчанова и Слуцкого, с людьми, страдавшими от болезненной раздвоенности, вроде Миронова и Бермана, которые во имя партии заглушили в себе голос совести, но всё же скрепя сердце выполняли преступные распоряжения Сталина.	We got to know different categories of Stalinist investigators: sadists like Chertok, unprincipled careerists like Molchanov and Slutsky, people who suffered from painful splitting, like Mironov and Berman, who, in the name of the Party, drowned out the voice of conscience in themselves, but still reluctantly carried out Stalin's criminal orders.
Следователи НКВД имели немалую власть над арестованными. Но в таких делах, в которых был заинтересован лично генсек, их власть оказывалась сильно урезанной: они лишались права хоть а малейшей мере сомневаться в вине подследственных.	The NKVD investigators had considerable power over the arrested. But in such cases, in which the Secretary General was personally interested, their power turned out to be greatly curtailed: they were deprived of the right to even the slightest doubt about the guilt of the defendants.
Даже те следователи, кто испытывал сочувствие к ближайшим сподвижникам Ленина, не имели возможности хоть чем-нибудь им помочь. Всё, что было связано с предстоящим судом, решалось помимо следственных органов и лишь потом должно было подтверждаться "признаниями" подследственных. Жертвы предстоящего суда отбирал Сталин; обвинения придумывались тоже им; он же диктовал условия, которые ставились подследственным; и, наконец, приговор суда предопределялся тоже Сталиным.	Even those investigators who felt sympathy for Lenin's closest associates did not have the opportunity to help them in any way. Everything that was connected with the upcoming trial was decided apart from the investigating authorities and only then had to be confirmed by the "confessions" of those under investigation. The victims of the upcoming trial were selected by Stalin; the accusations were invented by him too; he also dictated the conditions that were set for those under investigation; and, finally, the verdict of the court was also predetermined by Stalin.
Ярким примером искренней симпатии следователя к своему подследственному могли служить отношения, сложившиеся у заместителя начальника Иностранного управления НКВД Бермана с обвиняемым Тер-Ваганяном.	A vivid example of the investigator's sincere sympathy for his person under investigation could be the relationship that developed between Berman, deputy head of the Foreign Directorate of the NKVD, and the accused Ter-Vaganyan.
Тер-Ваганян был моим старинным другом. Я познакомился с ним ещё весной 1917 года в Московском юнкерском училище, куда мы, лишённые права стать армейскими офицерами при царском режиме, были приняты после Февральской революции. Тер-Ваганян, уже тогда имевший солидный стаж пребывания в большевистской партии, распространял среди юнкеров коммунистические идеи. Впрочем, главное внимание он уделял пропагандистской работе на московских заводах и среди солдат московского гарнизона, из которых он надеялся создать со временем боевые отряды для будущего восстания. Тер-Ваганян не был выдающимся оратором, но он покорял рабочую и солдатскую аудиторию фанатичной верой в успех своего партийного дела и искренностью. Перед его личным обаянием трудно было устоять. Его смуглое красивое лицо дышало добротой и	Ter-Vaganyan was my old friend. I met him back in the spring of 1917 at the Moscow cadet school, where we, deprived of the right to become army officers under the tsarist regime, were accepted after the February Revolution. Ter-Vaganyan, who already then had a solid experience of being in the Bolshevik Party, spread communist ideas among the junkers. However, he paid the main attention to propaganda work in Moscow factories and among the soldiers of the Moscow garrison, from which he hoped to create combat detachments for a future uprising. Ter-Vaganyan was not an outstanding orator, but he conquered the audience of workers and soldiers with a fanatical belief in the success of his party cause and sincerity. It was hard to resist his personal charm. His swarthy handsome face breathed kindness and sincerity, a pleasant low voice sounded confident and sincere.

искренностью, приятный низкий голос звучал убеждённо и задушевно.	
Когда подошло время выпуска из училища, Тер-Ваганян постарался провалиться на выпускных экзаменах. Дело в том, что провалившихся направляли в качестве вольноопределяющихся в 55-й и 56-й полки, квартировавшие в Петровских бараках, в центре Москвы. Тер-Ваганян был послан в один из этих полков и в течение двух месяцев сумел сделать их сплошь большевистскими. После Октября он повёл их на штурм Кремля, где засели юнкера, оставшиеся верными Временному правительству.	When the time came for graduation from the school, Ter-Vaganyan tried to fail at the final exams. The fact is that those who failed were sent as volunteers to the 55th and 56th regiments, quartered in Petrovsky barracks, in the center of Moscow. Ter-Vaganyan was sent to one of these regiments and within two months managed to make them completely Bolshevik. After October, he led them to storm the Kremlin, where the junkers settled, remaining loyal to the Provisional Government.
Когда большевики захватили власть, Тер-Ваганян был назначен заведующим военным отделом Московского комитета партии. В дальнейшем он принимал активное участие в гражданской войне. Когда революция докатилась до Закавказья, Тер-Ваганян стал вожаком армянских коммунистов и под его руководством в Армении была установлена советская власть.	When the Bolsheviks seized power, Ter-Vaganyan was appointed head of the military department of the Moscow Party Committee. Later he took an active part in the civil war. When the revolution reached the Transcaucasus, Ter-Vaganyan became the leader of the Armenian communists and Soviet power was established in Armenia under his leadership.
Меньше всего Тер-Ваганяна интересовала его собственная карьера. Он был несравненно больше увлечён идеологическими вопросами большевизма и марксистской философией. Когда советский режим в Закавказье окончательно утвердился, Тер-Ваганян с головой ушёл в науку и написал несколько книг по проблемам марксизма. Он основал главный теоретический журнал большевистской партии - "Под знаменем марксизма" - и сделался его первым редактором. Когда появилась левая оппозиция, Тер-Ваганян примкнул к Троцкому. За это он был в дальнейшем исключён из партии, а в 1933 году отправлен в сибирскую ссылку.	Least of all Ter-Vaganyan was interested in his own career. He was incomparably more fascinated by the ideological questions of Bolshevism and Marxist philosophy. When the Soviet regime in Transcaucasia was finally established, Ter-Vaganyan plunged headlong into science and wrote several books on the problems of Marxism. He founded the main theoretical journal of the Bolshevik Party - "Under the Banner of Marxism" - and became its first editor. When the left opposition appeared, Ter-Vaganyan joined Trotsky. For this, he was subsequently expelled from the party, and in 1933 he was sent to Siberian exile.
Когда Сталин начал готовить первый из московских процессов, в его памяти всплыло имя Тер-Ваганяна, и он решил использовать его в качестве одного из троих представителей Троцкого в призрачном "троцкистско-зиновьевском террористическом центре". Тер-Ваганян был доставлен в Москву, и его обработка поручена Берману.	When Stalin began to prepare the first of the Moscow trials, the name of Ter-Vaganyan surfaced in his memory, and he decided to use him as one of Trotsky's three representatives in the ghostly "Trotskyist-Zinovievist terrorist center." Ter-Vaganyan was brought to Moscow, and Berman was entrusted with his processing.
Услышав об этом, я заговорил с Берманом о Тер-Ваганяне и попросил его не обращаться с моим другом слишком жёстко.	When I heard about this, I spoke to Berman about Ter-Vaganyan and asked him not to treat my friend too harshly.
Он очень понравился Берману. Больше всего его поражала исключительная порядочность Тер-Ваганяна. Чем больше Берман узнавал его, тем большим уважением и симпатией к нему проникался. Постепенно, в необычной атмосфере официального расследования "преступлений" Тер-Ваганяна, крепла дружба следователя сталинской	Berman liked him very much. Most of all he was struck by the exceptional decency of Ter-Vaganian. The more Berman got to know him, the more respect and sympathy he was imbued with. Gradually, in the unusual atmosphere of the official investigation of Ter-Vaganyan's "crimes", the friendship between the investigator of the Stalinist

инквизиции и его жертвы.	inquisition and his victim grew stronger.
Разумеется, при всей своей симпатии к Тер-Ваганяну, Берман не мог быть откровенен с ним. Внешне он соблюдал декорум и старался вести допрос, используя партийную фразеологию сталинского толка. Вместе с тем он не пытался внушить Тер-Ваганяну сознание вины и не применял к нему те инквизиторские приёмы, которые должны были вызвать у него ощущение обречённости.	Of course, for all his sympathy for Ter-Vaganyan, Berman could not be frank with him. Outwardly, he respected the decorum and tried to conduct an interrogation using party phraseology of the Stalinist persuasion. At the same time, he did not try to instill in Ter-Vaganyan a sense of guilt and did not apply to him those inquisitorial methods that should have made him feel doomed.
Не вдаваясь в детали, в чём "органы" усматривают вину Тер-Ваганяна, Берман объяснил ему, что Политбюро считает необходимым подкрепить его признанием те показания, которые уже получены от других арестованных и направлены против Зиновьева, Каменева и Троцкого, поскольку он, Тер-Ваганян, тоже признан участником заговора. При этом Берман предоставлял ему самому, исходя из этих предпосылок, избрать свою линию поведения на следствии и на суде.	Without going into details of what the "authorities" see as Ter-Vaganyan's fault, Berman explained to him that the Politburo considers it necessary to back up with his confession those testimonies that had already been received from other arrested persons and directed against Zinoviev, Kamenev and Trotsky, since he, Ter-Vaganyan, Vaganyan, is also recognized as a participant in the conspiracy. At the same time, Berman left it to him, on the basis of these premises, to choose his own line of conduct during the investigation and at trial.
Вот некоторые из его бесед с Тер-Ваганяном, в которые он меня в своё время посвятил.	Here are some of his conversations with Ter-Vaganyan, in which he initiated me in his time.
Отказываясь давать показания, Тер-Ваганян говорил Берману: "Я был бы искренне рад выполнить желание ЦК, но таких ложных признаний подписать не смогу. Поверьте, гибели я не страшусь. Я неоднократна рисковал жизнью и в дни Октябрьской революции на баррикадах, и в гражданскую войну. Кто из нас думал тогда о спасении собственной жизни! Но, подписывая показания, которые вы требуете, я должен быть, по крайней мере, убеждён, что они действительно отвечают интересам партии и революции. Я же всей душой чувствую: такие показания только опозорят нашу революцию и дискредитируют в глазах всего мира самую сущность большевизма". Берман возразил, что ЦК лучше знать, в чём действительно нуждаются в настоящее время партия и революция. ЦК лучше осведомлён, чем Тер-Ваганян, оторванный от политической деятельности в течение длительного времени. Кроме того, каждый большевик должен доверять решениям высшего органа партии.	Refusing to testify, Ter-Vaganyan told Berman: “I would be sincerely glad to fulfill the desire of the Central Committee, but I cannot sign such false confessions. Believe me, I am not afraid of death. war. Which of us then thought about saving our own lives! But, signing the testimony that you demand, I must at least be convinced that it really meets the interests of the party and the revolution. I feel with all my heart that such testimony will only dishonor our revolution and discredit the very essence of Bolshevism in the eyes of the whole world." Berman objected that the Central Committee knew better what the party and the revolution really needed at the present time. The Central Committee is better informed than Ter-Vaganyan, cut off from political activity for a long time. In addition, every Bolshevik must trust the decisions of the highest body of the party.
- Дражайший Берман, - возражал Тер-Ваганян, - вы утверждаете, что я не должен раздумывать, а обязан слепо подчиниться ЦК. Но уж так я устроен, что не могу перестать мыслить. И вот я прихожу к выводу, что утверждение, будто старые большевики превратились в банду убийц, нанесёт неисчислимый вред не только нашей стране и партии, но и делу социализма во всём мире. Могу поклясться: я не	“My dearest Berman,” objected Ter-Vaganyan, “you say that I should not hesitate, but must blindly submit to the Central Committee. But I'm so arranged that I can't stop thinking. And so I come to the conclusion that the assertion that the old Bolsheviks have turned into a gang of murderers will do incalculable harm not only to our country and the party, but also to the cause of socialism throughout the world. I can

понимаю чудовищного плана Политбюро и удивляюсь, как он укладывается у вас в голове. Может быть, я сошел с ума. Но в таком случае, какой смысл требовать показаний от больного, ненормального человека? Не лучше ли посадить его в сумасшедший дом? - Ну и что вы ему ответили на это? - спросил я Бермана.	swear: I do not understand the monstrous plan of the Politburo and I am surprised how it fits in your head. Maybe I've gone crazy. But in that case, what is the point of demanding evidence from a sick, abnormal person? Wouldn't it be better to put him in a madhouse? - Well, what did you answer him? I asked Berman.
- Я сказал ему, - с иронической усмешкой ответил он, - что его доводы свидетельствуют лишь об одном: значит, корни оппозиции так глубоко проникли в его сознание, что он полностью потерял представление о партийной дисциплине.	"I told him," he replied with an ironic grin, "that his arguments testify to only one thing: it means that the roots of the opposition have penetrated so deeply into his consciousness that he has completely lost the idea of \u200b\u200bparty discipline.
Тер-Ваганян возразил ему на это, что ещё Ленин говорил: из четырёх заповедей партийца самая главная - согласие с программой партии. "Если теперь, - заключил подследственный, - новая программа ЦК считает необходимым дискредитировать большевизм и его основателей, то я не согласен с такой программой и не могу больше считать себя связанным партийной дисциплиной. А кроме того, я ведь уже исключён из партии и поэтому вообще не считаю себя обязанным подчиняться партийной дисциплине".	Ter-Vaganyan objected to this, that even Lenin said: of the four commandments of a party member, the most important is agreement with the party program. "If now," the defendant concluded, "the new program of the Central Committee considers it necessary to discredit Bolshevism and its founders, then I do not agree with such a program and can no longer consider myself bound by party discipline. And besides, I have already been expelled from the party and therefore generally I do not consider myself obliged to submit to Party discipline."
Однажды вечером Берман зашёл ко мне в кабинет и предложил пойти в клуб НКВД, где Иностранное управление устраивает бал-маскарад. С тех пор как Сталин объявил: "Жить стало лучше, товарищи! Жить стало веселее!" - советская правящая элита отказалась от практики тайных вечеринок с выпивкой, танцами и игрой в карты, а начала устраивать подобные развлечения открыто, без всякого стеснения. Руководство НКВД восприняло указание вождя насчёт "сладкой жизни" с особым энтузиазмом. Роскошное помещение клуба НКВД превратилось в некое подобие офицерского клуба какого-либо из дореволюционных привилегированных гвардейских полков. Начальники управлений НКВД стремились превзойти друг друга в устройстве пышных балов. Первые два таких бала, устроенные Особым отделом и Управлением погранвойск, прошли с большим успехом и вызвали сенсацию среди сотрудников НКВД. Советские дамы из новой аристократии устремились к портнихам заказывать вечерние туалеты. Теперь они с нетерпением ожидали каждого следующего бала.	One evening, Berman came into my office and offered to go to the NKVD club, where the Foreign Directorate was holding a masquerade ball. Since Stalin announced: "Life has become better, comrades! Life has become more fun!" - The Soviet ruling elite abandoned the practice of secret parties with drinking, dancing and playing cards, and began to arrange such entertainment openly, without any hesitation. The leadership of the NKVD took the leader's instructions about the "sweet life" with particular enthusiasm. The luxurious premises of the NKVD club turned into a kind of officer's club of one of the pre-revolutionary privileged guards regiments. The heads of the departments of the NKVD sought to outdo each other in arranging magnificent balls. The first two such balls, hosted by the Special Department and the Directorate of Border Troops, were a great success and caused a sensation among the NKVD. Soviet ladies from the new aristocracy rushed to dressmakers to order evening dresses. Now they looked forward to each next ball.
Начальник Иностранного управления Слуцкий решил продемонстрировать "неотёсанным москвичам" настоящий бал-маскарад по западному образцу. Он задался целью перещеголять самые дорогие ночные клубы европейских столиц, где сам он во	The head of the Foreign Department, Slutsky, decided to show the "uncouth Muscovites" a real masquerade ball according to the Western model. He set out to outdo the most expensive nightclubs in European capitals, where he himself left a lot of dollars during his trips abroad.

время своих поездок за границу оставил уйму долларов.	
Когда мы с Берманом вошли, представшее нам зрелище, действительно, оказалось необычным для Москвы. Роскошный зал клуба был погружён в полумрак. Большой вращающийся шар, подвешенный к потолку и состоявший из множества зеркальных призм, разбрасывал по залу массу зайчиков, создавая иллюзию падающего снега. Мужчины в мундирах и смокингах и дамы в длинных вечерних платьях или опереточных костюмах кружились в танце под звуки джаза. На многих женщинах были маски и чрезвычайно живописные костюмы, взятые Слуцким напрокат из гардеробной Большого театра. Столы ломились от шампанского, ликёров и водки. Громкие возгласы и неистовый хохот порой заглушали звуки музыки. Какой-то полковник погранвойск кричал в пьяном экстазе: "Вот это жизнь, ребята! Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!" Заметив нас с Берманом, устроитель бала воскликнул: "Пусть они выскажутся! Это два европейца. Скажите откровенно, - продолжал он, обращаясь к нам, - видели вы что-нибудь подобное в Париже или в Берлине? Я переплюнул все их Монмартры и Курфюрстендамы!" Нам пришлось подтвердить, что бал, устроенный Иностранным управлением, превосходит всё, что нам доводилось видеть в Европе. Слуцкий просиял и принялся наливать нам шампанское. Миронов, сидевший за тем же столом, воскликнул: "Что и говорить, ты был бы неплохим содержателем какого-нибудь перворазрядного парижского борделя!" В самом деле, это амплуа подошло бы Слуцкому гораздо больше, чем должность начальника советской разведки, не говоря уж о должности секретаря парткома НКВД, которую он занимал по совместительству последние три года, В зале стояла страшная духота, и мы быстро покинули этот бал. Прямо напротив клуба возвышалось огромное мрачное здание НКВД, облицованное снизу чёрным гранитом. За этой гранитной облицовкой томились в одиночных камерах ближайшие друзья и соратники Ленина, превращённые теперь в сталинских заложников.	When Berman and I entered, the sight presented to us, indeed, turned out to be unusual for Moscow. The luxurious hall of the club was immersed in twilight. A large rotating ball, suspended from the ceiling and consisting of many mirror prisms, scattered a mass of bunnies around the hall, creating the illusion of falling snow. Men in uniforms and tuxedos and ladies in long evening gowns or operetta costumes danced to the sound of jazz. Many of the women were wearing masks and extremely picturesque costumes that Slutsky had rented from the dressing room of the Bolshoi Theatre. The tables were full of champagne, liqueurs and vodka. Loud exclamations and violent laughter sometimes drowned out the sounds of music. Some colonel of the border troops shouted in drunken ecstasy: "This is life, guys! Thanks to Comrade Stalin for our happy childhood!" Noticing Berman and me, the organizer of the ball exclaimed: “Let them speak! These are two Europeans. Tell us frankly,” he continued, turning to us, “have you seen anything like this in Paris or Berlin? I surpassed all their Montmartres and Kurfürstendamms! " We had to confirm that the ball given by the Foreign Office is superior to anything we have ever seen in Europe. Slutsky beamed and began to pour us champagne. Mironov, who was sitting at the same table, exclaimed: "What can I say, you would be a good owner of some first-rate Parisian brothel!" In fact, this role would suit Slutsky much more than the post of head of Soviet intelligence, not to mention the post of secretary of the NKVD party committee, which he held part-time for the last three years. There was a terrible stuffiness in the hall, and we quickly left this ball. Directly opposite the club stood a huge gloomy building of the NKVD, lined with black granite from below. Behind this granite lining, Lenin's closest friends and associates languished in solitary confinement, now turned into Stalin's hostages.
Мы с Берманом долго бродили по тёмным московским улицам. Я подумал о Тер-Ваганяне, и как бы в ответ на мои мысли Берман вдруг сказал: "У меня из головы не выходит Тер-Ваганян. Что за человек, какой светлый ум! Жаль, что он связался с оппозицией и попал в эти жернова. Ему и вправду жизнь не дорога. Его действительно занимает только судьба революции и вопрос, имеет ли он как большевик моральное право подписать показания, которые от него требуются, -	Berman and I wandered the dark Moscow streets for a long time. I thought about Ter-Vaganyan, and as if in response to my thoughts, Berman suddenly said: “Ter-Vaganyan cannot get out of my head. What a man, what a bright mind! It’s a pity that he contacted the opposition and got into these millstones "He really does not value life. He is really only interested in the fate of the revolution and the question of whether he, as a Bolshevik, has the moral right to sign the testimony that is required of

Берман вздохнул. - Из тех, кого мы сейчас встретили в клубе, никто не сделал для революции и одного процента того, что сделал Тер-Ваганян. Я часто жалею, что взялся за его дело. А с другой стороны - хорошо, что он не достался такой сволочи, как Черток". С минуту помолчав, Берман уже не таким унылым тоном произнёс: "Если б ты только слышал, как он обращается ко мне: дра-а-ажайший Бе-е-ерман!" Из сказанного я сделал вывод, что Берман применяет к Тер-Ваганяну особую тактику. Он действительно не знал, что лучше для его подследственного - подписать требуемые показания или отказаться от этого. И потому он не оказывал на него ни малейшего нажима. Пока Зиновьев и Каменев держались, Берман склонен был думать, что Тер-Ваганян прав, не желая подписывать явную ложь. Но когда Берман узнал, что Сталин искренне обещал Зиновьеву и Каменеву не расстреливать старых большевиков и что тот и другой дали согласие выступить на суде со своими "признаниями" - он пришёл к выводу, что и для его подследственного лучше последовать их примеру. Он начал настойчиво убеждать Тер-Ваганяна подписать требуемые показания и выступить с ними на суде. Тер-Ваганян, за время следствия привыкший ему доверять, сознавал, что изменившееся поведение Бермана - это не инквизиторский приём. К тому же опасения Тер-Ваганяна скомпрометировать партию и дело революции потеряло смысл с тех пор, как Зиновьев и Каменев - куда более видные партийные деятели - согласились подтвердить на суде сталинскую клевету. Тер-Ваганян капитулировал. Когда он подписал своё "признание". Берман произнёс: - Так-то лучше!.. Всякое сопротивление было бесполезно. Самое главное - сохранить в себе мужество. Пройдёт несколько лет, и я, надеюсь, ещё увижу вас на ответственной работе в партии! - Дражайший Берман, - ответил Тер-Ваганян, - кажется, вы меня совсем не поняли. Я не имею ни малейшего желания возвращаться к ответственной работе. Если моя партия, ради которой я жил и за которую готов был отдать жизнь в любой момент, заставила меня подписать это, - тогда я больше не хочу быть членом партии. Я завидую сегодня самому последнему беспартийному.	him," Berman sighed. "Of those whom we just met in the club, no one did for the revolution and one percent of what Ter-Vaganyan did. I often regret that I took on his case. On the other hand, it's good that he didn't get such a bastard as Chertok. " After a minute of silence, Berman said in a less despondent tone: "If you could only hear how he addresses me: dra-a-dreadful Be-e-erman!" From the foregoing, I concluded that Berman is using a special tactic against Ter-Vaganyan. He really did not know what was better for his defendant - to sign the required testimony or refuse to do so. And so he did not put the slightest pressure on him. As long as Zinoviev and Kamenev held out, Berman was inclined to think that Ter-Vaganyan was right in not wanting to sign a blatant lie. But when Berman learned that Stalin had sincerely promised Zinoviev and Kamenev not to shoot the old Bolsheviks, and that both had agreed to come forward with their "confessions" in court, he came to the conclusion that it would be better for his defendant to follow their example. He began persistently persuading Ter-Vaganyan to sign the required testimony and present it at the trial. Ter-Vaganyan, who during the investigation got used to trusting him, realized that Berman's changed behavior was not an inquisitorial trick. In addition, Ter-Vaganian's fears of compromising the party and the cause of the revolution lost their meaning since Zinoviev and Kamenev - much more prominent party leaders - agreed to confirm Stalin's slander in court. Ter-Vaganyan capitulated. When he signed his "confession". Berman said: - That's better!.. Any resistance was useless. The most important thing is to keep your courage. A few years will pass, and I hope to see you again in responsible work in the party! - Dearest Berman, - answered Ter-Vaganyan, - it seems you did not understand me at all. I have no desire to return to responsible work. If my party, for which I lived and for which I was ready to give my life at any moment, forced me to sign this, then I no longer want to be a member of the party. Today I envy the very last non-partisan.
Незадолго до суда прокурор Вышинский начал принимать от НКВД дела вместе с самими обвиняемыми. Процедура "передачи" выглядела так: обвиняемых доставляли в кабинет Молчанова или Агранова, где Вышинский в присутствии руководителей НКВД задавал им один и тот же вопрос: подтверждают ли они показания, подписанные ими на	Shortly before the trial, prosecutor Vyshinsky began to receive cases from the NKVD along with the accused themselves. The procedure for "handing over" looked like this: the accused were taken to the office of Molchanov or Agranov, where Vyshinsky, in the presence of the leaders of the NKVD, asked them the same question: do they confirm the

следствии. После этой формальности, занимавшей не более десяти минут, обвиняемых возвращали в тюрьму, где они оставались в распоряжении тех же самых следователей НКВД, которые их допрашивали.	testimony they signed during the investigation. After this formality, which took no more than ten minutes, the accused were returned to prison, where they remained at the disposal of the same NKVD investigators who had interrogated them.
"Передача" Вышинскому Тер-Ваганяна не обошлась без характерного инцидента. Обвиняемого ввели в кабинет Агранова, где, кроме хозяина кабинета, находились Вышинский, Молчанов и Берман. В ответ на стандартный вопрос Вышинского Тер-Ваганян, презрительно глядя на него, сказал: "Собственно говоря, я имею законное право отвести вас как прокурора. Во время гражданской войны я вас арестовывал за настоящую контрреволюцию!" Вышинский побледнел и не нашёлся, что ответить. Довольный произведённым впечатлением, Тер-Ваганян обвёл глазами всех присутствующих и снисходительно добавил: "Ну, да ладно! Не бойтесь, я этого не сделаю." Ягоде и всей верхушке НКВД выходка Тер-Ваганяна доставила немалое удовольствие. Хотя Вышинский всегда подхалимничал перед руководством НКВД, к нему здесь относились с явной снисходительностью.	The "transfer" of Ter-Vaganyan to Vyshinsky was not without a characteristic incident. The accused was taken into Agranov's office, where, in addition to the owner of the office, were Vyshinsky, Molchanov and Berman. In response to Vyshinsky's standard question, Ter-Vaganyan, looking at him contemptuously, said: "As a matter of fact, I have the legal right to take you away as a prosecutor. During the civil war, I arrested you for real counter-revolution!" Vyshinsky turned pale and could not find anything to answer. Satisfied with the impression he had made, Ter-Vaganyan looked around at everyone present and condescendingly added: "Well, all right! Don't be afraid, I won't do it." Yagoda and the entire top of the NKVD took great pleasure in Ter-Vaganyan's antics. Although Vyshinsky always flattered the leadership of the NKVD, he was treated here with obvious condescension.
ЕЖОВ МСТИТ АННЕ АРКУС Среди арестованных по делу "троцкистско-зиновьевского террористического центра" оказалась некая Анна Аркус. Это была привлекательная и интеллигентная молодая женщина, когда-то побывавшая замужем за членом правления Госбанка Григорием Аркусом. Когда супруги развелись, с Анной остался их единственный ребёнок - двухлетняя девочка. Григорий Аркус вскоре женился вторично на знаменитой балерине Ильюшенко из Большого театра. Анна, в свою очередь, вышла замуж за видного сотрудника НКВД Бобрищева - начальника политотдела Московской дивизии войск НКВД. Как жена чекиста она была знакома со многими людьми из руководства "органов" и, в частности, очень подружилась с семьёй Слуцкого, старого приятеля Бобрищева. Хоть это замужество Анны Аркус тоже оказалось непродолжительным, тем не менее она сохранила добрые отношения со своими знакомыми из НКВД. Первый муж щедро помогал деньгами и ей, и своей маленькой дочери.	EZHOV REVENGES ANNA ARKUS Among those arrested in the case of the "Trotskyist-Zinoviev terrorist center" was a certain Anna Arkus. She was an attractive and intelligent young woman who had once been married to Grigory Arkus, a member of the board of the State Bank. When the couple divorced, their only child, a two-year-old girl, remained with Anna. Grigory Arkus soon remarried the famous ballerina Ilyushenko from the Bolshoi Theater. Anna, in turn, married a prominent member of the NKVD, Bobrischev, the head of the political department of the Moscow division of the NKVD troops. As the wife of a Chekist, she knew many people from the leadership of the "organs" and, in particular, became very friendly with the family of Slutsky, an old friend of Bobrischev. Although this marriage of Anna Arkus also turned out to be short-lived, nevertheless she maintained good relations with her acquaintances from the NKVD. The first husband generously helped both her and his little daughter with money.
Летом 1936 года приятели Анны Аркус с удивлением узнали, что Ягода, подписывая ордера на арест ряда старых большевиков, приказал арестовать и её. Сотрудники НКВД не могли себе представить, каким образом арест этой женщины, не имеющей ничего общего ни с партией, ни с политикой, связан с судом над	In the summer of 1936, Anna Arkus's friends were surprised to learn that Yagoda, signing warrants for the arrest of a number of old Bolsheviks, ordered her to be arrested as well. The NKVD officers could not imagine how the arrest of this woman, who had nothing to do with either the party or politics, was connected with the trial of Lenin's old

старыми товарищами Ленина.	comrades.
Анну Аркус арестовали в подмосковном доме отдыха для высших служащих Госбанка. Она проводила там лето вместе с дочерью, которой исполнилось уже пять лет. Не чувствуя за собой никакой вины и к тому же не имея особых причин трепетать перед "органами", где у неё было много друзей, Анна Аркус скорее удивилась тому, что с ней произошло, чем испугалась. Полагая, что это недоразумение и, как только всё выяснится, её освободят, она оставила девочку на попечении жены одного из руководителей Госбанка, находившейся в том же доме отдыха.	Anna Arkus was arrested in a rest house near Moscow for senior employees of the State Bank. She spent the summer there with her daughter, who was already five years old. Feeling no guilt behind herself and, moreover, having no particular reason to tremble before the "organs", where she had many friends, Anna Arkus was more surprised by what happened to her than frightened. Believing that this was a misunderstanding and that as soon as everything was cleared up, she would be released, she left the girl in the care of the wife of one of the leaders of the State Bank, who was in the same rest home.
Услышав об аресте Анны Аркус, Слуцкий тут же отправился к Молчанову, в чьих руках была сконцентрирована подготовка судебного процесса. Молчанов сообщил ему, что это имя включил в чёрный список лично Ежов. Туда же он внёс и мужа Анны, Григория Аркуса. Тот возглавлял отделение зарубежных операций Госбанка, и Слуцкому пришло в голову, что Ежов, вероятно, намерен обвинить его в снабжении Троцкого зарубежной валютой. В таком случае Анна Аркус арестована, вернее всего, лишь для того, чтобы оказать давление на своего бывшего мужа.	Hearing about the arrest of Anna Arkus, Slutsky immediately went to Molchanov, in whose hands the preparation of the trial was concentrated. Molchanov told him that Yezhov personally blacklisted this name. He also brought in Anna's husband, Grigory Arkus. He headed the Foreign Operations Department of the State Bank, and it occurred to Slutsky that Yezhov probably intended to accuse him of supplying Trotsky with foreign currency. In this case, Anna Arkus is arrested, most likely, only in order to put pressure on her ex-husband.
Дело Анны Аркус было поручено С., довольно видному сотруднику НКВД. Единственное обвинение, касавшееся её, представляло собой отрывок из показаний Рейнгольда. Тот утверждал, что он и ещё два члена "московского террористического центра", Пикель и Григорий Аркус, на протяжении 1933-1934 годов проводили тайные совещания в квартире Анны.	The case of Anna Arkus was entrusted to S., a fairly prominent member of the NKVD. The only accusation that concerned her was an excerpt from Reingold's testimony. He claimed that he and two other members of the "Moscow terrorist center", Pikel and Grigory Arkus, held secret meetings in Anna's apartment during 1933-1934.
Следователь С., прекрасно понимавший, зачем Сталину этот процесс и какими методами НКВД получает показания, воспринял признание Рейнгольда с недоверием. Тем не менее, он считал себя обязанным начать следствие по всем правилам. На первом же допросе он потребовал от Анны Аркус, чтобы она назвала фамилии всех посещавших её квартиру начиная с 1933 года. Но когда Анна заметила, что он собирается записывать, она прервалась и спросила, прилично ли, если в протоколе допроса окажется такой перечень - ведь среди её гостей фигурировало несколько весьма известных лиц - руководителей НКВД и даже членов ЦК! Для примера она назвала Слуцкого с женой, одного видного прокурора и так далее.	Investigator S., who perfectly understood why Stalin needed this process and by what methods the NKVD obtained evidence, took Reingold's confession with distrust. Nevertheless, he considered himself obliged to start an investigation in accordance with all the rules. At the very first interrogation, he demanded from Anna Arkus that she give the names of all those who visited her apartment since 1933. But when Anna noticed that he was going to write down, she interrupted and asked if it was decent if such a list appeared in the protocol of interrogation - after all, several very famous people appeared among her guests - the leaders of the NKVD and even members of the Central Committee! For example, she named Slutsky and his wife, one prominent prosecutor, and so on.
Все её знакомые, как на подбор, оказывались либо видными партийцами, либо крупными членами Совнаркома, и Анна Аркус не	All her acquaintances, as if by choice, turned out to be either prominent party members or major members of the Council of People's

понимала, каким образом эти знакомства могут ей повредить. Впрочем, ей вспомнился случай, когда некая значительная персона назвала одного из её знакомых "двурушником", - однако скорее всего из ревности. Дело было так. Как-то вечером к ней зашли Николай Ежов из ЦК с дипломатом Богомоловым, а у неё в гостях был приятель по фамилии Пятигорский, бывший советский торгпред в Иране. В дальнейшем, уже уходя, Ежов спросил, как это Анна может принимать у себя дома таких "двурушников", как Пятигорский. Она обиделась. "Если Пятигорский двурушник, - сказала она Ежову, - то зачем же вы держите его в партии, а правительство доверяет ему такие ответственные должности?" Ежов разозлился и обозвал её глупой мещанкой. Анна вышла из себя. "Все мои друзья - порядочные люди! - заявила она. - А вот ваш закадычный друг Конар оказался польским шпионом!" Она имела в виду крупного польского шпиона по фамилии Полещук, которого польская разведка снабдила в 1920 году партбилетом погибшего в бою красноармейца и забросила в СССР. За двенадцать лет "Конару" удалось добраться до самого верха советской бюрократической иерархии и стать заместителем наркома сельского хозяйства. "Конар" и Ежов были близкими друзьями, и не было тайной, что именно Ежов помог ему занять столь высокий пост. Разоблачили Полещука совершенно случайно: коммунист, знавший настоящего Конара, сообщил в ОГПУ, что заместитель наркома, выдающий себя за Конара, на самом деле вовсе не Конар.	Commissars, and Anna Arkus did not understand how these acquaintances could harm her. However, she remembered the case when a certain significant person called one of her acquaintances a "double-dealer" - but most likely out of jealousy. Here is how it was. One evening, Nikolai Yezhov from the Central Committee came to see her with the diplomat Bogomolov, and she had a friend named Pyatigorsky, a former Soviet trade representative in Iran, visiting her. In the future, already leaving, Yezhov asked how Anna could receive such "double-dealers" as Pyatigorsky at her home. She was offended. "If Pyatigorsk is a double-dealer," she said to Yezhov, "then why do you keep him in the party, while the government entrusts him with such responsible positions?" Yezhov got angry and called her a stupid petty bourgeois. Anna went berserk. "All my friends are decent people!" she declared. "But your bosom friend Konar turned out to be a Polish spy!" She had in mind a major Polish spy named Poleshchuk, whom Polish intelligence supplied in 1920 with the membership card of a Red Army soldier who died in battle and abandoned in the USSR. For twelve years, "Konar" managed to get to the very top of the Soviet bureaucratic hierarchy and become deputy people's commissar of agriculture. "Konar" and Yezhov were close friends, and it was no secret that it was Yezhov who helped him to take such a high post. Poleshchuk was exposed quite by accident: a communist who knew the real Konar told the OGPU that the deputy people's commissar, posing as Konar, was in fact not Konar at all.
Анна Аркус заявила следователю, что после этой стычки с Ежовым она больше никогда не приглашала его в гости и не отвечала на его настойчивые телефонные звонки.	Anna Arkus told the investigator that after this skirmish with Yezhov, she never again invited him to visit and did not answer his persistent phone calls.
Она не знала, что Сталин поручил Ежову надзор за подготовкой суда над старыми большевиками и, следовательно, её судьба оказалась всецело в руках Ежова. Зато это очень хорошо осознал следователь. Он теперь прекрасно понял, почему Ежов включил Анну Аркус в список старых большевиков, к которым она не имела никакого отношения.	She did not know that Stalin had entrusted Yezhov with the supervision of preparing the trial of the old Bolsheviks and, consequently, her fate was entirely in the hands of Yezhov. But the investigator understood this very well. He now understood perfectly why Yezhov included Anna Arkus in the list of old Bolsheviks with whom she had nothing to do.
С. решил провести беспристрастное расследование и обратиться к руководству с предложением освободить Анну Аркус из-под стражи. По совету одного из друзей он собирался скрыть от Молчанова всё, что узнал от Анны об её отношениях с Ежовым.	S. decided to conduct an impartial investigation and apply to the leadership with a proposal to release Anna Arkus from custody. On the advice of one of his friends, he was going to hide from Molchanov everything that he had learned from Anna about her relationship with Yezhov.
Анна Аркус узнала от С., что, по свидетельству Рейнгольда, он и	Anna Arkus learned from S. that, according to Reingold, he and other

другие "члены террористического центра" в 1933 - 1934 годах тайно встречались у неё в квартире. Она отказывалась верить, что Рейнгольд действительно говорил такую чушь. Действительно, Рейнгольд со своим другом Пикелем несколько лет назад изредка заглядывали к ней сыграть в покер, однако последний раз это было в 1931 году, и, если ей устроят очную ставку с Рейнгольдом, тот наверняка подтвердит, что она показывает правду. Когда следователь заметил, что не может разделить её оптимизм, Анна Аркус возразила, что верит в порядочность Рейнгольда до такой степени, что, если Рейигольд в её присутствии подтвердит показание, она не станет его оспаривать.	"members of the terrorist center" secretly met in her apartment in 1933-1934. She refused to believe that Reinhold was really talking such nonsense. Indeed, Reingold and his friend Pikel occasionally dropped in to play poker with her a few years ago, but the last time was in 1931, and if she was confronted with Reingold, he would certainly confirm that she was showing the truth. When the investigator noticed that he could not share her optimism, Anna Arkus objected that she believed in Reingold's decency to such an extent that if Reigold confirmed the testimony in her presence, she would not dispute it.
Следователи НКВД, которые хорошо знали друг друга, в разговорах между собой называли вещи своими именами. Но в остальных случаях, особенно когда собеседники не были равны по чину, они говорили о предстоящем процессе так, словно искренне верили в существование заговора против Сталина. Следователь С. решил придерживаться этой тактики в разговоре с Чертоком, который вёл дело Рейнгольда. Репутация Чертока читателю уже известна; его качества не составляли тайны и для С. Итак, он позвонил Чертоку и сообщил ему, что подследственная Анна Аркус категорически отрицает показание Рейнгольда, будто он посещал её в 1933 году, и требует с ним очной ставки. С. просил Чертока допросить Рейнгольда по этому пункту ещё раз и, если тот будет настаивать, устроить очную ставку между ним и Анной Аркус.	The NKVD investigators, who knew each other well, called things by their proper names in conversations among themselves. But in other cases, especially when the interlocutors were not equal in rank, they talked about the upcoming trial as if they sincerely believed in the existence of a conspiracy against Stalin. Investigator S. decided to follow this tactic in a conversation with Chertok, who was in charge of the Reingold case. Chertok's reputation is already known to the reader; his qualities were no secret to S. So, he called Chertok and told him that Anna Arkus, who was under investigation, categorically denied Reingold's testimony that he visited her in 1933, and demanded a confrontation with him. S. asked Chertok to interrogate Reingold on this point again and, if he insisted, arrange a confrontation between him and Anna Arkus.
Конечно, существовала опасность, что Рейнгольд, продавший душу Ежову и ревностно помогавший НКВД, не моргнув глазом повторит свои ложные показания. Но следователь С. использовал оставшееся в его распоряжении время для того, чтобы создать вокруг её дела благоприятное "общественное мнение" в среде влиятельных сотрудников НКВД. С этой целью он начал приглашать на допросы Анны Аркус своих друзей; среди них был Берман, к которому нередко прислушивался Молчанов, и ещё один сотрудник, близкий друг Агранова.	Of course, there was a danger that Reingold, who sold his soul to Yezhov and zealously helped the NKVD, would repeat his false testimony without batting an eyelid. But investigator S. used the time remaining at his disposal in order to create a favorable "public opinion" around her case among influential NKVD officers. To this end, he began to invite his friends to interrogate Anna Arkus; among them was Berman, to whom Molchanov often listened, and another employee, a close friend of Agranov.
Было совершенно очевидно, что Анна Аркус не сознаёт серьёзности своего положения. Она не делала попыток заискивать перед следователями и однажды, когда Борис Берман в разговоре с ней нелестно отозвался о Григории Аркусе, назвав его "бабником", Анна резко осадила его: "А вы и ваше начальство - разве не бабники? Вы думаете, в Москве не знают, за кем вы увиваетесь?" Между тем время	It was quite obvious that Anna Arkus did not realize the seriousness of her situation. She made no attempt to curry favor with the investigators, and one day, when Boris Berman, in a conversation with her, spoke unflatteringly about Grigory Arkus, calling him a "womanizer", Anna sharply rebuked him: "And you and your superiors - aren't you womanizers? Do you think in Moscow don't know who you're after?"

шло, а Черток всё оттягивал её очную ставку с Рейнгольдом. Это был верный признак, что он натолкнулся на какую-то трудность. Наконец, он был вынужден признать, что Рейнгольд отказывается подтвердить свои, давние показания в отношении Анны Аркус. Итак, единственное свидетельство, на котором держалось её обвинение, отпало. С. дал понять Чертоку, что, в таком случае тому надлежало бы переписать протокол допроса Рейнгольда, исключив из него строчки, относящиеся к Анне Аркус. Но Черток ответил, что об этом не может быть и речи, потому что показания Рейнгольда уже доложены Сталину и утверждены им. Быть может, для того чтобы оправдать себя в глазах С., Черток добавил: "Вы должны принять во внимание, что это - политическое дело!" Не слишком рассчитывая на успех, С. предпринял, тем не менее, дальнейшие шаги, чтобы спасти Анну Аркус от ежовской мести. Он написал официальное заключение, предлагая в нём прекратить дело Анны Аркус за отсутствием состава преступления. С этой бумагой он пошёл к Молчанову. Прочитав написанное, Молчанов спросил у С., известно ли ему, что Анна Аркус арестована по инициативе Ежова. С. ответил утвердительно. "А вы не хотите доложить это дело Ежову лично?" - спросил Молчанов. С. выразил такую готовность.	Meanwhile, time passed, and Chertok kept putting off her confrontation with Reinhold. It was a sure sign that he had run into some kind of difficulty. Finally, he was forced to admit that Reingold was refusing to corroborate his longstanding testimony regarding Anna Arkus. So, the only evidence that supported her accusation fell away. S. made it clear to Chertok that, in this case, he would have to rewrite the protocol of the interrogation of Reingold, excluding from it the lines relating to Anna Arkus. But Chertok replied that this was out of the question, because Reingold's testimony had already been reported to Stalin and approved by him. Perhaps, in order to justify himself in the eyes of S., Chertok added: "You must take into account that this is a political matter!" Not counting too much on success, S. nevertheless took further steps to save Anna Arkus from Yezhov's revenge. He wrote an official conclusion, suggesting in it that the case of Anna Arkus be dismissed for lack of corpus delicti. With this paper, he went to Molchanov. After reading what he had written, Molchanov asked S. if he knew that Anna Arkus had been arrested on Yezhov's initiative. S. answered in the affirmative. "Don't you want to report this matter to Yezhov personally?" - asked Molchanov. S. expressed such readiness.
На следующий же день его без объяснения причин отстранили от следствия поэтому делу. Ему было приказано передать дело Анны Аркус Борису Берману. Стало ясно, что Молчанов не рискнул поставить перед Ежовым вопрос об её освобождении Кончилось дело так: Берман и Молчанов всё-таки доложили Ежову своё мнение. Услышав, что могла бы идти речь о её освобождении, он скривился и пробурчал: "Эта скандалистка заслуживает расстрела! Дайте ей пять лет - не ошибётесь".	The next day, without explanation, he was removed from the investigation for this reason. He was ordered to hand over the case of Anna Arkus to Boris Berman. It became clear that Molchanov did not dare to raise the question of her release before Yezhov. The matter ended like this: Berman and Molchanov nevertheless reported their opinion to Yezhov. Hearing that there could be talk of her release, he grimaced and muttered: "This brawler deserves to be shot! Give her five years - you can't go wrong."
ШАНТАЖ Будучи назначен контролировать подготовку процесса, направленного против Зиновьева и Каменева, Ежов, по-видимому, уже знал, что через несколько месяцев Сталин назначит его наркомом внутренних дел. Только этим можно объяснить необычный интерес, какой он проявлял к методам оперативной работы НКВД и к чисто технической стороне обработки заключённых. Он любил появляться ночью в обществе Молчанова или Агранова в следовательских кабинетах и наблюдать, как следователи вынуждают арестованных давать показания. Когда его информировали, что такой-то и такой, до сих пор казавшийся несгибаемым, поддался, Ежов всегда хотел знать подробности и жадно выспрашивал, что именно, по мнению	Blackmail Having been appointed to supervise the preparation of the trial against Zinoviev and Kamenev, Yezhov apparently already knew that in a few months Stalin would appoint him People's Commissar of Internal Affairs. Only this can explain the unusual interest that he showed in the methods of operational work of the NKVD and in the purely technical side of the processing of prisoners. He liked to appear at night in the company of Molchanov or Agranov in the investigative offices and observe how the investigators forced the arrested to testify. When he was informed that so-and-so, who had hitherto seemed inflexible, had succumbed, Yezhov always wanted to know the details and greedily asked what exactly, in the opinion of the investigation, had broken the

следствия, сломило сопротивление обвиняемого.	resistance of the accused.
Время от времени Ежов и сам прикладывал руку к следствию. Мне рассказывали, как несколько вечеров подряд он "работал" со старым большевиком, заслуги которого перед страной были широко известны, и с его женой, тоже старым членом партии. Я не стану приводить их настоящих имён, потому что боюсь, как бы преследования не коснулись их детей, которые, по моим данным, пережили сталинщину и смерть своих родителей. Условимся называть этого старого большевика Павлом Ивановым, а его жену - Еленой Ивановой.	From time to time, Yezhov himself had a hand in the investigation. I was told how for several evenings in a row he "worked" with an old Bolshevik, whose services to the country were widely known, and with his wife, also an old member of the party. I will not give their real names, because I am afraid that persecution would not affect their children, who, according to my information, survived Stalinism and the death of their parents. Let us agree to call this old Bolshevik Pavel Ivanov and his wife Elena Ivanova.
Павел Иванов, человек аскетичной внешности, при царском режиме подвергался неоднократным арестам и отбыл десятилетний срок на каторге. В годы гражданской войны он стал выдающимся военачальником. Его жена тоже имела немалые заслуги перед революцией, пользуясь широкой известностью среди старых членов партии. Оба они примкнули к троцкистской оппозиции и после её разгрома были сосланы в Сибирь. В 1936 году их доставили в Москву и поместили во внутреннюю тюрьму НКВД.	Pavel Ivanov, a man of ascetic appearance, under the tsarist regime was subjected to repeated arrests and served a ten-year term in hard labor. During the Civil War, he became an outstanding military leader. His wife also had considerable service to the revolution, being widely known among the old members of the party. Both of them joined the Trotskyist opposition and after its defeat were exiled to Siberia. In 1936 they were taken to Moscow and placed in the inner prison of the NKVD.
У Ивановых было двое сыновей. Младший, которому к тому времени исполнилось пятнадцать лет, жил в Москве с бабушкой.	The Ivanovs had two sons. The youngest, who by that time was fifteen years old, lived in Moscow with his grandmother.
Следователи "работали" с Ивановым и его женой целых четыре месяца, однако безуспешно. Иванов оставался твёрд как кремень и не поддавался на уговоры и угрозы. Елена Иванова, женщина очень экспансивная, со всей страстью парировала домогательства следователей. Правда, в её позиции было одно слабое место, которое в конце концов и оказалось для неё роковым. То ли потому, что сама она была кристально честным человеком, то ли потому, что следователи хорошо разыгрывали свою роль, у Елены Ивановой создалось впечатление, что НКВД верит, будто старые большевики намеревались убить Сталина. Поэтому она считала своей главной задачей убедить их, что ни она, ни муж, ни их товарищи по сибирской ссылке никогда ничего не слышали о заговоре против Сталина и что НКВД введён в заблуждение информацией, исходившей от какого-то слишком усердного агента-провокатора. Как это часто встречается среди арестованных, не очень искушённых в вопросах права, она ошибочно полагала, что не обвинители должны доказать её виновность, напротив, она должна доказать им, что невиновна в приписываемых ей грехах.	The investigators "worked" with Ivanov and his wife for four whole months, but without success. Ivanov remained as hard as flint and did not succumb to persuasion and threats. Elena Ivanova, a very effusive woman, fended off the investigators' harassment with all her passion. True, there was one weak point in her position, which in the end turned out to be fatal for her. Whether because she herself was a sternly honest person, or because the interrogators played their part well, Elena Ivanova got the impression that the NKVD believed that the old Bolsheviks intended to kill Stalin. Therefore, she considered it her main task to convince them that neither she, nor her husband, nor their comrades in Siberian exile had ever heard anything about a conspiracy against Stalin and that the NKVD was misled by information that came from some overzealous agent provocateur. As is often the case among those arrested who are not very versed in matters of law, she mistakenly believed that it was not the prosecutors who should prove her guilt, but rather she should prove to them that she was innocent of the sins attributed to her.

Как-то поздним вечером Ежов в сопровождении Молчанова зашёл в помещение, где допрашивали Елену Иванову. Услышав, что это Ежов, она взволнованно обратилась к нему, приводя те же доводы, какими безуспешно пыталась воздействовать на следователей. Она умоляла его сказать только, что ей следует сделать, чтобы доказать невиновность - свою и своего мужа, - и она докажет! На это Ежов отвечал, что НКВД слезам не верит и что для спасения обоих, а также чтобы оградить своих детей от грозящих им неприятностей, она может сделать лишь одно: искренне раскаяться и помочь партии.	One late evening, Yezhov, accompanied by Molchanov, entered the room where Elena Ivanova was being interrogated. Hearing that it was Yezhov, she excitedly turned to him, citing the same arguments with which she unsuccessfully tried to influence the investigators. She begged him to tell only what she had to do to prove her innocence and that of her husband, and she would prove it! To this, Yezhov replied that the NKVD did not believe in tears, and that in order to save both, and also to protect her children from the troubles that threatened them, she could do only one thing: sincerely repent and help the party.
- Вы отрицаете, что обсуждали план убийства товарища Сталина, потому что боитесь ответственности! - заявил Ежов.	- You deny that you discussed the plan to kill Comrade Stalin because you are afraid of responsibility! Yezhov said.
- Ничего подобного! - воскликнула Елена Иванова. - Как мне убедить вас, что я отвергаю эти обвинения не из трусости, а потому, что я не виновна? И тут ей в голову пришла отчаянная идея.	- Nothing like this! Elena Ivanova exclaimed. - How can I convince you that I deny these accusations not out of cowardice, but because I am not guilty? And then a desperate idea came to her mind.
- Я вам докажу» - истерически закричала она, - что я не трушу! Если вам угодно, я сию же минуту напишу тут, в вашем присутствии, заявление, что я хотела убить Сталина, хотя это и неправда! Я это сделаю только, чтобы доказать вам, что если я отвергаю ваши обвинения, то не из трусости, а оттого, что я не виновна! - Прекратите провокацию! - прошипел Ежов.	“I'll prove to you,” she screamed hysterically, “that I'm not afraid! If you like, I will write here, in your presence, this very minute a statement that I wanted to kill Stalin, although this is not true! I will only do this to prove to you that if I deny your accusations, it is not out of cowardice, but because I am not guilty! - Stop the provocation! Yezhov hissed.
- Это не провокация! - кричала Елена Иванова. - Дайте мне... Я сейчас же подпишу!..	- This is not a provocation! Yelena Ivanova screamed. - Give me ... I'll sign it right away! ..
- Посмотрим, - буркнул Ежов.	"We'll see," Yezhov muttered.
Он сделал следователям знак, чтобы они воспользовались состоянием обвиняемой. Те не двинулись с места. Только после того, как Ежов повторил своё приказание, один из следователей поспешно набросал от имени Елены Ивановой такой текст: будучи настроенной враждебно к руководству партии, она чувствует себя способной совершить террористический акт, направленный против Сталина. Следователь подсунул эту бумажку Елене Ивановой и подал ей перо.	He signaled to the investigators to take advantage of the accused's condition. They didn't move. Only after Yezhov repeated his order did one of the investigators hurriedly sketch out the following text on behalf of Elena Ivanova: being hostile to the leadership of the party, she feels capable of committing a terrorist act directed against Stalin. The investigator slipped this piece of paper to Elena Ivanova and handed her a pen.
Она заколебалась на секунду, затем, повернувшись к Ежову, произнесла: - Вы знаете, что всё тут написанное - неправда. Но я это подписываю, полагая, что совесть вам не позволит использовать это против меня.	She hesitated for a second, then, turning to Yezhov, she said: - You know that everything written here is not true. But I sign this, believing that your conscience will not allow you to use it against me.
И она подписала бумажку - это было всё равно, что подписать себе смертный приговор.	And she signed the paper - it was like signing her own death warrant.
Ежов отправил Елену Иванову обратно в тюремную камеру, приказал привести её мужа и объявил ему, что его жена только что во	Yezhov sent Elena Ivanova back to the prison cell, ordered her husband to be brought in and announced to him that his wife had just

всём созналась: будучи в сибирской ссылке, они обсуждала с ним и с другими ссыльными секретную директиву Троцкого о необходимости убийства Сталина. В доказательство Ежов предъявил Павлу Иванову признание, подписанное его женой, заметив при этом, что у следователя не нашлось времени подробно запротоколировать её показания.	confessed to everything: being in Siberian exile, they discussed with him and other exiles Trotsky's secret directive on the need to kill Stalin. As evidence, Yezhov showed Pavel Ivanov a confession signed by his wife, noting that the investigator did not have time to record her testimony in detail.
Увидев подпись своей жены, Павел Иванов выкрикнул в лицо Ежову: "Что вы с ней сделали?" В этот вечер он впервые утратил выдержку, Однако он по-прежнему отказывался оговаривать себя и своих товарищей. То обстоятельство, что Ежов являлся секретарём Центрального Комитета партии, не производило на Иванова никакого впечатления, и, когда тот принялся оскорблять его и поучать, что большевик дескать должен жертвовать чем-то для партии, Иванов ответил: "Мне хотелось бы знать, чем вы пожертвовали для партии! Я что-то не слышал вашей фамилии ни в царском подполье, ни в дни Октября, ни в гражданскую войну. Может, вы скажете, откуда вы взялись?" Ежову пришлось в присутствии следователей проглотить эту пилюлю, так что весть о том, как Иванов отбрил Ежова, быстро разнеслась среди сотрудников НКВД.	Seeing his wife's signature, Pavel Ivanov shouted in Yezhov's face: "What have you done to her?" That evening, for the first time, he lost his composure. However, he still refused to slander himself and his comrades. The fact that Yezhov was the secretary of the Central Committee of the party did not make any impression on Ivanov, and when he began to insult him and teach that the Bolshevik must sacrifice something for the party, Ivanov replied: “I would like to know what you donated for the party! I didn't hear your name either in the tsarist underground, or in the days of October, or in the civil war. Maybe you can tell me where you came from?" Yezhov had to swallow this pill in the presence of investigators, so the news of how Ivanov had shaved off Yezhov quickly spread among the NKVD officers.
На другой день Ежов опять вызвал Иванова, стараясь запугать его всеми доступными ему средствами. Убедившись, что угрозы не действуют на обвиняемого, он в присутствии Иванова приказал следователям арестовать его сыновей.	The next day, Yezhov again summoned Ivanov, trying to intimidate him with all means available to him. Convinced that the threats had no effect on the accused, he, in the presence of Ivanov, ordered the investigators to arrest his sons.
- Но моему младшему сыну всего пятнадцать лет! - сказал Иванов...	- But my youngest son is only fifteen years old! Ivanov said...
Прошло ещё несколько дней, и Ежов снова явился обрабатывать Иванова. На этот раз он был настроен более миролюбиво и обещал ему от имени Сталина, что если тот подчинится воле партии, ЦК "примет во внимание его прежние заслуги перед революцией". Ежов предлагал Иванову серьёзно подумать о будущем его сыновей и о том, что может с ними произойти, если их арестуют.	A few more days passed, and Yezhov again appeared to process Ivanov. This time he was more peaceful and promised him on behalf of Stalin that if he obeyed the will of the party, the Central Committee would "take into account his previous services to the revolution." Yezhov suggested that Ivanov seriously think about the future of his sons and what might happen to them if they were arrested.
- Но они ещё не арестованы? - спросил Иванов.	But they haven't been arrested yet? Ivanov asked.
- Это мы сейчас выясним, - ответил Ежов. - Может быть, их ещё не успели взять.	"We'll find out now," Yezhov answered. “Perhaps they haven’t been taken yet.
Ежов прекрасно знал, что сыновья Иванова ещё находятся на свободе: отданный им приказ об их аресте с самого начала был провокацией, рассчитанной на то, чтобы сломить упорство Иванова. Однако, продолжая играть на его нервах, Ежов предложил одному из	Yezhov knew perfectly well that Ivanov's sons were still at large: the order given to them for their arrest was from the very beginning a provocation, calculated to break Ivanov's stubbornness. However, continuing to play on his nerves, Yezhov suggested that one of the

следователей позвонить во внутреннюю тюрьму и узнать, содержатся ли там сыновья Иванова. Пока следователь с телефонной трубкой в руке ждал ответа из тюрьмы, доложили, что сыновья Иванова у них "не числятся". Ежов спросил у Иванова номер его квартирного телефона, снял трубку и позвонил ему домой.	investigators call the inner prison and find out if Ivanov's sons were being held there. While the investigator, handset in hand, was waiting for a response from the prison, they reported that Ivanov's sons were "not on the list." Yezhov asked Ivanov for his apartment telephone number, picked up the receiver and called him at home.
К телефону подошла теща Иванова.	Ivanov's mother-in-law came up to the phone.
- Говорят из НКВД, - объявил ей Ежов. - Павел Иванов хочет знать, как себя чувствуют его дети.	"They say they're from the NKVD," Yezhov announced to her. - Pavel Ivanov wants to know how his children feel.
В ночной тишине Иванов, сидя, близко от аппарата, мог слышать голос старой женщины. Она отвечала, что старшего внука нет в Москве, а "младшенький" здоров и сейчас спит. Ежов повторил её фразу и протянул трубку Иванову, но тот задыхался от волнения и не хотел, чтобы об его состоянии узнали близкие.	In the silence of the night, Ivanov, sitting close to the apparatus, could hear the voice of an old woman. She replied that the eldest grandson was not in Moscow, and the "youngest" was healthy and was sleeping now. Yezhov repeated her phrase and handed the phone to Ivanov, but he was choking with excitement and did not want his relatives to know about his condition.
- Хотите ей что-нибудь передать? - спросил Ежов.	- Do you want to tell her something? Yezhov asked.
- Скажите ей, чтобы берегла мальчика, - с трудом ответил Иванов. - И пусть переделает для него моё зимнее пальто.	"Tell her to take care of the boy," Ivanov answered with difficulty. - And let him remake my winter coat for him.
Ежов повторил в трубку эти слова. В эту минуту Павел Иванов упал грудью на стол и, закрыв руками лицо, горько зарыдал.	Yezhov repeated these words into the receiver. At that moment Pavel Ivanov fell on the table with his chest, and, covering his face with his hands, sobbed bitterly.
На следователей эта сцена произвела тяжёлое впечатление. Они сидели, стараясь не встречаться друг с другом глазами. Перед ними плакал старый большевик, закалённый царской каторгой, но не сумевший сдержать слез в советской тюрьме.	This scene made a deep impression on investigators. They sat trying not to meet each other's eyes. In front of them wept an old Bolshevik, hardened by tsarist hard labor, but unable to hold back his tears in a Soviet prison.
Один из следователей, присутствовавший при этой сцене, потом говорил мне: - Никогда в жизни я не встречал такого подлеца, как этот Ежов. Ведь он всем этим только тешится.	One of the investigators, who was present at this scene, later told me: - Never in my life have I met such a scoundrel as this Ezhov. After all, he's just enjoying it all.
Ежов действительно торжествовал. Сопротивление Павла Иванова было сломлено. Когда Иванов, мучимый тревогой за судьбу своих сыновей, узнал, что беда их не коснулась и что младший сын спокойно спит у себя дома, он был готов сделать всё, что от него потребуют, лишь бы отвести опасность от них.	Yezhov really triumphed. Pavel Ivanov's resistance was broken. When Ivanov, tormented by anxiety for the fate of his sons, found out that the trouble had not touched them and that the youngest son was sleeping peacefully at home, he was ready to do everything that was required of him, if only to avert the danger from them.
По сигналу, данному Ежовым, следователи поспешно подготовили короткий "протокол допроса", в котором говорилось, что в 1932 году Иванов узнал от И. Н. Смирнова, будто бы от Троцкого получена директива начать действовать против руководства партии террористическими методами и что в соответствии с этой директивой он, Павел Иванов, выделил одного из ссыльных	On a signal given by Yezhov, the investigators hastily prepared a short "interrogation protocol", which stated that in 1932 Ivanov had learned from I.N. With this directive, he, Pavel Ivanov, singled out one of the exiled Trotskyists, a certain X., and sent him to Moscow to assassinate Stalin. Having signed the protocol, Ivanov told Yezhov that, as far as he remembers, there was no person in exile with him who bore such a

троцкистов, некоего Х., и отправил его в Москву для убийства Сталина. Подписав протокол, Иванов сказал Ежову, что, насколько он помнит, в ссылке вместе с ним не было человека, носившего такую фамилию. Ежов промолчал.	surname. Yezhov said nothing.
МОЛОТОВ: НА ВОЛОСКЕ ОТ АРЕСТА Из официального стенографического отчёта о процессе "троцкистско-зиновьевского центра" видно, что, перечисляя на суде фамилии руководителей, которых "центр" намеревался убить, никто ни разу не упомянул фамилию Молотова. Между тем Молотов занимал в стране первое место после Сталина и был главой правительства. Подсудимые заявляли, что они готовили террористические акты против Сталина, Ворошилова, Кагановича, Жданова, Орджоникидзе, Косиора и Постышева, но к Молотову подобные злодейские замыслы почему-то не относились.	MOLOTOV: IN A VOICE FROM ARREST From the official verbatim report on the trial of the "Trotskyist-Zinoviev center" it is clear that when listing at the trial the names of the leaders whom the "center" intended to kill, no one ever mentioned the name of Molotov. Meanwhile, Molotov occupied the first place in the country after Stalin and was the head of the government. The defendants stated that they were preparing terrorist acts against Stalin, Voroshilov, Kaganovich, Zhdanov, Ordzhonikidze, Kosior and Postyshev, but for some reason such villainous plans did not apply to Molotov.
Очень знаменательным представляется и тот факт, что ни государственный обвинитель Вышинский, ни судьи ни разу не попросили у подсудимых объяснить такую странную избирательность: замышляя убить всех основных руководителей партии и правительства, для Молотова они, несомненно, делали исключение. Столь заботливое отношение заговорщиков к жизни Молотова могло означать только одно: он, хотя и не разоблачённый, был, по-видимому, одним из тех, кто тоже участвовал в заговоре против Сталина! Но почему же в таком случае это имя сделалось на суде как бы запретным и не произносилось ни обвиняемыми, ни судьями, ни прокурором? Сейчас мы увидим, что ничего таинственного в этом нет. С самого начала следствия сотрудникам НКВД было приказано получить от арестованных признания, что они готовили террористические акты против Сталина и всех остальных членов Политбюро. В соответствии с такой директивой Миронов потребовал от Рейнгольда, который согласился, как мы помним, давать показания против старых большевиков, чтобы тот засвидетельствовал, что бывшие лидеры оппозиции готовили убийство Сталина, Молотова, Ворошилова, Кагановича, Кирова и других вождей. В СССР принято перечислять эти фамилии в строго определённом порядке, который показывает место каждого из "вождей" в государственно-партийной иерархии. Сообразно этому порядку Молотов и был назван в показаниях Рейнгольда сразу после Сталина. Но когда протокол этих показаний был представлен Сталину на утверждение, тот, как я уже упоминал, собственноручно	It is also very significant that neither the public prosecutor Vyshinsky nor the judges ever asked the defendants to explain such a strange selectivity: plotting to kill all the main leaders of the party and government, they undoubtedly made an exception for Molotov. Such a caring attitude of the conspirators to Molotov's life could only mean one thing: although he was not exposed, he was, apparently, one of those who also participated in the conspiracy against Stalin! But why, then, in this case, this name became as if forbidden at the trial and was not pronounced either by the accused, or by the judges, or by the prosecutor? Now we will see that there is nothing mysterious in this. From the very beginning of the investigation, the NKVD officers were ordered to obtain confessions from those arrested that they were preparing terrorist acts against Stalin and all other members of the Politburo. In accordance with such a directive, Mironov demanded that Reingold, who agreed, as we remember, to testify against the old Bolsheviks, to testify that the former leaders of the opposition were preparing the murder of Stalin, Molotov, Voroshilov, Kaganovich, Kirov and other leaders. In the USSR, it is customary to list these names in a strictly defined order, which shows the place of each of the "leaders" in the state-party hierarchy. In accordance with this order, Molotov was named in Reingold's testimony immediately after Stalin. But when the protocol of these testimonies was presented to Stalin for approval, he, as I have already mentioned, crossed out Molotov with his own hand. After that, the investigators were instructed not to allow the name of Molotov to appear in any materials of the future trial.

вычеркнул Молотова. После этого следователям и было предписано не допускать того, чтобы имя Молотова фигурировало в каких-либо материалах будущего процесса.	
Этот эпизод вызвал в среде руководства НКВД понятную сенсацию. Напрашивался вывод, что логически должно последовать распоряжение об аресте Молотова, чтобы посадить его на скамью подсудимых вместе с Зиновьевым и Каменевым как соучастника заговора. Среди следователей начал циркулировать слух, будто Молотов уже находится под домашним арестом. В НКВД никто, исключая, быть может, Ягоду, не знал, что Молотов навлёк на себя сталинское недовольство, но если верить тогдашним упорным слухам, Сталина рассердили попытки Молотова отговорить его устраивать позорное судилище над старыми большевиками.	This episode caused an understandable sensation among the leadership of the NKVD. The conclusion arose that the order to arrest Molotov should logically follow in order to put him in the dock along with Zinoviev and Kamenev as an accomplice in the conspiracy. A rumor began to circulate among investigators that Molotov was already under house arrest. No one in the NKVD, except perhaps Yagoda, knew that Molotov had incurred Stalinist discontent, but if the persistent rumors of the time are to be believed, Stalin was angered by Molotov's attempts to dissuade him from holding a shameful trial of the old Bolsheviks.
Вскоре Молотов отправился на юг отдыхать. Его неожиданный отъезд тоже был воспринят верхушкой НКВД как зловещий симптом, больше того - как последний акт разворачивающейся драмы. Все знали, что не в обычаях Сталина убирать наркома или члена Политбюро, арестовывая его на месте, при исполнении служебных обязанностей. Прежде чем отдать распоряжение об аресте любого из своих соратников, Сталин имел обыкновение отсылать их на отдых или объявлять в газетах, что такой-то получает (либо получит) новое назначение. Зная всё это, руководство НКВД со дня на день ожидало распоряжения об аресте Молотова. В "органах" были почти уверены, что его доставят из отпуска не в Кремль, а во внутреннюю тюрьму на Лубянке.	Molotov soon went south to rest. His unexpected departure was also perceived by the top of the NKVD as an ominous symptom, moreover, as the last act of the unfolding drama. Everyone knew that it was not in Stalin's custom to remove the people's commissar or a member of the Politburo, arresting him on the spot, in the line of duty. Before ordering the arrest of any of his associates, Stalin used to send them on vacation or announce in the newspapers that such and such was (or would be) given a new appointment. Knowing all this, the leadership of the NKVD was expecting from day to day an order to arrest Molotov. The "authorities" were almost sure that he would be taken from vacation not to the Kremlin, but to the inner prison on Lubyanka.
Перед отъездом Молотова Ягода вызвал к себе ответственного сотрудника Транспортного управления НКВД некоего Г. - одного из моих подчинённых, и приказал ему сопровождать Молотова в отпуск, предупредив Г., что на него возлагается очень деликатное задание, исходящее от самого "хозяина". Ягода сказал далее, что под предлогом усиленной охраны Молотова Г. должен организовать постоянное наблюдение за ним и принять особые меры к тому, чтобы предупредить его попытки покончить с собой. Г. был снабжён специальным шифром для передачи Ягоде ежедневных сводок о поведении Молотова и его настроениях.	Before Molotov left, Yagoda summoned a certain G., one of my subordinates, a responsible officer of the NKVD Transport Department, and ordered him to accompany Molotov on vacation, warning G. that he was entrusted with a very delicate task coming from the "master" himself. Yagoda further said that, under the pretext of increased protection of Molotov, G. should organize constant monitoring of him and take special measures to prevent his attempts to commit suicide. G. was equipped with a special cipher to transmit Yagoda daily reports on the behavior of Molotov and his moods.
Сталин не выносил, когда выбранная им жертва уходила от возмездия, пусть даже совершая самоубийство. В дальнейшем он даст Ягоде свирепый нагоняй за то, что тот не предупредил самоубийства	Stalin could not stand it when the victim he chose evaded retribution, even if he committed suicide. In the future, he will give Yagoda a fierce scolding for not preventing Tomsky's suicide, for the sake of which Stalin

Томского, ради которого Сталин готовил очередной судебный спектакль. Вовремя поднеся к виску пистолет, Томский ускользнул из лап преследователей буквально в последний момент.	was preparing another court performance. Raising a pistol to his temple in time, Tomsky slipped out of the clutches of his pursuers literally at the last moment.
На этот раз Сталин не приехал на вокзал проводить Молотова в отпуск, как он это делал из года в год. Меня это, впрочем, нисколько не удивило. Гораздо более удивительным было то, что последовало дальше: примерно через час после отхода экспресса, которым следовал Молотов, Ягода приказал Транспортному управлению НКВД передать по железнодорожной спецсвязи телеграмму, где говорилось, что Сталин прибыл на вокзал проводить Молотова, но опоздал к отходу поезда. При этом сам Сталин распорядился, чтобы такую телеграмму послали и Молотову.	This time, Stalin did not come to the station to see Molotov on vacation, as he did from year to year. This, however, did not surprise me at all. Much more surprising was what followed next: about an hour after the departure of the express, which was followed by Molotov, Yagoda ordered the Transport Directorate of the NKVD to transmit a telegram via railway special communications, which said that Stalin had arrived at the station to see off Molotov, but was late for the train to depart. At the same time, Stalin himself ordered that such a telegram be sent to Molotov.
Что заставило Сталина лгать Молотову, будто он приезжал на вокзал? Зачем вообще понадобилось отправлять такую телеграмму? Конечно, не затем, чтобы Молотов не мучился неизвестностью, и не затем, чтобы продемонстрировать примирение с ним. Если б Сталина занимали эти соображения, он прежде всего распорядился бы восстановить фамилию Молотова в показаниях обвиняемых, чтобы Молотов перестал быть белой вороной. Пусть его уравняют в правах с остальными членами Политбюро, то есть признают, что он тоже был намечен заговорщиками в качестве жертвы! Но такого распоряжения Сталин не отдал. Выходит, посланной вдогонку телеграммой он просто хотел усыпить подозрения Молотова: это должно было облегчить НКВД слежку за ним и уменьшить риск его самоубийства.	What made Stalin lie to Molotov that he was coming to the station? Why was it necessary to send such a telegram at all? Of course, not so that Molotov would not be tormented by the unknown, and not in order to demonstrate reconciliation with him. If Stalin were occupied with these considerations, he would first of all have ordered that the name of Molotov be restored in the testimony of the accused, so that Molotov would cease to be a black sheep. Let him be given equal rights with the other members of the Politburo, that is, they should admit that he, too, was targeted by the conspirators as a victim! But Stalin did not give such an order. It turns out that he sent a follow-up telegram, he simply wanted to lull Molotov's suspicions: this was supposed to make it easier for the NKVD to spy on him and reduce the risk of his suicide.
Итак, несмотря на успокоительную телеграмму, положение Молотова выглядело безнадёжным. Отдыхая на юге в роскошном дворце, окружённом изумительными розариями, он фактически оказался в капкане, который в любой момент мог защёлкнуться. Отсутствие его имени в списке: намечаемых жертв "троцкистско-зиновьевского заговора", безусловно, не выходило у него из головы, тем более что он оказался там единственным исключением.	So, despite the reassuring telegram, Molotov's position looked hopeless. Resting in the south in a luxurious palace surrounded by amazing rose gardens, he actually found himself in a trap that could snap at any moment. The absence of his name in the list of planned victims of the "Trotsky-Zinoviev conspiracy" certainly did not go out of his head, especially since he turned out to be the only exception there.
Сталин держал Молотова в таком состоянии, между жизнью и смертью, шесть недель и лишь после этого решил "простить" его. Молотов всё ещё был ему нужен. Среди заурядных, малообразованных чиновников, коими Сталин заполнил своё Политбюро, Молотов был единственным исключением. Его отличала невероятная работоспособность. Он освобождал Сталина от тяжкого бремени управления текущими государственными делами. Кроме	Stalin kept Molotov in this state, between life and death, for six weeks and only after that decided to "forgive" him. He still needed Molotov. Among the ordinary, poorly educated officials with whom Stalin filled his Politburo, Molotov was the only exception. He had an incredible capacity for work. He freed Stalin from the heavy burden of managing current state affairs. In addition, Molotov remained the only member of the Politburo, not counting Stalin himself, who could rightfully call himself

того, Молотов оставался единственным, не считая самого Сталина, членом Политбюро, кто с полным правом мог называть себя старым большевиком, так как оставил определённый след в предреволюционной истории партии.	an old Bolshevik, since he left a certain mark on the pre-revolutionary history of the party.
К удивлению энкаведистской верхушки, Молотов вернулся из отпуска к своим обязанностям председателя Совета народных комиссаров. Это означало, что между Сталиным и Молотовым достигнуто перемирие, хотя, быть может, и временное.	To the surprise of the NKVD elite, Molotov returned from vacation to his duties as chairman of the Council of People's Commissars. This meant that a truce had been reached between Stalin and Molotov, although perhaps only temporarily.
Правда, фамилия Молотова так и не была восстановлена в злополучных списках. Для этого просто не оставалось времени. Судебный процесс и без того неоднократно откладывался. Не было никакой возможности заново переписывать многочисленные протоколы допросов и инструктировать обвиняемых, когда и где они рассчитывали убить Молотова. А кроме того, Сталин, как правило, далеко не сразу возвращал своё расположение тем, кто в чём бы то ни было перед ним "провинился". Он устанавливал таким "грешникам" некий испытательный срок, в течение которого согрешившие должны были показать, насколько глубоко и искренне их раскаяние.	True, the name of Molotov was never restored in the ill-fated lists. There was simply no time for this. The trial has already been repeatedly postponed. There was no way to rewrite the numerous protocols of interrogations and instruct the accused when and where they expected to kill Molotov. And besides, Stalin, as a rule, did not immediately return his favor to those who were "guilty" of anything before him. He set such "sinners" a certain trial period, during which the sinners had to show how deep and sincere their repentance was.
Итак, на суде фамилия Молотова вовсе не упоминалась... Даже в заключительной речи Вышинского, где он восхвалял "чудесных сталинских соратников", ему пришлось опустить Молотова. "Имена наших чудесных большевиков, - говорил Вышинский, - талантливых и неустанных зодчих нашего государства - Серго Орджоникидзе, Клима Ворошилова, Лазаря Моисеевича Кагановича, вождей украинских большевиков. Косиора и Постышева и вождя ленинградских большевиков Жданова - близки и дороги сердцу всех тех, кто полон сыновней любви к родине".	So, at the trial, Molotov's name was not mentioned at all... Even in Vyshinsky's closing speech, where he praised the "wonderful Stalinist comrades-in-arms," he had to omit Molotov. "The names of our wonderful Bolsheviks, - said Vyshinsky, - talented and tireless architects of our state - Sergo Ordzhonikidze, Klim Voroshilov, Lazar Moiseevich Kaganovich, the leaders of the Ukrainian Bolsheviks. Kosior and Postyshev and the leader of the Leningrad Bolsheviks Zhdanov - are close and dear to the heart of all those who are full of filial love for the motherland."
Вышинский пропустил Молотова в этом перечне, конечно, не по собственной инициативе: он имел специальные указания личного секретариата Сталина, в соответствии с которыми Молотова впредь не следует перечислять среди "чудесных большевиков, талантливых и неустанных зодчих нашего государства".	Vyshinsky missed Molotov in this list, of course, not on his own initiative: he had special instructions from Stalin's personal secretariat, according to which Molotov should no longer be listed among "wonderful Bolsheviks, talented and tireless architects of our state."
Зато на последующих двух процессах всё обстояло иначе. Молотов вернул себе расположение Сталина, был включен по его указанию в перечень вождей, которых намеревались уничтожить заговорщики. И те дружно сознавались на суде в своих злодейских замыслах против Молотова. Более того, на этих последующих процессах заговорщики утверждали, что убийство Молотова планировалось также	But in the next two processes, everything was different. Molotov regained Stalin's favor, was included on his instructions in the list of leaders whom the conspirators intended to destroy. And they unanimously confessed in court to their villainous plans against Molotov. Moreover, at these subsequent trials, the conspirators claimed that the murder of Molotov was also planned by Zinoviev and Kamenev (who by

Зиновьевым и Каменевым (которые к тому времени давно уже были расстреляны по приговору, вынесенному на первом процессе). То обстоятельство, что сами Зиновьев и Каменев по приказу Сталина должны были тщательно пропускать это имя в своих показаниях, теперь уже не имело значения. Ведь тогда сам Сталин не знал, куда отнести Молотова: то ли к жертвам заговорщиков, то ли, наоборот, к их соучастникам. То, что произошло с Молотовым, могло случиться и с любым другим членом Политбюро, попавшим в немилость к Сталину. А сам Молотов, как мы могли убедиться, был лишь на волосок от того, чтобы угодить из отпуска прямо в тюрьму НКВД. В таком случае подсудимые наверняка утверждали бы, что Молотов является их сообщником в заговоре, направленном против Сталина, и мы, со своей стороны, ничуть бы не сомневались, что и Молотов, сидя на скамье подсудимых, подтвердит это, едва дойдёт до него очередь - ведь у него тоже быта семья.	that time had long since been executed by the verdict passed at the first trial). The fact that Zinoviev and Kamenev themselves, on Stalin's orders, had to carefully omit this name in their testimony no longer mattered. After all, then Stalin himself did not know where to attribute Molotov: either to the victims of the conspirators, or, on the contrary, to their accomplices. What happened to Molotov could have happened to any other member of the Politburo who fell out of favor with Stalin. And Molotov himself, as we could see, was only a hair's breadth away from being sent straight from vacation to an NKVD prison. In this case, the defendants would certainly claim that Molotov was their accomplice in a conspiracy directed against Stalin, and we, for our part, would have no doubt that Molotov, sitting on the dock, would confirm this, as soon as his turn comes - because he also has a family.
ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ Сначала Сталин замышлял устроить первый из московских процессов так, чтобы на нём было представлено самое меньшее пятьдесят обвиняемых. Но по мере того как продвигалось, "следствие", это число не раз пересматривалось в сторону уменьшения. Наконец, остановились на шестнадцати подсудимых. Пришлось оставить только тех, в отношении кого не было сомнений, что на суде они повторят всё то, что подписали на допросах.	THE LAST HOURS At first, Stalin planned to organize the first of the Moscow Trials in such a way that at least fifty accused would be represented. But as the "consequence" progressed, this number was revised downward more than once. Finally, they settled on sixteen defendants. I had to leave only those for whom there was no doubt that in court they would repeat everything that they had signed during interrogations.
Пятеро из этих шестнадцати были прямыми помощниками НКВД в подготовке судебного спектакля. К ним относились трое тайных агентов - Ольберг, Фриц Давид и Берман-Юрин, а также Рейнгольд и Пикель, рассматривавшиеся "органами" не как действительные обвиняемые, а как исполнители секретных указаний ЦК.	Five of these sixteen were direct assistants to the NKVD in preparing the court performance. These included three secret agents - Olberg, Fritz David and Berman-Yurin, as well as Reingold and Pikel, who were considered by the "authorities" not as real defendants, but as executors of secret instructions from the Central Committee.
Последняя неделя перед судом ушла на то, чтобы ещё раз подробно проинструктировать обвиняемых: под руководством Вышинского и следователей НКВД, они вновь и вновь репетировали свои роли.	The last week before the trial was spent giving the defendants another detailed briefing: under the guidance of Vyshinsky and the NKVD investigators, they rehearsed their roles again and again.
Проблема выбора подходящего помещения для открытого судебного процесса представлялась настолько важной, что Сталин созвал специальное совещание для обсуждения этого вопроса. Из нескольких помещений, предложенных Ягодой, Сталин выбрал самое маленькое - так называемый Октябрьский зал Дома Союзов, где было всего 350 мест, хотя в том же здании был знаменитый Колонный зал, способный вместить несколько тысяч. Вдобавок Сталин приказал Ягоде заполнить зал суда исключительно сотрудниками НКВД и не	The problem of choosing a suitable place for an open trial seemed so important that Stalin called a special meeting to discuss this issue. Of the several rooms proposed by Yagoda, Stalin chose the smallest - the so-called October Hall of the House of the Unions, where there were only 350 seats, although in the same building there was the famous Hall of Columns, capable of accommodating several thousand. In addition, Stalin ordered Yagoda to fill the courtroom exclusively with members of the NKVD and to prevent "outsiders" from entering, even if they were

допускать проникновения "посторонних", хотя бы то были члены ЦК и правительства. Таким образом, НКВД обеспечил суд, не только обвиняемыми, но и публикой.	members of the Central Committee and the government. Thus, the NKVD provided the court, not only with the accused, but also with the public.
В зале сидели архивные работники, секретари, машинистки, шифровальщики. Они получали пропуска, действительные только на полдня, и присутствовали на суде посменно. Каждый знал номер своего места, каждый был одет в штатский костюм. Появляться на суде в военной форме было разрешено только руководителям НКВД.	Archivists, secretaries, typists, coders were sitting in the hall. They received passes valid only for half a day and attended the trial in shifts. Everyone knew their seat number, everyone was dressed in civilian clothes. Only the leaders of the NKVD were allowed to appear in court in military uniform.
Высшие сановники из ЦК и правительства, обычно получавшие от НКВД пропуска на съезды, военные парады и прочие торжества, засыпали НКВД по телефону требованиями выслать им пропуск на судебный процесс. Им отказывали под предлогом, что число мест в зале суда очень невелико, и все пропуска уже распределены.	The highest dignitaries from the Central Committee and the government, who usually received passes from the NKVD for congresses, military parades and other celebrations, bombarded the NKVD by telephone with demands to send them a pass for the trial. They were refused on the pretext that the number of seats in the courtroom was very small, and all the passes had already been distributed.
Несмотря на то что обвиняемые обещали в точности выполнить данные ими обязательства, Сталин всё же опасался: вдруг кто-то из старых большевиков, не сдержавшись, выскажет на суде всю правду. Именно поэтому он не разрешил присутствовать в зале даже самым надёжным партийцам. Аполитичные машинистки и шифровальщики из НКВД были сочтены наиболее подходящей аудиторией - за долгие годы работы в "органах" они научились держать язык за зубами.	Despite the fact that the defendants promised to fulfill their obligations exactly, Stalin was still afraid that suddenly one of the old Bolsheviks, unable to restrain himself, would tell the whole truth in court. That is why he did not allow even the most reliable party members to be present in the hall. The apolitical typists and cryptographers from the NKVD were considered the most suitable audience - over the long years of work in the "organs" they had learned to keep their mouths shut.
В зале не было ни одного родственника подсудимых. Сталин был далёк от сентиментальности буржуазных судов и рассматривал близких обвиняемого лишь как заложников.	There was not a single relative of the defendants in the hall. Stalin was far from the sentimentality of the bourgeois courts and considered the relatives of the accused only as hostages.
Страх, что кто-либо из подсудимых вдруг сделает попытку разоблачить фальсификацию, был так велик, что, не довольствуясь тщательным отбором публики, организаторы процесса разработали дополнительные меры, позволявшие незамедлительно заткнуть рот любому взбунтовавшемуся участнику спектакля.	The fear that one of the defendants would suddenly make an attempt to expose the falsification was so great that, not content with a careful selection of the public, the organizers of the trial developed additional measures that would immediately shut up any rebellious participant in the performance.
В зале суда там и сям были рассажены группы сотрудников НКВД, прошедшие специальную тренировку. При первых признаках опасности, по сигналу обвинителя, они были готовы вскочить с мест и громкими криками заглушить слова подсудимого. Такое поведение "зала" должно было послужить председательствующему предлогом, чтобы прервать судебное заседание для "восстановления тишины и порядка". Само собой разумеется, что "бунтовщик" никогда больше не появится в зале суда.	In the courtroom, groups of NKVD officers who had undergone special training were seated here and there. At the first sign of danger, at the accuser's signal, they were ready to jump up from their seats and loudly drown out the defendant's words. Such behavior of the “hall” should have served as a pretext for the presiding judge to interrupt the court session in order to “restore peace and order”. It goes without saying that the "rebel" will never again appear in the courtroom.
Последним штрихом, завершающим следственную подготовку к	The final touch, completing the investigative preparation for the trial,

процессу, была ободряющая беседа, которую Ягода и Ежов провели с главными обвиняемыми - Зиновьевым, Каменевым, Евдокимовым, Бакаевым, Мрачковским и Тер-Ваганяном. Ежов от имени Сталина ещё раз заверил их, что если они будут соблюдать на процессе данные ими обязательства, то всё, что им обещали, будет скрупулёзно выполнено. Он предостерег своих "собеседников", чтобы они не пытались даже исподтишка протаскивать на суде свою политическую линию. Ежов предупредил также, что Политбюро считает их связанными общей ответственностью: если кто-то из них "совершит вероломство", это будет рассматриваться как организованное неповиновение всех.	was an encouraging conversation that Yagoda and Yezhov had with the main defendants - Zinoviev, Kamenev, Evdokimov, Bakaev, Mrachkovsky and Ter-Vaganyan. Yezhov, on behalf of Stalin, once again assured them that if they comply with the obligations they had given during the trial, then everything that they were promised would be scrupulously fulfilled. He warned his "interlocutors" not to try even surreptitiously to push through their political line in court. Yezhov also warned that the Politburo considered them bound by a common responsibility: if any of them "commit treachery", it would be seen as an organized defiance of all.
Судебный процесс начался 19 августа 1936 года. Председательствовал на нём Василий Ульрих, бывший сотрудник отдела контрразведки ВЧК. Судьи и секретариат разместились в дальнем конце зала, лицом к публике. Присяжные отсутствовали. Сталинский режим, "самый демократический в мире", не решался доверить отправление правосудия представителям народа.	The trial began on August 19, 1936. It was chaired by Vasily Ulrikh, a former employee of the counterintelligence department of the Cheka. The judges and secretariat were seated at the far end of the hall, facing the audience. The jurors were absent. The Stalinist regime, "the most democratic in the world," did not dare to entrust the administration of justice to the representatives of the people.
У правой стены, боком к аудитории, были усажены обвиняемые. Они сидели на стульях, поставленных в четыре ряда, за низким деревянным барьером. Охрану несли трое бойцов из состава войск НКВД, вооружённые винтовками с примкнутыми штыками. Напротив, у левой стены, занял своё место за небольшим столом государственный обвинитель Вышинский. За спиной подсудимых, в самом углу зала, виднелась скромная дверь. Она вела в узкий коридор с несколькими небольшими комнатами, в одной из которых был устроен буфет с отборными закусками и прохладительными напитками. Сидя в этой комнате, Ягода и его помощники могли слушать показания подсудимых, для чего тут был специально смонтирован радиодинамик. Остальные комнаты предназначались для охраны и для подсудимых. В перерывах между утренними и вечерними заседаниями суда государственный обвинитель должен был встречаться здесь с ними, давая дополнительные инструкции и напоминая о судебных правилах. Здесь же они могли принимать пищу и отдыхать.	Against the right wall, sideways to the auditorium, the accused were seated. They sat in four rows of chairs behind a low wooden barrier. Guards were carried by three fighters from the NKVD troops, armed with rifles with fixed bayonets. Opposite, against the left wall, the public prosecutor Vyshinsky took his place at a small table. Behind the defendants, in the very corner of the hall, one could see a modest door. It led into a narrow corridor with several small rooms, in one of which there was a buffet with selected snacks and soft drinks. Sitting in this room, Yagoda and his assistants could listen to the testimony of the defendants, for which a radio speaker was specially installed here. The rest of the rooms were intended for guards and for the defendants. Between the morning and evening sessions of the court, the public prosecutor was supposed to meet with them here, giving additional instructions and recalling the court rules. Here they could eat and rest.
Подсудимые выглядели менее измотанными, чем в следовательских кабинетах. За последнюю пару недель они несколько прибавили в весе, и им была дана возможность выспаться. Тем не менее, землистые лица и тёмные круги под глазами ясно говорили о том, что им пришлось перенести.	The defendants looked less exhausted than in the investigator's offices. They had gained some weight in the last couple of weeks and were given a chance to sleep. However, the sallow complexions and dark circles under the eyes spoke clearly of what they had to endure.

Впрочем, несколько человек на той же скамье подсудимых отличались вполне здоровой внешностью, что особенно бросалось в глаза в сочетании с их непринужденной манерой держаться, резко контрастировавшей с вялостью и скованностью или, напротив, нервной развязностью остальных. Опытный глаз, таким образом, сразу отличал настоящих подсудимых от фиктивных.	However, several people in the same dock were distinguished by a completely healthy appearance, which was especially striking in combination with their relaxed manner, which contrasted sharply with the lethargy and stiffness, or, on the contrary, the nervous swagger of the others. An experienced eye, therefore, immediately distinguished the real defendants from the fictitious ones.
Среди этих последних выделялся Исаак Рейнгольд. Холёное лицо, пышущее здоровьем, и элегантный костюм делали его похожим на актера - любимца публики. Заняв место с краю второго ряда, сразу у барьера, он сидел с таким выражением, словно оказался в трамвае, в обществе случайных пассажиров. Не спуская глаз с государственного обвинителя, он всем своим видом выражал готовность по первому знаку вскочить и прийти ему на помощь. Неподалеку от него сидел тайный агент НКВД Валентин Ольберг, пришибленный своим неожиданным соседством с Зиновьевым и Каменевым и украдкой поглядывавший на них со смешанным выражением страха и почтения. Фриц Давид и Берман-Юрин, секретные представители НКВД в германской компартии, с деловым видом просматривали свои записи, откровенно готовясь к моменту, когда государственный обвинитель предоставит им возможность исполнить свой партийный долг. Из пятерых фиктивных обвиняемых только один Пикель сидел с апатичным и грустным видом.	Among these latter, Isaac Reingold stood out. A well-groomed face, bursting with health, and an elegant suit made him look like an actor - a favorite of the public. Having taken a seat on the edge of the second row, right next to the barrier, he sat with an expression as if he were on a tram, in the company of random passengers. Without taking his eyes off the public prosecutor, he expressed with all his appearance his readiness to jump up at the first sign and come to his aid. Not far from him sat secret agent of the NKVD Valentin Olberg, stupefied by his unexpected proximity to Zinoviev and Kamenev and furtively glancing at them with a mixed expression of fear and respect. Fritz David and Berman-Yurin, secret representatives of the NKVD in the German Communist Party, looked through their notes with a businesslike air, frankly preparing for the moment when the public prosecutor would give them the opportunity to fulfill their party duty. Of the five fictitious defendants, only one Pikel sat with an apathetic and sad look.
Наиболее измотанным выглядел Зиновьев. Его одутловатое лицо с мешками, набрякшими под глазами, было нездорового, серого цвета. Он страдал астмой и, задыхаясь, время от времени начинал хватать воздух широко открытым ртом. Опустившись на своё место, он сразу отстегнул и снял воротничок рубашки и так без воротничка просидел все дни, пока длился суд. Он то и дело вглядывался в публику - по-видимому, его удивляло, что на таком судебном процессе не присутствует никто из видных партийцев или крупных государственных деятелей, среди которых он многих знал. Это обстоятельство должно было казаться ещё более странным Каменеву, который много лет подряд был председателем Моссовета и лично знал всех сколько-нибудь выдающихся москвичей. Безусловно, оба они поняли, из кого состоит эта аудитория. Им обоим должно было стать ясно, что их привели не в суд, а всего лишь перевели из одного отдела НКВД в другой, из этого зала не сможет донестись наружу, во внешний мир, никакой голос протеста.	Zinoviev looked the most exhausted. His puffy face, with bags puffed up under his eyes, was an unhealthy gray color. He suffered from asthma and, gasping for air, from time to time began to gasp for air with his mouth wide open. Having sank into his place, he immediately unfastened and took off the collar of his shirt, and so he sat without a collar all the days while the trial lasted. He peered at the audience every now and then - apparently, he was surprised that none of the prominent party members or major statesmen, among whom he knew many, were present at such a trial. This circumstance must have seemed even more strange to Kamenev, who for many years was the chairman of the Moscow Soviet and personally knew all the more or less prominent Muscovites. Of course, both of them understood who this audience consists of. It should have become clear to both of them that they were not brought to court, but only transferred from one department of the NKVD to another, from this hall no voice of protest could be heard outside, into the outside world.
Председательствующий Ульрих начал первое заседание суда с	Presiding Ulrich began the first session of the court with a formal

формального установления личности обвиняемых. Затем он объявил, что подсудимые отказались от защитников и поэтому им будет предоставлена возможность самим осуществить свою защиту.	identification of the accused. He then announced that the defendants had abandoned defense counsel and would therefore be given the opportunity to carry out their defense themselves.
Кому-нибудь может показаться странным, почему вдруг все шестнадцать обвиняемых, зная, что на карту поставлены их жизни, не пожелали прибегнуть к помощи защитников, которые обязаны были попытаться хоть как-то помочь им. Однако этот феномен имеет своё объяснение, притом совсем простое: перед началом суда обвиняемым пришлось дать обещание, что они все, как один, откажутся от адвокатов. Мало того, они пообещали, что и сами они в свою очередь даже пальцем не шевельнут, чтобы защитить самих себя. И действительно, когда их спросили, что они могут сказать в свою защиту, все единогласно заявили, что сказать им нечего.	It may seem strange to anyone why suddenly all sixteen accused, knowing that their lives were at stake, did not want to resort to the help of defense lawyers, who were obliged to try to somehow help them. However, this phenomenon has its own explanation, and a very simple one at that: before the start of the trial, the accused had to make a promise that they would all, as one, refuse lawyers. Moreover, they promised that they themselves, in turn, would not even lift a finger to protect themselves. Indeed, when they were asked what they could say in their defense, they all unanimously declared that they had nothing to say.
После чтения обвинительного заключения государственный обвинитель начал допрос подсудимых. На протяжении трёх дней они рассказывали суду о террористических планах, которые они якобы вынашивали годами, однако ни государственный обвинитель, ни они сами не смогли привести ни одного примера, который свидетельствовал бы о начале исполнения этих планов, если не считать убийства Кирова, организованного, как мы знаем, самим Сталиным с помощью Ягоды и Запорожца.	After reading the indictment, the public prosecutor began questioning the defendants. For three days they told the court about the terrorist plans that they allegedly had been hatching for years, but neither the public prosecutor nor they themselves could give a single example that would indicate the beginning of the implementation of these plans, except for the murder of Kirov, organized as we know, by Stalin himself with the help of Yagoda and Zaporozhets.
В дальнейшем Сталин приписал убийство Кирова совсем другим группам старых большевиков, которые предстали перед судом на последующих московских процессах - в 1937 и 1938 годах. В общем он использовал кировское дело точно краплёную карту, не знающую износа, в своей долгой и бесчестной игре.	Later, Stalin attributed Kirov's murder to completely different groups of old Bolsheviks, who were put on trial in subsequent Moscow trials in 1937 and 1938. In general, he used the Kirov case like a marked card, not knowing wear and tear, in his long and dishonest game.
Хотя государственный обвинитель не смог представить Зиновьеву, Каменеву и другим старым большевикам никаких доказательств их участия в убийстве Кирова, они один за другим признали себя виновными в этом преступлении. Только Смирнов отвечал на вопросы обвинителя с такой иронией, что не оставалось и малейших сомнений, что он считает все эти обвинения фальшивкой. Его саркастические замечания и неоднократные намеки, что вся эта история о заговоре является сплошным вымыслом, заставляли Вышинского сильно нервничать. Прежде чем уступить государственному обвинителю по какому-нибудь конкретному пункту, Смирнов взял за правило подвергать сомнению обвинение в целом и только потом, отвечая на конкретный вопрос,	Although the public prosecutor was unable to provide Zinoviev, Kamenev and other old Bolsheviks with any evidence of their participation in the assassination of Kirov, one by one they pleaded guilty to this crime. Only Smirnov answered the prosecutor's questions with such irony that there was not even the slightest doubt that he considered all these accusations to be false. His sarcastic remarks and repeated hints that the whole conspiracy story was a complete fabrication made Vyshinsky very nervous. Before yielding to the public prosecutor on any particular point, Smirnov made it a rule to cast doubt on the accusation as a whole and only then, answering a specific question, condescendingly agree: "Well, so be it ..." This sarcastic manner in which Smirnov clothed his "confessions" was especially emphasized by Vyshinsky in his

снисходительно соглашаться: "Ну пусть будет так..." Эта саркастическая манера, в какую Смирнов облекал свои "признания", была особо подчёркнута Вышинским в его обвинительной речи: - Самым закоснелым в своём упорстве является Смирнов, - заявил Вышинский. - Он признал себя виновным только в том, что являлся руководителем троцкистского контрреволюционного подполья. Правда, признание это он сделал с какой-то игривой веселостью.	accusatory speech: "Smirnov is the most inveterate in his stubbornness," Vyshinsky declared. - He pleaded guilty only to the fact that he was the leader of the Trotskyist counter-revolutionary underground. True, he made this confession with a kind of playful gaiety.
Когда Мрачковский, Дрейцер и Тер-Ваганян поддержали утверждение Вышинского, что Смирнов был их руководителем по подпольному "центру", Смирнов ответил им так, что даже хорошо обученная аудитория не могла удержаться от смеха. Обернувшись к Мрачковскому и Дрейцеру, Смирнов сказал: "Вам нужен вождь? Ладно, берите меня!" Невзирая на то, что подсудимые полностью выполнили обязательства, данные следствию, Вышинский подчеркнул, что они в ряде случаев "не сказали всего", правда, не объясняя, что конкретно они утаили от суда. С другой стороны, Вышинский остался вполне доволен показаниями пяти мнимых обвиняемых - Рейнгольда, Пикеля, Ольберга, Фрица Давида и Берман-Юрина. Он похвалил, в частности, Рейнгольда и Пикеля, побуждая их тем самым к ещё более яростным нападкам на остальных подсудимых. Вышинский как будто не замечал, что в своей роли обвиняемого Рейнгольд уж слишком старается и переигрывает.	When Mrachkovsky, Dreitzer, and Ter-Vaganyan supported Vyshinsky's assertion that Smirnov was their leader in the underground "center," Smirnov answered them in such a way that even a well-trained audience could not help laughing. Turning to Mrachkovsky and Dreitzer, Smirnov said: "Do you need a leader? Okay, take me!" Despite the fact that the defendants fully complied with the obligations given to the investigation, Vyshinsky stressed that in a number of cases they "did not say everything," though without explaining what exactly they concealed from the court. On the other hand, Vyshinsky was quite pleased with the testimony of the five alleged defendants - Reinhold, Pikel, Olberg, Fritz David and Berman-Yurin. He praised, in particular, Reingold and Pikel, thereby prompting them to even more violent attacks on the other defendants. Vyshinsky did not seem to notice that in his role as the accused, Reingold was trying too hard and overacting.
- Товарищи судьи, - говорил Вышинский, - вам нетрудно понять искренность в поведении Рейнгольда и Пикеля, которые на этом суде вновь и вновь изобличают Зиновьева, Каменева и Евдокимова как виновников совершения многих тяжких преступлений.	“Comrade judges,” said Vyshinsky, “it is not difficult for you to understand the sincerity in the behavior of Reinhold and Pikel, who at this trial again and again expose Zinoviev, Kamenev and Evdokimov as the perpetrators of many grave crimes.
Рейнгольд более чем заслужил похвалу обвинителя. Подыгрывая Вышинскому на протяжении всего процесса, он продемонстрировал незаурядный обличительный пафос и блестящую память. Всякий раз, когда он усматривал в показаниях того или иного подсудимого малейшее отклонение от заранее согласованного сценария, он порывался вскочить со стула, чтобы внести поправку, словно бы его товарищ по несчастью сознательно пытался что-то утаить от суда. Когда Рейнгольд замечал, что в чём-то путается государственный обвинитель, он тоже начинал вертеться, как на угольях, и почтительно просил разрешения "дополнить" то, что только что сказал Вышинский. А тот снисходительно, с милостивой улыбкой на устах, выжидал, пока Рейнгольд его поправит.	Reingold more than deserved the accuser's praise. Playing along with Vyshinsky throughout the trial, he demonstrated uncommon accusatory pathos and a brilliant memory. Whenever he saw in the testimony of this or that defendant the slightest deviation from the previously agreed scenario, he would jump up from his chair to make an amendment, as if his comrade in misfortune was deliberately trying to hide something from the court. When Reingold noticed that the public prosecutor was getting confused about something, he too began to turn as if on coals and respectfully asked permission to "complete" what Vyshinsky had just said. And he condescendingly, with a gracious smile on his lips, waited until Reingold corrected him.

Пикель, как эхо, повторял каждое слово Рейнгольда, но делал это как-то безучастно, без того лицемерного негодования и пафоса, которым так выделялся Рейнгольд.	Pikel, like an echo, repeated every word of Reingold, but he did it somehow indifferently, without that hypocritical indignation and pathos with which Reingold was so distinguished.
Для Вышинского не составляло труда состряпать свою громовую обвинительную речь, обличавшую подсудимых, которые не только не оказали ему сопротивления, а напротив, сделали всё, чтобы поддержать выдвинутые против них обвинения. Приписывая им самые чудовищные преступления, он не принимал во внимание даже то очевидное для всех обстоятельство, что некоторые из обвиняемых были физически не в состоянии совершить эти преступления, поскольку находились в то время либо в тюрьме, либо в отдалённой ссылке. "Я требую, - прокричал Вышинский, заканчивая свою речь, - чтобы эти бешеные псы были расстреляны, все до одного!" Утром 22 августа, на четвертый день процесса, каждый из подсудимых представил Молчанову проект своего "последнего слова". Эти проекты пошли на проверку к Ежову, который исключил из них в первую очередь все упоминания подсудимых об их близости к Ленину и об их заслугах перед революцией. Организаторы процесса не желали, чтобы старые большевики говорили на суде о своём доблестном прошлом, на фоне которого особенно давал себя знать фантастический характер нынешних обвинений. Вот почему в опубликованных материалах процесса не встречается упоминаний о том, что подсудимые в своё время участвовали в создании партии, советского государства, что они были в числе руководителей Октябрьской революции. Не упоминается даже о том, какие официальные должности занимали эти люди в годы советской власти, - в обвинительном заключении и в приговоре суда вместо этого каждая фамилия, сопровождается безликим словечком "служащий".	It was not difficult for Vyshinsky to concoct his thunderous accusatory speech, denouncing the defendants, who not only did not resist him, but, on the contrary, did everything to support the charges brought against them. Attributing to them the most monstrous crimes, he did not even take into account the obvious circumstance that some of the accused were physically unable to commit these crimes, since they were either in prison or in distant exile at that time. "I demand," shouted Vyshinsky, finishing his speech, "that these mad dogs be shot, one and all!" On the morning of August 22, on the fourth day of the trial, each of the defendants submitted to Molchanov a draft of his "last word." These drafts were submitted for verification to Yezhov, who first of all excluded from them all references by the defendants to their closeness to Lenin and their merits before the revolution. The organizers of the trial did not want the old Bolsheviks to speak in court about their valiant past, against the background of which the fantastic nature of the current accusations made itself especially felt. That is why in the published materials of the trial there is no mention that the defendants at one time participated in the creation of the party, the Soviet state, that they were among the leaders of the October Revolution. It is not even mentioned what official positions these people occupied during the years of Soviet power - in the indictment and in the court verdict, instead, each surname is accompanied by the faceless word "employee."
"Последние слова" подсудимых являются едва ли не самой драматичной частью всего процесса. В надежде уберечь от сталинского мщения свои семьи и тысячи своих сторонников они достигают здесь крайних пределов самоуничижения. Зная коварство Сталина, они стараются даже перевыполнить обязательства, выжатые из них на следствии, - лишь бы не дать Сталину хоть малейшего повода нарушить его собственное обещание. Они клеймят себя как беспринципных бандитов и фашистов и тут же восхваляют Сталина, которого в душе считают узурпатором и изменником делу революции.	The "last words" of the defendants are perhaps the most dramatic part of the entire process. Hoping to save their families and thousands of their supporters from Stalinist vengeance, they reach here the extreme limits of self-abasement. Knowing Stalin's insidiousness, they even try to exceed the obligations squeezed out of them during the investigation, in order not to give Stalin even the slightest reason to break his own promise. They stigmatize themselves as unprincipled bandits and fascists and immediately praise Stalin, whom they consider in their hearts a usurper and a traitor to the cause of the revolution.

Первым выступил со своим "последним словом" Мрачковский. Вопреки предупреждению не упоминать на суде о своём революционном прошлом, он не смог сдержаться и начал с краткого изложения своей биографии. Ему нечего было стыдиться своего прошлого. Даже его дед был революционером - организатором знаменитого Южно-русского рабочего союза; отец и мать Мрачковского, оба заводские рабочие, отбывали в царское время тюремное заключение за революционную деятельность, а сам он был впервые арестован за распространение революционных листовок в возрасте тринадцати лет.	Mrachkovsky was the first to speak with his "last word". Despite warnings not to mention his revolutionary past in court, he could not restrain himself and began with a summary of his biography. He had nothing to be ashamed of his past. Even his grandfather was a revolutionary - the organizer of the famous South Russian Workers' Union; Mrachkovsky's father and mother, both factory workers, were imprisoned in tsarist times for revolutionary activities, and he himself was first arrested for distributing revolutionary leaflets at the age of thirteen.
- А здесь, - с горькой иронией воскликнул Мрачковский, - я стою перед вами как контрреволюционер! Судьи и прокурор обменялись тревожными взглядами и настороженно уставились на Мрачковского. Вышинский даже привстал, готовясь подать условный сигнал, который вызовет в зале заранее отрепетированный шум и крики и позволит лишить Мрачковского слова. Из глаз подсудимого брызнули слезы отчаяния. Не владея собой, Мрачковский со всего размаху ударил кулаком по барьеру, отгораживающему скамью подсудимых. Физическая боль помогла ему справиться с душевной слабостью и вновь овладеть собой.	“And here,” Mrachkovsky exclaimed with bitter irony, “I stand before you as a counter-revolutionary!” The judges and the prosecutor exchanged anxious glances and stared warily at Mrachkovsky. Vyshinsky even got up, preparing to give a prearranged signal that would cause a pre-rehearsed noise and screams in the hall and make it possible to deprive Mrachkovsky of the word. Tears of despair gushed from the defendant's eyes. Unable to control himself, Mrachkovsky slammed his fist on the barrier blocking the dock with all his might. Physical pain helped him cope with mental weakness and regain control of himself.
Он объяснил, что упомянул о своём прошлом, о своих прежних революционных заслугах не для того, чтобы защитить себя, а чтобы всем стало ясно, что не только царский генерал, князь или дворянин может сделаться контрреволюционером, но и человек пролетарского происхождения, вроде него, если только хоть на йоту отклонится от генеральной линии партии.	He explained that he mentioned his past, his former revolutionary merits, not in order to defend himself, but to make it clear to everyone that not only a tsarist general, prince or nobleman can become a counter-revolutionary, but also a person of proletarian origin, like him, if only he deviates even one iota from the general line of the party.
Помню, что после этой фразы Мрачковского председательствующий Ульрих послал Вышинскому довольную улыбку, и тот, заметно успокоившись, опустился на стул.	I remember that after this phrase by Mrachkovsky, the presiding Ulrich sent Vyshinsky a satisfied smile, and he, noticeably calmer, sank into a chair.
С этого момента Мрачковский уже не отклонялся, от утвержденного текста. Он обвинял во всём Троцкого и оправдывал карательные меры, обрушенные Центральным комитетом партии на оппозицию.	From that moment on, Mrachkovsky no longer deviated from the approved text. He blamed Trotsky for everything and justified the punitive measures brought down by the Central Committee of the Party on the opposition.
Приближаясь к концу своего "последнего слова", Мрачковский окончательно распластался перед Сталиным: неожиданно для всех, в каком-то мазохистском возбуждении от случившегося с ним несчастья, он истерически выкрикнул: "Мы его вовремя не послушали - и он дал нам хороший урок! Какой он нам дал нагоняй!"	Approaching the end of his "last word", Mrachkovsky finally flattened himself before Stalin: unexpectedly for everyone, in some kind of masochistic excitement from the misfortune that happened to him, he hysterically shouted: "We did not listen to him in time - and he gave us a good lesson! What a he gave us a scolding!" Mrachkovsky played his last

Мрачковский пустил в ход свой последний козырь - единственный, что ещё оставался у него. Он показал, что и в эту минуту всё ещё надеялся заслужить благосклонность Сталина.	trump card - the only one that still remained with him. He showed that even at that moment he still hoped to win Stalin's favor.
Он хорошо знал, что ничем нельзя так угодить Сталину, как немудреным комплиментом: Сталин, дескать искусно расправляется со своими противниками. Надеясь, что на сей раз он выполнит своё обещание и не расстреляет его, Мрачковский в своём "последнем слове" не просил снисхождения, а, напротив, закончил так: "Я поступал, как изменник делу партии, и как изменник заслуживаю расстрела!" Каменев в своём последнем слове повторил, что он признаёт все выдвинутые против него обвинения. Вместо того, чтобы сказать хоть что-нибудь в свою защиту, он пытался доказывать, что не заслуживает снисхождения. Кончив говорить и сев на место, он неожиданно поднялся вновь: - Я хотел бы сказать несколько слов своим детям… У меня нет другой возможности обратиться к ним. У меня двое детей: один - военный лётчик, другой - пионер. Стоя, быть может, одной ногой в могиле, я хочу им сказать: каким бы ни был мой приговор, я заранее считаю его справедливым. Не оглядывайтесь назад. Идите вперёд. Вместе с советским народом следуйте за Сталиным.	He knew very well that nothing could please Stalin so much as a simple compliment: Stalin, they say, skillfully cracked down on his opponents. Hoping that this time he would fulfill his promise and not shoot him, Mrachkovsky in his "last word" did not ask for indulgence, but, on the contrary, ended like this: "I acted as a traitor to the cause of the party, and as a traitor I deserve to be shot!" Kamenev, in his last speech, repeated that he recognized all the accusations brought against him. Instead of saying anything in his defense, he tried to prove that he did not deserve leniency. Having finished speaking and sitting down, he suddenly got up again: - I would like to say a few words to my children ... I have no other way to address them. I have two children: one is a military pilot, the other is a pioneer. Standing perhaps with one foot in the grave, I want to tell them: whatever my verdict, I consider it just beforehand. Don't look back. Go forward. Together with the Soviet people, follow Stalin.
Он снова сел, прикрыв глаза рукой. Все присутствующие были потрясены, и даже лица судей на миг утратили привычное выражение каменного безразличия.	He sat down again, covering his eyes with his hand. Everyone present was shocked, and even the faces of the judges for a moment lost their usual expression of stony indifference.
Настала очередь говорить Зиновьеву. Трудно было узнать в нём прежнего блестящего оратора, так завораживавшего, бывало, слушателей на партийных съездах и конгрессах Коминтерна. Тяжело дыша, он начал говорить неуверенно и без всякого выражения. На аудиторию он не смотрел и не искал контакта с нею, как привык за долгие годы. Но прошло несколько минут - и, казалось, он обрел самообладание, его речь полилась плавно. Стоя у барьера и читая слова, написанные для него сталинскими инквизиторами, он напоминал первоклассного актёра, имитирующего ораторскую манеру прежнего Зиновьева, чтобы лучше вжиться в роль старого заслуженного большевика - в роль, согласно которой всё зиновьевское революционное прошлое было мифом, потому что в действительности Зиновьев всегда являлся врагом социализма и предателем.	It was Zinoviev's turn to speak. It was difficult to recognize in him the former brilliant speaker, who used to fascinate listeners at party congresses and congresses of the Comintern. Breathing heavily, he began to speak hesitantly and without any expression. He did not look at the audience and did not seek contact with it, as he had been accustomed to for many years. But a few minutes passed - and he seemed to have regained his composure, his speech flowed smoothly. Standing at the barrier and reading the words written for him by the Stalinist inquisitors, he resembled a first-class actor imitating the oratorical manner of the former Zinoviev in order to better get used to the role of the old honored Bolshevik - the role according to which the entire Zinoviev revolutionary past was a myth, because in reality Zinoviev has always been an enemy of socialism and a traitor.
Последнее его слово было составлено по тому же шаблону, что и у	His last word was composed according to the same template as

Каменева. Он тоже защищал не себя, а партию и Сталина. Закончил он маловразумительной фразой, явственно отдающей неуклюжим теоретизированием а сталинской манере: "Мой извращённый большевизм превратился в антибольшевизм, и через троцкизм я пришёл к фашизму. Троцкизм - это разновидность фашизма, а зиновьевизм - это разновидность троцкизма..." Рейнгольд, Пикель и три тайных агента НКВД - Ольберг, Фриц Давид и Берман-Юрин - также произнесли каждый своё "последнее слово". Все они, за исключением Ольберга, заверили суд, что считают для себя невозможным просить о снисхождении. Как и подобает фиктивным обвиняемым, они были уверены, что их жизням ничто не угрожает.	Kamenev's. He also defended not himself, but the party and Stalin. He ended with an obscure phrase, clearly reeking of clumsy theorizing in the Stalinist manner: "My perverted Bolshevism turned into anti-Bolshevism, and through Trotskyism I came to fascism. Trotskyism is a variety of fascism, and Zinovievism is a variety of Trotskyism ..." Reinhold, Pikel and three secret agents of the NKVD - Olberg, Fritz David and Berman-Yurin - each also uttered his "last word". All of them, with the exception of Olberg, assured the court that they considered it impossible for themselves to ask for leniency. As befits fictitious defendants, they were sure that nothing threatened their lives.
23 августа, в 7 часов 30 минут вечера, судьи удалились в совещательную комнату. Вскоре к ним присоединился Ягода. Текст приговора был заготовлен заранее; на его переписку требовалось часа два, не более. Однако судьи оставались в совещательной комнате целых семь часов. В 2 часа 30 минут ночи, то есть, значит, уже 24 августа, они вновь заняли места за судейским столом. В мёртвой тишине председательствующий Ульрих начал чтение приговора. Когда через четверть часа монотонного чтения он дошёл до его заключительной части, определявшей меру наказания подсудимым, во всех концах зала послышалось нервное покашливание. Выждав, пока восстановится тишина, председательствующий перечислил одного за другим всех обвиняемых и после долгой паузы закончил объявлением, что все они приговариваются к высшей мере наказания - смертной казни "через расстрел".	On August 23, at 7:30 p.m., the judges retired to the deliberation room. Yagoda soon joined them. The text of the verdict was prepared in advance; his correspondence took two hours, no more. However, the judges remained in the deliberation room for a full seven hours. At 2:30 am, that is, it means already on August 24, they again took their places at the judging table. In dead silence, the presiding Ulrich began reading the verdict. When, after a quarter of an hour of monotonous reading, he reached its final part, which determined the measure of punishment for the defendants, a nervous cough was heard from all ends of the hall. After waiting for silence to be restored, the presiding judge listed all the accused one by one and, after a long pause, ended by announcing that they were all sentenced to capital punishment - the death penalty "by firing squad."
Сотрудники НКВД, которым был хорошо известен порядок проведения политических процессов, ожидали, что вслед за тем председательствующий произнесёт обычную в таких случаях формулу; "Однако, принимая во внимание прежние революционные заслуги подсудимых, суд считает возможным не применять к ним смертную казнь, а заменить её..." Но этой привычной формулы не последовало. Каким бы чудовищным ни казался такой исход дела, смертный приговор был финалом процесса. Присутствующие осознали это тогда, когда Ульрих, не спеша, начал засовывать бумагу, которую только что читал, в папку, лежавшую перед ним на столе.	Employees of the NKVD, who were well aware of the procedure for conducting political trials, expected that after that the chairman would pronounce the usual formula in such cases; "However, taking into account the former revolutionary merits of the defendants, the court considers it possible not to apply the death penalty to them, but to replace it ..." But this usual formula did not follow. As monstrous as this outcome of the case may have seemed, the death sentence was the finale of the trial. Those present realized this when Ulrich, slowly, began to put the paper he had just read into the folder that lay in front of him on the table.
В это мгновение тишину судебного зала прорезал истерический крик, почти визг: "Да здравствует дело Марксаэнгельсаленинасталина!" Кричал подсудимый Лурье - маленький человечек с взлохмаченной, непослушной шевелюрой, из-	At this moment, the silence of the courtroom was cut through by a hysterical cry, almost a screech: "Long live the cause of MarxengelsaleninStalin!" The defendant Lurie shouted - a little man with disheveled, unruly hair, from under which black eyes sparkled like coals.

под которой угольками сверкали чёрные глаза.	
По советским законам, лицам, приговорённым к смертной казни, предоставляется 72 часа для подачи просьбы о помиловании. Как правило, смертный приговор не приводится в исполнение, пока этот срок не истечёт, даже если в помиловании успели отказать до его окончания. Но в данном случае Сталин пренебрег этим правилом. Утром 25 августа, спустя сутки после оглашения приговора, московские газеты вышли уже с официальным сообщением о том, что приговор приведён в исполнение. Все шестнадцать подсудимых были расстреляны.	Under Soviet law, persons sentenced to death are given 72 hours to apply for clemency. As a rule, the death sentence is not carried out until this period has expired, even if the pardon was denied before it ended. But in this case, Stalin neglected this rule. On the morning of August 25, a day after the announcement of the verdict, Moscow newspapers came out with an official announcement that the sentence had been carried out. All sixteen defendants were shot.
СТАЛИН ОСОЗНАЁТ СВОЙ ПРОМАХ Итак, вопреки ожиданиям следователей НКВД, Сталин не довольствовался унижениями, каким подверглись на суде старые большевики, не отослал их обратно в тюрьмы и лагеря, сохранив жизнь. Не будет преувеличением сказать, что сотрудники НКВД были так же поражены казнью подсудимых, как и все остальные граждане советской страны.	STALIN REALIZES HIS MISS So, contrary to the expectations of the NKVD investigators, Stalin was not satisfied with the humiliation that the old Bolsheviks were subjected to in court, did not send them back to prisons and camps, saving their lives. It would not be an exaggeration to say that the NKVD officers were just as amazed at the execution of the defendants as were all other citizens of the Soviet country.
Только инквизиторы вроде Чертока и Южного ходили с надменным видом героев, выполнивших свой гражданский долг. Остальные выглядели подавленными и избегали разговоров о состоявшемся процессе. Многие заказали железнодорожные билеты, стремясь поскорее отбыть в давно обещанный им отпуск. Однако их ожидало разочарование. В конце августа их созвали в Секретное политическое управление, где Молчанов ошеломил всех неожиданным объявлением: "В этом году вам придётся забыть об отпуске. Расследование не закончено: оно только началось!" Молчанов сообщил собравшимся, что Политбюро доверило им подготовку второго судебного процесса, обвиняемыми на котором будут Радек, Серебряков, Сокольников и другие. Никто из следователей не посмел уклониться от нового задания, исходившего от Сталина. Правда, некоторые начали жаловаться, что их совершенно вымотали многомесячные интенсивные допросы обвиняемых и бессонные ночи, так что у них просто нет сил для ведения следствия по новому делу, Однако подобные жалобы никто не принял во внимание.	Only inquisitors like Chertok and Yuzhny walked around with the haughty air of heroes who had fulfilled their civic duty. The rest looked depressed and avoided talking about the trial. Many have booked train tickets, eager to leave for their long-promised vacation. However, they were disappointed. At the end of August, they were summoned to the Secret Political Directorate, where Molchanov stunned everyone with an unexpected announcement: "This year you will have to forget about your vacation. The investigation is not over: it has just begun!" Molchanov told the audience that the Politburo had entrusted them with the preparation of a second trial, in which Radek, Serebryakov, Sokolnikov and others would be accused. None of the investigators dared to evade the new task coming from Stalin. True, some began to complain that they were completely exhausted by many months of intensive interrogation of the accused and sleepless nights, so that they simply did not have the strength to conduct an investigation in a new case. However, no one took into account such complaints.
Кое-кто из следователей сделал попытку уклониться от нового задания, срочно обратившись в медицинскую часть НКВД с жалобами на действительные и вымышленные недомогания, в расчёте получить бюллетень. Но эта лазейка скоро, была прикрыта.	Some of the investigators made an attempt to evade the new task by urgently contacting the medical unit of the NKVD with complaints of real and fictitious ailments, in the hope of receiving a bulletin. But this loophole was soon closed.

Итак, в НКВД развернулась подготовка второго судебного процесса, на котором должна была фигурировать новая группа ленинских соратников.	So, in the NKVD, preparations began for the second trial, in which a new group of Lenin's comrades-in-arms was to appear.
А пока что Сталин, не моргнув глазом, совершил ещё один акт произвола. 1 сентября всё того же 1936 года он вызвал Ягоду и отдал распоряжение, которое заставило содрогнуться даже самых бездушных энкаведистов.	In the meantime, Stalin, without blinking an eye, committed another act of arbitrariness. On September 1 of the same 1936, he called Yagoda and gave an order that made even the most soulless NKVD members shudder.
Прошло всего шесть дней после расстрела старых большевиков, которым Сталин, как мы помним, обещал сохранить жизнь. То же обещание он дал в отношении их сторонников, в прошлом участвовавших в оппозиции, а ныне отбывавших заключение в тюрьмах и лагерях. Теперь он велел Ягоде и Ежову отобрать из числа этих заключённых пять тысяч человек, отличавшихся в своё время наиболее активным участием в оппозиции, и тайно расстрелять их всех.	Only six days have passed since the execution of the old Bolsheviks, whom Stalin, as we remember, promised to save their lives. He made the same promise with respect to their supporters, who in the past participated in the opposition, and now are serving time in prisons and camps. Now he ordered Yagoda and Yezhov to select from among these prisoners five thousand people, who at one time distinguished themselves by the most active participation in the opposition, and secretly shoot them all.
В истории СССР это был первый случай, когда массовая смертная казнь, причём даже без предъявления формальных обвинений, была применена к коммунистам. В дальнейшем, летом 1937 года, когда наркомом внутренних дел был уже Ежов, Сталин приказал ему подготовить второй список на пять тысяч других участников оппозиции, которые точно так же были расстреляны в массовом порядке. Не могу сказать, сколько раз повторялись такие акции, - вероятно, до тех пор, пока бывшая оппозиция не была уничтожена до последнего человека.	In the history of the USSR, this was the first time that the mass death penalty, and even without formal charges, was applied to the communists. Later, in the summer of 1937, when Yezhov was already People's Commissar of Internal Affairs, Stalin ordered him to prepare a second list of five thousand other opposition members, who were shot en masse in the same way. I cannot say how many times such actions were repeated - probably until the former opposition was destroyed to the last man.
В конце 1936 года я уехал в Испанию, куда меня направили советником республиканского правительства. Находясь в Испании, я не мог непосредственно наблюдать, как шла подготовка второго и третьего судебных процессов, где подсудимыми являлись, как и на первом процессе, старые большевики. Однако множество закулисных историй, связанных с этими процессами, дошло до меня через хорошо информированных сотрудников НКВД, которые выезжали по делам службы в Испанию и Францию.	At the end of 1936 I left for Spain, where I was sent as an adviser to the republican government. While in Spain, I could not directly observe how the preparations for the second and third trials were going on, where the defendants were, as in the first trial, the old Bolsheviks. However, many behind-the-scenes stories related to these processes came to me through well-informed NKVD officers who traveled on business to Spain and France.
Бывших партийных лидеров, фигурировавших на первом процессе, Сталин обвинил, как помнит читатель, только в террористической деятельности. Тогда ему казалось, что вполне достаточно одного этого обвинения. Во-первых, такое преступление, как террористический заговор против руководителей партии и правительства, вполне оправдывало вынесение смертных приговоров.	The former party leaders who figured in the first trial, Stalin accused, as the reader will remember, only of terrorist activities. Then it seemed to him that this accusation alone was enough. First, such a crime as a terrorist plot against the leaders of the party and government fully justified the imposition of death sentences. Secondly, Stalin hoped that such an accusation would look quite plausible and the world community

Во-вторых, Сталин рассчитывал, что подобное обвинение будет выглядеть вполне правдоподобным и мировая общественность не усмотрит ничего невероятного в том, что политические лидеры, потерпев поражение, решились на такую крайнюю меру, чтобы вернуть власть, вырванную у них из рук.	would not see anything incredible in the fact that political leaders, having suffered a defeat, decided on such an extreme measure in order to return the power wrested from them from their hands.
Точно такими же рассуждениями Сталин руководствовался, планируя второй судебный процесс. В самом конце августа 1936 года следователи НКВД получили предписание добиться от Радека, Серебрякова, Сокольникова и ряда других арестованных признания, что они входили в так называемый "параллельный центр". Последний, всё по той, же сталинской версии, должен был начать террористическую деятельность, если б участники "троцкистско-зиновьевского террористического центра" во главе с Зиновьевым и Каменевым оказались арестованными, не успев реализовать свои преступные замыслы.	Stalin was guided by exactly the same reasoning when planning the second trial. At the very end of August 1936, the NKVD investigators received an order to obtain from Radek, Serebryakov, Sokolnikov and a number of other arrested people a confession that they were part of the so-called "parallel center". The latter, all according to the same Stalinist version, was supposed to start terrorist activities if the participants in the "Trotskyist-Zinoviev terrorist center" headed by Zinoviev and Kamenev were arrested without having had time to realize their criminal plans.
Такая версия позволяла следователям убедить своих подследственных, что они не будут расстреляны, поскольку в отличие от Зиновьева, Каменева и их товарищей по первому процессу они обвиняются не в подготовке каких-либо конкретных террористических актов, а только в принадлежности к бездействовавшему "параллельному центру".	This version allowed the investigators to convince their defendants that they would not be shot, since, unlike Zinoviev, Kamenev and their comrades in the first trial, they were accused not of preparing any specific terrorist acts, but only of belonging to an inactive "parallel center".
Однако эту установку, данную следователям, в один прекрасный день пришлось круто изменить. Руководство НКВД распорядилось прервать следствие впредь до получения новых инструкций. Следователи не знали, что и думать. Быть может, увидев, с какой насмешкой и с каким отвращением мир отнёсся к результатам первого из московских процессов, Сталин решил отказаться от подобных процессов? Однако спустя всего несколько дней следователи были созваны Молчановым на срочное совещание, где получили директиву, звучавшую бредом сумасшедшего: им было предписано добиваться от арестованных признаний, что они замышляли захватить власть с помощью двух иностранных держав - Германии и Японии - и реставрировать в СССР капитализм. Следователи не верили своим ушам. Если б не присутствие Ежова, который сидел как ни в чём не бывало, можно было бы сомневаться, не повредился ли Молчанов рассудком.	However, this installation, given to the investigators, one fine day had to be drastically changed. The leadership of the NKVD ordered that the investigation be interrupted until new instructions were received. The investigators didn't know what to think. Perhaps, seeing with what mockery and with what disgust the world reacted to the results of the first of the Moscow trials, Stalin decided to abandon such trials? However, just a few days later, the investigators were summoned by Molchanov to an urgent meeting, where they received a directive that sounded like the ravings of a madman: they were ordered to extract confessions from the arrested that they were plotting to seize power with the help of two foreign powers - Germany and Japan - and restore capitalism in the USSR. The investigators could not believe their ears. If it were not for the presence of Yezhov, who sat as if nothing had happened, one could doubt whether Molchanov had lost his mind.
Итак, из членов относительно невинного "параллельного центра" обвиняемые должны были превратиться в агентов фашистской	So, from members of a relatively innocent "parallel center" the accused were to turn into agents of Nazi Germany. Considering the

Германии. Учитывая, в каком невыгодном положении теперь окажутся следователи в отношении своих подследственных, Молчанов велел им поменяться подследственными. Таким образом, каждый из арестованных попадёт к новому следователю, не связанному теми разъяснениями или обещаниями, какие давал его предшественник.	disadvantageous position that the investigators would now find themselves in with respect to their defendants, Molchanov ordered them to switch defendants. Thus, each of those arrested will get to a new investigator, not bound by those explanations or promises that his predecessor gave.
Что же заставило Сталина так резко изменить первоначальную схему обвинений и приписать старым большевикам преступления, от которых за версту несло провокацией, настолько они были абсурдны? Всё произошло очень обыденно. Сталин вернулся в Москву из отпуска и получил донесение Ягоды, из которого сделал вывод, что только что закончившийся процесс принёс ему больше вреда, чем пользы. Конечно, уничтожение Зиновьева, Каменева и Смирнова Сталин мог засчитать себе в актив. Но во всех других отношениях процесс выглядел сплошным провалом. Общественное мнение за рубежом отнеслось к нему как к нелепому спектаклю и расценило его просто как акт мести Сталина своим политическим противникам. Постепенно на глазах всего мира выявились грубые юридические натяжки и подтасовки, из которых наиболее позорной была история с несуществующей копенгагенской гостиницей "Бристоль". Главное же, этот процесс даже у советских трудящихся вызвал растущее сочувствие к расстрелянным деятелям и даже сожаление, что этим старым революционерам не удалось свергнуть сталинскую тиранию. В донесении Ягоды было сказано, что на стенах некоторых московских заводов появились такие надписи: "Долой убийцу вождей Октября!" "Жаль, что не прикончили грузинского гада!" Всё это выглядело очень серьёзно. К тому же Сталина беспокоило ещё одно обстоятельство. Он знал, что со времён знаменитой террористической организации "Народная воля" идея революционного террора окружена в представлении русской молодёжи неким ореолом героизма и мученичества за "правое дело". Выдумав легенду, будто старые большевики считали необходимым убить его, Сталина, он сам подал массам мысль о революционном терроре. Он позволил зародиться в головах людей опаснейшей мысли о том, что даже ближайшие соратники Ленина увидели в терроре единственную возможность избавить страну от сталинской деспотии. Так или иначе, Сталину меньше всего хотелось, чтобы трудящимся массам СССР казнённые большевики представлялись в том же ореоле, каким история окружила героев-народовольцев.	What made Stalin so drastically change the initial scheme of accusations and attribute crimes to the old Bolsheviks, from which a mile away reeked of a provocation, they were so absurd? Everything happened in a very ordinary way. Stalin returned to Moscow from vacation and received a report from Yagoda, from which he concluded that the process that had just ended had done him more harm than good. Of course, the destruction of Zinoviev, Kamenev and Smirnov, Stalin could count as an asset. But in all other respects, the process looked like a complete failure. Public opinion abroad regarded it as a ridiculous performance and regarded it simply as an act of Stalin's revenge on his political opponents. Gradually, in front of the eyes of the whole world, gross legal exaggerations and frauds were revealed, of which the most shameful was the story of the non-existent Bristol Hotel in Copenhagen. Most importantly, even among the Soviet working people, this process aroused growing sympathy for the executed leaders and even regret that these old revolutionaries failed to overthrow the Stalinist tyranny. In Yagoda's report, it was said that the following inscriptions appeared on the walls of some Moscow factories: "Down with the murderer of the leaders of October!" "It's a pity they didn't finish off the Georgian reptile!" All this looked very serious. In addition, Stalin was worried about another circumstance. He knew that since the time of the famous terrorist organization "Narodnaya Volya", the idea of revolutionary terror has been surrounded in the minds of Russian youth by a kind of halo of heroism and martyrdom for a "just cause". Inventing the legend that the old Bolsheviks considered it necessary to kill him, Stalin, he himself gave the masses the idea of revolutionary terror. He allowed the most dangerous thought to arise in the minds of people that even Lenin's closest associates saw in terror the only opportunity to rid the country of Stalin's despotism. One way or another, Stalin least of all wanted the executed Bolsheviks to be presented to the working masses of the USSR in the same halo that history surrounded the heroes of the People's Volunteers.

Как и в прошлом, руководители НКВД использовали при подготовке второго процесса ряд своих агентов, игравших роль "обвиняемых". Не могу сказать, сколько их было всего, назову двоих - Шестова и Граше.	As in the past, the leaders of the NKVD used a number of their agents in the preparation of the second trial, who played the role of "accused". I can't say how many there were in total, I'll name two - Shestov and Grasha.
В организованной структуре НКВД "секретный сотрудник" - а Шестов и Граше относились к числу именно секретных сотрудников - это специальный агент, который направлен на предприятие или в учреждение с заданием тайно собирать сведения о деятельности этого учреждения и о его работниках. Для маскировки секретный сотрудник НКВД занимает какую-нибудь легальную должность и обычно не вызывает у коллектива ни малейших подозрений.	In the organized structure of the NKVD, a "secret agent" - and Shestov and Grashe belonged to the number of secret employees - is a special agent who is sent to an enterprise or institution with the task of secretly collecting information about the activities of this institution and its employees. For disguise, a secret NKVD officer occupies some legal position and usually does not arouse the slightest suspicion among the team.
Шестов был секретным сотрудником НКВД в Кузнецком угольном бассейне, расположенном в Западной Сибири. Один из руководителей Экономического управления говорил мне, что Шестов считался очень способным агентом, однако не слишком чистоплотным в денежных делах. Другой секретный сотрудник - Граше - занимал ответственную должность в отделе внешних сношений одного из московских химических главков. Официальной задачей Граше было приглашение иностранных специалистов и устройство их на работу в СССР. Его секретная деятельность заключалась главным образом в руководстве сетью тайных информаторов среди служащих своего главка и в наблюдении за иностранными специалистами с точки зрения государственной безопасности.	Shestov was a secret agent of the NKVD in the Kuznetsk coal basin, located in Western Siberia. One of the leaders of the Economic Department told me that Shestov was considered a very capable agent, but not very clean in money matters. Another secret collaborator - Grachet - held a responsible position in the department of foreign relations of one of the Moscow chemical headquarters. Grasha's official task was to invite foreign specialists and put them to work in the USSR. His secret activities consisted mainly in directing a network of secret informants among the employees of his central office and in monitoring foreign specialists from the point of view of state security.
Экономическое управление НКВД считало Граше очень ценным сотрудником. Будучи по происхождению австрийцем, он свободно владел несколькими европейскими языками и легко заводил знакомства с иностранными инженерами. Некоторых из них он даже завербовал в тайные агенты НКВД. Как правило, они сохраняли свои связи с НКВД даже после возвращения из СССР на родину и снабжали тамошних резидентов советской разведки промышленными секретами своих фирм.	The economic department of the NKVD considered Grasha a very valuable employee. Being an Austrian by origin, he was fluent in several European languages and easily made acquaintances with foreign engineers. He even recruited some of them into secret agents of the NKVD. As a rule, they maintained their ties with the NKVD even after returning from the USSR to their homeland and supplied the Soviet intelligence residents there with the industrial secrets of their firms.
Как Шестов, так и Граше приняли, участие во втором из московских судебных процессов, считая, что выполняют ответственное задание НКВД и ЦК партии (в сущности так оно и было). Едва ли этим видным партийцам могло прийти в голову, что, будучи фиктивными обвиняемыми, они, тем не менее, окажутся приговорёнными к смертной казни и приговор будет приведён в	Both Shestov and Grashe took part in the second of the Moscow trials, believing that they were fulfilling the responsible task of the NKVD and the Central Committee of the party (in fact, it was so). It could hardly have occurred to these prominent party members that, being fictitious defendants, they would nevertheless be sentenced to death and the sentence would be carried out.

исполнение.	
ЮРИЙ ПЯТАКОВ Второй московский процесс, на котором оказалось семнадцать обвиняемых, состоялся в январе 1937 года. Главными фигурами среди обвиняемых были Пятаков, Серебряков, Радек и Сокольников.	YURI PYATAKOV The second Moscow trial, which included seventeen defendants, took place in January 1937. The main figures among the accused were Pyatakov, Serebryakov, Radek and Sokolnikov.
Юрий Пятаков был одним из самых одарённых и самых уважаемых людей в большевистской партии. Когда произошла Октябрьская революция, ему было всего двадцать семь лет. Тем не менее за его плечами было уже двенадцать лет революционной деятельности. В 1918 году его старший брат Леонид, руководивший большевистским подпольем в Киеве, был схвачен гайдамаками и замучен. Именно после этого Юрий Пятаков попросил Ленина освободить его от обязанностей главного комиссара Государственного банка (эту должность он в то время занимал) и направить на Украину для участия в подпольной борьбе с Центральной Радой.	Yuri Pyatakov was one of the most gifted and most respected people in the Bolshevik Party. When the October Revolution took place, he was only twenty-seven years old. Nevertheless, he already had twelve years of revolutionary activity behind him. In 1918, his older brother Leonid, who led the Bolshevik underground in Kyiv, was captured by the Gaidamaks and tortured to death. It was after this that Yuri Pyatakov asked Lenin to relieve him of his duties as chief commissioner of the State Bank (he held this position at that time) and send him to Ukraine to participate in the underground struggle against the Central Rada.
После того как на Украине победила революция, Пятаков сделался первым председателем украинского Совнаркома. В годы гражданской войны он стал одним из выдающихся организаторов Красной армии. Командовал 13-й, а затем 6-й армиями, а в дальнейшем был членом реввоенсовета 16-й армии, которая сражалась на польском фронте.	After the revolution won in Ukraine, Pyatakov became the first chairman of the Ukrainian Council of People's Commissars. During the Civil War, he became one of the outstanding organizers of the Red Army. He commanded the 13th and then the 6th armies, and later was a member of the Revolutionary Military Council of the 16th army, which fought on the Polish front.
Но по-настоящему способности Пятакова проявились в области народнохозяйственного строительства. По окончании гражданской войны, когда самой острой для страны проблемой стала нехватка топлива, Ленин дал ему задание добиться резкого увеличения угледобычи в Донбассе. Пятаков блестяще выполнил это задание.	But Pyatakov's abilities really showed up in the field of national economic construction. At the end of the civil war, when the most acute problem for the country was the lack of fuel, Lenin gave him the task of achieving a sharp increase in coal production in the Donbass. Pyatakov brilliantly fulfilled this task.
О том, сколь высоко Ленин ценил Пятакова, можно видеть хотя бы по тому, что он упоминается в его знаменитом "завещании", где всего-то перечислено шесть фамилий наиболее крупных партийных деятелей. В этом документе, где Ленин предостерег партию против сталинского засилья, он охарактеризовал Пятакова и Бухарина так: "Это, по-моему, самые выдающиеся силы (из самых молодых сил)", а в отношении Пятакова добавил: "Пятаков - человек несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей, но слишком увлекающийся администраторством..." Со времени написания ленинского "завещания" до того часа, когда Пятаков появился в качестве подсудимого на втором московском процессе, прошло тринадцать лет. За эти годы он сделался государственным деятелем	One can see how highly Lenin valued Pyatakov, if only by the fact that he is mentioned in his famous "testament", where only six names of the largest party leaders are listed. In this document, where Lenin warned the party against Stalin's dominance, he characterized Pyatakov and Bukharin as follows: "These, in my opinion, are the most outstanding forces (of the youngest forces)", and in relation to Pyatakov he added: "Pyatakov is a man of undoubtedly outstanding will and outstanding abilities, but too fond of administration ... From the time of writing Lenin's "testament" to the hour when Pyatakov appeared as a defendant at the second Moscow trial, thirteen years had passed. During these years he became a statesman of the highest rank. Suffice it to say that it was to him that the country in the first place owed the successful

самого высокого ранга. Достаточно сказать, что именно ему страна в первую очередь была обязана успешным выполнением первой и второй пятилеток. Он был выдающимся организатором производства.	implementation of the first and second five-year plans. He was an outstanding organizer of production.
В 1931 году Пятаков был назначен заместителем наркома тяжёлой промышленности. Сталин держал его в "замах" лишь потому, что во второй половине 20-х годов Пятаков принимал активное участие в троцкистской оппозиции. В силу этого наркомом тяжёлой промышленности чисто формально был Серго Орджоникидзе - человек, не получивший образования и слабо разбиравшийся в сложных финансово-экономических вопросах. Среди "командиров социалистической индустрии" и партийных деятелей было, однако, известно, что фактическим руководителем тяжёлой промышленности и душой индустриализации является Пятаков. Орджоникидзе был достаточно умён, чтобы также признавать это. "Чего вы от меня хотите? - спрашивал он Пятакова. - Вы знаете, что я не инженер и не экономист. Если вам данный проект представляется хорошим, я под этим тоже подпишусь обеими руками и вместе с вами буду бороться за него на заседании Политбюро!" Да и отношение Сталина к Пятакову было, во всяком случае, более дружелюбно, чем к другим бывшим вожакам оппозиции. Сталин нуждался в Пятакове для осуществления программы индустриализации, которая была фундаментом так называемой "генеральной линии партии". А если Сталин в ком-нибудь до зарезу нуждался, он не выказывал своего истинного отношения к такому человеку, а, напротив, старался всячески ублажить его, - даже если знал, что, выжав из него всё, кончит тем, что перережет ему горло.	In 1931, Pyatakov was appointed Deputy People's Commissar for Heavy Industry. Stalin kept him in the "backswing" only because in the second half of the 1920s Pyatakov took an active part in the Trotskyist opposition. Because of this, Sergo Ordzhonikidze was purely formally the people's commissar of heavy industry - a man who had not received an education and was poorly versed in complex financial and economic issues. Among the "commanders of socialist industry" and party leaders, however, it was known that Pyatakov was the actual leader of heavy industry and the soul of industrialization. Ordzhonikidze was smart enough to admit it too. “What do you want from me?” he asked Pyatakov. “You know that I am not an engineer or an economist. If this project seems good to you, I will also sign it with both hands and together with you I will fight for it at a meeting of the Politburo! " Yes, and Stalin's attitude towards Pyatakov was, in any case, more friendly than towards other former leaders of the opposition. Stalin needed Pyatakov to carry out the industrialization program that was the foundation of the so-called "general line of the party." And if Stalin was desperately in need of someone, he did not show his true attitude towards such a person, but, on the contrary, tried in every possible way to please him, even if he knew that, having squeezed everything out of him, he would end up cutting his throat.
Сталину было известно, что Пятаков, отличавшийся особым аскетизмом, занимает вместе с семьёй две скромные комнатки в старом, запущенном доме в Гнездниковском переулке и что он вообще живёт на свою зарплату, не пользуясь никакими привилегиями. И вот однажды (дело происходило в 1931 году), когда Пятаков и его жена находились на службе, по поручению Сталина в его квартиру явились сотрудники управления делами Совнаркома и перевезли его сына и всё его скромное имущество в квартиру в новом доме - просторную и роскошно обставленную. Сталин всячески пытался приблизить к себе Пятакова, однако тот оставался равнодушным к сталинским заигрываниям. Пятаков порвал с оппозицией, но поносить своих вчерашних единомышленников и	Stalin knew that Pyatakov, who was distinguished by his special asceticism, occupied, together with his family, two modest rooms in an old, neglected house in Gnezdnikovsky Lane, and that he generally lived on his salary, without using any privileges. And then one day (it happened in 1931), when Pyatakov and his wife were in the service, on behalf of Stalin, employees of the Council of People's Commissars came to his apartment and transported his son and all his modest property to an apartment in a new house - spacious and luxuriously furnished . Stalin tried in every possible way to bring Pyatakov closer to him, but he remained indifferent to Stalin's flirtations. Pyatakov broke with the opposition, but stubbornly refused to vilify his associates of yesterday and praise Stalin.

восхвалять Сталина упорно отказывался.	
В разговорах с бывшими оппозиционерами Пятаков отвергал их упреки в том, что он переметнулся в сталинский лагерь, он говорил, что просто отошёл от политики. "Меня теперь интересует только одна вещь, - сказал он как-то группе видных оппозиционеров, - я должен быть уверен, что в государственной казне достаточно денег!" (дело происходило в 1929 году, когда Пятаков был назначен председателем правления Госбанка). Сталину всё это было известно. Из донесения НКВД знал он и о том, что в разговоре с группой друзей Пятаков однажды высказался так: "Я не могу отрицать, что Сталин является посредственностью и что он не тот человек, который должен бы стоять во главе партии; но обстановка такова, что, если мы будем продолжать упорствовать в оппозиции Сталину, нам в конце концов придется оказаться в ещё худшем положении: наступит момент, когда мы будем вынуждены повиноваться какому-нибудь Кагановичу. А я лично никогда не соглашусь подчиняться Кагановичу!" Таких оценок Сталин не прощал. Но он был терпелив и умел ждать. Ему приходилось запастись терпением на довольно длительное время, необходимое для индустриализации страны и подготовки кадров технических специалистов, которые были бы способны продолжать промышленную гонку. Сталин ждал восемь лет. К концу 1936 года он приказал Ягоде арестовать Пятакова.	In conversations with former oppositionists, Pyatakov rejected their reproaches that he had defected to the Stalinist camp, he said that he had simply moved away from politics. "I am now only interested in one thing," he once told a group of prominent oppositionists, "I must be sure that there is enough money in the state treasury!" (the case took place in 1929, when Pyatakov was appointed chairman of the board of the State Bank). Stalin knew all this. He also knew from a report from the NKVD that, in a conversation with a group of friends, Pyatakov once said: “I cannot deny that Stalin is a mediocrity and that he is not the kind of person who should be at the head of the party; but the situation is such that If we continue to persist in opposition to Stalin, we will eventually have to find ourselves in an even worse position: the moment will come when we will be forced to obey some Kaganovich. And I personally will never agree to obey Kaganovich! Stalin did not forgive such assessments. But he was patient and knew how to wait. He had to be patient for quite a long time, necessary for the industrialization of the country and the training of technicians who would be able to continue the industrial race. Stalin waited eight years. By the end of 1936, he ordered Yagoda to arrest Pyatakov.
Я был хорошо знаком с Пятаковым. Начало нашего знакомства относится к 1924 году, когда он возглавлял Главэкономсовет, а я был заместителем начальника Экономического управления ОГПУ и поддерживал постоянный контакт с ведомством Пятакова. Одновременно я являлся прокурором - членом секретной "Юридической комиссии", также возглавляемой Пятаковым. Эта комиссия была образована по решению Политбюро в том же 1924 году и занималась расследованием обвинений, выдвигаемых против руководителей промышленных главков. Комиссия должна была определять, следует ли направить дело того или иного руководителя в суд или же в интересах производства можно ограничиться дисциплинарными мерами.	I was well acquainted with Pyatakov. The beginning of our acquaintance dates back to 1924, when he headed the Main Economic Council, and I was deputy head of the Economic Department of the OGPU and maintained constant contact with Pyatakov's department. At the same time, I was a prosecutor - a member of the secret "Juridical Commission", also headed by Pyatakov. This commission was formed by the decision of the Politburo in the same year 1924 and was engaged in investigating the charges against the leaders of the industrial headquarters. The commission was to determine whether the case of a particular leader should be sent to court, or whether, in the interests of the proceedings, disciplinary measures could be limited.
Наиболее характерная черта Пятакова состояла в том, что у него не было личной жизни, он не принадлежал себе. Приезжая на службу к 11 ти утра, он, покидал свой рабочий кабинет в три часа ночи. Его рабочий день был так заполнен, что и обедал-то он не чаще двух-трёх раз в неделю. Из-за такой интенсивной работы и недостаточного	The most characteristic feature of Pyatakov was that he had no personal life, he did not belong to himself. Arriving at work by 11 am, he left his office at three in the morning. His working day was so busy that he dined no more than two or three times a week. Due to such intense work and insufficient nutrition, Pyatakov was thin and painfully pale.

питания Пятаков был худ и болезненно бледен. Долговязый, высокого роста, с редкой рыжеватой бородкой, он представлял собой нечто вроде российского варианта Дон Кихота. Я помню его в неизменно дешёвом плохо сшитом костюме. Он имел обыкновение покупать недорогие костюмы (которые были ему почему-то всегда малы) со слишком короткими рукавами и носить их по многу лет.	Lanky, tall, with a sparse reddish beard, he was something like the Russian version of Don Quixote. I remember him in an invariably cheap, badly tailored suit. He used to buy inexpensive suits (which for some reason were always too small for him) with too short sleeves and wear them for many years.
Когда Пятаков прибыл в Германию, где ему предстояло разместить советские заказы на пятьдесят миллионов марок, он занял самый дешёвый номер, какой только нашелся в гостинице. Директора немецких компаний, которые вели дела с Пятаковым, не могли взять в толк, почему такой влиятельный член советского правительства, к тому же распоряжавшийся столь крупными денежными суммами, одет хуже последнего служащего их собственных предприятий.	When Pyatakov arrived in Germany, where he was to place Soviet orders for fifty million marks, he took the cheapest room he could find in a hotel. The directors of German companies who did business with Pyatakov could not understand why such an influential member of the Soviet government, who, moreover, disposed of such large sums of money, was dressed worse than the last employee of their own enterprises.
Пятаков был женат, но его семейная жизнь не удалась. Его жена, как и он сам, была членом партии; но это была неряшливая женщина, питавшая слабость к выпивке. О семье она почти не заботилась, и нередко случалось, что Пятаков, которому срочно надо было ехать в отдалённый район или за границу, отправлялся к своему секретарю Коле Москалёву, чтобы одолжить у него пару чистых сорочек. К огорчению москапёвской супруги, он часто забывал их возвращать. В последние годы Пятаков с женой практически разошлись, хотя и оставались добрыми друзьями. Их связывала любовь к единственному сыну, которому ко времени суда над Пятаковым исполнилось всего десять лет.	Pyatakov was married, but his family life failed. His wife, like himself, was a party member; but she was a slovenly woman with a weakness for drink. She hardly cared about her family, and it often happened that Pyatakov, who urgently needed to go to a remote area or abroad, went to his secretary Kolya Moskalev to borrow a pair of clean shirts from him. To the chagrin of the Muscovite wife, he often forgot to return them. In recent years, Pyatakov and his wife have practically separated, although they remained good friends. They were bound by love for their only son, who by the time of the trial of Pyatakov was only ten years old.
Ближайший друг и помощник Пятакова Николай Москалёв был человеком исключительного обаяния. В 1937 году ему исполнилось тридцать пять лет, но к тому времени они уже лет пятнадцать проработали вместе. Москалёв обожал своего шефа и был к нему привязан настолько, что жена ревновала его к Пятакову и говорила о последнем с нескрываемым раздражением.	Pyatakov's closest friend and assistant, Nikolai Moskalev, was a man of exceptional charm. In 1937, he was thirty-five years old, but by that time they had already worked together for fifteen years. Moskalev adored his boss and was so attached to him that his wife was jealous of Pyatakov and spoke of the latter with undisguised irritation.
В деле Пятакова сотрудники НКВД, действуя с обычной для них бессовестной жестокостью, использовали против него жену и ближайшего друга. Этот метод вполне соответствовал сталинскому "стилю". Сделавшись после смерти Дзержинского фактическим руководителем НКВД, Сталин неоднократно внушал энкаведистам, что на обвиняемых сильнее всего действуют показания, данные их родными и близкими друзьями. Читатель помнит дело Смирнова - против него выступили его жена (Сафонова) и его ближайший друг -	In the case of Pyatakov, the NKVD officers, acting with their usual unscrupulous cruelty, used his wife and closest friend against him. This method was quite consistent with the Stalinist "style". Having become the de facto head of the NKVD after Dzerzhinsky's death, Stalin repeatedly inspired the NKVD members that the testimony given by their relatives and close friends had the strongest effect on the accused. The reader remembers the Smirnov case - his wife (Safonova) and his closest friend, Mrachkovsky, opposed him. The testimony of a wife against her

Мрачковский. Особо ценились показания жены против мужа, сына против отца, брата против брата, - не только потому, что это деморализовало арестованного и выбивало у него почву из-под ног. Сталин испытывал особое удовольствие от разрушения семьи политического противника и крушения его дружеских связей. Безусловно, он был непревзойдённым мастером любых видов личной мести.	husband, a son against a father, a brother against a brother were especially valued, not only because it demoralized the arrested person and knocked the ground out from under his feet. Stalin took particular pleasure in the destruction of the family of a political opponent and the collapse of his friendly ties. Of course, he was an unsurpassed master of any kind of personal revenge.
"Органам" удалось очень быстро сломить "сопротивление жены Пятакова. Она знала об "исчезновении" детей обвиняемых по делу "троцкистско-зиновьевского террористического центра" и была раздавлена страхом за судьбу своего сына. Так вот, чтобы спасти ему жизнь, она согласилась давать любые показания против мужа. У Коли Москалёва, секретаря Пятакова, была маленькая дочь. Если бы он продолжал оставаться тем полуграмотным и наивным крестьянином, каким он когда-то переступил порог кабинета Пятакова, - он, скорее всего, отказался бы клеветать на своего начальника и друга. Но теперь у него за плечами был солидный политический опыт. Общаясь с секретарями других членов правительства, он многое узнал о нравах, царящих в Политбюро, и о характере тех, в чьих руках находится ныне, судьба народа. Он понимал, что раз уж Сталин решил участь Пятакова, НКВД будет выжимать из него, Москалёва, необходимые показания. С другой стороны, все эти показания являются пустой формальностью, потому что приговор Пятакову Сталин вынес задолго до ареста и суда. При всём этом Москалёв соблюдал осторожность. Он сказал Молчанову, что подпишет показания против Пятакова только в присутствии Агранова, которого знал лично (Агранов в то время был заместителем Ежова). Когда Агранов явился, Москалёв предупредил его, что он решил дать показания против Пятакова, подчиняясь партийной дисциплине, но сами эти показания представляют собой неправду.	The "organs" managed to break down "the resistance of Pyatakov's wife" very quickly. She knew about the "disappearance" of the children accused in the case of the "Trotsky-Zinoviev terrorist center" and was crushed by fear for the fate of her son. So, in order to save his life, she agreed to give any testimony against her husband. Kolya Moskalev, Pyatakov's secretary, had a little daughter. If he had continued to remain that semi-literate and naive peasant, as he once crossed the threshold of Pyatakov's office, he would most likely refuse to slander his boss and friend "But now he had solid political experience behind him. Communicating with the secretaries of other members of the government, he learned a lot about the morals reigning in the Politburo, and about the character of those in whose hands the fate of the people is now. He understood that since Stalin decided the fate of Pyatakov, the NKVD will squeeze out of him, Moskalev, the necessary evidence.On the other hand, all these testimonies are an empty formality, because the sentence of Pyatakov Stalin took it out long before his arrest and trial. With all this, Moskalev was careful. He told Molchanov that he would only sign evidence against Pyatakov in the presence of Agranov, whom he knew personally (Agranov was Yezhov's deputy at the time). When Agranov arrived, Moskalyov warned him that he had decided to testify against Pyatakov, subject to party discipline, but that the testimony itself was not true.
Пятаков был исключительно принципиальным человеком и к тому же обладал проницательным умом и сильной волей, был бесстрашен. Я почти уверен, что если бы среди "второй волны" арестованных большевиков объявился человек, способный противостоять своим тюремщикам, то этим человеком был бы Пятаков. Поэтому меня очень удивило, что он сравнительно легко сдался. Как выяснилось, дело обстояло так.	Pyatakov was an exceptionally principled man, and besides, he had a shrewd mind and a strong will, and was fearless. I am almost sure that if among the "second wave" of arrested Bolsheviks there appeared a person capable of resisting his jailers, then this person would be Pyatakov. Therefore, I was very surprised that he gave up relatively easily. As it turned out, this was the case.
В течение довольно длительного времени Пятаков вообще отказывался разговаривать со следователями. Однажды вечером в	For quite a long time, Pyatakov refused to talk to the investigators at all. One evening, Sergo Ordzhonikidze arrived at the NKVD and

НКВД приехал Серго Орджоникидзе и выразил желание переговорить с Пятаковым. Ежова, к тому времени сменившего Ягоду, не было на месте. Его заместитель Агранов, поколебавшись, позвонил во внутреннюю тюрьму и приказал доставить Пятакова к нему. Орджоникидзе двинулся навстречу вошедшему Пятакову, явно желая обнять его. Пятаков уклонился и отвёл его руки.	expressed a desire to speak with Pyatakov. Yezhov, who by that time had replaced Yagoda, was not there. His deputy Agranov, after hesitating, called the inner prison and ordered Pyatakov to be brought to him. Ordzhonikidze moved towards Pyatakov, who had come in, obviously wanting to hug him. Pyatakov evaded and took his hands away.
- Юрий! Я пришёл к тебе как друг! - воскликнул Орджоникидзе. - Я выдержал из-за тебя целый бой и не перестану за тебя бороться! Я говорил про тебя ему…	- Yuri! I came to you as a friend! exclaimed Ordzhonikidze. “I fought the whole fight because of you and I won’t stop fighting for you!” I told him about you…
После этого вступления Орджоникидзе попросил Агранова оставить его вдвоём с Пятаковым. Их разговор продолжался с глазу на глаз.	After this introduction, Ordzhonikidze asked Agranov to leave him alone with Pyatakov. Their conversation continued face to face.
Вёл ли Орджоникидзе коварную игру с Пятаковым под давлением Сталина, или был искренен? Последующий ход событий должен был дать ответ на этот вопрос.	Was Ordzhonikidze playing an insidious game with Pyatakov under pressure from Stalin, or was he sincere? The subsequent course of events should have provided an answer to this question.
Я знал Орджоникидзе по совместной работе в Тифлисе, ещё с 1926 года, когда я командовал погранвойсками Закавказья, а он был секретарём ЦК Закавказской федерации советских республик (ЗСФСР). Мне было нетрудно представить себе, как экспансивный Орджоникидзе, всё более возбуждаясь и жестикулируя, рассказывает Пятакову, какой "бой" он выдержал из-за него, как упрашивал Сталина не вовлекать Пятакова в готовящийся процесс…	I knew Ordzhonikidze from joint work in Tiflis, since 1926, when I commanded the border troops of Transcaucasia, and he was secretary of the Central Committee of the Transcaucasian Federation of Soviet Republics (ZSFSR). It was not difficult for me to imagine how the expansive Ordzhonikidze, getting more and more excited and gesticulating, tells Pyatakov what a "fight" he had endured because of him, how he begged Stalin not to involve Pyatakov in the upcoming trial …
Спустя несколько дней Орджоникидзе снова появился в здании НКВД и опять был оставлен вдвоём с Пятаковым. На этот раз, перед тем как уйти, Орджоникидзе в присутствии Пятакова сообщил Агранову сталинское распоряжение: исключить из числа участников будущего процесса жену Пятакова и его личного секретаря Москалёва. Их не следует вызывать в суд даже в качестве свидетелей. Стало яснее ясного, что самому Пятакову Орджоникидзе посоветовал уступить требованию Сталина и принять участие в жульническом судебном процессе, - разумеется, в качестве подсудимого. Но для меня оставалось несомненным, что Орджоникидзе при этом лично гарантировал Пятакову: смертный приговор ему вынесен не будет.	A few days later, Ordzhonikidze reappeared in the NKVD building and was again left alone with Pyatakov. This time, before leaving, Ordzhonikidze, in the presence of Pyatakov, informed Agranov of Stalin's order: to exclude Pyatakov's wife and his personal secretary Moskalev from the number of participants in the future trial. They should not be called to court even as witnesses. It became clearer than ever that Ordzhonikidze himself advised Pyatakov to give in to Stalin's demand and take part in the fraudulent trial - of course, as a defendant. But for me it remained undoubted that Ordzhonikidze at the same time personally guaranteed Pyatakov that he would not be sentenced to death.
Поверил ли Пятаков Орджоникидзе? Я убеждён, что поверил. Пятаков знал, что Орджоникидзе в отличие от Сталина был верен дружбе, по крайней мере, в тех случаях, когда друг не представлял собой соперника в борьбе за власть. Он также знал, что	Did Pyatakov trust Ordzhonikidze? I'm sure I believed. Pyatakov knew that Ordzhonikidze, unlike Stalin, was loyal to friendship, at least in cases where the friend was not a rival in the struggle for power. He also knew that Ordzhonikidze, whose education was limited to medical

Орджоникидзе, образование которого исчерпывалось фельдшерскими курсами, не мог без его помощи руководить промышленностью. Уже хотя бы из чистого эгоизма Орджоникидзе должен был бороться за сохранение жизни Пятакова, обеспечивая себе советника и помощника на будущее. Едва ли Пятаков догадывался, что Орджоникидзе, быть может, сам того не подозревая, выступал в провокационной роли сталинского ставленника. Он был одним из самых влиятельных членов Политбюро. Сталин мог требовать от него покорности при решении важных государственных вопросов, но едва ли мог принудить его играть презренную роль пешки-провокатора. В общем Пятаков вполне мог думать, что его положение лучше, чем у других обвиняемых. Ведь ему протежировал сталинский близкий друг и земляк.	assistant courses, could not manage industry without his help. If only out of pure selfishness, Ordzhonikidze had to fight to save Pyatakov's life, providing himself with an adviser and assistant for the future. It is unlikely that Pyatakov guessed that Ordzhonikidze, perhaps without knowing it himself, acted in the provocative role of Stalin's henchman. He was one of the most influential members of the Politburo. Stalin could demand obedience from him in solving important state issues, but he could hardly force him to play the despicable role of a pawn provocateur. On the whole, Pyatakov might well have thought that his position was better than that of the other defendants. After all, he was patronized by a close friend and countryman of Stalin.
Итак, Пятаков, по-видимому, решил довериться Орджоникидзе. Он подписал ложное признание, в котором подтверждал, что, воспользовавшись поездкой в Берлин в декабре 1935 года, написал оттуда письмо Троцкому, находившемуся тогда в Норвегии. Пятаков якобы испрашивал директив Троцкого об оказании финансовой поддержки заговорщикам внутри СССР. Далее он подтвердил, что получил ответ Троцкого: тот якобы сообщал, что им достигнуто соглашение с германским, нацистским правительством. По этому соглашению немцы обязались вступить в войну с Советским Союзом и помочь Троцкому захватить власть в СССР. За это Троцкий обещал отдать немцам территорию Украины и предоставить ряд экономических уступок. В связи с этим соглашением Троцкий якобы требовал в письме к Пятакову, чтобы антисоветское подполье усилило свою вредительскую деятельность в промышленности.	So, Pyatakov, apparently, decided to trust Ordzhonikidze. He signed a false confession in which he confirmed that, taking advantage of a trip to Berlin in December 1935, he wrote a letter from there to Trotsky, who was then in Norway. Pyatakov allegedly asked for Trotsky's directives to provide financial support to conspirators within the USSR. He further confirmed that he had received Trotsky's reply: he allegedly reported that he had reached an agreement with the German, Nazi government. Under this agreement, the Germans pledged to go to war with the Soviet Union and help Trotsky seize power in the USSR. For this, Trotsky promised to give the territory of Ukraine to the Germans and provide a number of economic concessions. In connection with this agreement, Trotsky allegedly demanded in a letter to Pyatakov that the anti-Soviet underground intensify its sabotage activities in industry.
Слушая на совещании в Кремле доклад о признаниях, сделанных Пятаковым, Сталин спросил : не лучше ли написать в обвинительном заключении, что Пятаков получил директивы Троцкого не по почте, а во время личной встречи с ним? Так родилась легенда о том, как Пятаков летал в Норвегию на свидание с Троцким. Чтобы версия была более убедительной, Сталин распорядился: пусть начальник Иностранного управления НКВД Слуцкий разработает схему путешествия Пятакова из Берлина в Норвегию, с учётом расписания поездов Берлин - Осло.	Listening at a conference in the Kremlin to a report on the confessions made by Pyatakov, Stalin asked: would it not be better to write in the indictment that Pyatakov received Trotsky's directives not by mail, but during a personal meeting with him? Thus was born the legend of how Pyatakov flew to Norway on a date with Trotsky. To make the version more convincing, Stalin ordered: let the head of the Foreign Directorate of the NKVD, Slutsky, develop a scheme for Pyatakov's travel from Berlin to Norway, taking into account the Berlin-Oslo train schedule.
Когда мы со Слуцким встретились в Париже, в санатории профессора Бержере (это произошло в феврале 1937 года), он рассказал мне, что случилось на следующем кремлёвском совещании	When Slutsky and I met in Paris, in the sanatorium of Professor Bergeret (this happened in February 1937), he told me what happened at the next Kremlin meeting on the Pyatakov case.

по делу Пятакова.	
Слуцкий доложил Сталину, что собранные им данные не позволяют принять версию о личной поездке Пятакова в Норвегию. Дело в том, что по действующему расписанию путешествие Пятакова в Осло, учитывая время, необходимое, чтобы добраться из Осло в Вексаль, где жил Троцкий, и побеседовать с ним, займёт минимум двое суток. Было бы очень опасно утверждать, что Пятаков исчезал из Берлина на столь продолжительное время: по данным советского торгпредства в Берлине, он ежедневно проводил там совещания с представителями различных немецких фирм и чуть ли не каждый день подписывал с ними контракты.	Slutsky reported to Stalin that the data he had collected did not allow accepting the version of Pyatakov's personal trip to Norway. The fact is that according to the current schedule, Pyatakov's trip to Oslo, given the time required to get from Oslo to Veksal, where Trotsky lived, and talk with him, will take at least two days. It would be very dangerous to say that Pyatakov disappeared from Berlin for such a long time: according to the Soviet trade mission in Berlin, he held daily meetings there with representatives of various German firms and signed contracts with them almost every day.
Сталин был недоволен докладом Слуцкого и, не дождавшись изложения всех минусов обсуждаемой легенды, возразил: "Может быть, то, что вы говорите насчёт расписания поездов, действительно верно. Однако Пятаков мог ведь слетать в Осло и на самолёте? Полёт туда и обратно, наверное, можно совершить за одну ночь?" Слуцкий заметил, что самолёт (не забудем, что полёт должен был относиться к 1935 году) берёт очень мало пассажиров и фамилия каждого из них записывается в журнал авиакомпании. Но Сталин уже принял решение: "Надо указать, что Пятаков летал на специальном самолёте. Для такого дела германские власти охотно дали бы самолёт!" Слуцкий, любивший хвастаться, что ему часто приходится разговаривать со Сталиным, рассказал мне об этом совещании под большим секретом. Впрочем, через несколько дней я узнал, что то же самое он рассказал резиденту НКВД во Франции, тоже под большим секретом, однако в присутствии ещё одного сотрудника Иностранного управления.	Stalin was dissatisfied with Slutsky's report and, not waiting for the presentation of all the minuses of the legend under discussion, objected: “Maybe what you say about the train schedule is really true. However, Pyatakov could fly to Oslo by plane? , can be done in one night? Slutsky noticed that the plane (let's not forget that the flight was supposed to refer to 1935) takes very few passengers and the name of each of them is recorded in the airline's log. But Stalin had already made a decision: "It must be pointed out that Pyatakov flew on a special aircraft. For such a case, the German authorities would gladly give an aircraft!" Slutsky, who liked to boast that he often had to talk with Stalin, told me about this meeting in great secrecy. However, a few days later I learned that he told the NKVD resident in France the same thing, also under great secrecy, but in the presence of another employee of the Foreign Directorate.
Показания, подписанные Пятаковым, пришлось соответственно переписать, исключив из них письмо, якобы пришедшее от Троцкого. Версия насчёт указаний, полученных от Троцкого, несколько усложнилась. Согласно новой версии, оглашённой на суде, в середине декабря 1935 года Пятаков приземлился на аэродроме под Осло и, пройдя официальную проверку документов, отправился на машине к Троцкому, с которым и вёл переговоры. Они обсуждали план свержения сталинского режима и захвата власти с помощью немецких штыков.	The testimony, signed by Pyatakov, had to be rewritten accordingly, excluding from them a letter allegedly coming from Trotsky. The version about the instructions received from Trotsky has become somewhat more complicated. According to the new version announced at the trial, in mid-December 1935, Pyatakov landed at the airport near Oslo and, having passed an official document check, went by car to Trotsky, with whom he negotiated. They discussed a plan to overthrow the Stalinist regime and seize power with the help of German bayonets.
Горький опыт предыдущего процесса, когда была упомянута несуществующая гостиница "Бристоль", заставил организаторов	The bitter experience of the previous trial, when the non-existent Bristol Hotel was mentioned, forced the organizers of the new trial to

нового процесса предостеречь Пятакова от "излишних подробностей". Пятаков не должен был говорить, под каким именем он совершил путешествие в Норвегию и получал ли он въездную визу. В остальном как будто было всё в порядке: Пятаков вполне мог слетать за одну ночь в Осло и обратно, и самый придирчивый скептик не имел возможности проверить, действительно ли одиночный самолёт появлялся над Норвегией под покровом декабрьской ночи.	warn Pyatakov against "unnecessary details." Pyatakov was not supposed to say under what name he traveled to Norway and whether he received an entry visa. Otherwise, everything seemed to be in order: Pyatakov could well fly to Oslo and back in one night, and the most captious skeptic had no way to check whether a single plane really appeared over Norway under the cover of a December night.
И тем не менее Сталина ждал жестокий удар.	Nevertheless, a cruel blow awaited Stalin.
25 января 1937 года, всего через два дня после того, как Пятаков изложил суду всю эту историю, в норвежской газете "Афтенпостен" появилась такая заметка: СОВЕЩАНИЕ ПЯТАКОВА С ТРОЦКИМ В ОСЛО ВЫГЛЯДИТ СОВЕРШЕННО НЕПРАВДОПОДОБНЫМ ...Он будто бы прибыл на самолёте на аэродром Хеллер. Однако персонал этого аэродрома утверждает, что никакие гражданские самолёты в декабре 1935 года там не приземлялись...	On January 25, 1937, just two days after Pyatakov told the whole story to the court, the following article appeared in the Norwegian newspaper Aftenposten: THE MEETING OF PYATAKOV WITH TROTSKY IN OSLO LOOKS COMPLETELY IMPROBABLE ... He allegedly arrived by plane at the airfield Heller. However, the staff of this airfield claims that no civilian aircraft landed there in December 1935...
Это сообщение застало Сталина и его помощников врасплох. Надо было срочно что-то предпринять. Но что? Объявить, что самолёт сел не на аэродром Хеллер, а на какой-нибудь другой? Однако было известно, что в окрестностях Осло только этот аэродром принимал гражданские самолёты. Внушить Пятакову, что он вообще не нуждался в аэродроме, а сел в пределах акватории ближайшего порта, тоже было поздно: ведь стартовал он якобы с берлинского сухопутного аэродрома Темпельгоф.	This message took Stalin and his assistants by surprise. Something had to be done urgently. But what? Announce that the plane did not land on the Heller airfield, but on some other one? However, it was known that in the vicinity of Oslo only this airfield received civilian aircraft. It was also too late to convince Pyatakov that he did not need an airfield at all, but landed within the waters of the nearest port: after all, he supposedly started from the Berlin land airfield Tempelhof.
Чтобы как-то ослабить впечатление, произведённое заметкой в "Афтенпостен", Вышинский предъявил суду официальную справку консульского отдела народного комиссариата иностранных дел СССР, где говорилось: "...аэродром в Хеллере, около Осло, принимает круглый год, согласно международным правилам, аэропланы других стран, прилёт и отлёт аэропланов возможны и в зимние месяцы".	In order to somehow weaken the impression made by a note in Aftenposten, Vyshinsky presented to the court an official certificate from the consular department of the People's Commissariat for Foreign Affairs of the USSR, which stated: "... the airfield in Heller, near Oslo, receives airplanes all year round, according to international rules other countries, the arrival and departure of airplanes are possible in the winter months."
Таким образом, вместо того чтобы ответить на категорическое утверждение норвежской газеты, Вышинский наводит тень на ясный день и вводит в игру столь слабый козырь, как констатацию возможности аэродрома в Хеллере вообще принимать самолёты зимой.	Thus, instead of responding to the categorical statement of the Norwegian newspaper, Vyshinsky casts a shadow on a clear day and introduces such a weak trump card as a statement of the possibility of the airfield in Heller to receive planes in winter at all.
Вдобавок исходило это даже не от официальных норвежских властей, чья точка зрения могла бы считаться беспристрастной, и не от администрации аэродрома Хеллер, а всего лишь от консульского отдела народного комиссариата иностранных дел в Москве,	In addition, this did not even come from the official Norwegian authorities, whose point of view could be considered impartial, and not from the administration of the Heller airfield, but only from the consular department of the People's Commissariat for Foreign Affairs in Moscow,

выдавшего такую жалкую справку...	which issued such a miserable certificate ...
Как и следовало ожидать, на этом дело не кончилось. 29 января уже другая норвежская газета - "Арбейдербладет", орган правящей социал-демократической партии, - опубликовала ещё одно сообщение: "Сегодня, в ответ на запрос корреспондента газеты "Арбейдербладет", управляющий аэродромом в Хеллере Гулликсен сообщил по телефону, что в декабре 1935 года там не приземлялись никакие иностранные самолёты".	As expected, the matter did not end there. On January 29, another Norwegian newspaper, Arbeiderbladet, the organ of the ruling Social Democratic Party, published another message: "Today, in response to an inquiry from a correspondent of the newspaper Arbeiderbladet, Gulliksen, the airfield manager in Heller, reported by telephone that in December 1935 No foreign aircraft have landed there in years."
Далее в том же сообщении говорилось, что, согласно официальному журналу полётов, за период между сентябрём 1935 года и 1 мая 1936 года на аэродроме в Хеллере совершил посадку один-единственный самолёт.	The same report further stated that, according to the official flight log, between September 1935 and May 1, 1936, a single aircraft landed at the airfield in Heller.
Излишне добавлять, что это, конечно, не был самолёт, доставивший Пятакова.	Needless to add, it certainly wasn't the plane that delivered Pyatakov.
Сталин и Вышинский ещё раз попались с поличным как фальсификаторы.	Stalin and Vyshinsky were once again caught red-handed as forgers.
Не теряя времени, в спор включился Троцкий. Он через посредство мировой прессы предложил Вышинскому спросить Пятакова, какого числа тот вылетел из Берлина в Осло, получал ли он визу на право въезда в Норвегию и, если получал, то на чьё имя.	Wasting no time, Trotsky joined in the argument. Through the media of the world press, he suggested that Vyshinsky ask Pyatakov what date he flew from Berlin to Oslo, whether he received a visa for the right to enter Norway and, if so, in whose name.
Троцкий просил московский суд использовать официальные каналы сношений с норвежским правительством для проверки правдивости показаний Пятакова.	Trotsky asked the Moscow court to use official channels of communication with the Norwegian government to verify the veracity of Pyatakov's testimony.
"Если выяснится, - заявил Троцкий, - что Пятаков действительно побывал у меня, значит, я окажусь безнадёжно скомпрометирован. Если же, напротив, я смогу доказать, что история нашей встречи вымышлена от начала до конца, - полной дискредитации подвергнется вся система "добровольных признаний" обвиняемых. Показания Пятакова должны быть проверены немедленно, пока он ещё не расстрелян".	"If it turns out," Trotsky declared, "that Pyatakov really visited me, then I will be hopelessly compromised. If, on the contrary, I can prove that the story of our meeting is fictitious from beginning to end, the entire system of "voluntary confessions" of the accused. Pyatakov's testimony must be checked immediately, while he has not yet been shot."
Вышинский как прокурор обязан был проверить правдивость показаний Пятакова и без вмешательства Троцкого. Однако он не мог этого сделать: не для того готовил он вместе с другими судебный фарс, чтобы затем разоблачить его.	Vyshinsky, as a prosecutor, was obliged to verify the veracity of Pyatakov's testimony even without Trotsky's intervention. However, he could not do this: he did not prepare a judicial farce together with others in order to expose it later.
Когда Троцкий увидел, что организаторы судебного процесса не собираются что бы то ни было проверять и готовы продолжать своё дело, не считаясь с общественным мнением, он решился на отчаянный шаг: бросил вызов советскому правительству, написав в	When Trotsky saw that the organizers of the trial were not going to check anything and were ready to continue their work, regardless of public opinion, he decided on a desperate step: he challenged the Soviet government, writing to Moscow to demand that he be extradited to the

Москву, чтобы оттуда потребовали его выдачи Советскому Союзу для предания суду в качестве сообщника Пятакова и других обвиняемых.	Soviet Union. to be brought to trial as an accomplice of Pyatakov and other defendants.
Бросая такой вызов, Троцкий ставил на карту собственную жизнь. Правительство маленькой Норвегии едва ли смогло бы отклонить подобное требование своего могучего соседа, тем более Троцкий сам поднял вопрос о его выдаче. Но всё дело в том, что Сталин боялся выдачи Троцкого, ибо знал, что, согласно закону, сначала норвежский суд должен будет проверить обвинения, выдвинутые против Троцкого, и досконально расследовать историю с полётом Пятакова в Осло, а может быть, заодно и скандальный эпизод, связанный с гостиницей "Бристоль". Сталин, разумеется, не мог допустить, чтобы его фальшивки были представлены на беспристрастный норвежский суд. Более выгодным было требовать не выдачи Троцкого Советскому Союзу, а подослать к нему тайных агентов, которые могли бы заставить его замолчать раз и навсегда.	Throwing down such a challenge, Trotsky put his own life at stake. The government of little Norway would hardly have been able to reject such a demand from its mighty neighbor, especially since Trotsky himself raised the issue of his extradition. But the thing is that Stalin was afraid of Trotsky's extradition, because he knew that, according to the law, the Norwegian court would first have to check the charges against Trotsky and thoroughly investigate the story of Pyatakov's flight to Oslo, and maybe at the same time the scandalous episode associated with the Bristol Hotel. Stalin, of course, could not allow his fakes to be presented to an impartial Norwegian court. It was more profitable to demand not the extradition of Trotsky to the Soviet Union, but to send secret agents to him who could silence him once and for all.
Пятаков добросовестно выполнил свои обязательства. Болезненно переживая публичный позор и черня своё героическое прошлое, он надеялся ценой таких унижений спасти жизнь близким - жене и ребёнку.	Pyatakov faithfully fulfilled his obligations. Painfully experiencing public disgrace and blackening his heroic past, he hoped at the cost of such humiliations to save the lives of his loved ones - his wife and child.
Ему, как и другим подсудимым, было предоставлено "последнее слово", прежде чем суд удалился на совещание для вынесения приговора. Из его краткого выступления мне врезались в память следующие слова, сказанные с трагической проникновенностью: - Любое наказание, которое вынесет суд, - сказал Пятаков, - будет для меня легче самого факта признания... В ближайшие часы вы произнесёте свой приговор; и вот я стою перед вами в грязи... потерявший свою партию, свою семью, самого себя.	He, like the other defendants, was given "the last word" before the court retired to deliberate on sentencing. From his brief speech, the following words, spoken with tragic penetration, stuck in my memory: - Any punishment that the court will impose, - said Pyatakov, - will be easier for me than the very fact of recognition ... In the next few hours you will pronounce your sentence; and here I stand before you in the mud... having lost my party, my family, myself.
30 января 1937 года военное ведомство Верховного суда приговорило тринадцать из семнадцати подсудимых к смертной казни. Все тринадцать, в том числе Пятаков, Серебряков и другие ближайшие сотрудники Ленина, были расстреляны в подвалах НКВД.	On January 30, 1937, the military department of the Supreme Court sentenced thirteen of the seventeen defendants to death. All thirteen, including Pyatakov, Serebryakov and other close associates of Lenin, were shot in the cellars of the NKVD.
Спустя три недели после расстрела Пятакова газеты сообщили, что народный комиссар тяжёлой промышленности Серго Орджоникидзе, которому было всего пятьдесят лет, внезапно умер от сердечного приступа. Орджоникидзе похоронили с большими почестями. ЦК обязал партийные организации по всей стране провести траурные заседания и должным образом оплакать смерть "железного наркома, верного соратника товарища Сталина".	Three weeks after Pyatakov's execution, newspapers reported that Sergo Ordzhonikidze, People's Commissar for Heavy Industry, who was only fifty years old, died suddenly of a heart attack. Ordzhonikidze was buried with great honors. The Central Committee ordered party organizations throughout the country to hold mourning meetings and properly mourn the death of "the iron people's commissar, a loyal ally of Comrade Stalin."

Прошло около двух месяцев и в Испанию с дипломатической почтой прибыл новый дипкурьер, работавший до того в Специальном управлении НКВД, - здоровенный парень с нахальной физиономией и растрепанной копной рыжих волос. В Испании он повстречал старого приятеля, который был в моём подчинении. И вот как-то мой подчинённый зашёл ко мне и с таинственным видом сообщил, что новый дипкурьер рассказывает какие-то странные истории. Например, будто Особое управление НКВД имеет сведения, что корреспондент "Правды" Михаил Кольцов, тоже находившийся в эхо время в Испании, "продался англичанам" и снабжает секретной информацией о Советском Союзе лорда Бивербрука. Или: будто бы Серго Орджоникидзе умер не своей смертью, а был ликвидирован.	About two months passed and a new diplomatic courier arrived in Spain with diplomatic mail, who had previously worked in the Special Directorate of the NKVD - a hefty guy with an impudent physiognomy and a disheveled mop of red hair. In Spain he met an old friend who was under my command. And somehow my subordinate came to me and with a mysterious look said that the new diplomatic courier was telling some strange stories. For example, it is alleged that the Special Directorate of the NKVD has information that Pravda correspondent Mikhail Koltsov, who was also in Spain at the time, “sold out to the British” and is supplying Lord Beaverbrook with secret information about the Soviet Union. Or: as if Sergo Ordzhonikidze did not die a natural death, but was liquidated.
Сплетня относительно Михаила Кольцова, моего близкого знакомого, очень не понравилась мне. Это, конечно, не значило, что я не верил сообщению, якобы НКВД имеет какие-то особые сведения о нём. НКВД - это нечто вроде гигантского почтового ящика, куда любая безответственная личность могла направить любые безответственные измышления. Что же касается слухов о будто бы насильственной смерти Орджоникидзе, то они мне показались обычной сплетней, хотя после того, что случилось с Кировым, казалось, я должен был больше доверять слухам такого рода. Однако в этот период (дело было весной 1937 года) Сталин ещё не приступил к массовому уничтожению преданных ему сподвижников и трудно было вообразить, что он способен убить своего близкого друга - последнего остававшегося в Кремле человека, с которым он мог поговорить на родном грузинском языке.	The gossip about Mikhail Koltsov, my close friend, did not please me very much. This, of course, did not mean that I did not believe the report that the NKVD had some special information about him. The NKVD is something like a giant mailbox where any irresponsible person could send any irresponsible fabrications. As for the rumors about the supposedly violent death of Ordzhonikidze, they seemed to me ordinary gossip, although after what happened to Kirov, it seemed that I should have trusted rumors of this kind more. However, during this period (it was in the spring of 1937), Stalin had not yet begun the mass destruction of his loyal companions, and it was hard to imagine that he was able to kill his close friend - the last person remaining in the Kremlin with whom he could talk in his native Georgian language.
В октябре 1937 года в Испанию наведался Шпигельгляс, заместитель начальника Иностранного управления НКВД. Перед этим, летом, в Москве произошли сенсационные события. Начиная с мая среди самых верных сподвижников Сталина происходили всё новые и совершенно необъяснимые аресты. Арестованные никогда не принимали участия ни в какой политической оппозиции. Не проходило дня, чтобы в Москве или других городах бесследно не пропали виднейшие деятели страны - наркомы, председатели верховных советов союзных республик, секретари обкомов партии, крупнейшие военачальники. Двое членов правительства, считавшиеся сталинскими фаворитами, исчезли в Москве по дороге из дому на службу. Они сгинули вместе со своими автомобилями и личными шоферами. Тайные аресты начались даже среди руководителей	In October 1937, Shpigelglas, deputy head of the Foreign Directorate of the NKVD, visited Spain. Before that, in the summer, sensational events took place in Moscow. Beginning in May, more and more inexplicable arrests took place among Stalin's most loyal associates. Those arrested never took part in any political opposition. Not a day passed without a trace in Moscow or other cities of the country's most prominent figures - people's commissars, chairmen of the supreme councils of the Union republics, secretaries of regional party committees, and major military leaders. Two members of the government, considered Stalin's favorites, disappeared in Moscow on their way from home to work. They disappeared along with their cars and personal drivers. Secret arrests began even among the leaders of the NKVD! Spiegelglas was literally stuffed with such stories. He himself was allowed to go abroad only

НКВД! Шпигельгляс был буквально нашпигован подобными историями. Ему и самому позволили съездить за границу только потому, что в Москве у него оставались заложники - жена и дочь. Из его рассказов мне стало ясно, что он серьёзно опасается за свою жизнь. Подобные рассказы мне приходилось слышать и раньше, но Шпигельгляс благодаря своему положению в НКВД знал больше других.	because he had hostages in Moscow - his wife and daughter. From his stories, it became clear to me that he seriously feared for his life. I had heard similar stories before, but Shpigelglas, thanks to his position in the NKVD, knew more than others.
Судя по всему, Шпигельгляс завидовал мне - ведь я находился за границей вместе с семьёй, вдали от разразившейся вакханалии арестов и казней. Много раз он признавался, что хотел бы получить назначение на работу в Испанию. Видя, что я никак не реагирую на эти намеки, он как-то раз прямо заявил, что не прочь бы стать моим заместителем, лишь бы только я согласился взять инициативу на себя и попросить Москву о его переводе сюда. Было совершенно ясно, что он смотрит на Испанию, охваченную гражданской войной, как на идеальное прибежище, где можно переждать бурю, бушующую в СССР.	Apparently, Shpigelglas envied me - after all, I was abroad with my family, far from the outbreak of the bacchanalia of arrests and executions. Many times he admitted that he would like to get an appointment to work in Spain. Seeing that I did not react in any way to these hints, he once directly stated that he would not mind becoming my deputy, if only I agreed to take the initiative and ask Moscow to transfer him here. It was quite clear that he looked to Spain, engulfed in civil war, as an ideal refuge where he could ride out the storm raging in the USSR.
Однажды, когда мы ехали с ним в машине из Валенсии в Барселону, он вновь заговорил о массовых арестах и рассказал, между прочим, о самоубийстве ряда видных сотрудников НКВД, которых мы оба хорошо знали. Он перечислял фамилии крупнейших деятелей, исчезнувших за последние месяцы, и неожиданно произнёс: "Они прикончили также и Орджоникидзе!" Услышав это, я вздрогнул. Хотя Шпигельгляс только подтвердил слух, дошедший к нам через дипкурьера, у меня невольно вырвалось: "Не может быть!" - Это точно, - возразил Шпигельгляс. - Я знаю подробности этого дела. У Орджоникидзе тоже текла в жилах кавказская кровь - вот он и поссорился с хозяином. Нашла коса на камень. Всё из-за Пятакова...	Once, when we were driving with him in a car from Valencia to Barcelona, he again spoke of mass arrests and, among other things, told about the suicide of a number of prominent NKVD officers whom we both knew well. He listed the names of major figures who had disappeared in recent months, and suddenly said: "They also killed Ordzhonikidze!" Hearing this, I shuddered. Although Shpigelglas only confirmed the rumor that reached us through a diplomatic courier, I involuntarily burst out: "It can't be!" - That's right, - objected Shpigelglas. - I know the details of this case. Ordzhonikidze also had Caucasian blood in his veins - so he quarreled with the owner. Found a scythe on a stone. All because of Pyatakov...
КАРЛ РАДЕК Среди самых известных деятелей, оказавшихся на скамье подсудимых во время второго московского процесса, был Карл Радек. В кругах большевистской "старой гвардии" он, впрочем, не пользовался особым уважением. Во-первых, вероятно, потому что принимал весьма скромное участие в революции и гражданской войне. Во-вторых, старые большевики считали его не особенно серьёзным человеком. Хотя он и вращался в среде выдающихся деятелей нашей эпохи, ни для кого не было секретом, что ему присущи чрезмерная болтливость, склонность к хвастовству и нелепому фиглярничанью.	KARL RADEK Among the most famous figures who found themselves in the dock during the second Moscow trial was Karl Radek. In the circles of the Bolshevik "old guard" he, however, did not enjoy special respect. Firstly, probably because he took a very modest part in the revolution and the civil war. Secondly, the old Bolsheviks considered him not a particularly serious person. Although he moved among the prominent figures of our era, it was no secret to anyone that he was characterized by excessive talkativeness, a penchant for boasting and ridiculous trickery.

В речах и докладах он имел обыкновение удаляться от темы и разглагольствовать о своей персоне. При этом в погоне за популярностью он начинал потешать аудиторию неуместными шутками не всегда приличного свойства. Эти дешёвые приёмы, впрочем, снискали ему популярность, однако не среди партийной верхушки, а в кругах молодых партийцев и комсомольцев.	In speeches and reports, he used to move away from the topic and rant about his person. At the same time, in the pursuit of popularity, he began to amuse the audience with inappropriate jokes that were not always of a decent nature. These cheap tricks, however, won him popularity, but not among the party elite, but among young party members and Komsomol members.
При всём том Радек отнюдь не был обделён способностями. Он был блестяще начитанным и хорошо информированным человеком, способным при необходимости извлечь из памяти массу сведений о любой стране, партии, событии или политическом деятеле. Он считался выдающимся специалистом в области международных отношений, и члены Политбюро нередко пользовались его консультациями по вопросам внешней политики. В партии был широко известен и тот факт, что в 1919 году Радек предостерегал Ленина от похода на Польшу и предсказывал, что в случае нападения советской России весь польский народ, не исключая и рабочих, поднимется на защиту своего отечества и Красная армия потерпит поражение. Предсказание Радека оказалось верным, и Ленин позднее сам признавал, что Политбюро допустило грубую ошибку, не прислушавшись к блестящему анализу ситуации, данному Радеком.	For all that, Radek was by no means deprived of his abilities. He was a brilliantly well-read and well-informed man, able to extract from memory, if necessary, a lot of information about any country, party, event or political figure. He was considered an outstanding specialist in the field of international relations, and members of the Politburo often used his advice on foreign policy issues. The fact was also widely known in the party that in 1919 Radek warned Lenin against a campaign against Poland and predicted that in the event of an attack by Soviet Russia, the entire Polish people, not excluding the workers, would rise to defend their fatherland and the Red Army would be defeated. Radek's prediction turned out to be correct, and Lenin himself later admitted that the Politburo had made a gross mistake in not heeding Radek's brilliant analysis of the situation.
Однако подлинный талант Радек проявил в области журналистики. Сохранив в разговоре сильный иностранный акцент, он научился писать по-русски с редким совершенством. И всё же Ленин не считал возможным доверить ему действительно крупный пост в государстве, например назначить его народным комиссаром или секретарём какого-нибудь важного обкома. Дело в том, что Радек не был способен к усидчивой, планомерной работе, а его экспансивность мешала ему удержаться от разглашения государственных и партийных тайн. В ряде случаев, когда предполагалось обсуждение особо секретных вопросов, Ленин даже считал нужным скрывать от Радека день и час заседания Политбюро. Все эти соображения заставляли ЦК использовать его главным образом как талантливого журналиста и назначать на различные должности, связанные с Коминтерном.	However, Radek showed his true talent in the field of journalism. Keeping a strong foreign accent in his conversation, he learned to write in Russian with rare perfection. And yet, Lenin did not consider it possible to entrust him with a really big post in the state, for example, appoint him a people's commissar or secretary of some important regional committee. The fact is that Radek was not capable of diligent, systematic work, and his expansiveness prevented him from refraining from divulging state and party secrets. In a number of cases, when it was supposed to discuss especially secret questions, Lenin even considered it necessary to hide from Radek the day and hour of the meeting of the Politburo. All these considerations forced the Central Committee to use him mainly as a talented journalist and appoint him to various posts connected with the Comintern.
Когда в партии образовалась так называемая левая оппозиция, Радек после некоторых колебаний примкнул к Троцкому. После разгрома оппозиции, в конце 1927 года, ему пришлось отправиться в сибирскую ссылку. Оттуда он разразился едкими письмами и заявлениями, направленными против сталинской политики и	When the so-called Left Opposition formed in the party, Radek, after some hesitation, joined Trotsky. After the defeat of the opposition, at the end of 1927, he had to go to Siberian exile. From there, he burst into caustic letters and statements directed against Stalin's policy and urging the opposition to "hold on tight." When Zinoviev and Kamenev

призывавшими оппозиционеров "держаться твёрдо". Когда Зиновьев и Каменев капитулировали перед Сталиным, Радек писал (дело было в 1928 году) : "Совершив насилие над своими убеждениями, они отреклись. Невозможно служить рабочему классу, исповедуя ложь. Те, кто остался, должны сказать правду".	capitulated to Stalin, Radek wrote (it was in 1928): "Having committed violence against their convictions, they renounced. It is impossible to serve the working class by confessing a lie. Those who remain must tell the truth."
Но самому Радеку недолго довелось "говорить правду". Проведя в Сибири полтора года и сообразив, что его ссылка может стать вообще бессрочной, Радек решил переметнуться в сталинский лагерь и таким путём обрести свободу.	But Radek himself did not have long to "tell the truth." After spending a year and a half in Siberia and realizing that his exile could become generally indefinite, Radek decided to defect to the Stalinist camp and thus gain freedom.
Тем, кто проявил готовность сдаться раньше, были поставлены относительно мягкие условия капитуляции. Единственно, что от них требовалось, - это подписать декларацию, где было бы сказано, что они отклонились от настоящей большевистской линии и что сталинская политическая линия была верна. Радек, капитулировавший значительно позже Зиновьева с Каменевым, был поставлен перед необходимостью принять более суровые условия: помимо заявления о раскаянии, он взял на себя обязательство вести пропаганду, направленную против оппозиции. С этого времени Радек поставил своё перо на службу Сталину, всеми силами стремясь войти к нему в доверие и восстановить своё прежнее положение в партии.	Those who showed a willingness to surrender early were given relatively mild terms of surrender. The only thing required of them was to sign a declaration stating that they had deviated from the true Bolshevik line and that the Stalinist political line was correct. Radek, who capitulated much later than Zinoviev and Kamenev, was forced to accept harsher conditions: in addition to a declaration of repentance, he undertook to conduct propaganda directed against the opposition. From that time on, Radek placed his pen at the service of Stalin, striving with all his might to gain his confidence and restore his former position in the party.
Ещё так недавно, находясь в Сибири, Радек писал в адрес ЦК о Троцком (в ту пору находившемся в алма-атинской ссылке): "Мы не можем оставаться безгласными и пассивными, видя, как малярийная лихорадка сжигает бойца, который всю свою жизнь посвятил рабочему классу и был мечом Октябрьской революции".	Not so long ago, while in Siberia, Radek wrote to the Central Committee about Trotsky (at that time in exile in Alma-Ata): “We cannot remain speechless and passive, seeing how malaria fever burns a fighter who devoted his whole life to the worker class and was the sword of the October Revolution.
Прошло не более года - и тот же самый Радек, стремясь заслужить благосклонность Сталина, начал поливать Троцкого грязью и клеймить его как изменника делу революции и отступника от коммунизма. Вплоть до судебного процесса 1937 года Радек оставался верным сталинским помощником в организации непрекращающейся клеветнической кампании против Троцкого.	Not more than a year passed - and the same Radek, trying to earn the favor of Stalin, began to throw mud at Trotsky and stigmatize him as a traitor to the cause of the revolution and an apostate from communism. Until the 1937 trial, Radek remained a loyal Stalinist assistant in organizing the ongoing smear campaign against Trotsky.
В 1929 году, вскоре после возвращения Радека из ссылки в Москву, к нему домой зашёл сотрудник Иностранного управления НКВД Яков Блюмкин. Радек был знаком с ним со времён гражданской войны. Полагая что, несмотря на капитуляцию перед Сталиным, Радек в душе остался искренним и неподкупным революционером Блюмкин сообщил ему, что только что им получено служебное задание, требующее выезда в Турцию. Там он рассчитывает встретиться с	In 1929, shortly after Radek's return from exile to Moscow, an employee of the Foreign Directorate of the NKVD, Yakov Blumkin, came to his house. Radek had known him since the Civil War. Believing that, despite his capitulation to Stalin, Radek remained a sincere and incorruptible revolutionary in his heart, Blumkin informed him that he had just received an official assignment requiring him to leave for Turkey. There he expects to meet with Trotsky (by that time expelled from the

Троцким (к тому времени высланным из СССР) и переговорить с ним.	USSR) and have a talk with him.
Радек быстро сообразил, что сама судьба предоставила ему редкую возможность доказать преданность Сталину и одним махом восстановить своё былое положение в партии. Как только Блюмкин ушёл, Радек помчался в Кремль и передал Сталину всё, что узнал от Блюмкина. Сталина встревожил тот факт, что даже в НКВД находятся люди, готовые рисковать своей головой ради Троцкого. Он тотчас вызвал Ягоду и приказал ему установить тщательное наблюдение за Блюмкиным, чтобы узнать, с кем из вожаков оппозиции он встретится до отъезда. Таким путём Сталин надеялся поймать в ловушку тех ведущих участников оппозиции, кто формально отрёкся от своих взглядов, обвинить их в двурушничестве и снова отправить в Сибирь.	Radek quickly realized that fate itself provided him with a rare opportunity to prove loyalty to Stalin and restore his former position in the party in one fell swoop. As soon as Blumkin left, Radek rushed to the Kremlin and passed on to Stalin everything he had learned from Blumkin. Stalin was alarmed by the fact that even in the NKVD there were people who were ready to risk their heads for Trotsky. He immediately summoned Yagoda and ordered him to establish a careful observation of Blumkin in order to find out which of the leaders of the opposition he would meet before his departure. In this way, Stalin hoped to trap those leading members of the opposition who formally renounced their views, accuse them of double-dealing and send them back to Siberia.
Ягода не был уверен, что его агентам удастся слежка за таким опытным сотрудником разведки, как Блюмкин. Он решил получить информацию, требующуюся Сталину, иным путём. Обсуждая полученное задание с начальником Иностранного управления, Ягода вызвал в свой кабинет сотрудницу этого управления, некую Лизу Г., красивую молодую женщину, которой Блюмкин одно время оказывал усиленные знаки внимания, и попросил её быть с Блюмкиным поласковее и, изображая разочарование в официальной политике партии, вести себя так, словно она сочувствует троцкистской оппозиции. Ягода надеялся, что, сблизившись с Блюмкиным, Лиза Г. сможет узнать от него о планах его свидания с Троцким и о том, с кем из бывших лидеров оппозиции Блюмкин рассчитывает встретиться после этого свидания. Лизе дали понять, что в интересах партии ей следует отбросить всяческие буржуазные предрассудки и попытаться вступить в интимную связь с Блюмкиным.	Yagoda was not sure that his agents would be able to spy on such an experienced intelligence officer as Blumkin. He decided to get the information Stalin needed in a different way. Discussing the task he had received with the head of the Foreign Department, Yagoda summoned to his office an employee of this department, a certain Lisa G., a beautiful young woman whom Blumkin at one time showed enhanced signs of attention, and asked her to be kinder to Blumkin and, feigning disappointment in the official policy of the party , act as if she sympathizes with the Trotskyist opposition. Yagoda hoped that, having become close to Blumkin, Liza G. would be able to learn from him about his plans for a meeting with Trotsky and about which of the former opposition leaders Blumkin expected to meet after this meeting. Lisa was given to understand that in the interests of the party she should cast aside all sorts of bourgeois prejudices and try to enter into an intimate relationship with Blumkin.
Не отличавшийся особой щепетильностью Блюмкин не оттолкнул молодую женщину, открывшую ему душу. Однако, несмотря на "вспыхнувшую" страсть, он ничего не рассказывал ей ни о Троцком, ни о ком-либо другом из оппозиционной верхушки. Сыщики, следовавшие за ним по пятам, отражали в сводках каждый его шаг, включая интимные свидания с Лизой Г., но так и не засекли ни одной его встречи с вожаками оппозиции.	Blumkin, who was not particularly scrupulous, did not alienate the young woman who opened her soul to him. However, despite the "flashed" passion, he did not tell her anything about either Trotsky or anyone else from the opposition elite. The detectives who followed him on his heels reflected in the reports his every step, including intimate meetings with Lisa G., but did not spot any of his meetings with the leaders of the opposition.
Роман Лизы Г. с Блюмкиным продолжался три недели. После этого, поскольку он не принёс Ягоде ожидаемой информации, тот приказал Иностранному управлению "направить" его наконец в Турцию,	Liza G.'s affair with Blumkin lasted three weeks. After that, since he did not bring the expected information to Yagoda, he ordered the Foreign Directorate to finally "send" him to Turkey, but arrest him on the way to

однако по дороге на вокзал арестовать - так, чтобы он не успел даже выбраться из Москвы. Лиза Г., как и следовало ожидать, провожала его на вокзал. Машина, в которой они ехали, была задержана, и Блюмкин доставлен в тюрьму. На допросах он держался с поразительным достоинством и смело пошёл на расстрел. В последний момент перед тем, как его жизнь оборвалась, он успел крикнуть: "Да здравствует Троцкий!" Вскоре "органам" стало известно, что о предательстве Радека и обстоятельствах ареста Блюмкина каким-то образом дознались лидеры оппозиции. Специальное расследование, проведённое по приказу Ягоды, позволило установить, что они получили эти сведения от сотрудника Секретного политического управления Рабиновича, втайне разделявшего взгляды оппозиционеров. Рабинович был тоже расстрелян без суда.	the station - so that he did not even have time to get out of Moscow. Liza G., as was to be expected, accompanied him to the station. The car in which they were traveling was detained, and Blumkin was taken to prison. During interrogations, he carried himself with amazing dignity and boldly went to be shot. At the last moment before his life ended, he managed to shout: "Long live Trotsky!" Soon the "authorities" became aware that the leaders of the opposition somehow found out about Radek's betrayal and the circumstances of Blumkin's arrest. A special investigation, conducted on the orders of Yagoda, made it possible to establish that they received this information from an employee of the Secret Political Directorate, Rabinovich, who secretly shared the views of the opposition. Rabinovich was also shot without trial.
Обо всём происшедшем узнал также и Троцкий в своём турецком изгнании. Вина Радека по своей тяжести была равносильна тому, если бы он сделался агентом-провокатором советских карательных органов. Путь в оппозицию был для него отрезан, и ему не оставалось ничего другого, как навсегда связать свою судьбу со Сталиным.	Trotsky also learned about everything that had happened in his Turkish exile. The guilt of Radek in its gravity was tantamount to that if he became an agent provocateur of the Soviet punitive organs. The path to the opposition was cut off for him, and he had no choice but to link his fate forever with Stalin.
Тайный расстрел Блюмкина, относящийся к 1929 году, произвёл тяжёлое впечатление на всех, кто узнал об этом деле, В истории СССР это был первый случай расстрела члена большевистской партии за сочувствие оппозиции. Старые большевики - даже те из них, кто никогда не имел ничего общего с оппозицией, - начали бойкотировать Радека и перестали с ним здороваться. Неприязненное отношение прежних товарищей только тесней привязало Радека к сталинскому блоку. В общем, санкционировав расстрел Блюмкина, Сталин превратил Радека в своего покорного раба.	The secret execution of Blumkin, referring to 1929, made a heavy impression on everyone who learned about this case. In the history of the USSR, this was the first case of the execution of a member of the Bolshevik party for sympathizing with the opposition. The old Bolsheviks - even those of them who had never had anything to do with the opposition - began to boycott Radek and stopped greeting him. The hostile attitude of his former comrades only tied Radek more closely to the Stalinist bloc. In general, having authorized the execution of Blumkin, Stalin turned Radek into his obedient slave.
Из-под его пера теперь выходили самые беспринципные обвинения и ядовитые инвективы, направленные против Троцкого. Уже в 1929 году, за семь лет до начала московских процессов, Радек в своих публичных выступлениях называл Троцкого Иудой и обвинял его в том, что он сделался "прихвостнем лорда Бивербрука", Поток этой брани и клеветы с годами усиливался буквально в геометрической прогрессии.	The most unprincipled accusations and poisonous invectives directed against Trotsky now came out from under his pen. As early as 1929, seven years before the start of the Moscow trials, Radek, in his public speeches, called Trotsky a Judas and accused him of becoming "Lord Beaverbrook's henchman." The flow of this scolding and slander increased literally exponentially over the years.
Усердие Радека принесло свои плоды: он вновь получил доступ в Кремль (ему даже выдали туда постоянный пропуск), начал заглядывать в кабинет Сталина и даже на его дачу. Позднее, на суде,	Radek's zeal paid off: he again gained access to the Kremlin (he was even given a permanent pass there), began to look into Stalin's office and even to his dacha. Later, at the trial, he will evaluate this period of his life

он оценит этот период своей жизни словами, обращёнными к государственному обвинителю: "Я оказался в опасной близости к власти".	with the words addressed to the public prosecutor: "I found myself dangerously close to power."
В 1933 году Радек в свойственной ему блестящей литературной манере написал небольшую книжку под названием "Зодчий социалистического общества": Он совершил в ней фантастический скачок в будущее и, как бы глядя оттуда глазами грядущих поколений, изобразил ретроспективно образ Сталина. Эта весьма оригинальная работа была написана Радеком в. форме лекции, которую будто бы читает в начале последней трети XX века некий знаменитый историк. Лекция посвящена великому Сталину - гению, который преобразовал человеческое общество.	In 1933 Radek, in his characteristic brilliant literary manner, wrote a small book called The Architect of Socialist Society: In it he made a fantastic leap into the future and, as if looking from there through the eyes of future generations, portrayed in retrospect the image of Stalin. This highly original work was written by Radek in. the form of a lecture, which is allegedly read at the beginning of the last third of the 20th century by a certain famous historian. The lecture is dedicated to the great Stalin - a genius who transformed human society.
Радек видел, с какой неиссякающей энергией Сталин фальсифицирует из года в год историю революции, чтобы сфабриковать себе героическую биографию вождя Октября и победоносного стратега гражданской войны. Он понимал, что Сталин, как и всякий фальсификатор, в глубине души полон опасений. Как бы ловко он ни манипулировал историческими архивами, уничтожая документы и ликвидируя живых свидетелей и участников революции, - нельзя было поручиться, что не найдутся беспристрастные историки, которые смогут отделить вымысел от действительных фактов. В глубине души Сталин не мог не опасаться приговора истории. Поэтому Радек и решил предпринять фантастический экскурс в будущее и дать Сталину возможность ещё при жизни увидеть собственное отражение в зеркале истории. Надо сказать, что Радек успешно выполнил задачу, за которую взялся. В "Зодчем социалистического общества" он с ловкостью фокусника приподнял перед Сталиным непроницаемую завесу будущего и позволил ему насладиться собственным величественным образом, перед которым бледнели образы великих мужей прошлого.	Radek saw with what inexhaustible energy Stalin falsified the history of the revolution from year to year in order to fabricate for himself a heroic biography of the leader of October and the victorious strategist of the civil war. He understood that Stalin, like any falsifier, was full of fears deep down. No matter how cleverly he manipulated historical archives, destroying documents and liquidating living witnesses and participants in the revolution, it was impossible to guarantee that there would not be impartial historians who could separate fiction from actual facts. In the depths of his soul, Stalin could not help but fear the verdict of history. Therefore, Radek decided to take a fantastic digression into the future and give Stalin the opportunity to see his own reflection in the mirror of history during his lifetime. It must be said that Radek successfully completed the task he had undertaken. In The Architect of a Socialist Society, with the dexterity of a magician, he lifted the impenetrable veil of the future before Stalin and allowed him to enjoy his own majestic image, before which the images of the great men of the past paled.
Сталин, которому уже набили оскомину однообразные хвалебные оды в его честь, наводнившие советскую литературу и прессу, был весьма польщён, познакомившись с оригинальным произведением Радека. Он распорядился опубликовать его громадным тиражом и велел отделу пропаганды ЦК проследить, чтобы оно было проработано в каждой партийной ячейке по всей стране.	Stalin, who was already tired of the monotonous laudatory odes in his honor that flooded Soviet literature and the press, was very flattered when he got acquainted with Radek's original work. He ordered that it be published in a huge circulation and ordered the propaganda department of the Central Committee to see that it was worked out in every party cell throughout the country.
Звезда Радека снова засияла. Он был назначен главным редактором "Известий" и советником Политбюро по вопросам внешней	Radek's star shone again. He was appointed editor-in-chief of Izvestia and foreign policy adviser to the Politburo. The apparatus of the Central

политики. Аппарату ЦК было предписано всячески популяризировать имя Радека и организовать цикл его лекций, посвящённых проблемам международных отношений. Эти лекции были затем опубликованы в виде брошюр и распространены в сотнях тысяч экземпляров. Ягода, в 1927 году лично арестовывавший Радека, теперь обращался к нему с преувеличенной вежливостью и почтительно именовал Карлом Бернгардовичем. Кто-то из старых большевиков в разговоре со мной иронически заметил: "Посмотрите-ка на Радека! Если б не его оппозиционное прошлое, ему бы не видать такой карьеры!" А в 1936 году Сталин - после всего, что Радек для него сделал, - распорядился не только арестовать его, но и представить на судебном процессе как ближайшего приспешника Троцкого. Это не умещалось у меня в голове. Быть может, сталинские поступки объяснялись его неумением забывать старые обиды? Это было бы слишком однобокое объяснение. На мой взгляд, Сталин решил избавиться от Радека скорее всего потому, что держался всё той же своей генеральной линии: ликвидировать всех, кто принадлежал к старой гвардии.	Committee was instructed to popularize the name of Radek in every possible way and to organize a series of his lectures on problems of international relations. These lectures were then published as pamphlets and distributed in hundreds of thousands of copies. Yagoda, who had personally arrested Radek in 1927, now addressed him with exaggerated courtesy and respectfully referred to him as Karl Berngardovich. One of the old Bolsheviks in a conversation with me remarked ironically: "Look at Radek! If it weren't for his opposition past, he wouldn't have seen such a career!" And in 1936, Stalin - after everything that Radek had done for him - ordered not only to arrest him, but also to present him at the trial as Trotsky's closest henchman. It didn't fit in my head. Perhaps Stalin's actions were explained by his inability to forget old grievances? That would be too one-sided an explanation. In my opinion, Stalin decided to get rid of Radek, most likely because he kept to his same general line: to liquidate everyone who belonged to the old guard.
Арестованный Радек не мог прийти в себя от негодования: "После всего, что я сделал для Сталина, - такая с его стороны несправедливость!" Радек умолял дать ему возможность поговорить со Сталиным, однако ему отказали; тогда он написал ему большое письмо, но и оно осталось без ответа.	The arrested Radek could not recover from indignation: "After everything that I did for Stalin, such an injustice on his part!" Radek begged to be given the opportunity to speak with Stalin, but he was refused; then he wrote him a long letter, but it also remained unanswered.
Видя, что попытка пробудить в Сталине совесть осталась безрезультатной, Радек сосредоточил свои усилия на другой идее: убедить следователей, что в их же собственных интересах - исключить его из числа участников судебного процесса. Его аргументам нельзя было отказать в логике: после всего того, что он говорил и писал о Троцком, смешно изображать его близким другом и соучастником последнего. Руководители НКВД понимали, конечно, что Радек прав, но "хозяин" хотел видеть Радека на суде в качестве обвиняемого, и им оставалось лишь исполнить его прихоть.	Seeing that the attempt to arouse Stalin's conscience was unsuccessful, Radek concentrated his efforts on another idea: to convince the investigators that it was in their own interests to exclude him from the number of participants in the trial. His arguments could not be denied logic: after all that he said and wrote about Trotsky, it is ridiculous to portray him as a close friend and accomplice of the latter. The leaders of the NKVD understood, of course, that Radek was right, but the "owner" wanted to see Radek at trial as an accused, and they had only to fulfill his whim.
Радек не отличался сильной волей, однако чувство горькой обиды придало ему упрямства. Над Радеком работала целая бригада следователей, включая Бермана и Кедрина-младшего; они допрашивали его, пользуясь методом так называемого "конвейера" , он всем на удивление, держался. Он терпеливо сносил оскорбления, какими осыпали его следователи, и не мог стерпеть лишь одного: кто-то из следователей лицемерно и методично заявлял ему, будто он убеждён, что Радек являлся секретным представителем Троцкого в	Radek was not distinguished by a strong will, but a feeling of bitter resentment made him stubborn. A whole team of investigators worked on Radek, including Berman and Kedrin Jr.; they interrogated him, using the method of the so-called "conveyor belt", he surprisingly kept up with everyone. He patiently endured the insults that the investigators showered on him, and could not endure only one thing: one of the investigators hypocritically and methodically told him that he was convinced that Radek was Trotsky's secret representative in the USSR. He

СССР. С этим следователем он отказывался разговаривать.	refused to talk to this investigator.
В феврале 1937 года начальник Иностранного управления НКВД рассказал мне о на редкость пикантной сцене, разыгравшейся между Радеком и начальником Секретного политического управления Молчановым.	In February 1937, the head of the Foreign Directorate of the NKVD told me about an extremely piquant scene that had taken place between Radek and the head of the Secret Political Directorate, Molchanov.
Однажды ночью, допрашивая Радека, Молчанов довел его до крайнего озлобления. Не в силах более сдерживаться, Радек ударил по столу кулаком и решительно объявил: - Ладно! Я согласен сейчас же подписать всё что угодно. И признать, что я хотел убить всех членов Политбюро и посадить на кремлёвский престол Гитлера. Но к своим признаниям я хочу добавить одну небольшую деталь, - что, кроме тех сообщников, которых вы мне навязали, я имел ещё одного, по фамилии... Молчанов... Да, да, Молчанов! - истерически закричал Радек. - Если вы считаете, что необходимо кем-то пожертвовать для блага партии, то пусть мы пожертвуем собой вместе! Молчанов побледнел как полотно.	One night, while interrogating Radek, Molchanov drove him to extreme anger. Unable to restrain himself any longer, Radek slammed his fist on the table and announced resolutely: “All right! I agree to sign anything now. And to admit that I wanted to kill all the members of the Politburo and put Hitler on the Kremlin throne. But I want to add one small detail to my confessions - that, in addition to those accomplices that you imposed on me, I had another one, by the name ... Molchanov ... Yes, yes, Molchanov! Radek shouted hysterically. - If you think that it is necessary to sacrifice someone for the good of the party, then let us sacrifice ourselves together! Molchanov turned pale as a sheet.
- И знаете, что я думаю? - продолжал Радек, наслаждаясь его замешательством. - Я думаю, что, если я всерьёз предложу это условие Ежову, он его охотно примет. Что для Ежова судьба какого-то там Молчанова, когда дело идёт об интересах партии! Чтобы заполучить на суд одного такого, как Радек, он без разговора подкинет дюжину таких Молчановых! Когда руководители НКВД убедились, что подготовка Радека к судебному процессу непозволительно затягивается, они потребовали от другого обвиняемого - Григория Сокольникова, бывшего посла в Англии - повлиять на Радека. Сокольников, который капитулировал уже давно, опасаясь за жизнь молодой жены и двадцатитрёхлетнего сына от первого брака, согласился поговорить с Радеком. Разговор состоялся в присутствии следователя и в дальнейшем был запротоколирован как очная ставка двух обвиняемых. Однако в протоколе ни единым словом не упомянуто о том, что в действительности происходило на этой встрече. Следователь написал только, что в ответ на его вопросы Сокольников во всём сознавался и указывал на Радека как на своего сообщника.	- And you know what I think? Radek went on, enjoying his confusion. - I think that if I seriously offer this condition to Yezhov, he will gladly accept it. What is the fate of some Molchanov for Yezhov when it comes to the interests of the party! In order to get one such as Radek on trial, he will throw in a dozen such Molchanovs without talking! When the leaders of the NKVD became convinced that Radek's preparations for the trial were being dragged out unacceptably, they demanded that another defendant - Grigory Sokolnikov, the former ambassador to England - influence Radek. Sokolnikov, who capitulated a long time ago, fearing for the life of his young wife and twenty-three-year-old son from his first marriage, agreed to talk to Radek. The conversation took place in the presence of the investigator and was subsequently recorded as a confrontation between the two accused. However, not a single word is mentioned in the protocol about what actually happened at this meeting. The investigator wrote only that, in response to his questions, Sokolnikov confessed to everything and pointed to Radek as his accomplice.
Тем не менее позиция Сокольникова оказала решающее влияние на дальнейшее поведение Радека. Григорий Сокольников, являвшийся членом ЦК партии ещё при Ленине, в решающие годы революции и гражданской войны, пользовался репутацией исключительно	Nevertheless, Sokolnikov's position had a decisive influence on Radek's subsequent behavior. Grigory Sokolnikov, who was a member of the Central Committee of the party under Lenin, in the decisive years of the revolution and civil war, enjoyed a reputation as an exceptionally serious

серьёзного и осмотрительного политического деятеля, не склонного к опрометчивым решениям. И когда слабохарактерный и легкомысленный Радек почувствовал себя загнанным в тупик, он послушно последовал примеру человека, который имел смелость прийти к определённому решению и придерживаться его.	and prudent politician, not prone to rash decisions. And when the weak-minded and frivolous Radek felt himself driven into a dead end, he obediently followed the example of a man who had the courage to come to a definite decision and stick to it.
Правда, Радек не хотел предстать перед судом на худших условиях, чем те, что Сокольников смог обеспечить себе. Он узнал от Сокольникова, что тому удалось добиться встречи со Сталиным и даже получить от него некоторые обещания. Радеку тоже требовались гарантии - не от руководителей НКВД, а из уст Сталина. На этом условии он был готов подписать "признание" и предстать перед судом в качестве подсудимого.	True, Radek did not want to stand trial on worse terms than those that Sokolnikov was able to secure for himself. He learned from Sokolnikov that he managed to get a meeting with Stalin and even got some promises from him. Radek also needed guarantees - not from the leaders of the NKVD, but from the lips of Stalin. On this condition, he was prepared to sign a "confession" and stand trial as a defendant.
Однако Сталин не пожелал видеть Радека. Быть может, это был один из тех редких случаев, когда даже ничем не гнушавшийся Сталин испытывал некоторую неловкость.	However, Stalin did not want to see Radek. Perhaps this was one of those rare cases when even Stalin, who did not disdain anything, experienced some embarrassment.
"Следствие" по делу Радека тянулось уже что-то около двух месяцев, а тот всё продолжал настаивать на свидании с "хозяином". Наконец, Ежов заявил, что если Радеку это так уж необходимо, то сначала он должен обратиться к Сталину с личным письмом, содержащим требуемые признания. Радек написал такое письмо, но по каким-то причинам оно было отклонено Ежовым. Пришлось написать второе, уже при участии самого Ежова. Не могу сказать, почему "органы" придавали этому письму столь серьёзное значение.	The "investigation" in Radek's case dragged on for something like two months, but he still continued to insist on a meeting with the "master". Finally, Yezhov declared that if Radek really needed it, he should first turn to Stalin with a personal letter containing the required confessions. Radek wrote such a letter, but for some reason it was rejected by Yezhov. I had to write the second, already with the participation of Yezhov himself. I cannot say why the "authorities" attached such serious importance to this letter.
Через несколько дней Сталин появился в здании НКВД и в присутствии Ежова у него состоялся долгий разговор с Радеком. После этого Радека привели в кабинет Кедрова, где его ждал уже заранее подготовленный протокол допроса. Он внимательно прочел показания, написанные за него и неожиданно, взяв карандаш, принялся делать поправки, не обращая внимания на протесты, Кедрова. Наконец ему, видимо, надоело это занятие и он объявил: "Это не то, что нужно. Дайте мне бумагу и ручку, и я напишу сам!" Радек набросал протокол допроса, который привёл следователей в восторг. В нём он сам задавал себе вопросы, сам же и отвечал на них. Руководители НКВД не рискнули сделать в писаниях Радека никаких поправок.	A few days later, Stalin appeared in the building of the NKVD and, in the presence of Yezhov, he had a long conversation with Radek. After that, Radek was brought to Kedrov's office, where a protocol of interrogation, already prepared in advance, was waiting for him. He carefully read the testimony written for him and suddenly, taking a pencil, began to make corrections, paying no attention to the protests of Kedrov. Finally, he apparently got tired of this occupation and announced: "This is not what you need. Give me paper and a pen, and I will write it myself!" Radek drafted an interrogation protocol, which delighted the investigators. In it, he asked himself questions, and he himself answered them. The leaders of the NKVD did not dare to make any corrections in Radek's writings.
Несколькими днями позже Радек по собственной инициативе приписал такое дополнение: действуя по указаниям Троцкого, он будто бы подтвердил одному из гитлеровских дипломатов (во время	A few days later, Radek, on his own initiative, attributed the following addition: acting on the instructions of Trotsky, he allegedly confirmed to one of the Nazi diplomats (during some kind of banquet) that the

какого-то банкета), что подпольный антисоветский "блок" уполномочил Троцкого вести переговоры с германским правительством и что тот же "блок" готов сделать Германии территориальные уступки, которые пообещает Троцкий.	underground anti-Soviet "bloc" authorized Trotsky to negotiate with the German government and that the same the "bloc" is ready to make territorial concessions to Germany, which Trotsky promises.
Изменения, внесённые Радеком в сложившуюся к тому времени картину "антисоветского заговора", заставили переписывать почти все показания основных обвиняемых по этому делу. С этого момента Радек сделался личным консультантом Ежова по совершенствованию легенды о заговоре. Легенда сделалась с его помощью ещё более драматичной и получила отличное словесное оформление.	The changes introduced by Radek into the picture of the "anti-Soviet conspiracy" that had developed by that time made it necessary to rewrite almost all the testimonies of the main defendants in this case. From that moment on, Radek became Yezhov's personal consultant in perfecting the legend of the conspiracy. With his help, the legend became even more dramatic and received an excellent wording.
Стремясь угодить Сталину, Радек выдумал ещё одну версию, представленную им в качестве дополнения к показаниям Сокольникова. Согласно этой версии один японский дипломат, нанося официальный визит Сокольникову, в то время заместителю наркома иностранных дел, спросил у него, насколько серьёзны предложения, которые Троцкий сделал германскому правительству. Сокольников якобы подтвердил этому дипломату, что Троцкий действительно получил полномочия на ведение таких переговоров. Сталину понравилась эта выдумка, и Сокольникову тоже пришлось поставить под ней свою подпись.	In an effort to please Stalin, Radek invented another version, which he presented as an addition to Sokolnikov's testimony. According to this version, one Japanese diplomat, paying an official visit to Sokolnikov, then Deputy People's Commissar for Foreign Affairs, asked him how serious the proposals that Trotsky made to the German government were. Sokolnikov allegedly confirmed to this diplomat that Trotsky had indeed received the authority to conduct such negotiations. Stalin liked this fiction, and Sokolnikov also had to put his signature under it.
Но главная услуга, которую Радек оказал следствию, состояла в том, что он помог убедить Николая Муралова, личного друга Троцкого и выдающегося полководца гражданской войны, тоже дать ложные показания, направленные против Троцкого.	But the chief service Radek rendered to the investigation was that he helped convince Nikolai Muralov, Trotsky's personal friend and eminent Civil War commander, to also give false testimony against Trotsky.
Не годясь по своему характеру в настоящие заговорщики, Радек вместе с тем, как никто другой, подходил для того, чтобы разыграть роль заговорщика в сталинской судебной комедии. Для такой роли он обладал поистине блестящими данными. Прирождённый демагог, он считал и правду и ложь одинаково приемлемыми средствами для достижения своих целей. Софистика и риторика были его стихией, и в прошлом он нередко - в тех случаях, когда требовалось партии, - с ловкостью настоящего фокусника умел доказать, что белое - это чёрное, а чёрное - белое. Пообещав Сталину лгать на суде "для блага партии", а фактически для спасения собственной шкуры, Радек бросился исполнять порученное задание с прытью хорошего спортсмена. Стремление первенствовать во всём было одной из его характернейших черт. Теперь он хотел быть первым и здесь. Даже в весьма жалкой роли подсудимого, играющего разоблачённого убийцу	Unsuited by his nature for real conspirators, Radek, at the same time, like no one else, was suitable to play the role of a conspirator in Stalin's judicial comedy. For such a role, he had a truly brilliant data. A born demagogue, he considered both truth and lies equally acceptable means to achieve his goals. Sophistry and rhetoric were his element, and in the past he often - in cases where the party needed - with the dexterity of a real magician, he was able to prove that white is black and black is white. Promising Stalin to lie in court "for the good of the party," but in fact to save his own skin, Radek rushed to carry out the assigned task with the agility of a good sportsman. The desire to excel in everything was one of his most characteristic features. Now he wanted to be first here too. Even in the very miserable role of the defendant, who plays the exposed murderer and spy, he saw his "chance" - the possibility of intellectual competition with other defendants and even with the prosecutor.

и шпиона, он усмотрел свой "шанс" - возможность интеллектуального состязания с другими подсудимыми и даже с прокурором.	
Радек сыграл свою роль на суде с таким артистическим совершенством, что непосвящённые были убеждены: он говорит чистую правду. Другие, подсудимые рассказывали суду о своих преступлениях вялым, бесцветным голосом, словно читая лекцию о давно забытых страницах древней истории. А Радек так вжился в роль, что всему, о чём заходила речь, готов был сообщить истинно драматический оттенок, точно это были реальные и притом недавние события.	Radek played his part at the trial with such artistic perfection that the uninitiated were convinced that he was speaking the pure truth. Others, the defendants, told the court about their crimes in a languid, colorless voice, as if lecturing on long-forgotten pages of ancient history. And Radek got used to the role so much that he was ready to impart a truly dramatic shade to everything that was discussed, as if these were real and, moreover, recent events.
Он отнюдь не начинал с изложения криминальных разговоров, которые будто бы вёл со своими сообщниками, или с содержанием писем, будто бы полученных им от Троцкого. Нет, будучи прирождённым артистом и незаурядным психологом, он прежде всего набрасывал перед судом драматическую картину терзавших его сомнений, душераздирающих страданий, которые он испытывал, когда "логика фракционной борьбы" шаг за шагом заводила его в лабиринт преступлений, откуда - он чувствовал - ему не выбраться.	He did not at all begin with a description of the criminal conversations that he allegedly had with his accomplices, or with the content of letters that he allegedly received from Trotsky. No, being a born artist and an outstanding psychologist, he first of all sketched before the court a dramatic picture of the doubts that tormented him, the heartbreaking suffering that he experienced when the "logic of factional struggle" led him step by step into a labyrinth of crimes, from where - he felt - he could not get out.
На суде Радек буквально скулил, занимаясь безжалостным самобичеванием. О да, теперь он понял: то, что он делал, было чистым безумием... средства, которыми он пользовался, не могли привести его к тем целям, какие он себе ставил... Ему давно уже стало ясно, что если бы даже он и его товарищи преуспели в своём стремлении помочь Гитлеру, то Гитлер не допустил бы их к власти, а отбросил, "как выжатый лимон"...	At the trial, Radek literally whimpered, engaging in ruthless self-flagellation. Oh yes, now he understood: what he was doing was pure madness... the means he used could not lead him to the goals he set for himself... It had long since become clear to him that even if he and his comrades succeeded in their desire to help Hitler, then Hitler would not have allowed them to power, but discarded them "like a squeezed lemon" ...
Радек рассказывал суду, как под влиянием гигантских успехов, достигнутых в стране под руководством Сталина, он понял всю чудовищность преступлений, на которые толкал его Троцкий.	Radek told the court how, under the influence of the gigantic successes achieved in the country under the leadership of Stalin, he realized the enormity of the crimes to which Trotsky pushed him.
- Просто так, за здорово живешь, ради прекрасных глаз Троцкого страна должна вернуться к капитализму! - возмущенно восклицал он.	- Just like that, you live great, for the sake of the beautiful eyes of Trotsky, the country must return to capitalism! he exclaimed indignantly.
Преступные директивы Троцкого, говорил Радек, завели его и других руководителей заговора в тупик. Как вообще они, эти заговорщики, смогли стать членами подпольной антисоветской организации, когда у многих были за плечами десятки лет честной революционной работы? Как было объяснить рядовым троцкистам, что они должны теперь бороться за победу фашистской Германии над советским народом? Сделать это было бы безумием; в результате таких директив надо было ожидать, что возмущенные члены	Trotsky's criminal directives, said Radek, led him and the other leaders of the conspiracy into a dead end. How in general could they, these conspirators, be able to become members of an underground anti-Soviet organization, when many had dozens of years of honest revolutionary work behind them? How was it possible to explain to ordinary Trotskyists that they must now fight for the victory of fascist Germany over the Soviet people? To do so would be madness; as a result of such directives, it was to be expected that the indignant members of the organization

организации отправятся в НКВД и выдадут весь заговор...	would go to the NKVD and betray the whole conspiracy ...
- Я чувствовал себя так, будто нахожусь в сумасшедшем доме! - заявил Радек.	- I felt like I was in a madhouse! Radek said.
- И что же вы предприняли? - перебил его государственный обвинитель Вышинский.	- And what did you do? Vyshinsky, the public prosecutor, interrupted him.
На это Радек ответил, как всегда витиевато: - Единственным выходом было пойти в ЦК партии, сделать признание, назвать всех участников. Я этого не сделал. Я не пошёл в ГПУ, но ГПУ само пришло ко мне.	To this Radek replied, as always floridly: - The only way out was to go to the Central Committee of the party, make a confession, name all the participants. I didn't. I did not go to the GPU, but the GPU itself came to me.
- Красноречивое признание! - откликнулся Вышинский.	- An eloquent confession! Vyshinsky replied.
- Горькое признание, - уточнил Радек.	"A bitter confession," Radek clarified.
Борясь за спасение собственной жизни, Радек не только выполнил, но и перевыполнил указания, полученные от Сталина. Но Вышинскому этого было недостаточно. Он полагал, что в задачу прокурора на процессе входит вновь и вновь наносить удары тем, кто уже лежал, поверженный ниц. Задав Радеку несколько каверзных вопросов, Вышинский напомнил ему, что он не только отказался от намерения рассказать о заговоре и своих сообщниках, но даже и после ареста в течение трёх месяцев продолжал отрекаться от своего участия в заговоре.	Fighting to save his own life, Radek not only complied with, but overfulfilled the instructions received from Stalin. But this was not enough for Vyshinsky. He believed that it was the task of the prosecutor at the trial to strike again and again those who were already lying prostrate. After asking Radek several tricky questions, Vyshinsky reminded him that he had not only abandoned his intention to tell about the conspiracy and his accomplices, but even after his arrest for three months he continued to renounce his participation in the conspiracy.
- Можно ли после этого принимать всерьёз то, что вы тут говорили о своих колебаниях и опасениях? - спрашивал Вышинский.	- Is it possible after that to take seriously what you said here about your hesitations and fears? Vyshinsky asked.
Придирки Вышинского разозлили Радека, и он огрызнулся: "Да, если игнорировать тот факт, что о программе заговорщиков и об указаниях Троцкого вы узнали только от меня, тогда, конечно, принимать всерьёз нельзя..." Радек позволил себе опасный намек. Эти слова "вы узнали только от меня" показывали, что ни НКВД, ни государственный обвинитель не имели, кроме этого признания, никаких улик против Радека и остальных обвиняемых.	Vyshinsky's chicanery angered Radek, and he snapped: "Yes, if you ignore the fact that you only learned about the conspirators' program and Trotsky's instructions from me, then, of course, you can't take it seriously..." Radek allowed himself a dangerous hint. These words "you only learned from me" showed that neither the NKVD nor the state prosecutor had, apart from this confession, any evidence against Radek and the other defendants.
Радек вполне обоснованно предъявлял свои авторские права на так называемые "инструкции Троцкого". Ведь никто иной, как он, после свидания с глазу на глаз со Сталиным отверг "показания", составленные для него следователем Кедровым, и собственноручно изложил на бумаге новую версию этих "инструкций". Неожиданная вспышка Радека и его намек на особые услуги, оказанные им следствию, встревожили суд и прокурора. Во избежание дальнейших осложнений председательствующий Ульрих поспешил объявить перерыв.	Radek quite rightly claimed his copyright on the so-called "Trotsky's instructions." After all, none other than him, after a face-to-face meeting with Stalin, rejected the "testimonies" compiled for him by the investigator Kedrov, and personally set out on paper a new version of these "instructions." Radek's unexpected outburst and his allusion to the special services rendered by him to the investigation alarmed the court and the prosecutor. In order to avoid further complications, the presiding Ulrich hastened to adjourn.

Радек так долго пресмыкался перед Сталиным и так лез из кожи вон, чтобы помочь прокурору, что можно было подумать, будто он был просто растленной личностью, уже равнодушной к тому, что скажет о нём мир. Однако, если внимательнее вдуматься в то, что Радек сказал на суде, станет ясно, что он строил свои саморазоблачения так, чтобы мир мог сделать из них вывод о беспочвенности обвинений и отсутствии у суда каких бы то ни было доказательств вины подсудимых.	Radek kowtowed before Stalin for so long and went out of his way to help the prosecutor so much that one might think that he was just a corrupt person, already indifferent to what the world would say about him. However, if you take a closer look at what Radek said at the trial, it becomes clear that he structured his self-revelations in such a way that the world could draw from them the conclusion that the accusations were groundless and that the court did not have any evidence of the guilt of the defendants.
Вплоть до конца судебного спектакля его режиссеры не разгадали скользкий замысел Радека. Ублажаемые его саморазоблачением и яростными нападками на Троцкого, прокурор и судьи не заметили, как искусно он протащил свою опасную контрабанду, подточившую тот фундамент, на котором строились многие обвинения.	Right up to the end of the court performance, its directors did not figure out Radek's slippery intention. Pleasureed by his self-disclosure and violent attacks on Trotsky, the prosecutor and the judges did not notice how skillfully he smuggled his dangerous contraband, which undermined the foundation on which many accusations were built.
В своём последнем олове Радек приоткрыл завесу над теми приёмами, с помощью которых ему удалась эта контрабанда . "Последнее слово" он начал с того, что недвусмысленно признал свою вину.	In his last tin, Radek lifted the curtain on the methods by which he succeeded in this smuggling. "Last word" he began with the fact that he unambiguously admitted his guilt.
- Нет таких оправданий, - говорил Радек, - которыми взрослый человек, владеющий рассудком, мог бы объяснить свою измену родине. Напрасно и я пытался подыскать себе смягчающие обстоятельства. Человек, проведший тридцать пять лет в рабочем движении, не может оправдывать своё преступление какими бы то ни было обстоятельствами, когда он сознаётся в измене родине. Я не мог прикрываться даже тем, что меня совратил с пути Троцкий. Я был уже взрослым человеком с полностью сформировавшимися, убеждениями, когда встретился с Троцким.	- There are no such excuses, - said Radek, - by which an adult man, possessing reason, could explain his betrayal of his homeland. In vain did I try to find extenuating circumstances for myself. A man who has spent thirty-five years in the labor movement cannot justify his crime by any circumstances when he confesses to treason. I could not even hide behind the fact that Trotsky had led me astray. I was already an adult with fully formed convictions when I met Trotsky.
Выплатив таким образом дань, обещанную следователям, и усыпив бдительность прокурора, Радек прибег к тактическому маневру, который давал ему шанс выразить вслух кое-что из того, что отнюдь не входило в планы организаторов процесса. Радек заявил, суду, что, хотя он согласен с прокурором по всем главным пунктам обвинения, он тем не менее протестует против попытки Вышинского охарактеризовать подсудимых как сущих бандитов.	Having thus paid the tribute promised to the investigators and lulled the prosecutor's vigilance, Radek resorted to a tactical maneuver that gave him a chance to express aloud something that was by no means included in the plans of the organizers of the trial. Radek told the court that although he agreed with the prosecutor on all the main points of the accusation, he nevertheless protested against Vyshinsky's attempt to characterize the defendants as sheer bandits.
- Слыша, что люди, сидящие здесь на скамье подсудимых, являются попросту бандитами и шпионами, я протестовал против этого! Имеются свидетельства двух человек - моё собственное признание в том, что я получал инструкции и письма от Троцкого (которые, к сожалению, я сжёг), и признание Пятакова, который говорил с	- Hearing that the people sitting here in the dock are simply bandits and spies, I protested against it! There are testimonies from two people - my own confession that I received instructions and letters from Trotsky (which, unfortunately, I burned), and the confession of Pyatakov, who spoke with Trotsky. All the other defendants' confessions are based on

Троцким. Все признания остальных обвиняемых основываются на нашем признании. Если вы имеете дело с обычными бандитами и шпионами, на чём же основано ваше убеждение, что мы говорили чистую правду? Эти слова Радека прозвучали пощёчиной Сталину. Но несмотря на эти несколько коротких, хотя и эффективных выпадов, Радек всё же оказал Сталину неоценимую услугу в подготовке судебного спектакля. В целом он полностью выполнил полученные от Сталина указания.	our confession. If you are dealing with ordinary bandits and spies, what is the basis of your belief that we spoke the pure truth? These words of Radek sounded like a slap in the face to Stalin. But despite these few short, albeit effective, attacks, Radek still rendered Stalin an invaluable service in preparing the court performance. In general, he fully complied with the instructions received from Stalin.
И вот ранним утром 20 января 1937 года Радек вместе со своими товарищами по скамье подсудимых стоя внимал словам приговора. Все подсудимые вслушивались в чтение Ульриха, затаив дыхание. Покончив с так называемой констатирующей частью приговора, Ульрих перешёл к мерам наказания, определённым каждому из обвиняемых. "К высшей мере наказания...", "к высшей мере наказания...", "к высшей мере наказания...". Дойдя до фамилии Радека, он произнёс: "...приговаривается к лишению свободы на срок десять лет".	And so, in the early morning of January 20, 1937, Radek, along with his comrades in the dock, stood listening to the words of the verdict. All the defendants listened to Ulrich's reading with bated breath. Having finished with the so-called ascertaining part of the verdict, Ulrich moved on to the measures of punishment determined by each of the accused. "to the highest measure of punishment...", "to the highest measure of punishment...", "to the highest measure of punishment...". Having reached the name of Radek, he said: "... is sentenced to imprisonment for a term of ten years."
Лицо Радека просияло. Он подождал конца чтения, затем повернулся к остальным подсудимым, пожал плечами, точно стесняясь своей удачи, и послал им виноватую усмешку. Точно такую же усмешку он адресовал и аудитории.	Radek's face lit up. He waited until the end of the reading, then turned to the rest of the defendants, shrugged his shoulders, as if embarrassed by his luck, and sent them a guilty grin. He addressed the audience with exactly the same grin.
РАЗОБЛАЧЕНИЕ Когда Сталин узнал, что его жульническая выдумка о полётах Пятакова в Осло к Троцкому провалилась, ему стало ясно: его судебные спектакли безнадёжно дискредитированы и независимо от того, что он теперь станет говорить и какие средства использовать для демонстрации вины троцкистов, мир не поверит ни ему, ни аппарату НКВД.	EXPOSURE When Stalin found out that his swindle about Pyatakov's flights to Trotsky in Oslo had failed, it became clear to him that his court performances were hopelessly discredited and no matter what he now says and what means he uses to demonstrate the guilt of the Trotskyists, the world will not believe it. him, nor the apparatus of the NKVD.
Тем не менее, Сталину показалось, что репутация московских процессов может быть в известной мере спасена, если полиция капиталистических стран тоже начнёт обнаруживать в этих странах троцкистов, завербованных фашистской Германией для ведения шпионажа.	Nevertheless, it seemed to Stalin that the reputation of the Moscow trials could be saved to a certain extent if the police of the capitalist countries also began to detect Trotskyists recruited by Nazi Germany for espionage in these countries.
Не дожидаясь окончания второго московского процесса, на котором муссировалась фальшивка о полёте Пятакова к Троцкому, Сталин приказал Ежову уведомить начальника Иностранного управления НКВД Слуцкого (выполнявшего в то время некое задание в Чехословакии), что необходимо подбросить местным троцкистам несколько документов провокационного характера, и, когда это будет	Without waiting for the end of the second Moscow trial, at which a fake about Pyatakov’s flight to Trotsky was exaggerated, Stalin ordered Yezhov to notify the head of the Foreign Directorate of the NKVD, Slutsky (who was performing some task in Czechoslovakia at that time), that it was necessary to plant several provocative documents on local Trotskyists, and when this will be done, send them to the Czechoslovak

сделано, навести на них чехословацкую полицию для производства обысков.	police to carry out searches.
Изучив контакты, установленные с местными троцкистами резидентом НКВД в Праге, Слуцкий выбрал жертву предстоящей провокации. Это был один из руководителей немецких троцкистов, Антон Грилевич, бежавший в Чехословакию от Гитлера. С помощью его близкого знакомого - чехословацкого коммуниста - резиденту удалось подбросить в портфель Грилевичу несколько специально сфабрикованных документов. Среди них была фотокопия плана военного нападения Германии на Судетскую область с целью её оккупации, куча фальшивых паспортов и формулы симпатических чернил. Затем некое лицо, отказавшееся назвать себя, позвонило в чешское полицейское управление и сообщило, что Грилевич является опасным немецким шпионом. Слуцкий полагал, что чешская полиция отреагирует на эти измышления так же поспешно, как это делает в СССР аппарат НКВД. Поэтому он сразу же телеграфировал Ежову, что бумаги успешно подброшены немецкому троцкисту Грилевичу и вот-вот следует ожидать его ареста. Одновременно Слуцкий провёл необходимую подготовку для того, чтобы дать возможность "дружественной прессе" тотчас же раззвонить на весь мир о шпионской деятельности немецкого троцкиста.	After studying the contacts established with the local Trotskyists by the NKVD resident in Prague, Slutsky chose the victim of the upcoming provocation. It was one of the leaders of the German Trotskyists, Anton Grilevich, who fled to Czechoslovakia from Hitler. With the help of his close acquaintance - a Czechoslovak communist - the resident managed to plant several specially fabricated documents in Grilevich's briefcase. Among them was a photocopy of a plan for a German military attack on the Sudetenland with the aim of occupying it, a bunch of fake passports and sympathetic ink formulas. Then a person who refused to identify himself called the Czech police department and said that Grilevich was a dangerous German spy. Slutsky believed that the Czech police would respond to these fabrications as hastily as the NKVD apparatus does in the USSR. Therefore, he immediately telegraphed Yezhov that the papers had been successfully planted on the German Trotskyite Grilevich and that his arrest was about to be expected. At the same time, Slutsky carried out the necessary preparations in order to enable the "friendly press" to immediately ring up the whole world about the espionage activities of the German Trotskyist.
Каждое утро Слуцкий являлся в советское посольство в Праге и ждал, пока помощники резидента НКВД просмотрят свежие газеты в поисках столь желанного известия об аресте Грилевича. Однако такого сообщения всё не было. После нескольких дней бесплодного ожидания Слуцкий направил дополнительные "разоблачения" в Главный штаб чехословацкой армии и министру внутренних дел. Время шло, а Грилевич продолжал оставаться на свободе и даже не подозревал, какие злобные и могущественные силы пытаются играть его судьбой.	Every morning Slutsky reported to the Soviet embassy in Prague and waited while the assistants to the NKVD resident looked through the latest newspapers for the much-desired news of Grilevich's arrest. However, there was no such message. After several days of fruitless waiting, Slutsky sent additional "revelations" to the General Staff of the Czechoslovak Army and to the Minister of the Interior. Time passed, and Grilevich continued to be at large and did not even suspect what evil and powerful forces were trying to play with his fate.
Между тем вслед за нетерпеливыми запросами Ежов разразился срочной телеграммой. В ней он информировал Слуцкого, что "Иван Васильевич хочет знать результат операции". Во всём аппарате НКВД не более десятка руководителей были осведомлены о том, что это за Иван Васильевич. Таков был новый псевдоним, который Ежов выбрал для Сталина на случай особо секретных операций. Псевдоним был весьма прозрачен - так звали любезного сталинской душе царя, Ивана Грозного, с которым у Сталина были к тому же одинаковые инициалы.	Meanwhile, following impatient requests, Yezhov burst into an urgent telegram. In it, he informed Slutsky that "Ivan Vasilyevich wants to know the result of the operation." In the entire apparatus of the NKVD, no more than a dozen leaders were aware of what kind of Ivan Vasilyevich he was. This was the new pseudonym that Yezhov chose for Stalin in case of especially secret operations. The pseudonym was very transparent - that was the name of the tsar, beloved to the Stalinist soul, Ivan the Terrible, with whom Stalin also had the same initials.

Слуцкому казалось диким, как это чешская полиция не реагирует на факт явного шпионажа, поднесённый ей "как на блюдце". Он был взбешён. Нервно меряя шагами кабинет резидента НКВД, он обзывал здешних полицейских офицеров разгильдяями, которых следовало бы немедленно разогнать.	It seemed wild to Slutsky how the Czech police did not react to the fact of obvious espionage, brought to her "like on a saucer." He was furious. Nervously pacing the office of the NKVD resident, he called the local police officers slobs who should be dispersed immediately.
- Пьянчуги! - негодовал он. - Скажи им, что у Грилевича завелась контрабандная водка - тут же бы набежали, а когда тут серьёзное политическое дело, они спят, точно слепые котята! Подгоняемый новыми запросами из Москвы и, в частности, известием о том, что Сталин лично "взял это дело под контроль", Слуцкий приказал сообщить руководителю чехословацкой полиции по телефону, будто Антон Грилевич, германский шпион, "приготовился бежать из страны". Но и это не помогло.	- Drunkards! - he was indignant. - Tell them that Grilevich got smuggled vodka - they would run right there, and when there is a serious political matter, they sleep like blind kittens! Spurred on by new requests from Moscow and, in particular, the news that Stalin personally "took this matter under control," Slutsky ordered the head of the Czechoslovak police to be informed by telephone that Anton Grilevich, a German spy, "prepared to flee the country." But that didn't help either.
Взбешённый Слуцкий отбыл из Праги в Париж в сопровождении своего помощника Партина и резидента НКВД в Чехословакии Фурманова. Вся троица" остановилась в небольшом отеле на Рю дю Бак, неподалеку от советского посольства. Слуцкий зарегистрировался здесь под фамилией Черниговский (такая фамилия стояла у него в дипломатическом паспорте). Из Парижа он отправил письмо в Прагу, адресованное Антону Грилевичу "до востребования" и написанное по-немецки. Между строчками письма специально были оставлены грубые следы симпатических чернил: если письмо будет подвергнуто "проявлению", выступивший текст окажется инструкцией явно шпионского характера. Одновременно чехословацкая полиция была извещена, что германский шпион Антон Грилевич получает из-за границы подозрительные письма, адресуемые ему на почтамт до востребования.	Enraged, Slutsky left Prague for Paris, accompanied by his assistant Partin and the NKVD resident in Czechoslovakia Furmanov. The whole trio "stayed in a small hotel on the Rue du Bac, not far from the Soviet embassy. Slutsky registered here under the surname Chernigovskiy (such a surname was on his diplomatic passport). From Paris, he sent a letter to Prague addressed to Anton Grilevich" on demand "and written in German. Between the lines of the letter, rough traces of sympathetic ink were deliberately left: if the letter was subjected to "development", the text that came out would turn out to be an instruction of a clearly espionage nature. Simultaneously, the Czechoslovak police were informed that the German spy Anton Grilevich was receiving suspicious letters from abroad addressed to him at the post office on demand.
Полиция и на сей раз осталась безучастной. Не желая вернуться в Москву ни с чем и всё ещё надеясь, что чехи в конце концов произведут у Грилевича обыск, Слуцкий решил провести несколько дней в Испании. Возможно, он воображал, что поездка в Испанию, охваченную гражданской войной, придаст его неудавшейся миссии некий оттенок благородного риска. По возвращении из Валенсии в Париж он демонстрировал всем и каждому упавший в двух шагах от него осколок снаряда. В Париже он задержался на несколько дней, чтобы накупить подарков для большого начальства и трубочного табаку лично для Сталина, и отбыл в Москву в конце февраля.	This time the police remained indifferent. Not wanting to return to Moscow with nothing and still hoping that the Czechs would eventually search Grilevich's house, Slutsky decided to spend a few days in Spain. Perhaps he imagined that a trip to Spain, engulfed in civil war, would give his failed mission a touch of noble risk. On his return from Valencia to Paris, he showed everyone and everyone a fragment of a shell that had fallen two steps away from him. In Paris, he stayed for several days to buy gifts for the big bosses and pipe tobacco for Stalin personally, and left for Moscow at the end of February.
И до и после Испании он также заглянул проведать меня. Я лежал в	Both before and after Spain, he also dropped by to check on me. In

те дни на обследовании в хирургической клинике профессора Бержере. Слуцкий рассказал, что новый нарком внутренних дел Ежов привёл с собой из ЦК партии около трёхсот сотрудников и что он создал подчинённые ему лично специальные подвижные группы, которые будут направляться за границу с фальшивыми иностранными паспортами. Им предполагается поручать ликвидацию видных зарубежных троцкистов и выполнение других тайных поручений, исходящих от Сталина.	those days I was undergoing an examination in the surgical clinic of Professor Bergeret. Slutsky said that the new People's Commissar of Internal Affairs, Yezhov, brought with him from the Central Committee of the party about three hundred employees and that he created special mobile groups subordinate to him personally, which would be sent abroad with fake foreign passports. They are supposed to be entrusted with the liquidation of prominent foreign Trotskyists and the execution of other secret orders emanating from Stalin.
Чехословацкие власти несколько месяцев не беспокоили Грилевича. Наконец в июне 1937 года он был арестован. При обыске его квартиры полиция обнаружила документы, подброшенные агентурой НКВД. Позже мне стало известно, что для ускорения ареста Грилевича резидент НКВД в Чехословакии подкупил, с санкции Москвы, одного из высших чиновников пражской полиции. Чехи продержали Грилевича в тюрьме несколько месяцев, после чего он был освобождён.	The Czechoslovak authorities did not disturb Grilevich for several months. Finally, in June 1937, he was arrested. During a search of his apartment, the police found documents planted by NKVD agents. Later I learned that in order to speed up the arrest of Grilevich, the NKVD resident in Czechoslovakia had bribed, with the approval of Moscow, one of the highest officials of the Prague police. The Czechs kept Grilevich in prison for several months, after which he was released.
Жертва провокации отделалась сравнительно легко. Куда худшая судьба ждала тайного агента НКВД, который подбросил Грилевичу поддельные документы. Опасаясь, что Грилевич догадается, кто вложил в его портфель порочащие бумаги, и дело дойдет до разоблачения хозяев агента, резидент посоветовал ему на время покинуть Чехословакию и совершить поездку в СССР. Бедный чех прибыл в Москву в разгар кровавой сталинской "чистки", когда иностранных коммунистов арестовывали сотнями. Проведя некоторое время в СССР в качестве гостя, он надумал вернуться в Чехословакию и попросил разрешение на выезд. Его начальство, вместо того, чтобы удовлетворить просьбу, предложило ему остаться в СССР и принять советское гражданство. Это его напугало. Он явно не желал для себя участи, какая постигла массу других иностранных коммунистов, и надумал искать защиты... в чехословацком консульстве. Не успел он туда войти, как тут же, на пороге консульства, был арестован.	The victim of the provocation got off relatively lightly. A much worse fate awaited the secret agent of the NKVD, who planted fake documents on Grilevich. Fearing that Grilevich would guess who invested defamatory papers in his portfolio, and it would come to exposing the owners of the agent, the resident advised him to leave Czechoslovakia for a while and make a trip to the USSR. The poor Czech arrived in Moscow at the height of Stalin's bloody "purge" when hundreds of foreign communists were arrested. After spending some time in the USSR as a guest, he decided to return to Czechoslovakia and asked for permission to leave. His superiors, instead of complying with the request, offered him to stay in the USSR and take Soviet citizenship. This scared him. He obviously did not want the fate that befell a lot of other foreign communists, and decided to seek protection ... in the Czechoslovak consulate. As soon as he entered there, he was immediately arrested on the threshold of the consulate.
ЛИКВИДАЦИЯ ЧЕКИСТОВ В день, когда советские газеты объявили, что смертный приговор обвиняемым на втором московском процессе приведён в исполнение, один из следователей Секретного политического управления НКВД, принимавший участие в допросах, покончил с собой. Им было оставлено письмо, содержание которого скрыли от прочих сотрудников НКВД. Это породило слухи, что самоубийцу "замучила совесть".	LIQUIDATION OF THE CHEKISTS On the day when the Soviet newspapers announced that the death sentence of the defendants in the second Moscow trial had been carried out, one of the investigators of the Secret Political Directorate of the NKVD, who took part in the interrogations, committed suicide. They were left with a letter, the contents of which were concealed from other NKVD officers. This gave rise to rumors that the suicide was "tormented by conscience."

Не прошло и двух месяцев, как застрелился начальник Горьковского управления НКВД Погребинский. В ходе подготовки первого московского процесса он лично арестовывал преподавателей школ марксизма-ленинизма в Горьком и вымогал у них признания, будто они собирались убить Сталина во время первомайской демонстрации.	Less than two months later, the head of the Gorky department of the NKVD, Pogrebinsky, shot himself. During the preparations for the first Moscow trial, he personally arrested teachers from the schools of Marxism-Leninism in Gorky and extorted confessions from them that they were going to kill Stalin during the May Day demonstration.
Погребинский не был инквизитором по призванию. Хоть ему и пришлось исполнять сомнительные "задания партии", по природе это был мягкий и добродушный человек. Именно Погребинскому принадлежит идея специальных коммун для бывших уголовников, где им помогали начать новую, честную жизнь, и трудовых школ для бездомных детей. Обо всём этом было рассказано в широко известном фильме "Путёвка в жизнь", очень популярном в СССР и за рубежом. У Погребинского завязалось близкое знакомство, если не дружба, с А. М. Горьким, очень увлекавшимся одно время идеей "перековки" человека в СССР.	Pogrebinsky was not an inquisitor by vocation. Although he had to perform dubious "tasks of the party", by nature he was a gentle and good-natured person. It was Pogrebinsky who came up with the idea of special communes for former criminals, where they were helped to start a new, honest life, and labor schools for homeless children. All this was told in the widely known film "The Ticket to Life", very popular in the USSR and abroad. Pogrebinsky struck up a close acquaintance, if not friendship, with A. M. Gorky, who at one time was very fond of the idea of \u200b\u200b"reforging" a person in the USSR.
Накануне самоубийства Погребинский оставил письмо, адресованное Сталину. Письмо, прежде чем попасть в Кремль, прошло через руки нескольких видных сотрудников НКВД. Погребинский писал в нём: "Одной рукой я превращал уголовников в честнейших людей, а другой был вынужден, подчиняясь партийной дисциплине, навешивать ярлык уголовников на благороднейших революционных деятелей нашей страны..." Самоубийство Погребинского не было единственным в своём роде. С начала тридцатых годов самоубийства среди сотрудников НКВД вообще участились. Особенно среди сотрудников Секретного политического управления, которые отвечали за "успешное" проведение репрессий против членов оппозиции.	On the eve of his suicide, Pogrebinsky left a letter addressed to Stalin. The letter, before reaching the Kremlin, passed through the hands of several prominent members of the NKVD. Pogrebinsky wrote in it: "With one hand, I turned criminals into honest people, and with the other, obeying party discipline, I was forced to label the noblest revolutionary figures of our country as criminals ..." Pogrebinsky's suicide was not the only one of its kind. Since the beginning of the thirties, suicides among NKVD officers have generally become more frequent. Especially among the employees of the Secret Political Directorate, who were responsible for the "successful" implementation of repressions against members of the opposition.
Наиболее характерным явилось самоубийство Козельского, начальника Секретного политического отдела украинского управления НКВД. Он покончил с собой ещё до начала московских процессов. Поляк по происхождению, Козельский воспитывался в религиозной католической семье. У него рос четырёхлетний сын, который был ему дороже всего на свете. Однажды мальчик тяжело заболел. Козельский мобилизовал для его спасения лучших врачей, каких только мог найти в СССР, Мальчик трижды подвергался трепанации черепа, но спасти его не удалось. Подавленный смертью сына, Козельский застрелился. В оставленном им письме он писал, что Бог покарал его ребёнка за грехи отца, арестовывавшего и	The most characteristic was the suicide of Kozelsky, head of the Secret Political Department of the Ukrainian Department of the NKVD. He committed suicide even before the start of the Moscow trials. Pole by origin, Kozelsky was brought up in a religious Catholic family. He had a four-year-old son who was dearer to him than anything in the world. One day the boy fell seriously ill. Kozelsky mobilized the best doctors he could find in the USSR to save him. The boy was subjected to trepanation of the skull three times, but it was not possible to save him. Depressed by the death of his son, Kozelsky shot himself. In the letter he left, he wrote that God punished his child for the sins of his father, who arrested and sent innocent people into exile.

отправлявшего в ссылку невинных людей.	
Хотя, с партийной точки зрения, письмо Козельского являлось еретическим и чрезвычайно постыдным документом, он не был посмертно объявлен "чуждым элементом, пробравшимся в партию". Власти нашли более выгодным объявить, что его психика расстроилась, и он "скатился к мистицизму". НКВД Украины устроил ему торжественные похороны, а его семье была назначена пенсия.	Although, from the party point of view, Kozelsky's letter was a heretical and extremely shameful document, it was not posthumously declared "an alien element that had made its way into the party." The authorities found it more advantageous to announce that his mind was deranged and he "slipped into mysticism." The NKVD of Ukraine gave him a solemn funeral, and his family was granted a pension.
Если бы в ходе подготовки московских процессов руководители НКВД сделали попытку проанализировать директивы, получаемые от Сталина (не только с узкопрофессиональной, следовательской точки зрения, а с целью изучить характер сталинского мышления и его тайные планы), то они сделали бы такое удивительное для себя открытие: Сталин наметил уничтожить также их самих - как нежелательных свидетелей его преступлений и как своих прямых соучастников в подготовке фальсификаций, направленных против старой ленинской гвардии. Вот они, эти штрихи юридического сценария, которые, будучи зафиксированы в документах, вполне могли быть расшифрованы как сталинский план уничтожения верхушки НКВД.	If, in the course of preparing the Moscow trials, the leaders of the NKVD had made an attempt to analyze the directives received from Stalin (not only from a narrowly professional, investigative point of view, but in order to study the nature of Stalin's thinking and his secret plans), they would have made such a surprising discovery for themselves: Stalin also planned to destroy them themselves - as unwanted witnesses to his crimes and as his direct accomplices in the preparation of falsifications directed against the old Leninist guard. Here they are, these strokes of the legal scenario, which, being recorded in the documents, could well be deciphered as the Stalinist plan for the destruction of the top of the NKVD.
Когда Миронов доложил Сталину показания Рейнгольда, направленные против Зиновьева и Каменева, Сталин приказал ему внести в эти признания такое дополнение: "Зиновьев к Каменев не исключали возможности, что ОГПУ держит в своих руках нити подготовляемого ими антигосударственного заговора. Поэтому они считали своей важнейшей задачей уничтожить (после захвата власти) все возможные следы совершённых преступлений.	When Mironov reported to Stalin Reinhold's testimony directed against Zinoviev and Kamenev, Stalin ordered him to make the following addition to these confessions: (after the seizure of power) all possible traces of crimes committed.
Для этого было решено назначить председателем ОГПУ Бакаева. На него предполагалось возложить обязанности по физическому уничтожению тех лиц, которые непосредственно осуществят террористические акты против Сталина и Кирова и равным образом по уничтожению тех сотрудников ОГПУ, кто был в курсе планируемых преступлений".	For this, it was decided to appoint Bakaev as chairman of the OGPU. It was supposed to entrust him with the responsibility for the physical destruction of those persons who would directly carry out terrorist acts against Stalin and Kirov, and similarly for the destruction of those employees of the OGPU who were aware of the planned crimes.
Руководители НКВД и следователи отлично знали, что Зиновьев с Каменевым никого не убивали и не собирались убивать. Так что из сталинского добавления к показаниям Рейнгольда они должны были бы сделать исключительно важный вывод, имевший первостепенное значение для них самих: согласно сталинской логике политические лидеры, которые в борьбе за власть организуют убийства своих	The leaders of the NKVD and the investigators knew perfectly well that Zinoviev and Kamenev did not kill anyone and did not intend to kill anyone. So from Stalin's addition to Reingold's testimony, they should have drawn an extremely important conclusion, which was of paramount importance for themselves: according to Stalin's logic, political leaders who, in the struggle for power, organize the murders of their rivals,

соперников, должны принимать меры к уничтожению всех следов этих преступлений, не останавливаясь перед ликвидацией тех, кто по их указаниям осуществлял эти убийства. Неужели, записывая дополнение Сталина к показаниям Рейнгольда, Миронов не понял, что Сталин (это бывало с ним крайне редко) выразил здесь свой собственный тайный принцип? Отлично зная, что не кто иной, как сам Сталин, организовал судебные спектакли, верхушка НКВД должна была уяснить себе, что после уничтожения своих политических противников или соперников Сталин уничтожит также всех следователей НКВД, помогавших ему организовать московские процессы, да и вообще всех тех, кто знаком с кухней этих процессов.	should take measures to destroy all traces of these crimes, without stopping at the liquidation of those who, on their instructions, carried out these murders. Didn't Mironov, writing down Stalin's addition to Reingold's testimony, realize that Stalin (this happened to him extremely rarely) expressed his own secret principle here? Knowing full well that none other than Stalin himself had organized the court performances, the top of the NKVD had to understand that after the destruction of his political opponents or rivals, Stalin would also destroy all the NKVD investigators who helped him organize the Moscow trials, and indeed all those who who is familiar with the kitchen of these processes.
Но увы! Эти люди, подобно охотничьим собакам, были так заняты преследованием дичи, что не обращали внимание на самого охотника. Не будучи в состоянии распознать коварный сталинский план, они лишили себя возможности обратить огромную мощь своего аппарата на спасение собственных жизней.	But alas! These people, like hunting dogs, were so busy chasing game that they did not pay attention to the hunter himself. Not being able to recognize the insidious Stalinist plan, they deprived themselves of the opportunity to use the enormous power of their apparatus to save their own lives.
План физического уничтожения всех сотрудников НКВД, кто знал зловещую закулисную сторону московских процессов, был разработан Сталиным и Ежовым с тщательностью, достойной военной операции. Ещё в октябре 1936 года сталинский фаворит Ежов был назначен наркомом внутренних дел вместо смещённого Ягоды. Те без малого три сотни "своих людей", что Ежов привёл за собой из ЦК, были назначены помощниками начальников управлений НКВД в Москве и на периферии. Приток новых кадров официально объяснялся желанием Политбюро "поднять работу НКВД на ещё более высокий (!) уровень". В действительности новые люди понадобились для того, чтобы в дальнейшем заменить прежних сотрудников НКВД, намеченных к ликвидации.	The plan for the physical extermination of all NKVD officers who knew the sinister behind-the-scenes side of the Moscow trials was developed by Stalin and Yezhov with a thoroughness worthy of a military operation. Back in October 1936, Stalin's favorite Yezhov was appointed People's Commissar of Internal Affairs to replace the deposed Yagoda. Those almost three hundred "his people" that Yezhov brought with him from the Central Committee were appointed assistants to the heads of the NKVD departments in Moscow and in the periphery. The influx of new personnel was officially explained by the desire of the Politburo "to raise the work of the NKVD to an even higher (!) level." In fact, new people were needed in order to later replace the former NKVD officers scheduled for liquidation.
Несколько месяцев Ежов и руководящие кадры, оставшиеся после Ягоды, работали в кажущемся согласии. Ежову они всё ещё были необходимы - шла подготовка ко второму московскому процессу, требовалось обучать новых людей искусству ведения следствия.	For several months, Yezhov and the leading cadres who remained after Yagoda worked in seeming harmony. Yezhov still needed them - preparations were underway for the second Moscow trial, it was necessary to train new people in the art of conducting an investigation.
К исполнению сталинского плана Ежов приступил уже после второго процесса. Перестраховываясь, уничтожали не только тех сотрудников НКВД, которые знали грязные сталинские секреты, но и тех, кто мог их знать. Происходило это так.	Yezhov began to carry out Stalin's plan after the second trial. Reinsurance, they destroyed not only those NKVD officers who knew Stalin's dirty secrets, but also those who could know them. It happened like this.
Однажды мартовским вечером 1937 года Ежов созвал совещание своих заместителей, занимающих эти должности со времён Ягоды, а	One evening in March 1937, Yezhov convened a meeting of his deputies, who had held these positions since the time of Yagoda, as well

также начальников основных управлений НКВД. Он сообщил, что по распоряжению ЦК каждому из них поручается выехать в определённую область для проверки политической надёжности руководства соответствующих обкомов партии. Ежов снабдил их подробными инструкциями, роздал мандаты на бланках ЦК и приказал срочно отбыть к месту назначения. Только четыре руководителя управлений НКВД не получили таких заданий. Это были начальник Иностранного управления Слуцкий, начальник погранвойск Фриновский, начальник личной охраны Сталина Паукер и начальник московского областного управления НКВД Станислав Реденс, женатый на свояченице Сталина (Аллилуевой).	as the heads of the main departments of the NKVD. He said that, by order of the Central Committee, each of them was instructed to go to a certain area to check the political reliability of the leadership of the respective regional party committees. Yezhov provided them with detailed instructions, handed out mandates on the forms of the Central Committee and ordered them to urgently depart for their destination. Only four heads of the NKVD departments did not receive such assignments. These were the head of the Foreign Directorate Slutsky, the head of the border troops Frinovsky, the head of Stalin's personal security Pauker and the head of the Moscow regional department of the NKVD Stanislav Redens, who was married to Stalin's sister-in-law (Alliluyeva).
На следующее утро все получившие мандаты отбыли из Москвы. Места назначения, указанного в этих мандатах, никто из них не достиг: все были тайно высажены из вагонов на первой же подмосковной станции и на машинах доставлены в одну из подмосковных тюрем. Через два дня Ежов проделал тот же трюк с заместителями "уехавших". Им перед отъездом сообщили, что они направляются для участия в выполнении того же задания.	The next morning, all those who received mandates left Moscow. None of them reached the destination indicated in these mandates: they were all secretly disembarked from the cars at the very first station near Moscow and taken by car to one of the prisons near Moscow. Two days later, Yezhov did the same trick with the deputies of the "left." Before leaving, they were informed that they were sent to participate in the same task.
Прошло несколько недель, прежде чем сотрудники НКВД узнали о безвозвратном исчезновении начальства. За этот срок Ежов сменил в НКВД охрану, а также всех командиров в энкаведистских частях, размещённых в Москве и Подмосковье. Среди вновь назначенных командиров оказалось множество грузин, присланных из Закавказского НКВД.	Several weeks passed before the NKVD officers learned about the irretrievable disappearance of the authorities. During this period, Yezhov changed the guards in the NKVD, as well as all the commanders in the NKVD units stationed in Moscow and the Moscow region. Among the newly appointed commanders were many Georgians sent from the Transcaucasian NKVD.
Чтобы старые сотрудники НКВД не могли бежать за границу, Ежов изъял из ведения Иностранного управления группу, ответственную за выдачу заграничных паспортов, и присоединил её к собственному секретариату. Одновременно он сместил командиров авиаэскадрилий НКВД, лишив тем самым потерявших голову чекистов всякой возможности побега за границу на боевом самолёте.	So that the old NKVD officers could not flee abroad, Yezhov removed the group responsible for issuing foreign passports from the Foreign Directorate and attached it to his own secretariat. At the same time, he removed the commanders of the NKVD air squadrons, thereby depriving the Chekists who had lost their heads of any possibility of escaping abroad on a combat aircraft.
Опасаясь со стороны сотрудников НКВД безрассудных действий, продиктованных отчаянием, Ежов забаррикадировался в отдалённом крыле здания НКВД и окружил себя мощным контингентом личной охраны. Каждый, кто хотел попасть в его кабинет, должен был сначала подняться на лифте на пятый этаж и пройти длинными коридорами до определённой лестничной площадки, затем спуститься по лестнице на первый этаж, опять пройти по коридору к вспомогательному лифту, который и доставлял его в приёмную	Fearing on the part of the NKVD officers reckless actions dictated by desperation, Yezhov barricaded himself in a remote wing of the NKVD building and surrounded himself with a powerful contingent of bodyguards. Everyone who wanted to get into his office had to first take the elevator to the fifth floor and go through long corridors to a certain landing, then go down the stairs to the first floor, again go along the corridor to the auxiliary elevator, which delivered him to Yezhov's reception room located on the third floor. In this labyrinth, the visitor

Ежова, расположенную на третьем этаже. В этом лабиринте посетителю неоднократно преграждали путь охранники, проверявшие документы у любого посетителя, будь то сотрудник НКВД или посторонний, имеющий какое-либо дело к Ежову.	was repeatedly blocked by security guards who checked the documents of any visitor, whether it was an NKVD officer or an outsider who had any business with Yezhov.
Осуществив всё эти предупредительные мероприятия, Ежов начал действовать более энергично. Пошли массовые аресты следователей, принимавших участие в подготовке московских процессов, и всех прочих лиц, которые знали или могли знать тайны сталинских фальсификаций. Их арестовывали одного за другим, днём - на службе, а ночью - в их квартирах. Когда в предрассветный час опергруппа явилась в квартиру Чертока (прославившегося свирепыми допросами Каменева), он крикнул: "Меня вы взять не сумеете!" - выскочил на балкон и прыгнул с двенадцатого этажа, разбившись насмерть.	Having carried out all these preventive measures, Yezhov began to act more energetically. There were mass arrests of investigators who took part in the preparation of the Moscow trials, and of all other persons who knew or could know the secrets of Stalin's falsifications. They were arrested one by one, during the day - in the service, and at night - in their apartments. When the task force arrived at the apartment of Chertok (who became famous for his ferocious interrogations of Kamenev) in the predawn hour, he shouted: "You won't be able to take me!" - jumped out onto the balcony and jumped from the twelfth floor, breaking to death.
Феликс Гурский, сотрудник Иностранного управления, за несколько недель перед этим награждённый орденом Красной звезды "за самоотверженную работу", выбросился из окна своего кабинета на девятом этаже. Также поступили двое следователей Секретного политического управления. Сотрудники Иностранного управления, прибывшие в Испанию и Францию, рассказывали жуткие истории о том, как вооружённые оперативники прочесывают дома, заселённые семьями энкаведистов, и как в ответ на звонок в дверь в квартире раздается выстрел - очередная жертва пускает себе пулю в лоб. Инквизиторы НКВД, не так давно внушавшие ужас несчастным сталинским пленникам, ныне сами оказались захлёстнутыми диким террором.	Felix Gursky, an employee of the Foreign Directorate, who had been awarded the Order of the Red Star "for selfless work" a few weeks earlier, jumped out of the window of his office on the ninth floor. Two investigators from the Secret Political Directorate also arrived. Employees of the Foreign Directorate, who arrived in Spain and France, told terrible stories about how armed operatives were combing houses inhabited by families of NKVD members, and how, in response to a call at the door, a shot rang out in the apartment - another victim put a bullet in his forehead. The inquisitors of the NKVD, who not so long ago inspired horror in the unfortunate Stalinist captives, are now themselves overwhelmed by wild terror.
Комплекс зданий НКВД расположен в самом центре Москвы, и случаи, когда сотрудники НКВД выбрасывались с верхних этажей, происходили на виду у многочисленных прохожих. Слухи о самоубийствах энкаведистов начали гулять по Москве. Никто из населения не понимал, что происходит.	The complex of NKVD buildings is located in the very center of Moscow, and cases when NKVD officers were thrown from the upper floors occurred in full view of numerous passers-by. Rumors of NKVD suicides began to circulate in Moscow. None of the people understood what was going on.
По делам арестованных сотрудников НКВД не велось никакого следствия, даже для видимости. Их целыми группами обвиняли в троцкизме и шпионаже и расстреливали без суда. Тем сотрудникам, кто был или считался польского происхождения, объявляли, что они польские шпионы, латышам, - что они шпионы Латвии, русским, - что они шпионы Германии, Англии или Франции.	No investigation was carried out on the cases of the arrested NKVD officers, even for appearances. Whole groups of them were accused of Trotskyism and espionage and shot without trial. Those employees who were or were considered to be of Polish origin were announced that they were Polish spies, Latvians - that they were spies of Latvia, Russians - that they were spies of Germany, England or France.
О том, что представляли собой эти обвинения, можно судить по делу Казимира Баранского, ветерана Иностранного управления	The nature of these accusations can be seen in the case of Kazimir Baransky, a veteran of the Foreign Directorate of the NKVD who was

НКВД, которому Ежов навесил ярлык "шпиона". Баранский был польского происхождения. Фанатичный коммунист, во время гражданской войны он сражался на западном фронте против польских войск и был награждён орденом за то, что вытащил раненого командира своего полка из-под пулемётного обстрела. При этом он сам был ранен. По окончании войны Баранского направили в Иностранное управление ГПУ. В 1922 году он был послан этим Управлением в Польшу для организации агентурной сети. В Варшаве он занял официальный пост второго секретаря советского полпредства, под именем Казимира Кобецкого.	labeled a "spy" by Yezhov. Baransky was of Polish origin. A fanatical communist, during the Civil War he fought on the western front against the Polish troops and was awarded the order for pulling the wounded commander of his regiment from machine-gun fire. In doing so, he himself was wounded. At the end of the war, Baransky was sent to the Foreign Directorate of the GPU. In 1922, he was sent by this Directorate to Poland to organize an agent network. In Warsaw, he took the official post of second secretary of the Soviet embassy, under the name of Kazimir Kobetsky.
В 1923 году, когда советское правительство разрабатывало планы посылки войск через Польшу для оказания помощи немецким рабочим, Баранский получил приказ взорвать склады боеприпасов и амуниции, размещавшихся в варшавской цитадели. Это опасное задание ему удалось выполнить 12 октября 1923 года.	In 1923, when the Soviet government was developing plans to send troops through Poland to help German workers, Baransky was ordered to blow up ammunition and ammunition depots located in the Warsaw citadel. He managed to complete this dangerous task on October 12, 1923.
Поляки каким-то образом узнали, что взрыв в варшавской цитадели - дело рук их земляка, второго секретаря советского посольства Казимира Кобецкого. Однако они не стали требовать его отзыва, а решили поймать его с поличным и тогда уж взять реванш за всё. Такого случая им пришлось ждать почти год. Польская контрразведка сумела внедрить в агентурную сеть Баранского собственного агента, официальным местом работы которого было польское министерство иностранных дел. Чтобы разжечь аппетит Баранского, этот человек начал снабжать советское посольство подлинными (хотя и без подписей должностных лиц) документами своего министерства. Постепенно агент завоевал доверие Баранского, и тот начал лично встречаться с ним. Как-то летним днём 1925 года Баранскому предстояло встретиться с этим агентом, чтобы возвратить тому полученные на время бумаги. Среди них был, между прочим, доклад польского посла в Японии, некоего Патека.	The Poles somehow learned that the explosion in the Warsaw citadel was the work of their countryman, the second secretary of the Soviet embassy, Kazimir Kobetsky. However, they did not demand his recall, but decided to catch him red-handed and then take revenge for everything. They had to wait almost a year for such an event. The Polish counterintelligence managed to infiltrate Baransky's own agent into the network of agents, whose official place of work was the Polish Ministry of Foreign Affairs. To whet Baransky's appetite, this man began supplying the Soviet embassy with authentic (though unsigned by officials) documents from his ministry. Gradually, the agent won Baransky's trust, and he began to personally meet with him. One summer day in 1925, Baransky was to meet with this agent in order to return the papers received for a while. Among them was, among other things, a report by the Polish ambassador to Japan, a certain Patek.
Придя на условленное место встречи, Баранский заметил поблизости подозрительных лиц, проявлявших к нему интерес. Он попытался ускользнуть, однако сыщики стали окружать его. Баранский вырвался из окружения, стремясь во что бы то ни стало избавиться от компрометирующих документов, которые лежали у него в кармане, - он бросился в боковую улицу и вбежал в костёл святой Екатерины. Там опустился на скамью для молящихся, сунул документы в какую-то щель и покинул костёл через другие двери, выходящие на Иерусалимские аллеи. Выбежав на улицу, он вновь	Arriving at the agreed meeting place, Baransky noticed nearby suspicious persons who showed interest in him. He tried to slip away, but the detectives began to surround him. Baransky escaped from the encirclement, trying at all costs to get rid of the incriminating documents that were in his pocket - he rushed into a side street and ran into the church of St. Catherine. There he sank down on the prayer bench, put the documents into some slot and left the church through other doors overlooking the Jerusalem alleys. Running out into the street, he again stumbled upon the detectives, who had already lost sight of him. They

наткнулся на сыщиков, уже было потерявших его из виду. Они схватили его, обыскали, но, не найдя нужных бумаг, стали избивать, топтать его ногами, несколько раз ударили по голове.	grabbed him, searched him, but, not finding the necessary papers, they began to beat him, trample him underfoot, hit him several times on the head.
Баранский боялся, что его убьют тут же на улице и советское полпредство так и не узнает, что с ним стряслось. Он начал кричать по-польски, обращаясь к прохожим: "Господа, смотрите, как польская полиция бьёт советского дипломата!" - и потерял сознание.	Baransky was afraid that he would be killed right there on the street and the Soviet embassy would never know what had happened to him. He began to shout in Polish, addressing passers-by: "Gentlemen, look how the Polish police are beating a Soviet diplomat!" - and lost consciousness.
Очнулся он в главном управлении полиции. Он отказался отвечать на вопросы руководителей польской контрразведки и, ссылаясь на свой дипломатический иммунитет, требовал, чтобы его освободили. Однако это произошло только после протестов со стороны советского правительства. Баранского доставили в советское полпредство с кровоподтёками на лице и с сочащейся кровью повязкой на голове. Пролежав с неделю в больнице, он вскоре по требованию польского правительства был отозван в Москву.	He woke up at the police headquarters. He refused to answer questions from the leaders of the Polish counterintelligence and, referring to his diplomatic immunity, demanded that he be released. However, this only happened after protests from the Soviet government. Baransky was taken to the Soviet embassy with bruises on his face and a bandage oozing blood on his head. After spending a week in the hospital, he was soon recalled to Moscow at the request of the Polish government.
По возвращении Баранского из Польши нарком иностранных дел Чичерин пожаловался на его поведение в Центральную контрольную комиссию, - высший орган, расследовавший поведение членов партии. Ведомство Чичерина жаловалось, что, находясь в Варшаве, Баранский ввязался в исключительно опасные и скандальные авантюры с участием поляков, что вызвало ухудшение отношений между Польшей и СССР, Зная вспыльчивый характер Баранского, помощник Ягоды Трилиссер посоветовал ему на заседании комиссии "вести себя смирно" и признать, что, действительно, в ряде случаев он зашёл в своих действиях слишком далеко. Во время слушания дела Баранского в помещение, где заседала комиссия, вошёл её председатель Арон Сольц. Присев, он некоторое время молча слушал, как обвиняет Баранского советский полпред в Польше Оболенский, и вдруг неожиданно вмешался: "Кого вы в этом обвиняете? Бойца Красной армии, раненного в стычке с врагом! Я предлагаю, товарищи, чтобы мы представили Баранского за его работу к ордену Красного знамени!" Кончилось тем, что Оболенскому объявили выговор за клевету на Баранского, а тот действительно получил орден - в то время знак высшего боевого отличия.	Upon Baransky's return from Poland, People's Commissar for Foreign Affairs Chicherin complained about his behavior to the Central Control Commission, the highest body that investigated the behavior of party members. Chicherin's office complained that, while in Warsaw, Baransky got involved in extremely dangerous and scandalous adventures with the participation of the Poles, which caused a deterioration in relations between Poland and the USSR. admit that, indeed, in a number of cases he went too far in his actions. During the hearing of the Baransky case, its chairman, Aron Solts, entered the room where the commission was meeting. Sitting down, he silently listened for some time to the accusations of Baransky by the Soviet plenipotentiary in Poland, Obolensky, and suddenly intervened: “Who do you blame for this? A Red Army soldier wounded in a skirmish with the enemy! I suggest, comrades, that we introduce Baransky for work for the Order of the Red Banner!" It ended up that Obolensky was reprimanded for slandering Baransky, and he really received the order - at that time the sign of the highest military distinction.
Избиение Баранского польскими шпиками серьёзно отразилось на его здоровье. Вскоре после возвращения в Москву он оказался частично парализован, у него отнялась речь. Позже паралич прошёл,	The beating of Baransky by Polish spies seriously affected his health. Shortly after returning to Moscow, he was partially paralyzed, his speech was taken away. Later, the paralysis passed, but Baransky remained

однако Баранский на всю жизнь остался инвалидом. И вот этого инвалида, потерявшего здоровье по милости польской контрразведки, Ежов в числе других объявил польским шпионом и приказал расстрелять без суда и следствия. Сталин с Ежовым прекрасно знали, что никакой он не шпион и никогда им не был. Они попросту считали его теперь "ненадёжным": у него было много друзей среди следователей НКВД, и от них он мог узнать - да наверняка и узнал!, - закулисную сторону московских процессов, в том числе и сталинские указания, полученные следователями.	disabled for the rest of his life. And this invalid, who lost his health at the mercy of the Polish counterintelligence, Yezhov, among others, declared a Polish spy and ordered to be shot without trial or investigation. Stalin and Yezhov knew perfectly well that he was no spy and never was. They simply considered him now "unreliable": he had many friends among the NKVD investigators, and from them he could learn - and he certainly did! - the behind-the-scenes side of the Moscow trials, including Stalin's instructions received by the investigators.
Постепенно волна арестов распространилась и на периферию. Только за один 1937 год было казнено более трёх тысяч оперативников НКВД. Среди исчезнувших в этой кровавой мясорубке были Молчанов, заместители Ягоды Агранов и Прокофьев, а также все начальники управлений НКВД в Москве и провинции. До расстрела самого Ягоды дело пока не дошло.	Gradually, the wave of arrests spread to the periphery. In 1937 alone, more than three thousand NKVD operatives were executed. Among those who disappeared in this bloody meat grinder were Molchanov, Yagoda's deputies Agranov and Prokofiev, as well as all the heads of the NKVD departments in Moscow and the provinces. The matter has not yet reached the execution of Yagoda himself.
Будь эти люди виновны в растрате крупных денежных сумм или даже а убийстве, совершённом по каким-нибудь личным мотивам, - им, вероятно, удалось бы отделаться несколькими годами заключения. Но они были "повинны" в гораздо более тяжком грехе - самом тяжком, какой существовал в Советском Союзе: они знали тайну сталинских преступлений. Этот грех влек за собой неизменно лишь одну кару - смертную казнь. Только одному человеку из числа руководителей НКВД удалось избежать такого конца. Это был заместитель начальника Секретного политического управления НКВД Люшков, помогавший Молчанову в подготовке первого московского процесса. Благодаря дружеским отношениям с Ежовым Люшков продержался на своей должности до лета 1938 года, а затем получил назначение начальником Дальневосточного управления НКВД. Увидев из своего далёка, что Сталин как будто уже не оставил в живых никого из опасных свидетелей своих преступлений, Люшков использовал преимущества своей новой должности и тем же летом перелетел к японцам. Ему удалось это сделать без особого труда: дальневосточные войска погранохраны находились в его прямом подчинении.	If these people were guilty of embezzlement of large sums of money, or even a murder committed for some personal motive, they would probably manage to get off with several years in prison. But they were "guilty" of a much graver sin - the gravest that existed in the Soviet Union: they knew the secret of Stalin's crimes. This sin entailed invariably only one punishment - the death penalty. Only one person among the leaders of the NKVD managed to avoid such an end. This was the deputy head of the Secret Political Directorate of the NKVD Lyushkov, who helped Molchanov in preparing the first Moscow trial. Thanks to friendly relations with Yezhov, Lyushkov held his position until the summer of 1938, and then was appointed head of the Far Eastern Directorate of the NKVD. Seeing from his distance that Stalin seemed to have left none of the dangerous witnesses of his crimes alive, Lyushkov took advantage of his new position and flew over to the Japanese that same summer. He managed to do this without much difficulty: the Far Eastern border guard troops were under his direct subordination.
Высокопоставленные сотрудники НКВД, приезжавшие во Францию и Испанию, рассказывали о кошмарной судьбе детей расстрелянных чекистов. Когда родителей арестовывали и квартиры опечатывали, дети оказывались в буквальном смысле слова выброшенными на улицу. Друзья этих семей и даже близкие родственники не решались	High-ranking officers of the NKVD, who came to France and Spain, spoke about the nightmarish fate of the children of the executed Chekists. When parents were arrested and the apartments were sealed, the children were literally thrown into the street. Friends of these families and even close relatives did not dare to give shelter to the

дать приют детям арестованных, опасаясь навлечь на себя серьёзные неприятности. В школах и пионерских отрядах они не находили ни малейшей моральной поддержки. Их сверстники всячески изводили и били их как детей предателей и шпионов. При этом нередко случалось, что ученики, издевавшиеся над ними, за одну ночь сами превращались в детей "врага народа", которым теперь предстояло хлебнуть горя.	children of the arrested, fearing to incur serious troubles. In schools and pioneer detachments, they did not find the slightest moral support. Their peers harassed and beat them in every possible way as the children of traitors and spies. At the same time, it often happened that the students who mocked them, overnight, themselves turned into the children of the "enemy of the people", who now had to take a sip of grief.
Отношения между детьми в это смутное время отражали, как в зеркале, отношения взрослых. Отравленные сталинистскими изречениями о "притаившихся врагах народа", наученные педагогами принимать резолюции с требованием смертной казни для старых большевиков, школьники утрачивали черты, присущие детям, да и вообще всякое представление о человечности. Чувство дружбы вытеснялось из их детских душ подозрительностью и страстью всеобщего разоблачения, то есть доносительства.	The relations between children in this troubled time reflected, as in a mirror, the relations of adults. Poisoned by Stalinist sayings about "lurking enemies of the people", taught by teachers to adopt resolutions demanding the death penalty for the old Bolsheviks, schoolchildren lost the traits inherent in children, and indeed any idea of humanity. The feeling of friendship was forced out of their children's souls by suspicion and passion for general exposure, that is, denunciation.
В крупных городах появилось ещё одно страшное знамение времени: случаи самоубийства подростков 10-25 лет. Мне рассказывали, например, такой случай. После расстрела группы сотрудников НКВД четверо их детей, оставшиеся сиротами, украли из квартиры другого энкаведиста пистолет и отправились в Прозоровский лес под Москвой с намерением совершить самоубийство. Какому-то железнодорожнику, прибежавшему на пистолетные выстрелы и детские крики, удалось выбить пистолет из рук четырнадцатилетнего мальчика. Два других подростка лежали на земле, - как выяснилось, тяжело раненные. Тринадцатилетняя девочка, сестра одного из раненых, рыдала, лёжа ничком в траве. Рядом валялась записка, адресованная "дорогому вождю народа товарищу Сталину". В ней дети просили дорогого товарища Сталина найти и наказать тех, кто убил их отцов. "Наши родители были честными коммунистами, - следовало дальше. - Враги народа, подлые троцкисты, не могли им этого простить..." Откуда детям было знать, кто такие троцкисты! Сталинский секретариат получал десятки таких писем. Отсюда они направлялись в НКВД с требованием убрать маленьких жалобщиков из Москвы. Здесь не должно было быть места детским слезам! Иностранные журналисты и гости из-за рубежа не должны были видеть эти массы выброшенных на улицу сирот.	In large cities, another terrible sign of the times has appeared: cases of suicide by teenagers 10-25 years old. I was told, for example, such a case. After the execution of a group of NKVD officers, four of their children, left orphans, stole a pistol from the apartment of another NKVD member and went to the Prozorovsky forest near Moscow with the intention of committing suicide. Some railroad worker, who came running to pistol shots and children's screams, managed to knock the pistol out of the hands of a fourteen-year-old boy. Two other teenagers lay on the ground - as it turned out, seriously injured. A thirteen-year-old girl, the sister of one of the wounded, sobbed, lying face down in the grass. Lying nearby was a note addressed to "the dear leader of the people, Comrade Stalin." In it, the children asked dear comrade Stalin to find and punish those who killed their fathers. “Our parents were honest communists,” it followed. “The enemies of the people, vile Trotskyists, could not forgive them for this ...” How could the children know who the Trotskyists were! Stalin's secretariat received dozens of such letters. From here they were sent to the NKVD with a demand to remove the little complainers from Moscow. There should have been no place for children's tears! Foreign journalists and guests from abroad were not supposed to see these masses of orphans thrown into the street.
Многие из осиротевших детей не ждали, когда их вышлют из Москвы. Столкнувшись в домах друзей своих родителей с равнодушием и страхом, они присоединились к тем, кто принял их в	Many of the orphaned children did not wait to be sent out of Moscow. Faced with indifference and fear in the homes of their parents' friends, they joined those who accepted them into their midst as equals -

свою среду как равных - к бездомным подросткам, жертвам более ранней "жатвы", которую принесла сталинская коллективизация. Банда беспризорных обычно забирала у новичка, в качестве вступительного взноса, часть его одежды, часы и другие ценные вещи и быстро обучала его своему ремеслу - воровству.	homeless teenagers, victims of the earlier "harvest" brought by Stalin's collectivization. A gang of homeless people used to take from the newcomer, as an entrance fee, part of his clothes, watches and other valuables and quickly taught him their trade - theft.
Хуже было осиротевшим девочкам. О судьбе одной из них я узнал от того же Шпигельгляса. Весной 1937 года были внезапно арестованы заместитель начальника разведуправления Красной армии Александр Карин и его жена. Обоих расстреляли. До начала службы в разведуправлении Карин несколько лет работал в Иностранном управлении НКВД, помогая Шпигельглясу при выполнении секретных и опасных заданий за границей. Карины и Шпигельглясы дружили семьями; единственная дочь Кариных, которой было к моменту ареста отца тринадцать лет, была лучшей подругой дочери Шпигельгляса.	It was worse for the orphaned girls. I learned about the fate of one of them from the same Shpigelglas. In the spring of 1937, Alexander Karin, deputy head of the Red Army intelligence department, and his wife were suddenly arrested. Both were shot. Before starting his service in the intelligence department, Karin worked for several years in the Foreign Directorate of the NKVD, helping Shpigelglas in carrying out secret and dangerous assignments abroad. Karina and Shpigelglasy were family friends; the only daughter of the Karins, who was thirteen years old at the time of her father's arrest, was the best friend of Shpigelglas's daughter.
После ареста Кариных их дочь оказалась на улице, а их квартиру занял один из "людей Ежова". Девочка пришла к Шпигельглясам. "Ты должен меня понять, - втолковывал мне Шпигельгляс, - Я люблю этого ребёнка не меньше собственной дочери. Она пришла ко мне со своим горем, как к родному отцу. Но мог ли я рисковать... и оставить её у себя? У меня язык не повернулся сказать ей, чтобы она уходила. Мы с женой постарались её утешить и уложили спать. Ночью она несколько раз вскакивала с постели с душераздирающими криками, не понимая, где она и что с нею. Утром я пошёл к ежовскому секретарю Шапиро и рассказал ему, в каком положении я очутился. "В самом деле, положение щекотливое, - заметил Шапиро. - Надо найти какой-то выход... Во всяком случае, тебе не стоит держать её у себя... Мой тебе совет: попробуй от неё избавиться!" "Совет Шапиро, - продолжал Шпигельгляс, - был по существу приказом выгнать ребёнка на улицу. Моя жена вспомнила, что у Кариных были какие-то родственники в Саратове. Я дал девочке денег, купил ей билет на поезд и отправил её в Саратов. Мне было стыдно глядеть в глаза собственной дочери. Жена беспрестанно плакала. Я старался поменьше бывать дома...	After the arrest of the Karins, their daughter ended up on the street, and one of Yezhov's people occupied their apartment. The girl came to the Spiegelglases. “You must understand me,” Shpigelglas explained to me, “I love this child no less than my own daughter. She came to me with her grief, as to her own father. But could I risk ... and leave her with me? I didn’t turn around to tell her to leave. My wife and I tried to comfort her and put her to bed. At night she jumped out of bed several times with heartbreaking cries, not understanding where she was and what was happening to her. In the morning I went to Yezhov’s secretary Shapiro and told to him what position I found myself in. “Indeed, the situation is ticklish,” Shapiro remarked. “We need to find some way out ... In any case, you should not keep her with you ... My advice to you: try to get rid of her!” street. My wife remembered that the Karins had some relatives in Saratov. I gave the girl money, bought her a train ticket and sent her to Saratov. I was ashamed to look into the eyes of my own daughter. The wife was crying incessantly. I tried to stay at home as little as possible...
Через два месяца дочь Кариных вернулась в Москву и пришла к нам. Меня поразило, как она изменилась: бледная, худая, в глазах застыло горе. Ничего детского в её облике не осталось. "Я подала в прокуратуру заявление, - сказала она, - и прошу, чтобы люди, которые живут в нашей квартире, вернули мою одежду". Так посоветовал	Two months later, the Karins' daughter returned to Moscow and came to us. I was struck by how she had changed: pale, thin, grief frozen in her eyes. There was nothing childish about her. "I have filed an application with the prosecutor's office," she said, "and I ask that the people who live in our apartment return my clothes." So advised to do the man who

сделать человек, приютивший её в Саратове. "Я была в нашей пионерской дружине, - продолжала девочка, - и получила там удостоверение для прокуратуры, что меня два года назад приняли в пионеры. Но пионервожатый потребовал, чтобы я выступила на пионерском собрании и сказала, что одобряю расстрел моих родителей. Я выступила и сказала, что если они были шпионы, то это правильно, что их расстреляли. Но от меня потребовали сказать, что они на самом деле были шпионы и враги народа. Я сказала, что на самом деле... Но мне-то известно, что это неправда и они были честные люди. А те, кто их расстрелял, - вот они и есть настоящие шпионы!" - сердито закончила она. Девочка отказалась от еды и не пожелала взять денег..." В это же самое время на митингах и в газетах до небес превозносили "гуманизм сталинской эпохи". Крики обездоленных детей заглушались дифирамбами "сталинской заботе о людях" и "трогательной любви к детям".	sheltered her in Saratov. "I was in our pioneer squad," the girl continued, "and there I received a certificate for the prosecutor's office that I was accepted as a pioneer two years ago. But the pioneer leader demanded that I speak at a pioneer meeting and say that I approve of the execution of my parents. I spoke and said that if they were spies, then it was right that they were shot. But they demanded of me to say that they were in fact spies and enemies of the people. I said that in fact ... But I know, that this is not true and that they were honest people. And those who shot them - these are the real spies! " she finished angrily. The girl refused to eat and did not want to take money ... "At the same time, at rallies and in newspapers, the "humanism of the Stalin era" was extolled to the skies. The cries of disadvantaged children were drowned out by the praises of "Stalin's concern for people" and "touching love for children" .
Уничтожение чекистских кадров в СССР было делом куда более лёгким, чем ликвидация тех же кадров за рубежом. Разумеется, с ними было бы легче расправиться, если бы удалось их заманить в Советский Союз.	The destruction of Chekist cadres in the USSR was a much easier matter than the elimination of the same cadres abroad. Of course, it would be easier to deal with them if they could be lured to the Soviet Union.
Отзыв сотрудников НКВД из-за границы был деликатной операцией, требовавшей особого такта. Массовые расстрелы в СССР заставили закордонных сотрудников серьёзно опасаться за свою собственную судьбу. С другой стороны, отказ сотрудника вернуться из-за границы был связан с опасностью, что он раскроет Западу тайны чекистских операций на территории иностранных государств.	The recall of NKVD officers from abroad was a delicate operation that required special tact. Mass executions in the USSR made the outcast employees seriously fear for their own fate. On the other hand, the employee's refusal to return from abroad was associated with the danger that he would reveal to the West the secrets of KGB operations on the territory of foreign states.
Сталин и Ежов не могли не принять во внимание эти обстоятельства. Чтобы не вызывать паники среди иностранных сотрудников НКВД, они временно воздержались от "чистки" Иностранного управления, которое руководило работой резидентов. Вот почему, безжалостно ликвидировав руководителей всех управлений, Ежов почти год не трогал начальника Иностранного управления НКВД Слуцкого.	Stalin and Yezhov could not ignore these circumstances. In order not to cause panic among the foreign employees of the NKVD, they temporarily refrained from "cleansing" the Foreign Directorate, which directed the work of the residents. That is why, having ruthlessly eliminated the heads of all departments, Yezhov did not touch the head of the Foreign Department of the NKVD, Slutsky, for almost a year.
У сотрудников, работавших за границей, следовало создать обманчивое впечатление, будто кровавая чистка к ним не относится.	Employees who worked abroad should be given the deceptive impression that the bloody purge did not apply to them.
Не доверяя ветеранам Иностранного управления и разрабатывая секретный план их уничтожения, Ежов образовал в декабре 1936 года так называемое Управление специальных операций, подчинённое лично ему. В его задачи входило выполнение за рубежом личных	Not trusting the veterans of the Foreign Directorate and developing a secret plan for their destruction, Yezhov formed in December 1936 the so-called Directorate of Special Operations, subordinated personally to him. His tasks included the fulfillment of Stalin's personal assignments abroad,

поручений Сталина, которые не могли быть поручены кадровым энкаведистам. В состав Управления входили подвижные группы, укомплектованные террористами и разъезжающие по разным странам с целью убийства лидеров зарубежных троцкистских партий, а также сотрудников НКВД, отказавшихся вернуться на родину. К январю 1937 года это Управление создало нелегальные представительства в трёх европейских столицах и в Мексике. Все его представители жили там с фальшивыми документами.	which could not be entrusted to regular NKVD officers. The Directorate included mobile groups staffed by terrorists and traveling around different countries with the aim of killing the leaders of foreign Trotskyist parties, as well as NKVD officers who refused to return to their homeland. By January 1937, this Office had established illegal offices in three European capitals and in Mexico. All its representatives lived there with false documents.
Отзыв сотрудников НКВД из-за рубежа начался летом 1937 года. Для начала отозвали тех, у кого в СССР оставались семьи. Это была наименее трудная часть операции: в сталинской системе жёны, и дети всегда считались надёжными заложниками. Отозванные сотрудники не были арестованы сразу по прибытии. Как правило, Слуцкий, выслушав их доклады, предоставлял им месячный отпуск и путёвку в южный дом отдыха или санаторий, предназначенный для видных советских чиновников. Оттуда они писали восторженные письма остающимся за границей товарищам. По возвращении с юга следовало назначение этих людей на нелегальную работу в какую-нибудь страну, где раньше им не приходилось бывать. Их снабжали фальшивыми документами; в назначенный день они должны были выехать поездом на новое место назначения. Нередко на вокзале их провожали друзья. Однако путешествие кончалось тут же под Москвой. В дороге их высаживали из поезда и доставляли в секретную тюрьму. Проходило несколько месяцев, прежде чем становилось известно, что эти сотрудники так и не появились в стране назначения.	The recall of NKVD officers from abroad began in the summer of 1937. To begin with, they recalled those who had families in the USSR. This was the least difficult part of the operation: in the Stalinist system, wives and children were always considered reliable hostages. The recalled employees were not arrested immediately upon arrival. As a rule, Slutsky, after listening to their reports, provided them with a month's vacation and a ticket to a southern rest house or sanatorium intended for prominent Soviet officials. From there they wrote enthusiastic letters to their comrades who remained abroad. Upon their return from the south, these people were assigned to work illegally in some country where they had not previously been. They were supplied with false documents; on the appointed day they were to leave by train for their new destination. Often at the station they were accompanied by friends. However, the journey ended right there near Moscow. On the way, they were dropped off the train and taken to a secret prison. Several months passed before it became known that these employees had not appeared in the country of destination.
Приблизительно в июле 1937 года резидент НКВД во Франции Николай Смирнов (его настоящая фамилия была Глинский) был вызван в Москву для доклада. Через неделю по прибытии в Москву он написал жене, остававшейся в Париже, что получил новое назначение - на подпольную работу в Китай и просит её срочно приехать и привезти с собой вещи. Смирнов проработал во Франции четыре года, так что его перевод в другую страну был вполне обычным делом. Парижские сотрудники НКВД ещё много лет оставались бы в неведении относительно судьбы Смирнова, если бы не произошло событие, которого люди Ежова не могли предвидеть.	Around July 1937, the resident of the NKVD in France, Nikolai Smirnov (his real name was Glinsky), was summoned to Moscow for a report. A week after his arrival in Moscow, he wrote to his wife, who remained in Paris, that he had received a new appointment - for underground work in China and asked her to urgently come and bring things with her. Smirnov worked in France for four years, so his transfer to another country was quite common. The Parisian NKVD officers would have remained in the dark about the fate of Smirnov for many years if an event had not occurred that Yezhov's people could not have foreseen.
Недели через две после того, как Смирнов уехал на родину, в Париж вернулась супруга некоего Грозовского - чекиста, работавшего во Франции. Она по секрету поведала женам других сотрудников, что	Two weeks after Smirnov left for his homeland, the wife of a certain Grozovsky, a Chekist who worked in France, returned to Paris. She secretly told the wives of other employees that before leaving the USSR

перед отъездом из СССР зашла в гостиницу "Москва", где остановился Смирнов, чтобы получить его, так сказать, благословение на дорогу. Только она собралась постучать в дверь его номера, как дверь распахнулась и вышел Смирнов, сопровождаемый двумя вооружёнными агентами. Ей ничего не оставалось, как скорее повернуться и уйти прочь.	she went to the Moskva Hotel, where Smirnov was staying, in order to receive his blessing on the road, so to speak. Just as she was about to knock on the door of his room, the door flew open and Smirnov came out, accompanied by two armed agents. She had no choice but to turn around and walk away.
Жена Смирнова выехала в Москву в одном вагоне с советскими дипкурьерами. Вернувшись в Париж, дипкурьеры рассказали сотрудникам советского полпредства, что едва поезд подошёл к перрону Белорусского вокзала, в вагоне появился агент НКВД и попросил Смирнову следовать за ним.	Smirnov's wife left for Moscow in the same carriage with Soviet diplomatic couriers. Returning to Paris, the diplomatic couriers told the employees of the Soviet embassy that as soon as the train approached the platform of the Belorussky railway station, an NKVD agent appeared in the car and asked Smirnova to follow him.
- А где же мой муж? - спросила она, удивлённая тем, что его нет на перроне.	- Where is my husband? she asked, surprised that he was not on the platform.
- Он ждёт вас в машине, - ответил агент.	"He's waiting for you in the car," the agent replied.
Явно обеспокоенная, она последовала за ним. Когда они вышли из здания вокзала, подъехал старенький открытый газик; агент жестом предложил ей сесть в машину. Смирнова там не было. Несчастная женщина лишилась чувств, и дипкурьерам пришлось помочь агенту уложить её на сиденье автомобиля. С тех пор она как в воду канула.	Clearly worried, she followed him. When they left the station building, an old open van drove up; the agent motioned for her to get into the car. Smirnov was not there. The unfortunate woman lost consciousness, and the diplomatic couriers had to help the agent put her on the car seat. Since then, she has sunk into the water.
Когда Ежов услышал, что парижские подчинённые Смирнова знают об его аресте, он велел распустить слух, будто Смирнов был французским и польским шпионом. Французским - потому, что работал во Франции; польским - потому что по происхождению был поляком.	When Yezhov heard that Smirnov's Parisian subordinates were aware of his arrest, he ordered the rumor to be spread that Smirnov was a French and Polish spy. French - because he worked in France; Polish - because he was a Pole by origin.
Сотрудники НКВД в Париже не могли в это поверить, ибо знали преданность Смирнова своей стране. С другой стороны, будь Смирнов агентом французской контрразведки, это означало бы, что он передавал французам секретную информацию, которая была в его распоряжении, и уж наверняка передал бы шифр, с помощью которого резиденты НКВД во Франции сносились с Москвой. Если бы Ежов верил в измену Смирнова, первым долгом он должен был бы распорядиться сменить шифр и порвать все связи с тайными информаторами, которые при Смирнове поставляли резидентам французские секретные документы и сведения. Но Ежов не сделал ни того ни другого: резидентура продолжала пользоваться прежним шифром и услугами всё тех же информаторов.	The NKVD officers in Paris could not believe it, for they knew Smirnov's devotion to his country. On the other hand, if Smirnov had been an agent of French counterintelligence, this would have meant that he was passing on to the French the secret information that was at his disposal, and would certainly have passed on the cipher with which the NKVD residents in France communicated with Moscow. If Yezhov had believed in Smirnov's betrayal, his first duty would have been to change the cipher and break all ties with secret informants who, under Smirnov, supplied the residents with French secret documents and information. But Yezhov did neither: the residency continued to use the same cipher and the services of the same informants.
В течение лета 1937 года под разными предлогами в Москву были отозваны примерно сорок сотрудников. Только пятеро из них	During the summer of 1937, under various pretexts, about forty employees were recalled to Moscow. Only five of them refused to return

отказались вернуться и предпочли остаться за границей; остальные попались в ежовскую ловушку. Из тех, кто не вернулся, я знал Игнатия Рейсса, глубоко законспирированного резидента НКВД, Вальтера Кривицкого, возглавлявшего резидентуру в Голландии, и двух тайных агентов, известных мне под псевдонимами Пауль и Бруно.	and preferred to stay abroad; the rest fell into Yezhov's trap. Of those who did not return, I knew Ignatius Reiss, a deeply conspiratorial resident of the NKVD, Walter Krivitsky, who headed the residency in Holland, and two secret agents known to me under the pseudonyms Paul and Bruno.
Раньше всех вышел из игры Игнатий Рейсс. В середине июля 1937 года он направил советскому полпредству в Париже письмо, предназначенное для ЦК партии. Рейсс информировал ЦК о том, что он порывает со сталинской контрреволюцией и "возвращается на свободу". Из того же письма следовало, что под свободой он понимает "возврат к Ленину, его учению и его делу".	Ignatius Reiss was the first to leave the game. In mid-July 1937, he sent a letter to the Soviet embassy in Paris, intended for the Central Committee of the party. Reiss informed the Central Committee that he was breaking with the Stalinist counter-revolution and "returning to freedom." From the same letter it followed that by freedom he meant "a return to Lenin, his teaching and his cause."
Разрыв Рейсса с НКВД и партией являлся опасным прецедентом, которому могли последовать и другие сотрудники, работавшие за рубежом. Это наверняка привело бы к целой серии разоблачений, касающихся энкаведистских преступлений и кремлёвских тайн.	Reiss' break with the NKVD and the party was a dangerous precedent that could be followed by other employees working abroad. This would certainly lead to a whole series of revelations regarding NKVD crimes and Kremlin secrets.
Когда Сталину доложили об "измене" Рейсса, он приказал Ежову уничтожить изменника, вместе с его женой и ребёнком. Это должно было стать наглядным предостережением всем потенциальным невозвращенцам.	When Stalin was informed about Reiss' "treason", he ordered Yezhov to destroy the traitor, along with his wife and child. This was to be a clear warning to all potential defectors.
Подвижная группа Управления специальных операций немедленно выехала из Москвы в Швейцарию, где скрывался Рейсс. Агенты Ежова рассчитывали на помощь друга семьи Рейссов, некоей Гертруды Шильдбах. Рейсс доверял госпоже Шильдбах, и с её помощью, действительно, удалось напасть на след "изменника". На рассвете 4 сентября тело Рейсса, изрешечённое пулями, было найдено на шоссе под Лозанной.	The mobile group of the Directorate of Special Operations immediately left Moscow for Switzerland, where Reiss was hiding. Yezhov's agents counted on the help of a friend of the Reiss family, a certain Gertrude Schildbach. Reiss trusted Mrs. Schildbach, and with her help, indeed, they managed to get on the trail of the "traitor". At dawn on September 4, Reiss' body, riddled with bullets, was found on the highway near Lausanne.
Гертруда Шильдбах и её сообщники бежали так поспешно, что в отеле, где они останавливались, остался их багаж. Среди вещей Шильдбах швейцарская полиция нашла коробку шоколадных конфет, отравленных стрихнином. Конфеты явно предназначались для ребёнка "изменника". У Шильдбах не хватило то ли времени, то ли совести, чтобы угостить ими ребёнка, привыкшего доверчиво играть с ней.	Gertrude Schildbach and her accomplices fled so hastily that their luggage was left in the hotel where they were staying. Among Schildbach's belongings, the Swiss police found a box of chocolates poisoned with strychnine. The candy was clearly intended for the "traitor" child. Schildbach did not have enough time or conscience to treat them to a child who was used to trustingly playing with her.
Убийство Игнатия Рейсса было организовано с такой быстротой, что он не успел даже сделать разоблачения, касавшиеся Сталина, к которым так стремился.	The assassination of Ignatius Reiss was organized with such speed that he did not even have time to make the revelations regarding Stalin, which he so sought.
Не прошло, однако, и двух месяцев - и в СССР отказался вернуться	However, less than two months passed - and another NKVD resident,

ещё один резидент НКВД - Вальтер Кривицкий, до 1935 года работавший в Разведуправлении Красной армии. Он оставил свой пост в Гааге и приехал в Париж с женой и маленьким сыном.	Walter Krivitsky, who until 1935 worked in the Intelligence Directorate of the Red Army, refused to return to the USSR. He left his post in The Hague and came to Paris with his wife and young son.
Ежов немедленно направил во Францию аналогичную подвижную группу, и Кривицкий не прожил бы и месяца, если б не решительная акция французского правительства, которое предоставило ему вооружённую охрану и, кроме того, сделало Кремлю соответствующее предупреждение. В министерство иностранных дел Франции был вызван советский поверенный в делах Гиршфельд. Его попросили довести до сведения советского правительства, что французская общественность так возмущена только что совершённым похищением бывшего царского генерала Миллера, что в случае повторения советскими агентами аналогичных действий - похищения или убийства неугодных СССР лиц на французской территории, - правительство Франции окажется вынужденным порвать дипломатические отношения с Советским Союзом.	Yezhov immediately sent a similar mobile group to France, and Krivitsky would not have survived even a month if it were not for the decisive action of the French government, which provided him with armed guards and, in addition, issued a warning to the Kremlin. The Soviet charge d'affaires Girshfeld was summoned to the French Ministry of Foreign Affairs. He was asked to bring to the attention of the Soviet government that the French public was so outraged by the abduction of the former tsarist general Miller that had just been committed, that if Soviet agents repeated similar actions - the abduction or murder of persons objectionable to the USSR on French territory - the French government would be forced to break off diplomatic relations with Soviet Union.
Похищение генерала Миллера, руководителя Российского общевоинского союза, средь бела дня, в самом центре Парижа, действительно ошеломило французов. Эта вылазка советской агентуры, совершённая 23 сентября 1937 года, фактически спасла Кривицкого. Но в конечном счёте он всё же не ушёл от Сталина. В 1941 году его нашли застреленным в одном из номеров вашингтонской гостиницы.	The kidnapping of General Miller, head of the Russian All-Military Union, in broad daylight, in the very center of Paris, really stunned the French. This sortie of Soviet agents, committed on September 23, 1937, actually saved Krivitsky. But in the end, he still did not leave Stalin. In 1941, he was found shot to death in a Washington hotel room.
Ряд заграничных сотрудников НКВД исчез, не привлекая в отличие от Рейсса и Кривицкого внимания иностранной печати. Часто их ликвидировали только из-за того, что подозревали в намерениях порвать со сталинским режимом и остаться за границей.	A number of foreign employees of the NKVD disappeared without attracting the attention of the foreign press, unlike Reiss and Krivitsky. Often they were liquidated only because they were suspected of intending to break with the Stalinist regime and stay abroad.
В начале 1938 года в Бельгии был застрелен Агабеков, бывший резидент ОГПУ в Турции, порвавший со сталинским режимом ещё в 1929 году. Как видим, за ним охотились целых десять лет. Убийство Агабекова прошло почти незамеченным. Один только Бурцев, известный русский политэмигрант, регулярно встречавшийся с Агабековым, поднял тревогу после его таинственного исчезновения. Случай с Агабековым показал, что срок давности не имеет для "органов" никакого значения: сколько бы лет ни прошло после отказа резидента вернуться в СССР, люди Сталина рано или поздно нападут на его след и постараются его уничтожить.	At the beginning of 1938, Agabekov, a former OGPU resident in Turkey, who had broken with the Stalinist regime back in 1929, was shot dead in Belgium. As you can see, he was hunted for ten whole years. Agabekov's murder went almost unnoticed. Only Burtsev, a well-known Russian political émigré who regularly met with Agabekov, raised the alarm after his mysterious disappearance. The case with Agabekov showed that the statute of limitations has no meaning for the "authorities": no matter how many years pass after the resident's refusal to return to the USSR, Stalin's people will sooner or later attack his trail and try to destroy him.
Иностранцам, слабо разбиравшимся в особенностях сталинского	It was difficult for foreigners who had little understanding of the

аппарата власти, трудно было понять, почему многие советские работники покорно возвращались из-за границы в СССР, где за немногим исключением их ждала верная смерть. Но если подробнее рассмотреть дилемму, стоявшую перед сотрудниками НКВД, оказавшимися за рубежом, мы увидим, что сталинская система террора и шантажа не оставляла им выбора.	peculiarities of the Stalinist apparatus of power to understand why many Soviet workers dutifully returned from abroad to the USSR, where, with a few exceptions, certain death awaited them. But if we take a closer look at the dilemma that faced the NKVD officers who found themselves abroad, we will see that the Stalinist system of terror and blackmail left them no choice.
Решающим мотивом, удерживающим их от разрыва с режимом, была боязнь репрессий но отношению к членам их семей. Им всем был известен чрезвычайный закон, изданный Сталиным 8 июня 1934 года. Закон предусматривал в случае бегства военнослужащего за рубеж высылку его ближайших родственников в отдалённые районы Сибири, даже при условии, что они не знали о его намерениях. На энкаведистских "оперативках" было объявлено секретное дополнение к этому закону, которое гласило: если сотрудник НКВД откажется вернуться после заграничного задания, либо бежит из СССР, то его близкие подвергаются лишению свободы на срок до десяти лет. А в случае выдачи этим сотрудником государственной тайны, его близким грозила высшая мера наказания - смертная казнь. Отсюда становится понятным, что мало кто отваживался, переступая через трупы близких, порвать со сталинским режимом и обречь себя на вечно опасное существование в чужой стране.	The decisive motive holding them back from breaking with the regime was the fear of reprisals against their family members. They all knew the emergency law issued by Stalin on June 8, 1934. The law provided for the expulsion of his closest relatives to remote regions of Siberia in the event of a serviceman's flight abroad, even if they did not know about his intentions. A secret addition to this law was announced at the NKVD "operatives", which read: if an NKVD officer refuses to return after a foreign assignment, or flees from the USSR, then his relatives are imprisoned for up to ten years. And in the case of the issuance of state secrets by this employee, his relatives were threatened with capital punishment - the death penalty. From this it becomes clear that few people dared, stepping over the corpses of their loved ones, to break with the Stalinist regime and doom themselves to an eternally dangerous existence in a foreign country.
Сотрудники НКВД, работавшие за границей, знали, что едва ли не в каждой стране НКВД имеет платных информаторов среди правительственных чиновников, иногда очень высокого ранга и что с их помощью подвижные группы Ежова без труда могут получить адрес "изменника" и прикончить его.	The NKVD officers who worked abroad knew that in almost every country the NKVD had paid informers among government officials, sometimes of very high rank, and that with their help Yezhov's mobile groups could easily obtain the address of the "traitor" and kill him.
Особенно сложным было положение тех, у кого в семье были маленькие дети. Из Москвы мог поступить приказ попросту выкрасть их. Для бандитов вроде тех, что среди бела дня похитили в Париже двух русских генералов - Кутепова и Миллера, - не составило бы сложности завлечь в ловушку детей - обманом или силой.	The situation was especially difficult for those who had small children in their families. There could have been an order from Moscow to simply steal them. For bandits like those who kidnapped two Russian generals in Paris in broad daylight - Kutepov and Miller - it would not be difficult to lure children into a trap - by deceit or force.
Мне думается, что большинство сотрудников НКВД воз вращалось в Москву, как только из СССР приходил приказ, ещё и по такой причине: они не знали за собой никаких грехов по отношению к Сталину и его режиму. Странным образом люди верили в то, что по отношению к ним не будет учинено явной несправедливости, хотя и знали, как часто принципы справедливости грубейшим образом попирались, когда дело касалось других людей. Многие сотрудники	I think that most of the NKVD officers returned to Moscow as soon as the order came from the USSR, also for this reason: they did not know any sins in relation to Stalin and his regime. In a strange way, people believed that no obvious injustice would be done to them, although they knew how often the principles of justice were flagrantly violated when it came to other people. Many NKVD officers hoped that if they voluntarily returned to the Soviet Union at the very time when their comrades were

НКВД надеялись, что, если они добровольно вернутся в Советский Союз именно в то время, когда их товарищей арестовывают и расстреливают, они тем самым докажут Сталину свою беззаветную преданность и уже за одно это заслужат иного отношения.	being arrested and shot, they would thereby prove their unreserved loyalty to Stalin and, for that alone, would deserve a different treatment.
Среди сотрудников Иностранного управления НКВД, отозванных в 1937 году в СССР, был некто Малли (псевдоним - "Манн"), работавший в Европе в качестве нелегального резидента. Биография этого человека необычна.	Among the employees of the Foreign Directorate of the NKVD, recalled in 1937 to the USSR, was a certain Malli (pseudonym - "Mann"), who worked in Europe as an illegal resident. The biography of this person is unusual.
В годы первой мировой войны он служил капелланом одного из венгерских полков, входивших в австро-венгерскую армию, и попал в плен к русским. Октябрьская революция сделала Малли большевиком. После гражданской войны партия направила его в ГПУ, где он несколько лег проработал в Управлении контрразведки. В начале 30-х годов его перевели в Иностранное управление и послали в Западную Европу нелегальным резидентом. В НКВД Малли пользовался репутацией одного из лучших работников своего управления. В то время как любому русскому сотруднику разведки приходилось скрывать свою национальность и усиленно работать над собой, чтобы сойти за гражданина какой-либо из европейских стран, Малли был прирождённым европейцем. Его с равной лёгкостью принимали за венгра, австрийца, немца или швейцарца. Он отличался смелостью и охотно брался в гитлеровской Германии за выполнение самых опасных заданий, каждое из которых могло кончиться для него смертью в гестаповском застенке. Слуцкий, очень ценивший Малли, приписывал его успехи внешнему обаянию этого человека и его внутреннему такту в общении с людьми. Внешне Малли, действительно, был очень привлекателен. Высокий, суровое мужественное лицо. Большие голубые глаза с почти детским выражением.	During the First World War, he served as a chaplain of one of the Hungarian regiments that were part of the Austro-Hungarian army, and was captured by the Russians. The October Revolution made Mally a Bolshevik. After the civil war, the party sent him to the GPU, where he worked for several years in the Counterintelligence Department. In the early 1930s he was transferred to the Foreign Office and sent to Western Europe as an illegal resident. In the NKVD, Mally enjoyed a reputation as one of the best workers in his department. While any Russian intelligence officer had to hide his nationality and work hard on himself in order to pass as a citizen of any of the European countries, Malli was a born European. He was easily mistaken for a Hungarian, an Austrian, a German or a Swiss. He was distinguished by his courage and willingly undertook in Nazi Germany to carry out the most dangerous tasks, each of which could end for him in death in the Gestapo dungeon. Slutsky, who greatly appreciated Mally, attributed his success to the outward charm of this person and his inner tact in dealing with people. Outwardly, Mally was indeed very attractive. A tall, stern, manly face. Large blue eyes with an almost childlike expression.
Несмотря на свой солидный стаж в партии и заслуги перед "органами", Малли очень стеснялся своего "поповского" прошлого. Ему казалось, что все вокруг и даже его коллеги видят в нём прежде всего бывшего венгерского капеллана. Поэтому Малли даже не мог считать себя полноценным членом партии, хотя, как известно, сам Сталин учился в духовной семинарии и до двадцатилетнего возраста зубрил катехизис, собираясь стать священником.	Despite his solid experience in the party and services to the "organs", Malli was very shy of his "priestly" past. It seemed to him that everyone around him, and even his colleagues, saw him primarily as a former Hungarian chaplain. Therefore, Mally could not even consider himself a full-fledged member of the party, although, as you know, Stalin himself studied at the theological seminary and crammed the catechism until the age of twenty, intending to become a priest.
В дальнейшем оказалось, что это чувство неполноценности сыграло в жизни Малли роковую роль. И произошло это как раз в тот	Later it turned out that this feeling of inferiority played a fatal role in Mally's life. And this happened just at that critical moment when one

критический момент, когда следовало бы освободиться от подобных предрассудков и обрести полную ясность мышления.	should have freed oneself from such prejudices and gained complete clarity of thought.
В июле 1937 года Малли был отозван в Москву. Возвращаясь в СССР, он встретил в Париже одного из своих коллег, они заговорили об арестах и расстрелах чекистов, что для тех дней было обычным. Малли был очень подавлен тем, что именно в такое время ему приходится возвращаться в Москву. К тому же он знал, что трое его старых друзей по НКВД - Штейнбрук, Сили и Бодеско, подобно ему взятые русскими в плен в первую мировую войну, уже арестованы. Всё это не предвещало лично Малли ничего хорошего. "Я знаю, - мрачно заметил он - у меня, бывшего попа, нет шансов на спасение. Но я решил ехать, чтобы никто потом не говорил: этот поп и вправду оказался-таки шпионом!" Я не очень понимал, что его заставляет ехать в Москву. Он не был связан по рукам и ногам, как многие из его русских коллег в Париже. Такие мотивы, как любовь к родине или страх за близких, тоже не играли для него никакой роли. Его родиной была Венгрия, а не Россия, и родных в СССР у него не было. Быть может, он решился на столь отчаянный шаг в силу профессиональной привычки к смертельной опасности? Или он полагал, что человеку, прошедшему путь от священника до атеиста и чекиста, нет больше места в буржуазном обществе? Итак, Малли вернулся в Москву. Месяца три он спокойно работал в Иностранном управлении НКВД. Многие решили было, что он перехитрил судьбу и каким-то чудом избежал верной гибели. Однако в ноябре 1937 года Малли внезапно исчез. С тех пор о нём ничего не было известно.	In July 1937 Mally was recalled to Moscow. Returning to the USSR, he met one of his colleagues in Paris, they started talking about the arrests and executions of security officers, which was common for those days. Mally was very depressed that it was at such a time that he had to return to Moscow. In addition, he knew that three of his old friends in the NKVD - Steinbrook, Sealy and Bodesco, like him taken prisoner by the Russians in the First World War, had already been arrested. All this did not bode well for Mally personally. “I know,” he remarked gloomily, “I, a former priest, have no chance of being saved. But I decided to go so that no one would say later: this priest really turned out to be a spy!” I did not really understand what made him go to Moscow. He was not bound hand and foot like many of his Russian colleagues in Paris. Such motives as love for the motherland or fear for loved ones also did not play any role for him. His homeland was Hungary, not Russia, and he had no relatives in the USSR. Perhaps he decided to take such a desperate step because of his professional habit of mortal danger? Or did he think that a person who had passed the path from a priest to an atheist and a security officer no longer had a place in bourgeois society? So Malli returned to Moscow. For three months he worked quietly in the Foreign Directorate of the NKVD. Many decided that he outwitted fate and by some miracle escaped certain death. However, in November 1937, Malli suddenly disappeared. Since then, nothing has been known about him.
В то время как разгром всех остальных управлений НКВД завершился очень быстро, аресты сотрудников Иностранного управления производились с большой осмотрительностью и были, так сказать, строго дозированными. До тех пор, пока начальник этого управления Слуцкий находился на своём посту, многим казалось, что Сталин решил не ослаблять это управление поголовными арестами, а, напротив, поберечь наиболее квалифицированные кадры, знающие заграницу и владеющие иностранными языками.	While the defeat of all other departments of the NKVD ended very quickly, the arrests of employees of the Foreign Department were carried out with great caution and were, so to speak, strictly dosed. As long as Slutsky, the head of this department, was in office, it seemed to many that Stalin decided not to weaken this management of general arrests, but, on the contrary, to save the most qualified personnel who knew foreign countries and spoke foreign languages.
К началу 1938 года в СССР вернулось большинство ветеранов НКВД, работавших за рубежом. Теперь Сталин уже более не нуждался в сохранении такой приманки, как всё не смещённый Слуцкий.. 17 февраля в рабочее время Слуцкого, вызвали в кабинет его старого друга Михаила Фриновского, которого Ежов сделал одним из своих заместителей. Спустя полчаса Фриновский позвонил заместителю	By the beginning of 1938, most of the NKVD veterans who had worked abroad had returned to the USSR. Now Stalin no longer needed to save such a bait as the still undisplaced Slutsky .. On February 17, during Slutsky's working hours, his old friend Mikhail Frinovsky, whom Yezhov made one of his deputies, was summoned to the office. Half an hour later, Frinovsky called Slutsky's deputy Shpigelglas: "Come see me!" In

Слуцкого Шпигельглясу: "Зайдите ко мне!" В просторном кабинете Фриновского Шпигельгляс прежде всего увидел странную фигуру Слуцкого, бессильно сползшую с кресла. На столе перед ним стояли стакан чая и тарелка с печеньем. Слуцкий был мёртв. Шпигельгляс сразу же подумал, что Слуцкого убили, но лучше было не задавать вопросов. Нервничая, он предложил позвать врача, однако Фриновский заметил, что врач только что был и "медицина тут не поможет". "Сердечный приступ", - небрежно добавил он с видом знатока.	Frinovsky's spacious office, Shpigelglas first of all saw the strange figure of Slutsky, helplessly sliding down from his chair. On the table in front of him were a glass of tea and a plate of biscuits. Slutsky was dead. Shpigelglas immediately thought that Slutsky had been killed, but it was better not to ask questions. Nervous, he offered to call a doctor, but Frinovsky noticed that the doctor had just been and "medicine will not help here." "Heart attack," he added casually with the air of a connoisseur.
Фриновский назначил Шпигельгляса исполняющим обязанности начальника Иностранного управления и попросил его разослать во все зарубежные резидентуры циркулярное письмо, информирующее о смерти Слуцкого. По просьбе Фриновского Слуцкий был охарактеризован в этом письме как "верный сталинец, сгоревший на работе" и "крупный деятель, которого потерял НКВД". Эта фразеология должна была усыпить подозрения тех немногих ветеранов Иностранного управления, которые всё ещё находились за границей. Продолжая этот фарс, Ежов распорядился, чтобы гроб с телом Слуцкого был выставлен в главном клубе НКВД "для прощания с умершим" и чтобы вокруг гроба нёс дежурство почётный караул.	Frinovsky appointed Shpigelglas as acting head of the Foreign Directorate and asked him to send a circular letter informing all foreign residencies of Slutsky's death. At the request of Frinovsky, Slutsky was characterized in this letter as "a loyal Stalinist who burned out at work" and "a major figure who was lost by the NKVD." This phraseology was meant to lull the suspicions of those few veterans of the Foreign Office who were still abroad. Continuing this farce, Yezhov ordered that the coffin with the body of Slutsky be exhibited in the main club of the NKVD "to say goodbye to the dead" and that an honor guard be on duty around the coffin.
Этот маскарад, однако, не достиг цели, скорее наоборот. Сотрудники НКВД кое-что смыслили в судебной медицине и сразу же заметили на лице покойного характерные пятна - признак цианистого отравления.	This masquerade, however, did not achieve its goal, rather the opposite. The NKVD officers knew something about forensic medicine and immediately noticed characteristic spots on the face of the deceased - a sign of cyanide poisoning.
Ежов не спешил рассылать циркулярное письмо о смерти Слуцкого, составленное Фриновским и Шпигельглясом: его не передали по телеграфу, а послали обычной дипломатической почтой, так что многие из работающих за границей узнали о смерти Слуцкого с трёхнедельным опозданием. Я, например, получил циркулярное письмо на двенадцатый день после смерти Слуцкого. За эти дни мне пришлось отправить несколько телеграмм на его имя и получить на них телеграфные ответы за его подписью. В "Правде", прибывшей к нам одновременно с циркулярным письмом, был опубликован короткий некролог, подписанный: "Группа товарищей". Ни нарком Ежов, ни его заместители не сочли нужным поставить свои подписи под некрологом.	Yezhov was in no hurry to send out a circular letter about the death of Slutsky, compiled by Frinovsky and Shpigelglas: it was not telegraphed, but sent by ordinary diplomatic mail, so that many of those working abroad learned about the death of Slutsky with a three-week delay. For example, I received a circular letter on the twelfth day after Slutsky's death. During these days I had to send several telegrams addressed to him and receive telegraphic replies signed by him. Pravda, which arrived at the same time as the circular letter, published a short obituary signed: "A group of comrades." Neither Commissar Yezhov nor his deputies considered it necessary to put their signatures under the obituary.
АРМИЯ ОБЕЗГЛАВЛЕНА После расстрела старых большевиков, фигурировавших на двух московских процессах, и массовой расправы	THE ARMY BEHEADED After the execution of the old Bolsheviks who figured in two Moscow trials, and the massacre of the NKVD officers, the

с сотрудниками НКВД террор, развязанный Сталиным, казалось, пошёл на убыль. Даже самые большие пессимисты не могли представить себе, что этот кошмар ещё будет иметь продолжение. Но Сталин всегда имел в запасе сюрприз, который невозможно было предвидеть даже хорошо знавшим его людям.	terror unleashed by Stalin seemed to subside. Even the biggest pessimists could not imagine that this nightmare would continue. But Stalin always had a surprise in store that even those who knew him well could not foresee.
11 июня 1937 года советские газеты поместили краткое правительственное сообщение, где было сказано, что маршал Тухачевский и семеро других крупных военных арестованы и предстанут перед военным трибуналом по обвинению в шпионаже в пользу "иностранного государства". Они были также обвинены в подготовке поражения Красной армии в войне, замышляемой капиталистическими государствами против Советского Союза. Наутро следующего дня было опубликовано новое официальное сообщение: суд состоялся, все обвиняемые приговорены к расстрелу, приговор приведён в исполнение. При этом правительство сочло уместным упомянуть, что в состав военного трибунала входил ряд крупных военных.	On June 11, 1937, Soviet newspapers published a brief government announcement stating that Marshal Tukhachevsky and seven other major military men had been arrested and would face court martial on charges of spying for a "foreign state." They were also accused of preparing the defeat of the Red Army in a war plotted by the capitalist states against the Soviet Union. The next morning, a new official announcement was published: the trial took place, all the accused were sentenced to death, the sentence was carried out. In doing so, the government considered it appropriate to mention that a number of major military men were part of the military tribunal.
Итак, 12 июня советский народ узнал, что уничтожены прославленный маршал Тухачевский и такие видные военные, как Якир, Уборевич, Корк, Путна, Эйдеман, Фельдман и Примаков, ещё вчера считавшиеся цветом армии и выдающимися стратегами.	So, on June 12, the Soviet people learned that the famous Marshal Tukhachevsky and such prominent military men as Yakir, Uborevich, Kork, Putna, Eideman, Feldman and Primakov, who had only yesterday been considered the color of the army and outstanding strategists, had been destroyed.
Даже члены ЦК и большинство членов Политбюро не подозревали, что Сталин пойдёт на то, чтобы расправиться с этими людьми. Только когда до расправы оставались считанные дни, Сталин созвал чрезвычайное заседание Политбюро, на котором нарком обороны Ворошилов сделал доклад о заговоре, раскрытом в Красной армии. Уже то обстоятельство, что среди этих военных, обвиняемых в шпионаже в пользу Гитлера, трое были евреи, делало подобные обвинения просто смешными. К тому же члены Политбюро знали, что если бы Тухачевский и его товарищи действительно были гитлеровскими агентами, то и Ворошилову не пришлось бы делать этот доклад перед Политбюро: он сам оказался бы арестован за "преступную беспечность". Ведь получалось, что, являясь наркомом обороны, он окружил себя шпионами и изменниками и, доверив им важнейшие военные округи Советского Союза, подвёл страну к краю пропасти.	Even the members of the Central Committee and most of the members of the Politburo did not suspect that Stalin would go to the extent of cracking down on these people. Only when there were only a few days left before the reprisal did Stalin convene an emergency meeting of the Politburo, at which the People's Commissar for Defense Voroshilov made a report on the conspiracy uncovered in the Red Army. The very fact that three of these military men accused of spying for Hitler were Jews made such accusations simply ridiculous. In addition, the members of the Politburo knew that if Tukhachevsky and his comrades were really Hitler's agents, then Voroshilov would not have had to make this report to the Politburo: he himself would have been arrested for "criminal carelessness." After all, it turned out that, being People's Commissar of Defense, he surrounded himself with spies and traitors and, entrusting them with the most important military districts of the Soviet Union, brought the country to the brink of the abyss.
На этом заседании члены Политбюро вели себя именно так, как	At this meeting, the members of the Politburo behaved exactly as

предполагал Сталин. Каждый из них знал, что достаточно любого неосторожного вопроса и, выйдя отсюда, он попадёт не домой, а в тюрьму. Каждый помнил, что личный шофер и телохранитель приставлены к нему ни кем иным, как наркомом внутренних дел Ежовым.	Stalin intended. Each of them knew that any careless question was enough and, leaving here, he would end up not at home, but in prison. Everyone remembered that the personal chauffeur and bodyguard assigned to him was none other than People's Commissar of Internal Affairs Yezhov.
После расстрела Тухачевского и его товарищей по армии прокатилась волна арестов. Любой командир, назначенный на должность кем-либо из казнённых, автоматически попадал под подозрение. Если учесть, что Тухачевский многие годы был заместителем Ворошилова, - нетрудно представить, скольких командиров он назначил, сколько подписал бумаг! И все упомянутые в этих документах оказались внесенными в чёрные списки.	After the execution of Tukhachevsky and his comrades in the army, a wave of arrests swept through. Any commander appointed to a position by one of the executed, automatically fell under suspicion. Considering that Tukhachevsky was Voroshilov's deputy for many years, it is not difficult to imagine how many commanders he appointed, how many papers he signed! And all those mentioned in these documents turned out to be blacklisted.
Ежедневно во всех военных округах СССР исчезали сотни командиров Красной армии. Вместе с ними шли за решётку их ближайшие помощники и все те, кто считался их друзьями. Проходили недели и даже месяцы, прежде чем арестованным удавалось подыскать замену. Часто, впрочем, бывало, что и те тоже арестовывались, как только доходила до них очередь.	Hundreds of commanders of the Red Army disappeared every day in all the military districts of the USSR. Together with them, their closest assistants and all those who were considered their friends went to jail. Weeks and even months passed before the arrested could find a replacement. It often happened, however, that they, too, were arrested as soon as their turn reached them.
Летом 1937 года Сталин восстановил в армии должности политических комиссаров, упразднённые Лениным в конце гражданской войны. В гражданскую войну комиссары приставлялись к боевым командирам по той причине, что этим командирам - в недавнем прошлом офицерам царской армии - новая власть не могла полностью доверять. Теперь Сталин приставил комиссаров к иным командирам, выросшим и получившим военное образование уже в годы советской власти. Получалось, что им тоже не доверяют. И действительно, Сталин начал относиться к командному составу армии, как к своим врагам; теперь уже трудно было понять, добивался ли он их ареста потому, что не доверял им, или, наоборот, полагал, что им больше нельзя доверять, так как они должны быть арестованы. Авторитет командного состава в армии резко упал, соответственно упала и дисциплина. Армия оказалась настолько деморализованной, что уже не могла считаться мощной боевой силой, и, несомненно, если бы Гитлер воспользовался этим для нападения на СССР, он одержал бы победу.	In the summer of 1937, Stalin restored the positions of political commissars in the army, abolished by Lenin at the end of the civil war. During the civil war, commissars were assigned to combat commanders for the reason that these commanders - in the recent past, officers of the tsarist army - could not be fully trusted by the new government. Now Stalin assigned commissars to other commanders who had grown up and received a military education already in the years of Soviet power. It turned out that they were not trusted either. Indeed, Stalin began to treat the command staff of the army as his enemies; now it was difficult to understand whether he sought their arrest because he did not trust them, or, on the contrary, believed that they could no longer be trusted, since they should be arrested. The authority of the command staff in the army fell sharply, and discipline fell accordingly. The army turned out to be so demoralized that it could no longer be considered a powerful fighting force, and undoubtedly, if Hitler had used this to attack the USSR, he would have won.
На партийных собраниях и митингах в воинских частях люди постоянно задавали один и тот же вопрос: "Кому же можно верить?" Такой вопрос ставил вновь назначенных комиссаров в	At party meetings and rallies in military units, people constantly asked the same question: "Who can you trust?" Such a question put the newly appointed commissars in a difficult position, and they turned to the

затруднительное положение, и они обращались в ЦК за разъяснениями. "Доверяйте своим командирам", - гласил демагогический ответ ЦК.	Central Committee for clarification. "Trust your commanders," was the demagogic reply of the Central Committee.
К августу 1937 года аресты советских боевых командиров докатились и до Испании. Многие из советских военачальников, приданные в качестве, советников генеральному штабу испанской республиканской армии, были отозваны Ворошиловым в Москву и расстреляны без суда. Среди них были (я называю псевдонимы, под которыми их знали в Испании) Колев и Валуа - командиры бригад, помогавшие испанскому правительству создавать республиканскую армию; Горев, командир советской танковой бригады, работавший советником командующего Мадридским фронтом и вынесший на своих плечах всю тяжелейшую кампанию по защите Мадрида. Среди уничтоженных оказался даже близкий друг и собутыльник Ворошилова - Ян Берзин, который под псевдонимом "Гришин" работал главным военным советником при испанском правительстве.	By August 1937, the arrests of Soviet military commanders had reached Spain. Many of the Soviet military leaders, given as advisers to the general staff of the Spanish Republican army, were recalled by Voroshilov to Moscow and shot without trial. Among them were (I name the pseudonyms under which they were known in Spain) Kolev and Valois - brigade commanders who helped the Spanish government create a republican army; Gorev, the commander of the Soviet tank brigade, who worked as an adviser to the commander of the Madrid Front and carried on his shoulders the entire difficult campaign to defend Madrid. Among those destroyed was even a close friend and drinking companion of Voroshilov, Yan Berzin, who, under the pseudonym "Grishin", worked as the chief military adviser to the Spanish government.
Любопытно, что Горева арестовали всего через два дня после того, как на специально устроенном торжестве в Кремле Калинин вручил ему орден Ленина за исключительные заслуги в испанской гражданской войне. Этот эпизод показывает, что даже члены Политбюро не знали, кто занесён в чёрные списки. Такие списки вели и такие дела решали двое: Сталин и Ежов (а в дальнейшем - Сталин и Берия).	It is curious that Gorev was arrested just two days after Kalinin presented him with the Order of Lenin at a specially arranged celebration in the Kremlin for exceptional services in the Spanish Civil War. This episode shows that even the members of the Politburo did not know who was blacklisted. Such lists were kept and such cases were decided by two: Stalin and Yezhov (and later - Stalin and Beria).
Если в уничтожении Сталиным старых большевиков ещё можно было усмотреть какую-то, пусть извращённую логику, то теперь все недоумевали: зачем Сталину понадобилось разрушать собственную военную машину, оплот его личной власти, и уничтожать наиболее выдающихся боевых командиров, которых он сам отбирал и назначал.	If in Stalin's destruction of the old Bolsheviks one could still see some kind of, albeit perverted, logic, now everyone was perplexed: why did Stalin need to destroy his own military machine, the stronghold of his personal power, and destroy the most prominent military commanders, whom he himself selected and appointed.
Среди иностранных дипломатов в Москве получила распространение легенда о "больном человеке в Кремле". Полагали, что столь чудовищные действия мог предпринять лишь ненормальный, охваченный манией преследования. Но нет, всемогущий диктатор не был безумцем. Когда станут известны все факты, связанные с делом Тухачевского, мир поймёт: Сталин знал, что делает.	The legend of the "sick man in the Kremlin" has become widespread among foreign diplomats in Moscow. It was believed that such monstrous actions could only be taken by an insane person, seized with persecution mania. But no, the omnipotent dictator was not insane. When all the facts related to the Tukhachevsky case become known, the world will understand: Stalin knew what he was doing.
Я сделал всё, что было в моих силах, чтобы узнать детали трагедии, происшедшей с Тухачевским. Больше всего меня интересовали показания маршала и его товарищей на суде. Мои друзья и знакомые	I did everything in my power to find out the details of the tragedy that happened to Tukhachevsky. Most of all I was interested in the testimony of the marshal and his comrades at the trial. My friends and

по НКВД, наезжавшие в Испанию, по своему положению обязаны были знать то, что происходило на суде, несколько аппарату НКВД всегда поручались подготовка и охрана таких судилищ. Однако эти люди пожимали плечами: до того момента, как в газетах появилось сообщение о расстреле руководителей Красной армии, они и понятия не имели об этом судебном процессе.	acquaintances from the NKVD, who came to Spain, were obliged by their position to know what was happening at the trial, several NKVD apparatuses were always entrusted with the preparation and protection of such courts. However, these people shrugged their shoulders: until the moment when the newspapers reported on the execution of the leaders of the Red Army, they had no idea about this trial.
Подробности, интересовавшие меня, я узнал только в октябре 1937 года от Шпигельгляса. Оказывается, не было никакого трибунала, судившего Тухачевского и его семерых соратников: они просто были втайне расстреляны по приказу, исходившему от Сталина, - Это был настоящий заговор! - восклицал Шпигельгляс. - Об этом можно судить по панике, охватившей руководство: все пропуска в Кремль были вдруг объявлены недействительными, наши части подняты по тревоге! Как говорил Фриновский, "всё правительство висело на волоске" невозможно было действовать как в обычное время - сначала трибунал, а потом уж расстрел. Их пришлось вначале расстрелять, потом оформить трибуналом! Как утверждал Шпигельгляс, сразу же после казни Тухачевского и его соратников Ежов вызвал к себе на заседание маршала Будённого, маршала Блюхера и нескольких других высших военных, сообщил им о заговоре Тухачевского и дал подписать заранее приготовленный "приговор трибунала".	The details that interested me, I learned only in October 1937 from Spiegelglas. It turns out that there was no tribunal that tried Tukhachevsky and his seven associates: they were simply shot in secret on orders coming from Stalin - It was a real conspiracy! exclaimed Spiegelglas. - This can be judged by the panic that gripped the leadership: all passes to the Kremlin were suddenly declared invalid, our units were alerted! As Frinovsky said, "the whole government hung in the balance" it was impossible to act as in normal times - first a tribunal, and then execution. They had to be shot first, then formalized by a tribunal! According to Spiegelglas, immediately after the execution of Tukhachevsky and his associates, Yezhov summoned Marshal Budyonny, Marshal Blucher and several other senior military officers to his meeting, informed them of Tukhachevsky's conspiracy and gave them to sign the "tribunal's sentence" prepared in advance.
Каждый из этих невольных "судей" вынужден был поставить свою подпись, зная, что в противном случае его просто арестуют и заклеймят как сообщника Тухачевского.	Each of these unwitting "judges" was forced to put his signature, knowing that otherwise he would simply be arrested and branded as Tukhachevsky's accomplice.
Через некоторое время среди военных в Испании начал циркулировать слух, будто арестован Ворошилов. Это выглядело вполне правдоподобно, так как Ворошилов, будучи наркомом обороны, нёс персональную ответственность за кадры своего наркомата. Слух произвёл большое впечатление на Н., одного из высших военных советников испанского правительства. Однажды на каком-то военном совещании Н. отозвал меня в сторону и заговорщицким тоном спросил, известно ли мне об аресте Ворошилова и не знаю ли я, кто привёз такое сообщение из СССР. Н. имел серьёзные основания для беспокойства: в течение ряда лет он был одним из ближайших сотрудников наркома и теперь, зная сталинский "почерк", боялся, что ему придется разделить его судьбу. Даже? когда выяснилось, что слух не соответствует действительности, Н. не мог себя чувствовать в безопасности. Сегодня слух не подтвердился - может подтвердиться завтра: как-никак Ворошилов	After some time, a rumor began to circulate among the military in Spain that Voroshilov had been arrested. It looked quite plausible, since Voroshilov, being People's Commissar of Defense, was personally responsible for the personnel of his People's Commissariat. The rumor made a great impression on N., one of the top military advisers to the Spanish government. Once, at some kind of military conference, N. called me aside and asked in a conspiratorial tone whether I knew about Voroshilov's arrest and whether I knew who brought such a message from the USSR. N. had serious reasons for concern: for a number of years he was one of the closest employees of the People's Commissar and now, knowing the Stalinist "handwriting", he was afraid that he would have to share his fate. Even? when it turned out that the rumor was not true, N. could not feel safe. Today the rumor was not confirmed - it may be confirmed tomorrow: after all, Voroshilov is the People's Commissar for Defense, and it was in his department that a conspiracy directed against

является наркомом обороны, и ведь именно в его ведомстве был раскрыт заговор, направленный против Сталина.	Stalin was uncovered.
Н. решил совершить непродолжительную поездку в Москву, якобы для того, чтобы доложить Ворошилову о ходе войны в Испании. В Москве он пробыл около двух недель. Ворошилов обещал взять его с собой к Сталину, тоже для краткого доклада об Испании, но Сталин его почему-то не принял. Просил Н. и о встрече с Ежовым, в ту пору самым влиятельным после Сталина человеком в СССР. Однако и Ежов уклонился от встречи. Ежов не только занимал тогда должность наркома внутренних дел, но и нёс ответственность за работу Главного разведывательного управления Красной армии, которое Сталин изъял из ведения Ворошилова после "дела Тухачевского".	N. decided to make a short trip to Moscow, ostensibly in order to report to Voroshilov on the course of the war in Spain. He stayed in Moscow for about two weeks. Voroshilov promised to take him with him to Stalin, also for a brief report on Spain, but for some reason Stalin did not accept him. N. also asked for a meeting with Yezhov, at that time the most influential person after Stalin in the USSR. However, Yezhov also avoided the meeting. Yezhov not only then held the position of People's Commissar of Internal Affairs, but was also responsible for the work of the Main Intelligence Directorate of the Red Army, which Stalin removed from Voroshilov's jurisdiction after the "Tukhachevsky case".
Н. вернулся в Испанию не таким нервным, но и далеко не успокоенным. С места в карьер он объявил мне, что Политбюро взяло "новую линию" по отношению Испании. До сих пор советская политика состояла в максимальной помощи республиканскому правительству вооружением, лётчиками, танковыми экипажами - и всё для того, чтобы обеспечить республиканцам быструю победу над Франко. Теперь же Политбюро пришло к выводу, что для Советского Союза более выгодно иметь в Испании "равновесие сил", при котором война должна продолжаться, "сковывая Гитлера", как можно дольше. Все указания, полученные Н. от Ворошилова, основывались именно на этом решении Политбюро. Я не меньше своего собеседника был поражён этими макиавеллиевскими расчётами: чтобы выиграть время для подготовки обороны против Гитлера, Политбюро пошло на то, чтобы испанский народ как можно дольше истекал кровью.	N. returned to Spain not so nervous, but far from reassured. Right off the bat, he announced to me that the Politburo had taken a "new line" towards Spain. Until now, Soviet policy has consisted in maximum assistance to the Republican government with weapons, pilots, tank crews - all in order to ensure the Republicans a quick victory over Franco. Now the Politburo has come to the conclusion that it is more advantageous for the Soviet Union to have a "balance of power" in Spain, in which the war must continue, "fettering Hitler" as long as possible. All instructions received by N. from Voroshilov were based precisely on this decision of the Politburo. I was no less than my interlocutor amazed by these Machiavellian calculations: in order to buy time to prepare a defense against Hitler, the Politburo went to ensure that the Spanish people bled for as long as possible.
Делясь со мной прочими московскими новостями, Н. коснулся и дела Тухачевского: - Клим Ефремович до сих пор не может прийти в себя. Только сталинская решительность и ежовская оперативность спасли положение. Ребята Ежова перестреляли их безо всяких церемоний... Клим говорит, нельзя было мешкать ни часу!..	Sharing with me other Moscow news, N. also touched on the Tukhachevsky case: - Klim Efremovich still cannot come to his senses. Only Stalin's decisiveness and Yezhov's efficiency saved the situation. Yezhov's guys shot them down without any ceremony... Klim says it was impossible to delay even an hour!..
В дальнейшем Н. ещё раз вернулся к тому же делу: - Клима больше всего потрясла измена Гамарника. Это было действительно невероятно: мы все смотрели на Гамарника как на святого...	In the future, N. once again returned to the same case: - Klim was most shocked by the betrayal of Gamarnik. It was really incredible: we all looked at Gamarnik as a saint...
Гамарник был заместителем "Клима" по политической части. Советские газеты сообщали, что он покончил самоубийством за одиннадцать дней до расправы с Тухачевским.	Gamarnik was Klim's deputy for political affairs. Soviet newspapers reported that he committed suicide eleven days before the massacre of Tukhachevsky.
Могут спросить: как Сталин допустил, чтобы военные,	It may be asked: how did Stalin allow the military, who put their

поставившие свои подписи под фальшивым приговором, узнали, что Тухачевский и другие расстреляны без суда? Сталин сам ответил на этот вопрос: использовав авторитет имён этих видных военных для формального прикрытия убийства Тухачевского и других высших командиров Красной армии, он поспешил ликвидировать и самих "судей", оказавшихся свидетелями его грязного преступления. Не прошло и года, как один за другим были арестованы и уничтожены "судьи" маршала Тухачевского: командующий военно-воздушными силами Алкснис, командующий Дальневосточной армией маршал Блюхер, командующий войсками Ленинградского военного округа Дыбенко; командующий войсками Белорусского военного округа Белов и командующий войсками Северокавказского военного округа Каширин. Против них не было выдвинуто никаких обвинений, не было проведено ничего похожего на суд. Они были попросту "ликвидированы" в самом прямом и зловещем значении этого слова.	signatures under a false verdict, to know that Tukhachevsky and others were shot without trial? Stalin himself answered this question: using the authority of the names of these prominent military men to formally cover up the murder of Tukhachevsky and other top commanders of the Red Army, he hastened to liquidate the "judges" themselves, who were witnesses of his dirty crime. In less than a year, Marshal Tukhachevsky's "judges" were arrested and killed one after another: Alksnis, commander of the air force; Marshal Blucher, commander of the Far Eastern Army; Dybenko, commander of the troops of the Leningrad Military District; commander of the troops of the Belarusian military district Belov and commander of the troops of the North Caucasian military district Kashirin. No charges were brought against them, nothing resembling a trial was held. They were simply "liquidated" in the most direct and sinister sense of the word.
Лишь двое "судей" Тухачевского выжили - маршал Будённый и будущий маршал Шапошников. Будённый, в прошлом унтер-офицер одного из казачьих полков царской армии, был приятелем, и собутыльником Сталина ещё со времён гражданской войны. Это был толстокожий тип, далёкий от "высоких материй", известный своими пьяными кутежами и охочий до женщин - сотрудниц своего "секретариата". Сталину нечего было стесняться или опасаться Будённого.	Only two "judges" of Tukhachevsky survived - Marshal Budyonny and the future Marshal Shaposhnikov. Budyonny, in the past non-commissioned officer of one of the Cossack regiments of the tsarist army, was a friend and drinking companion of Stalin since the time of the civil war. He was a thick-skinned type, far from "high matters", known for his drunken revelry and eager for women - employees of his "secretariat". Stalin had nothing to be ashamed of or afraid of Budyonny.
Второй "судья" - Шапошников - до революции был полковником царской армии и по своим убеждениям монархистом. В первые месяцы революции он оказался свидетелем уничтожения многих своих друзей-офицеров. Он жил в постоянном страхе за собственную жизнь до тех пор, пока в один прекрасный момент Сталин не заметил его и не взял под свою опеку.	The second "judge" - Shaposhnikov - before the revolution was a colonel in the tsarist army and a monarchist in his convictions. In the first months of the revolution, he witnessed the destruction of many of his fellow officers. He lived in constant fear for his own life until, at one fine moment, Stalin noticed him and took him under his wing.
Одним из пяти маршалов Советского Союза был Александр Егоров. Революцию он встретил подполковником царской армии, а в гражданскую войну командовал одной из армий, которые, будучи подчинены Тухачевскому, сражались на польском фронте. В те дни Сталин входил в состав егоровского штаба как политический комиссар (так называемый "член реввоенсовета") и привык с уважением относиться к военным способностям Егорова. Они подружились. Спустя многие годы, когда Сталин перекраивал историю гражданской войны, оплёвывая Троцкого и выпячивая свою персону, он неоднократно привлекал в помощь Егорова как	One of the five marshals of the Soviet Union was Alexander Yegorov. He met the revolution as a lieutenant colonel in the tsarist army, and during the civil war he commanded one of the armies, which, being subordinate to Tukhachevsky, fought on the Polish front. In those days, Stalin was part of Yegorov's headquarters as a political commissar (the so-called "member of the Revolutionary Military Council") and was accustomed to respect Yegorov's military abilities. They became friends. Many years later, when Stalin redrawn the history of the civil war, spitting on Trotsky and sticking out his person, he repeatedly enlisted Yegorov as an "impartial" witness to help. Yegorov remained one of

"беспристрастного" свидетеля. Егоров оставался одним из четырёх сталинских компаньонов, неизменно приглашавшихся на попойки, которые Будённый устраивал для Сталина на своей даче. Став абсолютным диктатором, Сталин отказался от подобных подхалимских услуг со стороны почти всех прежних друзей. Тем не менее дружеские отношения с Егоровым сохранялись: Сталин и Егоров даже были друг с другом на "ты", как давние приятели. В общем, когда Сталин начал методично уничтожать верхушку Красной армии, никто из "хорошо информированных" людей не думал, что террор затронет Егорова.	Stalin's four companions, invariably invited to the drinking parties that Budyonny arranged for Stalin at his dacha. Having become an absolute dictator, Stalin refused such sycophantic services from almost all his former friends. Nevertheless, friendly relations with Yegorov remained: Stalin and Yegorov were even "you" with each other, like old friends. In general, when Stalin began to methodically destroy the top of the Red Army, none of the "well-informed" people thought that terror would affect Yegorov.
Летом 1937 года один из моих близких друзей, хорошо знавший Егорова и друживший с его дочерью, вернулся в Испанию из очередной поездки на родину. От него я услышал о следующем странном эпизоде.	In the summer of 1937, one of my close friends, who knew Yegorov well and was friends with his daughter, returned to Spain from another trip to his homeland. From him I heard about the next strange episode.
Вскоре после казни Тухачевского Сталин предложил Егорову занять его роскошную дачу. В ответ Егоров только покачал головой: - Нет, спасибо! Я человек суеверный...	Shortly after the execution of Tukhachevsky, Stalin offered Yegorov to take over his luxurious dacha. In response, Egorov just shook his head: - No, thank you! I'm a superstitious person...
От Сталина не спаслись ни осторожные, ни суеверные. В конце февраля 1938 года маршал Егоров был неожиданно снят с поста заместителя наркома обороны и вскоре бесследно исчез.	Neither the cautious nor the superstitious escaped Stalin. At the end of February 1938, Marshal Yegorov was unexpectedly removed from his post as Deputy People's Commissar of Defense and soon disappeared without a trace.
Хотя армейская верхушка уже изрядно поредела в результате "чисток", Сталин требовал от НКВД всё новых и новых арестов высших командиров армии. Это была своего рода профилактика. Сталин понимал, что высшие военные, пережившие террор, не забудут об уничтожении своих товарищей и не избавятся от опасений, что та же судьба может постичь и их. На сталинском жаргоне такое состояние умов называлось "нездоровыми настроениями". Избавить от "нездоровых настроений" могло, по мнению Сталина, лишь одно радикальное средство.	Although the army elite had already thinned out as a result of the "purges", Stalin demanded that the NKVD make more and more arrests of the top army commanders. It was a kind of prevention. Stalin understood that the top military who survived the terror would not forget about the destruction of their comrades and would not get rid of the fear that the same fate might befall them. In Stalin's jargon, this state of mind was called "unhealthy moods." According to Stalin, only one radical remedy could get rid of "unhealthy moods".
Военными дело не ограничилось. В безудержной вакханалии террора, охватившей страну, самым страшным было то, что никто не мог хотя бы приблизительно объяснить себе смысл происходящего. Жертвами новой волны террора становились не бывшие оппозиционеры, а ближайшие соратники Сталина, помогавшие ему захватить власть. Легенда о "больном человеке, сидящем в Кремле", проникла уже в партию и народные массы. С каким бешенством Сталин набросился на своих самых преданных сподвижников, как	The military was not limited. In the unrestrained orgy of terror that swept the country, the most terrible thing was that no one could at least approximately explain to himself the meaning of what was happening. The victims of the new wave of terror were not former oppositionists, but Stalin's closest associates, who helped him seize power. The legend of the "sick man sitting in the Kremlin" has already penetrated the party and the masses. With what fury Stalin attacked his most devoted associates, how thoroughly he defeated his own state machine, can be judged even on the

основательно он разгромил собственную государственную машину, можно судить даже на основе простого перечня жертв.	basis of a simple list of victims.
За вторую половину 1937 года и 1938 год были арестованы следующие члены советского правительства, никогда не участвовавшие ни в какой антисталинской оппозиции.	During the second half of 1937 and 1938, the following members of the Soviet government were arrested, who had never participated in any anti-Stalinist opposition.
Народные комиссары: тяжёлой промышленности - Межлаук; финансов - Гринько; земледелия - последовательно Чернов и Яковлев; торговли - Вейцер; связи - Халепский; военной промышленности - Рухимович; юстиции - Крыленко; совхозов - Калманович; просвещения - Бубнов; водного транспорта - Янсон.	People's Commissars: heavy industry - Mezhlauk; Finance - Grinko; agriculture - successively Chernov and Yakovlev; trade - Weitzer; communications - Khalepsky; military industry - Rukhimovich; justice - Krylenko; state farms - Kalmanovich; education - Bubnov; water transport - Janson.
Председатели ВЦИК (Всесоюзного центрального исполнительного комитета) - последовательно Енукидзе, Акулов и Уншлихт; Председатель правления Госбанка - Марьясин; Заместитель председателя Совнаркома - Антипов; Заместитель наркома тяжёлой промышленности - Серебровский; Заместитель наркома внешней торговли - Элиава; Члены Политбюро - Косиор и Рудзутак.	The chairmen of the All-Union Central Executive Committee (All-Union Central Executive Committee) - successively Yenukidze, Akulov and Unshlikht; Chairman of the Board of the State Bank - Maryasin; Deputy Chairman of the Council of People's Commissars - Antipov; Deputy People's Commissar for Heavy Industry - Serebrovsky; Deputy People's Commissar for Foreign Trade - Eliava; Members of the Politburo - Kosior and Rudzutak.
Эти люди все до одного были преданы Сталину. И я убеждён, что до последней минуты никто из них не знал, по какой причине его арестовали и зачем Сталину понадобилось лишать его жизни.	These people were one and all devoted to Stalin. And I am convinced that until the last minute none of them knew why he was arrested and why Stalin needed to take his life.
Здесь перечислены только члены союзного правительства и союзного Политбюро. Но такая же резня была организована на Украине, в Белоруссии и других республиках. На Украине она сопровождалась самоубийством главы украинского правительства Любченко, в Белоруссии - самоубийством Червякова, председателя президиума Верховного совета республики.	Only members of the Union Government and the Union Politburo are listed here. But the same massacre was organized in Ukraine, Belarus and other republics. In Ukraine, it was accompanied by the suicide of the head of the Ukrainian government, Lyubchenko, in Belarus, by the suicide of Chervyakov, chairman of the presidium of the Supreme Council of the republic.
К концу 1937 года союзные наркоматы и другие общегосударственные учреждения остались без руководства. Все промышленные предприятия оказались в полупарализованном состояний. Всюду требовались новые администраторы, новые директора. Но Сталин опасался назначать их из оставшегося числа опытных кадров, имевшихся в распоряжении ЦК, так как эти люди были в той или иной степени связаны по прошлой работе с теми, кого он истребил. Поэтому он назначал руководить важными государственными учреждениями, и даже целыми наркоматами, совершенно случайных людей, притом с такой поспешностью, с какой в нормальные времена не набирают даже рядовых служащих.	By the end of 1937, the allied people's commissariats and other nationwide institutions were left without leadership. All industrial enterprises found themselves in a semi-paralyzed state. New administrators, new directors were required everywhere. But Stalin was afraid to appoint them from the remaining number of experienced cadres at the disposal of the Central Committee, since these people were to one degree or another connected in their past work with those whom he exterminated. Therefore, he appointed completely random people to lead important state institutions, and even entire people's commissariats, moreover, with such haste, with which even ordinary employees are not recruited in normal times.
Для иллюстрации приведу такой случай, ставший мне известным,	To illustrate, I will cite a case that has become known to me, as they

что называется, из первых рук. Однажды вечером в Московском институте внешней торговли появились два представителя ЦК партии. Они попросили директора института и членов партбюро назвать им двух политически проверенных студентов, которых можно было бы порекомендовать на "ответственные должности". Члены институтского партбюро, посовещавшись, назвали две фамилии: одна звучала Чвялев, другую я забыл. Гости просили директора института безотлагательно прислать обоих студентов в отдел кадров ЦК. Прошло дня два, преподаватели и студенты института, раскрыв свежие газеты, не поверили своим глазам: там были опубликованы официальные постановления о назначении Чвялева, ещё недавно работавшего скромным служащим советского торгпредства в Германии, ни много ни мало наркомом внешней торговли. Стал членом правительства и второй студент: он тоже получил какой-то наркомат.	say, first-hand. One evening, two representatives of the Central Committee of the party appeared at the Moscow Institute of Foreign Trade. They asked the director of the institute and members of the party bureau to name two politically proven students who could be recommended for "responsible positions." The members of the institute party bureau, after conferring, named two names: one sounded Chvyalev, the other I forgot. The guests asked the director of the institute to send both students to the personnel department of the Central Committee without delay. Two days passed, teachers and students of the institute, having opened fresh newspapers, did not believe their eyes: there were published official decrees on the appointment of Chvyalev, who until recently worked as a modest employee of the Soviet trade mission in Germany, no less than people's commissar for foreign trade. A second student also became a member of the government: he also received some kind of People's Commissariat.
Насильственная смерть не обошла также и руководителей кавказских республик, то есть той части страны, где Сталин родился и вырос. Там он лично знал всех руководителей. Они относились к нему с особой неприязнью, так как слишком многое знали о его прошлом. Ему требовалось избавиться от них прежде, чем им придёт в голову писать свои мемуары. Эта задача была возложена на секретаря Закавказского ЦК партии Лаврентия Берия, который в прошлом был руководителем НКВД Закавказья.	Violent death also did not bypass the leaders of the Caucasian republics, that is, that part of the country where Stalin was born and raised. There he personally knew all the leaders. They treated him with particular dislike, as they knew too much about his past. He needed to get rid of them before it occurred to them to write their memoirs. This task was entrusted to the secretary of the Transcaucasian Central Committee of the party, Lavrenty Beria, who in the past was the head of the NKVD of Transcaucasia.
В июне 1938 года в Тбилиси закончился наконец поединок, годами продолжавшийся между Сталиным и одним из самых известных большевиков Закавказья - Буду Мдивани, бывшим руководителем грузинского правительства. Мдивани, знавший Сталина с юных лет, одним из первых разглядел за сталинскими интригами его диктаторские замашки. Дело происходило в 20-х годах, ещё при жизни Ленина. Мдивани и Сталин тогда поссорились, и Ленин принял сторону Мдивани.	In June 1938, the duel that had lasted for years between Stalin and one of the most famous Bolsheviks of Transcaucasia, Budu Mdivani, the former head of the Georgian government, finally ended in Tbilisi. Mdivani, who knew Stalin from a young age, was one of the first to discern his dictatorial habits behind Stalin's intrigues. It happened in the 1920s, during Lenin's lifetime. Mdivani and Stalin then quarreled, and Lenin took Mdivani's side.
Когда инквизиторы из НКВД пытались уговорить Мдивани дать ложные показания, направленные против себя и других бывших руководителей Грузии, он ответил им классической фразой: - Вы убеждаете меня, что Сталин обещал сохранить старым большевикам жизнь? Я знаю Сталина тридцать лет. Он не успокоится, пока не перережет нас всех, начиная от грудного младенца и кончая слепой прабабушкой! Мдивани отказался оклеветать себя и был расстрелян.	When the inquisitors from the NKVD tried to persuade Mdivani to give false evidence against himself and other former leaders of Georgia, he answered them with the classic phrase: - Are you convincing me that Stalin promised to keep the old Bolsheviks alive? I have known Stalin for thirty years. He will not rest until he cuts us all, from a baby to a blind great-grandmother! Mdivani refused to slander himself and was shot.

ЯГОДА В ТЮРЕМНОЙ КАМЕРЕ В кошмарной атмосфере бессудных расстрелов и безотчётного ужаса, охватившего всю страну, энергично шла подготовка третьего московского процесса, на который надлежало вывести последнюю группу старых большевиков, сподвижников Ленина. Сталинские инквизиторы орудовали теперь более уверенно. Во-первых, их методы прошли успешную проверку на двух первых процессах. Во-вторых, психоз всеобщего страха, порождённый массовым террором этих лет, вооружил следователей дополнительными средствами воздействия на обвиняемых.	BERRY IN A PRISON CELL In a nightmarish atmosphere of extrajudicial executions and unaccountable horror that gripped the whole country, preparations were vigorously made for the third Moscow trial, to which the last group of old Bolsheviks, Lenin's associates, was to be brought. Stalin's inquisitors now operated more confidently. First, their methods have been successfully tested in the first two trials. Secondly, the psychosis of general fear, generated by the mass terror of these years, armed the investigators with additional means of influencing the accused.
Теперь, когда требовалось сломить их волю, угрозы заметно преобладали над обещаниями. Если во время подготовки двух предыдущих процессов ещё не все арестованные верили, что Сталин может привести в исполнение дикие угрозы, относящиеся к их детям, то теперь никто из обвиняемых не сомневался в серьёзности таких угроз. Чтобы на этот счёт не оставалось иллюзий, Ежов распорядился подсаживать в каждую тюремную камеру под видом арестованных агентов НКВД. Эти агенты должны были рассказывать другим заключённым истории о том, как десяти- двенадцатилетних детей выводили на расстрел вместе с родителями. В садистской атмосфере моральных пыток, расстрелов и самоубийств можно было поверить всему.	Now, when it was necessary to break their will, threats noticeably prevailed over promises. If, during the preparation of the two previous trials, not all the arrested still believed that Stalin could carry out wild threats against their children, now none of the accused doubted the seriousness of such threats. So that there would be no illusions on this score, Yezhov ordered that they be planted in each prison cell under the guise of arrested NKVD agents. These agents were supposed to tell other prisoners stories about how ten-twelve-year-old children were taken out to be shot along with their parents. In the sadistic atmosphere of moral torture, executions and suicides, one could believe everything.
Здесь мне хотелось бы упомянуть несколько действительных фактов, относящихся к судьбе детей старых большевиков. Помню, осенью 1937 года до иностранных сотрудников НКВД дошёл слух, что Ежов приказал руководителям управлений НКВД в периферийных областях страны арестовывать детей расстрелянных партийцев и выносить им приговоры на основе тех же статей Уголовного кодекса, которые были применены к их родителям. Слух представлялся настолько невероятным, что ни я, ни мои товарищи не принимали его всерьёз. Действительно, как можно было поверить тому, что Сталин сможет обвинить десяти- двенадцатилетних детей в заговоре с целью свержения советского правительства? Впрочем, слухи были очень упорными и доходили до нас вновь и вновь, притом через хорошо информированных людей.	Here I would like to mention a few real facts relating to the fate of the children of the old Bolsheviks. I remember that in the fall of 1937, foreign NKVD officers heard a rumor that Yezhov ordered the heads of NKVD departments in the country's peripheral regions to arrest the children of executed party members and sentence them on the basis of the same articles of the Criminal Code that were applied to their parents. The rumor seemed so incredible that neither I nor my comrades took it seriously. Indeed, how could one believe that Stalin would be able to accuse ten or twelve-year-old children of plotting to overthrow the Soviet government? However, the rumors were very persistent and reached us again and again, moreover, through well-informed people.
Мне не удалось тогда получить конкретные сведения о судьбе детей казнённых партийцев, а после моего разрыва со сталинщиной вообще было трудно рассчитывать, что когда-нибудь ко мне в руки попадут эти данные. Но жизнь полна неожиданностей - ситуация в какой-то степени прояснилась довольно скоро, притом вполне	At that time, I was not able to obtain specific information about the fate of the children of the executed party members, and after my break with Stalinism, it was generally difficult to expect that someday this data would fall into my hands. But life is full of surprises - the situation was clarified to some extent quite soon, moreover, quite openly, with the help

открыто, с помощью официальной советской печати.	of the official Soviet press.
В конце февраля 1939 года в советских газетах появилось сообщение об аресте некоего Лунькова, начальника управления НКВД в Ленинске-Кузнецке, и его подчинённых за то, что они арестовывали малолетних детей и вымогали у них показания, будто те принимали участие в заговоре с целью свержения советского правительства. Согласно этому сообщению, детей держали в переполненных камерах, вместе с обычными уголовниками и политическими заключёнными. В газетах был описан случай, когда десятилетний мальчик, по имени Володя, в результате допроса, длившегося всю ночь, сознался, что в течение трёх лет состоял в фашистской организации.	At the end of February 1939, a report appeared in Soviet newspapers about the arrest of a certain Lunkov, head of the NKVD department in Leninsk-Kuznetsk, and his subordinates for arresting young children and extorting evidence from them that they had taken part in a conspiracy to overthrow the Soviet government. According to this report, the children were kept in overcrowded cells, along with ordinary criminals and political prisoners. The newspapers described a case when a ten-year-old boy named Volodya, as a result of an interrogation that lasted all night, confessed that he had been a member of a fascist organization for three years.
Один из свидетелей обвинения на суде показывал: - Мы спрашивали ребят, например, откуда им известно, что такое фашизм. Они отвечали примерно так: "Фашистов мы видели только в кино. Они носят белые фуражки". Когда мы спросили ребят о троцкистах и бухаринцах, они ответили: "Этих людей мы встречали в тюрьме, где нас держали".	One of the witnesses for the prosecution at the trial testified: - We asked the guys, for example, how they know what fascism is. They answered something like this: "We only saw fascists in the movies. They wear white caps." When we asked the guys about the Trotskyists and Bukharinites, they answered: "We met these people in the prison where we were kept."
Раз дети встречались с троцкистами и бухаринцами в тюрьме, то, значит, троцкисты и бухаринцы в свою очередь видели там детей и, безусловно, знали, что они обвинены в антигосударственном заговоре и в других преступлениях, караемых смертью. Ничего удивительного, что обвиняемые, представшие перед судом на третьем из московских процессов, готовы были любой ценой сохранить жизнь собственным детям и уберечь их от сталинского пыточного следствия.	Since the children met with the Trotskyites and Bukharinites in prison, it means that the Trotskyists and Bukharinites, in turn, saw children there and, of course, knew that they were accused of an anti-state conspiracy and other crimes punishable by death. It is not surprising that the accused, who appeared before the court at the third of the Moscow trials, were ready at any cost to save the lives of their own children and protect them from the Stalinist torture investigation.
Пусть никого не удивляет то обстоятельство, что Сталин решился вынести на открытый суд некоторые факты, порочащие его систему. Это была обычная для Сталина тактика: когда его преступления получали огласку, он спешил снять с себя всякую ответственность и переложить вину на своих чиновников, выводя их напоказ в открытых судебных процессах. Им тоже была дорога собственная жизнь, и на таких судах не прозвучало ни слова о том, что они совершали преступления, руководствуясь прямыми указаниями сверху.	Let no one be surprised by the fact that Stalin decided to bring to open court certain facts discrediting his system. It was Stalin's usual tactic: when his crimes were made public, he hurried to abdicate all responsibility and shift the blame to his officials, exposing them in open trials. They, too, valued their own lives, and not a word was heard on such courts that they committed crimes, guided by direct instructions from above.
На третьем московском процессе, начавшемся в Москве в марте 1938 года, в качестве главных обвиняемых фигурировали: Николай Бухарин, бывший глава Коминтерна, член ленинского Политбюро и один из крупнейших теоретиков партии; Алексей Рыков, тоже	In the third Moscow trial, which began in Moscow in March 1938, the main defendants were: Nikolai Bukharin, former head of the Comintern, member of the Leninist Politburo and one of the leading theoreticians of the party; Alexei Rykov, also a former member of the Politburo and

бывший член Политбюро и заместитель Ленина в Совете народных комиссаров, после ленинской смерти возглавивший советское правительство; Николай Крестинский, бывший секретарь ЦК партии и заместитель Ленина по организационным вопросам; Христиан Раковский, один из самых уважаемых старых членов партии, имеющий огромные заслуги перед революцией и назначенный, по указанию Ленина, руководителем советской Украины.	Lenin's deputy in the Council of People's Commissars, who after Lenin's death headed the Soviet government; Nikolai Krestinsky, former secretary of the Party Central Committee and Lenin's deputy for organizational matters; Christian Rakovsky, one of the most respected old members of the party, who has greatly contributed to the revolution and was appointed, at the direction of Lenin, the leader of the Soviet Ukraine.
И вот рядом с этими прославленными деятелями партии на скамье подсудимых оказалась одиозная фигура, появление которой среди арестованных друзей и соратников Ленина было сенсацией мирового значения.	And now, next to these illustrious party leaders, an odious figure appeared on the dock, whose appearance among the arrested friends and associates of Lenin was a sensation of world significance.
Речь идёт о бывшем руководителе НКВД Генрихе Ягоде. Тот самый Ягода, который полтора года назад, роковой августовской ночью 1936 года, стоял с Ежовым в подвале здания НКВД, наблюдая, как происходит расстрел Зиновьева, Каменева и других осуждённых на первом процессе. А теперь сам Ягода, по приказу Сталина, посажен на скамью подсудимых как участник того же самого заговора и один из ближайших сообщников Зиновьева, Каменева, Смирнова и других старых большевиков, которых он же пытал и казнил.	We are talking about the former head of the NKVD Heinrich Yagoda. The same Yagoda, who a year and a half ago, on the fateful August night of 1936, stood with Yezhov in the basement of the NKVD building, watching the execution of Zinoviev, Kamenev and other convicts at the first trial. And now Yagoda himself, on Stalin's orders, has been put on trial as a participant in the same conspiracy and one of the closest accomplices of Zinoviev, Kamenev, Smirnov and other old Bolsheviks, whom he also tortured and executed.
Более чудовищную нелепость трудно было себе представить. Казалось, что Сталин весь свой талант фальсификатора израсходовал на организацию первых двух процессов и его "творческое" воображение исчерпало себя...	A more monstrous absurdity could hardly be imagined. It seemed that Stalin had spent all his talent as a forger on organizing the first two trials, and his "creative" imagination had exhausted itself...
Подлинное же объяснение того, что поверхностному наблюдателю могло казаться просто нелепостью, составляет один из главнейших секретов всех трёх московских процессов. Дело в том, что Сталин применил такой "идиотский" ход отнюдь не по недомыслию. Напротив, он был чрезвычайно проницателен и дьявольски ловок, когда дело касалось политических интриг. Просто он не смог избежать специфических трудностей, с какими сталкиваются все фальсификаторы, когда следы их подлогов становятся явными.	The true explanation of what might seem simply absurd to a superficial observer is one of the main secrets of all three Moscow trials. The fact is that Stalin did not use such an "idiotic" move out of thoughtlessness. On the contrary, he was extremely shrewd and devilishly clever when it came to political intrigues. He simply could not avoid the specific difficulties that all forgers face when the traces of their forgeries become clear.
Итак, выдумав чудовищную нелепость, будто Ягода был сообщником Зиновьева и Каменева, Сталин полностью снимал с себя ответственность за некое давнее преступление, следы которого оказались недостаточно затёрты и вели прямо к нему, Сталину. Этим преступлением было всё то же убийство Кирова.	So, having invented the monstrous absurdity that Yagoda was an accomplice of Zinoviev and Kamenev, Stalin completely disclaimed responsibility for some old crime, the traces of which were insufficiently erased and led directly to him, Stalin. This crime was the same murder of Kirov.
Я уже писал, что наутро после убийства Кирова Сталин, оставив все дела, прибыл в Ленинград - якобы для расследования обстоятельств	I already wrote that the morning after Kirov's assassination, Stalin, leaving all his affairs, arrived in Leningrad - ostensibly to investigate the

убийства, а в действительности, чтобы проверить, соблюдены ли все необходимые предосторожности. Обнаружив, что в деле отчётливо проступает "рука НКВД", он сделал всё для того, чтобы замести следы этого участия. Он поспешил отдать приказ о расстреле убийцы Кирова и распорядился ликвидировать без суда всех, кто знал о роли НКВД в этом деле.	circumstances of the murder, but in reality to check whether all the necessary precautions had been observed. Having discovered that the "hand of the NKVD" was clearly visible in the case, he did everything to cover up the traces of this participation. He hastened to order the execution of the murderer of Kirov and ordered to liquidate without trial everyone who knew about the role of the NKVD in this case.
Однако напрасно Сталин думал, что тайна убийства Кирова так и останется навсегда тайной. Он явно просчитался, не придав значения, скажем, тому факту, что заместителей Кирова удивило таинственное исчезновение его охраны из злополучного коридора. Заместители Кирова знали также, что его убийца - Николаев - за две недели до того уже был задержан в Смольном, что при нём и тогда был заряженный револьвер, и тем не менее, спустя две недели ему снова выдали пропуск в Смольный.	However, in vain did Stalin think that the secret of Kirov's murder would forever remain a secret. He obviously miscalculated, not attaching importance, say, to the fact that Kirov's deputies were surprised by the mysterious disappearance of his guards from the ill-fated corridor. Kirov's deputies also knew that his killer, Nikolaev, had already been detained in Smolny two weeks before, that he still had a loaded revolver with him, and yet, two weeks later, he was again given a pass to Smolny.
Но наиболее подозрительным, что подтверждало слухи, будто Киров был "ликвидирован" самими властями, выглядел сталинский приказ Агранову и Миронову: очистить Ленинград от "кировцев". В ленинградское управление НКВД были вызваны сотни видных деятелей, составлявших основу кировского политического и хозяйственного аппарата. Каждому из них было предписано в течение недели покинуть Ленинград и переехать на новое место работы, которое было подобрано, как правило, в отдалённых районах Урала и Сибири.	But the most suspicious, which confirmed the rumors that Kirov was "liquidated" by the authorities themselves, was Stalin's order to Agranov and Mironov: to clear Leningrad of the "Kirovites". Hundreds of prominent figures, who formed the basis of the Kirov political and economic apparatus, were summoned to the Leningrad department of the NKVD. Each of them was ordered to leave Leningrad within a week and move to a new place of work, which was chosen, as a rule, in remote regions of the Urals and Siberia.
Впервые в истории советского государства партийные чиновники получали новое назначение не от партии, а от НКВД. Срок, назначаемый для выезда, был столь кратким, что многие директора предприятий не успевали передать дела. Попытки опротестовать этот произвол или получить какие-то разъяснения наталкивались на стереотипный отвит: "Вы слишком засиделись в Ленинграде". В течение лета 1935 года таким образом было выслано из Ленинграда около 3500 человек. Вся эта кампания очень напоминала чистку городских организаций от "зиновьевцев" несколькими годами ранее, после поражения зиновьевской оппозиции . Неудивительно, что в партийных кругах ходил слух о том, что Киров возглавил новую оппозицию, но её удалось уничтожить в зародыше.	For the first time in the history of the Soviet state, party officials received a new appointment not from the party, but from the NKVD. The term appointed for departure was so short that many directors of enterprises did not have time to transfer cases. Attempts to protest this arbitrariness or get some kind of explanation ran into a stereotypical response: "You have stayed too long in Leningrad." During the summer of 1935, about 3,500 people were expelled from Leningrad in this way. This whole campaign was very reminiscent of the purge of the city organizations from the "Zinovievists" several years earlier, after the defeat of the Zinoviev opposition. It is not surprising that in party circles there was a rumor that Kirov led a new opposition, but it was managed to be destroyed in the bud.
Сотрудникам НКВД также было известно больше чем следовало, и, видимо, через них информация о том, что ленинградское управление НКВД приложило руку к убийству Кирова, просочилась в аппарат ЦК.	The NKVD officers also knew more than they should, and, apparently, through them the information that the Leningrad department of the NKVD had a hand in the murder of Kirov was leaked to the Central

	Committee apparatus.
В тех кругах партийцев, которые ориентировались в обстановке, было известно, что Ягода - лишь номинальный руководитель НКВД, а подлинный хозяин этого ведомства - Сталин. Эти круги прекрасно понимали (или догадывались), что раз НКВД замешан в убийстве Кирова, значит, убийство совершено по указанию Сталина.	In those circles of party members who were aware of the situation, it was known that Yagoda was only the nominal head of the NKVD, and the real owner of this department was Stalin. These circles perfectly understood (or guessed) that since the NKVD was involved in the murder of Kirov, it means that the murder was committed on Stalin's orders.
О том, что тайна убийства Кирова в общем-то перестала быть тайной, Сталин узнал с запозданием. Ягода, снабжавший его разнообразной информацией, в том числе и сводками различных слухов и настроений, боялся докладывать об этом. В ушах Ягоды всё ещё звучала бешеная сталинская реплика: "Мудак!", брошенная ему в Ленинграде. Видные члены ЦК, постепенно узнавшие тайну убийства Кирова, тоже не спешили сообщить об этом Сталину, поскольку этим они автоматически зачислили бы себя в категорию людей, знающих "слишком много".	The fact that the secret of the murder of Kirov, in general, ceased to be a secret, Stalin found out belatedly. Yagoda, who supplied him with a variety of information, including summaries of various rumors and moods, was afraid to report on this. Yagoda's ears still resounded with Stalin's frantic remark: "Asshole!" thrown to him in Leningrad. Prominent members of the Central Committee, who gradually learned the secret of the murder of Kirov, were also in no hurry to tell Stalin about it, since by doing so they would automatically put themselves in the category of people who know "too much."
В общем, когда всё это стало известно Сталину, было уже поздно думать о более тщательном сокрытии истины. Оставалось только одно; объявить открыто, что убийство Кирова было делом рук НКВД, и отнести всё на счёт Ягоды. А поскольку на первых двух московских процессах ответственность за это убийство была возложена на Зиновьева и Каменева, то теперь Ягода должен был стать их сообщником. Таким образом, извилистые увёртки, обычно сопровождающие любое мошенничество, заставили Сталина свести воедино две взаимоисключающие версии. Так родилась эта абсурдная легенда, будто Ягода, возглавлявший подготовку первого московского процесса, а затем казнивший Зиновьева и Каменева, в действительности был их сообщником.	In general, when all this became known to Stalin, it was already too late to think about a more thorough concealment of the truth. There was only one thing left; declare openly that the murder of Kirov was the work of the NKVD, and attribute everything to Yagoda's account. And since at the first two Moscow trials Zinoviev and Kamenev were held responsible for this murder, now Yagoda was to become their accomplice. Thus, the tortuous subterfuge that usually accompanies any fraud forced Stalin to bring together two mutually exclusive versions. Thus was born this absurd legend that Yagoda, who led the preparations for the first Moscow trial and then executed Zinoviev and Kamenev, was in fact their accomplice.
Появление всемогущего начальника сталинской тайной полиции на скамье подсудимых произвело в стране фурор. Тем более что Сталин, по своему обычаю, навесил на него множество невероятных грехов. Оказывается, Ягода, в течение пятнадцати лет возглавлявший советскую контрразведку, сам являлся иностранным шпионом. Уже одно это звучало фантастически. Но сверх того, Ягода, известный всей стране как свирепый палач троцкистов, сам оказался троцкистом и доверенным агентом Троцкого.	The appearance of the all-powerful chief of the Stalinist secret police on the dock made a splash in the country. Moreover, Stalin, according to his custom, hung on him a lot of incredible sins. It turns out that Yagoda, who for fifteen years headed Soviet counterintelligence, was himself a foreign spy. That alone sounded fantastic. But more than that, Yagoda, known throughout the country as the ferocious executioner of the Trotskyites, turned out to be a Trotskyist himself and a trusted agent of Trotsky.
Это Ягода опрыскивал стены ежовского кабинета ядом, чтобы умертвить Ежова. Это он набрал целую команду врачей, чтобы "залечить насмерть" тех, кого он не решался убить в открытую. При	It was Yagoda who sprayed the walls of Yezhov's office with poison in order to kill Yezhov. It was he who recruited a whole team of doctors to "heal to death" those whom he did not dare to kill in the open. At the

упоминании подобных приёмов в уме воскресали легенды об умерщвлении соперников ароматом ядовитых цветов и дымом отравленных свеч.	mention of such techniques, legends about the killing of rivals by the aroma of poisonous flowers and the smoke of poisoned candles were resurrected in the mind.
Однако народ не мог расценивать всё происходящее как всего лишь кошмарную легенду. Прозаические стенограммы судебных заседаний, сообщения о расстрелах обвиняемых придавали этим кошмарам пугающую реальность. Из всего происходящего люди могли сделать единственно важный для себя вывод: уж если всемогущего Ягоду так бесцеремонно бросили в тюрьму, то никто в СССР не может чувствовать себя в безопасности. Коль скоро сам создатель инквизиторской машины не смог выстоять под её давлением, то уж никакой смертный не должен надеяться на поблажку.	However, the people could not regard everything that was happening as just a nightmarish legend. The prosaic transcripts of court hearings, reports of the execution of the accused, gave these nightmares a frightening reality. From everything that was happening, people could draw the only important conclusion for themselves: if the almighty Yagoda was so unceremoniously thrown into prison, then no one in the USSR can feel safe. Since the creator of the inquisitorial machine himself could not withstand its pressure, then no mortal should hope for indulgence.
Если бы у Сталина не возникла насущная потребность обвинить Ягоду в убийстве Кирова, он, конечно, не посадил бы его на скамью подсудимых. Потерять Ягоду, отказаться от его бесценных услуг - было серьёзной жертвой для Сталина. За пятнадцать лет, что они проработали рука об руку, Ягода сделался чуть ли не "вторым я" Сталина. Никто так не понимал Сталина, как Ягода. Никто из приближённых не сделал для него так много. Никому Сталин не доверял в такой степени, как Ягоде.	If Stalin had not had an urgent need to accuse Yagoda of Kirov's murder, he, of course, would not have put him in the dock. To lose Yagoda, to refuse his priceless services, was a serious sacrifice for Stalin. During the fifteen years that they worked hand in hand, Yagoda became almost Stalin's "second self". No one understood Stalin as well as Yagoda. No one close to him did so much for him. Stalin did not trust anyone to the same extent as Yagoda.
Обладая сталинскими чертами - той же изворотливостью и подозрительностью - и почти сталинской виртуозностью в искусстве политической интриги, именно Ягода оплетал потенциальных соперников Сталина предательской паутиной и тщательно подбирал ему беспринципных, но надёжных помощников.	Possessing Stalinist features - the same resourcefulness and suspicion - and almost Stalinist virtuosity in the art of political intrigue, it was Yagoda who entwined Stalin's potential rivals with a treacherous web and carefully selected unprincipled but reliable assistants for him.
Когда Сталин начинал подозревать кого-то из наркомов или членов Политбюро, Ягода назначал в заместители подозреваемому одного из своих доверенных сотрудников. Так, помощник Ягоды Прокофьев поочередно занимал посты заместителя наркома тяжёлой промышленности и наркома госконтроля. Начальники управлений НКВД Благонравов и Кишкин были назначены помощниками Лазаря Кагановича, наркома путей сообщения. Помощники Ягоды Мессинг и Логановский были направлены заместителями к наркому внешней торговли, а заместитель Ягоды Трилиссер назначен помощником Пятницкого, который в то время руководил Коминтерном. Я мог бы назвать и многих других, подобранных Ягодой для укрепления диктаторской власти Сталина в государственном и партийном аппарате.	When Stalin began to suspect one of the people's commissars or members of the Politburo, Yagoda appointed one of his trusted employees as a deputy to the suspect. So, Yagoda's assistant Prokofiev alternately held the posts of Deputy People's Commissar of Heavy Industry and People's Commissar of State Control. The heads of the NKVD departments Blagonravov and Kishkin were appointed assistants to Lazar Kaganovich, People's Commissar of Railways. Yagoda's assistants Messing and Loganovsky were sent as deputies to the People's Commissar for Foreign Trade, and Yagoda's deputy Trilisser was appointed assistant to Pyatnitsky, who at that time led the Comintern. I could name many others chosen by Yagoda to strengthen Stalin's dictatorial power in the state and party apparatus.

Ягода собирал для Сталина компрометирующую информацию, касающуюся высших руководителей государства. Когда в поведении такого руководителя начинали проявляться малейшие признаки независимости, Сталину достаточно было протянуть руку к досье, подобранному Ягодой. В таком досье наряду с серьёзными документами, например доказательствами былой принадлежности советского государственного деятеля к информаторам царской полиции, можно было встретить смехотворные донесения наподобие того, что жена этого деятеля колотит свою домработницу или что на Пасху она тайно ходила в церковь святить куличи. Самым распространенным прегрешением было такое: почти все сталинские соратники, заполняя партийные анкеты, приписывали себе дореволюционный партийный стаж, которого в действительности не имели.	Yagoda collected compromising information for Stalin concerning the top leaders of the state. When the slightest signs of independence began to appear in the behavior of such a leader, it was enough for Stalin to reach out to the dossier compiled by Yagoda. In such a dossier, along with serious documents, for example, evidence of the former belonging of a Soviet statesman to informers of the tsarist police, one could come across ridiculous reports like the wife of this figure beats her housekeeper or that on Easter she secretly went to church to bless Easter cakes. The most common sin was this: almost all Stalin's comrades-in-arms, filling out party questionnaires, attributed to themselves pre-revolutionary party experience, which in reality they did not have.
В досье были отражены также скандалы, связанные с половой распущенностью "вождей". Мне довелось видеть донесение такого рода, относившееся к Куйбышеву, который занимал должность заместителя председателя Совнаркома. Как-то он "похитил" с банкета жену председателя правления Госбанка и скрывался в её обществе три дня подряд, так что пришлось отменить все заседания Совнаркома, назначенные на эти дни. Другое донесение относилось к 1932 году и было связано с похождениями члена Политбюро Рудзутака. На одном из приёмов тот усиленно угощал спиртным тринадцатилетнюю дочь второго секретаря Московского комитета партии и затем изнасиловал её. Ещё одно донесение, относящееся к тому же Рудзутаку: в 1927 году, прибыв в Париж, он пригласил группу сотрудников советского полпредства с жёнами пройтись по сомнительным заведениям и там раздавал проституткам чаевые крупными купюрами. Как правило, Сталин не использовал эти компрометирующие донесения, пока не считал необходимым специально призвать к порядку того или иного из своих сановников.	The dossier also reflected the scandals associated with the sexual promiscuity of the "leaders". I happened to see a report of this kind, referring to Kuibyshev, who served as deputy chairman of the Council of People's Commissars. Somehow he "kidnapped" the wife of the chairman of the board of the State Bank from a banquet and hid in her company for three days in a row, so that he had to cancel all meetings of the Council of People's Commissars scheduled for these days. Another report related to 1932 and was connected with the adventures of Rudzutak, a member of the Politburo. At one of the receptions, he intensively treated the thirteen-year-old daughter of the second secretary of the Moscow Party Committee to alcohol and then raped her. Another report related to the same Rudzutak: in 1927, having arrived in Paris, he invited a group of employees of the Soviet embassy with their wives to walk through dubious establishments and handed out tips to prostitutes in large bills. As a rule, Stalin did not use these incriminating reports until he considered it necessary to specifically call to order one or another of his dignitaries.
Ягоду можно было назвать глазами и ушами Сталина. В квартирах и на дачах членов Политбюро и наркомов он установил замаскированные микрофоны и всю информацию, полученную таким путём, докладывал Сталину. Сталин знал всю подноготную своих соратников, нередко был в курсе их самых сокровенных мыслей, неосторожно высказанных в разговоре с женой, сыном, братом или другом. Всё это ограждало сталинскую единоличную власть от всяких неожиданных сюрпризов.	Yagoda could be called the eyes and ears of Stalin. In the apartments and dachas of members of the Politburo and people's commissars, he installed disguised microphones and reported to Stalin all the information obtained in this way. Stalin knew all the ins and outs of his comrades-in-arms, was often aware of their innermost thoughts, carelessly expressed in a conversation with his wife, son, brother or friend. All this protected the Stalinist one-man power from all sorts of unexpected surprises.

Кстати, Сталин был чрезвычайно ревнив ко всем проявлениям дружбы среди своих приближённых, особенно членов Политбюро. Если двое или трое из них начинали встречаться в свободное время, Ягода должен был навострить уши и сделать Сталину соответствующий доклад. Ведь люди, связанные личной дружбой, склонны доверять друг другу. А это могло уже привести к возникновению группы или фракции, направленной, против Сталина. В подобных случаях он старался спровоцировать ссору, между новыми друзьями, а если они туго соображали, что от них требуется, то и разъединить их, переведя одного из них на работу вне Москвы или используя другие "организационные меры".	By the way, Stalin was extremely jealous of all manifestations of friendship among his associates, especially members of the Politburo. If two or three of them began to meet in their free time, Yagoda had to prick up his ears and make a report to Stalin. After all, people connected by personal friendship tend to trust each other. And this could already lead to the emergence of a group or faction directed against Stalin. In such cases, he tried to provoke a quarrel between new friends, and if they were slow to understand what was required of them, then to separate them by transferring one of them to work outside Moscow or using other "organizational measures."
Услуги, которые Ягода оказывал Сталину, были серьёзны и многообразны. Но главная ценность Ягоды состояла в том, что он преследовал политических противников Сталина с беспримерной жестокостью, стёр с лица земли остатки оппозиции и старую ленинскую гвардию.	The services that Yagoda rendered to Stalin were serious and varied. But the main value of Yagoda was that he pursued Stalin's political opponents with unprecedented cruelty, wiped out the remnants of the opposition and the old Leninist guard from the face of the earth.
При всём том Ягода был единственным, кого, несмотря на его громадную власть, Сталин мог не опасаться как соперника. Он знал, что, если Ягода и надумает сколотить политическую фракцию, направленную против его, сталинского, руководства, партия за ним не пойдёт. Путь к соглашению со старой гвардией был для него навсегда закрыт трупами старых большевиков, расстрелянных им по приказу Сталина. Не мог Ягода сколотить и новую оппозицию из тех, кто окружал Сталина, - члены Политбюро и правительства ненавидели его лютой ненавистью.	For all that, Yagoda was the only one whom, despite his enormous power, Stalin could not be afraid of as a rival. He knew that even if Yagoda decided to put together a political faction directed against his Stalinist leadership, the party would not follow him. The way to an agreement with the old guard was forever blocked for him by the corpses of the old Bolsheviks, who were shot by him on the orders of Stalin. Yagoda could not put together a new opposition from those who surrounded Stalin - members of the Politburo and the government hated him with fierce hatred.
Они не могли смириться с тем, что Сталин доверил Ягоде, человеку без революционного прошлого, столь широкую власть, что Ягода получил даже право вмешиваться в дела наркоматов, подчинённых им, старым революционерам. Ворошилов отважился на затяжную борьбу со спецотделами НКВД, созданными Ягодой во всех воинских частях и занимавшимися неустанной слежкой в армии. Каганович, нарком путей сообщения, был раздражён вмешательством Транспортного управления НКВД в его работу. Члены Политбюро, руководившие промышленностью и торговлей, были уязвлены тем, что Экономическое управление НКВД регулярно вскрывало скандальные случаи коррупции, растрат и хищений на их предприятиях.	They could not accept the fact that Stalin entrusted Yagoda, a man without a revolutionary past, with such broad power that Yagoda even received the right to interfere in the affairs of the people's commissariats subordinate to them, the old revolutionaries. Voroshilov ventured into a protracted struggle with the special departments of the NKVD, created by Yagoda in all military units and engaged in relentless surveillance in the army. Kaganovich, People's Commissar of Railways, was annoyed by the interference of the NKVD Transport Department in his work. Members of the Politburo, who led industry and trade, were stung by the fact that the Economic Directorate of the NKVD regularly uncovered scandalous cases of corruption, embezzlement and theft at their enterprises.
В подчинённых им ведомствах Ягода держал тысячи тайных	In the departments subordinate to them, Yagoda kept thousands of

информаторов, с помощью которых он в любой момент мог наскрести множество неприятных фактов, дискредитирующих их работу. Всеобщая неприязнь к Ягоде объяснялась ещё и тем, что все эти крупные шишки из сталинской свиты чувствовали себя постоянно, как под стеклянным колпаком, и не могли сделать шагу без "личной охраны", приставленной к ним всё тем же Ягодой.	secret informants, with the help of whom at any moment he could scrape together a lot of unpleasant facts that discredited their work. The general dislike for Yagoda was also explained by the fact that all these big bumps from the Stalinist retinue felt constantly, as if under a glass cap, and could not take a step without the "personal guard" assigned to them by the same Yagoda.
Всё это как раз очень устраивало Сталина: он знал, что Ягода никогда не вступит ни в какой сговор с членами политбюро, а если среди членов ЦК и возникнет нелегальная группировка, для Ягоды и мощного аппарата НКВД не составит труда справиться с ней. Диктатору, вечно опасающемуся потерять власть, было крайне важно иметь такого начальника службы безопасности и личной охраны, на которого можно положиться.	All this just suited Stalin very well: he knew that Yagoda would never enter into any collusion with members of the Politburo, and if an illegal group arose among the members of the Central Committee, it would not be difficult for Yagoda and the powerful apparatus of the NKVD to cope with it. For a dictator who was always afraid of losing power, it was extremely important to have such a head of security and bodyguards who could be relied upon.
В общем Сталин и Ягода нуждались друг в друге. Это был союз, в котором не находилось места третьему партнеру. Их связывали жуткие тайны, преступления и ненависть, испытываемая народом к тому и другому. Ягода был верным сторожевым псом Сталина: охраняя его власть, он защищал и собственное благополучие.	In general, Stalin and Yagoda needed each other. It was an alliance in which there was no place for a third partner. They were bound by terrible secrets, crimes and hatred experienced by the people for both. Yagoda was Stalin's faithful watchdog: guarding his power, he also protected his own well-being.
В 1930 году один из заместителей Ягоды - Трилиссер, старый член партии, отбывший десять лет на царской каторге, по собственной инициативе предпринял исследование биографии своего начальника. Автобиография Ягоды, написанная по требованию Оргбюро ЦК, оказалась лживой. Ягода писал, что он вступил в партию большевиков в 1907 году, в 1911 году был отправлен царским правительством в ссылку и в дальнейшем принимал активное участие в Октябрьской революции. Почти всё это было неправдой. На самом деле Ягода примкнул к партии только летом 1917 года, а до того не имел с большевиками ничего общего. Трилиссер отправился к Сталину и продемонстрировал ему плоды своего труда. Однако это расследование имело неприятные последствия не для Ягоды, а для самого Трилиссера. Сталин его прогнал, а Ягода вскоре получил повышение в должности. Впрочем, было бы наивным думать, что Трилиссер действительно навлёк на себя сталинский гнев. Напротив, Сталин был рад получить информацию, компрометирующую Ягоду, притом такую, какую сам Ягода никогда не решился бы внести в своё досье. Сталин всегда предпочитал окружать себя не безупречно честными и независимыми революционерами, а людьми с тайными грехами, чтобы при случае можно было использовать их как инструмент шантажа.	In 1930, one of Yagoda's deputies, Trilisser, an old party member who had served ten years in tsarist hard labor, undertook a study of the biography of his boss on his own initiative. Yagoda's autobiography, written at the request of the Organizing Bureau of the Central Committee, turned out to be false. Yagoda wrote that he joined the Bolshevik Party in 1907, was sent into exile by the tsarist government in 1911, and subsequently took an active part in the October Revolution. Almost all of this was untrue. In fact, Yagoda joined the party only in the summer of 1917, and before that he had nothing in common with the Bolsheviks. Trilisser went to Stalin and showed him the fruits of his labor. However, this investigation backfired not on Yagoda, but on Trilisser himself. Stalin drove him away, and Yagoda was soon promoted. However, it would be naive to think that Trilisser really incurred Stalin's wrath. On the contrary, Stalin was glad to receive information compromising Yagoda, moreover, such information that Yagoda himself would never have dared to include in his dossier. Stalin always preferred to surround himself not with impeccably honest and independent revolutionaries, but with people with secret sins, so that on occasion they could be used as an instrument of blackmail.

Члены Политбюро ещё помнили то время, когда они решались открыто выступать против Ягоды. Они пытались тогда уговорить Сталина убрать Ягоду, а на столь важный пост назначить кого-либо из них. Мне, например, известно, что в 1932 году занять этот пост жаждал Каганович. Однако Сталин отказался уступить членам Политбюро такой мощный рычаг своей единоличной диктатуры. Он хотел пользоваться им в одиночку. НКВД должен был оставаться в его руках слепым орудием, которое в критическую минуту можно было бы обратить против любой части ЦК и Политбюро.	Members of the Politburo still remembered the time when they decided to openly oppose Yagoda. They then tried to persuade Stalin to remove Yagoda, and to appoint one of them to such an important post. For example, I know that in 1932 Kaganovich yearned for this post. However, Stalin refused to cede to the members of the Politburo such a powerful lever of his one-man dictatorship. He wanted to use it alone. The NKVD was to remain in his hands a blind tool, which at a critical moment could be turned against any part of the Central Committee and the Politburo.
Настраивая Сталина против Ягоды, Каганович и некоторые другие члены Политбюро пытались внушить ему, что Ягода - это Фуше российской революции. Имелся в виду Жозеф Фуше, знаменитый министр полиции в эпоху Французской революции, который последовательно служил Революции, Директории, Наполеону, Людовику Восемнадцатому, не будучи лояльным ни к одному из этих режимов. Эта историческая параллель, по мнению Кагановича, должна была возбудить в Сталине нехорошие предчувствия и побудить его убрать Ягоду. Кстати, именно Каганович коварно присвоил Ягоде кличку "Фуше". В Москве как раз был опубликован перевод талантливой книги Стефана Цвейга, посвящённой французскому министру полиции; книга была замечена в Кремле и произвела впечатление на Сталина. Ягода знал, что Каганович прозвал его "Фуше", и был этим изрядно раздосадован. Он предпринимал немало попыток задобрить Кагановича и установить с ним дружеские отношения, но не преуспел в этом.	In turning Stalin against Yagoda, Kaganovich and some other members of the Politburo tried to convince him that Yagoda was the Fouche of the Russian revolution. He meant Joseph Fouche, the famous minister of police during the French Revolution, who consistently served the Revolution, the Directory, Napoleon, Louis Eighteenth, without being loyal to any of these regimes. This historical parallel, according to Kaganovich, should have aroused bad forebodings in Stalin and prompted him to remove Yagoda. By the way, it was Kaganovich who treacherously gave Yagoda the nickname "Fouche". A translation of a talented book by Stefan Zweig dedicated to the French Minister of Police was just published in Moscow; the book was seen in the Kremlin and made an impression on Stalin. Yagoda knew that Kaganovich had nicknamed him "Fouche" and was rather annoyed by this. He made many attempts to appease Kaganovich and establish friendly relations with him, but did not succeed in this.
Припоминаю, каким забавным тщеславием дышала физиономия Ягоды всего за три-четыре месяца до его неожиданного смещения с поста наркома внутренних дел (он был назначен наркомом связи, а вскоре после этого арестован). Ягода не только не предвидел, что произойдет с ним в ближайшее время, напротив, он никогда не чувствовал себя так уверенно, как тогда, летом 1936 года. Ведь только что он оказал Сталину самую большую из всех услуг: подготовил суд над Зиновьевым и Каменевым и "подверстал" к ним других близких ленинских соратников.	I remember what amusing vanity breathed Yagoda's physiognomy just three or four months before his unexpected dismissal from the post of People's Commissar of Internal Affairs (he was appointed People's Commissar of Communications, and shortly after that he was arrested). Yagoda not only did not foresee what would happen to him in the near future, on the contrary, he never felt as confident as then, in the summer of 1936. After all, he had just rendered the greatest of all services to Stalin: he had prepared the trial of Zinoviev and Kamenev and had "put in" other close Leninist comrades-in-arms to them.
В 1936 году карьера Ягоды достигла зенита. Весной он получил приравненное к маршальскому звание генерального комиссара государственной безопасности и новый военный мундир, придуманный специально для него. Сталин оказал Ягоде и вовсе небывалую честь: он пригласил его занять квартиру в Кремле. Это	In 1936 Yagoda's career reached its zenith. In the spring, he received the rank of general commissar of state security, equivalent to the marshal's, and a new military uniform designed especially for him. Stalin did Yagoda an unprecedented honor: he invited him to take an apartment in the Kremlin. This indicates that he introduced Yagoda into

свидетельствует о том, что он ввёл Ягоду в тесный круг своих приближённых, к которому принадлежали только члены Политбюро.	the close circle of his associates, to which only members of the Politburo belonged.
На территории Кремля расположено несколько дворцов, соборов и административных зданий, однако квартир в современном понимании этого слова там почти нет. Сталин и другие члены Политбюро занимали там очень скромные по размерам квартиры, в которых до революции жила прислуга. На ночь все разъезжались по загородным резиденциям. Однако иметь квартиру в Кремле, пусть самую крохотную, сталинские сановники считали несравненно более престижным, чем жить в великолепном особняке за пределами кремлёвских стен.	There are several palaces, cathedrals and administrative buildings on the territory of the Kremlin, but there are almost no apartments in the modern sense of the word. Stalin and other members of the Politburo occupied very modest apartments there, in which servants lived before the revolution. At night, everyone went to country residences. However, to have an apartment in the Kremlin, even the smallest one, Stalin's dignitaries considered incomparably more prestigious than living in a magnificent mansion outside the Kremlin walls.
Словно бы опасаясь, что Сталин возьмет своё приглашение назад, Ягода назавтра же перебрался в Кремль, впрочем, оставив за собой роскошный особняк, построенный специально для него в Милютинском переулке. Несмотря на то что стояли жаркие дни, Ягода приезжал отсюда в свою загородную резиденцию Озерки только раз в неделю. Очевидно, московская пыль и духота были ему больше по нраву, чем прохлада парка в Озерках. То, что Ягода стал обитателем Кремля, обсуждалось в высших сферах как большое политическое событие. Ни у кого не оставалось сомнений, что над Кремлем взошла новая звезда.	As if fearing that Stalin would take back his invitation, Yagoda moved to the Kremlin the next day, however, leaving behind a luxurious mansion built especially for him in Milyutinsky Lane. Despite the fact that the days were hot, Yagoda came from here to his country residence Ozerki only once a week. Obviously, Moscow dust and stuffiness were more to his liking than the coolness of the park in Ozerki. The fact that Yagoda became an inhabitant of the Kremlin was discussed in the highest spheres as a great political event. No one had any doubts that a new star had risen over the Kremlin.
В кругу сотрудников НКВД рассказывали такую историю. Сталин был будто бы так доволен капитуляцией Зиновьева с Каменевым, что сказал Ягоде: "Сегодня вы заслужили место в Политбюро". Это означало, что на ближайшем съезде Ягода станет кандидатом в члены Политбюро.	The following story was told in the circle of NKVD officers. Stalin was supposedly so pleased with the capitulation of Zinoviev and Kamenev that he said to Yagoda: "Today you have earned a seat in the Politburo." This meant that at the next congress, Yagoda would become a candidate member of the Politburo.
Не знаю, как себя чувствовали в подобных ситуациях старые лисы Фуше или Макиавелли. Предвидели ли они грозу, которая сгущалась над их головами, чтобы смести их через немногие месяцы? Зато мне хорошо известно, что Ягода, встречавшийся со Сталиным каждый день, не мог прочесть в его глазах ничего такого, что давало бы основания для тревоги. Напротив, Ягоде казалось, что он как никогда близок к давней своей цели. Пока члены Политбюро смотрели на него сверху вниз и держались с ним отчужденно - теперь им придется потесниться и дать ему место рядом с собой как равному.	I don't know how the old foxes Fouche or Machiavelli felt in such situations. Did they foresee the storm that was gathering over their heads to sweep them away in a few months? On the other hand, I am well aware that Yagoda, who met with Stalin every day, could not read anything in his eyes that would give grounds for alarm. On the contrary, it seemed to Yagoda that he was closer than ever to his long-standing goal. While the members of the Politburo looked down on him and behaved aloofly with him - now they will have to make room and give him a place next to them as an equal.
Ягода был так воодушевлён, что начал работать с энергией, необычной даже для него, стремясь ещё больше усовершенствовать аппарат НКВД и придать ему ещё больший внешний блеск. Он	Yagoda was so inspired that he began to work with an energy unusual even for him, striving to further improve the apparatus of the NKVD and give it even more external brilliance. He ordered to speed up work on the

распорядился ускорить работы по сооружению канала Москва-Волга, надеясь, что канал, построенный силами заключённых под руководством НКВД, назовут его именем. Тут было нечто большее чем просто тщеславие: Ягода рассчитывал "сравняться" с Кагановичем, именем которого был назван московский метрополитен.	construction of the Moscow-Volga canal, hoping that the canal, built by the forces of prisoners under the leadership of the NKVD, would be named after him. There was something more than just vanity: Yagoda hoped to "catch up" with Kaganovich, after whom the Moscow metro was named.
Легкомыслие, проявляемое Ягодой в эти месяцы, доходило до смешного. Он увлёкся переодеванием сотрудников НКВД в новую форму с золотыми и серебряными галунами и одновременно работал над уставом, регламентирующим, правила поведения и этикета энкаведистов. Только что введя в своём ведомстве новую форму, он не успокоился на этом и решил ввести суперформу для высших чинов НКВД: белый габардиновый китель с золотым шитьём, голубые брюки и лакированные ботинки. Поскольку лакированная кожа в СССР не изготовлялась, Ягода приказал выписать её из-за границы. Главным украшением этой суперформы должен был стать небольшой позолоченный кортик наподобие того, какой носили до революции офицеры военно-морского флота.	The frivolity shown by Yagoda during these months reached the point of ridiculousness. He became interested in dressing the NKVD officers in a new uniform with gold and silver galloons and at the same time worked on a charter regulating the rules of conduct and etiquette of the NKVD. Having just introduced a new uniform in his department, he did not rest on this and decided to introduce a super uniform for the highest ranks of the NKVD: a white gabardine tunic with gold embroidery, blue trousers and patent leather boots. Since patent leather was not produced in the USSR, Yagoda ordered that it be ordered from abroad. The main decoration of this super uniform was to be a small gilded dagger, similar to the one worn by naval officers before the revolution.
Ягода далее распорядился, чтобы смена энкаведистских караулов происходила на виду у публики, с помпой, под музыку, как это было принято в царской лейб-гвардии. Он интересовался уставами царских гвардейских полков и, подражая им, издал ряд совершенно дурацких приказов, относящихся к правилам поведения сотрудников и взаимоотношениям между подчинёнными и вышестоящими. Люди, ещё вчера находившиеся в товарищеских отношениях, теперь должны были вытягиваться друг перед другом, как механические солдатики. Щёлканье каблуками, лихое отдавание чести, лаконичные и почтительные ответы на вопросы вышестоящих - вот что отныне почиталось за обязательные признаки образцового чекиста и коммуниста.	Yagoda further ordered that the changing of the NKVD guards should take place in full view of the public, with pomp, to the music, as was customary in the tsarist life guard. He was interested in the charters of the royal guard regiments and, imitating them, issued a series of completely stupid orders relating to the rules of conduct for employees and the relationship between subordinates and superiors. People who only yesterday were on friendly terms now had to stretch out in front of each other like mechanical soldiers. Clicking heels, dashing salutes, laconic and respectful answers to the questions of superiors - this is what was henceforth revered as the obligatory signs of an exemplary Chekist and communist.
Всё это было лишь началом целого ряда новшеств, вводимых в НКВД и, кстати, в Красной армии тоже. Цель была одна: дать понять трудящимся Советского Союза, что революция, со всеми её соблазнительными обещаниями, завершилась и что сталинский режим придавил страну так же основательно и прочно, как династия Романовых, продержавшаяся три столетия.	All this was just the beginning of a whole series of innovations introduced in the NKVD and, by the way, in the Red Army too. There was only one goal: to make it clear to the working people of the Soviet Union that the revolution, with all its seductive promises, was over and that the Stalinist regime crushed the country as thoroughly and firmly as the Romanov dynasty, which lasted three centuries.
Нетрудно представить себе, что почувствовал Ягода, когда рука неверной судьбы низвергла его с вершины власти и втолкнула в одну	It is not difficult to imagine what Yagoda felt when the hand of an unfaithful fate overthrew him from the pinnacle of power and pushed

из бесчисленных тюремных камер, где годами томились тысячи ни в чём не повинных людей. Охраняя власть диктатора и скрупулёзно следуя сталинской карательной политике, Ягода подписывал приговоры этим людям, даже не считая нужным взглянуть на них. Теперь ему самому было суждено проделать путь своих бесчисленных жертв.	him into one of the countless prison cells, where thousands of innocent people languished for years. Protecting the power of the dictator and scrupulously following the Stalinist punitive policy, Yagoda signed sentences for these people, without even considering it necessary to look at them. Now he himself was destined to make the path of his countless victims.
Ягода был так потрясён арестом, что напоминал укрощённого зверя, который никак не может привыкнуть к клетке. Он безостановочно мерял шагами пол своей камеры, потерял способность спать и не мог есть. Когда же новому наркому внутренних дел Ежову донесли, что Ягода разговаривает сам с собой, тот встревожился и послал к нему врача.	Yagoda was so shocked by the arrest that he resembled a tamed beast that could never get used to the cage. He paced the floor of his cell non-stop, lost the ability to sleep and could not eat. When Yezhov, the new People's Commissar of Internal Affairs, was informed that Yagoda was talking to himself, he became alarmed and sent a doctor to him.
Опасаясь, что Ягода потеряет рассудок и будет непригоден для судебного спектакля, Ежов попросил Слуцкого (который тогда ещё оставался начальником Иностранного управления НКВД) время от времени навещать Ягоду в его камере. Ягода обрадовался приходу Слуцкого. Тот обладал способностью имитировать любое человеческое чувство, но на этот раз он, похоже, действительно сочувствовал Ягоде и даже искренне пустил слезу, впрочем, не забывая фиксировать каждое слово арестованного, чтобы потом всё передать Ежову. Ягода, конечно, понимал, что Слуцкий пришёл не по собственной воле, но это, в сущности, ничего не меняло. Ягода мог быть уверен в одном: Слуцкий, сам опасавшийся за своё будущее, чувствовал бы себя гораздо счастливее, если бы начальником над ним был не Ежов, а по-прежнему он, Ягода. Лучше бы Слуцкому навещать здесь, в тюремной камере, Ежова...	Fearing that Yagoda would lose his mind and be unsuitable for a court performance, Yezhov asked Slutsky (who was then still head of the Foreign Directorate of the NKVD) to visit Yagoda in his cell from time to time. Yagoda rejoiced at the arrival of Slutsky. He had the ability to imitate any human feeling, but this time he seemed to really sympathize with Yagoda and even sincerely shed a tear, however, not forgetting to record every word of the arrested person, so that later everything would be passed on to Yezhov. Yagoda, of course, understood that Slutsky did not come of his own free will, but this, in essence, did not change anything. Yagoda could be sure of one thing: Slutsky, who himself feared for his future, would feel much happier if it were not Yezhov who was in charge of him, but still he, Yagoda. It would be better for Slutsky to visit Yezhov here, in a prison cell ...
Ягода не таился перед Слуцким. Он откровенно обрисовал ему своё безвыходное положение и горько пожаловался, что Ежов за несколько месяцев развалит такую чудесную машину НКВД, над созданием которой ему пришлось трудиться целых пятнадцать лет.	Yagoda did not hide before Slutsky. He frankly described to him his hopeless situation and complained bitterly that in a few months Yezhov would destroy such a wonderful machine of the NKVD, on the creation of which he had to work for fifteen whole years.
Во время одного из этих свиданий, как-то вечером, когда Слуцкий уже собирался уходить, Ягода сказал ему: - Можешь написать в своём докладе Ежову, что я говорю: "Наверное, Бог всё-таки существует!" - Что такое? - удивлённо переспросил Слуцкий, слегка растерявшись от бестактного упоминания о "докладе Ежову".	During one of these meetings, one evening, when Slutsky was about to leave, Yagoda said to him: - You can write in your report to Yezhov that I say: "Probably God does exist after all!" - What? - Slutsky asked in surprise, slightly confused by the tactless mention of the "report to Yezhov."
- Очень просто, - ответил Ягода то ли серьёзно, то ли в шутку. - От Сталина я не заслужил ничего, кроме благодарности за верную службу; от Бога я должен был заслужить самое суровое наказание за	“It’s very simple,” Yagoda replied, either seriously or jokingly. - From Stalin, I did not deserve anything but gratitude for faithful service; from God, I should have deserved the most severe punishment for breaking his

то, что тысячу раз нарушал его заповеди. Теперь погляди; где я нахожусь, и суди сам: есть Бог или нет...	commandments a thousand times. Now look; where I am, and judge for yourself whether there is a God or not...
"МЕДИЦИНСКОЕ" УБИЙСТВО: СМЕРТЬ ГОРЬКОГО На третьем московском процессе Сталин дал ответ тем зарубежным критикам, которые всё упорнее ставили один и тот же каверзный вопрос: как объяснить тот факт, что десятки тщательно организованных террористических групп, о которых столько говорилось на обоих первых процессах, смогли совершить лишь один-единственный террористический акт - убийство Кирова? Сталин понимал, что этот вопрос попадает в самую точку: действительно, факт одного лишь убийства был слабым местом всего грандиозного судебного спектакля. Уйти от этого вопроса было невозможно. Ну что ж, он, Сталин, примет вызов и ответит критикам. Чем? Новой легендой, которую он вложит в уста подсудимых на третьем московском процессе.	"MEDICAL" MURDER: GORKY'S DEATH At the third Moscow trial, Stalin gave an answer to those foreign critics who stubbornly posed the same tricky question: how to explain the fact that dozens of carefully organized terrorist groups, about which so much was said at both first trials, were able to commit only one single terrorist act - the murder of Kirov? Stalin understood that this question hit the nail on the head: indeed, the fact of a single murder was the weak point of the entire grandiose court performance. It was impossible to get away from this issue. Well, he, Stalin, will accept the challenge and answer the critics. How? A new legend that he will put into the mouths of the defendants at the third Moscow trial.
Итак, чтобы достойно ответить на вызов, Сталин должен был указать поимённо тех руководителей, которые погублены заговорщиками. Однако как их найти? За последние двадцать лет народу было сообщено только об одном террористическом акте - всё о том же убийстве Кирова. Для тех, кто хотел бы проследить, как действовал изощрённый сталинский мозг, едва ли мог представиться более подходящий случай, чем этот. Посмотрим, как Сталин разрешил эту проблему и как она была преподнесена суду.	So, in order to adequately respond to the challenge, Stalin had to indicate by name those leaders who were killed by the conspirators. However, how do you find them? Over the past twenty years, only one terrorist act has been reported to the people - all about the same murder of Kirov. For those who would like to trace how the sophisticated Stalinist brain worked, there could hardly have been a more suitable case than this. Let's see how Stalin solved this problem and how it was presented to the court.
Между 1934 и 1936 годами в Советском Союзе умерло естественной смертью несколько видных политических деятелей. Самыми известными из них были член Политбюро Куйбышев и председатель ОГПУ Менжинский. В тот же период умерли А. М. Горький и его сын Максим Пешков. Сталин решил использовать эти четыре смерти. Хотя Горький не был членом правительства и не входил в Политбюро, Сталин и его хотел изобразить жертвой террористической деятельности заговорщиков, надеясь, что это злодеяние вызовет возмущение народа, направленное против обвиняемых.	Between 1934 and 1936, several prominent political figures died of natural causes in the Soviet Union. The most famous of them were Politburo member Kuibyshev and OGPU chairman Menzhinsky. In the same period, A. M. Gorky and his son Maxim Peshkov died. Stalin decided to use these four deaths. Although Gorky was not a member of the government and was not a member of the Politburo, Stalin wanted to portray him as a victim of the terrorist activities of the conspirators, hoping that this atrocity would provoke popular indignation directed against the accused.
Но осуществить этот план было не так-то просто даже облечённому диктаторской властью Сталину. Сложность заключалась в том, что подлинные обстоятельства смерти каждого из этих четверых были подробно описаны в советских газетах. Публиковались заключения врачей, обследовавших умерших, и людям было известно, что	But it was not so easy to carry out this plan, even for Stalin, invested with dictatorial power. The difficulty was that the true circumstances of the death of each of these four were described in detail in Soviet newspapers. The conclusions of the doctors who examined the dead were published, and people knew that Kuibyshev and Menzhinsky had

Куйбышев и Менжинский много лет страдали грудной жабой и оба умерли от сердечного приступа. Когда в июне 1936 года заболел шестидесятивосьмилетний Горький, правительство распорядилось ежедневно публиковать бюллетень о состоянии его здоровья. Все знали, что у него с юных лет был туберкулёз. Вскрытие показало, что активно работала только треть его лёгких.	suffered from angina pectoris for many years and both died of a heart attack. When the sixty-eight-year-old Gorky fell ill in June 1936, the government ordered a daily bulletin on his state of health to be published. Everyone knew that he had tuberculosis from a young age. An autopsy showed that only a third of his lungs were actively working.
Казалось бы, после всей этой информации невозможно выдвинуть версию, будто все четверо погибли от рук террористов. Но логика, обязательная для простых смертных, не была обязательна для Сталина. Ведь сказал же он как-то Крупской, что если она не перестанет относиться к нему "критически", то партия объявит, что не она, а Елена Стасова была женой Ленина... "Да, партия всё может!" - пояснил он озадаченной Крупской.	It would seem that after all this information it is impossible to put forward a version that all four died at the hands of terrorists. But logic, obligatory for mere mortals, was not obligatory for Stalin. After all, he once said to Krupskaya that if she did not stop treating him "critically", then the party would announce that it was not she, but Elena Stasova, who was Lenin's wife ... "Yes, the party can do anything!" he explained to the perplexed Krupskaya.
Это вовсе не было шуткой. Партия, то есть он, Сталин, действительно может сделать всё, что захочет, может отменить общеизвестные факты и заменить их мифами. Может уничтожить настоящих свидетелей события и подставить на их место лжесвидетелей. Главное - освоить алхимию подлога и научиться, не колеблясь, употреблять силу. Обладая этими качествами, Сталин мог преодолеть любые препятствия.	It wasn't a joke at all. The party, that is, he, Stalin, can really do whatever he wants, can cancel the well-known facts and replace them with myths. It can destroy the real witnesses of the event and substitute false witnesses in their place. The main thing is to master the alchemy of forgery and learn how to use force without hesitation. With these qualities, Stalin could overcome any obstacles.
Что за беда, если несколько лет назад правительство и объявило, что Куйбышев, Менжинский и Горький умерли естественной смертью? Проявив достаточную изобретательность, можно опровергнуть те давние сообщения и доказать, что в действительности все они были умерщвлены. Кто может помешать ему так поступить? Врачи, которые лечили умерших? Но разве эти врачи не подвластны Сталину и НКВД? И почему бы, например, не сказать, что сами врачи тайно умерщвляли своих знаменитых пациентов и притом делали это по требованию руководителей троцкистского заговора? Такова была та коварная уловка, к которой прибег Сталин.	What's the trouble if a few years ago the government announced that Kuibyshev, Menzhinsky and Gorky had died of natural causes? With sufficient ingenuity, one can refute those old reports and prove that in reality they were all put to death. Who can stop him from doing this? Doctors who treated the dead? But aren't these doctors under the control of Stalin and the NKVD? And why not, for example, say that the doctors themselves secretly killed their famous patients and, moreover, did this at the request of the leaders of the Trotskyist conspiracy? Such was the insidious ploy that Stalin resorted to.
Куйбышева, Менжинского и Горького лечили трое известных врачей: 66-летний профессор Плетнёв, старший консультант Медицинского управления Кремля Левин и широко известный в Москве врач Казаков.	Kuibyshev, Menzhinsky and Gorky were treated by three well-known doctors: 66-year-old Professor Pletnev, Levin, a senior consultant of the Kremlin Medical Department, and Kazakov, a well-known doctor in Moscow.
Сталин с Ежовым решили передать всех троих в руки следователей НКВД, где их заставят сознаться, что по требованию руководителей заговора они применяли неправильное лечение, которое заведомо	Stalin and Yezhov decided to transfer all three to the hands of NKVD investigators, where they would be forced to confess that, at the request of the leaders of the conspiracy, they used the wrong treatment, which

должно было привести к смерти Куйбышева, Менжинского и Горького.	obviously should have led to the death of Kuibyshev, Menzhinsky and Gorky.
Однако врачи не были членами партии. Их не обучали партийной дисциплине и диалектике лжи. Они всё ещё придерживались устаревшей буржуазной морали и превыше всех директив Политбюро чтили заповеди: не убий и не лжесвидетельствуй. В общем, они могли отказаться говорить на суде, что они убили своих пациентов, коль скоро в действительности они этого не делали.	However, the doctors were not party members. They were not taught party discipline and the dialectic of lies. They still adhered to outdated bourgeois morality and, above all the directives of the Politburo, honored the commandments: do not kill and do not bear false witness. In general, they could refuse to say in court that they had killed their patients, if in fact they did not.
Ежов вынужден был считаться с этим. Он решил сломить сначала волю одного из врачей и в дальнейшем использовать его показания для давления на остальных.	Yezhov had to reckon with this. He decided to first break the will of one of the doctors and then use his testimony to put pressure on the others.
Он остановил свой выбор на профессоре Плетнёве, наиболее выдающемся в СССР кардиологе, именем которого был назван ряд больниц и медицинских учреждений. Чтобы деморализовать Плетнёва ещё до начала так называемого следствия, Ежов прибег к коварному приёму. К профессору в качестве пациентки была послана молодая женщина, обычно используемая НКВД для втягивания сотрудников иностранных миссий в пьяные кутежи. После одного или двух посещений профессора она подняла шум, бросилась в прокуратуру и заявила, что три года назад Плетнёв, принимая её у себя дома в пароксизме сладострастия набросился на неё и укусил за грудь.	He chose Professor Pletnev, the most prominent cardiologist in the USSR, after whom a number of hospitals and medical institutions were named. In order to demoralize Pletnev even before the start of the so-called investigation, Yezhov resorted to an insidious trick. A young woman was sent to the professor as a patient, usually used by the NKVD to draw members of foreign missions into drunken revels. After one or two visits to the professor, she raised a fuss, rushed to the prosecutor's office and stated that three years ago Pletnev, receiving her at his home in a paroxysm of voluptuousness, attacked her and bit her chest.
Не имея понятия о том, что пациентка была подослана НКВД, Плетнёв недоумевал, что могло заставить её таким образом оклеветать его. На очной ставке он пытался получить от неё хоть какие-нибудь объяснения столь странного поступка, однако она продолжала упорно повторять свою версию. Профессор обратился с письмом к членам правительства, которых лечил, написал также женам влиятельных персон, чьих детей ему доводилось спасать от смерти. Он умолял помочь восстановить истину. Никто, однако, не отозвался. Между тем инквизиторы из НКВД молча наблюдали за этими конвульсиями старого профессора, превратившегося в их подопытного кролика.	Having no idea that the patient was sent by the NKVD, Pletnev wondered what could make her slander him in this way. At the confrontation, he tried to get at least some explanation from her for such a strange act, but she continued to stubbornly repeat her version. The professor wrote a letter to the members of the government whom he treated, he also wrote to the wives of influential people whose children he had to save from death. He pleaded for help to restore the truth. Nobody, however, responded. Meanwhile, the inquisitors from the NKVD silently watched these convulsions of the old professor, who turned into their guinea pig.
Дело было направлено в суд, который состоялся под председательством одного из ветеранов НКВД. На суде Плетнёв настаивал на своей невиновности, ссылался на свою безупречную врачебную деятельность в течение сорока лет, на свои научные достижения. Всё это никого не интересовало. Суд признал его	The case was sent to court, which took place under the chairmanship of one of the veterans of the NKVD. At the trial, Pletnev insisted on his innocence, referred to his impeccable medical activity for forty years, to his scientific achievements. None of this interested anyone. The court found him guilty and sentenced him to a long prison term. Soviet

виновным и приговорил к длительному тюремному заключению. Советские газеты, обычно не сообщающие о подобных происшествиях, на сей раз уделили "садисту Плетнёву" совершенно исключительное внимание. На протяжении июня 1937 года в газетах почти ежедневно появлялись резолюции медицинских учреждений из различных городов, поносившие профессора Плетнёва, опозорившего советскую медицину. Ряд резолюций такого рода был подписан близкими друзьями и бывшими учениками профессора, - об этом позаботился всемогущий НКВД.	newspapers, usually not reporting on such incidents, this time gave the "sadist Pletnev" absolutely exceptional attention. Throughout June 1937, resolutions from medical institutions from various cities appeared in the newspapers almost daily, vilifying Professor Pletnev, who had dishonored Soviet medicine. A number of resolutions of this kind were signed by close friends and former students of the professor - the almighty NKVD took care of this.
Плетнёв был в отчаянии. В таком состоянии, разбитый и обесчещенный, он был передан в руки энкаведистских следователей, где его ожидало ещё нечто худшее.	Pletnev was in despair. In this state, broken and dishonored, he was handed over to the NKVD investigators, where something even worse awaited him.

Помимо профессора Плетнёва, были арестованы ещё два врача - Левин и Казаков. Левин, как уже упоминалось, был старшим консультантом Медуправления Кремля, ответственным за лечение всех членов Политбюро и правительства. Организаторы предстоящего судебного процесса были намерены представить его главным помощником Ягоды по части "медицинских убийств", а профессору Плетнёву и Казакову отвести роли левинских соучастников.	In addition to Professor Pletnev, two more doctors were arrested - Levin and Kazakov. Levin, as already mentioned, was a senior consultant to the Kremlin Medical Directorate, responsible for the treatment of all members of the Politburo and the government. The organizers of the forthcoming trial intended to present him as Yagoda's chief assistant in the area of "medical murders", and assign the roles of Levin's accomplices to Professor Pletnev and Kazakov.
Доктору Левину было около семидесяти лет. У него было несколько сыновей и множество внуков - очень кстати, поскольку все они рассматривались НКВД как фактические заложники. В страхе за их судьбу Левин готов был сознаться во всём, что только угодно властям. Перед тем, как с Левиным случилось это несчастье, его привилегированное положение кремлёвского врача было предметом зависти многих его коллег. Он лечил жён и детей членов Политбюро, лечил самого Сталина и его единственную дочь Светлану. Но теперь, когда он попал в жернова НКВД, никто не протянул ему руку помощи. Много влиятельных пациентов было и у Казакова; однако его положение являлось столь же безнадёжным.	Dr. Levin was about seventy years old. He had several sons and many grandchildren - very handy, since they were all considered by the NKVD as actual hostages. In fear for their fate, Levin was ready to confess to everything the authorities wanted. Before this misfortune befell Levin, his privileged position as a Kremlin doctor was the envy of many of his colleagues. He treated the wives and children of members of the Politburo, treated Stalin himself and his only daughter Svetlana. But now, when he fell into the millstones of the NKVD, no one extended a helping hand to him. Kazakov also had many influential patients; however, his position was just as hopeless.
Согласно легенде, состряпанной Сталиным при участии Ежова, Ягода вызывал этих врачей в свой кабинет, каждого поодиночке, и путём угроз добивался от них, чтобы они неправильным лечением сводили в могилу своих знаменитых пациентов - Куйбышева, Менжинского и Горького. Из страха перед Ягодой врачи будто бы повиновались.	According to the legend, concocted by Stalin with the participation of Yezhov, Yagoda called these doctors into his office, each one by one, and through threats he forced them to take their famous patients - Kuibyshev, Menzhinsky and Gorky - to the grave with the wrong treatment. Out of fear of Yagoda, the doctors seemed to obey.
Эта легенда столь абсурдна, что для её опровержения достаточно	This legend is so absurd that to refute it, it is enough to ask one single

поставить один-единственный вопрос: зачем этим врачам, пользующимся всеобщим уважением, надо было совершать убийства, требуемые Ягодой? Им достаточно было предупредить о замысле Ягоды своих влиятельных пациентов, и те сразу сообщили бы Сталину и правительству. Мало того, у врачей была возможность рассказать о планах Ягоды не только намечаемым жертвам, но и непосредственно Политбюро. Профессор Плетнёв, скажем, мог обратиться к Молотову, которого он лечил, а Левин, работающий в Кремле - даже к самому Сталину.	question: why did these doctors, who enjoy universal respect, have to commit the murders demanded by Yagoda? It was enough for them to warn their influential patients about Yagoda's plan, and they would immediately inform Stalin and the government. Moreover, the doctors had the opportunity to tell about Yagoda's plans not only to the intended victims, but also directly to the Politburo. Professor Pletnev, for example, could turn to Molotov, whom he treated, and Levin, who works in the Kremlin, even to Stalin himself.
Вышинский оказался не в состоянии предъявить суду ни единого доказательства вины врачей. Разумеется, сами они легко могли опровергнуть обвинения в убийстве, тем не менее, они поддержали Вышинского и заявили на суде, что по требованию руководителей заговора действительно применяли хоть и надлежащие лекарства, но таким образом, чтобы вызвать скорейшую смерть своих высокопоставленных пациентов. Иных показаний ждать не приходилось - обвиняемым внушили, что их спасение не в отрицании своей вины, а, напротив, в полном признании и раскаянии.	Vyshinsky was unable to present to the court a single piece of evidence of the guilt of the doctors. Of course, they themselves could easily refute the accusations of murder, nevertheless, they supported Vyshinsky and stated at the trial that, at the request of the leaders of the conspiracy, they did indeed use proper medicines, but in such a way as to cause the speedy death of their high-ranking patients. There was no need to wait for other evidence - the accused were told that their salvation was not in denying their guilt, but, on the contrary, in full recognition and repentance.
Так три беспартийных и совершенно аполитичных врача были использованы для того, чтобы подправить давнюю сталинскую версию и убедить мир, что террористам удалось не одно лишь убийство Кирова.	So three non-partisan and completely apolitical doctors were used to correct the old Stalinist version and convince the world that the terrorists succeeded not only in the murder of Kirov.
Во всей этой фантастической истории наибольший интерес, с точки зрения анализа фальсификаторского таланта Сталина, представляет легенда об убийстве Горького.	In this whole fantastic story, the most interesting, from the point of view of analyzing Stalin's forgery talent, is the legend of the murder of Gorky.
Сталину было важно представить Горького жертвой убийц из троцкистско-зиновьевского блока не только ради возбуждения народной ненависти к этим людям, но и ради укрепления собственного престижа: получалось, что Горький, "великий гуманист", был близким другом Сталина и уже в силу этого - непримиримым врагом тех, кто был уничтожен в результате московских процессов.	It was important for Stalin to present Gorky as a victim of murderers from the Trotskyite-Zinoviev bloc, not only for the sake of inciting popular hatred towards these people, but also for the sake of strengthening his own prestige: it turned out that Gorky, the "great humanist", was Stalin's close friend and, by virtue of this, irreconcilable the enemy of those who were destroyed as a result of the Moscow trials.
Мало того: Сталин пытался изобразить Горького не только своим близким другом, но и страстным защитником сталинской политики. Этот мотив прозвучал в "признаниях" всех обвиняемых на третьем московском процессе. Например, Левин привёл следующие слова Ягоды, объясняющие, почему заговорщикам необходима была смерть Горького: "Алексей Максимович - человек, стоящий очень близко к высшему руководству партии, человек, одобряющий политику,	Not only that: Stalin tried to portray Gorky not only as his close friend, but also as a passionate defender of Stalin's policy. This motive sounded in the "confessions" of all the defendants at the third Moscow trial. For example, Levin cited the following words of Yagoda, explaining why the conspirators needed Gorky's death: "Aleksey Maksimovich is a person who is very close to the top leadership of the party, a person who approves the policy that is being pursued in the country, personally

которая проводится в стране, преданный лично Иосифу Виссарионовичу Сталину". Продолжая ту же линию, Вышинский в своей обвинительной речи заявил: "Не случайно он (т. е. Горький) связал свою жизнь с великим Лениным и великим Сталиным, сделавшись их лучшим и самым близким другом".	devoted to Joseph Vissarionovich Stalin." Continuing the same line, Vyshinsky declared in his accusatory speech: "It is no coincidence that he (i.e., Gorky) connected his life with the great Lenin and the great Stalin, becoming their best and closest friend."
Таким образом, Вышинский стянул узами дружбы и взаимной преданности сразу троих: Сталина, Ленина и Горького. Однако узел этот был ненадёжным. Вспомним хотя бы так называемое "ленинское завещание", где он рекомендует снять Сталина с поста генсека. Добавим к этому и личное письмо Ленина, объявляющее Сталину, что он порывает с ним все отношения . Так что попытка представить Ленина в качестве близкого друга Сталина является ни чем иным, как бесчестным обманом.	Thus, Vyshinsky tied the bonds of friendship and mutual devotion to three at once: Stalin, Lenin and Gorky. However, this knot was unreliable. Let us recall, for example, the so-called "Lenin's testament", where he recommends removing Stalin from the post of general secretary. Let us add to this a personal letter from Lenin announcing to Stalin that he is breaking off all relations with him. So the attempt to present Lenin as a close friend of Stalin is nothing but a dishonest deception.
Попробуем также проанализировать "тесную дружбу" между Сталиным и Горьким. Эта "тесная дружба" отнюдь не без особых на то причин постоянно подчёркивалась на суде и обвиняемыми, и их защитниками, и прокурором. Сталин чрезвычайно нуждался в создании такого впечатления. После двух лет массового террора моральный авторитет Сталина, и без того не слишком высокий, совсем упал. В глазах собственного народа Сталин предстал в своём истинном обличье - жестокий убийца, запятнавший себя кровью лучших людей страны. Он это понимал и спешил прикрыться огромным моральным авторитетом Горького, якобы дружившего с ним и горячо поддерживавшего его политику.	Let us also try to analyze the "close friendship" between Stalin and Gorky. This "close friendship" by no means without special reasons was constantly emphasized in court by the accused, their defense lawyers, and the prosecutor. Stalin badly needed to create such an impression. After two years of mass terror, Stalin's moral authority, already not very high, completely fell. In the eyes of his own people, Stalin appeared in his true guise - a cruel murderer who stained himself with the blood of the country's best people. He understood this and hurried to hide behind the enormous moral authority of Gorky, who supposedly was friends with him and ardently supported his policy.
В дореволюционной России Горький пользовался репутацией защитника угнетённых и мужественного противника самодержавия. В дальнейшем, несмотря на личную дружбу с Лениным, он в первые годы революции нападал на него, осуждая в своей газете "Новая жизнь" красный террор и беря под защиту преследуемых "бывших людей".	In pre-revolutionary Russia, Gorky enjoyed a reputation as a defender of the oppressed and a courageous opponent of the autocracy. Later, despite his personal friendship with Lenin, he attacked him in the first years of the revolution, condemning the Red Terror in his newspaper Novaya Zhizn and taking the persecuted "former people" under his protection.
Задолго до смерти Горького Сталин пытался сделать его своим политическим союзником. Те, кому была известна неподкупность Горького, могли представить, насколько безнадёжной являлась эта задача. Но Сталин никогда не верил в человеческую неподкупность. Напротив, он часто указывал сотрудникам НКВД, что в своей деятельности они должны исходить из того, что неподкупных людей не существует вообще. Просто у каждого своя цена.	Long before Gorky's death, Stalin tried to make him his political ally. Those who knew Gorky's incorruptibility could imagine how hopeless the task was. But Stalin never believed in human incorruptibility. On the contrary, he often pointed out to the NKVD officers that in their activities they should proceed from the fact that incorruptible people do not exist at all. Everyone has their own price.
Руководствуясь такой философией, Сталин начал обхаживать Горького.	Guided by this philosophy, Stalin began to woo Gorky.

В 1928 году ЦК партии начал всесоюзную кампанию за возвращение Горького в СССР. Кампания была организована очень искусно. Сначала объединения советских писателей, а затем и другие организации стали посылать Горькому в Италию письма, чтобы он вернулся на родину помочь поднимать культурный уровень масс. Среди приглашений, которыми засыпали Горького, были даже письма от пионеров и школьников: дети спрашивали горячо любимого писателя, почему это он предпочитает жить в фашистской Италии, а не в Советском Союзе, среди русского народа, который так его любит.	In 1928, the Central Committee of the Party launched an all-Union campaign for Gorky's return to the USSR. The campaign was organized very skillfully. First, associations of Soviet writers, and then other organizations, began to send letters to Gorky in Italy so that he would return to his homeland to help raise the cultural level of the masses. Among the invitations that Gorky was showered with were even letters from pioneers and schoolchildren: the children asked the beloved writer why he prefers to live in fascist Italy, and not in the Soviet Union, among the Russian people who love him so much.
Как бы поддаваясь стихийному напору масс, советское правительство направило Горькому тёплое приглашение переселиться в Советский Союз. Горькому было обещано, что, если он пожелает, ему будет предоставлена возможность проводить в Италии зимние месяцы. Разумеется, правительство берёт заботу о благополучии Горького и все расходы на себя.	As if succumbing to the spontaneous pressure of the masses, the Soviet government sent Gorky a warm invitation to move to the Soviet Union. Gorky was promised that, if he wished, he would be given the opportunity to spend the winter months in Italy. Of course, the government takes care of Gorky's well-being and all expenses.
Под влиянием этих призывов Горький вернулся в Москву. С этого момента начала действовать программа его задабривания, выдержанная в сталинском стиле. В его распоряжение были предоставлены особняк в Москве и две благоустроенные виллы - одна в Подмосковье, другая в Крыму. Снабжение писателя и его семьи всем необходимым было поручено тому же самому управлению НКВД, которое отвечало за обеспечение Сталина и членов Политбюро. Для поездок в Крым и за границу Горькому был выделен специально оборудованный железнодорожный вагон. По указанию Сталина, Ягода стремился ловить на лету малейшие желания Горького и исполнять их. Вокруг его вилл были высажены его любимые цветы, специально доставленные из-за границы. Он курил особые папиросы, заказываемые для него в Египте. По первому требованию ему доставлялась любая книга из любой страны. Горький, по натуре человек скромный и умеренный, пытался протестовать против вызывающей роскоши, которой его окружали, но ему было сказано, что Максим Горький в стране один.	Under the influence of these appeals, Gorky returned to Moscow. From that moment on, a program of appeasing him, sustained in the Stalinist style, began to operate. At his disposal were given a mansion in Moscow and two comfortable villas - one in the Moscow region, the other in the Crimea. The supply of the writer and his family with everything necessary was entrusted to the same department of the NKVD, which was responsible for providing for Stalin and the members of the Politburo. For trips to the Crimea and abroad, Gorky was allocated a specially equipped railway car. On Stalin's instructions, Yagoda sought to catch Gorky's slightest desires on the fly and fulfill them. Around his villas, his favorite flowers were planted, specially delivered from abroad. He smoked special cigarettes ordered for him in Egypt. On demand, any book from any country was delivered to him. Gorky, by nature a modest and moderate person, tried to protest against the defiant luxury that surrounded him, but he was told that Maxim Gorky was alone in the country.
Как и было обещано, он получил возможность проводить осень и зиму в Италии и выезжал туда каждый год (с 1929 по 1933). Его сопровождали два советских врача, наблюдавших за состоянием его здоровья во время этих поездок.	As promised, he got the opportunity to spend autumn and winter in Italy and traveled there every year (from 1929 to 1933). He was accompanied by two Soviet doctors who monitored his health during these trips.
Вместе с заботой о материальном благополучии Горького Сталин поручил Ягоде его "перевоспитание". Надо было убедить старого	Along with concern for Gorky's material well-being, Stalin instructed Yagoda to "re-educate" him. It was necessary to convince the old writer

писателя, что Сталин строит настоящий социализм и делает всё, что в его силах, для подъёма жизненного уровня трудящихся.	that Stalin was building real socialism and was doing everything in his power to raise the standard of living of the working people.
С первых же дней пребывания писателя в Москве Ягода принял меры, чтобы он не мог свободно общаться с населением. Зато он получил возможность изучать жизнь народа на встречах с рабочими различных заводов и тружениками подмосковных образцово-показательных совхозов. Эти встречи тоже организовывались НКВД. Когда Горький появлялся на заводе, собравшиеся приветствовали его с восторгом. Специально выделенные ораторы выступали с речами о "счастливой жизни советских рабочих" и о великих достижениях в области образования и культуры трудящихся масс. Руководители местных парткомов провозглашали: "Ура в честь лучших друзей рабочего класса - Горького и Сталина!" Ягода старался так заполнить дни Горького, что у того просто не оставалось времени на самостоятельные наблюдения и оценки. Его возили на те же зрелища, какими гиды Интуриста потчевали иностранных туристов. Особенно заинтересовали его две коммуны, организованные под Москвой, в Болшеве и в Люберцах, для бывших уголовников. Те привыкли встречать Горького бурными аплодисментами и заранее заготовленными речами, в которых благодарность за возвращение к честной жизни выражалась двум лицам: Сталину и Горькому. Дети бывших преступников декламировали отрывки из горьковских произведений. Горький бывал так глубоко растроган, что не мог сдержать слёз. Для сопровождавших его чекистов это было верным признаком, что они добросовестно выполняют инструкции, полученные от Ягоды.	From the very first days of the writer's stay in Moscow, Yagoda took measures so that he could not communicate freely with the population. But he got the opportunity to study the life of the people at meetings with workers from various factories and workers of exemplary state farms near Moscow. These meetings were also organized by the NKVD. When Gorky appeared at the factory, the audience greeted him with enthusiasm. Special speakers delivered speeches about the "happy life of the Soviet workers" and about the great achievements in the field of education and culture of the working masses. The leaders of local party committees proclaimed: "Hurrah for the best friends of the working class - Gorky and Stalin!" Yagoda tried to fill Gorky's days so that he simply did not have time for independent observations and assessments. He was taken to the same spectacles that Intourist guides treated foreign tourists to. He was especially interested in two communes organized near Moscow, in Bolshevo and in Lyubertsy, for former criminals. Those used to greet Gorky with thunderous applause and prepared speeches in which gratitude for the return to an honest life was expressed to two people: Stalin and Gorky. Children of former criminals recited excerpts from Gorky's works. Gorky was so deeply moved that he could not hold back his tears. For the Chekists accompanying him, this was a sure sign that they were faithfully carrying out the instructions received from Yagoda.
Чтобы поосновательней загрузить Горького повседневными делами, Ягода включил его в группу литераторов, которые занимались составлением истории советских фабрик и заводов, воспевая "пафос социалистического строительства". Горький взялся также опекать различные культурные начинания, в помощь писателям-самоучкам организовал журнал "Литературная учёба". Он участвовал в работе так называемой ассоциации пролетарских писателей, во главе которой стоял Авербах, женатый на племяннице Ягоды. Прошло несколько месяцев со дня приезда Горького в СССР - и он уже был так загружен, что не имел свободной минуты. Полностью изолированный от народа, он двигался вдоль конвейера, организованного для него Ягодой, в неизменной компании чекистов и нескольких молодых писателей, сотрудничавших с НКВД. Всем, кто	In order to more thoroughly load Gorky with everyday affairs, Yagoda included him in a group of writers who were engaged in compiling the history of Soviet factories and factories, singing the "pathos of socialist construction." Gorky also undertook to patronize various cultural undertakings; to help self-taught writers, he organized the journal Literary Study. He participated in the work of the so-called association of proletarian writers, headed by Averbakh, who was married to Yagoda's niece. Several months had passed since Gorky's arrival in the USSR - and he was already so busy that he did not have a free minute. Completely isolated from the people, he moved along the conveyor organized for him by Yagoda, in the constant company of Chekists and several young writers who collaborated with the NKVD. Everyone who surrounded Gorky was made to tell him about the miracles of socialist construction

окружал Горького, было вменено в обязанность рассказывать ему о чудесах социалистического строительства и петь дифирамбы Сталину. Даже садовник и повар, выделенные для писателя, знали, что время от времени они должны рассказывать ему, будто "только что" получили письмо от своих деревенских родственников, которые сообщают, что жизнь там становится всё краше.	and sing praises to Stalin. Even the gardener and cook assigned to the writer knew that from time to time they had to tell him that they "just" received a letter from their village relatives who report that life there is getting more and more beautiful.
Положение Горького ничем не отличалось от положения иностранного дипломата, с той, однако, разницей, что иностранный посол из секретных источников регулярно получал информацию о том, как идут дела в стране его пребывания. У Горького таких секретных информаторов не было - он довольствовался тем, что расскажут люди, приставленные к нему НКВД.	Gorky's position was no different from that of a foreign diplomat, with the difference, however, that the foreign ambassador regularly received information from secret sources about how things were going in his country of residence. Gorky did not have such secret informants - he was content with what the people assigned to him by the NKVD would tell.
Зная горьковскую отзывчивость, Ягода подготовил для него своеобразное развлечение. Раз в год он брал его с собой инспектировать какую-нибудь тюрьму. Там Горький беседовал с заключёнными, предварительно отобранными НКВД из числа уголовников, которых намечалось освободить досрочно. Каждый из них рассказывал Горькому о своём преступлении и давал обещание начать после освобождения новую, честную жизнь. Сопровождавший чекист - обычно это был не лишённый актерских задатков Семен Фирин - доставал карандаш и блокнот и вопросительно взглядывал на Горького. Если тот кивал, Фирин записывал имя заключённого и давал распоряжение охране освободить его. Иногда, если заключённый был молод и производил особенно хорошее впечатление, Горький просил, чтобы этому юноше предоставили место в одной из образцово-показательных коммун для бывших уголовников.	Knowing Gorky's responsiveness, Yagoda prepared a kind of entertainment for him. Once a year he took him with him to inspect some prison. There, Gorky talked with prisoners, previously selected by the NKVD from among the criminals, who were scheduled to be released ahead of schedule. Each of them told Gorky about his crime and promised to start a new, honest life after his release. The Chekist accompanying him - usually it was Semyon Firin, who was not without acting talents - took out a pencil and a notebook and looked inquiringly at Gorky. If he nodded, Firin wrote down the name of the prisoner and ordered the guards to release him. Sometimes, if the prisoner was young and made a particularly good impression, Gorky asked that this young man be given a place in one of the exemplary communes for former criminals.
Нередко Горький просил освобождаемых написать ему и дать знать, как у них налаживается новая жизнь. Сотрудники Ягоды следили за тем, чтобы Горькому приходили такие письма. В общем, Горькому жизнь должна была представляться сплошной идиллией. Даже Ягода и его помощники казались ему добродушными идеалистами.	Gorky often asked those released to write to him and let him know how their new life was getting on. Yagoda's staff made sure that Gorky received such letters. In general, life should have seemed to Gorky a continuous idyll. Even Yagoda and his assistants seemed to him good-natured idealists.
В счастливом неведении Горький оставался до той поры, пока сталинская коллективизация не привела к голоду и к страшной трагедии осиротевших детей, десятками тысяч хлынувших из сёл в города в поисках куска хлеба. Хотя окружавшие писателя люди всячески старались преуменьшить размеры бедствия, он был не на шутку встревожен. Он начал ворчать, а в разговорах с Ягодой открыто	Gorky remained in happy ignorance until the Stalinist collectivization led to famine and to the terrible tragedy of orphaned children, tens of thousands rushing from villages to cities in search of a piece of bread. Although the people around the writer tried their best to downplay the size of the disaster, he was seriously alarmed. He began to grumble, and in conversations with Yagoda he openly condemned many phenomena

осуждал многие явления, которые заметил в стране, но о которых до поры до времени помалкивал.	that he noticed in the country, but about which he kept quiet for the time being.
В 1930 или 1931 году в газетах появилось сообщение о расстреле сорока восьми человек, виновных будто бы в том, что они своими преступными действиями вызвали голод. Это сообщение привело Горького в бешенство. Разговаривая с Ягодой, он обвинил правительство в расстреле невинных людей с намерением свалить на них ответственность за голод. Ягода с сотрудниками так и не смогли убедить писателя, что эти люди действительно были виновны.	In 1930 or 1931, there was a report in the newspapers about the execution of forty-eight people, allegedly guilty of having caused a famine by their criminal actions. This message infuriated Gorky. Speaking with Yagoda, he accused the government of shooting innocent people with the intention of blaming them for the famine. Yagoda and his co-workers were never able to convince the writer that these people were really guilty.
Некоторое время спустя Горький получил из-за границы приглашение вступить в международный союз писателей-демократов. В соответствии с инструкцией Сталина Ягода заявил, что Политбюро против этого, потому что некоторые члены союза уже успели подписать антисоветское обращение к Лиге защиты прав человека, протестуя против недавних казней в СССР. Политбюро надеется, что Горький вступится за честь своей страны и поставит клеветников на место.	Some time later, Gorky received an invitation from abroad to join the International Union of Democratic Writers. In accordance with Stalin's instructions, Yagoda declared that the Politburo was against this because some members of the union had already signed an anti-Soviet appeal to the League for the Defense of Human Rights, protesting against the recent executions in the USSR. The Politburo hopes that Gorky will stand up for the honor of his country and put the slanderers in their place.
Горький заколебался. В самом деле, в "домашних" разговорах с Ягодой он мог брюзжать и протестовать против жестоких действий правительства, но в данном случае речь шла о защите СССР от нападок мировой буржуазии. Он ответил международному союзу писателей-демократов, что отказывается от вступления в эту организацию по такой-то и такой причине. Он добавил, что вина расстрелянных в СССР людей представляется ему несомненной.	Gorky hesitated. Indeed, in "home" conversations with Yagoda, he could grumble and protest against the cruel actions of the government, but in this case it was about protecting the USSR from the attacks of the world bourgeoisie. He replied to the International Union of Democratic Writers that he refused to join this organization for such and such a reason. He added that the guilt of the people shot in the USSR seemed to him beyond doubt.
Между тем сталинские щедроты сыпались на Горького как из рога изобилия. Совет народных комиссаров специальным постановлением отметил его большие заслуги перед русской литературой. Его именем было названо несколько предприятий. Моссовет принял решение переименовать главную улицу Москвы - Тверскую - в улицу Горького.	Meanwhile, Stalin's bounties rained down on Gorky as if from a cornucopia. The Council of People's Commissars by a special resolution noted his great services to Russian literature. Several businesses have been named after him. The Moscow City Council decided to rename the main street of Moscow - Tverskaya - into Gorky Street.
В то же время Сталин не делал попыток лично сблизиться с Горьким. Он виделся с ним раз или два в году по случаю революционных праздников, предоставляя ему самому сделать первый шаг. Зная горьковскую, слабость, Сталин прикинулся крайне заинтересованным в развитии русской литературы и театра и даже предложил Горькому должность наркома просвещения. Писатель, однако, отказался, ссылаясь на отсутствие у него административных способностей.	At the same time, Stalin made no attempt to personally approach Gorky. He saw him once or twice a year on the occasion of revolutionary holidays, leaving him to take the first step himself. Knowing Gorky's weakness, Stalin pretended to be extremely interested in the development of Russian literature and theater and even offered Gorky the post of People's Commissar of Education. The writer, however, refused, citing his lack of administrative ability.
Когда Ягода с помощниками решили, что Горький уже полностью под их влиянием, Сталин попросил Ягоду внушить старому писателю:	When Yagoda and his assistants decided that Gorky was already completely under their influence, Stalin asked Yagoda to inspire the old

как было бы здорово, если б он взялся за произведение о Ленине и Сталине. Горького знали в стране как близкого друга Ленина, знали, что Ленина и Горького связывала личная дружба, и Сталин хотел, чтобы горьковское перо изобразило его достойным преемником Ленина.	writer: how great it would be if he took up a work about Lenin and Stalin. Gorky was known in the country as a close friend of Lenin, they knew that Lenin and Gorky were connected by personal friendship, and Stalin wanted Gorky's pen to portray him as a worthy successor to Lenin.
Сталину не терпелось, чтобы популярный русский писатель обессмертил его имя. Он решил осыпать Горького царскими подарками и почестями и таким образом повлиять на содержание и, так сказать, тональность будущей книги.	Stalin was impatient for a popular Russian writer to immortalize his name. He decided to shower Gorky with royal gifts and honors and thus influence the content and, so to speak, the tone of the future book.
За короткое время Горький удостоился таких почестей, о которых крупнейшие писатели мира не могли и мечтать. Сталин распорядился назвать именем Горького крупный промышленный центр - Нижний Новгород. Соответственно и вся Нижегородская область переименовывалась в Горьковскую. Имя Горького было присвоено Московскому Художественному театру, который, к слову сказать, был основан и получил всемирную известность благодаря Станиславскому и Немировичу-Данченко, а не Горькому. Все эти сталинские щедроты отмечались пышными банкетами в Кремле, на которых Сталин поднимал бокал за "великого писателя земли русской" и "верного друга большевистской партии". Всё это выглядело так, словно он задался целью доказать сотрудникам НКВД правильность своего тезиса: "у каждого человека своя цена". Однако время шло, а Горький всё не начинал писать книгу про Сталина. Судя по тому, чем он занимался и какие задачи ставил перед собой, было непохоже, что он намеревается приняться за сталинскую биографию.	In a short time, Gorky received such honors that the greatest writers of the world could not even dream of. Stalin ordered that a large industrial center, Nizhny Novgorod, be named after Gorky. Accordingly, the entire Nizhny Novgorod region was renamed Gorky. Gorky's name was given to the Moscow Art Theater, which, by the way, was founded and gained worldwide fame thanks to Stanislavsky and Nemirovich-Danchenko, and not Gorky. All these Stalinist bounties were celebrated with magnificent banquets in the Kremlin, at which Stalin raised a glass to "the great writer of the Russian land" and "a true friend of the Bolshevik Party." All this looked as if he set out to prove to the NKVD officers the correctness of his thesis: "every person has his own price." However, time passed, and Gorky still did not start writing a book about Stalin. Judging by what he was doing and what tasks he set for himself, it did not seem that he intended to take on a Stalinist biography.
Я сидел как-то в кабинете Агранова. В кабинет вошёл организатор знаменитых коммун из бывших уголовников - Погребинский, с которым Горький был особенно дружен. Из разговора стало ясно, что Погребинский только что вернулся с подмосковной горьковской виллы, "Кто-то испортил всё дело, - жаловался он. - Я уж и так подходил к Горькому, и этак, но он упорно избегает разговора о книге". Агранов согласился, что, по-видимому, кто-то действительно "испортил всё дело". На самом же деле Сталин и руководство НКВД просто недооценили характер Горького.	I once sat in Agranov's office. The organizer of the famous communes from former criminals, Pogrebinsky, with whom Gorky was especially friendly, entered the office. From the conversation it became clear that Pogrebinsky had just returned from the Gorky villa near Moscow, "Someone ruined the whole thing," he complained. Agranov agreed that, apparently, someone really "spoiled the whole thing." In fact, Stalin and the leadership of the NKVD simply underestimated Gorky's character.
Горький не был так прост и наивен, как им казалось. Зорким писательским глазом он постепенно проник во всё, что делается в стране. Зная русский народ, он мог читать по лицам, как в раскрытой книге, какие чувства испытывают люди, что их волнует и беспокоит. Видя на заводах измождённые лица недоедающих рабочих, глядя из	Gorky was not as simple and naive as they thought. With a sharp writer's eye, he gradually penetrated into everything that was being done in the country. Knowing the Russian people, he could read by their faces, as in an open book, what feelings people experience, what excites and worries them. Seeing the emaciated faces of malnourished workers at the

окна своего персонального вагона на бесконечные эшелоны арестованных "кулаков", вывозимых в Сибирь, Горький давно понял, что за фальшивой вывеской сталинского социализма царят голод, рабство и власть грубой силы.	factories, looking out of the window of his personal carriage at the endless echelons of arrested "kulaks" being taken to Siberia, Gorky had long understood that hunger, slavery and brute force reigned behind the false sign of Stalinist socialism.
Но больше всего терзала Горького всё усиливающаяся травля старых большевиков. Многих из них он лично знал с дореволюционных времён. В 1932 году он высказал. Ягоде своё горькое недоумение в связи с арестом Каменева, к которому относился с глубоким уважением. Услышав об этом, Сталин распорядился освободить Каменева из заключения и вернуть его в Москву, Можно припомнить ещё несколько случаев, когда вмешательство Горького спасало того или другого из старых большевиков от тюрьмы и ссылки. Но писатель не мог примириться уже с самим фактом, что старых членов партии, томившихся в царских тюрьмах, теперь вновь арестовывают. Он высказывал своё возмущение Ягоде, Енукидзе и другим влиятельным деятелям, всё больше раздражая Сталина.	But most of all, Gorky was tormented by the ever-increasing persecution of the old Bolsheviks. He personally knew many of them from pre-revolutionary times. In 1932 he expressed Yagoda his bitter bewilderment in connection with the arrest of Kamenev, whom he treated with deep respect. Hearing of this, Stalin ordered Kamenev to be released from prison and returned to Moscow. We can recall several more cases when Gorky's intervention saved one or another of the old Bolsheviks from prison and exile. But the writer could not come to terms with the very fact that the old members of the party, languishing in the tsarist prisons, were now being arrested again. He expressed his indignation to Yagoda, Yenukidze and other influential figures, irritating Stalin more and more.
В 1933-1934 годах были произведены массовые аресты участников оппозиции, о них официально вообще ничего не сообщалось. Как-то с Горьким, вышедшим на прогулку, заговорила неизвестная женщина. Она оказалась женой старого большевика, которого. Горький знал ещё до революции. Она умоляла писателя сделать всё, что в его силах - ей с дочерью, которая больна костным туберкулёзом, грозит высылка из Москвы. Спросив о причине высылки, Горький узнал, что её муж отправлен в концлагерь на пять лет и уже отбыл два года своего срока.	In 1933-1934, mass arrests of opposition members were carried out, nothing was officially reported about them at all. Once, an unknown woman spoke to Gorky, who had gone for a walk. She turned out to be the wife of an old Bolshevik whom. Gorky knew before the revolution. She begged the writer to do everything in his power - she and her daughter, who is sick with bone tuberculosis, are threatened with expulsion from Moscow. Asking about the reason for the deportation, Gorky learned that her husband had been sent to a concentration camp for five years and had already served two years of his sentence.
Горький немедленно заступился. Он позвонил Ягоде и, получив ответ, что НКВД не может освободить этого человека без санкции ЦК, обратился к Енукидзе. Однако Сталин заупрямился. Его уже давно раздражало заступничество Горького за политических противников, и он заявил Ягоде, что "пора излечить Горького от привычки совать нос в чужие дела". Жену и дочь арестованного он разрешил оставить в Москве, но его самого запретил освобождать, пока не кончится его срок.	Gorky immediately interceded. He called Yagoda and, having received an answer that the NKVD could not release this man without the sanction of the Central Committee, turned to Yenukidze. However, Stalin was stubborn. He had long been irritated by Gorky's intercession for political opponents, and he told Yagoda that "it's time to cure Gorky of his habit of sticking his nose into other people's business." He allowed the wife and daughter of the arrested man to be left in Moscow, but he himself was forbidden to be released until his term was over.
Отношения между Горьким и Сталиным становились натянутыми. К началу 1934 года стало окончательно ясно, что столь желанной книги Сталину так и не видать.	Relations between Gorky and Stalin became strained. By the beginning of 1934, it became completely clear that Stalin would never see such a coveted book.
Изоляция Горького стала ещё более строгой. К нему допускались только немногие избранные, отфильтрованные НКВД. Если Горький	Gorky's isolation became even more severe. Only a select few, filtered by the NKVD, were admitted to it. If Gorky expressed a desire to see

выражал желание увидеться с кем-то посторонним, нежелательным для "органов", то этого постороннего старались немедленно услать куда-нибудь из Москвы. В конце лета 1934 года Горький запросил заграничный паспорт, собираясь провести будущую зиму, как и предыдущие, в Италии. Однако ему было в этом отказано. Врачи, следуя сталинским указаниям, нашли, что для здоровья Горького полезнее провести эту зиму не в Италии, а в Крыму. Мнение самого Горького уже больше не принималось во внимание. Будучи знаменитым советским писателем, он принадлежал государству, поэтому право судить, что ему на пользу, а что нет, стало прерогативой Сталина.	someone outsider, undesirable for the "organs", then they immediately tried to send this outsider somewhere from Moscow. At the end of the summer of 1934, Gorky requested a foreign passport, intending to spend the next winter, like the previous ones, in Italy. However, he was denied this. Doctors, following Stalin's instructions, found that it would be more beneficial for Gorky's health to spend this winter not in Italy, but in the Crimea. The opinion of Gorky himself was no longer taken into account. As a famous Soviet writer, he belonged to the state, so the right to judge what was good for him and what was not became the prerogative of Stalin.
"С паршивой овцы - хоть шерсти клок"... Не получилось с книгой, решил Сталин, пусть напишет хотя бы статью. Ягоде было приказано передать Горькому такую просьбу: приближается годовщина Октября, и хорошо бы, чтоб Горький написал для "Правды" статью "Ленин и Сталин". Руководители НКВД были уверены, что на этот раз Горький не сможет уклониться от заказа. Но он вновь оказался принципиальнее, чем они рассчитывали, и обманул ожидания Ягоды.	"From a black sheep - at least a tuft of wool" ... It didn’t work out with the book, Stalin decided, let him write at least an article. Yagoda was ordered to convey this request to Gorky: the anniversary of the October Revolution was approaching, and it would be good if Gorky would write an article for Pravda entitled Lenin and Stalin. The leaders of the NKVD were sure that this time Gorky would not be able to evade the order. But he again turned out to be more principled than they expected, and deceived Yagoda's expectations.
Вскоре после этого Сталин предпринял ещё одну и, насколько мне известно, последнюю попытку воспользоваться авторитетом Горького. Дело происходило в декабре 1934 года, только что были арестованы Зиновьев и Каменев, которым намечалось предъявить обвинение в организации убийства Кирова. В эти дни Ягода передал Горькому задание написать для "Правды" статью с осуждением индивидуального террора. Сталин рассчитывал, что эту статью Горького в народе расценят как выступление писателя против "зиновьевцев". Горький, конечно, понимал, в чём дело. Он отклонил просьбу, услышанную от Ягоды, сказав при этом: "Я осуждаю не только индивидуальный, но и государственный террор!" После этого Горький опять, на этот раз официально, потребовал выдать ему заграничный паспорт для выезда в Италию. Конечно, ему вновь было отказано. В Италии Горький мог, чего доброго, действительно написать книгу, но она была бы совсем не та, какую мечтал иметь Сталин. Так писатель и остался сталинским пленником до смерти, последовавшей в июне 1936 года.	Shortly thereafter, Stalin made another and, as far as I know, last attempt to take advantage of Gorky's authority. The case took place in December 1934, Zinoviev and Kamenev had just been arrested, who were to be charged with organizing the assassination of Kirov. These days, Yagoda gave Gorky the task of writing an article for Pravda condemning individual terror. Stalin hoped that this article by Gorky would be regarded by the people as a speech by the writer against the “Zinovievites”. Gorky, of course, understood what was the matter. He rejected the request he heard from Yagoda, saying at the same time: "I condemn not only individual, but also state terror!" After that, Gorky again, this time officially, demanded that he be issued a passport for traveling to Italy. Of course, he was denied again. In Italy, Gorky could indeed write a book, but it would not be at all what Stalin dreamed of having. So the writer remained Stalin's prisoner until his death, which followed in June 1936.
После смерти Горького сотрудники НКВД нашли в его вещах тщательно припрятанные заметки. Кончив их читать, Ягода выругался и буркнул: "Как волка ни корми, он всё в лес смотрит!"	After Gorky's death, the NKVD officers found carefully hidden notes in his things. When he finished reading them, Yagoda swore and grunted: "No matter how you feed the wolf, he keeps looking into the forest!"

Заметки Горького по сей день остаются недоступны миру.	Gorky's notes remain inaccessible to the world to this day.
НИКОЛАЙ БУХАРИН Тем, кого привлекали сенсации, а не события исторического значения, наиболее видной фигурой третьего московского процесса казался бывший нарком внутренних дел Ягода, а не революционные деятели с мировой известностью, наподобие Бухарина, Рыкова или Раковского. Ничего удивительного : присутствие Ягода на процессе в роли обвиняемого и сообщника тех, кто был им брошен, в тюрьму и даже казнён, придавало этому судебному спектаклю характер чудовищной карикатуры.	NIKOLAI BUKHARIN To those who were attracted by sensations rather than events of historical significance, the most prominent figure in the third Moscow trial seemed to be Yagoda, the former People's Commissar of Internal Affairs, and not world-famous revolutionary figures like Bukharin, Rykov, or Rakovsky. Nothing surprising: the presence of Yagoda at the trial in the role of the accused and accomplice of those who were thrown into prison and even executed by him, gave this court performance the character of a monstrous caricature.
Но для членов партии и вообще для людей, имевших хотя бы общее представление об её истории, центральной фигурой процесса был не Ягода, а, конечно, Бухарин, один из наиболее выдающихся большевиков и близкий друг Ленина.	But for party members and for people in general who had at least a general idea of its history, the central figure of the process was not Yagoda, but, of course, Bukharin, one of the most prominent Bolsheviks and a close friend of Lenin.
Подобно другим вожакам партии, обеспокоенным огромной популярностью Троцкого, Бухарин помогал Сталину и Зиновьеву принижать роль Троцкого в Октябрьской революции и оттеснять его от власти. Правда, пока был жив Ленин и руководители партии ещё не были так ослеплены соперничеством и сведением счетов, Бухарин писал о Троцком в том же восторженном тоне, что и другие. Возвращаясь к историческому моменту триумфа Октябрьской революции, Бухарин говорил: "Троцкий - блестящий и неустрашимый трибун революции, неутомимый апостол революции, декларировал от имени Военно-революционного комитета Петроградского совета, под гром аплодисментов всех присутствующих, что Временное правительство больше не существует".	Like other party leaders worried about Trotsky's huge popularity, Bukharin helped Stalin and Zinoviev downplay Trotsky's role in the October Revolution and push him out of power. True, while Lenin was alive and the leaders of the party were not yet so blinded by rivalry and settling scores, Bukharin wrote about Trotsky in the same enthusiastic tone as others. Returning to the historical moment of the triumph of the October Revolution, Bukharin said: “Trotsky, the brilliant and fearless tribune of the revolution, the indefatigable apostle of the revolution, declared on behalf of the Military Revolutionary Committee of the Petrograd Soviet, to thunderous applause from all those present, that the Provisional Government no longer exists.”
Много лет спустя, когда отдел пропаганды сталинского ЦК уже распространял лживую версию, будто Троцкий боролся против революции, Сталин начал рассматривать всё написанное старыми большевиками в пользу Троцкого как непростительный для партийцев грех. Однако он и сам грешил тем же: ещё при жизни Ленина Сталин написал в "Правде", что "решительный поворот петроградского гарнизона на сторону Советов и дерзкая деятельность Военно-революционного комитета - всем этим партия обязана главным образом и в первую очередь тов. Троцкому".	Many years later, when the propaganda department of the Stalinist Central Committee was already spreading the false version that Trotsky fought against the revolution, Stalin began to consider everything written by the old Bolsheviks in favor of Trotsky as an unforgivable sin for the party members. However, he himself sinned in the same way: even during the life of Lenin, Stalin wrote in Pravda that "the decisive turn of the Petrograd garrison to the side of the Soviets and the daring activity of the Military Revolutionary Committee - the party owes all this mainly and first of all to Comrade Trotsky" .
Бухарин оставался сталинским соратником дольше, чем Каменев и Зиновьев. Когда те в результате сталинских интриг потеряли реальную власть, Бухарину казалось, что он как признанный идеолог партии выдвинулся на роль первой скрипки в Политбюро. Кому же, действительно, может быть поручена эта роль, как не ему ? Разве не	Bukharin remained a Stalinist ally longer than Kamenev and Zinoviev. When they lost real power as a result of Stalin's intrigues, it seemed to Bukharin that he, as a recognized ideologist of the party, had moved into the role of first violin in the Politburo. Who, indeed, can be entrusted with this role, if not him? Didn't he actively formulate Soviet policy even

он ещё при Ленине активно формулировал советскую политику и разве не им написаны основные документы партии и Коминтерна, касающиеся внешнеполитических проблем? Кто, как не он, сможет теперь в подлинно марксистском духе сформулировать путь дальнейшего развития советского государства? Уж не Сталин ли, этот посредственный марксист? Но Бухарину суждено было ошибиться. Правая оппозиция, которую он возглавил, оказалась оттеснённой от руководства, и после затяжной внутрипартийной борьбы его исключили из Политбюро, а затем и из партии.	under Lenin, and didn't he write the main documents of the party and the Comintern concerning foreign policy problems? Who, if not he, will now be able to formulate in a truly Marxist spirit the way for the further development of the Soviet state? Is it not Stalin, this mediocre Marxist? But Bukharin was destined to be mistaken. The right-wing opposition, which he headed, was pushed aside from the leadership, and after a protracted inner-party struggle, he was expelled from the Politburo, and then from the party.
Члены партии долго не представляли себе, что, собственно, происходит там наверху, в Политбюро. Только после сообщения о возникшем там расколе рядовым партийцам стало ясно, насколько враждебно относятся друг к другу Сталин и противостоящая ему группа "правых" - Бухарин, Рыков и Томский. Среди московских сановников ходил слух, что Бухарин, обозлённый сталинским лицемерием, рассказал на заседании Политбюро, будто Сталин, желая привлечь его на свою сторону, сказал: "Бухарчик, мы с тобой - Гималаи а остальные (то есть остальные члены Политбюро) - просто маленькие мушки!" При этих словах Сталин изменился в лице и крикнул: - Это ложь! Бухарин выдумал, эту фразу, чтобы настроить членов Политбюро против меня! Положение, в каком очутился Сталин, было особенно неприятным, потому что, как выяснилось, тот же комплимент он адресовал и другим членам Политбюро, оставаясь с ними наедине.	For a long time the party members had no idea what was actually going on up there, in the Politburo. Only after the news of the split that had arisen there did it become clear to ordinary party members how hostile Stalin and the opposing group of "rightists" - Bukharin, Rykov and Tomsky - were to each other. There was a rumor among Moscow dignitaries that Bukharin, angry with Stalin's hypocrisy, told at a meeting of the Politburo that Stalin, wanting to win him over to his side, said: "Bukharchik, you and I are the Himalayas and the rest (that is, the rest of the members of the Politburo) are just small flies!" At these words, Stalin changed his face and shouted: - This is a lie! Bukharin invented this phrase in order to turn the members of the Politburo against me! The situation in which Stalin found himself was especially unpleasant, because, as it turned out, he addressed the same compliment to other members of the Politburo, remaining alone with them.
Сталина и Бухарина связывали тёплые отношения задолго до того, как Бухарин возглавил правую оппозицию, направленную против Сталина. Они начались ещё в ту пору, когда Ленин диктовал своё "завещание", рекомендуя сместить Сталина с поста генсека и одновременно высказывая некоторые сомнения в отношении Бухарина, хотя в целом отзывался о нём тепло. Слова Ленина звучали так: "Бухарин - не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии".	Stalin and Bukharin had warm relations long before Bukharin led the right-wing opposition directed against Stalin. They began at the time when Lenin was dictating his "testament", recommending that Stalin be removed from the post of general secretary and at the same time expressing some doubts about Bukharin, although he generally spoke warmly of him. Lenin's words sounded like this: "Bukharin is not only the most valuable and prominent theoretician of the party, he is also legitimately considered the favorite of the entire party."
Хотя Бухарина действительно очень уважали в партии, а комсомольцы были готовы молиться на него, как на икону, я сильно сомневаюсь, чтобы его можно было считать "любимцем всей партии". Но это не меняет главного: Ленин на самом деле был глубоко привязан к" Бухарину, и ему казалось, что каждый должен испытывать к этому человеку те же чувства.	Although Bukharin was really highly respected in the party, and the Komsomol members were ready to pray for him as for an icon, I strongly doubt that he could be considered "the favorite of the whole party." But this does not change the main thing: Lenin was in fact deeply attached to Bukharin, and it seemed to him that everyone should have the same feelings for this person.
Сталин скрыл ленинское "завещание", и если бы не Крупская, он	Stalin hid Lenin's "testament", and if not for Krupskaya, he would have

давно уничтожил бы этот ненавистный документ, где Ленин нашел тёплые слова для всех своих ближайших сотрудников, кроме него. Однако в дальнейшем, захватив власть, Сталин смог нейтрализовать ленинский документ гораздо эффективнее, чем если бы он попросту разорвал этот клочок бумаги. Сталин физически уничтожил всех, кого Ленин упоминал в "завещании".	destroyed this hated document long ago, where Lenin found warm words for all his closest employees, except for him. Later, however, having seized power, Stalin was able to neutralize the Lenin document much more effectively than if he simply tore this piece of paper. Stalin physically destroyed everyone whom Lenin mentioned in the "testament".
Последний год перед арестом Бухарин прожил в обстановке неотступного страха. Почти все его близкие друзья были уничтожены в результате двух судебных процессов. Зная, что та же судьба уготована и ему, он ждал ареста со дня на день.	The last year before his arrest, Bukharin lived in an atmosphere of relentless fear. Almost all of his close friends were destroyed in two lawsuits. Knowing that the same fate was destined for him, he was waiting for his arrest from day to day.
Арестовали его в начале 1937 года. Два месяца он отказывался давать показания и ставить свою подпись под какими бы то ни было признаниями, - хотя силы его были уже подорваны многомесячным ожиданием конца.	He was arrested at the beginning of 1937. For two months he refused to testify and put his signature under any kind of confession - although his strength had already been undermined by months of waiting for the end.
Здесь придется сделать небольшое отступление, связанное с личной жизнью Бухарина. В 1933 году, в возрасте сорока пяти лет, он встретился с молодой женщиной редкой красоты - дочерью старого революционера Ларина. Несмотря на то, что она была невестой обаятельного юноши (речь идёт о сыне известного партийного деятеля Григория Сокольникова), низкорослый, полноватый и лысый Бухарин покорил её сердце и женился на ней. Когда у них родился сын, экспансивный Бухарин был буквально вне себя от радости. Ему не везло на политическом фронте, зато улыбнулось личное счастье. Он ещё не знал, что инквизиторы из НКВД включили и его жену, и сына в свои планы подготовки третьего московского процесса - самого страшного из всех.	Here we have to make a small digression related to Bukharin's personal life. In 1933, at the age of forty-five, he met a young woman of rare beauty - the daughter of an old revolutionary Larin. Despite the fact that she was the bride of a charming young man (we are talking about the son of the famous party leader Grigory Sokolnikov), short, plump and bald Bukharin won her heart and married her. When their son was born, the expansive Bukharin was literally overjoyed. He was unlucky on the political front, but personal happiness smiled. He did not yet know that the inquisitors from the NKVD included both his wife and son in their plans for preparing the third Moscow trial - the most terrible of all.
Так же, как это делалось со всеми арестованными, они заверили Бухарина от имени Сталина, что если он исполнит все "требования Политбюро", его семью не станут преследовать, а сам он отделается тюрьмой. Для того чтобы продемонстрировать реальность такого исхода, Ежов распорядился доставить в бухаринскую камеру Радека - одного из четверых пощаженных предыдущим судом.	Just as they did with all those arrested, they assured Bukharin on behalf of Stalin that if he fulfilled all the "demands of the Politburo", his family would not be persecuted, and he himself would get off with prison. In order to demonstrate the reality of such an outcome, Yezhov ordered Radek, one of the four spared by the previous trial, to be delivered to the Bukharin cell.
Радек помог убедить Бухарина: хотя кругом относились к нему с глубоким недоверием, нельзя было возразить против очевидного факта - он доверился сталинским обещаниям и, как видим, выжил . Впрочем, в данном случае Радеку нельзя было отказать и в порядочности: он отказался поддержать многие обвинения, выдвигавшиеся против Бухарина. На очной ставке с Бухариным он доставил явное неудовольствие следователям, отказавшись	Radek helped convince Bukharin that although everyone around him was treated with deep distrust, it was impossible to object to the obvious fact - he trusted Stalin's promises and, as we see, survived. However, in this case Radek could not be denied decency: he refused to support many of the accusations leveled against Bukharin. At a confrontation with Bukharin, he brought obvious displeasure to the investigators by refusing to confirm the most important points of these accusations.

подтвердить наиболее важные пункты этих обвинений.	
Сталину была известна привязанность Бухарина к Ленину. Он знал, как высоко Бухарин ценит те несколько тёплых слов, которые Ленин продиктовал о нём в последние месяцы своей жизни. Именно этим чувствам Бухарина предстояло выдержать сокрушительный удар: на суде планировалось обставить дело так, будто Бухарин вовсе не был близок к Ленину, а, напротив, являлся его злейшим врагом. Сталин дал следователям указание: добиваться бухаринского признания в том, что в 1918 году, в период заключения Брестского мира, Бухарин замышлял убийство Ленина.	Stalin was aware of Bukharin's attachment to Lenin. He knew how highly Bukharin appreciated the few warm words that Lenin had dictated about him in the last months of his life. It was precisely these feelings of Bukharin that had to withstand a crushing blow: at the trial it was planned to arrange the case in such a way that Bukharin was not at all close to Lenin, but, on the contrary, was his worst enemy. Stalin instructed the investigators: to seek Bukharin's confession that in 1918, during the conclusion of the Brest Peace, Bukharin was plotting to kill Lenin.
В связи с таким предписанием пришлось арестовать несколько бывших "левых коммунистов" и "левых эсеров" , и вытянуть из них признание, будто уже тогда Бухарин говорил им, что он дескать считает необходимым убить Ленина и сформировать новое правительство. Некоторые из этих свидетелей должны были дать показания, что эсерка Каплан, которая совершила покушение на Ленина летом 1918 года, действовала с ведома и одобрения Бухарина.	In connection with such an order, several former "Left Communists" and "Left Socialist Revolutionaries" had to be arrested, and they were forced to confess that even then Bukharin had told them that he supposedly considered it necessary to kill Lenin and form a new government. Some of these witnesses were supposed to testify that the Socialist-Revolutionary Kaplan, who attempted to assassinate Lenin in the summer of 1918, acted with the knowledge and approval of Bukharin.
Обвиняемый категорически отрицал это. Но методы следствия и, главное, страх за жизнь жены и ребёнка делали это сопротивление с самого начала безнадёжным. Наконец как-то после долгих часов ночной обработки, в которой принимали участие Ежов и личный представитель Сталина Ворошилов, удалось выжать из Бухарина согласие признать эту вину: пусть считается, что в 1918 году он действительно намеревался убить Ленина. Сталин опять одержал решительную победу.	The defendant flatly denied this. But the methods of investigation and, most importantly, the fear for the life of his wife and child made this resistance hopeless from the very beginning. Finally, somehow, after long hours of night processing, in which Yezhov and Stalin's personal representative Voroshilov took part, they managed to squeeze out of Bukharin the consent to admit this guilt: let it be considered that in 1918 he really intended to kill Lenin. Stalin again won a decisive victory.
Правда, когда дня два спустя Бухарину был предъявлен окончательный вариант этих "признаний", просмотренный и исправленный лично Сталиным, он опять наотрез отказался ставить под этим документом подпись. Там оказывается было сказано, что с самого начала, когда немецкое правительство предоставило Ленину железнодорожный вагон, разрешив ему в условиях войны проезд через Германию, он, Бухарин, начал подозревать, что у Ленина имеется секретное соглашение с немцами. В дальнейшем, после захвата большевиками власти, Ленин, как известно, настаивал на заключении унизительного сепаратного мира с немцами. Тогда-то дескать бухаринские подозрения и возросли до такой степени, что ему пришло в голову убить Ленина и сформировать новое правительство с участием левых эсеров, противников соглашения с Германией. Прочитав эти "признания", которые теперь ему	True, when two days later Bukharin was presented with the final version of these "confessions", reviewed and corrected personally by Stalin, he again flatly refused to sign this document. It turns out that from the very beginning, when the German government provided Lenin with a railway car, allowing him to travel through Germany under war conditions, he, Bukharin, began to suspect that Lenin had a secret agreement with the Germans. Later, after the seizure of power by the Bolsheviks, Lenin, as is known, insisted on concluding a humiliating separate peace with the Germans. It was then, they say, that Bukharin's suspicions increased to such an extent that it occurred to him to kill Lenin and form a new government with the participation of the Left Socialist-Revolutionaries, opponents of the agreement with Germany. After reading these "confessions", which he was now asked to sign, Bukharin, beside himself with indignation, exclaimed: "Stalin wants to

предлагалось подписать, Бухарин вне себя от негодования, воскликнул: "Сталин хочет и мёртвого Ленина тоже посадить на скамью подсудимых!" Действительно, получалось, что Сталину требуется воскресить давние слухи, будто Ленин являлся агентом германского генерального штаба. Бухарин опять отказался участвовать в готовящемся судебном представлении.	put the dead Lenin in the dock too!" Indeed, it turned out that Stalin needed to resurrect the old rumors that Lenin was an agent of the German General Staff. Bukharin again refused to participate in the upcoming court presentation.
Вторично настоять на его сотрудничестве было труднее. Теперь с Бухариным "работали" под непосредственным руководством Ежова уже две группы следователей, изматывая его непрерывными допросами, длившимися день и ночь. Вдобавок обработку Бухарина продолжал представитель Политбюро Ворошилов. Главным козырем в этой беспроигрышной для Сталина игре были по-прежнему жена и ребёнок подследственного.	It was more difficult to insist on his cooperation a second time. Now two groups of investigators "worked" with Bukharin under the direct supervision of Yezhov, exhausting him with continuous interrogations that lasted day and night. In addition, Voroshilov, a representative of the Politburo, continued processing Bukharin. The main trump card in this win-win game for Stalin was still the wife and child of the person under investigation.
И тем не менее, Бухарин решительно отказывался подписать признания, которые требовались Сталину. Тому пришлось уступить по двум важным пунктам: на суде не будет упоминаться о сотрудничестве, Ленина с немцами и о подозрениях Бухарина в этой области. Кроме того, Бухарину не придется говорить, что он планировал убийство Ленина, он скажет только, что для того, чтобы предупредить заключение Брестского договора, намечалось арестовать Ленина на одни сутки. Наконец, Бухарин отказался признавать, что он был немецким шпионом, а сверх того принимал участие в убийстве Кирова и Горького.	And yet, Bukharin resolutely refused to sign the confessions that Stalin demanded. Tom had to yield on two important points: there would be no mention of collaboration between Lenin and the Germans and Bukharin's suspicions in this area at the trial. Moreover, Bukharin will not have to say that he planned to kill Lenin, he will only say that in order to prevent the conclusion of the Brest Treaty, it was planned to arrest Lenin for one day. Finally, Bukharin refused to admit that he was a German spy and, moreover, took part in the assassination of Kirov and Gorky.
Зато Сталину удалось включить в легенду замыслы Бухарина относительно собственной персоны. Поскольку он сфабриковал себе биографию ближайшего сотрудника Ленина во время Октябрьской революции и гражданской войны, ему казалось вполне естественным, что, замышляя в 1918 году свержение советского правительства, Бухарин должен был арестовать не только Ленина, но и Сталина, - как же иначе? В соответствии с таким оборотом дела бухаринские показания пришлось переписать ещё раз, и Бухарин их подписал.	But Stalin managed to include in the legend Bukharin's plans regarding his own person. Since he fabricated for himself the biography of Lenin's closest collaborator during the October Revolution and the Civil War, it seemed quite natural to him that, plotting in 1918 to overthrow the Soviet government, Bukharin should have arrested not only Lenin, but also Stalin - how could it be otherwise? In accordance with this turn of the case, Bukharin's testimony had to be rewritten again, and Bukharin signed them.
Однако Сталин недолго довольствовался тем, что он будет изображён лишь как ближайший сотрудник Ленина. Имея возможность вложить в уста запуганных "свидетелей" всё, что пожелает, он был не в состоянии противиться искушению отодвинуть Ленина на второй план и выставить себя главным оплотом ЦК и главным членом советского правительства. Для этого "свидетелю" Манцеву, бывшему председателю украинского ОГПУ, участвующему в процессе в порядке партийной дисциплины, было предписано	However, Stalin was not content for long with the fact that he would be portrayed only as Lenin's closest collaborator. Having the opportunity to put whatever he wanted into the mouths of the frightened "witnesses", he was unable to resist the temptation to push Lenin into the background and present himself as the main stronghold of the Central Committee and the main member of the Soviet government. To do this, the "witness" Mantsev, the former chairman of the Ukrainian OGPU, participating in the process in accordance with party discipline, was

выступить на судебном заседании с басней, автором которой был сам Сталин.	ordered to speak at the court session with a fable, the author of which was Stalin himself.
"Троцкий сказал, - так звучало свидетельство Манцева, - что во время одной из своих поездок на фронт он хочет арестовать Сталина... Я вспоминаю его слова: в таком случае дескать Ленин и ЦК будут вынуждены капитулировать!" Обвиняемые и свидетели знали, что в зале суда им следует говорить о Сталине с большим почтением, чем о Ленине. Эта линия легко прослеживается не только в выступлении Манцева, но и в том, что говорил Бухарин. Когда на суде он повторил, что не хотел убивать Ленина, а намеревался только арестовать его, государственный обвинитель Вышинский спросил: - А если бы Владимир Ильич воспротивился аресту? И получил заранее согласованный ответ: - Но Владимир Ильич, как известно, всегда избегал ссор. Забиякой он не был.	"Trotsky said," Mantsev's testimony sounded, "that during one of his trips to the front he wants to arrest Stalin ... I recall his words: in this case, they say, Lenin and the Central Committee will be forced to capitulate!" The defendants and witnesses knew that in the courtroom they should speak of Stalin with more respect than Lenin. This line is easily traced not only in Mantsev's speech, but also in what Bukharin said. When at the trial he repeated that he did not want to kill Lenin, but intended only to arrest him, the state prosecutor Vyshinsky asked: - And if Vladimir Ilyich had opposed the arrest? And he received a pre-agreed answer: - But Vladimir Ilyich, as you know, always avoided quarrels. He was not a bully.
С большевистской точки зрения, такой ответ был равносилен тому, как если бы Бухарин сказал: Ленин не был мужественным бойцом, Ленин не отличался личной храбростью. Государственный обвинитель и судьи, прекрасно зная, что от них требуется, приняли такое свидетельство со снисходительным спокойствием. Но нетрудно себе представить, как бурно бы они запротестовали, если бы теми же словами Бухарин отозвался о Сталине.	From the Bolshevik point of view, such an answer was tantamount to Bukharin saying: Lenin was not a courageous fighter, Lenin was not distinguished by personal courage. The public prosecutor and the judges, knowing perfectly well what was required of them, accepted this testimony with condescending calmness. But it is not difficult to imagine how violently they would have protested if Bukharin had used the same words about Stalin.
Как и все подсудимые, Бухарин был предупреждён: пусть он не пытается протаскивать в своих показаниях "контрабанду" или позволять себе "сомнительные намёки". Его собственная участь и судьба его семьи зависят не только от того, что он скажет, но и как это будет сказано. И если внимательно проанализировать то, что Бухарин сказал на суде, мы увидим, как часто он сам себя обрывал, стремясь убедить суд, что он несёт ответственность не только за те преступления, которые совершал сам, но и за преступления других подсудимых, - независимо от того, знал он о них или не знал.	Like all the defendants, Bukharin was warned: let him not try to smuggle "contraband" in his testimony or allow himself "dubious hints." His own fate and the fate of his family depend not only on what he says, but also how it is said. And if we carefully analyze what Bukharin said at the trial, we will see how often he interrupted himself, trying to convince the court that he was responsible not only for the crimes that he himself committed, but also for the crimes of other defendants, regardless of whether he knew about them or not.
- Я хочу сказать, - говорил Бухарин, - что я был не только одним из винтиков в механизме контрреволюции, но и одним из руководителей контрреволюции, и как один из руководителей... я несу гораздо большую ответственность, чем любой из участников. Поэтому я не могу ожидать снисхождения".	"I want to say," Bukharin said, "that I was not only one of the cogs in the mechanism of the counter-revolution, but also one of the leaders of the counter-revolution, and as one of the leaders ... I bear a much greater responsibility than any of the participants. Therefore, I cannot expect leniency."
На любом настоящем суде каждый подсудимый пользуется правом защищать себя. На сталинском судилище всё выглядело иначе. Когда председательствующий Ульрих прозрачно намекнул Бухарину, что он начинает, кажется, заниматься самозащитой, тот горячо ответил: -	In any real trial, every defendant enjoys the right to defend himself. At the Stalinist trial, everything looked different. When the presiding Ulrich transparently hinted to Bukharin that he seemed to be beginning to engage in self-defence, he replied ardently: - This is not defense. This is

Это не защита. Это - самообвинение! Я ещё ни слова не сказал в свою защиту! Шансы самого Бухарина на спасение определялись исключительно тем, насколько он будет следовать сталинским инструкциям. Но Бухарин уже поставил крест на своей личной судьбе и стремился по крайней мере сделать всё для спасения жены и ребёнка. На суде он не только клеймил себя как "презренного фашиста" и "предателя социалистического отечества", но даже защищал московские процессы от критики в иностранной прессе.	self-blame! I haven't said a word in my defense yet! Bukharin's own chances for salvation were determined solely by the extent to which he would follow Stalin's instructions. But Bukharin had already put an end to his personal fate and sought to at least do everything to save his wife and child. At the trial, he not only branded himself as a "contemptible fascist" and "traitor to the socialist fatherland", but even defended the Moscow trials from criticism in the foreign press.
В отличие от Радека и других обвиняемых он не воспользовался своим блестящим красноречием, чтобы, сбив с толку прокурора и судей, исподволь разоблачить сталинский судебный спектакль. Он полностью заплатил выкуп за жену и маленького сына и, перестраховываясь, не уставал воздавать хвалу своему палачу: - В действительности вся страна следует за Сталиным, он - надежда мира, он - творец нового. Каждый убедился в мудром сталинском руководстве страной...	Unlike Radek and the other defendants, he did not use his brilliant eloquence to confuse the prosecutor and the judges and subtly expose the Stalinist court spectacle. He paid the ransom in full for his wife and little son and, being reinsured, did not get tired of praising his executioner: - In fact, the whole country follows Stalin, he is the hope of the world, he is the creator of the new. Everyone was convinced of the wise Stalinist leadership of the country ...
Однако сталинскую жажду мщения было не так-то просто удовлетворить. Сладость самой жизни заключалась для него в возможности мстить, и он не хотел упустить ни капли этого удовольствия...	However, Stalin's thirst for revenge was not so easy to satisfy. The sweetness of life itself consisted for him in the possibility of revenge, and he did not want to miss a drop of this pleasure...
НИКОЛАЙ КРЕСТИНСКИЙ В числе обвиняемых на бухаринском процессе был один из старейших членов большевистской партии - Николай Николаевич Крестинский. В первые, самые трудные годы советской власти он, будучи секретарём ЦК, помогал Ленину в организационных вопросах. При Ленине Крестинский был народным комиссаром финансов. За пределами СССР он был известен, однако, в первую очередь как влиятельный дипломат. В течение десяти лет он занимал должность полпреда в Германии, а в дальнейшем - заместителя наркома иностранных дел Максима Литвинова.	Nikolai Krestinsky Among the defendants at the Bukharin trial was one of the oldest members of the Bolshevik Party, Nikolai Nikolaevich Krestinsky. In the first, most difficult years of Soviet power, he, being secretary of the Central Committee, helped Lenin in organizational matters. Under Lenin, Krestinsky was People's Commissar of Finance. Outside the USSR, however, he was known primarily as an influential diplomat. For ten years he served as plenipotentiary in Germany, and later - Deputy People's Commissar for Foreign Affairs Maxim Litvinov.
Несмотря на то что Крестинский принадлежал к плеяде стойких, закалённых революционеров, по натуре он был типичным благодушным интеллигентом. Самые высокие государственные должности не превратили его в самодовольного сановника. К подчинённым, даже самым незначительным, он относился с присущими ему простотой и пониманием, точно так же, как обращался с самыми важными персонами в Кремле. Ему были симпатичны честные и скромные люди, зато он терпеть не мог интриганов и карьеристов. Неудивительно, что коварный и жестокий Сталин не пользовался его симпатиями. "Я ненавижу этого	Despite the fact that Krestinsky belonged to a galaxy of staunch, seasoned revolutionaries, by nature he was a typical complacent intellectual. The highest government positions did not turn him into a self-satisfied dignitary. He treated his subordinates, even the most insignificant, with his usual simplicity and understanding, just as he treated the most important people in the Kremlin. He liked honest and modest people, but he could not stand intriguers and careerists. It is not surprising that the cunning and cruel Stalin did not enjoy his sympathies. “I hate this disgusting type with his yellow eyes,” he once said about Stalin in a narrow circle of friends; however, it was back in those days

отвратительного типа с его жёлтыми глазами", - отозвался он как-то о Сталине в узком дружеском кругу; впрочем, это было ещё в те времена, когда можно было произнести такую фразу, не подвергая свою жизнь опасности.	when it was possible to utter such a phrase without endangering one's life.
Когда в 1936 году Сталин решил окончательно свести счёты с ленинскими соратниками, Крестинский совершенно естественно оказался среди тех, кто стал его жертвой. Даже тот факт, что Сталин был знаком с Крестинским больше двадцати пяти лет, что они вместе работали в питерском подполье, не мог смягчить участи этого человека. Напротив, это скорее способствовало гибели Крестинского, ибо, как мы уже знаем, Сталин не терпел людей, знавших слишком много о его прошлом. В связи с его злодеяниями последних лет они могли соответственно истолковать и некоторые сомнительные моменты его биографии, над которыми раньше, быть может, особенно не задумывались.	When, in 1936, Stalin decided to finally settle accounts with Lenin's associates, Krestinsky quite naturally found himself among those who became his victim. Even the fact that Stalin knew Krestinsky for more than twenty-five years, that they worked together in the St. Petersburg underground, could not mitigate the fate of this man. On the contrary, it rather contributed to the death of Krestinsky, because, as we already know, Stalin did not tolerate people who knew too much about his past. In connection with his atrocities of recent years, they could accordingly interpret some dubious moments of his biography, which, perhaps, they had not given much thought to before.
Кошмар двух первых московских процессов миновал Крестинского, он оставался пока что на свободе. Но расстрелянные были его близкими друзьями, так что он не мог не понимать, что близится и его час. Ему оставалось надеяться лишь на то, что, будучи заместителем наркома иностранных дел, он лично знаком со многими влиятельными государственными деятелями Европы, к которым даже Сталин относился с уважением. Можно было думать, что Сталин воздержится от его "ликвидации", а тем временем кровавая волна террора спадёт...	The nightmare of the first two Moscow trials passed Krestinsky, he remained at large for the time being. But the executed were his close friends, so he could not help but understand that his hour was approaching. He could only hope that, as Deputy People's Commissar for Foreign Affairs, he was personally acquainted with many influential European statesmen, whom even Stalin treated with respect. One could think that Stalin would refrain from "liquidating" him, and in the meantime the bloody wave of terror would subside ...
27 марта 1937 года эти надежды рухнули. Из наркомата иностранных дел Крестинский был переведён на должность заместителя наркома юстиции РСФСР. Нетрудно было понять, что это означает.	On March 27, 1937, these hopes were dashed. From the People's Commissariat for Foreign Affairs, Krestinsky was transferred to the post of Deputy People's Commissar of Justice of the RSFSR. It was not difficult to understand what this meant.
Большинство сталинских жертв попадало в застенки НКВД непосредственно с тех постов, которые они занимали до этого. Но иногда, чтобы замаскировать тот или иной арест и сделать его менее заметным, Сталин на короткое время назначал свою жертву на какую-нибудь промежуточную должность во второстепенном наркомате. Так, между прочим, он поступил с Ягодой, назначив его после удаления из НКВД наркомом связи. А вскоре бывший глава НКВД объявился на третьем московском процессе уже в качестве подсудимого. Известный герой Октября Антонов-Овсеенко в 1937 году был отозван с дипломатического поста в Испании и назначен на полуфиктивную должность наркома юстиции РСФСР, с которой	Most of Stalin's victims fell into the dungeons of the NKVD directly from the posts they had previously held. But sometimes, in order to disguise this or that arrest and make it less noticeable, Stalin appointed his victim for a short time to some intermediate position in a secondary people's commissariat. So, by the way, he did with Yagoda, appointing him, after his removal from the NKVD, as People's Commissar for Communications. And soon the former head of the NKVD showed up at the third Moscow trial already as a defendant. The well-known hero of October, Antonov-Ovseenko, was recalled from his diplomatic post in Spain in 1937 and appointed to the semi-fictitious position of People's Commissar of Justice of the RSFSR, from which he quickly disappeared.

быстро исчез . Заместителем наркома юстиции РСФСР стал теперь и ещё один смертник - Крестинский.	Another suicide bomber, Krestinsky, has now become Deputy People's Commissar of Justice of the RSFSR.
Его не арестовали сразу же после нового назначения. Сталин дал ему возможность пробыть в этом "подвешенном состоянии" ещё два с лишним месяца. Он явно рассчитывал, что напряженное ожидание ареста - со дня на день, с часу на час, - измотает Крестинского и подорвёт его способность к сопротивлению на следствии. В сталинской мышеловке ему предстояло почувствовать, как выглядит смертельная агония, растянутая во времени...	He was not arrested immediately after the new appointment. Stalin gave him the opportunity to stay in this "suspended state" for more than two more months. He clearly calculated that the tense expectation of arrest - from day to day, from hour to hour - would exhaust Krestinsky and undermine his ability to resist during the investigation. In the Stalinist mousetrap, he had to feel what death agony looks like, stretched out in time ...
К тому же и он опасался за судьбу жены и единственной дочери Наташи, которой было пятнадцать лет, - стало быть, она подпадала под сталинский закон от 7 апреля 1935 года, предусматривающий смертную казнь для несовершеннолетних. Я знал эту девочку с пятилетнего возраста, и для меня не было секретом, что родители в ней души не чаяли. Наташа была во многом копией отца: она унаследовала не только его живой ум и поразительную память, но даже черты лица и сильную близорукость.	In addition, he feared for the fate of his wife and only daughter, Natasha, who was fifteen years old - therefore, she fell under the Stalinist law of April 7, 1935, which provides for the death penalty for minors. I knew this girl from the age of five, and it was no secret to me that her parents doted on her. Natasha was in many ways a copy of her father: she inherited not only his lively mind and amazing memory, but even facial features and severe myopia.
Крестинский был арестован в конце мая. После того как крупнейшие деятели партии оклеветали себя на двух предыдущих процессах, ему уже не приходилось опасаться, что его ложные признания могут дискредитировать большевистскую партию. Всё, что было ему дорого, Сталин и его подручные повергли в грязь, растоптали и пропитали кровью его ближайших друзей. У Крестинского не было уверенности, что удастся спасти жену, но жизнь дочери, безусловно, будет спасена, если он согласится заплатить за неё цену, назначенную Сталиным.	Krestinsky was arrested at the end of May. After the leading figures of the party had slandered themselves in the two previous trials, he no longer had to fear that his false confessions might discredit the Bolshevik Party. Everything that was dear to him, Stalin and his henchmen plunged into the mud, trampled and drenched his closest friends with blood. Krestinsky was not sure that he would be able to save his wife, but his daughter's life would certainly be saved if he agreed to pay the price set by Stalin for her.
Когда-то Крестинский был юристом, и он лучше других понимал, чего ему ждать от энкаведистского следствия и сталинского суда. Ещё до ареста он сказал себе, что сопротивление бесполезно и что ему придется договориться по-хорошему с руководством НКВД, как только он окажется в их власти. В июне он уже подписал своё первое "признание".	Once Krestinsky was a lawyer, and he understood better than others what to expect from the NKVD investigation and the Stalinist court. Even before his arrest, he told himself that resistance was useless and that he would have to come to an amicable agreement with the leadership of the NKVD as soon as he was in their power. In June, he had already signed his first "confession".
Но на самом суде произошёл эпизод, не оставшийся незамеченным теми, кто внимательно следил за ходом процесса.	But at the trial itself, an episode occurred that did not go unnoticed by those who closely followed the course of the process.
Когда в первый же день суда председательствующий спросил Крестинского, признаёт ли он свою вину, тот твёрдо ответил: - Я не признаю себя виновным. Я не троцкист. Я никогда не был участником "право-троцкистского блока", о существовании которого я не знал. Я не совершил также ни одного из тех преступлений, которые	When, on the very first day of the trial, the presiding judge asked Krestinsky if he admitted his guilt, he firmly replied: - I do not plead guilty. I am not a Trotskyist. I have never been a member of the "bloc of Rights and Trotskyists", the existence of which I did not know. I also did not commit any of the crimes that are personally charged to me, in

вменяются лично мне, в частности я не признаю себя виновным в связях с германской разведкой.	particular, I do not plead guilty to having links with German intelligence.
Это был первый (и последний) случай на протяжении всех трёх московских процессов, когда подсудимый рискнул на суде прямо заявить о своей невиновности по всем пунктам предъявленного обвинения.	It was the first (and last) case during all three Moscow trials when the defendant took the risk of directly declaring his innocence in court on all counts of the charge.
Заявление Крестинского породило массу толков. Люди, следившие за ходом процесса, с острым интересом ожидали, удастся ли Крестинскому довести свой поединок с судом до победного конца.	Krestinsky's statement gave rise to a lot of talk. The people who followed the course of the trial were waiting with keen interest to see if Krestinsky would be able to bring his duel with the court to a victorious end.
На следующий день, 3 марта 1938 года, Крестинского снова ввели в зал суда вместе со всеми обвиняемыми. В течение утреннего заседания он не сказал ни слова, и прокурор не задал ему ни единого вопроса. На вечернем заседании он поднялся и обратился к судьям с такой речью: - Вчера под влиянием минутного острого чувства ложного стыда, вызванного обстановкой скамьи подсудимых и тяжёлым впечатлением от оглашения обвинительного акта, усугублённым моим болезненным состоянием, я не в состоянии был сказать правду, не в состоянии был сказать, что я виновен. И вместо того, чтобы сказать "да, я виновен", я почти машинально ответил: "нет, не виновен".	The next day, March 3, 1938, Krestinsky was again brought into the courtroom along with all the accused. During the morning session, he did not say a word, and the prosecutor did not ask him a single question. At the evening meeting, he got up and addressed the judges with the following speech: - Yesterday, under the influence of a momentary acute feeling of false shame caused by the situation in the dock and the heavy impression of the reading of the indictment, aggravated by my morbid condition, I was not able to tell the truth, not in was able to say that I was guilty. And instead of saying "yes, I'm guilty," I almost automatically answered: "no, not guilty."
За границей, у тех, кто по газетам следил за процессом, естественно, возник вопрос: что сделали с Крестинским в ночь со второго на третье марта? Любому непредубеждённому человеку невольно приходили на ум страшные орудия пытки.	Abroad, those who followed the process through the newspapers naturally had a question: what was done to Krestinsky on the night of March 2-3? Any unprejudiced person involuntarily came to mind terrible instruments of torture.
Между тем энкаведистам не требовались какие-то новые средства принуждения, чтобы заставить Крестинского внезапно изменить свою позицию. Эта попытка отречься от собственных показаний была не более чем актом всё того же фальшивого спектакля, который разворачивался на суде по сталинским указаниям. Сталин знал о подозрениях, вызванных на Западе тем, что на первых двух процессах все обвиняемые в один голос признавали свою вину и вместо того, чтобы подыскивать смягчающие обстоятельства, каждый из них старался взять на себя львиную долю преступлений, в которых их обвиняли.	Meanwhile, the NKVD did not need any new means of coercion to force Krestinsky to suddenly change his position. This attempt to recant his own testimony was nothing more than an act of the same false performance that unfolded at the trial on Stalin's instructions. Stalin was aware of the suspicions aroused in the West by the fact that in the first two trials, all the accused unanimously admitted their guilt and, instead of looking for mitigating circumstances, each of them tried to take on the lion's share of the crimes of which they were accused.
Он понял, что зарубежные критики нащупали слабое место в его процессах, где подсудимые так старательно следовали предназначенной роли, что даже переигрывали. Теперь он решил показать, что не все обвиняемые ведут себя, точно автоматы. Выбор	He realized that foreign critics had found a weak point in his trials, where the defendants followed their intended role so diligently that they even overplayed it. Now he decided to show that not all the accused behave like automatons. The choice fell on Krestinsky. Already during

пал на Крестинского. Он уже на следствии в НКВД показал себя одним из наиболее уступчивых, а во-вторых, как бывший юрист, он скорее мог уловить поощрительные намёки прокурора и отреагировать на них, включившись в игру в наиболее подходящий момент.	the investigation in the NKVD, he showed himself to be one of the most compliant, and secondly, as a former lawyer, he was more likely to catch the prosecutor's encouraging hints and respond to them, joining the game at the most opportune moment.
Хотя Троцкий находился за тысячи километров от зала суда, все знали, что именно он, как и на предыдущих процессах, был здесь главным подсудимым. Именно ради него вновь пришла в действие гигантская машина сталинских фальсификаций, и каждый из подсудимых отчётливо чувствовал, как пульсируют здесь сталинская ненависть и сталинская жажда мщения, нацеленные на далёкого Троцкого. Накал этой ненависти был сравним разве что с завистью, какую Сталин годами испытывал к блестящим способностям и революционным заслугам этого человека.	Although Trotsky was thousands of kilometers from the courtroom, everyone knew that it was he, as in previous trials, who was the main defendant here. It was for his sake that the gigantic machine of Stalinist falsifications came into action again, and each of the defendants clearly felt how Stalin's hatred and Stalin's thirst for revenge were pulsing here, aimed at the distant Trotsky. The intensity of this hatred was comparable only to the envy that Stalin had for years for the brilliant abilities and revolutionary merits of this man.
Сталин знал, каким сильнодействующим средством является клевета, и поэтому манипулировал ею в тщательно отмеряемых дозах. Сюда относились, во-первых, более или менее стандартные обвинения Троцкого в "недооценке крестьянства" и в "недостаточной уверенности в силах пролетариата". Затем следовали обвинения Троцкого в подготовке террористических актов. Наконец, на втором из процессов Сталин обвинил Троцкого в прямом шпионаже в пользу фашистской Германии. Но вот в Москве собрался ещё один суд. Он должен отдать в руки палачей последнюю группу ленинских соратников, и срочно требуется свежая доза инсинуаций против Троцкого. Конечно, после того как Троцкий уже был назван шпионом и агентом германского генерального штаба, трудно было швырнуть ему в лицо ещё более страшные обвинения. Тем не менее, при желании они нашлись, и огласить их поручено было Крестинскому. За эту услугу ему обещали сохранить жизнь. И вот, если на предыдущем судебном процессе Троцкий оказался германским агентом начиная с 1935 года, то теперь Крестинский получает указание объявить, что и он сам, и, разумеется, Троцкий сделались тайными агентами германского генерального штаба ещё в 1921 году! Однако, продлевая шпионский послужной список Троцкого, Сталин не заметил, что тем самым он подрывает основную предпосылку, на которой базировался весь его миф о сотрудничестве Троцкого с германским генштабом. Эта предпосылка была изобретена в своё время Сталиным главным образом в расчёте на заграницу и базировалась на утверждении, что Троцкий и прочие лидеры	Stalin knew what a powerful tool slander was, and therefore he manipulated it in carefully measured doses. These included, first, Trotsky's more or less standard accusations of "underestimating the peasantry" and of "insufficient confidence in the strength of the proletariat." Then followed Trotsky's accusations of preparing terrorist acts. Finally, at the second of the trials, Stalin accused Trotsky of direct espionage for Nazi Germany. But here in Moscow, another court gathered. He must hand over the last group of Lenin's comrades-in-arms to the executioners, and a fresh dose of insinuations against Trotsky is urgently needed. Of course, after Trotsky had already been called a spy and agent of the German General Staff, it was difficult to throw even more terrible accusations in his face. Nevertheless, if desired, they were found, and Krestinsky was instructed to announce them. For this service, he was promised to save his life. And so, if at the previous trial Trotsky turned out to be a German agent starting in 1935, now Krestinsky is instructed to announce that he himself, and, of course, Trotsky became secret agents of the German General Staff back in 1921! However, in extending Trotsky's espionage record, Stalin did not notice that he was thereby undermining the basic premise on which his entire myth of Trotsky's collaboration with the German General Staff was based. This premise was invented at one time by Stalin, mainly with a view to foreign countries, and was based on the assertion that Trotsky and other leaders of the opposition were mired in the most heinous crimes because they wanted to regain the power they had lost.

оппозиции погрязли в самых гнусных преступлениях, потому что хотели вернуть себе власть, которой лишились.	
Между тем в 1921 году Троцкому не могло прийти в голову бороться за вырванную у него из рук власть по той простой причине, что никто её не пытался даже оспаривать. Троцкий находился тогда в зените славы и на вершине власти. Он почитался как легендарный герой Октябрьской революции и руководитель Красной армии, только что разбившей всех врагов республики на десятке фронтов. Зачем же было Троцкому уже тогда становиться шпионом? Чтобы шпионить за самим собой? Или чтобы разложить Красную армию, которую он создал своими руками и вёл от победы к победе? Что касается Крестинского, то он сказал на суде всё, что от него требовалось. Сталин, как обычно, не сдержал своего обещания, и Крестинский был расстрелян. Его жена, по профессии врач, директор детской больницы, была арестована, и мне думается, что её постигла та же участь. О судьбе их дочери мне ничего не известно.	Meanwhile, in 1921, it could not occur to Trotsky to fight for the power wrested from his hands for the simple reason that no one even tried to challenge it. Trotsky was then at the zenith of glory and at the pinnacle of power. He was revered as the legendary hero of the October Revolution and the leader of the Red Army, which had just defeated all the enemies of the republic on a dozen fronts. Why did Trotsky even then become a spy? To spy on yourself? Or to decompose the Red Army, which he created with his own hands and led from victory to victory? As for Krestinsky, he said at the trial everything that was required of him. Stalin, as usual, did not keep his promise, and Krestinsky was shot. His wife, a doctor by profession, the director of a children's hospital, was arrested, and I think that she suffered the same fate. I do not know anything about the fate of their daughter.
КОЗЛЫ ОТПУЩЕНИЯ Хотя советская печать изо дня в день выражала от имени безмолвствующего народа любовь и благодарность товарищу Сталину, у него самого не было иллюзий относительно подлинного отношения к нему народных масс. Из секретных донесений НКВД он знал, что ни рабочие, ни колхозники не восторгались его правлением. Неуклонно следя за растущей волной недовольства, он, подобно кочегару, у которого давление пара в котле слишком поднялось и стрелка манометра перешла уже за красную черту, хватался за рычаг сброса давления. Средство успокоить народ у него было только одно: "перекачать" наиболее непокорные элементы в концентрационные лагеря Сибири и Казахстана.	Scapegoats Although the Soviet press day after day expressed love and gratitude to Comrade Stalin on behalf of the silent people, he himself had no illusions about the true attitude of the masses of the people towards him. From the secret reports of the NKVD, he knew that neither the workers nor the collective farmers were enthusiastic about his rule. Steadily following the growing wave of discontent, he, like a stoker whose steam pressure in the boiler had risen too much and the pressure gauge needle had already crossed the red line, grabbed the pressure relief lever. He had only one means to calm the people: to "pump" the most recalcitrant elements into the concentration camps of Siberia and Kazakhstan.
Путём безжалостных преследований Сталин насаждал в народе страх перед его мощной государственной машиной, но не мог погасить недовольство, которое являлось ахиллесовой пятой его режима.	Through ruthless persecution, Stalin instilled in the people fear of his powerful state machine, but could not extinguish the discontent that was the Achilles' heel of his regime.
Каждый тиран предпринимает попытки отвратить от себя народное недовольство и свалить свои грехи на других. Царское правительство старалось натравить тёмный народ на "инородцев", которые изображались виновниками всех бедствий русского населения. Не случайно звериным антисемитизмом отличался Гитлер. Сталин годами использовал в качестве громоотвода мифические "остатки российской буржуазии", возлагая на них	Every tyrant makes an attempt to avert popular discontent from himself and to blame his sins on others. The tsarist government tried to incite the dark people against the "foreigners", who were portrayed as the culprits of all the disasters of the Russian population. It is no coincidence that Hitler was distinguished by bestial anti-Semitism. For years, Stalin used the mythical "remnants of the Russian bourgeoisie" as a lightning rod, blaming them for the failures in the economy and for the hopeless

ответственность за провалы в экономике и за ту беспросветную нужду, в которую погрузилась при нём страна.	need that the country plunged into under him.
Наглядными проявлениями такой политики были состоявшиеся в 1928 и 1930 годах Шахтинский процесс и "Дело Промпартии". На этих судебных процессах выдающихся инженеров и учёных вынудили рассказывать басни о том, как они подрывали советскую промышленность по указке заводчиков и банкиров, давно бежавших за границу. С этими процессами Сталину так же не повезло, как и с дальнейшими судебными спектаклями. Например, на процессе по делу "Промпартии" один из главных обвиняемых, знаменитый Рамзин, со многими подробностями рассказывал, как он получал вредительские инструкции от двух российских капиталистов, живших за границей, - Рябушинского и Вышнеградского. Когда были опубликованы официальные отчёты об этом процессе, выяснилось, что оба капиталиста умерли задолго до того, как они начали инструктировать Рамзина.	Clear manifestations of such a policy were held in 1928 and 1930, the Shakhty process and the "Industrial Party Case". At these trials, prominent engineers and scientists were forced to tell fables about how they undermined the Soviet industry at the behest of factory owners and bankers who had long fled abroad. With these processes, Stalin was just as unlucky as with further court performances. For example, at the trial in the Industrial Party case, one of the main defendants, the famous Ramzin, told in many details how he received wrecking instructions from two Russian capitalists living abroad - Ryabushinsky and Vyshnegradsky. When the official accounts of this process were published, it turned out that both capitalists had died long before they began instructing Ramzin.
До 1937 года Сталин ещё не решался возлагать на лидеров оппозиции вину за экономический кризис, поразивший страну, за нехватку продовольствия, которая была вызвана коллективизацией. Только после первого из московских процессов и казни Зиновьева и Каменева он задался целью возложить ответственность за голод и другие бедствия всё на тот же троцкистско-зиновьевский центр.	Until 1937, Stalin was hesitant to place the blame on the leaders of the opposition for the economic crisis that hit the country, for the food shortages that had been caused by collectivization. Only after the first of the Moscow trials and the execution of Zinoviev and Kamenev did he set out to lay the responsibility for the famine and other disasters on the same Trotskyist-Zinoviev center.
Ради этого он изменил направление официальной пропаганды. Всем было памятно, с каким негодованием печать опровергала сообщения иностранных газет о голоде в СССР, об эксплуатации рабочих, о крестьянских восстаниях. Советские газеты клеймили авторов этих сообщений как архилгунов, доказывая, что Советский Союз - единственная в мире страна, где рабочие наслаждаются счастьем свободного труда, а благосостояние народа с каждым годом неуклонно растёт.	For this he changed the direction of official propaganda. Everyone remembered how indignantly the press refuted the reports of foreign newspapers about the famine in the USSR, about the exploitation of workers, about peasant uprisings. Soviet newspapers denounced the authors of these reports as arkhilguns, proving that the Soviet Union is the only country in the world where workers enjoy the happiness of free labor, and the well-being of the people is steadily growing every year.
Весь этот поток восхвалений и лжи предназначался, конечно, для западных стран, ибо самая искусная пропаганда не смогла бы убедить рабочих и крестьян в том, что их благосостояние растёт, между тем как в действительности они при советской власти вечно недоедали.	All this flow of praises and lies was intended, of course, for the Western countries, because the most skillful propaganda could not convince the workers and peasants that their well-being is growing, while in reality they were always underfed under Soviet rule.
И вот начиная с 1937 года Сталин решился признать многие вещи, которые он до того упорно отрицал. Он решился объяснить народным массам, что во всех трудностях и страданиях следует обвинять не правительство, а вождей оппозиции.	And so, starting in 1937, Stalin decided to admit many things that he had stubbornly denied before. He decided to explain to the masses that all the difficulties and suffering should be blamed not on the government, but on the leaders of the opposition.
При этом Сталин полагал, что массы могут и не поверить этой	At the same time, Stalin believed that the masses might not believe

странной версии, если она будет исходить от него лично или от его штатных пропагандистов. А вот если бывшие вожди оппозиции сами признаются на суде и разрисуют во всех подробностях, как они умышленно портили колоссальные запасы продовольствия, губили скот и дезорганизовывали промышленность и торговлю, - тогда всё будет выглядеть по-другому.	this strange version if it came from him personally or from his staff propagandists. But if the former leaders of the opposition themselves confess in court and paint in every detail how they deliberately spoiled colossal food supplies, destroyed livestock and disorganized industry and trade, then everything will look different.
Задача поведать на суде о вредительстве оппозиционеров в области сельского хозяйства была возложена на двух обвиняемых - Михаила Чернова и Василия Шаранговича. Сталин сделал свой выбор на этой паре вовсе не случайно. Оба оставили о себе жуткую память - первый на Украине, второй в Белоруссии. Не кто иной, как Чернов, был наркомом земледелия и, следуя сталинским указаниям, проводил на Украине свирепую коллективизацию. В 1928 году по распоряжению ЦК, не останавливаясь перед насилием и жестокостью, он осуществил здесь реквизицию зерна у крестьян. Второй - Шарангович - был секретарём белорусского ЦК партии и теми же террористическими приёмами коллективизировал белорусскую деревню.	The task of telling the court about the sabotage of the oppositionists in the field of agriculture was entrusted to two defendants - Mikhail Chernov and Vasily Sharangovich. Stalin made his choice on this pair not by chance. Both left a terrible memory of themselves - the first in Ukraine, the second in Belarus. None other than Chernov was the People's Commissar for Agriculture and, following Stalin's instructions, carried out a ferocious collectivization in Ukraine. In 1928, by order of the Central Committee, without stopping before violence and cruelty, he carried out a requisition of grain from the peasants here. The second - Sharangovich - was the secretary of the Belarusian Central Committee of the party and collectivized the Belarusian village with the same terrorist methods.
Оба не были старыми большевиками и никогда не принадлежали к оппозиции В партию они вступили уже после окончания гражданской войны и подобно многим, которых Сталин начал выдвигать уже после смерти Ленина, сделали карьеру, активно участвуя в клеветнических кампаниях против оппозиции. У Чернова было, кстати, ещё дополнительное достоинство: подобно Сталину, он учился когда-то в духовной семинарии.	Both were not old Bolsheviks and never belonged to the opposition. They joined the party after the end of the civil war and, like many whom Stalin began to nominate after the death of Lenin, made a career actively participating in smear campaigns against the opposition. By the way, Chernov had an additional advantage: like Stalin, he once studied at a theological seminary.
Итак, сталинский трюк состоял в том, чтобы выпустить на процесс в качестве обвиняемых своих высокопоставленных сановников, проводивших на селе именно сталинскую политику насильственной коллективизации; приказать им, чтобы они заявили перед судом, что на самом деле они были тайными агентами Бухарина и Рыкова и свирепствовали на украинской и белорусской земле, выполняя бухаринско-рыковскую инструкцию. А дана эта инструкция была исключительно для того, чтобы вызвать недовольство крестьян сталинским режимом.	So, the Stalinist trick was to bring to trial as accused his high-ranking dignitaries, who carried out precisely the Stalinist policy of forcible collectivization in the countryside; order them to declare before the court that in fact they were secret agents of Bukharin and Rykov and raged on Ukrainian and Belarusian soil, following the Bukharin-Rykov instructions. And this instruction was given solely in order to cause dissatisfaction of the peasants with the Stalinist regime.
На процессе Чернов сознавался, что он и его сообщники по заговору "старались неправильно планировать посевные площади, чтобы уменьшить в стране количество пахотных земель и одновременно вызвать недовольство крестьянства... портить тракторы и комбайны, заражать болезнетворными бациллами	At the trial, Chernov confessed that he and his accomplices in the conspiracy "tried to plan the sown areas incorrectly in order to reduce the amount of arable land in the country and at the same time arouse the discontent of the peasantry ... to spoil tractors and combines, to infect elevators and barns with pathogenic bacilli ..." Echoing to him,

элеваторы и амбары..." Вторя ему, Шарангович объяснил, что в 1936 году он с сообщниками "вызвал большую вспышку анемии (!), в результате которой погибло около 30 тысяч лошадей".	Sharangovich explained that in 1936 he and his accomplices "caused a large outbreak of anemia (!), As a result of which about 30 thousand horses died."
Не менее фантастические вредительские акты приписывались подсудимым и в других областях экономики - в тяжёлой и лёгкой промышленности, внутренней и внешней торговле, а также в финансовой политике государства. Все достижения индустриализации трактовались как заслуга Сталина; все упущения и хаос - как результат деятельности оппозиции. Становилось всё более ясным, что Сталин печётся лишь о благе народа. Его противники, наоборот, сеяли трудности и лишения с явной целью спровоцировать в народе недовольство Сталиным. Для достижения этой цели вредители не останавливались даже перед организацией взрывов на угольных шахтах, рассчитывая на гибель большого количества шахтеров... Один из подсудимых согласился с прокурором в том, что бывшие лидеры оппозиции придерживались такой точки зрения: "человеческие жертвы - вещь хорошая, потому что вызовут недовольство рабочих".	No less fantastic acts of sabotage were attributed to the defendants in other areas of the economy - in heavy and light industry, domestic and foreign trade, as well as in the financial policy of the state. All the achievements of industrialization were interpreted as the merit of Stalin; all omissions and chaos - as a result of the activities of the opposition. It became more and more clear that Stalin cares only about the welfare of the people. His opponents, on the contrary, sowed difficulties and hardships with the express purpose of provoking dissatisfaction with Stalin among the people. To achieve this goal, the wreckers did not even stop at organizing explosions in coal mines, counting on the death of a large number of miners ... One of the defendants agreed with the prosecutor that the former opposition leaders adhered to the following point of view: which will cause discontent among the workers.
Не менее яркой была представленная суду картина вредительства на железнодорожном транспорте. Железнодорожные катастрофы случаются и нередко влекут за собой человеческие жертвы не только в отсталых, но и в высокоразвитых странах, где железные дороги оснащены самой совершенной техникой. В СССР получилось так, что устаревшим дорогам, построенным ещё в царское время, пришлось работать с огромной перегрузкой. Постоянным явлением на транспорте были пробки, а частые крушения поездов стали настоящим бедствием. В каждом таком случае производилось какое-то расследование, обнаруживались истинные или мнимые виновники, их давно расстреляли, однако теперь Сталин приказал НКВД вновь поднять материалы об этих происшествиях, отобрать наиболее страшные и выдать их на третьем московском процессе за результат вредительской деятельности оппозиционеров.	No less vivid was the picture of sabotage in railway transport presented to the court. Railway accidents happen and often entail human casualties not only in backward, but also in highly developed countries, where railways are equipped with the most advanced technology. In the USSR, it turned out that outdated roads built back in tsarist times had to work with a huge overload. Traffic jams were a constant phenomenon in transport, and frequent train crashes became a real disaster. In each such case, some kind of investigation was carried out, the true or imaginary culprits were discovered, they were shot a long time ago, but now Stalin ordered the NKVD to re-raise the materials about these incidents, select the most terrible ones and pass them off at the third Moscow trial as the result of the wrecking activities of the opposition.
Но самые кошмарные истории страна услышала даже не от организаторов железнодорожных катастроф, а от старого большевика Зеленского. Поощряемый наводящими вопросами генерального обвинителя Вышинского, он рассказал на суде о том, как вместе со своими сообщниками дезорганизовал советскую торговлю, чтобы лишить население продовольствия и товаров первой необходимости. Зная, как народ страдает от хронического недоедания, Сталин решил	But the country heard the most nightmarish stories not even from the organizers of railway accidents, but from the old Bolshevik Zelensky. Encouraged by the leading questions of the Prosecutor General Vyshinsky, he told the court how, together with his accomplices, he disrupted Soviet trade in order to deprive the population of food and essential goods. Knowing how the people suffer from chronic malnutrition, Stalin decided to play on this painful problem in order to

сыграть и на этой болезненной проблеме, чтобы снять с себя ответственность за вечный дефицит самых необходимых продуктов.	relieve himself of responsibility for the eternal shortage of the most necessary products.
Зеленский рассказывал, что, являясь главой так называемого Центросоюза, он создавал перебои в снабжении населения товарами. В результате его вредительской деятельности в лавках, потребкооперации не оказалось ни сахара, ни соли, ни махорки, на которые всегда был большой спрос. Он ввёл в торговой сети принцип неравномерного распределения товаров, так что в одних лавках не хватало самого необходимого, а в другие, напротив, завозился избыток товаров в расчёте на их порчу. И вновь повторялся уже знакомый рефрен: всё это делалось для того, чтобы возбудить в народе недовольство сталинским режимом.	Zelensky said that, being the head of the so-called Centrosoyuz, he created interruptions in the supply of goods to the population. As a result of his wrecking activities in the shops, consumer cooperation, there was no sugar, no salt, no shag, for which there was always a great demand. He introduced the principle of uneven distribution of goods in the trading network, so that in some shops there was not enough of the essentials, while in others, on the contrary, an excess of goods was brought in, counting on their spoilage. And the already familiar refrain was repeated again: all this was done in order to arouse discontent among the people with the Stalinist regime.
Но Вышинскому и этого было недостаточно. Он знал, что Сталин ждёт более пикантных разоблачений.	But Vyshinsky and this was not enough. He knew that Stalin was waiting for more juicy revelations.
- А как обстояло дело с маслом из-за вашей вредительской деятельности? - выпытывал Вышинский у подсудимого с наглостью профессионального шантажиста.	- And what was the situation with butter because of your wrecking activities? Vyshinsky asked the defendant with the impudence of a professional blackmailer.
Целому поколению детей, родившихся после 1927 года, был незнаком даже вкус сливочного масла. С 1928 по 1935 год российские граждане могли увидеть масло только в витринах так называемых торгсинов, где всё продавалось только в обмен на золото или иностранную валюту. В 1935 году, когда карточная система, державшаяся шесть лет подряд, была наконец отменена, масло появилось в коммерческих магазинах, однако по совершенно недоступной для населения цене.	An entire generation of children born after 1927 did not even know the taste of butter. From 1928 to 1935, Russian citizens could only see butter in the windows of the so-called torgsins, where everything was sold only in exchange for gold or foreign currency. In 1935, when the rationing system, which had been in place for six years in a row, was finally abolished, oil appeared in commercial stores, but at a price completely unaffordable to the public.
Теперь Вышинскому требовалось, чтобы Зеленский признал, что именно руководители оппозиции, а не кто другой, лишили народ возможности видеть на своём столе масло.	Now Vyshinsky needed Zelensky to admit that it was the leaders of the opposition, and no one else, who had deprived the people of the opportunity to see butter on their table.
- Как обстоят дела с маслом, вот что меня интересует! - восклицал он. - Вы тут говорили о соли, о сахаре и так далее, о том, как вы путём саботажа лишили магазины этих продуктов. Ну, а как было с маслом? - Маслом мы в деревне не торгуем, - отвечал Зеленский.	- How are things with butter, that's what interests me! he exclaimed. - You were talking about salt, sugar and so on, about how you deprived the stores of these products by sabotage. Well, what about the oil? “We don’t sell oil in the village,” Zelensky replied.
- Я не спрашиваю вас, чем вы торгуете, - раздражённо прервал его Вышинский. - Вы торговали раньше всего Родиной... Но что вам известно относительно торговли маслом? Этот пункт, очевидно, не был заранее полностью согласован с обвиняемым, и Зеленский никак не мог сообразить, чего от него хотят. Он повторил: - Я же вам сказал, что кооперативы не торгуют маслом в деревне...	"I'm not asking you what you're trading in," Vyshinsky interrupted him irritably. - First of all, you traded in the Motherland ... But what do you know about the oil trade? This item, obviously, was not fully agreed with the accused in advance, and Zelensky could not figure out what they wanted from him. He repeated: “I told you that the cooperatives don’t sell oil in the countryside...
- Я вас не спрашиваю, чем вы торгуете, - опять оборвал Вышинский.	"I'm not asking you what you're trading in," Vyshinsky interrupted

- Вы тут не торговец, а член организации заговорщиков. Что вам известно насчёт масла? - Ничего, - отвечал Зеленский, всё ещё не понимая, куда клонит прокурор.	again. - You are not a merchant here, but a member of an organization of conspirators. What do you know about oil? "Nothing," Zelensky answered, still not understanding where the prosecutor was driving.
В этот момент председательствующий Ульрих потребовал от Зеленского, чтобы он отвечал по существу и перестал пререкаться с прокурором. Зеленский больше не возражал Вышинскому и в ответ на дальнейшие вопросы подтвердил, что руководители оппозиции повинны в нехватке масла. Кроме того, он поддакнул Вышинскому ещё в одном: участники заговора подбрасывали в масло гвозди и битое стекло.	At that moment, the presiding Ulrich demanded that Zelensky answer on the merits and stop arguing with the prosecutor. Zelensky no longer objected to Vyshinsky and, in response to further questions, confirmed that the leaders of the opposition were to blame for the lack of butter. In addition, he agreed with Vyshinsky in one more thing: the participants in the conspiracy threw nails and broken glass into the oil.
- Вы отвечаете за всю преступную деятельность блока? - спросил Вышинский.	- Are you responsible for all the bloc's criminal activities? asked Vyshinsky.
- Да, за всю.	- Yes, for everything.
- За гвозди, за стекло, подброшенное в масло, чтобы ранить нашим людям горло и желудок, вы отвечаете? - напирал Вышинский.	- For nails, for glass thrown into the oil to injure our people's throats and stomachs, are you responsible? Vyshinsky pressed on.
- Отвечаю, - смиренно подтвердил Зеленский.	- I answer, - Zelensky humbly confirmed.
Эти горы лжи понадобилось нагромоздить для того, чтобы в своей обвинительной речи Вышинский мог сформулировать тезисы, действительным автором которых был Сталин.	These mountains of lies had to be heaped up so that in his accusatory speech Vyshinsky could formulate the theses, the real author of which was Stalin.
- В нашей стране, богатой всевозможными ресурсами, не могло и не может быть такого положения, когда какой бы то ни было продукт оказывался в недостатке. Ясно теперь, почему здесь и там у нас перебои, почему вдруг у нас при богатстве и изобилии продуктов нет того, нет другого, нет десятого. Именно потому, что виноваты в этом вот эти изменники! Обвиняемых, ставших козлами отпущения, казнили. Однако жизненный уровень трудящихся в СССР не повысился. Напротив, он стал ещё ниже.	- In our country, rich in all kinds of resources, there could not and cannot be such a situation when any product was in short supply. It is clear now why we have interruptions here and there, why suddenly, with the wealth and abundance of products, we do not have one, there is no other, there is no tenth. Precisely because these traitors are to blame for this! The accused who became scapegoats were executed. However, the standard of living of working people in the USSR did not rise. On the contrary, it became even lower.
ИСПОЛЬЗОВАНЫ И ОТБРОШЕНЫ В одной из предыдущих глав я упоминал, что вскоре после второго московского процесса, в январе 1937 года, Сталин начал в массовом порядке ликвидировать всех, кто был причастен к тайнам его судебных спектаклей, начиная с руководителей НКВД и кончая рядовыми сотрудниками.	USED AND DISCHARGED In an earlier chapter, I mentioned that shortly after the second Moscow trial, in January 1937, Stalin began mass liquidating everyone who was involved in the secrets of his court performances, from the leaders of the NKVD to the rank and file.
Казнённые энкаведисты постепенно заменялись людьми из аппарата ЦК. Но тем недоставало опыта оперативной работы, а Сталин всё ещё нуждался в опытных кадрах НКВД, чтобы организовать ещё один процесс - над Бухариным, Рыковым, Крестинским и другими.	The executed NKVD members were gradually replaced by people from the apparatus of the Central Committee. But those lacked the experience of operational work, and Stalin still needed experienced NKVD personnel to organize another trial - over Bukharin, Rykov, Krestinsky and others.
Из этих соображений он отобрал и пока что не трогал нескольких	For these reasons, he selected and so far did not touch several people

человек из числа высших руководителей НКВД, которых знал лично. В отобранную группу вошли: начальник ленинградского управления НКВД Леонид Заковский, начальник ГУЛАГа Матвей Берман и начальник управления погранвойск Михаил Фриновский. Сверх того, он пощадил начальника московского управления НКВД Реденса, женатого на сестре Надежды Аллилуевой.	from among the top leaders of the NKVD, whom he knew personally. The selected group included: head of the Leningrad department of the NKVD Leonid Zakovsky, head of the Gulag Matvey Berman and head of the border troops department Mikhail Frinovsky. Moreover, he spared the head of the Moscow department of the NKVD Redens, who was married to the sister of Nadezhda Alliluyeva.
Желая показать, что террор против чекистов их лично не коснётся, Сталин вручил им высокие государственные награды и сверх того назначил Фриновского, Заковского и Бермана заместителями нового наркома внутренних дел Ежова. Тот в свою очередь распорядился начать специальную пропагандистскую кампанию среди нового контингента сотрудников, в ходе которой все могли бы ознакомиться с заслугами его заместителей перед родиной. На партсобраниях в НКВД их восхваляли как сохранивших преданность Центральному комитету партии.	Wanting to show that the terror against the Chekists would not affect them personally, Stalin presented them with high state awards and, moreover, appointed Frinovsky, Zakovsky and Berman as deputies of the new People's Commissar of Internal Affairs Yezhov. He, in turn, ordered to launch a special propaganda campaign among the new contingent of employees, during which everyone could get acquainted with the merits of his deputies to their homeland. At party meetings in the NKVD, they were praised as having remained loyal to the Central Committee of the party.
Всё происходившее с этой троицей напоминало до поры до времени волшебную сказку. Напуганные арестом всех прочих руководителей управлений НКВД, они беспомощно ждали, когда придёт и их очередь. И вдруг, в один прекрасный день магическая рука вырвала их из унылых шеренг обречённых и вознесла на вершины власти.	Everything that happened to this trinity resembled for the time being a fairy tale. Frightened by the arrest of all the other heads of the NKVD departments, they waited helplessly for their turn to come. And suddenly, one fine day, a magical hand pulled them out of the dull ranks of the doomed and lifted them to the heights of power.
Уверенность в преданности Заковского и Фриновского была так велика, что им доверили даже ликвидацию их же вчерашних товарищей. Одним из самых драматичных эпизодов этой ликвидации было отравление Слуцкого, совершённое его давним другом Фриновским.	Confidence in the loyalty of Zakovsky and Frinovsky was so great that they were even entrusted with the liquidation of their own yesterday's comrades. One of the most dramatic episodes of this liquidation was the poisoning of Slutsky, committed by his old friend Frinovsky.
Даже те, кто считал, что эта троица попала в милость у Сталина лишь благодаря случайности, спустя какое-то время вынуждены были признать свою ошибку. Новоиспечённым заместителям Ежова оказывались всё большие знаки внимания. Так, Заковскому и Фриновскому, которые никогда ничего не писали, кроме служебных донесений, ЦК поручил написать "для партийной печати" серию статей, направленных против бывших лидеров оппозиции, и представить свои предложения по мобилизации комсомольцев на борьбу с "врагами партии". В июле 1937 года в "Правде" появился указ президиума Верховного совета о награждении Заковского орденом Ленина за "самоотверженное выполнение важнейших заданий правительства". Осенью того же года ЦК распорядился опубликовать большим тиражом книгу того же Заковского "О троцкистско-	Even those who believed that this trio fell into favor with Stalin only by chance, after some time were forced to admit their mistake. Ezhov's newly minted deputies received more and more signs of attention. Thus, Zakovsky and Frinovsky, who never wrote anything except official reports, were instructed by the Central Committee to write a series of articles “for the party press” directed against former opposition leaders and to submit their proposals for mobilizing Komsomol members to fight against the “enemies of the party”. In July 1937, Pravda published a decree of the Presidium of the Supreme Council on awarding Zakovsky the Order of Lenin for "selfless fulfillment of the most important tasks of the government." In the autumn of the same year, the Central Committee ordered the publication of a large edition of the book of the same Zakovsky "On the Trotskyist-Bukharin bandits and spies" and

бухаринских бандитах и шпионах" и рекомендовал её для изучения в партийных организациях по всей стране.	recommended it for study in party organizations throughout the country.
Но вот в марте 1938 года закончился третий московский процесс, подготовленный стараниями Заковского, Фриновского и отчасти Бермана. Теперь Сталин больше в них не нуждался. Кроме того, все трое слишком много знали. Им были известны ещё старые секреты ОГПУ-НКВД времён Менжинского и Ягоды, обстоятельства смерти Надежды Аллилуевой, убийства Кирова, подробности того, что произошло с Авелем Енукидзе и Серго Орджоникидзе. Заковский и Фриновский знали также главную сталинскую тайну - причину уничтожения маршала Тухачевского и других руководителей Красной армии. В общем, это были слишком опасные свидетели.	But in March 1938, the third Moscow trial ended, prepared through the efforts of Zakovsky, Frinovsky, and partly Berman. Now Stalin no longer needed them. Besides, all three of them knew too much. They also knew the old secrets of the OGPU-NKVD of the times of Menzhinsky and Yagoda, the circumstances of the death of Nadezhda Alliluyeva, the murder of Kirov, the details of what happened to Avel Yenukidze and Sergo Ordzhonikidze. Zakovsky and Frinovsky also knew the main Stalinist secret - the reason for the destruction of Marshal Tukhachevsky and other leaders of the Red Army. In general, these were too dangerous witnesses.
В то же время Сталин уже не мог расправиться с ними так же бесцеремонно, как он поступил со многими другими, то есть объявить их шпионами и изменниками. Ведь совсем недавно они были представлены новому пополнению НКВД как "верные сыны партии", в отличие от всех других энкаведистских руководителей сохранившие верность Центральному комитету. Поэтому было решено отправить их в небытие кружным путём. Все трое были переведены на различные должности в Совете народных комиссаров. Фриновский, в частности, был назначен наркомом военно-морского флота. Вскоре после этого все трое бесследно исчезли.	At the same time, Stalin could no longer deal with them as unceremoniously as he did with many others, that is, declare them spies and traitors. After all, quite recently they were presented to the new replenishment of the NKVD as "loyal sons of the party", unlike all other NKVD leaders, who remained loyal to the Central Committee. Therefore, it was decided to send them into oblivion in a roundabout way. All three were transferred to various positions in the Council of People's Commissars. Frinovsky, in particular, was appointed People's Commissar of the Navy. Shortly thereafter, all three disappeared without a trace.
БЛИЖАЙШИЙ ДРУГ Сталин уничтожил больше революционеров, чем все русские цари, вместе взятые. Он ликвидировал не только действительных и потенциальных соперников, но и их последователей. Стремясь избавиться от нежелательных свидетелей, отправил на тот свет своих самых верных прислужников, исполнявших его преступные распоряжения. Погубил своих старых кавказских друзей - только потому, что им было известно кое-что из его прошлого. Однако во всей этой длинной цепи "ликвидации", совершённых Сталиным на протяжении его долгой и кровавой карьеры, ничто не поразило меня так, как убийство Авеля Енукидзе.	CLOSEST FRIEND Stalin destroyed more revolutionaries than all the Russian tsars put together. He eliminated not only actual and potential rivals, but also their followers. In an effort to get rid of unwanted witnesses, he sent his most faithful servants to the other world, who carried out his criminal orders. Ruined his old Caucasian friends - only because they knew something of his past. However, in all this long chain of "liquidations" carried out by Stalin throughout his long and bloody career, nothing struck me more than the murder of Abel Yenukidze.
Этот человек был самым близким другом Сталина ещё со времён их юности. В середине 30-х годов Енукидзе занимал высокий пост председателя Центрального исполнительного комитета (ЦИК). Но к этому времени он утратил те черты революционера, которые его отличали раньше, и оказался одним из тех деятелей, которые выродились в типичных сановников, с упоением наслаждавшихся окружающей роскошью и своей огромной властью.	This man had been Stalin's closest friend ever since their youth. In the mid-1930s, Yenukidze held the high post of chairman of the Central Executive Committee (CEC). But by this time he had lost those traits of a revolutionary that distinguished him before, and turned out to be one of those figures who degenerated into typical dignitaries, enthusiastically enjoying the surrounding luxury and their enormous power.

Когда я спросил своего старого приятеля, много лет бывшего личным секретарём Енукидзе, чем интересуется его шеф, последовал ответ: - Ох, он больше всего на свете любит сравнивать, как ему живётся: лучше, чем жили цари, или пока ещё нет.	When I asked my old friend, who was Yenukidze's personal secretary for many years, what his boss was interested in, the answer was: - Oh, he loves more than anything to compare how he lives: better than the tsars lived, or not yet.
При этом он безнадёжно махнул рукой, и в его глазах появились лукавые искорки. Заметив моё изумление, он поспешил добавить, что его шеф - "отличный мужик".	At the same time, he waved his hand hopelessly, and sly sparks appeared in his eyes. Noticing my amazement, he hastened to add that his boss is "a great guy."
Я никогда не мог понять, на чём зиждется столь тесная дружба Сталина и Енукидзе, людей разительно непохожих друг на друга. Это касалось даже их внешности. Енукидзе был крупным светловолосым мужчиной с приятными и учтивыми манерами. В отличие от прочих сталинских приспешников он мало интересовался своей карьерой. Мне, в частности, известно, что когда в 1926 году Сталин собирался ввести его в Политбюро, ленивый Авель сказал: "Coco, я так или иначе буду тянуть свою лямку, ты лучше отдай это место Лазарю (Кагановичу), он так давно стремится его получить!" Сталин с ним согласился. Он знал, что Авеля не требуется подкупать разного рода подачками, что на него можно положиться, не прибегая к специальным поощрениям. И, насколько мне известно, в дальнейшем никогда не пытался продвигать его на освобождающиеся посты, а использовал открывавшиеся в Политбюро вакансии в качестве соблазнительной приманки для других.	I have never been able to understand what is the basis of such a close friendship between Stalin and Yenukidze, people strikingly different from each other. This even applied to their appearance. Yenukidze was a large, fair-haired man with a pleasant and courteous manner. Unlike other Stalinist henchmen, he had little interest in his career. In particular, I know that when in 1926 Stalin was about to introduce him to the Politburo, the lazy Abel said: “Coco, I will pull my strap one way or another, you better give this place to Lazar (Kaganovich), he has been striving for it for so long get!" Stalin agreed with him. He knew that Abel did not need to be bribed with handouts of all kinds, that he could be relied upon without resorting to special incentives. And, as far as I know, in the future he never tried to promote him to vacant posts, but used the vacancies that opened up in the Politburo as a tempting bait for others.
Теперь, когда я знаю о Енукидзе больше, я склонен думать, что он отказался от членства в Политбюро не потому, что был лишён амбиций, а потому что понимал: нужно быть слишком жестоким и беспринципным человеком, чтобы держаться за место в этом сталинском Политбюро.	Now that I know more about Yenukidze, I am inclined to think that he refused to be a member of the Politburo, not because he was devoid of ambition, but because he understood that one must be too cruel and unprincipled a person to hold on to a place in this Stalinist Politburo.
Человек по натуре добродушный, Енукидзе любил приходить людям на помощь, и счастливы были те, кому в минуту житейской неудачи приходила спасительная мысль обратиться к нему. ЦИК удовлетворял почти каждую просьбу о смягчении наказания, если только она попадала в руки Енукидзе. Жёны арестованных знали, что Енукидзе - единственный, к кому они могут обратиться за помощью. Действительно, многим из них он помогал продуктами питания, направлял к ним врача, когда они или их дети были больны. Сталин обо всём этом знал, но, когда дело касалось Енукидзе, смотрел на такие вещи сквозь пальцы.	A good-natured man, Yenukidze loved to help people, and happy were those who, in a moment of worldly failure, had the saving thought to turn to him. The CEC granted almost every request for a mitigation of punishment, as long as it fell into the hands of Yenukidze. The wives of those arrested knew that Yenukidze was the only one they could turn to for help. Indeed, he helped many of them with food, sent a doctor to them when they or their children were sick. Stalin knew about all this, but when it came to Yenukidze, he turned a blind eye to such things.
Сам я однажды тоже был свидетелем эпизода, который как нельзя лучше характеризует этого человека. В 1933 году, будучи с семьёй в	I myself once also witnessed an episode that characterizes this man in the best possible way. In 1933, while in Austria with my family, I learned

Австрии, я узнал, что туда прибыл Енукидзе в сопровождении свиты личных врачей и секретарей. Пробыв некоторое время в медицинской клинике профессора фон Нордена, он отправился отдыхать в Земмеринг, где занял ряд номеров в лучшей гостинице. Как-то приехав в Вену, мы с женой встретили его возле советского полпредства. Он пригласил нас провести выходной день вместе. По дороге в Земмеринг мы проезжали небольшой городок, где как раз шумела сельская ярмарка со своей традиционной каруселью и прочими нехитрыми развлечениями. Мы остановили машину и стали свидетелями живописной сцены. Невдалеке от дороги плясала группа терских казаков в национальной кавказской одежде. Завидев наш лимузин, казаки подошли поближе и, явно надеясь на щедрое вознаграждение, исполнили кавказский танец, ловко жонглируя при этом острыми кинжалами. Казаки не подозревали, что они развлекают члена советского правительства, вдобавок настоящего кавказца. Когда танец кончился, один из них приблизился к нашей машине и, с трудом переводя дыхание, протянул свою кавказскую папаху. Енукидзе вынул бумажник и положил в неё стошиллинговую купюру. Потом он жестом пригласил всех танцоров подойти поближе и каждого оделил такой же суммой, составлявшей по тем временам пятнадцать долларов - очень немалые деньги. Когда мы двинулись дальше, телохранитель Енукидзе, ехавший с нами, обратился к нему: - Это же были белоказаки, Авель Софронович!..	that Yenukidze had arrived there, accompanied by a retinue of personal doctors and secretaries. After spending some time in the medical clinic of Professor von Norden, he went to rest in Semmering, where he took a number of rooms in the best hotel. Somehow, having arrived in Vienna, my wife and I met him near the Soviet embassy. He invited us to spend the day off together. On the way to Semmering, we passed a small town, where a rural fair was just noisy with its traditional carousel and other simple entertainments. We stopped the car and witnessed a picturesque scene. Not far from the road, a group of Terek Cossacks in national Caucasian clothes danced. Seeing our limousine, the Cossacks came closer and, obviously hoping for a generous reward, performed a Caucasian dance, deftly juggling with sharp daggers. The Cossacks did not suspect that they were entertaining a member of the Soviet government, in addition, a real Caucasian. When the dance was over, one of them approached our car and, with difficulty catching his breath, held out his Caucasian hat. Yenukidze took out his wallet and put a hundred shilling note in it. Then he gestured for all the dancers to come closer and gave each of them the same amount, which at that time was fifteen dollars - a very considerable amount of money. When we moved on, the bodyguard Yenukidze, who was traveling with us, turned to him: - These were White Cossacks, Avel Sofronovich! ..
- Ну и что же? - откликнулся Енукидзе, заметно покраснев. - Они тоже люди...	- So what? Yenukidze replied, blushing visibly. They are people too...
Помню, на меня слова Енукидзе произвели большое впечатление, хотя про себя я не одобрял такой экстравагантной щедрости. Я подсчитал в уме, что деньги, розданные Енукидзе в течение одной минуты, семье советского колхозника пришлось бы зарабатывать целый год. Любой другой за такое поведение лишился бы партбилета, но Авелю всё сходило с рук.	I remember that Yenukidze's words made a great impression on me, although in my mind I did not approve of such extravagant generosity. I calculated in my mind that the money distributed to Yenukidze within one minute would have to be earned by the family of a Soviet collective farmer for a whole year. Anyone else would have lost their membership card for such behavior, but Abel got away with everything.
Енукидзе не был женат и не имел детей, хотя, казалось, самой природой он был предназначен на роль образцового семьянина. Всю душевную нежность он расточал на окружающих, на детей своих приятелей и знакомых, засыпая их дорогими подарками. В глазах детей самого Сталина наиболее привлекательным человеком был, разумеется, не их вечно угрюмый отец, а "дядя Авель", который умел плавать, катался на коньках и знал массу сказок про горных духов Сванетии и другие кавказские чудеса.	Yenukidze was unmarried and had no children, although it seemed that by nature itself he was destined for the role of an exemplary family man. He lavished all his spiritual tenderness on those around him, on the children of his friends and acquaintances, showering them with expensive gifts. In the eyes of the children of Stalin himself, the most attractive person was, of course, not their eternally gloomy father, but "Uncle Abel", who knew how to swim, skated and knew a lot of fairy tales about the mountain spirits of Svaneti and other Caucasian wonders.

Авель Енукидзе был не только кумиром сталинских детей, но и близким другом его жены, Надежды Аллилуевой. Он дружил ещё с её отцом и знал её буквально с пелёнок. Во многих случаях, когда Аллилуева ссорилась со Сталиным, ему приходилось играть роль миротворца.	Abel Yenukidze was not only the idol of Stalin's children, but also a close friend of his wife, Nadezhda Alliluyeva. He was friends with her father and knew her literally from the cradle. In many cases, when Alliluyeva quarreled with Stalin, he had to play the role of a peacemaker.
Казалось, из всего сталинского окружения только у Енукидзе было надёжное положение. Вот почему опала, внезапно постигшая его в начале 1935 года, поставила в тупик многих сотрудников НКВД и породила самые фантастические слухи. Впрочем, о некоторой неуверенности Енукидзе в своём будущем можно было догадаться, прочитав его статью в одном из номеров "Правды" за январь того же года. В этой статье Енукидзе сетовал, что в воспоминания некоторых авторов о большевистском подполье Закавказья вкралось немало ошибок и искажений, требующих исправления. В частности, он сознавался в своей собственной ошибке, которая состояла в преувеличении собственной роли в руководстве бакинской подпольной организацией большевиков, причём это преувеличение попало даже в Большую советскую энциклопедию.	It seemed that only Yenukidze was in a secure position out of all Stalin's entourage. That is why the disgrace, which suddenly befell him at the beginning of 1935, baffled many NKVD officers and gave rise to the most fantastic rumors. However, some uncertainty about Yenukidze's future could be guessed from reading his article in one of the issues of Pravda in January of the same year. In this article, Yenukidze lamented that in the memoirs of some authors about the Bolshevik underground in Transcaucasia, many errors and distortions had crept in that needed to be corrected. In particular, he confessed to his own mistake, which consisted in exaggerating his own role in the leadership of the Baku underground organization of the Bolsheviks, and this exaggeration even got into the Great Soviet Encyclopedia.
Правда, статья, где он стремился преуменьшить свою роль в закавказском подполье, уступая первенство Сталину, ещё не доказывала, что он впал в немилость. Как раз в это время в Москве вовсю шла работа по фальсификации истории партии, целью которой было всячески выпятить Сталина как главного героя большевистского подполья. Многие полагали, что Енукидзе просто подаёт пример другим, как надо пересматривать и переписывать более ранние воспоминания. Случалось ведь, что в этих воспоминаниях старых большевиков Сталин вовсе не был упомянут или же ему уделялось совершенно недостаточное внимание, чего, разумеется, теперь нельзя было допустить.	True, the article where he sought to downplay his role in the Transcaucasian underground, yielding primacy to Stalin, did not yet prove that he had fallen out of favor. Just at that time, work was in full swing in Moscow to falsify the history of the party, the purpose of which was in every possible way to push Stalin out as the main hero of the Bolshevik underground. Many believed that Yenukidze was simply setting an example for others to revise and rewrite earlier memories. It happened, after all, that Stalin was not mentioned at all in these memoirs of the old Bolsheviks, or that he was given completely insufficient attention, which, of course, could not be allowed now.
Окружающие заметили изменение отношения Сталина к Енукидзе не так быстро, как это бывало в других случаях. Прежде всего потому, что Сталин пытался утаить свой конфликт с Енукидзе, вероятно рассчитывая прийти к какому-то с ним соглашению. Даже "выселение" Енукидзе из Кремля не вызвало никаких подозрений. А произошло оно так: в середине февраля Сталин связался по телефону с секретарём Закавказского ЦК Лаврентием Берия и приказал ему ходатайствовать перед Москвой, чтобы товарища Енукидзе отпустили в Закавказье, поскольку имеется намерение сделать его председателем Закавказского ЦИКа.	The people around noticed the change in Stalin's attitude towards Yenukidze not as quickly as it happened on other occasions. First of all, because Stalin tried to hide his conflict with Yenukidze, probably hoping to come to some kind of agreement with him. Even Yenukidze's "eviction" from the Kremlin did not arouse any suspicion. And it happened like this: in mid-February, Stalin contacted the secretary of the Transcaucasian Central Committee, Lavrenty Beria, by telephone and ordered him to petition Moscow to let Comrade Yenukidze go to Transcaucasia, since there was an intention to make him chairman of the Transcaucasian Central Executive Committee.

Спустя несколько дней в "Правде" появилось сообщение, что Центральный исполнительный комитет СССР удовлетворил просьбу Закавказской советской федеративной социалистической республики и, таким образом, тов. Енукидзе переводится на работу в Тбилиси. На первый взгляд могло показаться, что Сталин направил Енукидзе в Закавказье в качестве своего полномочного представителя. Но кое-кто из кремлёвских обитателей знал, что Енукидзе отправлен из Москвы не с почётным заданием, а попросту отброшен пинком сталинского сапога. Впрочем, даже для этих немногих оставалось тайной, что же вызвало ссору Сталина с его близким и единственным другом.	A few days later, Pravda reported that the Central Executive Committee of the USSR had granted the request of the Transcaucasian Soviet Federative Socialist Republic and, thus, comrade. Yenukidze is transferred to work in Tbilisi. At first glance, it might seem that Stalin sent Yenukidze to the Transcaucasus as his plenipotentiary representative. But some of the inhabitants of the Kremlin knew that Yenukidze had not been sent from Moscow on an honorable mission, but had simply been thrown back with a kick from Stalin's boot. However, even for these few remained a mystery what caused the quarrel between Stalin and his close and only friend.
Дорога от Москвы до Тбилиси, если ехать поездом, занимала трое суток - достаточно для того, чтобы Енукидзе ещё по пути мог обдумать своё нынешнее положение и своё будущее. Мне кажется, Сталин ожидал, что по прибытии в Тбилиси Енукидзе напишет ему покаянное письмо, прося о примирении. В таком случае он будет возвращён в Москву, хотя, возможно, его и подержат некоторое время в Закавказье просто ради приличия. Так или иначе, в партийных кругах никогда не узнают, что между старыми друзьями произошла ссора, и уж тем более не догадаются о её причинах.	The road from Moscow to Tbilisi, if you go by train, took three days - enough for Yenukidze to think about his current situation and his future along the way. It seems to me that Stalin expected that upon his arrival in Tbilisi, Yenukidze would write him a letter of repentance, asking for reconciliation. In this case, he will be returned to Moscow, although, perhaps, he will be kept for some time in Transcaucasia just for the sake of decency. One way or another, in party circles they will never know that there was a quarrel between old friends, and even more so they will not guess about its reasons.
Однако Енукидзе такого покаянного письма не написал, очевидно решив про себя, что в положении первого человека в Закавказье он будет жить ничуть не хуже, чем в Москве. Тем более что он родился тут, на Кавказе, - с Кавказом были связаны лучшие страницы его молодости.	However, Yenukidze did not write such a letter of repentance, apparently deciding to himself that in the position of the first person in the Transcaucasus, he would live no worse than in Moscow. Moreover, he was born here, in the Caucasus - the best pages of his youth were connected with the Caucasus.
Сталин выждал несколько недель и, убедившись, что Енукидзе не намерен ему кланяться, решил поставить строптивца на колени более грубым приёмом. Он приказал, чтобы Берия не занимался "выборами" Енукидзе на пост председателя закавказского ЦИКа; пусть вместо этого ему будет предложена должность директора санатория в Грузии. Такой оборот дела можно сравнить с тем, как если бы человеку был предложен пост директора банка, но по прибытии в банк ему объявили, что для него имеется только должность рассыльного.	Stalin waited a few weeks and, making sure that Yenukidze did not intend to bow to him, he decided to bring the obstinate to his knees with a more rude method. He ordered that Beria not be involved in the "election" of Yenukidze for the post of chairman of the Transcaucasian Central Executive Committee; let him instead be offered the position of director of a sanatorium in Georgia. Such a turn of affairs can be compared with the fact that a person was offered the post of director of a bank, but upon arrival at the bank he was told that there was only a position for him as a messenger.
Большего удара по репутации Енукидзе нельзя было себе представить. После такого издевательского предложения многим в партии стало ясно, что у Енукидзе со Сталиным произошло нечто непоправимое. Грузинские сановники, с энтузиазмом встречавшие его на тбилисском вокзале, мгновенно перестали узнавать его на	A greater blow to Yenukidze's reputation could not have been imagined. After such a mocking proposal, it became clear to many in the party that something irreparable had happened between Yenukidze and Stalin. The Georgian dignitaries who enthusiastically met him at the Tbilisi railway station instantly ceased to recognize him on the street.

улице.	
Енукидзе решил, что его отношения со Сталиным на том и кончены. Однако Сталин так не считал. Он не мог спать спокойно, когда им овладевала неприязнь к кому бы то ни было. Если уже упущено время, чтобы подержать Енукидзе на коленях как проштрафившегося друга, то оставалась ещё возможность бросить его на колени как врага. Для таких случаев Сталин имел множество испытанных средств. Первое и наиболее безобидное, применявшееся по отношению к сановникам, попавшим в немилость, называлось "поставить на ноги", то есть лишить опальную персону персональной машины и личного шофера. Следующее наказание называлось "ударить по животу": нечестивца лишали права пользоваться кремлёвской столовой и получать продовольствие из закрытых магазинов. Если речь шла о члене правительства, его к тому же выселяли из правительственного дома и лишали персональной охраны. Все эти меры, одну за другой пришлось испытать и Енукидзе.	Yenukidze decided that his relationship with Stalin was over. However, Stalin did not think so. He could not sleep well when he was seized by hostility towards anyone. If time had already been lost to hold Yenukidze on his knees like a friend at fault, then there was still the opportunity to throw him on his knees like an enemy. For such cases, Stalin had many proven means. The first and most harmless, applied to dignitaries who fell into disgrace, was called "put on their feet", that is, to deprive the disgraced person of a personal car and a personal driver. The next punishment was called "hit on the stomach": the wicked were deprived of the right to use the Kremlin canteen and receive food from closed stores. If it was a member of the government, he was also evicted from the government house and deprived of personal protection. All these measures, one after another, had to be tested by Yenukidze.
Просидев в Тбилиси месяца два, он возвратился в Москву. Разумеется, его не ждали тут ни в одной из правительственных квартир, которые предоставляются наиболее важным персонам, прибывающим в столицу с периферии. Он остановился в гостинице "Метрополь", где снимали номера рядовые советские чиновники, приезжавшие в Москву по делам, а также иностранные журналисты и туристы.	After spending two months in Tbilisi, he returned to Moscow. Of course, he was not expected here in any of the government apartments that are provided to the most important persons arriving in the capital from the periphery. He stayed at the Metropol Hotel, where ordinary Soviet officials who came to Moscow on business, as well as foreign journalists and tourists rented rooms.
Ягода и другие сталинские приближённые пытались убедить Енукидзе, что ему следует пройти обычный ритуал покаяния и признать свои "грехи" перед партией. Енукидзе не согласился. Узнав об этом, Сталин приказал Ягоде собрать необходимые сведения и составить докладную для Политбюро.	Yagoda and other Stalinist associates tried to convince Yenukidze that he should go through the usual ritual of penance and confess his "sins" to the party. Yenukidze did not agree. Upon learning of this, Stalin ordered Yagoda to collect the necessary information and draw up a report for the Politburo.
Грехи Енукидзе были известны всем. Енукидзе и его приятель Карахан из наркомата иностранных дел имели репутацию своеобразных покровителей искусства - они покровительствовали молодым балеринам из московского Большого театра. Впрочем, в этом не было, собственно, ничего криминального. Оба они были интересными мужчинами, вдобавок кремлёвскими шишками, и балеринам было даже лестно привлечь их внимание. К тому же не только Енукидзе, но, насколько я помню, и Карахан был старым холостяком, и наверняка не одна из юных балерин мечтала завлечь того или другого в брачные сети. Другой грех Енукидзе, как я уже упоминал, сводился к щедрой помощи женам и детям арестованных	The sins of Yenukidze were known to all. Yenukidze and his friend Karakhan from the People's Commissariat for Foreign Affairs had a reputation as peculiar patrons of the arts - they patronized young ballerinas from the Moscow Bolshoi Theater. However, in this there was, in fact, nothing criminal. Both of them were interesting men, in addition, bigwigs of the Kremlin, and it was even flattering for the ballerinas to attract their attention. Moreover, not only Yenukidze, but, as far as I remember, Karakhan was an old bachelor, and certainly not one of the young ballerinas dreamed of luring one or the other into marriage networks. Another sin of Yenukidze, as I have already mentioned, was to generously help the wives and children of arrested party members, with

партийцев, с которыми он когда-то был дружен. Сталину всё это было известно и раньше, но теперь он требовал представить эти факты в новом свете.	whom he had once been friends. Stalin knew all this before, but now he demanded that these facts be presented in a new light.
Если бы Ягода копнул глубже, то в архивах НКВД он обнаружил бы сведения ещё об одном прегрешении Енукидзе. В один прекрасный день, пресытясь обществом двух прелестных девушек из секретариата ЦИКа, Енукидзе выдал им превосходные характеристики за своей подписью и президентской печатью, снабдил их приличной суммой в иностранной валюте и пристроил обеих в советские торговые делегации, отправляющиеся за границу. В дальнейшем обе девушки не пожелали вернуться в СССР.	If Yagoda had dug deeper, then in the archives of the NKVD he would have found information about another sin of Yenukidze. One fine day, fed up with the company of two lovely girls from the Central Executive Committee secretariat, Yenukidze gave them excellent references under his signature and the presidential seal, provided them with a decent amount of foreign currency and attached both to Soviet trade delegations going abroad. In the future, both girls did not want to return to the USSR.
Всё это было не столь уж серьёзно. Главное обвинение, состряпанное Ягодой по наущению Сталина, состояло в том, что Енукидзе засорил аппарат ЦИКа и Кремля в целом нелояльными элементами. В этом не было и зерна правды. Проверка лояльности кремлёвского персонала была обязанностью вовсе не Енукидзе, а НКВД. Но чтобы придать этому обвинению хоть какой-то вес, НКВД срочно объявил десятка два служащих из аппарата Енукидзе политически ненадёжными и уволил их.	It wasn't all that serious. The main accusation concocted by Yagoda at Stalin's instigation was that Yenukidze had polluted the apparatus of the Central Executive Committee and the Kremlin as a whole with disloyal elements. There was not a grain of truth in this. Checking the loyalty of the Kremlin personnel was not the responsibility of Yenukidze at all, but the NKVD. But in order to give this accusation at least some weight, the NKVD urgently declared two dozen employees from the Yenukidze apparatus politically unreliable and fired them.
В числе кремлёвских служащих была очень интеллигентная пожилая дама, работавшая здесь ещё с дореволюционных времён. Это была совершенно аполитичная и безобидная особа, сведущая в вопросах хранения произведений искусства, всё ещё остававшихся в бывшем царском дворце на территории Кремля. Эта дама была единственным в Кремле человеком, помнившим, как должен быть сервирован стол для правительственных банкетов и официальных приёмов. Она же преподавала простоватым супругам кремлёвских тузов правила поведения в обществе, посвящала их в тайны светского этикета. Все, начиная от Сталина, знали о присутствии в Кремле этой дамы и не считали её чуждым элементом. Но теперь, когда потребовалось напасть на Енукидзе, Сталин подал Ягоде мысль произвести скромную пожилую женщину в княгини и придумать целую историю, как она пробралась в Кремль при благосклонном содействии Енукидзе. Княгиня в сталинском Кремле! Сталин был мастером, выдумывать такие маленькие сенсации.	Among the Kremlin employees was a very intelligent elderly lady who had worked here since pre-revolutionary times. She was a completely apolitical and harmless person, knowledgeable in matters of storage of works of art that still remained in the former royal palace on the territory of the Kremlin. This lady was the only person in the Kremlin who remembered how the table should be set for government banquets and official receptions. She also taught the rustic spouses of the Kremlin aces the rules of behavior in society, initiated them into the secrets of secular etiquette. Everyone, starting from Stalin, knew about the presence of this lady in the Kremlin and did not consider her an alien element. But now, when it became necessary to attack Yenukidze, Stalin gave Yagoda the idea of making a modest elderly woman a princess and inventing a whole story of how she made her way to the Kremlin with Yenukidze's benevolent assistance. Princess in the Stalinist Kremlin! Stalin was a master at inventing such little sensations.
Я припоминаю, кстати, и другой подобный случай. За восемь лет до этих событий, в 1927 году, Ягода доложил. Сталину, что ОГПУ обнаружило и конфисковало гектограф, на котором группа юных троцкистов изготовляла антисталинские листовки. Гектограф был	By the way, I remember another similar case. Eight years before these events, in 1927, Yagoda reported. Stalin that the OGPU discovered and confiscated a hectograph on which a group of young Trotskyists made anti-Stalinist leaflets. The hectograph was discovered with the help of a

обнаружен с помощью некоего Строилова - провокатора, состоявшего агентом ОГПУ. Строилов обещал легкомысленным приверженцам Троцкого достать необходимый запас бумаги и другие материалы, нужные для работы на гектографе. "Ладно! - заявил Сталин Ягоде. - Теперь повысьте своего агента в чине. Пусть он станет врангелевским офицером, а в рапорте вы напишите, что троцкисты сотрудничали с белогвардейцем-врангелевцем".	certain Stroilov, a provocateur who was an agent of the OGPU. Stroilov promised the frivolous adherents of Trotsky to get the necessary supply of paper and other materials needed to work on the hectograph. “All right!” Stalin declared to Yagoda. “Now raise your agent in rank. Let him become a Wrangel officer, and in the report you write that the Trotskyists collaborated with the Wrangel White Guard.”
Миф о кремлёвской княгине появился на свет точно так же, экспромтом, как и пресловутая выдумка про врангелевского офицера.	The myth of the Kremlin princess came into being in the same way, impromptu, as the notorious fiction about the Wrangel officer.
На основе донесения, написанного Ягодой, комиссия партийного контроля исключила Енукидзе из партии "за политическое и моральное разложение". Решением комиссии, опубликованным в газетах 7 июня 1935 года, Енукидзе обвинялся в том, что он вёл аморальный образ жизни, засорил аппарат Кремля и ЦИКа антисоветскими элементами и, кроме того, разыгрывая из себя "доброго дядю", покровительствовал лицам, враждебным советской власти.	On the basis of a report written by Yagoda, the party control commission expelled Yenukidze from the party "for political and moral decay." By the decision of the commission, published in the newspapers on June 7, 1935, Yenukidze was accused of leading an immoral lifestyle, littering the apparatus of the Kremlin and the Central Executive Committee with anti-Soviet elements and, in addition, playing a "good uncle", patronized persons hostile to Soviet power.
После этого Ягода, продолжая выполнять сталинские инструкции, предупредил Енукидзе, что если он не сознается во всех своих грехах и не покается публично, его ждут новые обвинения, на этот раз уголовно-политического характера. Это означало, что Ягода угрожает Енукидзе тюремным заключением или даже смертной казнью, хотя я думаю, что Енукидзе до последнего момента не верил, что Сталин так расправится с ним. Впрочем, каковы бы ни были его соображения, он достаточно хорошо знал "Coco" и, не считая возможным полагаться на его обещания, отказался клеветать на себя. Енукидзе мог позволить себе такую роскошь: ему не надо было бояться ни за жену, ни за детей.	After that, Yagoda, continuing to fulfill Stalin's instructions, warned Yenukidze that if he did not confess all his sins and did not repent publicly, he would face new accusations, this time of a criminal-political nature. This meant that Yagoda was threatening Yenukidze with imprisonment or even the death penalty, although I think that Yenukidze did not believe until the last moment that Stalin would deal with him like that. However, whatever his considerations, he knew "Coco" well enough and, not considering it possible to rely on his promises, refused to slander himself. Yenukidze could afford such a luxury: he did not have to be afraid either for his wife or for his children.
Пока был жив Орджоникидзе, с которым Енукидзе и Сталин составляли дружественное грузинское трио, Сталин воздерживался от нанесения бывшему другу окончательного удара. Но в феврале 1937 года Орджоникидзе внезапно умер, и Сталин решил довести конфликт с Енукидзе до логического конца. В тех случаях, когда дело шло о мести, "логический конец", с точки зрения Сталина, мог означать только одно: физическое уничтожение противника.	While Ordzhonikidze, with whom Yenukidze and Stalin formed a friendly Georgian trio, was alive, Stalin refrained from inflicting a final blow on his former friend. But in February 1937, Ordzhonikidze suddenly died, and Stalin decided to bring the conflict with Yenukidze to its logical end. In those cases when it was a question of revenge, the "logical end", from the point of view of Stalin, could mean only one thing: the physical destruction of the enemy.
Когда Енукидзе услышал от руководителей НКВД, что он обвиняется в измене родине и шпионаже, он разрыдался. До этой минуты он, по-видимому, был уверен, что к нему Сталин не сможет применить свои крайние меры.	When Yenukidze heard from the leaders of the NKVD that he was accused of treason and espionage, he burst into tears. Until that moment, he, apparently, was sure that Stalin would not be able to apply his extreme measures to him.

Следователи НКВД обращались с Енукидзе не столь жестоко, как с вождями оппозиции. Для расправы с оппозицией сотрудники "органов" тренировались и натаскивались в течение долгих десяти лет. А Енукидзе никогда не участвовал в оппозиции, да вдобавок ещё совсем недавно принадлежал к узкому кругу обитателей Кремля. Наконец, следователи считались с тем, что - чем чёрт не шутит - вдруг Сталин в последний момент помирится с Енукидзе, и тот, вернув себе прежнее положение, сумеет расправиться с теми, кто его мучил.	The NKVD investigators did not treat Yenukidze as cruelly as they treated the leaders of the opposition. To deal with the opposition, the employees of the "organs" trained and trained for a long ten years. But Yenukidze never participated in the opposition, and in addition, until recently, he belonged to a narrow circle of the inhabitants of the Kremlin. Finally, the investigators reckoned with the fact that - what the hell is not joking - suddenly Stalin at the last moment will make peace with Yenukidze, and he, having regained his former position, will be able to deal with those who tormented him.
Своим следователям Енукидзе сообщил действительную причину конфликта со Сталиным.	Yenukidze told his investigators the real reason for the conflict with Stalin.
- Всё моё преступление, - сказал он, - состоит в том, что когда он сказал мне, что хочет устроить суд и расстрелять Каменева и Зиновьева, я попытался его отговаривать. "Сосо, - сказал я ему, - спору нет, они навредили тебе, но они уже достаточно пострадали за это: ты исключил их из партии, ты держишь их в тюрьме, их детям нечего есть. Сосо, - сказал я, - они старые большевики, как ты и я. Ты не станешь проливать кровь старых большевиков! Подумай, что скажет о нас весь мир!" Он посмотрел на меня такими глазами, точно я убил его родного отца, и сказал: "Запомни, Авель, кто не со мной - тот против меня!" Неравная борьба Енукидзе со Сталиным была окончена. 19 декабря 1937 года в газетах появилось короткое сообщение: военный трибунал на закрытом заседании приговорил его, а заодно и Карахана и ещё пятерых к смертной казни за шпионско-террористическую деятельность. Приговор, тут же был приведён в исполнение.	“My whole crime,” he said, “is that when he told me that he wanted to arrange a trial and shoot Kamenev and Zinoviev, I tried to dissuade him. "Coco," I told him, "no doubt they hurt you, but they've already suffered enough for it: you expelled them from the party, you keep them in prison, their children have nothing to eat. Coco," I said, "they are old Bolsheviks like you and me. You will not shed the blood of the old Bolsheviks! Think what the whole world will say about us!" He looked at me with such eyes, as if I had killed his own father, and said: "Remember, Abel, whoever is not with me is against me!" The unequal struggle between Yenukidze and Stalin was over. On December 19, 1937, a short message appeared in the newspapers: a military tribunal at a closed meeting sentenced him, and at the same time Karakhan and five others to death for espionage and terrorist activities. The sentence was immediately carried out.
НАДЕЖДА АЛЛИЛУЕВА ПАВЕЛ АЛЛИЛУЕВ В 1919 году сорокалетний Сталин женился на молоденькой Надежде Аллилуевой. Ей тогда было всего семнадцать лет; одновременно с ней Сталин ввёл в свой дом её брата-погодка.	HOPE ALLILUEVA PAVEL ALLILUEV In 1919, forty-year-old Stalin married the young Nadezhda Alliluyeva. She was then only seventeen; at the same time with her, Stalin brought her brother-weather into his house.
Советский народ впервые узнал имя Надежды Аллилуевой в ноябре 1932 года, когда она умерла и по улицам Москвы потянулась грандиозная похоронная процессия - похороны, которые устроил ей Сталин, по пышности могли выдержать сравнение с траурными кортежами российских императриц.	The Soviet people first learned the name of Nadezhda Alliluyeva in November 1932, when she died and a grandiose funeral procession stretched through the streets of Moscow - the funeral that Stalin arranged for her, in terms of splendor, could withstand comparison with the funeral corteges of Russian empresses.
Умерла она в возрасте тридцати лет, и, естественно, всех интересовала причина этой столь ранней смерти. Иностранные журналисты в Москве, не получив официальной информации, вынуждены были довольствоваться ходившими по городу слухами:	She died at the age of thirty, and, naturally, everyone was interested in the cause of this so early death. Foreign journalists in Moscow, having not received official information, were forced to be content with rumors circulating around the city: they said, for example, that Alliluyeva died in

говорили, например, что Аллилуева погибла в автомобильной катастрофе, что она умерла от аппендицита и т. п.	a car accident, that she died of appendicitis, etc.
Получалось, что молва подсказывает Сталину целый ряд приемлемых версий, однако он не воспользовался ни одной из них. Некоторое время спустя им была выдвинута такая версия: его жена болела, начала выздоравливать, однако вопреки советам врачей слишком рано встала с постели, что вызвало осложнение и смерть.	It turned out that the rumor prompted Stalin a number of acceptable versions, but he did not use any of them. Some time later, he put forward the following version: his wife was ill, began to recover, but, contrary to the advice of doctors, she got out of bed too early, which caused complications and death.
Почему нельзя было сказать просто, что она заболела и умерла? На то была своя причина: всего за полчаса до смерти Надежду Аллилуеву видели живой и здоровой, окружённой многочисленным обществом советских сановников и их жён, на концерте в Кремле. Концерт давался 8 ноября 1932 года по случаю пятнадцатой годовщины Октября.	Why couldn't it just be said that she fell ill and died? There was a reason for this: just half an hour before her death, Nadezhda Alliluyeva was seen alive and healthy, surrounded by a large society of Soviet dignitaries and their wives, at a concert in the Kremlin. The concert was given on November 8, 1932 on the occasion of the fifteenth anniversary of October.
Что же в действительности вызвало внезапную смерть Аллилуевой? Среди сотрудников ОГПУ циркулировало две версии: одна, как бы апробированная начальством, гласила, что Надежда Аллилуева застрелилась, другая, передаваемая шепотом, утверждала, что её застрелил Сталин.	What actually caused the sudden death of Alliluyeva? Among the employees of the OGPU, two versions circulated: one, as if tested by the authorities, said that Nadezhda Alliluyeva shot herself, the other, whispered, claimed that Stalin had shot her.
О подробностях этого дела мне кое-что поведал один из моих бывших подчинённых, которого я рекомендовал в личную охрану Сталина. В эту ночь он как раз нёс дежурство в сталинской квартире. Вскоре после того как Сталин с женой вернулись с концерта, в спальне раздался выстрел. "Когда мы туда ворвались, - рассказывал охранник, - она лежала на полу в чёрном шелковом вечернем платье, с завитыми волосами. Рядом с ней валялся пистолет".	About the details of this case, I was told something by one of my former subordinates, whom I recommended to Stalin's personal guard. That night he was just on duty in Stalin's apartment. Shortly after Stalin and his wife returned from the concert, a shot rang out in the bedroom. “When we broke in,” the guard said, “she was lying on the floor in a black silk evening dress, with curled hair. A pistol was lying next to her.”
В его рассказе была одна странность: он не обмолвился ни словом, где был сам Сталин, когда прозвучал выстрел и когда охрана вбежала в спальню, оказался ли он тоже там или нет. Охранник умалчивал даже о том, как воспринял Сталин неожиданную смерть жены, какие распоряжения он отдал, послал ли за врачом... У меня определённо сложилось впечатление, что этот человек хотел бы сообщить мне что-то очень важное, но ожидал вопросов с моей стороны. Опасаясь зайти в разговоре слишком далеко, я поспешил переменить тему.	There was one oddity in his story: he did not say a word about where Stalin himself was, when the shot was fired and when the guards ran into the bedroom, whether he was also there or not. The guard was silent even about how Stalin took the unexpected death of his wife, what orders he gave, whether he sent for a doctor ... I definitely got the impression that this man would like to tell me something very important, but he expected questions from me . Fearing to go too far in the conversation, I hastened to change the subject.
Итак, мне стало известно от непосредственного свидетеля происшествия, что жизнь Надежды Аллилуевой оборвал пистолетный выстрел; Чья рука нажала на спуск - остается тайной. Однако если подытожить всё, что я знал об этом супружестве, следует, пожалуй, заключить, что это было самоубийство.	So, I learned from a direct witness of the incident that the life of Nadezhda Alliluyeva was cut short by a pistol shot; Whose hand pulled the trigger remains a mystery. However, if I sum up everything that I knew about this marriage, I should perhaps conclude that it was suicide.
Для высокопоставленных сотрудников ОГПУ-НКВД не было	It was no secret to high-ranking officials of the OGPU-NKVD that

тайной, что Сталин и его жена жили очень недружно. Избалованный неограниченной властью и лестью своих приближённых, привыкший к тому, что все его слова и поступки не вызывают ничего, кроме единодушного восхищения, Сталин позволял себе в присутствии жены столь сомнительные шутки и непристойные выражения, какие ни одна уважающая себя женщина не может выдержать. Она чувствовала, что, оскорбляя её таким поведением, он получает явное удовольствие, особенно когда всё это происходит на людях, в присутствии гостей, на званом обеде или вечеринке. Робкие попытки Аллилуевой одернуть его вызывали немедленный грубый отпор, а в пьяном виде он разражался отборнейшим матом.	Stalin and his wife lived very unfriendly. Spoiled by unlimited power and the flattery of his associates, accustomed to the fact that all his words and deeds cause nothing but unanimous admiration, Stalin allowed himself in the presence of his wife such dubious jokes and obscene expressions that no self-respecting woman can stand. She felt that insulting her with such behavior, he takes obvious pleasure, especially when all this happens in public, in the presence of guests, at a dinner party or a party. Timid attempts of Alliluyeva to pull him up caused an immediate rude rebuff, and in a drunken state he burst into the most selective obscenity.
Охрана, любившая её за безобидный характер и дружеское отношение к людям, нередко заставала её плачущей. В отличие от любой другой женщины она не имела возможности свободно общаться с людьми и выбирать друзей по собственной инициативе. Даже встречая людей, которые ей нравились, она не могла пригласить их "в дом к Сталину", не получив разрешения от него самого и от руководителей ОГПУ, отвечавших за его безопасность.	The guards, who loved her for her harmless character and friendly attitude towards people, often found her crying. Unlike any other woman, she did not have the opportunity to freely communicate with people and choose friends on her own initiative. Even when she met people she liked, she could not invite them "to Stalin's house" without getting permission from him and from the leaders of the OGPU who were responsible for his security.
В 1929 году, когда партийцы и комсомольцы были брошены на подъём промышленности под лозунгом скорейшей индустриализации страны, Надежда Аллилуева захотела внести в это дело свою лепту и выразила желание поступить в какое-нибудь учебное заведение, где можно получить техническую специальность. Сталин об этом и слышать не хотел. Однако она обратилась за содействием к Авелю Енукидзе, тог заручился поддержкой Серго Орджоникидзе, и совместными усилиями они убедили Сталина отпустить Надежду учиться. Она выбрала текстильную специальность и начала изучать вискозное производство.	In 1929, when party members and Komsomol members were thrown into the rise of industry under the slogan of the speedy industrialization of the country, Nadezhda Alliluyeva wanted to contribute to this matter and expressed her desire to enter some educational institution where one could get a technical specialty. Stalin did not want to hear about this. However, she turned to Avel Yenukidze for assistance, who enlisted the support of Sergo Ordzhonikidze, and by joint efforts they convinced Stalin to let Nadezhda go to study. She chose a textile specialty and began to study viscose production.
Итак, супруга диктатора сделалась студенткой. Были приняты чрезвычайные меры предосторожности, чтобы никто в институте, за исключением директора, не узнал и не догадался, что новая студентка - жена Сталина. Начальник Оперативного управления ОГПУ Паукер пристроил на тот же факультет под видом студентов двоих тайных агентов, на которых была возложена забота о её безопасности. Шоферу автомобиля, который должен был доставлять её на занятия и привозить обратно, было строго приказано не останавливаться у институтского подъезда, а заворачивать за угол, в переулок, и там ждать свою пассажирку. В дальнейшем, в 1931 году, когда Аллилуева получила в подарок новенький "газик" (советскую копию "форда"),	So, the dictator's wife became a student. Extraordinary precautions were taken so that no one in the institute, with the exception of the director, would know or guess that the new student was Stalin's wife. The head of the Operational Directorate of the OGPU, Pauker, attached two secret agents to the same faculty under the guise of students, who were entrusted with taking care of her safety. The driver of the car, who was supposed to deliver her to classes and bring her back, was strictly ordered not to stop at the institute entrance, but to turn around the corner, into the lane, and wait for his passenger there. Later, in 1931, when Alliluyeva received a brand new "gazik" (a Soviet copy of the "Ford") as a gift, she began to come to the institute without a driver. The OGPU agents, of

она стала приезжать в институт без шофера. Агенты ОГПУ, разумеется, следовали за ней по пятам в другой машине. Её собственный автомобиль не вызывал в институте никаких подозрений - в это время в Москве уже насчитывалось несколько сот крупных чиновников, имеющих собственные машины. Она была счастлива, что ей удалось вырваться из затхлой атмосферы Кремля, и отдалась учёбе с энтузиазмом человека, делающего важное государственное дело.	course, followed close behind her in another car. Her own car did not arouse any suspicion at the institute - at that time in Moscow there were already several hundred high-ranking officials who had their own cars. She was happy that she managed to escape from the musty atmosphere of the Kremlin, and devoted herself to her studies with the enthusiasm of a person doing an important state business.
Да, Сталин сделал большую ошибку, позволив своей жене общаться с рядовыми гражданами. До сих пор она знала о политике правительства только из газет и официальных выступлений на партийных съездах, где всё, что ни делалось, объяснялось благородной заботой партии об улучшении жизни народа. Она, конечно, понимала, что ради индустриализации страны народ должен принести какие-то жертвы и во многом себе отказывать, но она верила заявлениям, будто жизненный уровень рабочего класса из года в год повышается.	Yes, Stalin made a big mistake by allowing his wife to communicate with ordinary citizens. Until now, she knew about government policy only from newspapers and official speeches at party congresses, where everything that was done was explained by the noble concern of the party for improving the life of the people. She, of course, understood that for the sake of the industrialization of the country, the people must make some sacrifices and deny themselves in many ways, but she believed the statements that the standard of living of the working class was rising from year to year.
В институте ей пришлось убедиться, что всё это неправда. Она была поражена, узнав, что жёны и дети рабочих и служащих лишены права получать продовольственные карточки, а значит, и продукты питания. Узнала она и о том, что тысячам советских девушек - машинисткам, делопроизводителям и другим мелким служащим - приходится торговать своим телом, чтобы не умереть с голоду и как-то поддержать нетрудоспособных родителей. Но даже это оказалось не самым страшным. Студенты, мобилизованные на коллективизацию, рассказали Аллилуевой о массовых расстрелах и высылке крестьян, о жестоком голоде на Украине, о тысячах осиротевших ребят, скитающихся по стране и живущих подаянием. Думая, что Сталин не знает всей правды о том, что творится в государстве, она рассказала ему и Енукидзе, что говорят в институте. Сталин уклонился от разговора на эти темы, упрекнув жену, что она "собирает троцкистские сплетни".	At the institute, she had to make sure that all this was not true. She was amazed to learn that the wives and children of workers and employees are deprived of the right to receive ration cards, and therefore food. She also learned that thousands of Soviet girls - typists, clerks and other small employees - have to sell their bodies in order not to starve to death and somehow support disabled parents. But even that wasn't the worst. Students mobilized for collectivization told Alliluyeva about the mass executions and deportation of peasants, about the severe famine in Ukraine, about thousands of orphaned children wandering around the country and living on alms. Thinking that Stalin did not know the whole truth about what was going on in the state, she told him and Yenukidze what they were saying at the institute. Stalin avoided talking about these topics, reproaching his wife for "collecting Trotskyist gossip."
Между тем двое студентов, вернувшись с Украины, рассказали ей, что в районах, особенно тяжко поражённых голодом, отмечены случаи людоедства и что они лично принимали участие в аресте двоих братьев, у которых были найдены куски человеческого мяса, предназначенные для продажи. Аллилуева, поражённая ужасом, пересказала этот разговор Сталину и начальнику его личной охраны Паукеру.	Meanwhile, two students, returning from the Ukraine, told her that in areas that were especially hard hit by famine, cases of cannibalism were noted and that they personally took part in the arrest of two brothers who were found with pieces of human meat intended for sale. Alliluyeva, stricken with horror, retold this conversation to Stalin and Pauker, the head of his personal guard.

Сталин решил положить конец враждебным вылазкам в своём собственном доме. Обрушившись на жену с матерной бранью, он заявил ей, что больше она в институт не вернётся, Паукеру он приказал разузнать, кто эти два студента, и арестовать их. Задание было нетрудным: тайные агенты Паукера, приставленные к Аллилуевой, были обязаны наблюдать, с кем она встречается в стенах института и о чём разговаривает. Из этого случая Сталин сделал общий "оргвывод": он приказал ОГПУ и комиссии партийного контроля начать во всех институтах и техникумах свирепую чистку, обращая особое внимание на тех студентов, кто был мобилизован на проведение коллективизации.	Stalin decided to put an end to hostile attacks in his own home. Having attacked his wife with obscene abuse, he told her that she would not return to the institute anymore, he ordered Pauker to find out who these two students were and to arrest them. The task was not difficult: Pauker's secret agents assigned to Alliluyeva were obliged to observe who she met within the walls of the institute and what she was talking about. From this incident, Stalin drew a general "organizational conclusion": he ordered the OGPU and the party control commission to begin a ferocious purge in all institutes and technical schools, paying special attention to those students who were mobilized for collectivization.
Аллилуева не посещала свой институт около двух месяцев и только благодаря вмешательству своего "ангела-хранителя" Енукидзе получила возможность закончить курс обучения.	Alliluyeva did not attend her institute for about two months, and only thanks to the intervention of her "guardian angel" Yenukidze was able to complete her course of study.
Месяца через три после смерти Надежды Аллилуевой у Паукера собрались гости; зашла речь о покойной. Кто-то сказал, сожалея о её безвременной смерти, что она не пользовалась своим высоким положением и вообще была скромной и кроткой женщиной.	About three months after the death of Nadezhda Alliluyeva, guests gathered at Pauker's; there was talk of the deceased. Someone said, regretting her untimely death, that she did not use her high position and was generally a modest and meek woman.
- Кроткой? - саркастически переспросил Паукер. - Значит, вы её не знали. Она была очень вспыльчива. Хотел бы я, чтоб вы посмотрели, как она вспыхнула однажды и крикнула ему прямо в лицо: "Мучитель ты, вот ты кто! Ты мучаешь собственного сына, мучаешь жену... ты весь народ замучил!" Я слышал ещё о такой ссоре Аллилуевой со Сталиным. Летом 1931 года, накануне дня, намеченного для отъезда супругов на отдых на Кавказ, Сталин по какой-то причине обозлился и обрушился на жену со своей обычной площадной бранью. Следующий день она провела в хлопотах, связанных с отъездом. Появился Сталин, и они сели обедать. После обеда охрана отнесла в машину небольшой чемоданчик Сталина и его портфель. Остальные вещи уже заранее были доставлены прямо в сталинский поезд. Аллилуева взялась за коробку со шляпой и указала охранникам на чемоданы, которые собрала для себя. "Ты со мной не поедешь, - неожиданно заявил Сталин. - Останешься здесь!" Сталин сел в машину рядом с Паукером и уехал. Аллилуева, поражённая, так и осталась стоять со шляпной коробкой в руках.	- Meek? Pauker asked sarcastically. So you didn't know her. She was very irascible. I would like you to see how she flared up one day and shouted right in his face: "You are a tormentor, that's who you are! You are torturing your own son, torturing your wife ... you have tortured the whole people!" I also heard about such a quarrel between Alliluyeva and Stalin. In the summer of 1931, on the eve of the day scheduled for the departure of the spouses to rest in the Caucasus, Stalin for some reason became angry and attacked his wife with his usual square abuse. She spent the next day in the hassle of leaving. Stalin appeared and they sat down to dinner. After dinner, the guards carried Stalin's small suitcase and his briefcase into the car. The rest of the things had already been delivered in advance directly to the Stalinist train. Alliluyeva took hold of her hat box and pointed out to the guards the suitcases she had packed for herself. "You won't go with me," Stalin announced unexpectedly. "You'll stay here!" Stalin got into the car next to Pauker and drove away. Alliluyeva, amazed, remained standing with a hat box in her hands.
У неё, разумеется, не было ни малейшей возможности избавиться от деспота-мужа. Во всём государстве не нашлось бы закона, который мог её защитить. Для неё это было даже не супружество, а, скорее, капкан, освободить из которого могла только смерть.	She, of course, did not have the slightest opportunity to get rid of her despot husband. There would be no law in the whole state that could protect her. For her, it was not even a marriage, but rather a trap, from which only death could free her.

Тело Аллилуевой не было подвергнуто кремации. Её похоронили на кладбище, и это обстоятельство тоже вызвало понятное удивление: в Москве уже давно утвердилась традиция, согласно которой умерших партийцев полагалось кремировать. Если покойный был особенно важной персоной, урна с его прахом замуровывалась в древние кремлёвские стены. Прах сановников меньшего калибра покоился в стене крематория. Аллилуеву как жену великого вождя должны были, конечно, удостоить ниши в кремлёвской стене.	Alliluyeva's body was not cremated. She was buried in the cemetery, and this circumstance also caused understandable surprise: a tradition had long been established in Moscow, according to which the dead party members were supposed to be cremated. If the deceased was a particularly important person, the urn with his ashes was walled up in the ancient Kremlin walls. The ashes of dignitaries of lesser caliber rested in the wall of the crematorium. Alliluyeva, as the wife of the great leader, should, of course, have been honored with a niche in the Kremlin wall.
Однако Сталин возразил против кремации. Он приказал Ягоде организовать пышную похоронную процессию и погребение умершей на старинном привилегированном кладбище Новодевичьего монастыря, где были похоронены первая жена Петра Первого, его сестра Софья и многие представители русской знати.	However, Stalin objected to cremation. He ordered Yagoda to organize a magnificent funeral procession and burial of the deceased at the ancient privileged cemetery of the Novodevichy Convent, where the first wife of Peter the Great, his sister Sophia and many representatives of the Russian nobility were buried.
Ягоду неприятно поразило то, что Сталин выразил желание пройти за катафалком весь путь от Красной площади до монастыря, то есть около семи километров. Отвечая за личную безопасность "хозяина" в течение двенадцати с лишним лет, Ягода знал, как он стремится избежать малейшего риска. Всегда окружённый личной охраной, Сталин, тем не менее, вечно придумывал добавочные, порой доходящие до смешного приёмы для ещё более надёжного обеспечения собственной безопасности. Став единовластным диктатором, он ни разу не рискнул пройтись по московским улицам, а когда собирался осмотреть какой-нибудь вновь построенный завод, вся заводская территория, по его приказу, освобождалась от рабочих и занималась войсками и служащими ОГПУ. Ягода знал, как попадало Паукеру, если Сталин, идя из своей кремлёвской квартиры в рабочий кабинет, нечаянно встречался с кем-нибудь из кремлёвских служащих, хотя весь кремлёвский персонал состоял из коммунистов, проверенных и перепроверенных ОГПУ. Понятно, что Ягода не мог поверить своим ушам: Сталин хочет пешком следовать за катафалком по улицам Москвы! Новость о том, что Аллилуеву похоронят на Новодевичьем, была опубликована за день до погребения. Многие улицы в центре Москвы узки и извилисты, а траурная процессия, как известно, движется медленно. Что стоит какому-нибудь террористу высмотреть из окна фигуру Сталина и бросить сверху бомбу или обстрелять его из пистолета, а то и винтовки? Докладывая Сталину по нескольку раз в день о ходе подготовки к похоронам, Ягода каждый раз делал попытки отговорить его от опасного предприятия и убедить, чтобы он прибыл непосредственно на кладбище в последний	Yagoda was unpleasantly struck by the fact that Stalin expressed a desire to follow the hearse all the way from Red Square to the monastery, that is, about seven kilometers. Responsible for the personal security of the "owner" for more than twelve years, Yagoda knew how he strives to avoid the slightest risk. Always surrounded by personal guards, Stalin, however, always came up with additional, sometimes ridiculous tricks to even more reliably ensure his own security. Having become the sole dictator, he never ventured to walk the streets of Moscow, and when he was about to inspect some newly built factory, the entire factory territory, by his order, was freed from workers and was occupied by the troops and employees of the OGPU. Yagoda knew how it got to Pauker if Stalin, going from his Kremlin apartment to his office, accidentally met with one of the Kremlin employees, although the entire Kremlin staff consisted of communists, checked and re-checked by the OGPU. It is clear that Yagoda could not believe his ears: Stalin wants to follow the hearse on foot through the streets of Moscow! The news that Alliluyeva would be buried at Novodevichy was published the day before the burial. Many streets in the center of Moscow are narrow and winding, and the funeral procession is notoriously slow moving. What does it take for some terrorist to look out of the window for the figure of Stalin and throw a bomb from above or fire at him with a pistol, or even a rifle? Reporting to Stalin several times a day about the preparations for the funeral, Yagoda each time made attempts to dissuade him from the dangerous undertaking and convince him to arrive directly at the cemetery at the last moment, in a car. Unsuccessfully. Either Stalin decided to show the people how much he loved his wife, and thereby

момент, в машине. Безуспешно. Сталин то ли решил показать народу, как он любил жену, и тем опровергнуть возможные невыгодные для него слухи, то ли его тревожила совесть - как-никак он стал причиной смерти матери своих детей.	refute possible rumors that were unfavorable to him, or his conscience worried him - after all, he caused the death of the mother of his children.
Ягоде и Паукеру пришлось мобилизовать всю московскую милицию и срочно вытребовать в Москву тысячи чекистов из других городов. В каждом доме на пути следования траурной процессии был назначен комендант, обязанный загнать всех жильцов в дальние комнаты и запретить выходить оттуда. В каждом окне, выходящем на улицу, на каждом балконе торчал гепеушник. Тротуары заполнились публикой, состоящей из милиционеров, чекистов, бойцов войск ОГПУ и мобилизованных партийцев. Все боковые улицы вдоль намеченного маршрута с раннего утра пришлось перекрыть и очистить от прохожих.	Yagoda and Pauker had to mobilize the entire Moscow police and urgently demand thousands of Chekists from other cities to Moscow. In each house along the path of the funeral procession, a commandant was appointed, who was obliged to drive all the residents into the back rooms and forbid them to leave. In every window overlooking the street, on every balcony, there was a gepeushnik. The sidewalks were filled with an audience consisting of policemen, Chekists, soldiers of the OGPU troops and mobilized party members. All side streets along the planned route had to be blocked and cleared of passers-by since early morning.
Наконец, в три часа дня 11 ноября похоронная процессия в сопровождении конной милиции и частей ОГПУ двинулась с Красной площади. Сталин действительно шёл за катафалком, окружённый прочими "вождями" и их женами. Казалось бы, были приняты все меры, чтобы уберечь его от малейшей опасности. Тем не менее, его мужества хватило ненадолго. Минут через десять, дойдя до первой же встретившейся на пути площади, он вдвоём с Паукером отделился от процессии, сел в ожидавшую его машину, и кортеж автомобилей, в одном из которых был Сталин, промчался кружным путём к Новодевичьему монастырю. Там Сталин дождался прибытия похоронной процессии.	Finally, at three o'clock in the afternoon on November 11, the funeral procession, accompanied by mounted police and units of the OGPU, moved from Red Square. Stalin really followed the hearse, surrounded by other "leaders" and their wives. It would seem that all measures were taken to protect him from the slightest danger. Nevertheless, his courage did not last long. Ten minutes later, having reached the first meeting on along the way of the square, he and Pauker separated from the procession, got into the car waiting for him, and the motorcade of cars, one of which was Stalin, raced in a roundabout way to the Novodevichy Convent, where Stalin waited for the arrival of the funeral procession.
Как я уже упоминал, Павел Аллилуев последовал за сестрой, когда она вышла замуж за Сталина. В эти первые годы Сталин был нежен с молодой женой и относился к её брату, как к члену своей семьи. В его доме Павел познакомился с несколькими большевиками, мало тогда известными, но в дальнейшем занявшими основные посты в государстве. В их числе был Клим Ворошилов, будущий нарком обороны. Ворошилов хорошо относился к Павлу и нередко брал его с собой, отправляясь на войсковые маневры, авиационные и парашютные парады. Видимо, он хотел пробудить у Павла интерес к военной профессии, но тот предпочитал какое-нибудь более мирное занятие, мечтая сделаться инженером.	As I already mentioned, Pavel Alliluyev followed his sister when she married Stalin. In these early years, Stalin was gentle with his young wife and treated her brother as a member of his family. In his house, Pavel met several Bolsheviks, little known then, but who later occupied the main posts in the state. Among them was Klim Voroshilov, the future People's Commissar for Defense. Voroshilov treated Pavel well and often took him with him, going to military maneuvers, air and parachute parades. Apparently, he wanted to awaken Pavel's interest in the military profession, but he preferred some more peaceful occupation, dreaming of becoming an engineer.
Я впервые встретил Павла Аллилуева в начале 1929 года. Дело происходило в Берлине. Оказывается, Ворошилов включил его в советскую торговую миссию, где он наблюдал за качеством поставок	I first met Pavel Alliluyev at the beginning of 1929. It took place in Berlin. It turns out that Voroshilov included him in the Soviet trade mission, where he monitored the quality of supplies of German aviation

немецкого авиационного оборудования, заказанного наркоматом обороны СССР. Павел Аллилуев был женат, и у него было двое маленьких детей. Его жена, дочь православного священника, работала в отделе кадров торговой миссии. Сам Аллилуев числился инженером и состоял в местной партийной ячейке. Среди огромной советской колонии в Берлине никто, кроме нескольких руководящих работников, не знал, что Аллилуев - родственник Сталина.	equipment ordered by the USSR People's Commissariat of Defense. Pavel Alliluyev was married and had two small children. His wife, the daughter of an Orthodox priest, worked in the human resources department of a trade mission. Alliluyev himself was listed as an engineer and was a member of a local party cell. Among the huge Soviet colony in Berlin, no one, except for a few senior officials, knew that Alliluyev was a relative of Stalin.
Как сотрудник госконтроля я имел задание наблюдать за всеми экспортными и импортными операциями, проводившимися торговой миссией, включая секретные военные закупки, делавшиеся в Германии. Поэтому Павел Аллилуев был подчинён мне по службе и мы проработали с ним рука об руку на протяжении двух с лишним лет.	As an employee of the state control, I had the task of supervising all export and import operations carried out by the trade mission, including secret military purchases made in Germany. Therefore, Pavel Alliluyev was subordinate to me in the service, and we worked hand in hand with him for more than two years.
Помню, когда он впервые зашёл ко мне в кабинет, я был поражён его сходством с сестрой - те же правильные черты лица, те же восточные глаза, с печальным выражением смотревшие на свет. Со временем я убедился, что и характером он во многом напоминает сестру - такой же порядочный, искренний и необычайно скромный. Хочу подчеркнуть ещё одно его свойство, так редко встречающееся среди советских чиновников: он никогда не применял оружие, если его противник был безоружен. Будучи шурином Сталина и другом Ворошилова, то есть сделавшись человеком очень влиятельным, он никогда не давал этого понять тем служащим миссии, кто из карьеристских побуждений или просто из-за скверного характера плёл против него интриги, не зная, с кем имеет дело.	I remember when he first came into my office, I was struck by his resemblance to his sister - the same regular features, the same oriental eyes, looking at the light with a sad expression. Over time, I became convinced that in character he was in many ways reminiscent of his sister - just as decent, sincere and unusually modest. I want to emphasize one more of his properties, so rare among Soviet officials: he never used weapons if his opponent was unarmed. Being a brother-in-law of Stalin and a friend of Voroshilov, that is, having become a very influential person, he never made it clear to those employees of the mission who, out of careerist motives or simply because of a bad character, weaved intrigues against him, not knowing with whom he was dealing.
Припоминаю, как некий инженер, подчинённый Аллилуеву и занимавшийся проверкой и приёмкой авиационных двигателей, изготовленных германской фирмой, направил руководству миссии докладную записку, где было сказано, что Аллилуев водит подозрительную дружбу с немецкими инженерами и, подпав под их влияние, спустя рукава следит за проверкой авиационных двигателей, отправляемых в СССР. Информатор посчитал нужным добавить, что Аллилуев к тому же читает газеты, издаваемые русскими эмигрантами.	I remember how a certain engineer, subordinate to Alliluyev and engaged in testing and acceptance of aircraft engines manufactured by a German company, sent a memorandum to the mission leadership, stating that Alliluyev had a suspicious friendship with German engineers and, having fallen under their influence, carelessly followed the check aircraft engines shipped to the USSR. The informant considered it necessary to add that Alliluyev also reads newspapers published by Russian emigrants.
Руководитель торговой миссии показал эту бумагу Аллилуеву, заметив при этом, что он готов отослать кляузника в Москву и потребовать вообще его исключения из партии и удаления из аппарата Внешторга. Аллилуев попросил этого не делать. Он сказал, что человек, о котором идёт речь, хорошо разбирается в моторах и	The head of the trade mission showed this paper to Alliluyev, noting at the same time that he was ready to send the slanderer to Moscow and demand that he be completely expelled from the party and removed from the Vneshtorg apparatus. Alliluyev asked not to do this. He said that the man in question was well versed in motors and tested them very

проверяет их очень добросовестно. Кроме того, он пообещал поговорить с ним с глазу на глаз и излечить его от интригантских наклонностей. Как видим, Аллилуев был слишком благородный человек, чтоб мстить слабому.	conscientiously. In addition, he promised to talk to him face to face and cure him of his intriguing tendencies. As you can see, Alliluyev was too noble a man to take revenge on the weak.
За два года совместной работы мы касались в разговорах очень многих тем, но лишь изредка говорили о Сталине. Дело в том, что Сталин уже тогда не слишком меня интересовал. Того, что я успел узнать о нём, было достаточно, чтобы на всю жизнь проникнуться отвращением к этой личности. Да и что нового мог рассказать о нём Павел? Он как-то упомянул о том, что Сталин, опьянев от водки, начинал распевать духовные гимны. В другой раз я услышал от Павла о таком эпизоде: как-то на сочинской вилле, выйдя из столовой с физиономией, искажённой гневом, Сталин швырнул на пол столовой нож и выкрикнул: "Даже в тюрьме мне давали нож острее!" С Аллилуевым я расстался в 1931 году, так как меня перевели на работу в Москву. На протяжении последующих лет мне почти не приходилось встречаться с ним: то я был в Москве, а он за границей, то наоборот.	During the two years of working together, we touched on a lot of topics in conversations, but only occasionally talked about Stalin. The fact is that even then I was not too interested in Stalin. What I managed to find out about him was enough to feel disgust for this person for the rest of my life. And what new could Paul tell about him? He once mentioned that Stalin, drunk on vodka, began to sing spiritual hymns. Another time, I heard from Pavel about such an episode: once in a Sochi villa, coming out of the dining room with a physiognomy distorted by anger, Stalin threw a table knife on the floor and shouted: "Even in prison they gave me a sharper knife!" I parted with Alliluyev in 1931, as I was transferred to work in Moscow. Over the following years, I almost did not have to meet him: either I was in Moscow, and he was abroad, or vice versa.
В 1936 году его назначили начальником политуправления бронетанковых войск. Его непосредственными начальниками сделались Ворошилов, начальник политуправления Красной армии Гамарник и маршал Тухачевский. Читателю известно, что на следующий год Сталин обвинил Тухачевского и Гамарника в измене и антиправительственном заговоре, и оба они погибли.	In 1936, he was appointed head of the political department of the armored forces. Voroshilov, the head of the political department of the Red Army, Gamarnik, and Marshal Tukhachevsky became his immediate superiors. The reader knows that the following year, Stalin accused Tukhachevsky and Gamarnik of treason and an anti-government conspiracy, and both of them died.
В конце января 1937 года, находясь в Испании, я получил от Аллилуева очень тёплое письмо. Он поздравлял меня с получением высшей советской награды - ордена Ленина. В письме оказался постскриптум очень странного содержания. Павел писал, что был бы рад возможности снова поработать со мной и что готов прибыть в Испанию, если я проявлю инициативу и попрошу Москву, чтобы его назначили сюда. Я не мог понять, почему именно мне нужно поднимать этот вопрос: ведь Павлу достаточно сказать о своём желании Ворошилову, и дело будет сделано. Поразмыслив, я решил, что постскриптум приписан Аллилуевым просто из вежливости: ему хотелось ещё раз выразить мне свою симпатию, изъявляя готовность снова работать вместе, он хотел ещё раз продемонстрировать свои дружеские чувства.	At the end of January 1937, while in Spain, I received a very warm letter from Alliluyev. He congratulated me on receiving the highest Soviet award - the Order of Lenin. The letter contained a very strange postscript. Pavel wrote that he would be glad to have the opportunity to work with me again and that he was ready to come to Spain if I took the initiative and asked Moscow to be assigned here. I could not understand why it was I who needed to raise this issue: after all, it was enough for Pavel to tell Voroshilov about his desire, and the deed would be done. On reflection, I decided that the postscript was attributed to Alliluyev simply out of courtesy: he wanted to once again express his sympathy to me, expressing his readiness to work together again, he wanted to once again demonstrate his friendly feelings.
Осенью того же года, попав по делам службы в Париж, я решил осмотреть проходившую там международную выставку и, в частности, советский павильон. В павильоне я почувствовал, что кто-то обнял	In the autumn of the same year, when I arrived in Paris on business, I decided to visit the international exhibition that was taking place there, and, in particular, the Soviet pavilion. In the pavilion, I felt someone

меня сзади за плечи. Обернулся - на меня смотрело улыбающееся лицо Павла Аллилуева.	hugging my shoulders from behind. I turned around - the smiling face of Pavel Alliluyev was looking at me.
- Что ты тут делаешь? - с удивлением спросил я, подразумевая под словом "тут", конечно, не выставку, а вообще Париж.	- What are you doing here? - I asked with surprise, meaning by the word "here", of course, not an exhibition, but Paris in general.
- Они меня послали работать на выставке, - ответил Павел с кривой усмешкой, называя какую-то незначительную должность, занимаемую им в советском павильоне.	"They sent me to work at the exhibition," Pavel replied with a wry smile, naming some insignificant position he occupied in the Soviet pavilion.
Я решил, что он шутит. Было невозможно поверить, что вчерашний комиссар всех бронетанковых сил Красной армии назначен на должность, которую мог бы занять любой беспартийный нашего парижского торгпредства. Тем более невероятно, чтобы такое случилось со сталинским родственником.	I thought he was joking. It was impossible to believe that yesterday's commissar of all the armored forces of the Red Army had been appointed to a position that any non-partisan of our Paris trade mission could have taken. It is all the more incredible that this happened to a Stalinist relative.
Вечер того дня был у меня занят: резидент НКВД во Франции и его помощник пригласили меня поужинать в дорогом ресторане на левом берегу Сены, вблизи площади Сен-Мишель. Я поспешно нацарапал Павлу на листке бумаги адрес ресторана и попросил его присоединиться.	The evening of that day was busy for me: the NKVD resident in France and his assistant invited me to dine at an expensive restaurant on the left bank of the Seine, near Place Saint-Michel. I hastily scribbled the address of the restaurant on a piece of paper for Pavel and asked him to join.
В ресторане, к моему удивлению, обнаружилось, что ни резидент, ни его помощник с Павлом не знакомы. Я представил их друг другу. Обед уже кончался, когда Павлу понадобилось отлучиться на несколько минут. Воспользовавшись его отсутствием, резидент НКВД пригнулся к моему уху и прошептал: "Если б я знал, что вы его сюда приведёте, я бы вас предупредил... Мы имеем приказ Ежова держать его под наблюдением!" Я опешил.	In the restaurant, to my surprise, it turned out that neither the resident nor his assistant knew Pavel. I introduced them to each other. Dinner was already over when Pavel needed to leave for a few minutes. Taking advantage of his absence, the NKVD resident leaned close to my ear and whispered: "If I had known that you would bring him here, I would have warned you ... We have Yezhov's order to keep him under surveillance!" I was in a hurry.
Выйдя с Павлом из ресторана, мы не торопясь прошлись по набережной Сены. Я спросил его, как же могло случиться, что его послали работать на выставку. "Очень просто, - с горечью ответил он. - Им требовалось отправить меня куда-нибудь подальше от Москвы". Он приостановился, испытующе поглядел на меня и спросил: "Ты обо мне ничего не слышал?" Мы свернули в боковую улочку и сели за стол в углу скромного кафе.	Leaving the restaurant with Pavel, we leisurely walked along the Seine embankment. I asked him how it could happen that he was sent to work at the exhibition. "Very simple," he replied bitterly. "They needed to send me somewhere far away from Moscow." He paused, looked at me searchingly and asked: "Have you heard anything about me?" We turned down a side street and sat at a table in the corner of a modest café.
- В последние годы произошли большие изменения... - начал Аллилуев.	- In recent years, there have been big changes ... - Alliluyev began.
Я молчал, ожидая, что за этим последует.	I remained silent, waiting for what would follow.
- Тебе, должно быть, известно, как умерла моя сестра... - и он нерешительно замолк. Я кивнул, ожидая продолжения.	"You must know how my sister died..." and he trailed off hesitantly. I nodded, waiting to continue.
- Ну, и с тех пор он перестал меня принимать.	- Well, and since then he stopped accepting me.
Однажды Аллилуев, как обычно, приехал к Сталину на дачу. У	Once Alliluyev, as usual, came to Stalin's dacha. At the gate, a guard on

ворот к нему вышел дежурный охранник и сказал: "Приказано никого сюда не пускать". На следующий день Павел позвонил в Кремль. Сталин говорил с ним обычным тоном и пригласил к себе на дачу в ближайшую субботу. Прибыв туда, Павел увидел, что идёт перестройка дачи, и Сталина там нет... Вскоре Павла по служебным делам откомандировали из Москвы. Когда через несколько месяцев он вернулся, к нему явился какой-то сотрудник Паукера и отобрал у него кремлёвский пропуск, якобы для того, чтобы продлить срок его действия. Пропуск так и не вернули.	duty came out to him and said: "It was ordered not to let anyone in here." The next day, Pavel called the Kremlin. Stalin spoke to him in his usual tone and invited him to his dacha next Saturday. Arriving there, Pavel saw that the dacha was being rebuilt, and Stalin was not there ... Soon, Pavel was seconded from Moscow on official business. When he returned a few months later, some employee of Pauker came to him and took away his Kremlin pass, allegedly in order to extend its validity. The pass was never returned.
- Мне стало ясно, - говорил Павел, - что Ягода и Паукер ему внушили: после того, что произошло с Надеждой, лучше, чтоб я держался от него подальше.	“It became clear to me,” Pavel said, “that Yagoda and Pauker inspired him: after what happened to Nadezhda, it’s better that I stay away from him.
- О чём они там думают! - внезапно взорвался он. - Что я им, террорист, что ли? Идиоты! Даже тут они подглядывают за мной! Мы проговорили большую часть ночи и расстались, когда уже начинало светать. В ближайшие дни мы условились встретиться снова. Но мне пришлось срочно вернуться в Испанию, и мы с ним больше не виделись.	What are they thinking about! he suddenly exploded. - What am I to them, a terrorist, or what? Idiots! Even here they are spying on me! We talked most of the night and parted when it was already dawn. We agreed to meet again in the coming days. But I had to urgently return to Spain, and we never saw each other again.
Я понимал, что Аллилуеву угрожает большая опасность. Рано или поздно придёт день, когда Сталину станет невмоготу от мысли, что где-то неподалёку по улицам Москвы всё ещё бродит тот, кого он сделал своим врагом и чью сестру он свёл в могилу.	I understood that Alliluyev was in great danger. Sooner or later, the day will come when Stalin will become unbearable from the thought that somewhere nearby the streets of Moscow are still roaming the one whom he made his enemy and whose sister he brought to the grave.
В 1939 году, проходя мимо газетного киоска, - это было уже в Америке - я заметил советскую газету, - то ли "Известия", то ли "Правду". Купив газету, я тут же на улице начал её просматривать, и в глаза мне бросилась траурная рамка. Это был некролог, посвящённый Павлу Аллилуеву. Ещё не успев прочитать текст, я подумал: "Вот он его и доконал!" В некрологе "с глубокой скорбью" сообщалось, что комиссар бронетанковых войск Красной армии Аллилуев безвременно погиб "при исполнении служебных обязанностей". Под текстом стояли подписи Ворошилова и ещё нескольких военачальников. Подписи Сталина не было. Как в отношении Надежды Аллилуевой, так и теперь власти тщательно избегали подробностей...	In 1939, passing by a newsstand - it was already in America - I noticed a Soviet newspaper, either Izvestia or Pravda. Having bought a newspaper, I immediately began to look through it on the street, and a mourning frame caught my eye. It was an obituary dedicated to Pavel Alliluyev. Even before I had time to read the text, I thought: "Here he finished it!" The obituary "with deep sorrow" reported that the commissar of the armored forces of the Red Army, Alliluyev, died untimely "in the line of duty." Under the text were the signatures of Voroshilov and several other military leaders. Stalin's signature was not. Both in relation to Nadezhda Alliluyeva, and now the authorities carefully avoided details ...
ВЫШИНСКИЙ Не зная закулисной стороны московских процессов, мировая общественность склонна была считать прокурора Вышинского одним из главных режиссеров этих спектаклей. Полагали, что этот человек оказал существенное влияние на судьбу подсудимых. В таком представлении нет ничего удивительного: ведь	VYSHINSKY Unaware of the behind-the-scenes side of the Moscow trials, the world community was inclined to regard prosecutor Vyshinsky as one of the main directors of these performances. It was believed that this man had a significant influence on the fate of the defendants. There is nothing surprising in such a representation: after all, the real

действительные организаторы процессов (Ягода, Ежов, Молчанов, Агранов, Заковский и прочие) всё время оставались в тени и именно Вышинскому было официально поручено выступать на "открытых" судебных процессах в качестве генерального обвинителя.	organizers of the trials (Yagoda, Yezhov, Molchanov, Agranov, Zakovsky and others) remained in the shadows all the time, and it was Vyshinsky who was officially instructed to act at "open" trials as the general prosecutor.
Читатель будет удивлён, если я скажу, что Вышинский сам ломал себе голову, пытаясь догадаться, какими чрезвычайными средствами НКВД удалось сокрушить, парализовать волю выдающихся ленинцев и заставить их оговаривать себя.	The reader will be surprised if I say that Vyshinsky himself racked his brains, trying to guess by what extraordinary means the NKVD managed to crush, paralyze the will of the outstanding Leninists and force them to slander themselves.
Одно было ясно Вышинскому: подсудимые невиновны. Как опытный прокурор, он видел, что их признания не подтверждены никакими объективными доказательствами вины. Кроме того, руководство НКВД сочло нужным раскрыть Вышинскому некоторые свои карты и указать ему на ряд опасных мест, которые он должен был старательно обходить на судебных заседаниях.	One thing was clear to Vyshinsky: the defendants were innocent. As an experienced prosecutor, he saw that their confessions were not supported by any objective evidence of guilt. In addition, the leadership of the NKVD considered it necessary to reveal to Vyshinsky some of their cards and point out to him a number of dangerous places that he had to diligently avoid at court hearings.
Вот, собственно, и всё, что было известно Вышинскому. Главные тайны следствия не были доступны и ему. Никто из руководителей НКВД не имел права сообщать ему об указаниях, получаемых от Сталина, о методах следствия и инквизиторских приёмах, испытанных на каждом из арестованных, или о переговорах, которые Сталин вёл с главными обвиняемыми. От Вышинского не только не зависела судьба подсудимых, - он не знал даже, какой приговор заранее заготовлен для каждого из них.	That, in fact, was all that Vyshinsky knew. The main secrets of the investigation were not available to him either. None of the leaders of the NKVD had the right to inform him about the instructions received from Stalin, about the methods of investigation and inquisitorial techniques tested on each of the arrested, or about the negotiations that Stalin had with the main accused. Not only did the fate of the defendants not depend on Vyshinsky, he did not even know what sentence was prepared in advance for each of them.
Многих за границей сбила с толку статья одной американской журналистки, пользующейся мировой известностью. Эта дама писала о Вышинском, как о чудовище, пославшем на смерть своих вчерашних друзей - Каменева, Бухарина и многих других. Но они никогда не были друзьями Вышинского. В дни Октября и гражданской войны они находились по разным сторонам баррикады. До 1920 года Вышинский был меньшевиком. Мне думается, многие из старых большевиков впервые услышали эту фамилию только в начале 30-х годов, когда Вышинский был назначен генеральным прокурором, а увидели его своими глазами не ранее 1935 года, когда их ввели под конвоем в зал заседаний военного трибунала, чтобы судить за участие в убийстве Кирова.	Many abroad were baffled by an article by a world-famous American journalist. This lady wrote about Vyshinsky as about a monster who sent his yesterday's friends to death - Kamenev, Bukharin and many others. But they were never Vyshinsky's friends. In the days of October and the civil war, they were on opposite sides of the barricade. Until 1920 Vyshinsky was a Menshevik. It seems to me that many of the old Bolsheviks first heard this name only in the early 30s, when Vyshinsky was appointed Prosecutor General, and saw him with their own eyes not earlier than 1935, when they were led under escort into the courtroom of the military tribunal to try participation in the murder of Kirov.
Руководство НКВД относилось к Вышинскому не то чтобы с недоверием, а скорее со снисходительностью - так, как влиятельные сталинские бюрократы с партбилетом в кармане привыкли относиться к беспартийным. Даже инструктируя его, с какой осторожностью он должен касаться некоторых скользких моментов	The leadership of the NKVD treated Vyshinsky not so much with distrust, but rather with condescension - in the same way that influential Stalinist bureaucrats with a party card in their pocket were accustomed to treating non-party people. Even instructing him how careful he was to touch certain slippery points of the accusation, they were never fully

обвинения, они ни разу не были с ним в полной мере откровенны.	frank with him.
У Вышинского были основания ненавидеть этих надменных хозяев положения. Он понимал, что ему придётся всячески лавировать на суде, маскируя их топорную работу, и своим красноречием прикрывать идиотские натяжки, имеющиеся в деле каждого обвиняемого. Понимал он и другое: если эти подтасовки как-нибудь обнаружатся на суде, то инквизиторы сделают козлом отпущения именно его, пришив ему в лучшем случае "попытку саботажа".	Vyshinsky had reason to hate these arrogant masters of the situation. He understood that he would have to maneuver in every possible way in court, masking their clumsy work, and with his eloquence to cover up the idiotic exaggerations that are present in the case of each accused. He also understood something else: if these frauds were somehow revealed in court, then the inquisitors would make him the scapegoat, sewing on him, at best, an "attempted sabotage."
У руководителей НКВД в свою очередь были основания не любить Вышинского. Во-первых, они презирали его как бывшего узника "органов": в архивах всё ещё хранилось его старое дело, где он обвинялся в антисоветской деятельности. Во-вторых, их снедало чувство ревности - к нему было приковано внимание всего мира, следившего за ходом сенсационных процессов, а им, истинным творцам этих грандиозных спектаклей, как говорится "из ничего" состряпавшим чудовищный заговор и ценой невероятных усилий сумевшим сломать и приручить каждого из обвиняемых, - им суждено оставаться в тени? Побывав когда-то в здании на Лубянке в качестве заключённого, Вышинский побаивался и этого здания, и работавших там людей. И хотя в советской иерархии он занимал куда более, высокое положение, чем, скажем, начальник Секретного политического управления НКВД Молчанов, он по первому вызову Молчанова являлся к нему с неизменной подхалимской улыбочкой на лице. Что же касается Ягоды - тот и вовсе удостоил Вышинского только одной встречи за всё время подготовки первого московского процесса.	The leaders of the NKVD, in turn, had reason not to like Vyshinsky. Firstly, they despised him as a former prisoner of the "organs": his old file was still kept in the archives, where he was accused of anti-Soviet activities. Secondly, they were devoured by a feeling of jealousy - the attention of the whole world was riveted to him, following the course of sensational processes, and to them, the true creators of these grandiose performances, as they say, "out of nothing" concocted a monstrous conspiracy and, at the cost of incredible efforts, managed to break and tame everyone of the accused - are they destined to remain in the shadows? Having once been in the building on the Lubyanka as a prisoner, Vyshinsky was afraid of this building and the people who worked there. And although he occupied a much higher position in the Soviet hierarchy than, say, the head of the Secret Political Directorate of the NKVD, Molchanov, he, at the first call from Molchanov, came to him with an invariable sycophantic smile on his face. As for Yagoda, he honored Vyshinsky with only one meeting during the whole period of preparation of the first Moscow trial.
Задание, полученное от НКВД, Вышинский исполнял с чрезвычайным старанием. На протяжении всех трёх процессов он всё время держался настороже, постоянно готовый парировать любой, даже самый слабый намёк подсудимых на их невиновность, Пользуясь поддержкой подсудимых, как бы соревнующихся друг с другом в самооговоре, Вышинский употреблял всевозможные трюки, дабы показать миру, что вина обвиняемых полностью доказана и никакие сомнения более не уместны. Одновременно он не упускал случая превозносить до небес "великого вождя и учителя", а в обвинительной речи неизменно требовал для всех подсудимых смертной казни.	The task received from the NKVD, Vyshinsky performed with extreme diligence. Throughout all three trials, he was constantly on his guard, constantly ready to fend off any, even the faintest hint of the defendants of their innocence. Using the support of the defendants, as if competing with each other in self-incrimination, Vyshinsky used all sorts of tricks in order to show the world that the guilt of the accused fully proven and no more doubts are pertinent. At the same time, he did not miss the opportunity to exalt the "great leader and teacher" to the skies, and in his accusatory speech he invariably demanded the death penalty for all the defendants.
Ему самому очень хотелось выжить - и в этом был главный секрет его рвения. Он пустил в ход все свои актерские способности, играл	He himself really wanted to survive - and this was the main secret of his zeal. He used all his acting abilities, played selflessly, because the rate

самозабвенно, ибо ставка в его игре была высока. Зная, что перед ним на скамье подсудимых - невинные жертвы сталинского режима, что в ближайшие часы их ждёт расстрел в подвалах НКВД, он, казалось, испытывал искренне наслаждение, когда топтал остатки их человеческого достоинства, черня всё, что в их биографиях казалось ему наиболее ярким и возвышенным. Выходя далеко за рамки обвинительного заключения, он позволял себе заявлять что подсудимые "всю жизнь носили маски", что "под прикрытием громких фраз эти провокаторы служили не делу революции и пролетариата, а контрреволюции и буржуазии". Так поносил вождей Октября человек, который в октябрьские дни и на всём протяжении гражданской войны был врагом революции и республики Советов! С садистическим наслаждением оскорбляя обречённых на смерть, он клеймил их позорными кличками - "шпионы и изменники", "зловонная куча человеческих отбросов", "звери в человеческом облике", "отвратительные негодяи"...	in his game was high. Knowing that in front of him in the dock were the innocent victims of the Stalinist regime, that in the next few hours they would be shot in the cellars of the NKVD, he seemed to feel sincere pleasure when he trampled on the remnants of their human dignity, blackening everything that seemed to him the most in their biographies. bright and sublime. Going far beyond the scope of the indictment, he allowed himself to declare that the defendants "were wearing masks all their lives", that "under the guise of loud phrases, these provocateurs served not the cause of the revolution and the proletariat, but the counter-revolution and the bourgeoisie." Such was the vilification of the leaders of October by a man who in the October days and throughout the civil war was an enemy of the revolution and the republic of Soviets! With sadistic pleasure, insulting those doomed to death, he stigmatized them with shameful nicknames - "spies and traitors", "a stinking heap of human garbage", "animals in human form", "disgusting scoundrels" ...
"Расстрелять их всех, как бешеных псов!" - требовал Вышинский. "Раздавить проклятую гадину!" - взывал он к судьям.	"Shoot them all like mad dogs!" Vyshinsky demanded. "Crush the damned reptile!" he called to the judges.
Нет, он не был похож на человека, исполняющего свои обязанности по принуждению. Он обрушивался на беззащитных сталинских узников с таким искренним удовольствием не только потому, что Сталину требовалось свести с ними счёты, но и потому, что сам был рад возможности посчитаться со старыми большевиками. Он знал, что, пока старая гвардия сохраняет в партии свой авторитет и пользуется правом голоса, таким, как Вышинский, суждено оставаться париями.	No, he did not look like a man doing his duty under duress. He attacked the defenseless Stalinist prisoners with such sincere pleasure, not only because Stalin needed to settle accounts with them, but also because he himself was glad of the opportunity to settle accounts with the old Bolsheviks. He knew that as long as the old guard retained its authority in the party and enjoyed the right to vote, such as Vyshinsky were destined to remain pariahs.
Говоря так, я основываюсь на своих собственных наблюдениях: мне пришлось работать с Вышинским в Верховном суде в те далекие времена, когда оба мы были прокурорами по надзору и состояли в одной партийной ячейке.	In saying this, I am basing myself on my own observations: I had to work with Vyshinsky in the Supreme Court in those distant times, when both of us were supervising prosecutors and were members of the same party cell.
Я приступил к работе в Верховном революционном трибунале, а затем в Верховном суде задолго до того, как там появился Вышинский. В то время членами Верховного суда состояли почти исключительно большевики из старой гвардии; самым выдающимся из них был Николай Крыленко, сподвижник Ленина, первый советский главковерх (командующий всеми вооружёнными силами). В состав Верховного суда входили также старый латышский революционер Отто Карклин, отбывший срок на царской каторге; бывший фабричный рабочий Николай Немцов, активный участник	I started working at the Supreme Revolutionary Tribunal and then at the Supreme Court long before Vyshinsky appeared there. At that time, the members of the Supreme Court were almost exclusively Bolsheviks from the old guard; the most prominent of them was Nikolai Krylenko, an associate of Lenin, the first Soviet commander-in-chief (commander of all armed forces). The composition of the Supreme Court also included the old Latvian revolutionary Otto Karklin, who had served his term in the tsarist penal servitude; former factory worker Nikolai Nemtsov, an active participant in the revolution of 1905, sentenced by the tsarist court

революции девятьсот пятого года, приговорённый царским судом к пожизненной ссылке в Сибирь; руководитель комиссии партийного контроля Арон Сольц, возглавлявший в Верховном суде юридическую коллегию; Александр Галкин, председатель кассационной коллегии, и ряд других старых большевиков, направленных сюда на работу, чтобы укрепить пролетарское влияние в советском правосудии.	to life exile in Siberia; the head of the party control commission, Aron Solts, who headed the legal collegium in the Supreme Court; Alexander Galkin, chairman of the cassation board, and a number of other old Bolsheviks sent here to work in order to strengthen the proletarian influence in Soviet justice.
Эти люди провели немалую часть жизни в царских тюрьмах, на каторге и в сибирской ссылке. Революцию и советскую власть они не считали источником каких-то благ для себя, не искали высоких постов и личных выгод. Они бедно одевались, хотя могли иметь любую одежду, какую только пожелают, и ограничивались скудным питанием, в то время как многие из них нуждались в специальной диете, чтобы поправить здоровье, пошатнувшееся в царских тюрьмах.	These people spent a considerable part of their lives in tsarist prisons, in hard labor and in Siberian exile. They did not consider the revolution and Soviet power a source of any benefits for themselves, they did not look for high positions and personal benefits. They were poorly dressed, although they could have whatever clothes they wanted, and limited themselves to meager food, while many of them needed a special diet to improve their health, which had been shaken in royal prisons.
В 1923 году Вышинский появился в Верховном суде в качестве прокурора юридической коллегии. В нашей бесхитростной атмосфере, среди простых и скромных людей он чувствовал себя не в своей тарелке. Он был щеголеват, умел "подать себя", был мастером любезных расшаркиваний, напоминая манерами царского офицера. На революционера он никак не был похож. Вышинский очень, старался завязать дружеские отношения со своим новым окружением, но не преуспел в этом.	In 1923, Vyshinsky appeared in the Supreme Court as a prosecutor of the legal college. In our unsophisticated atmosphere, among simple and modest people, he felt out of place. He was dapper, knew how to "apply himself", was a master of gracious bowing, reminiscent of the manners of a tsarist officer. He didn't look like a revolutionary. Vyshinsky tried very hard to establish friendly relations with his new environment, but did not succeed in this.
Я занимал тогда должность помощника прокурора апелляционной коллегии Верховного суда. Все мы - прокуроры и судьи - раз в день сходились в "совещательную комнату" попить чайку. Часто за чашкой чая завязывались интересные разговоры. Но я заметил одну примечательную вещь: стоило войти сюда Вышинскому, как разговор немедленно затихал и кто-нибудь обязательно произносил стандартную фразу: "Ну, пора и за работу!" Вышинский заметил это и перестал приходить на наши чаепития.	I then held the position of assistant prosecutor of the appellate board of the Supreme Court. All of us - prosecutors and judges - once a day went to the "conference room" to drink tea. Interesting conversations often ensued over a cup of tea. But I noticed one remarkable thing: as soon as Vyshinsky entered here, the conversation immediately died down and someone always uttered the standard phrase: "Well, it's time to get to work!" Vyshinsky noticed this and stopped coming to our tea parties.
Хорошо помню, как однажды, когда мы все сидели в этой комнате, дверь приоткрылась и заглянул Вышинский. Все посмотрели в его сторону, но он не вошёл, небыстро притворил дверь.	I remember well how once, when we were all sitting in this room, the door opened a crack and Vyshinsky looked in. Everyone looked in his direction, but he did not enter, he closed the door slowly.
- Я его терпеть не могу! - с гримасой неприязни сказал Галкин, председатель апелляционной комиссии.	- I can't stand him! - Galkin, chairman of the appeal commission, said with a grimace of hostility.
- Почему? - спросил я.	- Why? I asked.
- Меньшевик, - пояснил сидящий рядом Николай Немцов. - До двадцатого года всё раздумывал, признать ему советскую власть или нет.	“Menshevik,” explained Nikolai Nemtsov, who was sitting next to him. - Until the twentieth year, he thought about whether to recognize him as Soviet power or not.
Главная беда не в том, что он меньшевик, - возразил Галкин. -	The main trouble is not that he is a Menshevik,” Galkin objected. -

Много меньшевиков сейчас работает с нами, но этот... он просто гнусный карьерист! Никто из старых большевиков не был груб с Вышинским, никто его открыто не третировал. Если он о чём-то спрашивал, ему вежливо отвечали. Но никто первым не заговаривал с ним. Вышинский был достаточно умён, чтобы понимать, что старые партийцы смотрят на него как на чужака, и начал их избегать. Он привык целыми днями сидеть в одиночестве в своей комнате. В то время было очень мало судебных слушаний и Вышинского в обществе других служащих можно было увидеть разве что на собраниях партийной ячейки и на заседаниях Верховного суда, где обсуждались правовые вопросы или разбирались протесты, внесённые прокуратурой по поводу судебных решений. Но я не помню ни одного случая, когда бы Вышинский выступил на партсобрании или пленарном заседании.	Many Mensheviks are working with us now, but this one ... he is just a vile careerist! None of the old Bolsheviks was rude to Vyshinsky, no one openly bullied him. If he asked about something, he was politely answered. But no one spoke to him first. Vyshinsky was smart enough to understand that the old party members looked at him as a stranger, and began to avoid them. He was used to sitting alone in his room all day. At that time, there were very few court hearings, and Vyshinsky in the company of other employees could only be seen at meetings of the party cell and at meetings of the Supreme Court, where legal issues were discussed or protests made by the prosecutor's office about court decisions were dealt with. But I do not remember a single case when Vyshinsky spoke at a Party meeting or a plenary session.
Старые партийцы из Верховного суда, безусловно, не были мелочными людьми. Они легко примирились с тем, что Вышинский был когда-то меньшевиком, и готовы были даже смотреть сквозь пальцы на его враждебную нам активность в решающие дни Октября. Невозможно было простить ему другое: после того как революция победила, он все три года, пока шла гражданская война, всё ещё выжидал и, только убедившись, что советская власть действительно выживет, подал заявление в большевистскую партию.	The old party members of the Supreme Court were certainly not petty people. They easily reconciled themselves to the fact that Vyshinsky had once been a Menshevik, and were even ready to turn a blind eye to his activity hostile to us in the decisive days of October. It was impossible to forgive him for something else: after the revolution had won, he was still waiting for all three years, while the civil war was going on, and only after making sure that the Soviet government would really survive, he applied to the Bolshevik party.
Как-то - дело происходило в 1923 году - я выступал с докладом перед членами московского городского суда и коллегии защитников. Темой доклада были последние изменения в уголовном кодексе. Присутствовал и Вышинский, и мы вышли из здания Мосгорсуда вместе. Он сказал мне, что до революции намеревался посвятить себя юриспруденции и по окончании курса был оставлен при университете, но вмешалось царское министерство просвещения и лишило его возможности сделать ученую карьеру. Тут Вышинский сменил тему и заговорил о революции 1905 года. Оказывается, его тогда посадили на два года за участие в организации забастовок рабочих. Помню, это произвело на меня впечатление, и я даже подумал, что, быть может, Вышинский не такой уж плохой человек. Потом выяснилось, что эту историю Вышинский рассказывал и другим членам Верховного суда. Он явно стремился завоевать наше расположение и прорвать изоляцию, в которой очутился.	Once - it happened in 1923 - I made a report to members of the Moscow city court and the board of defenders. The topic of the report was the latest changes in the criminal code. Vyshinsky was also present, and we left the Moscow City Court building together. He told me that before the revolution he intended to devote himself to jurisprudence and after completing his course he was left at the university, but the tsarist ministry of education intervened and deprived him of the opportunity to make a scientific career. Here Vyshinsky changed the subject and started talking about the revolution of 1905. It turns out that he was then imprisoned for two years for participating in the organization of workers' strikes. I remember that this made an impression on me, and I even thought that perhaps Vyshinsky was not such a bad person after all. Later it turned out that Vyshinsky had told this story to other members of the Supreme Court. He clearly sought to win our favor and break through the isolation in which he found himself.
В конце того же 1923 года в стране была объявлена чистка партии. Нашу партийную ячейку "чистил" Хамовнический райком, и мы	At the end of the same 1923, a purge of the party was announced in the country. Our party cell was "cleansed" by the Khamovniki district

явились туда в полном составе. Райкомовская комиссия партийного контроля, непосредственно занимавшаяся чисткой, состояла из видных большевиков, а возглавлял её член. Центральной комиссии партконтроля. Каждый из нас написал свою биографию и приложил к ней поручительства двух других членов партии. Сдал автобиографию и Вышинский. В ней он указал, что при царском режиме отсидел один год в тюрьме за участие в забастовке.	committee, and we went there in full force. The District Committee of Party Control, which was directly involved in the purge, consisted of prominent Bolsheviks, and was headed by a member. Central Commission of Party Control. Each of us wrote his biography and attached to it the guarantees of two other members of the party. Vyshinsky also submitted his autobiography. In it, he indicated that under the tsarist regime he served one year in prison for participating in a strike.
Комиссия партконтроля вызывала нас по одному и, задав несколько вопросов, возвращала предварительно отобранный партбилет. Для старых большевиков из Верховного суда с этой процедурой не было связано никаких проблем, да и вопросов им практически не задавали. Для них это была просто мимолётная встреча со старыми товарищами, заседавшими в комиссии. Некоторые из нас, более молодых, пройдя комиссию, не спешили уйти, а оставались ждать, пока не закончится рассмотрение всех дел. Наступила очередь Вышинского. Для него это было серьёзным испытанием: во время предыдущей чистки, в 1921 году, его исключили из партии и восстановили с большим скрипом лишь год спустя.	The Party Control Commission called us one at a time and, after asking a few questions, returned the previously selected party card. For the old Bolsheviks from the Supreme Court, this procedure was not associated with any problems, and they were practically not asked questions. For them, it was just a fleeting meeting with old comrades who sat on the commission. Some of us, the younger ones, having passed the commission, were in no hurry to leave, but remained to wait until the consideration of all cases was completed. It was Vyshinsky's turn. For him, this was a serious test: during the previous purge, in 1921, he was expelled from the party and restored with great difficulty only a year later.
Прошло полчаса, ещё час, ещё один, ещё полчаса - а Вышинский всё не появлялся. Кто-то уже устал ждать и ушёл. Наконец Вышинский выскочил, возбуждённый и красный как рак. Выяснилось, что комиссия не вернула ему партбилет. Это означало исключение из партии. Вышинский не рассказал нам, что происходило в течение этих трёх часов за закрытой дверью. Он ушёл в дальний конец вестибюля и там в волнении ходил взад и вперёд.	Half an hour passed, another hour, another one, another half an hour - and still Vyshinsky did not appear. Someone got tired of waiting and left. Finally Vyshinsky jumped out, excited and red as a cancer. It turned out that the commission did not return his membership card to him. This meant exclusion from the party. Vyshinsky did not tell us what happened during those three hours behind closed doors. He went to the far end of the vestibule, and there he paced up and down in agitation.
Когда, направляясь к выходу, мы поравнялись с ним, Вышинский возбуждённо воскликнул: - Это возмутительное издевательство! Я этого так не оставлю. Пойду в ЦК и швырну им в физиономию свой партбилет! Было не очень ясно, как он собирается швырнуть партбилет, который у него отобрали. Мы посоветовали ему не совершать опрометчивых действий, а обсудить всё с Крыленко или Сольцем. Сольц, председатель юридической коллегии Верховного суда, одновременно возглавлял Центральную комиссию партийного контроля и руководил чисткой партии по всей стране.	When, heading for the exit, we caught up with him, Vyshinsky excitedly exclaimed: - This is an outrageous mockery! I won't leave it like this. I'll go to the Central Committee and throw my party card in their faces! It was not very clear how he was going to throw the party card that was taken away from him. We advised him not to take rash actions, but to discuss everything with Krylenko or Solts. Soltz, chairman of the Judicial Collegium of the Supreme Court, simultaneously headed the Central Party Control Commission and directed the purge of the party throughout the country.
Уже отойдя несколько кварталов, мы услышали сзади торопливые шаги. Нас снова догонял Вышинский. Переведя дыхание, он горячо попросил нас никому не передавать его слов насчёт ЦК. Мы обещали.	We had already gone a few blocks when we heard hurried footsteps behind us. Vyshinsky again overtook us. Taking a breath, he fervently asked us not to tell anyone about his words about the Central Committee. We promised.

На следующий день встревоженная девушка-секретарша вошла в зал заседаний и сказала, что в кабинете Сольца истерически рыдает Вышинский. Перепуганный старик выскочил из кабинета, чтобы принести ему воды.	The next day, the alarmed secretary girl entered the meeting room and said that Vyshinsky was sobbing hysterically in Soltz's office. The frightened old man rushed out of the office to fetch him some water.
Арон Сольц стал революционером ещё в конце прошлого столетия. Несмотря на то что он подвергался бесчисленным арестам и провёл много лет в царских тюрьмах и ссылке, душа его не ожесточилась. Он оставался добродушным, отзывчивым человеком.	Aron Soltz became a revolutionary at the end of the last century. Despite the fact that he was subjected to countless arrests and spent many years in royal prisons and exile, his soul did not harden. He remained a good-natured, sympathetic person.
Как член партии Сольц был обязан неуклонно придерживаться в своей деятельности принципа "политической целесообразности", которым сталинское Политбюро оправдывало всё происходящее. Однако до седых волос Сольц так и не научился спокойно смотреть на несправедливость. Только в последние годы жизни ему пришлось под давлением всеобъемлющего террора повторить сталинскую клевету насчёт Троцкого. Впрочем, под конец у него хватило мужества сказать Сталину правду в глаза, что его и погубило .	As a member of the party, Soltz was obliged to unswervingly adhere to the principle of "political expediency" in his activities, with which the Stalinist Politburo justified everything that happened. However, until his gray hair, Soltz never learned to calmly look at injustice. Only in the last years of his life did he have to repeat the Stalinist slander about Trotsky under the pressure of all-embracing terror. However, in the end, he had the courage to tell Stalin the truth in the eye, which ruined him.
Друзья Сольца называли его "совесть партии", в частности, потому, что он возглавлял Центральную комиссию партконтроля (ЦКК) - высший в стране партийный суд. На протяжении нескольких лет одним из моих партийных поручений было докладывать этой комиссии о членах партии, находившихся под следствием, и меня сплошь и рядом восхищал человеческий, неказённый подход Сольца к этим делам.	Soltz's friends called him "the conscience of the party," in part because he headed the Central Commission for Party Control (CCC), the country's highest party court. For several years, one of my party assignments was to report to this commission about party members who were under investigation, and I was quite often admired by Soltz's human, unofficial approach to these matters.
Именно Сольц; с его добрым и отзывчивым характером, спас Вышинского. Он поставил вопрос на обсуждение в ЦК, после чего Вышинскому был возвращён партбилет. Несколько дней спустя Сольц зашёл в нашу "совещательную комнату", где мы как раз пили чай. Увидев Сольца, его старый друг Галкин немедленно накинулся на него за такое заступничество. Сольц виновато улыбнулся: "Чего вы от него хотите? Товарищ работает, старается... Дайте ему показать себя. Большевиками не рождаются, большевиками становятся. Не оправдает доверия - мы всегда сможем его исключить".	Precisely Salts; with his kind and sympathetic character, he saved Vyshinsky. He raised the issue for discussion in the Central Committee, after which the party card was returned to Vyshinsky. A few days later Soltz came into our "conference room" where we were having tea. Seeing Solts, his old friend Galkin immediately attacked him for such intercession. Solts smiled guiltily: "What do you want from him? A comrade works, tries ... Let him show himself. Bolsheviks are not born, they become Bolsheviks. If he does not justify trust - we can always expel him."
Из-за растущего потока жалоб, поступавших отовсюду в апелляционную коллегию, я оказался так занят, что почти перестал бывать на заседаниях юридической коллегии. Как-то раз я заглянул туда - Вышинский как раз в это время делал доклад на тему "Обвинение в политическом процессе". Его выступлению нельзя было отказать в логике, притом он отлично владел русским языком и умело пользовался риторическими приёмами. Председательствующий	Because of the growing flow of complaints coming from everywhere to the Board of Appeal, I became so busy that I almost stopped attending meetings of the Law Board. Once I looked in there - just at that time Vyshinsky was making a report on the topic "The Accusation in the Political Trial." His speech could not be denied logic, moreover, he was fluent in Russian and skillfully used rhetorical devices. The presiding Soltz nodded in agreement, not hiding his approval.

Сольц согласно кивал, не скрывая одобрения.	
Мне не понравилась тогда склонность Вышинского переигрывать, его преувеличенный пафос. Но в общем становилось уже ясно, что это - один из способнейших и блестяще подготовленных прокуроров. Мне начало казаться, что наши партийцы несправедливы к Вышинскому; оставалось надеяться, что со временем они изменят отношение к нему.	I didn't like Vyshinsky's tendency to overact, his exaggerated pathos. But in general it was already becoming clear that he was one of the most capable and brilliantly trained prosecutors. It began to seem to me that our party members were being unfair to Vyshinsky; I only hoped that over time they would change their attitude towards him.
Однако вскоре произошел небольшой, но характерный эпизод, показавший, что интуиция их не подвела. Зимой 1923 года прокурор республики Николай Крыленко вызвал нескольких работников, в том числе Вышинского и меня, и сообщил, что Политбюро поручило ему разобраться в материалах секретного расследования деятельности советских полпредств за рубежом. Ввиду огромного объёма материалов Крыленко с согласия Политбюро привлекает к данной работе нас. Нам придётся вместе с ним изучить их и доложить ЦК свои соображения. Работать будем у него дома, по вечерам, так как он обещал эти документы никуда не передавать.	However, a small but characteristic episode soon occurred, showing that their intuition did not fail them. In the winter of 1923, the prosecutor of the republic, Nikolai Krylenko, summoned several workers, including Vyshinsky and me, and said that the Politburo had instructed him to sort out the materials of a secret investigation into the activities of Soviet embassies abroad. In view of the huge volume of materials, Krylenko, with the consent of the Politburo, enlists us in this work. We will have to study them together with him and report our considerations to the Central Committee. We will work at his house, in the evenings, as he promised not to transfer these documents anywhere.
В тот день мы так и не ушли из роскошного крыленковского особняка, владельцем которого до революции был князь Гагарин. Предстояло изучить тридцать или сорок папок, и Крыленко распределил их между нами. Он пояснил при этом, что нарком государственного контроля Аванесов, проводивший расследование, обнаружил в советских представительствах за рубежом скандальные факты коррупции и растранжиривания секретных денежных фондов и что некоторые служащие подозреваются в сотрудничестве с иностранными разведками.	On that day, we never left the luxurious Krylenkov mansion, which was owned by Prince Gagarin before the revolution. There were thirty or forty folders to be studied, and Krylenko distributed them among us. At the same time, he explained that Avanesov, People's Commissar of State Control, who conducted the investigation, discovered scandalous facts of corruption and squandering of secret funds in Soviet missions abroad, and that some employees were suspected of collaborating with foreign intelligence services.
Крыленко попросил нас излагать свои выводы на больших листах бумаги в таком порядке: слева, под фамилией обвиняемого лица, мы должны кратко сформулировать суть обвинения и указать, достаточно ли имеется доказательств, чтобы возбудить судебное преследование. Справа помечалось, куда следует передать дело: в уголовный суд, в ЦКК, либо решить его в дисциплинарном порядке, а также каким должно быть наказание.	Krylenko asked us to state our findings on large sheets of paper in this order: on the left, under the name of the accused person, we must briefly formulate the essence of the charge and indicate whether there is enough evidence to initiate prosecution. On the right, it was marked where the case should be transferred: to the criminal court, to the Central Control Commission, or to decide it in a disciplinary procedure, and also what the punishment should be.
Документы оказались куда менее интересными, чем можно было ожидать. Они содержали в основном бездоказательные обвинения, которые возводили друг на друга не ладившие между собой бюрократы, подогреваемые своими вздорными супругами. Лишь незначительная часть бумаг свидетельствовала о фактах растраты, моральной распущенности и других вещах, способных нанести ущерб	The documents turned out to be much less interesting than one might expect. They contained mostly unsubstantiated accusations leveled at each other by discordant bureaucrats, fueled by their quarrelsome spouses. Only an insignificant part of the papers testified to the facts of embezzlement, moral licentiousness and other things that could damage the prestige of the Soviet country. We did not find any cases of state

престижу советской страны. Случаев государственной измены мы не обнаружили вовсе.	treason at all.
Все вечера Крыленко работал вместе с нами. Время от времени он подходил к кому-нибудь из нас и смотрел, как подвигается работа. Заглядывая через плечо Вышинского, он заинтересовался делом одного советского дипломата, обвинявшегося в чрезмерно роскошном образе жизни, сближении с женой одного из подчинённых и других грехах. Вышинский предлагал исключить его из партии, предать суду и приговорить к трём годам заключения.	All evenings Krylenko worked with us. From time to time he would come up to one of us and watch how the work was progressing. Looking over Vyshinsky's shoulder, he became interested in the case of a Soviet diplomat who was accused of an excessively luxurious lifestyle, rapprochement with the wife of one of his subordinates, and other sins. Vyshinsky proposed to expel him from the party, put him on trial and sentence him to three years in prison.
- Как это так - три года? - недовольным тоном спросил Крыленко. - Вы тут написали, что он дискредитировал советское государство в глазах Запада. За такое дело полагается расстрел! Вышинский сконфузился и покраснел.	- How is it - three years? - Krylenko asked in an unhappy tone. - You wrote here that he discredited the Soviet state in the eyes of the West. Such a thing deserves to be shot! Vyshinsky was embarrassed and blushed.
- Вначале я тоже хотел предложить расстрел, - подхалимским тоном забормотал он, - но...	“At first I also wanted to suggest execution,” he muttered in a sycophantic tone, “but...
Тут он запнулся, пытаясь подыскать объяснение. Не найдя его и окончательно растерявшись, он промямлил, что признаёт свою ошибку. Крыленко насмешливо уставился на него, - похоже, что замешательство Вышинского доставляло ему удовольствие.	Here he stumbled, trying to find an explanation. Not finding it and completely at a loss, he mumbled that he admits his mistake. Krylenko stared at him mockingly - it seems that Vyshinsky's confusion gave him pleasure.
- Да здесь вовсе нет преступления - неожиданно произнёс он и, показывая пальцем на запись Вышинского об исключении этого дипломата из партии и предании его суду, заключил: - Пишите: закрыть дело! Я не смотрел на Вышинского, не желая смущать его ещё больше. Но Вышинский вдруг разразился угодливым смехом: - Как вы меня разыграли, Николай Васильевич! Вы меня сбили с толку... Когда вы предложили дать ему расстрел, я совсем растерялся. Я подумал, как же это я так промахнулся и предложил только три года! А теперь... ха-ха-ха...	“Yes, there is no crime at all here,” he suddenly pronounced, and, pointing with his finger at Vyshinsky’s note about the expulsion of this diplomat from the party and bringing him to trial, he concluded: “Write: close the case!” I did not look at Vyshinsky, not wanting to embarrass him even more. But Vyshinsky suddenly burst into obsequious laughter: "How you played me, Nikolai Vasilievich! You confused me... When you offered to shoot him, I was completely at a loss. I thought, how did I miss it so much and offered only three years! And now... ha ha ha...
Смех Вышинского звучал фальшиво и вызывал чувство гадливости.	Vyshinsky's laughter sounded false and evoked a feeling of disgust.
Я уже говорил, что многие считали Вышинского карьеристом, пролезшим в партию, но я никогда не ожидал, что он окажется таким беспринципным и лишённым всякой морали, что выразит готовность идти на всё - оправдать человека, расстрелять его, - как будет угодно начальству.	I have already said that many considered Vyshinsky a careerist who had slipped into the party, but I never expected that he would turn out to be so unscrupulous and devoid of any morality that he would express his readiness to go to any lengths - to justify a person, to shoot him - as the authorities pleased.
Положение самого Вышинского было шатким. Пока в стране пользовались влиянием старые большевики, дамоклов меч партийных чисток постоянно висел над ним. Вот почему разгром оппозиции и преследование этих людей, сопровождавшее этот разгром, были Вышинскому на руку.	The position of Vyshinsky himself was precarious. As long as the old Bolsheviks had influence in the country, the Damocles sword of party purges constantly hung over him. That is why the rout of the opposition and the persecution of these people, which accompanied this rout, played into Vyshinsky's hands.

Сталину требовалось, чтобы во всех советских организациях были люди, готовые обвинить старых большевиков в антиленинской политике и помочь избавиться от них. Когда в результате такой клеветы ЦК увольнял их с ключевых постов, клеветники в порядке вознаграждения назначались на освободившиеся места.	Stalin required that in all Soviet organizations there were people ready to accuse the old Bolsheviks of anti-Leninist politics and help get rid of them. When, as a result of such slander, the Central Committee dismissed them from key posts, the slanderers were appointed in the form of remuneration to the vacant posts.
Неудивительно, что в этой ситуации Вышинский смог сделаться "бдительным оком" партии и ему было поручено следить за тем, чтобы Верховный суд не отклонился от ленинского пути. Теперь ему не приходилось дрожать перед каждой чисткой: напротив, из партии исключались те, кто подозревался в сочувствии преследуемым ленинским соратникам. Вышинского в этом подозревать не приходилось. Его назначили генеральным прокурором, и он стал активно насаждать "верных членов партии" в судебные органы и прокуратуру. Естественно, там не оказалось места таким, как Николай Крыленко - создатель советского законодательства и вообще всей советской юридической системы. Он был объявлен политически ненадёжным, хотя и не принадлежал ни к какой оппозиции. А Вышинский, годами раболепствовавший перед Крыленко, получил задание выступить на совещании юридических работников и осудить крыленковскую политику в области юстиции как "антиленинскую и буржуазную".	It is not surprising that in this situation Vyshinsky was able to become the "watchful eye" of the party and was instructed to ensure that the Supreme Court did not deviate from the Leninist path. Now he did not have to tremble before each purge: on the contrary, those who were suspected of sympathizing with Lenin's persecuted comrades-in-arms were expelled from the party. Vyshinsky was not to be suspected of this. He was appointed prosecutor general, and he began to actively plant "loyal members of the party" in the judiciary and the prosecutor's office. Naturally, there was no place for such as Nikolai Krylenko, the creator of Soviet legislation and, in general, the entire Soviet legal system. He was declared politically unreliable, although he did not belong to any opposition. And Vyshinsky, who had been servile to Krylenko for years, was given the task of speaking at a meeting of legal workers and condemning Krylenko's policy in the field of justice as "anti-Leninist and bourgeois."
Со своего высокого прокурорского поста Вышинский с удовольствием наблюдал, как старые большевики один за другим убираются из Верховного суда. Крыленко исчез в начале 1938 года. Одновременно исчезла его бывшая жена Елена Розмирович, работавшая до революции секретарём Заграничного бюро ЦК и личным секретарём Ленина .	From his high position as a prosecutor, Vyshinsky watched with pleasure as the old Bolsheviks were removed one by one from the Supreme Court. Krylenko disappeared in early 1938. At the same time, his ex-wife Elena Rozmirovich, who worked before the revolution as secretary of the Foreign Bureau of the Central Committee and personal secretary of Lenin, disappeared.
В июле 1936 года в коридоре здания НКВД я лицом к лицу столкнулся с Галкиным. Его сопровождал тюремный конвой. По-видимому, Галкин был так потрясён случившимся, что не узнал меня, хотя мы встретились глазами.	In July 1936, in the corridor of the NKVD building, I came face to face with Galkin. He was accompanied by a prison convoy. Apparently, Galkin was so shocked by what had happened that he did not recognize me, although we met eyes.
Я немедленно зашёл в кабинет Бермана и попросил его помочь Галкину, чем только можно. Берман сообщил мне, что Галкин арестован на основании поступившего в НКВД доноса, будто он осуждает ЦК партии за роспуск Общества старых большевиков. Донос поступил от Вышинского.	I immediately went into Berman's office and asked him to help Galkin in any way possible. Berman told me that Galkin had been arrested on the basis of a denunciation received by the NKVD that he condemned the Central Committee of the party for the dissolution of the Society of Old Bolsheviks. The denunciation came from Vyshinsky.
Назначая Вышинского государственным обвинителем на московских процессах, Сталин ещё раз показал, какой смысл он вкладывает в понятие "нужный человек на нужном месте". В целом	By appointing Vyshinsky as the state prosecutor at the Moscow trials, Stalin once again showed what meaning he puts into the concept of "the right person in the right place." In the whole state, there would probably

государстве не нашлось бы, наверное, другого человека, кто с таким рвением готов был бы сводить счёты со старыми большевиками.	not be another person who would be ready to settle scores with the old Bolsheviks with such zeal.
СТАЛИНСКИЕ УТЕХИ Казалось, после того как Сталин "ликвидировал" Енукидзе, своего единственного и совершенно бескорыстного, друга, ни одно из многочисленных сталинских преступлений уже не сможет нас удивить. Тем не менее, думаю, читателям будет небезынтересно узнать подробности ещё одного убийства. Речь идёт об убийстве Паукера, начальника кремлёвской охраны, которого связывали со Сталиным особо доверительные отношения.	STALIN'S JOYS It seemed that after Stalin "liquidated" Yenukidze, his only and completely disinterested friend, none of Stalin's many crimes could surprise us. Nevertheless, I think it will be interesting for readers to learn the details of another murder. We are talking about the murder of Pauker, the head of the Kremlin guard, who had a particularly trusting relationship with Stalin.
Паукер был по национальности венгром. Во время первой мировой войны его призвали в австро-венгерскую армию, и в 1916 году он попал в русский плен. Когда началась революция, Паукер не вернулся домой - у него не было там семьи, на родине его не ждали ни богатство, ни карьера. До армии он был парикмахером в будапештском театре оперетты и одновременно прислуживал кому-то из известных певцов. Он и сам мечтал о славе и любил хвастать, будто артисты оперетты находили у него "замечательный драматический талант" и наперебой приглашали выступать на сцене в качестве статиста.	Pauker was Hungarian by nationality. During the First World War, he was drafted into the Austro-Hungarian army, and in 1916 he was taken prisoner by the Russians. When the revolution began, Pauker did not return home - he did not have a family there, neither wealth nor a career awaited him at home. Before the army, he was a hairdresser in the Budapest Operetta Theater and at the same time served as one of the famous singers. He himself dreamed of fame and loved to brag that the operetta artists found in him "a wonderful dramatic talent" and vying with each other invited to perform on stage as an extra.
Паукер, по-видимому, не преувеличивал. У него действительно были способности актера-комика, надо было видеть, как искусно подражал он манерам начальства и с каким артистизмом рассказывал анекдоты. Но мне казалось, что истинным его призванием было искусство клоунады и что на этом поприще он мог бы добиться славы, которой так неуёмно жаждал. Чтобы дорисовать портрет Паукера, можно добавить, что губы его были неправдоподобно красными и чувственными, а тёмные горячие глаза смотрели на кремлёвских тузов и вообще на большое начальство с выражением искреннего восхищения и собачьей преданности. Эти в общем-то довольно скромные качества позволили Паукеру не пропасть в бурных водах российской революции.	Pauker did not appear to be exaggerating. He really had the ability of an actor-comedian, one should have seen how skillfully he imitated the manners of his superiors and with what artistry he told jokes. But it seemed to me that his true calling was the art of clowning and that in this field he could achieve the fame that he so irrepressibly craved. To complete the portrait of Pauker, one can add that his lips were incredibly red and sensual, and his dark hot eyes looked at the Kremlin aces and in general at the big bosses with an expression of sincere admiration and dog-like devotion. These generally modest qualities allowed Pauker not to perish in the turbulent waters of the Russian revolution.
Паукер вступил в большевистскую партию и был направлен на работу в ВЧК. Человек малообразованный и политически индифферентный, он получил там должность рядового оперативника и занимался арестами и обысками. На этой работе у него было мало шансов попасться на глаза кому-либо из высокого начальства и выдвинуться наверх. Сообразив это, он решил воспользоваться навыками, приобретенными ещё на родине, и вскоре стал	Pauker joined the Bolshevik Party and was sent to work in the Cheka. A poorly educated and politically indifferent man, he got the position of an ordinary operative there and was engaged in arrests and searches. In this job, he had little chance of catching the eye of any of the high authorities and moving up. Realizing this, he decided to use the skills acquired back in his homeland, and soon became a hairdresser and personal orderly of Menzhinsky, deputy head of the Cheka. He was the

парикмахером и личным ординарцем Менжинского, заместителя начальника ВЧК. Тот был сыном крупного царского чиновника и сумел оценить проворного слугу. С тех пор Паукер всегда находился при нём. Даже когда Менжинский в 1925 году отправился на лечение в Германию, он прихватил с собой Паукера.	son of a major royal official and was able to appreciate the nimble servant. Since then, Pauker has always been with him. Even when Menzhinsky went to Germany for treatment in 1925, he took Pauker with him.
Постепенно влияние Паукера начало ощущаться в ОГПУ всеми. Менжинский назначил его начальником Оперативного управления, а после смерти Ленина уволил тогдашнего начальника кремлёвской охраны Абрама Беленького и сделал Паукера ответственным за безопасность Сталина и других членов Политбюро.	Gradually Pauker's influence began to be felt by everyone in the OGPU. Menzhinsky appointed him head of the Operations Directorate, and after Lenin's death, dismissed the then head of the Kremlin guard, Abram Belenky, and made Pauker responsible for the safety of Stalin and other members of the Politburo.
Паукер пришёлся Сталину по вкусу. Сталин не любил окружать себя людьми преданными революционным идеалам, - таких он считал ненадёжными и опасными. Человек, служащий высокой идее, следует за тем или иным политическим лидером только до тех пор, пока видит в нём проводника этой идеи. Но такой человек может сделаться и врагом своего вчерашнего кумира, если увидит, что тот предал высокие идеалы и изменил им из личной корысти. В этом смысле Паукер был абсолютно надёжен: по своей натуре он был так далек от идеализма, что даже по ошибке не мог бы оказаться в политической оппозиции. Его не интересовало ничто, кроме собственной карьеры. А карьера - это тот товар, которым Сталин мог обеспечить его в любом количестве.	Pauker came to Stalin's taste. Stalin did not like to surround himself with people devoted to revolutionary ideals - he considered such people unreliable and dangerous. A person who serves a lofty idea follows this or that political leader only as long as he sees in him the conductor of this idea. But such a person can also become an enemy of his yesterday's idol if he sees that he betrayed high ideals and betrayed them out of personal self-interest. In this sense, Pauker was absolutely reliable: by nature he was so far from idealism that even by mistake he could not have been in political opposition. He was not interested in anything but his own career. And a career is the commodity that Stalin could provide him with in any quantity.
Личная охрана Ленина состояла из двух человек. После того как его ранила Каплан, число телохранителей было увеличено вдвое. Когда же к власти пришёл Сталин, он создал для себя охрану, насчитывающую несколько тысяч секретных сотрудников, не считая специальных воинских подразделений, которые постоянно находились поблизости в состоянии полной боевой готовности. Такую могучую охрану организовал для Сталина Паукер. Только дорогу от Кремля до сталинской загородной резиденции, длиной тридцать пять километров, охраняли более трёх тысяч агентов и автомобильные патрули, к услугам которых была сложная система сигналов и полевых телефонов.	Lenin's personal bodyguard consisted of two people. After he was wounded by Kaplan, the number of bodyguards was doubled. When Stalin came to power, he created for himself a guard numbering several thousand secret employees, not counting special military units that were constantly nearby in a state of full combat readiness. Pauker organized such a powerful guard for Stalin. Only the road from the Kremlin to the Stalinist country residence, thirty-five kilometers long, was guarded by more than three thousand agents and car patrols, which had a complex system of signals and field telephones.
Эта многочисленная агентура была рассредоточена вдоль всего сталинского маршрута, в подъездах домов, в кустарнике, за деревьями. Достаточно было постороннему автомобилю задержаться хоть на минуту - и его немедленно окружали агенты, проверявшие документы водителя, пассажиров и цель поездки. Когда же сталинская машина вылетала из кремлёвских ворот - тут уж и вовсе	This numerous agents were dispersed along the entire Stalinist route, at the entrances of houses, in the bushes, behind the trees. It was enough for an outside car to linger even for a minute - and it was immediately surrounded by agents who checked the documents of the driver, passengers and the purpose of the trip. When the Stalinist car took off from the Kremlin gates, the entire thirty-five-kilometer route was

весь тридцатипятикилометровый маршрут объявлялся как бы на военном положении. Рядом со Сталиным в машине всегда сидел Паукер в форме армейского командира.	declared as if under martial law. Next to Stalin in the car was always Pauker in the uniform of an army commander.
Абрам Беленький был всего лишь начальником охраны Ленина и других членов правительства. Он почтительно соблюдал служебную дистанцию между собой и охраняемыми лицами. А Паукер сумел занять такое положение, что членам Политбюро приходилось считать его чуть ли не равным себе. Он сосредоточил в своих руках обеспечение их продуктами питания, одеждой, машинами, дачами; он не только удовлетворял их желания, но к тому же знал, как разжечь их. Для членов Политбюро он поставлял из-за рубежа последние модели автомобилей, породистых собак, редкие вина и радиоприёмники, для их жён приобретал в Париже платья, шёлковые ткани, духи и множество других вещиц, столь приятных женскому сердцу, их детям покупал дорогие игрушки. Паукер сделался чем-то вроде Деда Мороза, с той разницей, что он развозил подарки круглый год. Неудивительно, что он был любимцем жён и детей всех членов Политбюро.	Abram Belenky was just the head of Lenin's security and other members of the government. He respectfully maintained a service distance between himself and the guarded persons. And Pauker managed to occupy such a position that the members of the Politburo had to consider him almost equal to themselves. He concentrated in his hands providing them with food, clothing, cars, dachas; he not only satisfied their desires, but also knew how to kindle them. For members of the Politburo, he supplied from abroad the latest models of cars, thoroughbred dogs, rare wines and radios, for their wives he purchased dresses, silk fabrics, perfumes and many other things in Paris, so pleasing to a woman's heart, for their children he bought expensive toys. Pauker became something like Santa Claus, with the difference that he delivered gifts all year round. It is not surprising that he was the favorite of the wives and children of all members of the Politburo.
Вскоре обитатели Кремля перестали смотреть на Паукера лишь как на безотказного поставщика удовольствий. С ним начали считаться как с человеком, который знаком с личной жизнью кремлёвской верхушки и знает множество интимных деталей, способных подорвать престиж "вождей международного пролетариата". Например, Ворошилов, постоянно охраняемый людьми Паукера, не смог утаить от него, что его третья по счёту вилла, которая только что возникла по мановению паукеровской волшебной палочки, предназначена для восходящей звезды балета С. А связь другого члена Политбюро с женой некоего инженера, которого тот отправил в соловецкий концлагерь? А покушение супруги очень влиятельного члена Политбюро на самоубийство? А бурные семейные скандалы, происходящие на глазах молодчиков Паукера, охраняющих эти семьи? Как бы ни пыжились члены Политбюро, как бы ни изображали из себя суперменов, им было известно, чего всё это стоит в глазах Паукера.	Soon, the inhabitants of the Kremlin stopped looking at Pauker only as a trouble-free supplier of pleasure. They began to reckon with him as a person who is familiar with the personal life of the Kremlin elite and knows many intimate details that could undermine the prestige of the "leaders of the international proletariat." For example, Voroshilov, constantly guarded by Pauker's people, could not hide from him that his third villa, which had just appeared at the wave of Pauker's magic wand, was intended for the rising ballet star S. And the connection of another member of the Politburo with the wife of a certain engineer, whom he sent to the Solovetsky concentration camp? What about the suicide attempt by the wife of a very influential member of the Politburo? And what about the violent family scandals taking place in front of the Pauker thugs guarding these families? No matter how puffed up the members of the Politburo were, no matter how they pretended to be supermen, they knew what all this was worth in the eyes of Pauker.
Со Сталиным Паукер был даже более фамильярен, чем с прочими кремлёвскими сановниками. Он изучил сталинские вкусы и научился угадывать его малейшие желания. Заметив, что Сталин поглощает огромные количества грубоватой русской селёдки, Паукер начал заказывать из-за границы более изысканные сорта. Некоторые из них	With Stalin, Pauker was even more familiar than with other Kremlin dignitaries. He studied Stalin's tastes and learned to divine his slightest desires. Noticing that Stalin was devouring huge quantities of coarse Russian herring, Pauker began ordering more refined varieties from abroad. Some of them - the so-called "gabelbissen", the German

- так называемые "габельбиссен", немецкого посола - привели Сталина в восторг. Под эту закуску хорошо идёт русская водка; Паукер и тут не ударил в грязь лицом - он сделался постоянным собутыльником вождя. Приметив, что Сталин обожает непристойные шутки и антисемитские анекдоты, он позаботился о том, чтобы всегда иметь для него наготове их свежий запас. Как шут и рассказчик анекдотов он был неподражаем. Сталин, по природе угрюмый и не расположенный к смеху, мог смеяться до упаду.	ambassador - led Stalin to delight. Russian vodka goes well with this appetizer; Pauker did not lose face here either - he became the leader's constant drinking companion. Noticing Stalin's fondness for obscene jokes and anti-Semitic anecdotes, he made sure to always have a fresh supply ready for him. As a jester and teller of anecdotes, he was inimitable. Stalin, by nature gloomy and not in the mood for laughter, could laugh until he dropped.
Паукер подсмотрел, как внимательно Сталин вглядывается в своё отражение в зеркале, поправляя прическу, как он любовно приглаживает усы, - и заключил, что хозяин далеко не равнодушен к собственной внешности и совсем не отличается в этом от обычных смертных. И Паукер взял на себя заботу о сталинском гардеробе. Он проявил в этой области редкую изобретательность. Подметив, что Сталин, желая казаться повыше ростом, предпочитает обувь на высоких каблуках, Паукер решил нарастить ему ещё несколько сантиметров. Он изобрел для Сталина сапоги специального покроя с необычно высокими каблуками, частично спрятанными в задник. Натянув эти сапоги и став перед зеркалом, Сталин не скрыл удовольствия. Более того, он пошёл ещё дальше и велел Паукеру класть ему под ноги, когда он стоит на мавзолее, небольшой деревянный брусок. В результате таких ухищрений многие, видевшие Сталина издали или на газетных фотографиях, считали, что он среднего роста. В действительности его рост составлял лишь около 163 сантиметров. Чтобы поддержать иллюзию, Паукер заказал для Сталина длинную шинель, доходившую до уровня каблуков.	Pauker spied how attentively Stalin peered into his reflection in the mirror, straightening his hair, how he lovingly strokes his mustache, and concluded that the owner is far from indifferent to his own appearance and does not differ at all from ordinary mortals in this. And Pauker took care of the Stalinist wardrobe. He showed a rare ingenuity in this area. Noticing that Stalin, wanting to appear taller, prefers shoes with high heels, Pauker decided to increase him a few more centimeters. He invented for Stalin boots of a special cut with unusually high heels, partially hidden in the back. Pulling on these boots and standing in front of the mirror, Stalin did not hide his pleasure. Moreover, he went even further and told Pauker to put under his feet, when he stands on the mausoleum, a small block of wood. As a result of such tricks, many who saw Stalin from a distance or in newspaper photographs believed that he was of average height. In reality, his height was only about 163 centimeters. To maintain the illusion, Pauker ordered for Stalin a long overcoat that reached the level of heels.
Как бывший парикмахер Паукер взялся брить Сталина. До этого Сталин всегда выглядел плохо выбритым. Дело в том, что его лицо было покрыто оспинами и безопасная бритва, которой он привык пользоваться, оставляла мелкие волосяные островки, делавшие сталинскую физиономию ещё более рябой. Не решаясь довериться бритве парикмахера, Сталин, видимо, примирился с этим недостатком. Однако Паукеру он полностью доверял. Таким образом, Паукер оказался первым человеком с бритвенным лезвием в руке, кому вождь отважился подставить своё горло.	As a former hairdresser, Pauker undertook to shave Stalin. Prior to this, Stalin always looked badly shaven. The fact is that his face was covered with pockmarks and the safety razor that he used to use left small islands of hair that made the Stalinist physiognomy even more pockmarked. Not daring to trust the barber's razor, Stalin apparently resigned himself to this shortcoming. However, he completely trusted Pauker. Thus, Pauker was the first man with a razor blade in his hand, to whom the leader dared to expose his throat.
Абсолютно всё, что имело отношение к Сталину и его семье, проходило через руки Паукера. Без его ведома ни один кусок пищи не мог появиться на столе вождя. Без одобрения Паукера ни один человек не мог быть допущен в квартиру Сталина или на его	Absolutely everything that had to do with Stalin and his family passed through the hands of Pauker. Without his knowledge, not a single piece of food could appear on the table of the leader. Without Pauker's approval, not a single person could be admitted to Stalin's apartment or

загородную дачу. Паукер не имел права уйти от своих обязанностей ни на минуту, и только в полдень, доставив Сталина в его кремлёвский кабинет, он должен был мчаться в Оперативное управление ОГПУ доложить Менжинскому и Ягоде, как прошли сутки, и поделиться с приятелями последними кремлёвскими новостями и сплетнями.	to his country cottage. Pauker did not have the right to escape from his duties even for a minute, and only at noon, having delivered Stalin to his Kremlin office, he had to rush to the Operational Directorate of the OGPU to report to Menzhinsky and Yagoda how the day had passed, and to share with his friends the latest Kremlin news and gossip .
Паукер был очень разговорчив. Когда бы и где бы я ни натолкнулся на него, он неизменно с упоением рассказывал собеседникам, что происходит там, на заветном Олимпе.	Pauker was very talkative. Whenever and wherever I came across him, he invariably enthusiastically told his interlocutors what was happening there, on the cherished Olympus.
- Я из-за него поседел! - жаловался как-то Паукер своему заместителю Воловичу. - Это большое несчастье - иметь такого сына! - А я и не знал, что у тебя есть сын, - сказал я, удивлённый его словами.	- I'm gray because of him! Pauker once complained to his deputy Volovich. - It is a great misfortune to have such a son! "I didn't know you had a son," I said, surprised by his words.
- Да нет, я говорю о старшем сыне хозяина, - пояснил он. - За ним по пятам ходят четверо агентов, но это нисколько не помогает. Кончится тем, что хозяин велит его посадить! Паукер говорил о Якове Джугашвили, сыне Сталина от первого брака. Сталин ненавидел сына, тот платил ему тем же .	- No, I'm talking about the eldest son of the owner, - he explained. "There are four agents on his heels, but that doesn't help at all. It will end with the owner telling him to plant! Pauker spoke of Yakov Dzhugashvili, Stalin's son from his first marriage. Stalin hated his son, he paid him the same.
Выполняя самые деликатные сталинские поручения, Паукер постепенно стал едва ли не членом его семьи. Правда, Надежда Аллилуева относилась к нему холодно и сдержанно. Зато дети Сталина, Василий и Светлана, души в нём не чаяли.	Carrying out the most delicate Stalinist orders, Pauker gradually became almost a member of his family. True, Nadezhda Alliluyeva treated him coldly and with restraint. But the children of Stalin, Vasily and Svetlana, doted on him.
В 1932 или 1933 году произошел небольшой инцидент, в результате которого открылось тайное сталинское пристрастие и в то же время особо деликатный характер некоторых поручений, исполняемых Паукером. Дело было так. В Москву приехал из Праги чехословацкий резидент НКВД Смирнов (Глинский). Выслушав его служебный доклад, Слуцкий попросил его зайти к Паукеру, у которого имеется какое-то поручение, связанное с Чехословакией. Паукер предупредил Смирнова, что разговор должен остаться строго между ними. Он буквально ошарашил своего собеседника, вынув из сейфа и раскрыв перед ним альбом порнографических рисунков. Видя изумление Смирнова, Паукер сказал, что эти рисунки выполнены известным дореволюционным художником С. У русских эмигрантов, проживающих в Чехословакии, должны найтись другие рисунки подобного рода, выполненные тем же художником. Необходимо скупить по возможности все такие произведения С., но обязательно через посредников и таким образом, чтобы никто не смог догадаться, что они предназначаются для советского посольства. "Денег на это не жалейте", - добавил Паукер.	In 1932 or 1933 there was a small incident which revealed the secret Stalinist predilection and, at the same time, the particularly delicate nature of some of the assignments carried out by Pauker. Here is how it was. The Czechoslovak resident of the NKVD Smirnov (Glinsky) arrived in Moscow from Prague. After listening to his official report, Slutsky asked him to go to Pauker, who had some kind of assignment related to Czechoslovakia. Pauker warned Smirnov that the conversation should remain strictly between them. He literally stunned his interlocutor by taking out an album of pornographic drawings from the safe and opening it in front of him. Seeing Smirnov's amazement, Pauker said that these drawings were made by the famous pre-revolutionary artist S. Russian emigrants living in Czechoslovakia should have other drawings of a similar kind made by the same artist. It is necessary to buy, if possible, all such works by S., but always through intermediaries and in such a way that no one can guess that they are intended for the Soviet embassy. "Spare no money on this," Pauker added.

Смирнов, выросший в семье ссыльных революционеров, вступивший в партию ещё в царское время, был неприятно поражён тем, что Паукер позволяет себе обращаться к нему с таким заданием, и отказался его выполнять. Крайне возмущенный, он рассказал об этом эпизоде нескольким друзьям. Однако Слуцкий быстро погасил его негодование, предупредив ещё раз, чтобы Смирнов держал язык за зубами: рисунки приобретаются для самого хозяина! В тот же день Смирнов был вызван к заместителю наркома внутренних дел Агранову, который с нажимом повторил тот же совет. Значительно позднее старый приятель Ягоды Александр Шанин, чьим заместителем я был назначен в 1936 году, рассказал мне, что Паукер скупает для Сталина подобные произведения во многих странах Запада и Востока.	Smirnov, who grew up in a family of exiled revolutionaries, who joined the party back in tsarist times, was unpleasantly surprised that Pauker allowed himself to turn to him with such a task, and refused to carry it out. Extremely indignant, he told several friends about the episode. However, Slutsky quickly extinguished his indignation, warning once again that Smirnov kept his mouth shut: the drawings were purchased for the owner himself! On the same day, Smirnov was summoned to the Deputy People's Commissar of Internal Affairs, Agranov, who repeated the same advice with pressure. Much later, Yagoda's old friend Alexander Shanin, whose deputy I was appointed in 1936, told me that Pauker was buying up similar works for Stalin in many countries of the West and East.
За верную службу Сталин щедро вознаграждал своего незаменимого помощника. Он подарил ему две машины - лимузин "кадиллак" и открытый "линкольн" - и наградил его целыми шестью орденами, в том числе орденом Ленина. Но существование Паукера трудно было назвать счастливым. Он часто плакался друзьям, что у него нет личной жизни, и вообще он никогда не располагает собой. Что верно, то верно. Когда бы он ни понадобился Сталину - а это могло случиться в любое время суток - он должен был оказаться на месте или во всяком случае где-то поблизости. Что бы ни происходило в Москве - железнодорожная катастрофа или пожар, внезапная смерть члена правительства или оползень при прокладке туннеля метро - люди Паукера должны были первыми прибыть на место происшествия, а от самого Паукера требовалось немедленно и точно со всеми подробностями доложить Сталину, что случилось.	For faithful service, Stalin generously rewarded his indispensable assistant. He gave him two cars - a Cadillac limousine and an open Lincoln - and awarded him six orders, including the Order of Lenin. But the existence of Pauker could hardly be called happy. He often cried to his friends that he had no personal life, and in general he never had himself. What's right is right. Whenever Stalin needed him - and this could happen at any time of the day - he had to be on the spot, or at least somewhere nearby. Whatever happened in Moscow - a railway accident or a fire, the sudden death of a member of the government or a landslide while laying a subway tunnel - Pauker's people had to be the first to arrive on the scene, and Pauker himself was required to immediately and accurately report to Stalin what had happened.
Однако жизнь, которую вёл Паукер, имела, на его взгляд, и светлые стороны. Существовали удовольствия, которые только он мог позволить себе. Так, у него было особое пристрастие к военной форме, забавлявшее его приятелей и вызывающее немало насмешек. Во время военных парадов на Красной площади Паукер выглядел опереточным персонажем. Затянутый в корсет, скрывавший его круглое брюшко, он стоял на ступеньках мавзолея в ядовито-синих галифе и сияющих сапогах из лакированной кожи, наподобие тех, какие в царское время носили полицейские.	However, the life that Pauker led, in his opinion, had bright sides. There were pleasures that only he could afford. So, he had a special fondness for military uniforms, which amused his friends and caused a lot of ridicule. During military parades on Red Square, Pauker looked like an operetta character. Tucked into a corset that hid his round belly, he stood on the steps of the mausoleum in poisonous blue breeches and shining patent leather boots, like those worn by policemen in tsarist times.
Когда же разряженный Паукер катил по Москве в своём открытом автомобиле, беспрерывно сигналя особым клаксоном, милиционеры перекрывали движение и застывали навытяжку. Виновник	When the discharged Pauker rolled around Moscow in his open car, constantly signaling with a special horn, the policemen blocked the traffic and froze at attention. The originator of the commotion, filled

переполоха, преисполненный сознанием важности своей персоны, пытался придать своей незначительной физиономии суровое выражение и грозно таращил глаза.	with consciousness of the importance of his person, tried to give his insignificant physiognomy a stern expression and menacingly goggled.
Ещё одной слабостью Паукера был театр. Когда удавалось выкроить свободный часок, он появлялся в своей персональной ложе в оперном театре, а в антракте проходил за кулисы, встречаемый аплодисментами актеров. Должно быть, только в такие минуты Паукеру могло прийти в голову, каким в сущности фантастичным оказался его жизненный путь - от незаметного парикмахера будапештской оперетты до высокопоставленного сталинского сановника, чьей благосклонности домогаются все московские театральные знаменитости.	Another weakness of Pauker was theater. When he managed to carve out a free hour, he appeared in his personal box at the opera house, and during the intermission he went backstage, met with applause from the actors. It must have been only at such moments that Pauker could have imagined how fantastic his life path turned out to be - from the inconspicuous hairdresser of the Budapest operetta to the high-ranking Stalinist dignitary, whose favor all Moscow theatrical celebrities coveted.
Как-то вечером, сидя с Паукером за бутылкой, Сталин получил от наркома иностранных дел сообщение, что Чан Кай-ши начал массовые аресты китайских коммунистов и что китайские власти произвели обыск советского посольства в Пекине (дело происходило в 1927 году). Эти акции были вызваны близорукой политикой, проводившейся Сталиным в отношении Китая, и его лицемерным заигрыванием с Гоминьданом. Сталин был взбешён' "двурушничеством" Чан Кай-ши и приказал Паукеру арестовать всех китайцев, проживающих в Москве.	One evening, while drinking a bottle with Pauker, Stalin received a message from the People's Commissar for Foreign Affairs that Chiang Kai-shek had begun mass arrests of Chinese Communists and that the Chinese authorities had searched the Soviet embassy in Beijing (this took place in 1927). These actions were prompted by Stalin's short-sighted China policy and his hypocritical flirting with the Kuomintang. Stalin was enraged by Chiang Kai-shek's "double dealing" and ordered Pauker to arrest all the Chinese living in Moscow.
- А как быть с китайским посольством? - поинтересовался Паукер.	- And what about the Chinese embassy? Pauker asked.
- За исключением посольских, забирай любого китайца! - уточнил Сталин. - К утру все до одного московские китайцы должны сидеть! Паукер пустился исполнять приказ. Он мобилизовал всех сотрудников ОГПУ, кого только мог найти, и трудился ночь напролёт, хватая любого китайца, попадавшегося в руки, начиная с владельцев прачечных и кончая старым профессором, преподававшим китайский язык в Военной академии.	- With the exception of the embassy, take any Chinese! - Stalin clarified. - By morning, every one of the Moscow Chinese should be in jail! Pauker started to carry out the order. He mobilized every OGPU he could find and toiled through the night picking up any Chinese he could get his hands on, from laundry owners to an old professor who taught Chinese at the Military Academy.
Наутро Паукер предстал перед Сталиным с докладом о том, что приказ выполнен. За завтраком он веселил Сталина, пересказывая ему смешные эпизоды, которыми сопровождалась операция. При этом он комично изображал испуг захваченных врасплох китайцев, имитируя их забавное произношение.	The next morning, Pauker appeared before Stalin with a report that the order had been carried out. At breakfast, he amused Stalin, retelling him the funny episodes that accompanied the operation. At the same time, he comically portrayed the fright of the Chinese taken by surprise, imitating their funny pronunciation.
Спустя несколько часов, когда утомившийся Паукер спал в своём кабинете в ОГПУ, личный секретарь Сталина поднял его с постели телефонным звонком и сообщил, что "хозяин" немедленно хочет его видеть. При этом секретарь доверительно предупредил, что хозяин не в духе.	A few hours later, when the tired Pauker was sleeping in his office at the OGPU, Stalin's personal secretary woke him up from his bed with a phone call and said that the "master" wanted to see him immediately. At the same time, the secretary confidentially warned that the owner was not in a good mood.

Как оказалось, один из руководителей Коминтерна, если не ошибаюсь, Пятницкий, позвонил в сталинский секретариат и спросил, известно ли Сталину, что этой ночью арестованы все китайцы, работающие в Коминтерне, и студенты китайской национальности, обучающиеся в Коммунистическом университете трудящихся Востока.	As it turned out, one of the leaders of the Comintern, if I am not mistaken, Pyatnitsky, called the Stalin secretariat and asked if Stalin knew that all the Chinese working in the Comintern and students of Chinese nationality studying at the Communist University of the Working People of the East were arrested that night.
- Значит, ты всех китайцев арестовал? - спросил Сталин, едва Паукер вошёл к нему в кабинет.	- So you arrested all the Chinese? Stalin asked as soon as Pauker entered his office.
Подозревая, что случилось неладное, и не догадываясь, в чём дело, Паукер ответил, что старался не упустить ни одного.	Suspecting that something was wrong, and not guessing what was the matter, Pauker replied that he tried not to miss a single one.
- Ты в этом уверен? - зловеще допытывался Сталин. Паукер подтвердил: да, уверен.	- Are you sure? Stalin asked ominously. Pauker confirmed: yes, I'm sure.
- А этих из Коминтерна... и китайских студентов? Ты тоже забрал? - Ну конечно, Иосиф Виссарионович! - воскликнул Паукер. - Я забирал их прямо из постели...	- And these from the Comintern ... and Chinese students? Did you take it too? - Well, of course, Joseph Vissarionovich! Pauker exclaimed. - I took them straight out of bed...
Не успел Паукер окончить фразу, как почувствовал сильный удар по лицу.	Before Pauker could finish his sentence, he felt a strong blow to his face.
- Дурак! - выкрикнул Сталин. - Отпусти их немедленно! Паукер выскочил как ошпаренный.	- Fool! shouted Stalin. - Release them immediately! Spider jumped out like a scalded.
После этого инцидента Сталину пришлось задуматься, как быть дальше с Паукером. Как правило, Сталин обращался с личной охраной вежливо и корректно, зная, что обиженный охранник, имеющий доступ к его персоне, может представлять большую опасность. Паукер как начальник всей охраны опасен вдвойне. Стоит ли полагаться на него по-прежнему после всего, что произошло? Рассуждая логически, Паукера надо бы сменить. Но Сталин так привык к его услугам и его обществу, так к нему расположен, что расстаться с ним будет очень трудно. Конечно, если Паукер остается на своей должности, то первым делом необходимо загладить обиду, нанесенную ему этой неожиданной пощечиной.	After this incident, Stalin had to think about what to do next with Pauker. As a rule, Stalin treated his bodyguards politely and correctly, knowing that an offended guard who had access to his person could be a great danger. Pauker, as the head of all security, is doubly dangerous. Should we still rely on him after everything that happened? Logically speaking, Pauker should be replaced. But Stalin was so accustomed to his services and his company, so disposed towards him, that it would be very difficult to part with him. Of course, if Pauker remains in his position, then the first thing to do is to make amends for the offense inflicted on him by this unexpected slap in the face.
Освободив всех китайских коммунистов, Паукер возвратился в свой кабинет в ОГПУ и просидел там до ночи, не зная, ехать ли ему в Кремль, чтобы проводить Сталина на загородную дачу, или ждать, пока Сталин сам его вызовет. Похоже, что его положение сильно пошатнулось.	Having freed all the Chinese Communists, Pauker returned to his office at the OGPU and sat there until night, not knowing whether he should go to the Kremlin to see Stalin off to his country dacha, or wait for Stalin himself to summon him. It seems that his position is greatly shaken.
В час ночи на столе у Паукера зазвонил кремлёвский телефон. В трубке мягко журчал необычно любезный голос Сталина: "хозяин" удивлялся, почему Паукер не заезжает за ним. Счастливый Паукер полетел в Кремль.	At one o'clock in the morning, the Kremlin phone rang on Pauker's desk. Stalin's unusually amiable voice murmured softly in the receiver: the "owner" wondered why Pauker did not call for him. Happy Pauker flew to the Kremlin.

Секретари Сталина встретили его игривыми улыбками и громкими поздравлениями. "В чём дело?" - "Узнаете у хозяина!" Сталин подал вошедшему Паукеру коробочку, в которой лежал орден Красного знамени, и, пожимая ему руку, вручил также копию указа ЦИКа, гласившего, что Паукер награждается "за образцовое выполнение важного задания". Работники ОГПУ злословили по этому поводу, что Паукеру полагалось бы носить орден не на груди, а на пострадавшей щеке.	Stalin's secretaries greeted him with playful smiles and loud congratulations. "What's the matter?" - "Learn from the owner!" Stalin gave Pauker, who entered, a box containing the Order of the Red Banner, and, shaking his hand, also handed him a copy of the Central Executive Committee's decree stating that Pauker was being awarded "for exemplary performance of an important task." The OGPU workers slandered on this occasion that Pauker should have worn the order not on his chest, but on his injured cheek.
Паукер был очень экспансивным человеком, и ему трудно бывало удержаться и не рассказать приятелям тот или иной эпизод из жизни "хозяина". Мне казалось, что Паукеру, вероятно, даже не приходит в голову, что вещи, которые он рассказывает, дискредитируют его патрона. Он так слепо обожал Сталина, так уверовал в его неограниченную власть, что даже не сознавал, как выглядят сталинские поступки, если подходить к ним с обычными человеческими мерками.	Pauker was a very expansive person, and it was difficult for him to resist telling his friends this or that episode from the life of the "master". It seemed to me that it probably didn't occur to Pauker that the things he was saying were discrediting his patron. He so blindly adored Stalin, so believed in his unlimited power, that he did not even realize what Stalin's actions look like, if you approach them with ordinary human standards.
Истории, которые Паукер рассказывал про Сталина, можно разделить на три группы. Во-первых, истории о его жестокости, под рубрикой "О, когда он выйдет из себя!.."; во-вторых, о его политических интригах - "А как он обвел их вокруг пальца!.."; в-третьих, о том, как он ценит Паукера, - "Отличная работа, Паукер!.." Мне довелось слышать множество таких историй; перескажу пару наиболее характерных.	The stories that Pauker told about Stalin can be divided into three groups. First, stories about his cruelty, under the heading "Oh, when he loses his temper! .."; secondly, about his political intrigues - "And how he circled them around his finger! .."; thirdly, about how he appreciates Pauker - "Great work, Pauker! .." I happened to hear many such stories; I will retell a couple of the most characteristic.
В первой половине июня 1932 года Сталин в сопровождении Паукера и многочисленной личной охраны прибыл на отдых в свою резиденцию на Черноморском побережье, недалеко от Сочи. Паукер оставался при нём несколько дней, а затем был послан в Гагры осмотреть новую виллу, выстроенную по приказу Берия в качестве подарка Сталину от Грузинской республики. Там Паукеру пришлось заночевать. По возвращении в Сочи он узнал об эпизоде, который произошел в его отсутствие и был им зачислен в разряд историй "О, когда он выйдет из себя!" - Этой ночью Сталин проснулся оттого, что где-то поблизости выла собака. Встав с постели и подойдя к окну, он спросил: "Что за собака там воет, спать не дает?" Охранники, дежурившие снаружи, отвечали, что это собака с соседней дачи. "Разыщите её и пристрелите, она мешает мне спать!" - грубо приказал Сталин и захлопнул окно. Наутро он встал в хорошем настроении и принялся за завтрак, но за столом вспомнил о злополучной собаке и спросил старшего охранника: - Пристрелили собаку? - Собака ушла,	In the first half of June 1932, Stalin, accompanied by Pauker and numerous bodyguards, arrived at his residence on the Black Sea coast, not far from Sochi, to rest. Pauker stayed with him for several days, and then was sent to Gagra to inspect a new villa built on the orders of Beria as a gift to Stalin from the Georgian Republic. There Pauker had to spend the night. Upon his return to Sochi, he learned about the episode that occurred in his absence and was included in the category of stories "Oh, when he loses his temper!" - That night, Stalin woke up because a dog was howling somewhere nearby. Getting out of bed and going to the window, he asked: "What kind of dog howls there, does not let you sleep?" The guards on duty outside answered that it was a dog from a neighboring dacha. "Look for her and shoot her, she disturbs my sleep!" Stalin ordered rudely and slammed the window. The next morning he got up in a good mood and started eating breakfast, but at the table he remembered the ill-fated dog and asked the senior guard: - Did you shoot the dog? - The dog is gone, Iosif Vissarionovich, - the guard answered.

Иосиф Виссарионович, - ответил охранник.	
- Вы пристрелили собаку? - повторил Сталин.	- Did you shoot the dog? Stalin repeated.
- Собаку увели в Гагры, - сказал охранник и пояснил, что это была овчарка, специально обученная водить слепого. Её привёз из Германии сотрудник наркомата земледелия, и теперь она служит проводником его слепому отцу, старому большевику. Старик с собакой уже удалены отсюда.	- The dog was taken to Gagra, - the guard said and explained that it was a shepherd dog specially trained to lead a blind man. She was brought from Germany by an employee of the People's Commissariat for Agriculture, and now she serves as a guide to his blind father, an old Bolshevik. The old man and the dog have already been removed from here.
Сталин рвал и метал. "Сейчас же верните их сюда!" - крикнул он в бешенстве. Испуганный охранник тут же связался по телефону с пограничным постом ОГПУ по дороге на Гагры, и старик с собакой были доставлены в сталинскую резиденцию. Сталин, которому доложили об этом, вышел в сад. Неподалёку действительно стоял слепой старик, держа собаку на поводке.	Stalin tore and metal. "Now bring them back here!" he shouted furiously. The frightened guard immediately telephoned the OGPU border post on the road to Gagra, and the old man and the dog were taken to the Stalinist residence. Stalin, who was informed about this, went out into the garden. There was indeed a blind old man standing nearby, holding a dog on a leash.
- Приказы даются, чтобы их выполнять, - заметил Сталин. - Отведите собаку подальше и пристрелите её!..	“Orders are given to be carried out,” Stalin remarked. - Take the dog away and shoot it! ..
Охранники хотели тут же забрать собаку, но она ощетинилась и зарычала. Им пришлось потребовать, чтобы старик пошёл с ними, - тогда пошла и она. Сталин не уходил в дом, пока из дальнего конца сада не донеслись два выстрела.	The guards wanted to immediately take the dog away, but it bristled and growled. They had to demand that the old man go with them - then she went too. Stalin did not go into the house until two shots were fired from the far end of the garden.
Другой характерный эпизод, также неоднократно повторяемый Паукером со всеми подробностями, относится всё к той же серии "О, когда он выйдет из себя!" Однажды, проводя отпуск в Сочи, Сталин совершил небольшую поездку вдоль побережья на юг, в направлении Батуми, и на несколько дней задержался в одной из правительственных резиденций, где грузинские, власти устроили в его честь банкет. Среди многочисленных национальных блюд было подано какое-то особенное - мелкая рыбёшка, которую грузинские повара варят, бросая живьём в кипящее масло. Как знаток грузинской кухни Сталин похвалил это блюдо, но тут же со вздохом заметил, что вот такие-то и такие сорта рыб, приготовленные так-то и так, несравненно вкуснее.	Another characteristic episode, also repeatedly repeated by Pauker in full detail, refers to the same series "Oh, when he loses his temper!" One day, while on holiday in Sochi, Stalin made a short trip south along the coast, towards Batumi, and stayed for several days at one of the government residences, where the Georgian authorities held a banquet in his honor. Among the numerous national dishes, something special was served - a small fish, which Georgian cooks boil, throwing it alive into boiling oil. As a connoisseur of Georgian cuisine, Stalin praised this dish, but immediately noticed with a sigh that such and such varieties of fish cooked in such and such a way are incomparably tastier.
Паукер, радуясь, что представляется ещё один случай угодить Сталину, немедля заявил, что завтра же это блюдо будет на столе. Однако один из гостей, завзятый рыболов, возразил, что едва ли это получится, потому что этот вид рыб в это время года скрывается на дне озёр и не показывается на поверхности.	Pauker, rejoicing that another opportunity presented itself to please Stalin, immediately announced that tomorrow this dish would be on the table. However, one of the guests, an inveterate fisherman, objected that this would hardly work, because this kind of fish at this time of the year hides at the bottom of the lakes and does not appear on the surface.
- Чекисты должны уметь достать всё и вся, даже со дна, - поощрительно откликнулся Сталин.	“Chekists should be able to get anything and everything, even from the bottom,” Stalin responded encouragingly.

Эта фраза прозвучала как вызов профессиональной смекалке чекистов, и ближайшей ночью группа сталинских охранников с несколькими грузинами-проводниками отправилась в горы, где было озеро, кишащее рыбой. Они волокли с собой ящик ручных гранат. На рассвете соседнюю с озером деревню разбудил грохот взрывов. Жители деревни бросились к озеру, бывшему единственным источником их пропитания, и увидели, что его поверхность покрыта тысячами мёртвых и оглушённых рыб. Люди Паукера с лодок и с берега вглядывались в воду, высматривая нужную им рыбёшку.	This phrase sounded like a challenge to the professional ingenuity of the Chekists, and the next night a group of Stalinist guards with several Georgian guides went to the mountains, where there was a lake teeming with fish. They dragged a box of hand grenades with them. At dawn, the village next to the lake was awakened by the roar of explosions. The villagers rushed to the lake, which was their only source of food, and saw that its surface was covered with thousands of dead and stunned fish. Pauker's men from the boats and from the shore peered into the water, looking for the fish they needed.
Население деревни запротестовало и потребовало, чтобы грабители убирались подобру-поздорову. Но чекисты, не обращая на это внимания, продолжали глушить рыбу гранатами. Чтобы защитить свою собственность, деревенские жители набросились на незваных гостей, рассыпавшихся вдоль берега. Некоторые сбегали в деревню и вернулись с вилами и охотничьими ружьями. Впрочем, до перестрелки дело не дошло. После короткой стычки, в которой с деревенской стороны участвовали в основном женщины, чекисты отправились восвояси.	The population of the village protested and demanded that the robbers clean up as well as they could. But the Chekists, not paying attention to this, continued to kill the fish with grenades. To protect their property, the villagers attacked the intruders scattered along the shore. Some fled to the village and returned with pitchforks and hunting rifles. However, it did not come to a shootout. After a short skirmish, in which mostly women participated from the village side, the Chekists went home.
Вернувшиеся на виллу охранники выглядели, довольно жалко: у одного было расцарапано лицо, у другого заплыл глаз, кому-то оторвали рукав. В корзине с рыбой нашлась всего пара рыбок того сорта, какой нравился Сталину...	The guards who returned to the villa looked rather pitiful: one had a scratched face, another had a swollen eye, someone had their sleeve torn off. In the basket with fish, there were only a couple of fish of the variety that Stalin liked ...
Узнав о том, что произошло, Сталин приказал грузинским "органам" арестовать всех жителей деревни, за исключением детей и дряхлых стариков, и сослать их в Казахстан за "антиправительственный мятеж".	Upon learning of what had happened, Stalin ordered the Georgian "organs" to arrest all the inhabitants of the village, with the exception of children and decrepit old people, and exile them to Kazakhstan for "anti-government rebellion."
- Мы им покажем, чьё это озеро! - злорадно произнёс "отец народов".	- We'll show them whose lake it is! - the "father of peoples" said maliciously.
В подготовке московских процессов Паукер не участвовал. Охрана Сталина и других членов Политбюро считалась гораздо более важным делом. Но, полагая, что сотрудники НКВД, причастные к процессам, получат ордена, Паукер решил внести и свою лепту и таким образом тоже заслужить орден. Он вызвался лично произвести арест некоторых бывших оппозиционеров.	Pauker did not participate in the preparation of the Moscow trials. The protection of Stalin and other members of the Politburo was considered a much more important matter. But, believing that the NKVD officers involved in the processes would receive orders, Pauker decided to make his own contribution and thus also deserve the order. He volunteered to personally arrest some of the former oppositionists.
Летом 1937 года, когда большинство руководителей НКВД уже было арестовано, в парижском кафе я случайно встретил одного тайного агента Иностранного управления. Это был некий Г. - венгр по национальности, старый приятель Паукера. Я считал, что он только что прибыл из Москвы и хотел узнать последние новости о тамошних	In the summer of 1937, when most of the leaders of the NKVD had already been arrested, I happened to meet a secret agent of the Foreign Directorate in a Parisian cafe. It was a certain G. - a Hungarian by nationality, an old friend of Pauker. I believed that he had just arrived from Moscow and wanted to know the latest news about the arrests

арестах. Присел к его столику.	there. Sat down at his table.
- Как там Паукер, с ним всё в порядке? - осведомился я в шутку, будучи абсолютно уверен, что аресты никак не могут коснуться Паукера.	- How is Pauker, is he all right? I inquired jokingly, being absolutely sure that the arrests could not touch Pauker in any way.
- Да как вы можете! - оскорбился венгр, возмущённый до глубины души. - Паукер для Сталина значит больше, чем вы думаете. Он Сталину ближе, чем друг... ближе брата!..	- Yes, how can you! - offended the Hungarian, indignant to the core. - Pauker means more to Stalin than you think. He is closer to Stalin than a friend ... closer than a brother! ..
Г., кстати, рассказал мне о таком эпизоде. 20 декабря 1936 года, в годовщину основания ВЧК-ОГПУ-НКВД Сталин устроил для руководителей этого ведомства небольшой банкет, пригласив на него Ежова, Фриновского, Паукера и нескольких других чекистов. Когда присутствующие основательно выпили, Паукер показал Сталину импровизированное представление. Поддерживаемый под руки двумя коллегами, игравшими роль тюремных охранников, Паукер изображал Зиновьева, которого ведут в подвал расстреливать. "Зиновьев" беспомощно висел на плечах "охранников" и, волоча ноги, жалобно скулил, испуганно поводя глазами. Посередине комнаты "Зиновьев" упал на колени и, обхватив руками сапог одного из "охранников", в ужасе завопил: "Пожалуйста... ради Бога, товарищ... вызовите Иосифа Виссарионовича!" Сталин следил за ходом представления, заливаясь смехом. Гости, видя, как ему нравится эта сцена, наперебой требовали, чтобы Паукер повторил её. Паукер подчинился. На этот раз Сталин смеялся так неистово, что согнулся, хватаясь за живот. А когда Паукер ввёл в своё представление новый эпизод и, вместе того чтобы падать на колени, выпрямился, простёр руки к потолку и закричал: "Услышь меня, Израиль, наш Бог есть Бог единый!" - Сталин не мог больше выдержать и, захлёбываясь смехом, начал делать Паукеру знаки прекратить представление.	G., by the way, told me about such an episode. On December 20, 1936, on the anniversary of the founding of the VChK-OGPU-NKVD, Stalin arranged a small banquet for the leaders of this department, inviting Yezhov, Frinovsky, Pauker and several other Chekists to it. When those present thoroughly drank, Pauker showed Stalin an impromptu performance. Supported by the arms of two colleagues who played the role of prison guards, Pauker portrayed Zinoviev, who was taken to the basement to be shot. "Zinoviev" hung helplessly on the shoulders of the "guards" and, dragging his feet, whimpered plaintively, moving his eyes in fright. In the middle of the room, "Zinoviev" fell to his knees and, clasping the boots of one of the "guards" with his hands, yelled in horror: "Please ... for God's sake, comrade ... call Joseph Vissarionovich!" Stalin followed the performance, bursting into laughter. The guests, seeing how much he liked this scene, vying with each other demanded that Pauker repeat it. Pauker complied. This time, Stalin laughed so furiously that he doubled over, clutching his stomach. And when Pauker introduced a new episode into his performance and, instead of falling to his knees, he straightened up, stretched out his hands to the ceiling and shouted: "Hear me, Israel, our God is one God!" - Stalin could not stand it any longer and, choking with laughter, began to make signs to Pauker to stop the performance.
В июле 1937 года к нам за границу дошли слухи, будто Паукер снят с должности начальника сталинской охраны. В конце года я узнал, что сменено руководство всей охраны Кремля. Тогда мне ещё представлялось, что Сталин пощадит Паукера, который не только пришёлся ему по нраву, но и успешно оберегал его жизнь целых пятнадцать лет. Однако и на этот раз не стоило ждать от Сталина проявления человеческих чувств. Когда в марте 1938 года, давая показания на третьем московском процессе, Ягода сказал, что Паукер был немецким шпионом, я понял, что Паукера уже нет в живых.	In July 1937, rumors reached us abroad that Pauker had been removed from the post of head of the Stalinist guards. At the end of the year, I learned that the leadership of the entire Kremlin guard had been changed. Then it still seemed to me that Stalin would spare Pauker, who not only fell in love with him, but also successfully protected his life for fifteen whole years. However, this time it was not worth waiting for the manifestation of human feelings from Stalin. When, in March 1938, while giving evidence at the third Moscow trial, Yagoda said that Pauker was a German spy, I realized that Pauker was no longer alive.